

Христианнейший король:

образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.)

С.А. Польская

С.А. Польская

Христианнейший король:

образы власти
в репрезентативных
стратегиях французской
монархии (IX–XV вв.)

Svetlana Polskaya

Roi Très Chrétien:

**Images de gouvernement
représentatif dans les stratégies
de la monarchie
française (IX-XV siècles)**

Centre pour les initiatives humanitaires
Moscou - Saint-Pétersbourg
2017

С.А. Польская

Христианнейший
король:
образы власти
в репрезентативных
стратегиях французской
монархии (IX–XV вв.)

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(44) (02) (100-87) (09)

ББК 63.3 (4 Фра)

П53

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор А.Г. Глебов
доктор филологических наук, профессор П.И. Мартенсон

Польская С.А.

П53 Христианнейший король: образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX—XV вв.) / С.А. Польская. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 496 с. — ил. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-726-1 (в пер.)

В монографии рассматривается актуальный для современной исторической науки комплекс проблем репрезентации высшей политической власти в средневековой Франции на протяжении длительного времени: от позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Исследование построено на анализе разнообразных источников (коронационных *ordines*, законодательных документов и актового материала, юридических, политических, исторических и богословских трактатов, реестров и описей аббатств), в том числе протоколов инаугурационных церемоний французской монархии, благодаря привлечению которых удалось рассмотреть итоги реализации ее публично-правовой функции. Особое внимание уделено анализу символов и образов власти, а также становления и развития королевского культа, опыта понимания его сакральной природы вплоть до наступления эпохи абсолютизма, матримониальных стратегий и трансформации французской модели за пределами королевства.

Для историков-медиевистов, политологов, юристов, культурологов, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98712-726-1

© Польская С.А., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Памяти моей бабушки

Оглавление

От автора	9
-----------------	---

Глава I. Королевское посвящение

§ 1. «...Прими власть как испытание...»: Королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков	13
§ 2. Французский монарх, Церковь и Двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения.....	39
§ 3. Иерархия светских и духовных пэров в процедуре инаугурационной церемонии французской монархии (IX—XIV вв.).....	60

Глава II. Публично-правовая функция королевской власти

§ 1. Судья высшей инстанции: право королевского помилования в средневековой Франции (от <i>rémissions</i> к <i>abolitions</i>)	79
§ 2. «...Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: правовое обоснование сакральной функции королевской власти (IX—XIV вв.).....	98
§ 3. Церемония королевского въезда в Париж в XIII—XV вв.	114

Глава III. Хинкмар Реймский и формирование основ королевского культа

§ 1. Хинкмар, архиепископ Реймский.....	139
---	-----

Глава IV. Аббатство Сен-Дени: средоточие *le religion royal*

§ 1. Дары, инсигнии и мощи Людовика IX Святого в сокровищнице аббатства Сен-Дени (по материалам описей).....	163
§ 2. Опись сокровищницы аббатства Сен-Дени 1666 г.	173

Глава V. Карл V Мудрый и расширение потестарных стратегий монархии

§ 1. Уроки кризиса: легитимизация принципа неотчуждаемости земель французской короны в эпоху Столетней войны.....	195
§ 2. Потестарные стратегии Карла V: статус «людей войны»	231
§ 3. Монарх перед посвящением: предписания <i>ordo</i> Карла V.....	247
§ 4. Инаугурационная церемония и коронационный <i>ordo</i> Карла V 1364 г.	265

Глава VI. Символы и образы власти

- § 1. Комплекс французских королевских регалий и формирование образа *rex christianissimus*..... 297
- § 2. Семантика цвета в образе власти французской средневековой монархии..... 329
- § 3. «...Прославлено и освящено величие Давидово...»: ветхозаветные коннотации образа власти в коронационном *ordo* французской монархии 1364 г. 356

Глава VII. Традиции историописания королевского дома эпохи абсолютизма

- § 1. «...Французы на самом деле по происхождению германцы ...»: основы национальной истории в описании Жана Дю Тийе..... 365
- § 2. Время власти под властью времени: принцип хронологии королевского правления в трактатах французских юристов XVI—XVII вв. 383

Глава VIII. Матримониальные стратегии власти

- § 1. Юдифь Французская..... 405
- § 2. Венгерские принцессы и французская корона: матримониальные стратегии Арпадов (вторая половина XIII—начало XIV в.)..... 411

Глава IX. Королевское посвящение за пределами Франции: акценты влияния

- § 1. *Ordo* Майнца 960 г. 421
- § 2. *Osoba panska umiera, korona nie umiera*: французские коннотации польского политического церемониала..... 431

Заключение..... 441

Библиография 445

Указатель имен..... 479

Résumé..... 490

От автора

Настоящее издание представляет собой сборник научных трудов, написанных автором в разное время, но объединенных общей темой — интерпретацией образов власти средневековой Франции. Обращение к ключевым проблемам развития потестарных идей и практик средневекового Запада и, главное, их доступное, но отнюдь не исчерпанное исследование на протяжении ряда лет стало возможно благодаря исключительно ценному общению с авторитетным отечественным медиевистом Ниной Александровной Хачатурян — учителем, благожелательным критиком и вдохновителем. Не менее продуктивным стало обсуждение различных проблем и сюжетов политической культуры средневековой Франции с российскими и зарубежными коллегами.

Представленный материал разделен на девять глав, каждая из которых содержит параграфы, посвященные определенному кругу проблем. При этом последовательность материала не учитывает хронологию публикации, отдавая предпочтение целостности рубрики. В первой главе исследуется процедура инаугурационной церемонии — *le sacre royal*. Ее формирование прослежено от IX в. (времени появления первых протоколов, т.н. *ordines*) до второй половины XIV в., когда она претерпела существенные изменения. Дополняет данный раздел и одновременно связывает с последующими главами проблема ролевых акцентов, иерархической заданности в ходе процедуры самой главной репрезентационной стратегии французской короны.

Во второй главе прослеживается реализация публично-правовой составляющей происхождения королевской власти, напрямую следующей из ее сакральной природы. Церемония королевского помилования, формирование соответствующей прерогативы (*le droit de grâce royale*), расширение правового поля обоснования сакральной природы власти монарха, анализ процедурной стороны последующей за инаугурацией церемонии королевского въезда (*l'entrée royale*) в Париж — такова в данном случае основа второй сюжетной линии.

Обе они реализовались благодаря деятельности Хинкмара Реймского, чьи достижения в указанном направлении настолько значимы, что творчеству архиепископа, давшего мощный импульс формированию основ королевского культа, отведена третья глава монографии. Возглавляемое им аббатство Сен-Реми в центре Шампани и Реймский собор Нотр-Дам стали одними из точек «сакральной географии» будущего Французского королевства.

Встречным «местом силы» выступило аббатство Сен-Дени — королевский некрополь, хранилище регалий и иных ценностей монархии. Особую роль в формировании и пополнении сокровищницы сыграл, как известно, Людовик IX. Привезенным дарам святого короля и созданным в его правление инсигниям, а также всем хранящимся в сокровищнице ценностям (в виде снабженного комментариями перевода описи 1666 г.) посвящена четвертая глава.

Затем исследования фокусируются на фигуре Карла V Валуа, в правление которого потестарные стратегии монархии претерпевают существенные изменения по ряду направлений: формируется новый коронационный *ordo* (его перевод, сопровождаемый подробными комментариями, приведен в конце раздела), концентрируя все больше полномочий в руках государя; одновременно расширяются права последнего на распределение (или отказ в нем) домениальных земель, назначения ведущих военных должностей и прочих привилегий — детальный анализ данных сюжетов представлен в пятой главе.

Следующая — шестая — глава посвящена исследованию проблем антропологии власти. Ее регалии, освящаемые Церковью в ходе инаугурации, хроматическое решение и прочие визуальные конструкции сформировали внешний образ, «считывание» которого позволяет проследить понимание природы и функций короля, за которым закрепился статус «христианнейшего» (*rex christianissimus*).

В седьмой главе, построенной на анализе источников XVI—XVII в., рассматриваются усилия королевских юристов по разработке хронологии правления, канонов историописания, формированию принципов деятельности Палаты хартий (*le Trésor des Chartes*) — первого королевского архива, ставшего основой Национальной библиотеки. Составленные ими описания королевских династий, Двора, совокупности его церемониала являются наиболее фундированными и целостными.

Восьмая и девятая главы демонстрируют особенности матримониальных стратегий королевской власти за пределами Франции. Речь идет, в частности, о том, как отдавали французских принцесс чужеземным государям (эта линия прослежена на примере Юдифи, дочери Карла II), и как формировали союз французских монархов с претендентками «со стороны» (пример Марии Венгерской). Автор попытается ответить на ряд принципиально важных вопросов, касающихся влияния (реального или мнимого) инаугурационного опыта французской монархии на аналогичные процедуры вне ее политических границ, а также существования — объективного или мифологического — обратного воздействия. Данное направление сравнительно недавно привлекло внимание автора и представлено коронационными *ordines* разного ракурса: восточнофранкским (т.н. *ordo* Майнца) и польским (*Ordo coronandi Regis Poloniae*).

Автор считает своим приятным долгом поблагодарить Учителя — доктора исторических наук, профессора Нину Александровну Хачатурян — за заданное направление исследований и повсеместную поддержку на избранном научном пути. Кроме того, необходимо отметить взыскательное мнение рецензентов — доктора исторических наук, профессора А.Г. Глебова и доктора филологических наук, профессора П.И. Мартенсона, — от учета которого концепция монографии только выиграла. Отдельно хотелось бы выразить слова искренней признательности кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику ИВИ РАН А.К. Гладкову за предпринятые им усилия по научной и редакционной подготовке рукописи к изданию. На протяжении работы над книгой автор постоянно чувствовал помощь коллег, родных и близких, без понимания и деятельного участия которых появление данного труда было бы невозможно.

Глава I

Королевское посвящение

«...Прими власть как испытание...»:
Королевское помазание и коронация
в протоколах франкских коронационных порядков

Источники

Основными источниками для изучения инаугурационной церемонии французских королей (*le sacre royal*) служат тексты королевских порядков или чинов (в оригинале — *ordines*, если быть более точными, то — *ordines ad consecrandum et coronandum regem* — сборники записи литургии, сопровождающей церемонию и в несколько меньшей степени — процедурной ее части). *Ordines* интенсивно записывались в период конца VIII—первой половины IX в. сразу в нескольких регионах Западной Европы (при монастырях и аббатствах Ирландии, англосаксонских государств, а также Западного и Восточного Франкских королевств)¹. Все ранние *ordines* имели явное сходство в содержании, что натолкнуло исследователей на мысль об их общих истоках, т.е. о некоем начальном варианте текста и, следовательно, о наличии возможного исходного протокола процедуры проведения церемонии. Впрочем, отсутствие в большинстве случаев оригиналов манускриптов затрудняет изыскания в этой области.

Очевидно, что к середине IX в. в Западнофранкском государстве создается сразу четыре *ordines*, авторство которых, благодаря независимым друг от друга исследованиям Дж. Нельсон и Р. Джексона², определено как принадлежащее Хинкмару, архиепископу Реймскому:

¹ Большинство из них в сокращенном варианте опубликовано П. Шраммом: *Ordo mit wechselseitigen Eiden für die Krönung Ludwigs II. des Stammers zu Compiègne am 8. Dezember 877* // *Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen* (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // *Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde* / Hrg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 15—16; *Mainzer-Ordo* // *Idem. Kaiser, Könige und Päpste*. Stuttgart, 1969. Bd. III. Beiträge zur allgemeinen Geschichte. Vom.10. bis zum 13. Jahrhundert. S. 94—103; *Ordo C: Erdmannscher (Westfränkischer) Ordo um 900 (Zwischen 880 und 960)* // *Idem. Kaiser, Könige und Päpste*. Stuttgart, 1969. Bd.II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. S. 216—219; *Ordo E: Ordo des Hgl. Dunstan. zwischen 960—973* // *Ibid.* S. 223—233; *Ordo F: Ordo hergerichtet für die Krönung des Königs Edgars von England durch den Hgl. Dunstan, Erzbischof von Canterbury zu Bath 11. Mai 973* // *Ibid.* S. 233—244.

² *Nelson J.L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe*. London, 1986. P. 343—360; *Jackson R.A. Who wrote Hincmar's ordines?* // *Viator*. 1994. Vol. 25. P. 34.

- 1) *ordo* Юдифи, дочери Карла Лысого (856 г.)³,
- 2) *ordo* Эрментруды, его супруги (866 г.)⁴,
- 3) *ordo* самого Карла Лысого (869 г.)⁵,
- 4) *ordo* Людовика Заики (877 г.)⁶.

К ним примыкают главы «Анналов Сен-Бертин» за 843—882 гг.⁷, также записанные Хинкмаром, в которых он фиксирует протокол проводимых им церемоний посвящений Карла Лысого и Людовика Заики.

Более поздним вариантом королевских порядков является т.н. *ordo* Фулрада или Ратоляда конца X в.⁸ Возможно, данный текст имел англосаксонские корни, поскольку его авторство приписывается ирландскому монаху — миссионеру Ратольту, составившему *ordo* для коронации короля Эдгара в 973 г. Из Англии несколько копий манускрипта были завезены на континент, и одна из них около 980 г. оказалась в аббатстве Сен-Ваас в Аррасе, где и была переработана одним из монахов, Фулрадом, включившим в текст Ратоляда фрагменты *ordines* Хинкмара. Пройдя такой путь, *ordo* Фулрада лег в основу процедуры церемоний королевского посвящения до периода правления Людовика IX Святого, т.е. с посвящения Гуго Капета в 987 г. до первой половины XIII в., когда в период правления Людовика Святого будет создана целая серия *ordines*, получивших название «капетингских».

Из них следует выделить три:

- 1) *ordo* Реймса 1230 г.⁹,
- 2) *ordines* 1250 г.¹⁰,
- 3) *ordo* 1270 г.¹¹

³ Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427.

⁴ Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455.

⁵ Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458.

⁶ Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462.

⁷ Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.

⁸ Ordo von Arras, verfaßt in der Diözese Arras (im Kloster St.Vaast?) um 1000 // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 23—24; Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 345—361.

⁹ Ordo de Reims // Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIIIe—XIIIe siècles) / Éd. Y. Chevalier // Bibliothèque liturgique. Paris, 1900. № 7. P. 222—226.

¹⁰ Сокращенный вариант *ordo* 1250 г. приводит П. Шрамм. Он полагал его компиляцией более раннего, не сохранившегося текста 1200 г. См.: Kompilation von 1200 // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 23—28.

¹¹ П. Шрамм, назвавший его «последним капетингским *ordo*», предпринял публикацию, тождественную рукописи, обнаруженной В. Лероке среди манускриптов аббатства Шалон-на-Марне и аббатства Сен-Бертин в Омере, что позволяет говорить об одном и том же тексте *ordo* 1270 г. См.: Letzte Kapetingische Ordo (sog. Ordo von Sens), verfaßt in den Jahren Philipp IV. oder seiner Söhne, zwischen Ende

Смена династии Капетингов и наступившая Столетняя война привнесла новации в церемонию королевского посвящения, что ознаменовалось созданием сразу двух королевских порядков (*ordines* Валуа), а именно:

- 1) «Коронационной книги Карла IV и Жанны д'Эврэ» 1321 г.¹²,
- 2) *ordo* Карла V 1364 г.¹³

К собственно франкскому периоду относятся порядки Хинкмара и Фулрада, поэтому именно они станут объектом исследования в данном параграфе, поскольку капетингские *ordines* и *ordines* Валуа принадлежат к принципиально иным этапам в истории французской государственности.

*Коронационные ordines Хинкмара Реймского:
ритуалы королевского помазания и коронации
Ordines Юдифи и Эрментруды*

Весомым аргументом в пользу объединения ритуалов помазания и коронации в ходе церемонии королевского посвящения можно по праву считать деятельность архиепископа Реймса Хинкмара. Он занимал столь высокий пост с 845 по 882 г., безусловно, являясь крупным политическим и религиозным деятелем своего времени. Его перу принадлежит первое теоретическое обоснование процедуры церемонии королевского посвящения, изложенное в указанных выше 4-х *ordines*¹⁴. По поручению папы Николая I Хинкмар Реймский должен был, учитывая ситуацию с правом инвеституры, находящейся в руках светских князей, развивать учение о подчиненности королей Церкви и после помазания на Царство. Хинкмар оказался

des 13. Jahrh. und etwa 1320 // Ibid. S. 33—39; Fragment d'un Pontifical de Chalon-sur-Marne ou Livre du sacre des Rois de France. XIII siècle. 2-e moitié. Paris, Bibliothèque nationale. ms. lat., 1246 // Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1937. Vol. II. P. 145—146; Pontifical de Saint-Bertin. XII siècle. Saint-Omer, bibliothèque municipale. MS. 98 // Ibid. P. 318—323.

¹² The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Éd. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1—12.

¹³ П. Шрамм полагал, что *ordo* Карла V лег в основу церемонии королевского посвящения как во Франции, так и в Англии, поскольку был вывезен англичанами в период Столетней войны. Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Befehl aufgesetzt und illustriert, vom ihm selbst seiner Bibliothek eingegliedert // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II. S. 43—48; "Forma et modus", d.h. sachlich geordnete Auszüre aus dem "Lytlington-Ordo" (№ 33), und andere Aufzeichnungen, zu praktischen Zwecken zu sammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // *Idem.* S. 396—375; Ordines-Studien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandt. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369—375.

¹⁴ Вопрос об авторстве Хинкмара Реймского по отношению к этим текстам детально изложен в статье Р. Джексона. См.: *Jackson R.A.* Who wrote. P. 31—52.

в весьма сложном положении: с одной стороны, являясь советником Карла Лысого, он не мог открыто выступать против ряда мер, направленных на укрепление суверенитета Западнофранкского государства и расширения прерогатив монарха, а с другой, — как клирик был обязан придерживаться официальной доктрины Святого Престола. Неизвестно, по чьей инициативе (Николая I, потомков Карла Великого или самого Хинкмара) *ordines* были написаны, тем не менее, их изучение проливает свет на процедуру помазания и коронации франкских, а затем и французских монархов.

Как клирик высокого ранга, Хинкмар был знатоком мессы, проведения всех обрядов и таинств Католической Церкви. Это позволило ему ввести в основу королевского посвящения порядок праздничного богослужения, «...хотя это вовсе не значит, что он преуспевал в составлении литургий, но Хинкмар знал, как использовать ее для составления “монтажей”, служивших его целям, что и демонстрируют нам *ordines*»¹⁵. Результатом «монтажа», т.е. комбинирования процедуры литургии и королевского посвящения, стала предложенная архиепископом Реймским церемония *le sacre royal*. Тексты двух первых *ordines* — *ordo* Юдифи и *ordo* Эрментруды — не отличаются от формул брачной церемонии по григорианскому образцу, который был введен и широко распространен в 835—836 гг. Факт вполне объяснимый: бракосочетание Юдифи, дочери Карла Лысого, с англосаксонским королем Этелвулфом 1 октября 856 г., и коронация Эрментруды, супруги Карла Лысого 6 ноября 858 г., являлись второразрядными для политической жизни государства франков событиями.

Тем не менее, сами эти тексты вызывают определенный интерес как непосредственно предшествующие созданию *ordines* Карла Лысого и Людовика Заики¹⁶. С этой точки зрения они не могут быть проигнорированы. В частности, венчальную церемонии Юдифи завершает ритуал, названный Хинкмаром *coronatio* и совершающийся в сопровождении следующей формулы: «Славой и честью коронует тебя Господь, и возлагает на главу твою корону из драгоценных камней...»¹⁷. *Ordo* Эрментруды предлагает несколько иной вариант: «Коронует тебя Господь славой и честью и вечным покровительством. Живи и правь»¹⁸. По сути — перед нами первая коронационная формула, смысловая нагрузка которой явно прогрессирует в сторону сакрализации королевской власти. Если в *ordo* Юдифи коронация сопровождается лишь констатацией необходимых для правительницы до-

¹⁵ Ibid. P. 34.

¹⁶ О репликах *ordines* Юдифи и Эрментруды в *ordo* Карла II прямо заявляет Дж. Нельсон. См.: Nelson J.L. Early Medieval Rites of Queen-Making and the Shaping of Medieval Queenship // Queens and Queenship in Medieval Europe: Proceedings of a Conference Held at King's College London, April 1995 / Ed. A.J. Duggan. Woodbridge 1997. P. 301—316.

¹⁷ Coronatio Iudithae. S. 426.

¹⁸ Coronatio Hermentrudis. S. 455.

стоинств («славы и чести»), то в *ordo* Эрментруды Хинкмар вводит элемент божественной избранности коронованной особы. Примечательно, что несколькими строками выше архиепископ в благословениях новобрачной описывает свое видение необходимости коронации, обращаясь непосредственно к Богу: «Корона сия, Господи, это корона правосудия, в короне сей — священные плоды и благословенные труды»¹⁹. Таким образом, Хинкмар не только определяет главную функцию светской власти — справедливость суда, но и сакрализует эту власть, называя ее исходящей от Бога, ее труды — благословенными, а результаты этих трудов — священными.

Существенным недостатком текста двух первых *ordines* Хинкмара является их нерасчлененность на отдельные составляющие ритуалы брачной церемонии, из которых как бы «прорастают» крупницы будущих протоколов. Но мы все же имеем возможность проследить нацеленность автора на создание коронационных текстов, ориентированных на обоснование сакрализации власти. В то же время, в *ordines* королей подобная установка менее выражена, поскольку они никак не влияли на характер и принцип наследования престола.

Ordo Карла Лысого

Принципиально иные условия сложились ко времени посвящения Карла Лысого и Людовика Заики. Ярый приверженец политического единства Западнофранкского государства, Хинкмар составил *ordines* посвящения этих монархов уже с несколько иных позиций. Если литургия в ходе проведения церемонии сохраняется, то она служит уже формой для политического акта вступления монарха на престол.

Как и в случае с двумя первыми текстами, Хинкмар многое позаимствовал из литургии, поэтому церемония посвящения Карла Лысого в Меце в соборе Святого Стефана 9 сентября 869 г.²⁰ во многом походила на коронацию Эрментруды. Она также начиналась с риторического вступления, сутью которого сводится к оценке политической ситуации, а также взаимоотношений светской и духовной властей в Западнофранкском государстве²¹.

Обращаясь к *ordo* 869 г., следует отметить очевидную скупость изложения протокола в сравнении с текстом мессы. По этой причине

¹⁹ Ibid.

²⁰ Из посвященных инаугурации Карла II исследований следует выделить статьи Р. Фолца и Ж. Лонье. См.: *Folz R. Les trois couronnements de Charles le Chauve // Byzantion. 1991. Vol. LXI. P. 93—111; Lonoe G. L'ordo de couronnement de Charles le Chauve // Kings and Kingship in Medieval Europe / Ed. by A.J. Duggan. London, 1993. P. 41—68.*

²¹ О наличии такого рода вступления в *ordo* Эрментруды заявляют Р. Джексон и Дж. Нельсон, использующие, по всей видимости, архивный оригиналы. В вариантах текстов, доступных автору, подобная преамбула отсутствует.

нам предстоит прибегнуть к методу реконструкции текста, фрагментарно изложенного Хинкмаром в «Анналах Сен-Бертен», и сопоставить эти отрывки с другими *ordines*. Так, в *ordo* Карла Лысого не содержится приведенная выше часть церемонии: она наличествует только в «Анналах...». В дальнейшем же изложении в обоих изданиях процедура совпадает.

При сопоставлении текстов выясняется, что *ordo* Карла Лысого открывается молитвами присутствующих на церемонии епископов²², содержание которых вызывает особый интерес. Чего же просят собравшиеся у алтаря собора Св. Стефана высшие церковные иерархи королевства для своего государя? Адвентий, епископ г. Меца, взывает: «Господи, народ Твой просит милости к возлюбленному правителю, да снизойдет на него дух Твоей мудрости, коей ознаменовано всякое строгое правление, да будет он предан сему духу и <...> остается всегда достоин (его), и в упорных трудах на благо вечного Царства Твоего достигнет могущества. Именем Господа»²³. Произнося эту молитву, епископ, как указывает *ordo*, склоняет голову перед алтарем. Сквозь типичный провиденциализм молитвы и заключенный в ней исходный принцип церковной идеологии в вопросе об организации общества, просматривается политический идеал Хинкмара Реймского о единстве государства во благо Царства Божьего при наличии строгого правления, достигнутого посредством «упорных трудов». Еще более откровенной в этом плане является молитва Арнульфа, епископа г. Тура: «Мы просим, Господи, в правлении сего раба Твоего милостивого примирения, подаждь ему дар Твоего правления, а нам — душевный покой и христианское смирение»²⁴. В этой фразе отразились все смуты каролингской эпохи после Верденского раздела и тревоги Хинкмара за судьбу слабеющей королевской власти. Возможно, именно поэтому в остальных молениях для Карла Лысого испрашивают высшей защиты: «Даруй рабу Твоему свою милость, направь его и утешь в земной и вечной жизни» (епископ г. Вердена Хатто), «...даруй рабу Твоему здоровья ума и тела, в упорных трудах его <...> мужественно исполнять свой долг..» (епископ г. Лангра Франко), «благослови, Господи, раба Твоего, предстоящего перед Тобой, даруй ему спасение <...> и милость свою.., дабы всегда находил он Твое благословение..» (епископ г. Лана Хинкмар), «сохрани, просим Тебя, Господи, сего раба Твоего и благосло-

²² Кроме себя (*Hincmarus archiepiscopus*), Хинкмар называет шестерых епископов, присутствующих на посвящении Карла Лысого. «Адвентий из Меца (*Adventius episcopus Mettensis*), Хатто из Вердена (*Hatto Verdunensis*), Арнульф из Тура (*Arnulfus Tullensis*), Франко из Лангра (*Franco Tungrensis*), Хинкмар из Лана (*Hincmarus Laudunensis*), Одо из Бовэ (*Odo Bellovacensis*) // *Ordo Coronationis Karoli II*. S. 456.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Ibid.*

ви своей милостью благотворящее очищение его, пусть совершенство Твое всегда преумножает этот дар” (епископ г. Бовэ Одо)»²⁵.

Подлинным гимном божественной милости к монарху звучит молитва самого Хинкмара Реймского — последняя и самая пространный в благословении Карла Лысого. Она состоит из 4-х частей, смысл которых сводится к следующим пожеланиям: «...пусть Он изольет на тебя дар Своего милосердия и оградит надежной стеной своей защиты...», «...милость Его к тебе пусть будет всемогуща, и да дарует Он тебе Свое прощение и милосердие, избавит от всех напастей и подстерегающих тебя врагов, видимых и невидимых. <...> Пусть добрые ангелы отныне всегда и везде будут с тобой, оберегают, сопровождают и защищают тебя <...>. Недруги твои пусть будут умиротворены, вместе благословят, возблагодарят и возлюбят тебя. Пусть будет замешательство в душах тех, кто затаит на тебя обиду и ненависть...»²⁶.

Если задаться вопросом, откуда Хинкмар Реймский, как признанный компилятор, заимствовал эти семь молитв, то ответ на него, как нам кажется, можно найти в той части «Анналов Сен-Бертен», которая принадлежит перу архиепископа. В частности, в упоминании о восстановлении императорских полномочий Людовика Благочестивого в феврале 835 г. мы читаем: «В ходе мессы семь архиепископов пропели королю семь благословений, примиряя его с Церковью»²⁷. Здесь же находится и описание рекоронации: «Почтенные епископы взяли со священного алтаря корону и <...> своими собственными руками, ко всеобщей радости, вновь возложили ее на главу правителя»²⁸. Несомненно, что события 835 г. произвели на присутствующего там молодого Хинкмара (ему тогда было около 20-ти лет) глубокое впечатление, поэтому мы можем, проведя параллель между рекоронацией Людовика Благочестивого и *le sacre royal* Карла Лысого, признать Реймского архиепископа не столько новатором семи молитв, сколько кодификатором. Сходство налицо: семь молитв, из которых последняя, составленная Хинкмаром в 869 г., судя по многочисленным обращениям и упоминаниям о врагах, защите монарха, примирении и пр., прекрасно отвечает политической ситуации 835 г. при восстановлении императорства Людовика Благочестивого. Вот почему, взятая за основу, она не совсем уместна по отношению к Карлу Лысому.

Для рассмотрения следующего аргумента в пользу влияния церемонии 835 г. на *ordo* 869 г. необходимо вновь обратиться к реконструкции текста. *Ordo* Карла Лысого свидетельствует, что по окончании молитв епископов «...Произносится “коронует тебя Господь” (*Coronet te Dominus*) архиепи-

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Les Annales des Saint-Bertin. P. 153.

²⁸ Ibid.

скопом во Христе Хинкмаром»²⁹. Примечателен сам факт рубрикации текста, что наводит на мысль о важности данного пункта протокола.

Однако вернемся к *ordo* Карла Лысого. *Coronet te Dominus* представляет собой ключевую фразу коронационной формулы, занимающей по отношению к рассматриваемой проблеме сакральности королевской власти центральную позицию. «Коронует тебя Господь короной славы в милосердии Своем и да сделает тебя королем, помазанным милостью Святого Духа, как помазывает Он только священников, королей, пророков и мучеников, коим вера заменяет власть и чье милосердие справедливо, коим обещана награда; награда милости Божьей, которая явлена в сопричастности Царству Небесному и всецело преданному служению (Ему). Аминь»³⁰. Формула говорит сама за себя: монарх приравнивается Хинкмаром к помазанникам Божиим, среди которых могут быть только лица, имеющие священный сан: ветхозаветные пророки, христианские святые, мученики и праведные пастыри.

Хинкмар, ратовавший за разделение властей и заявлявший в своем трактате *De ordine palatii*, что «никто не может быть одновременно священником и правителем с тех пор, как в мир явился Спаситель»³¹, в данном случае несколько отступает от первоначальной позиции. Пытаясь преодолеть противоречивость исходной установки, не им придуманной, Хинкмар «отдает» монарху большие полномочия. Так, выражение «корона славы», которое можно прочесть и как «венец славы» (*corona gloriae*) наводит на мысль о возможной ассоциации, проводимой Хинкмаром между королем и Иисусом Христом. Именно Сын Божий, в отличие от ветхозаветных правителей, был увенчан согласно библейской традиции *corona gloriae* и признан Царем Небесным. Подтверждение тому мы находим в дальнейшем тексте формулы: «...Мир в правлении твоём да будет как пальма твоей победы, полученная в вечное правление. Аминь»³². Упоминание о пальмовой ветви победителя призвано усилить описанную выше аналогию, актуализировав в памяти сюжет новозаветной истории — вход Господень в Иерусалим.

Таким образом, доктрина Хинкмара предельно сакрализует королевскую власть, и сам автор *ordines* ниже объясняет свою позицию. Несомненно, что на подобную «жертву» Хинкмар-священник идет ради укрепления слабеющей в условиях феодальной раздробленности власти потомков Карла Великого. «И желает тебе лучший народ учрежденного правления (*constitutiero regem*), и в настоящей земной юдоли пусть сопутствуют (тебе) благоденствие и затем — вечное блаженство». Под «учрежденным» правле-

²⁹ *Ordo coronationis Karoli II*. S. 457.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Hincmarus*. *De ordine palatii* // *Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum* / Ed. V. Krause. Hannoverae, 1897. Bd. II. S. 523.

³² *Ordo coronationis Karoli II*. S. 457.

нием понимается соблюдение прямого наследственного принципа по отношению к трону Западнофранкского королевства, на который претендовал многочисленный род Каролингов. Данное пожелание все же не противоречит позиции Церкви в вопросе о разделении властей, в отличие от слов Хинкмара, признававшего подчиненное положение *ecclesia christiana*: «Клир, а так же народ, нуждающиеся в помощи, покорны твоей власти, управлению и твоему руководству (!) на все время твоего благодатного правления...»³³. Возможно, осознавая слишком далеко зашедшее противоречие, Хинкмар решается повторить первую фразу коронационной формулы *Coronet te Dominus*, с распевом которой он и возложил на голову Карла Лысого корону. Повторить, чтобы затем произнести следующее: «Коронует тебя Господь короной славы и справедливости, чести и воинской отваги, пусть благословение наше всегда собирает плоды чести (для тебя. — С.П.) <...> Живи долго, прими правление и вечную власть во веки веков (*in saecula saeculorum*)»³⁴. Очевидно, что в данном случае сакральный смысл формулы несколько выхолощен, и нарочитое подчеркивание мирских полномочий короля подтверждает это в полной мере. На первый взгляд, повторно вставленная Хинкмаром коронационная формула выглядит не совсем логично. Учитывая сказанное о рекоронации Людовика Благочестивого, становится очевидным, что помазания как такового в данной церемонии не было. Поэтому в сюжете о рекоронации «Анналов Сен-Бертан» отсутствует соответствующая формула. Отсюда очевидно, почему в *ordo* 869 г. коронационная формула *Coronet te Dominus* повторяется. При повторении, по-видимому, полагал Хинкмар, ее смысл уточняется, и формулой помазания от этого она не становится, поскольку во втором варианте о нем нет ни слова. Таким образом, влияние церемонии 835 г. несомненно, тем более что оба события произошли в одном и том же месте — в соборе Св. Стефана г. Меца.

Возникает вопрос: почему же коронации не предшествовало помазание, о котором столь ярко заявлено Хинкмаром в первой формуле? Мы можем дать на него два варианта ответа: либо текст *ordo* не отражает его, а смысл формулы подразумевает его проведение, либо помазание не проводилось вовсе. По всей видимости, окончательного ответа мы не сможем получить вследствие отсутствия еще каких-либо описаний церемонии, совершаемой над Карлом Лысым. Таким образом, основываясь на тексте *ordo coronationis Karoli II*, мы не можем прийти к однозначному выводу о наличии в церемонии одновременно двух ритуалов — помазания и коронации.

Дальнейший протокол *ordo* предполагает вручение королю пальмовой ветви и скипетра: «Затем произносится “Открывает тебе Господь волю

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Свою», вручается пальма и скипетр»³⁵. Характерно, что в тексте молитвы оговаривается благословение только пальмы, а заявленное вручение скипетра игнорируется: «...Успех в правлении сообразно воле (Его) да будет явлен (тебе) от пальмы настоячивых побед к пальме, приводящей к вечной славе, (за что) возблагодарим Господа нашего Иисуса Христа...»³⁶. По всей видимости, это связано с первостепенным значением пальмовой ветви как императорской регалии, вручение которой означало для Карла Лысого преемственность его полномочий от Карла Великого. Однако еще П. Шрамм полагал, что здесь же могло иметь место и благословение скипетра, по какой-либо частной причине утерянное в тексте³⁷.

Завершающим этапом церемонии должна была стать торжественная месса — литургия, из порядка которой внимание автора привлекает пролог, в ходе коего Карл Лысый удостоивается двойной евхаристии. «*Super oblata*: Взгляни, Господи, одари народ Твой святым долгожданным даром <...>. Одари, Господи, святым причастием, единым Телом и Кровью Своей, как нас, так и Карла, нашего короля, чья душа, подвластная Тебе, открыта Тебе...»³⁸. *Super oblata*, вероятно, есть не что иное, как двойное причащение (т.е. дважды в течение мессы) под обоими видами (т.е. хлебной облаткой и вином) — привилегия, которой до указанного момента пользовался только клир. Исключительное право двойной евхаристии под обоими видами означало особое положение духовенства, облеченного божественной благодатью и причастного к таинствам. Хинкмар Реймский сознательно пошел на подобный шаг, чтобы возвеличить монарха, придав ему самому и всей *potestas regis* высший сакральный смысл, а заодно уподобив власть королевскую священнической. Дополнительным подтверждением данному заключению автора служит приводимый ниже анализ текста *ordo* Фулрада, в котором процедура двойной евхаристии представлена более подробно.

Таким образом, налицо еще одно явное противоречие доктрины Реймского архиепископа: признание приоритета духовной власти, но с тенденцией к необходимости сакральных полномочий у светского государя. Хинкмар-политик находится в постоянной борьбе с Хинкмаром-священником, в результате чего первый зачастую одерживает верх над вторым. Подобная двойственная позиция вызвала резкое недовольство папы Николая I, озабоченного тем, что задуманный им проект не только не осуществился на практике, но и приобрел новый нежелательный оборот. Тем не менее, даже под давлением понтифика Хинкмар не пошел на попятную, и все тенденции, обозначенные архиепископом в *ordo* Карла Лысого, только усилились в церемонии, совершенной над сыном короля Людовиком.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

³⁷ Schramm P.E. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. II. S. 209.

³⁸ Ordo coronationis Karoli II. S. 457.

Ordo Людовика Заики

Ordo, составленный Хинкмаром для посвящения Людовика Заики, состоявшегося в декабре 877 г. в г. Компьене, также несет на себе печать явной преемственности с *ordo* 869 г. Он тоже начинается с обращения епископа к присутствующим, полностью идентичного словам Адвентия, лишь с незначительными изменениями, которые не искажают его общий смысл.³⁹ Важно другое: все последующие протоколы вслед за «Анналами Сен-Бертен» содержат обращение архиепископов к королю и его ответное обещание — *promissio*.

Вот как описывается это действие: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов <...> подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: “Тебе даем прошение, как лучшему из знатных, и лучшие люди Церкви вверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему”. Тогда король <...> склоняет голову, говоря следующее: “Обещаю вам и подтверждаю только для вас и вашей Церкви быть верным канонической привилегии и законной обязанности справедливо ей служить, защищать предъявленное право, так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет продолжать защищать предъявленное»⁴⁰.

Текст королевского *promissio* — это договор, заключенный между Церковью и королем, где в первую очередь решалась проблема приоритета светской и духовной властей. Возможно, именно по причине ярко выраженного политического подтекста *promissio* Хинкмар не вводит его непосредственно в текст *ordo* Людовика Заики, ограничиваясь «Анналами...», на страницах которых он описывает посвящение этого монарха.

Следующим нововведением в «сценарии» Хинкмара выступила формула помазания, которая стала посвящающей во Франции и сопредельных монархиях. Поскольку коронационная формула не вполне отвечала запросам автора *ordo* и политическим реалиям, в тексте 877 г. появилось следующее дополнение, которое можно считать программным. Хинкмар выделяет рубрику «помазание священным елеем» (*sacri olei infusio*), состоящую из крайне напряженного по смысловой нагрузке текста. Условно его можно разделить на три части: до, во время и после помазания. Вот первая из них: «Вечно всемогущество Господне, Творца и Правителя неба и земли, Создателя и Распорядителя ангелов и людей: раб Твой Авраам одержал триумф над врагами, Моисей и Иосиф, прелаты Твои,

³⁹ *Ordo coronationis Hludowici Balbi*. S. 461.

⁴⁰ *Annales des Saint-Bertin*. P. 156.

преумножили победу его, и смиренный слуга Твой Давид воспрял столь высоко, что рукой поражал львов и зверей, а также Голиафа, без и со зло разящим мечом Саул сокрушил множество врагов, а мудрому миротворцу Соломону открыт был дар богатства, осмотрительности, пытливости, со смиренной мольбой нашей обращаемся, даруй сему рабу Твоему добродетели, первая из которых — верность Тебе и повсеместное соблюдение чести...»⁴¹. Упоминание достоинств ветхозаветных первосвященников и царей не случайно — они провозглашаются своего рода проводниками единого сакрального начала власти, причем являются не символическими, а вполне реальными для составителя *ordo* предками франкских королей, с которых Людовику Заике вменялось брать пример в преданности Богу и методах правления.

Поразительно, что Хинкмар не ограничивается перечнем светских правителей, — он указывает и на первосвященников, не забывая, по выражению М. Блока, «...великую тень Аарона, основоположника священства у иудеев»⁴². Тем самым архиепископ подразумевает дуализм сакральной функции светской власти, несущей в себе одновременно оба начала — священническое и светское. По всей видимости, четко осознавая все последствия этого шага, Хинкмар не видел иного выхода из проблемы санкционирования сакральности власти потомков Карла Великого в условиях ее неуклонного ослабления. С другой стороны, очевидно, что королевский советник действовал в рамках уже сложившейся до него традиции обращаться при рассуждениях о помазании к образам ветхозаветных священников и царей. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении источников, мы можем констатировать следующее. Несомненно, что общей основой для христианского понимания власти служит Святое Писание, а квинтэссенцией являются слова апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»⁴³. Провиденциальным пониманием власти Церковь не ограничивалась. Нуждаясь в военной поддержке светских монархов, она санкционирует их избранность, особенно франкских королей со времен Пипина Короткого. В 754 г. во время посвящения его сыновей Карла и Карломана папа Стефан II, по всей видимости, из лести, произнес следующую фразу из Первого Соборного Послания Петра: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет»⁴⁴.

⁴¹ Ibid.

⁴² Bloch M. Les rois thaumaturges: Etude sur le caractere surnaturel attribue à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre / Préf. de J. Le Goff. Paris, 1983. P. 147.

⁴³ Рим.13:1.

⁴⁴ 1-е Пет. 2:9.

«Царственное священство» Каролингов наложило свой отпечаток на всю историю французской монархии, и по мнению американца Р. Гиси, даже на «...пылкость притязаний французов на свою исключительность и превосходство их королей»⁴⁵. Что касается избранности рода, то его было целесообразнее начать с ветхозаветных героев, как священников, так и царей, поскольку и те, и другие концептуально соответствовали цитируемому высказыванию апостола Петра.

Для подтверждения этого вывода обратимся к источнику более предметному по отношению к тексту молитвы в *ordo* Людовика Заики: благословиению этого же монарха папой Иоанном VIII в г. Труа в 878 г., т.е. на следующий год после церемонии в г. Меце. «*Benedictio super regem*: благослови, Господи, сего правителя, который сейчас правит со всей полнотой власти, и дай ему славу, как Давиду, познавшему величие власти и снискавшему заслуженное освящение (*sanctificatio*). Дай ему свою кротость, чтобы противостоять многим подобно тому, как Соломон мирно добился своего правления...»⁴⁶. Далее папа не ограничивается нарицательным примером царей, переходя к израильским первосвященникам: «Господь неизъяснимый (*inenarrabilis*), Творец мира, Создатель человека, <...> Конфирматор твоего правления из многих верных ему возлюбил тебя, как патриарха нашего Авраама, избрал (Он. — С.П.) править родом человеческим, так и тебе дает власть сию, как испытание скреплять своим посредничеством (выделено авт. — С.П.) высшее могущество щедрым благословением... . Испытай его (короля. — С.П.), как Моисея — законом, Иосифа — землей, Иисуса Навина — битвой, длинноволосого Самуила — храмом и возьми у него обещание возвеличиваться разумно, как прекрасный царь Давид в своих молитвах, как Соломон, его сын, испросивший у Тебя мудрости...»⁴⁷. Если учесть тот факт, что между посвящением и благословением Людовика Заики папой Иоанном VIII прошел только год, а также факт произнесения благословения самим главой Римской Католической Церкви, то становится очевидным, что традиция обожествления королевской власти посредством обращения к ветхозаветным примерам была прочно воспринята Святым Престолом, а равно и концепция божественной избранности власти франкских королей. Эти тенденции будут эволюционировать и далее, наша же задача — вернуться к тексту *ordo* Людовика Заики.

Вторая часть молитвы относится непосредственно к помазанию и содержит коронационную формулу, оставшуюся неизменной в сравнении с *ordo* Карла Лысого. Знаменательно другое: формула сопровождается

⁴⁵ Giesey R.A. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1986. T. 41. № 3. P. 581.

⁴⁶ Ordo A: ganz (oder tilweise?). S. 209.

⁴⁷ Ibid. S. 210.

крестообразными знаками, обозначающими моменты непосредственного нанесения елея. Помазание при крещении, наносилось крестообразно, именно поэтому крест в тексте выражает это более чем явно. Как видно из формулы и следующей за ней молитвы, помазание было троекратным. Для большей наглядности приведем текст полностью: «...Да сделает тебя высоко учрежденным (*sublimiter colloca*) † правителем, помазанным милостью Святого † Духа, как помазывает он только священников, королей, пророков и мучеников, чья вера заменяет власть, чье милосердие справедливо, коим обещана награда». Затем формула дополняется уточнением процедуры ритуала и молитвой: «Прими священное помазание, склонив обнаженную главу, пусть проникнет оно внутрь и достигнет самого сердца, и молим, пусть достигнет (он) победоносного правления, милости Твоей, которая явлена в высшей сопричастности к правлению, всецело преданному служению (Тебе). Именем Господа нашего Иисуса Христа, сына Твоего, Который с ликованием был помазан перед сопричастными и наделен могучей силой † полной победы, низверг разрушительное царство дьявола и одержал небесную победу. В сем заключается вечная победа, слава и могущество, и да будет милостив к тебе Господь в славе и правлении, в единстве со Святым Духом в вечном светском могуществе. Аминь»⁴⁸.

Был ли случайным выбор пауз для нанесения елея, или Хинкмар руководствовался определенной логикой? На наш взгляд, более верным является второе предположение, если обратить внимание на смысл прерванных отрывков. Согласно паузам, помазание производилось, когда монарх провозглашался «высоко (вернее, “свыше”) учрежденным», «помазанным милостью Святого Духа» и когда говорится о Христе, наделенном «могучей силой полной победы». Таким образом, нанесение елея отмечало сугубо сакральный смысл королевской власти, ее избранность и защиту небес.

Последующая структура *ordo* Людовика Заики во многом совпадает с посвящением Карла Лысого, т.е. Хинкмар более был не склонен к ее явной модификации. За возложением короны следует вручение скипетра: «*Hic sceptri traditio*: прими скипетр, знак королевского могущества, жезл прямого правления, добродетели, с которыми ты обретешь доброе правление, Святой Церковью и вверенным тебе Господом христианским народом правь благочестиво, защищай, направляй на путь истинный, будь прям, как пряма уложенная дорога. Будь решителен, прими правление и вечную власть в мирском свете. Аминь»⁴⁹. Вручение наряду с короной скипетра как государевой регалии, «ответственной» за сильную королевскую власть, опять-таки отражает стремление Хинкмара укрепить слабеющую власть Каролингов.

⁴⁸ *Ordo coronationis Hludowici Balbi*. S. 461.

⁴⁹ *Ibid.*

Завершает *ordo* серия благословений и пожеланий новообращенному королю по аналогии с благословениями семи епископов для Карла Лысого. Но из семи молитв Хинкмар оставил только ту, которую произносил он сам, приступив затем к традиционной для него методике «монтажа»: разбивает свою молитву на две части, помещая между ними дополнительные благословения и пожелания. «Да приумножатся благословения тебе путей праведной жизни, спокойной кончины и Царствия Небесного. Аминь. Так же здоровья и вечного мира. Аминь»⁵⁰. Определенная «интимность» интонаций объясняется личным знакомством архиепископа и короля и действительной озабоченностью Хинкмара его судьбой. Дополнительным тому свидетельством служит факт приведенного им ниже благословений из *ordo* Карла Лысого, которое произносилось при коронации⁵¹. Повторение может показаться не совсем логичным, и на этом основании Р. Джексон выстраивает предположение, «...что *ordo* основывается на двух или более ранних коронационных текстах, или возможно выдвинуть другую версию, что использовался один более ранний коронационный текст, оказавшийся под рукой (Хинкмара. — С.П.) и использованный в силу необходимости дважды, при этом во втором случае формула была трансформирована в формулу помазания»⁵². Тот факт, что деятели Церкви заимствовали более ранние тексты при составлении литургии посвящения, не подлежит сомнению. Что касается методов «монтажа» Хинкмара, то мы уже убедились в том, что для него было характерно обращение к ранним формулам, модифицированным на его усмотрение. Дж. Нельсон предполагает, что архиепископ, «который не появлялся в Реймсе, а находился вместе с королем, использовал те тексты, которые оказались у него под рукой в Меце»⁵³. Скорее всего, исследователям так и не удастся определить, какими текстами мог пользоваться Хинкмар в ходе работы над составлением своих *ordines* в силу их фактического отсутствия. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не располагают подобной информацией, и все выводы, касающиеся вероятных заимствований Хинкмара, могут быть лишь предположительными.

Концепция Хинкмара дуалистична, она предполагает крайне высокий уровень сакральности королевской власти в сочетании с приоритетом клира, который явствует из текстов *ordines* несколько смутно. Хинкмар не говорит об этом прямо, но просматривающееся из содержания молитв требование отчетности монархии перед Церковью и обществом в целом, состоящим из верующих подданных, получила впоследствии поддерж-

⁵⁰ Ibid. S. 462.

⁵¹ Ibid. Тот же текст содержит и *ordo* Карла Лысого. См.: *Ordo coronationis Karoli II*. S. 457.

⁵² Jackson R.A. Who wrote. P. 40.

⁵³ Nelson J.L. Politics and Ritual. P. 139.

ку при жизни и уже после смерти прелата. Как верно отмечает Ж. Девисс, «противник <...> неограниченной власти, Хинкмар слыл человеком соглашения и совета»⁵⁴. Соглашение, т.е. фактический конформизм духовной и светской (королевской) властей — такова доктрина текста королевского обещания *ordo* Людовика Заики. Конформизм с известной долей перевеса в сторону Церкви, поскольку сакральная функция королевской власти в ее христианском понимании создана духовенством, поэтому, как заявил Хинкмар Карлу Лысому: «Высшим королевским достоинством король обязан исключительно помазанию, деянию епископскому и Церкви, верным ему, гораздо больше, чем своей земной власти»⁵⁵.

Несомненно, что кроме своих идеологических, духовных приоритетов, текст королевского обещания защищает и материальную, прежде всего, земельную собственность Церкви. Но главным мотивом, звучащим в тексте, является, по выражению Ж. Девисса «...инстинкт самосохранения обеих сторон, крайне заинтересованных друг в друге»⁵⁶. «Ведь реальность, — продолжает Ж. Девисс, — это всегда сложный процесс. Король, как человек, мог не иметь успеха у власти. Поэтому он хотел самосохраниться, избегая чрезмерных крайностей, более чем непоправимых на верховном общественном посту, который он занимал, в сравнении с любым другим мирянином. Церковь находилась в той же ситуации. Королевское *promissio* создало и закрепило это взаимное покровительство»⁵⁷. О жизнеспособности подобного союза свидетельствует факт неизменности текста, просуществовавшего в течение почти целого тысячелетия, за которое французская монархия пережила все исторические этапы своего развития, от периода феодальной раздробленности до абсолютизма. Последнее особенно поразительно. Фактически, абсолютная монархия не нуждалась в произнесении своими королями подобных обещаний, но сила традиции была слишком велика, и союз с Католической Церковью ей не противоречил.

С другой стороны, отсутствие королевского обещания в *ordines* заставляет сделать вывод о непоследовательности концепции Хинкмара, для которого в первую очередь важно соединение в церемонии ритуалов помазания и коронации. Столь же нечеткой представляется структура *ordines*, в которой не представлен целый ряд ритуалов. Так, в *ordo* Людовика Заики не упоминается двойная евхаристия короля и дальнейший ход мессы.

⁵⁴ *Devisse J. Essai sur l'histoire d'une expression qui a fait fortune: Consilium et auxilium au IX siècle // Le Moyen Âge. 1968. P. 180.*

⁵⁵ *Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. 3. Chap. IV. P. 287 sq.*

⁵⁶ *Devisse J. Le sacre et le pouvoir avant les Carolingiens: l'héritage wisigothique // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. Paris, 1985. P. 32.*

⁵⁷ *Jackson R.A. Who wrote. P. 37.*

**Ordo Фулрада (Ратольда):
 ритуалы королевского помазания и коронации**

Первые симптомы, указывающие на появление новаций в ходе церемонии, появляются в т.н. *ordo* Фулрада (Ратольда). Как уже указывалось, он мог иметь англосаксонские корни. Вероятно, его составил специально для коронации короля Эдгара в 973 г. ирландский монах-миссионер Ратольд. *Ordo* завезли на континент в многочисленных копиях, одна из которых была переработана монахом аббатства Сен-Ваас Фулрадом ок. 980 г.

В первую очередь стóит отметить, что церемония в данном случае начинается с прошения Церкви и королевского обещания его выполнить. «К вашему милосердию взываем, как от лица первого из нас, так и от всего сообщества знатных священников, сохранить и защитить наши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, т.к. король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств»⁵⁸. В полном согласии с канонами римского права, предполагающими строгое соответствие формулировок прошения и ответа на него, *ordo* Фулрада трактует ответ короля. «*Responsio regis*. Обещаю вам и обращаюсь, как к первому из вас, так и к сообществу знатных священников, сохранить и защитить ваши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, т.к. король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств»⁵⁹. Таким образом, усилия Хинкмара Реймского не прошли бесследно: королевское *promissio* приобрело юридическую форму. Оговоримся сразу, его текст будет претерпевать незначительные изменения, не затрагивающие смысла, он сохранится и будет открывать протоколы всех последующих *ordines* и, следовательно, всех совершающихся церемоний *le sacre royal*. Повторимся, текст *promissio* — это одна из форм правового диалога, договор, заключенный между Церковью и королем (и государством в конечном итоге), где в первую очередь решалась проблема приоритета светской и духовной властей. Поскольку на протяжении всего изучаемого периода этот вопрос оставался принципиальным, то без его разрешения авторы *ordines* не видели возможности открыть церемонию. Дальнейшая процедура протекает в согласии с *ordines* Хинкмара: «Затем два епископа обращаются к клиру и знати, испрашивая их волю. И если согласие получено,

⁵⁸ Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 350.

⁵⁹ Ibid.

восславляется Господь воспеванием “*Te Deum laudamus*”⁶⁰. Следовательно, практика *collaudatio* сохраняется, и в этом нет ничего нового.

Подлинной же новацией *ordo* Фулрада является следующий за *collaudatio* ритуал прострации короля. «И два епископа берут его за руки и подводят к алтарю, и он prostiraется перед ним до конца пения “*Te Deum laudamus*”»⁶¹. В силу его исключительной важности для выяснения степени сакральности королевской власти вопрос о его первом упоминании остается открытым. Так, Э. Канторович полагал, что прострация имела место и при посвящении Людовика Благочестивого в 816 г. папой Стефаном IV⁶², но в таком случае Хинкмар Реймский, как ближайший соратник Людовика, должен был знать о введении более важной детали в церемонию и закрепить ее в своих *ordines*. Тексты же, принадлежащие перу Хинкмара, не содержат подобных сведений. Э. Канторович ссылается на *ordo* Майнца, описывающий прострацию Людовика Благочестивого⁶³. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь небольшая, крайне разрозненная его часть. Тем не менее, в одном из отрывков мы, действительно, можем обнаружить описание того же ритуала, что и в *ordo* Фулрада, но с уточнением — во время прострации хор поет главную молитву католической мессы — «Литанию святых», обращаясь к «...XII апостолам, такому же числу мучеников, исповедников и дев»⁶⁴. Почему же Хинкмар игнорировал этот ритуал? Причина, вероятно, была проста — он мог быть не знаком с *ordo* Майнца.

В любом случае, первым западнофранкским текстом, содержащим данные о прострации, является *ordo* Фулрада. Значимость, которая придается данному ритуалу, прослеживается в факте его повторного описания в приложении к основному тексту *ordo*, состоящему из основных молитв и благословений. «Должно подойти со священником и простереться перед алтарем, подняться по слову епископов и склонить голову перед преподобным архиепископом, произносящим следующую молитву: “Прими, Господи, общую молитву нашу. Смиренная откровенность наша — это верное служение Тебе, исполненное силы (веры). Именем Господа...”»⁶⁵. Ценность этих приложений неоспорима, поскольку с их помощью мы можем реконструировать подробный ход процедуры и предусмотренные протоколом жесты и позиции участников, что фактически отсутствует в основной части всех *ordines*.

⁶⁰ Paris Bibl. Nat. P. 350.

⁶¹ Ibid.

⁶² *Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology / Pref. by W.Ch. Jordan. Princeton, 1958. P. 88.*

⁶³ Ibid. P. 91.

⁶⁴ *Text des Mainzer Ordo und seiner Volgaren // Schramm P.E. Kaiser, König und Päpste. Bd. III. S. 95.*

⁶⁵ Ibid.

Что касается дальнейшего содержания основного текста, то он вызывает меньший интерес, поскольку не дает исследователю никакой новой информации относительно процедуры церемонии в сравнении с *ordines* Хинкмара. Так, после ритуала протрации порядок *le sacre royal* выглядит следующим образом: молитва-призыв к наилучшему правлению (*invocatio super regem*), молитва-провозглашение (*item oratio*, как называют ее авторы текста) и дальнейшая молитва (*alia*), желающие монарху процветания, мудрого правления и христианского благочестия⁶⁶.

Только после серии молитв *ordo* Фулрада открывает ритуал посвящения короля (*consecratio regis*). Примечательно, что его основой является текст, сопровождающий помазание Людовика Заики: «Вечно всемогущество Господне, Творца и Правителя ангелов и людей...»⁶⁷. Первое несходство наблюдается в пожеланиях божественных даров новообращенному монарху. Если *ordo* Людовика Заики гласит: «...Даруй сему рабу Твоему добродетели, первая среди которых — верность Тебе...», и далее приводит формулу помазания, то *ordo* Фулрада расширяет содержание протокола за счет дальнейшего перечисления достоинств ветхозаветных героев: «...Даруй сему рабу Твоему N самоотверженность в управлении всем Альбионом, а именно Францией. Дай ему Твои многочисленные благословения. Пусть всемогущая десница Твоя всегда охраняет (его). Как укрепило пророчество верность Авраама. Моисей укротил море. Иосиф защитил своей силой. Давид смирил гордыню. Соломон был украшен мудростью. Тебе тоже необходимо все это», — появляется, несколько неожиданно, обращение к самому монарху. «Пропусти справедливость беспрепятственно шествовать. Всем священникам Альбиона, а затем и народу нужно знать свои обязанности. Победы тебе над всеми врагами, видимыми и невидимыми...»⁶⁸.

⁶⁶ «*Invocatio super regem*: К Тебе зываем, Господи, всемогущий вечный Отец наш, дай рабу Твоему N, над которым с начала мира до сего дня учреждено Твое провидение, благочестия, изо дня в день исполненного подлинной благодарности. В конце правления пусть престол небесный с радостью примет (тебя, т.е. короля. — С.П.). Милосердие твое к непримиримым врагам (пусть) укрепляется с каждой минутой. Дай мир и умиловление народу своему и доблесть в победе. Радости этой будь достоин. Именем Господа».

«*Item oratio*: Господи, к которому народ Твой всегда взывает и любовно почитает, дай рабу Твоему духовную мудрость строго править. Быть всецело преданным Тебе, оставаться всегда достойным правителем, одари его беспристрастностью господина, обеспечь наставником-священником и нерушимостью постоянного христианского благочестия <...> в упорном благом труде долгого правления веди его по пути преодоления. Именем Господа» // *Ibid.* P. 351.

⁶⁷ *Ordo coronationis Hludowici Balbi*. S. 461. Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // *Ward P.L.* An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // *English Historical Review*. 1942. № 57. P. 352.

⁶⁸ *Ibid.* P. 352.

Затем тексты *ordines* Фулрада и Людовика Заики вновь «сходятся» вплоть до окончания ритуала помазания лишь с небольшим дополнением: *ordo* Фулрада указывает антифон — пение хора, сопровождающее помазание. «Помазал Соломона священник Садок, Натан освятил правление, и восславили они “Да здравствует Царь вечно”»⁶⁹. На фоне этого гимна архиепископ производит помазание короля и произносит уже названную коронационную формулу. Таким образом, *ordo* Фулрада расширяет известный протокол церемонии, придает ему не только большую торжественность, но и четкость структуры, поскольку здесь мы впервые отмечаем сопровождающие тексты молитв и гимнов краткие пункты протокола самой церемонии. Теперь при прочтении *ordo* мы можем понять, как и в какой очередности проходили ритуалы *le sacre royal*. Сразу отметим, что эта тенденция сохранится и впоследствии.

Рассуждая о совпадении текстов *ordines*, следует задаться вопросом: чье заимствование было первично? Использовал ли Хинкмар какие-либо англосаксонские тексты, легшие, в свою очередь, и в основу *ordo* Фулрада? Как уже говорилось, в историографии существует две точки зрения, в целом, сводящиеся к компилятивному характеру *ordines* Хинкмара. П. Шрамм ратует за восточнофранкское влияние, К. Боуман, П. Вард и Дж. Нельсон — за англосаксонское⁷⁰. Однако никто из них не может высказаться на этот счет однозначно, поскольку факт прямых заимствований не прослеживается в источниках. На основании имеющихся в нашем распоряжении текстов мы не выдвигаем даже версии такого рода, т.к. из их сравнительного анализа явствует, что *ordo* Фулрада, несомненно, проник во Францию из Англии. Об этом свидетельствует примечательное уточнение: «...Самоотверженность в управлении всем Альбионом, а именно Францией...»⁷¹. Если это так, то все равно, привитый на французскую почву *ordo* Фулрада очень скоро приобрел самостоятельную ценность и лег в основу церемонии *le sacre royal* во всех последующих *ordines*. Но все это произошло гораздо позже смерти Хинкмара — его *ordines* и *ordo* Фулрада разделяет почти век. Даже если предположить, что существовали какие-либо прижизненные варианты, ставшие основой *ordo* Фулрада, то ничто не указывает на факт знакомства с ними Хинкмара. В пользу этой точки зрения говорит и более расширенный протокол церемонии, изложенный в *ordo* Фулрада, включающий, в свою очередь, его основы, заложенные Хинкмаром. Поэтому более верным представляется предположение о заимствовании *ordo* Фулрада части протокола *ordo* Людовика Заики и, следовательно, *ordo* Карла Лысого.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Schramm P.E. Kaiser, König und Päpste. Bd. II. S. 194; Nelson J.L. Politics and Ritual. P. 140.

⁷¹ Paris Bibl. Nat. P. 352.

Расширение церемонии продолжается и по окончании формулы помазания. После ее произнесения наступает очередь гимна, объясняющего суть помазания как божественной очистительной силы на пороге новой жизни. «Господь — Светоч блаженства и возвышенного смирения. В начале правления (его) да очисти (его) щедрым помазанием от скверны мира. <...> Такова воля всемогущего Отца к тем, кто наносит елей. Таково твое освящение, твое благостное благословение»⁷². Следующая часть гимна напрямую ассоциирует королевское помазание с Христом, тем самым максимально сакрализуя власть монарха: «...Сын Господа нашего Иисуса Христа, который получил помазание Отца Своего, чем был приобщен (к Нему). Так и ты прими священное помазание <...>, пусть проникнет оно внутрь твоего сердца...»⁷³. К сожалению, *ordo* Фулрада не указывает, сколько раз наносится помазание. Возможно, это связано с тем, что предложенная Хинкмаром процедура троекратного помазания укоренилась уже настолько, что в *ordo* Фулрада лишь предполагалось к исполнению без каких-либо предписаний.

Для авторов *ordo*, по всей видимости, важно другое: смысловое определение помазания. Мы обнаруживаем его в приложении к основному тексту, когда после прострации монарха приводится заметка «здесь на голову поливается елей» (*tunc debet caput eius ungui oleo*), сопровождающаяся следующей молитвой: «Именем Отца, Сына и Святого Духа. Сие помазание елеем навечно закрепляет твой сан»⁷⁴.

По окончании помазания церемония вступает в следующую фазу. Ее первым актом является вручение коронационного кольца на помазанный елеем палец. Архиепископ произносит при этом: «Прими кольцо, зримый знак святой веры. Твердого правления. Крепнущей власти. Пусть свершится триумф (твоего) могущества над врагами. Еретики повержены. Подданные объединены. Католическая вера непоколебима. Именем Господа...»⁷⁵. Некоторая обрывочность и несвязность фраз наводит на мысль, что каждое предложение могло сопровождаться переодеванием кольца на кончик каждого пальца (5 раз) с соответствующим пожеланием, как это установлено в ритуале венчания, пока с последним (шестым) из них кольцо не одевается окончательно на безымянный палец левой руки. Дополнительным подтверждением данной гипотезы может служить количество кратких предложений-пожеланий — их как раз шесть: то самое число, которое необходимо для ритуала. Но поскольку высказанное предположение ничем не подкреплено, автор не может настаивать на ее дальнейшем рассмотрении.

⁷² Ibid. P. 353.

⁷³ Ibid. P. 354.

⁷⁴ Ibid. P. 358.

⁷⁵ Ibid. P. 354.

Исходя из символического предназначения кольца, ритуал его вручения есть, по сути, венчание на Царство, где «брачующимися» сторонами выступают монарх и божественное провидение. Кольцо является средоточием силы королевского могущества вследствие данного союза. Об этом свидетельствует последующая молитва: «Господи, велико могущество и великолепие Твое. Дай рабу Твоему дух великой силы. В этом Твоя вечная награда. Пусть всегда устрашается (он) Твоего справедливо-го суда. Именем Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего»⁷⁶.

Необходимо отметить, что с этого момента текст *ordo* Фулрада приобретает замечательно строгую композицию, обусловленную вручением очередной регалии и последующей за ним молитвы. Таким образом, протокол церемонии продолжает расширяться как за счет введения новых регалий, которые отсутствуют в *ordines* Хинкмара, но и упорядочивания ритуалов их вручения. Так, после благословения кольца *ordo* Фулрада предписывает вручение королевского меча архиепископом (*hic signatur ei gladius ab archiepiscopo*). «Прими сей меч, коим Господь благословляет тебя обращать в бегство преступников, в коем воплощен Святой Дух. Пусть он придаст тебе мужество. Перед врагами Святой Церкви правь под защитой и покровительством войска Господня. С помощью нерушимо побеждающего Господа нашего Иисуса Христа, чей Отец пребывает в единстве со Святым Духом и правь в мирском свете»⁷⁷. Таким образом, меч трактуется как регалия воинской мощи короля-ревнителя устоев веры и верного сына Церкви.

Является ли меч исключительно светской регалией? Окончательно утвердительному ответу на этот вопрос мешает текст молитвы после вручения меча (*oratio post gladium*), где наряду с традиционной просьбой о милосердии «...к нашему христианнейшему королю» содержится призыв: «Пусть все враги будут рассечены духовным мечом. Да пребудет в тебе глубоко убежденный воин. Именем Господа...»⁷⁸. Понятие «духовного меча», воплощающего Святой Дух и находящегося в руках монарха, нарушает традиционное соотношение двух властей — *potestas* и *auctoritas*, оно также несколько корректирует представление о роли и месте Церкви в структуре средневекового общества. Королевский меч в руках монарха — члена небесного воинства — знаменует главное: переход части прерогатив духовенства к государю, приобретающему таким образом особые священнические полномочия. Следовательно, *ordo* Фулрада, а равно и *ordines* Хинкмара, склонно изначально задавать сакральности королевской власти очень высокую степень, используя для этой цели даже меч — до сего

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Ibid.

момента сугубо светский символ могущества. В непосредственном смысле это нарушало доктрину «двух мечей» (т.е. разделения функций светской и духовной властей), поэтому неудивительно, что толкование королевского меча как «духовного» исчезло из последующих *ordines*.

Только после вручения меча наступает очередь коронации. Корону голову монарха, архиепископ от имени Церкви так наставляет его: «...Пусть благословение наше всегда собирает (для тебя) плоды чести, пусть с короной пребудет (твое) вечное правление. Прими власть как испытание смиренно, как и подобает христианину. Будь долговечен, прими правление и вечную власть во веки веков»⁷⁹.

Последующее вручение скипетра благословляется в полном соответствии с *ordo* Людовика Заики. Идентичность текстов⁸⁰ подтверждает уже высказанную ранее мысль об эволюционном развитии церемонии, но в данном случае вновь обращает на себя внимание общая концовка всех благословений — *in saecula saeculum*. Если в *ordines* Хинкмара она фрагментарна, то в *ordo* Фулрада становится уже повсеместным явлением. Посредством этого подчеркивается предназначение сакральной функции королевской власти — именно такого рода приоритет монарха санкционирует Церковь. *Ordo* Фулрада не ограничивается вручением скипетра, за ним следует очередь передачи жезла (*tunc datur ei virga*) как регалии королевского правосудия, которое должно быть справедливо. Как гласит одна из молитв, дополняющих основной текст *ordo*, «справедливость — вот испытание власти»⁸¹. Содержание же наставлений, произносимых архиепископом при вручении жезла, представляется крайне важным, поскольку имеет не только ставший уже традиционным поучительный характер, но и дает пример представлений о предназначении королевской власти, арактерных не только для Церкви, но и всего западноевропейского общества конца X в. Суть их можно передать как сплав христианской этики и политического знания, ориентированного на действительность. «Прими жезл справедливости и равенства перед законом, который представляет смягчение кары и преследование осужденных. Наставляй заблудших на путь истинный. Опустит карающую длань. Уничтожь высокомерных, но утешь смиренных. Для тебя всегда открыта гостия Господа нашего Иисуса Христа (имеется ввиду алтарь, открытый во время мессы. — С.П.)»⁸². Затем речь архиепископа звучит от первого лица: «Я есть жертва (*ego sum gostium*), через меня всякий раз (тебя) достигает справедливость»⁸³. На наш взгляд, в данном случае сам Христос произносит указанные слова, что под-

⁷⁹ Ibid.; *Ordo coronationis Hludowici Balbi*. S. 461.

⁸⁰ Paris Bibl. Nat. P. 354.

⁸¹ Ibid. P. 356.

⁸² Ibid.

⁸³ Мф. I:20. Лк. I:27, 32, 69; II:11.

тверждается приведенной ниже апелляцией к Давиду, как идеальному правителю: «И да удержи (ты), как Давид, скипетр дома Израилева: который открыт тому, кто его удержит. Удержан тем, для кого открыт»⁸⁴, т.е. Христом, который, согласно Священному Писанию, принадлежал к роду Давида⁸⁵. Таким образом, передача жезла Давида франкскому монарху может расцениваться не только как непосредственная преемственность правления, о которой говорилось выше, но и как намек на отождествление власти короля с властью Христа — Царя Небесного.

Наставляя государя, архиепископ от имени Христа продолжает: «Даю тебе право, которое связывает воедино кару упорных в заблуждении узников и тень смерти (т.е. санкционирует право королевского суда на смертную казнь, формально расцениваемую христианской догматикой как преступление перед Богом. — С.П.). Во всемогуществе достоинство. Так пророк возвещал Давиду: “Престол твоего господства — в светском мире, жезл — всегда жезл царствования твоего”. Следуй этому, чтобы править. Тщательно соблюдай закон и не передавай бразды правления врагам. Потому помазал тебя Господь на правление твое елеем блаженства (*oleo laetitiae*). По примеру того, как прежде был помазан в миру Господь наш Иисус Христос»⁸⁶. Как следует из окончания благословения, Церковь в лице авторов *ordo* сама четко еще не осознавала место и роль сакральной функции, которой она наделила монарха, в вопросе о приоритете властей. Представленный текст можно толковать двояко. С одной стороны, королю отводилось место только в миру с целью править справедливо и не лишаться трона, что было весьма актуально для Каролингов в конце IX — начале X в. С другой стороны, помазание короля объявляется тождественным помазанию Иисуса, и все оговорки не могут окончательно отрешить от аналогии, проведенной между Царем Небесным и франкским королем.

Видимо, с целью упорядочивания и разъяснения этого противоречия, *ordo* Фулрада вводит в протокол церемонии своего рода речь архиепископа, названную «обозначение статуса правителя» (*regis status designatur*). Ей отведено место после вручения регалий, вслед за которыми произносятся благословения короля, полностью идентичные благословениям Хинкмара в *ordines* Карла Лысого и Людовика Заики⁸⁷. Благословения остальных епископов отсутствуют, по причине «...своей близости они с легкостью исчезли из последующих *ordines*...», — как верно замечает Дж. Нельсон⁸⁸. На смену им пришло более уместное в данном случае обоснование позиции Церкви по отношению к только

⁸⁴ Paris Bibl. Nat. P. 356.

⁸⁵ Мф.1:27, 32, 69; II: 11.

⁸⁶ *Ordo coronationis Karoli II*. S. 456; *Ordo coronationis Hludowici Balbi*. S. 462.

⁸⁷ *Nelson J.L. Politics and Ritual*. P. 155.

⁸⁸ *Ibid.*

что посвященному королю. Она выступает сторонницей сильной наследственной власти во избежание феодальных междоусобиц и спасения от них клира. «Впредь будь стоек и предан, так как до этого отцовской волей тебе было справедливо передано прямое наследование. (Будь) всемогущим правителем. (Будь) привержен нашей традиции. Впредь епископ каждый день будет отправлять службу. Насколько близко клир стоит у святых алтарей, настолько далека должна быть от него данная опасность (потери королем полученной по наследству власти. — С.П.)»⁸⁹.

Далее следует решающее в свете поставленной проблемы заявление о разделении сфер влияния: «Насколько (клир) — посредник между Богом и человеком, настолько ты — посредник между клиром и народом. В правлении своем (будь) предельно смел. В вечности (ты) предстанешь перед ликом вечного правителя Иисуса Христа, Господа нашего, Царя Царей, Который есть Бог, Сын и Святой Дух»⁹⁰. Разъяснив таким образом функциональные полномочия каждой из властей, архиепископ поучает монарха и на «отданном» ему поприще светского правления: «Вот какими тремя правилам подчиняется (тебе) христианский народ. Во-первых, Церковь Господня и весь христианский народ веруют в радость вечного служения (Богу). Во-вторых, алчность и всякого рода недовольства (нужно) повсеместно запретить. В-третьих, всегда быть справедливым и милосердным в решениях. Для себя и всех нас просить отпущения грехов — таково христианское милосердие и милость Господа, который есть Отец наш»⁹¹. Подобного рода менторский тон, по всей видимости, призван умалить притязания монарха на большие полномочия, если таковые появятся. Как свидетельствует практика, они в последующем имели место в династии Оттонов, борьба которых со Святым Престолом приняла наиболее яркие формы. Что касается Франкского королевства, то здесь претензии королевской власти также выходили за рамки предписаний Церкви. Не последнюю ограничивающую и сдерживающую возможный конфликт роль сыграло, на наш взгляд, *ordo* Фулрада, протокол которого пытается разграничить функции каждой власти при санкционировании сакральных основ светской монархии. Подтверждением служит тот факт, что определение статуса правителя по образцу *ordo* Фулрада вошло во все последующие коронационные порядки, созданные во Франции. Оно не исчезло ни в период правления Филиппа VI Красивого, во время «авиньонского пленения пап», ни в эпоху абсолютизма, когда в констатации верховенства Церкви над королевской властью уже не было столь очевидной необходимости.

⁸⁹ Paris Bibl. Nat. P. 357.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid.

По завершении речи архиепископа, церемония *le sacre royal* вступает в свою завершающую стадию, когда после мессы приходит черед *collaudatio* и двойной евхаристии короля: «И затем восхваляет (его) весь клир и народ, и каждый провозглашает: “Да здравствует король счастливо вечно!” (*Vivat rex feliciter in sempiternum*). Трижды провозглашается: “Да здравствует король над нами!” (*Vivat rex ut supra*), и затем король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином, и таким образом месса заканчивается. Дважды король и собравшиеся с архиепископом священники вкушают тело и кровь Христову. И так провозглашают Господу благодарность. Затем приступают к трапезе»⁹². Таким образом, *ordo* Фулрада сохраняет принятое в *ordines* Хинкмара право двойной евхаристии монарха наряду с клиром и не игнорирует традицию *collaudatio*. Интересен факт упоминания о последующем за церемонией пире, поскольку Хинкмар не дает нам подобной информации ни в *ordines*, ни в «Анналах». Возможно, подобная практика имела место и при его жизни, но свое отражение в протоколе она нашла только в *ordo* Фулрада и впоследствии была закреплена.

Суммируя все изменения, зафиксированные в процедуре церемонии *le sacre royal* от *ordines* Хинкмара до *ordo* Фулрада, необходимо признать, что они заложили ее фундамент и сделали возможным дальнейшую трансформацию в капетингских *ordines*. С другой стороны, по своей структуре и содержанию *ordo* Фулрада имеет ряд качественных отличий, в большей степени относящихся к серии коронационных порядков второй половины XIII в. Поэтому в периодизации эволюции церемонии более целесообразным будет выделить *ordo* Фулрада и *ordines* Хинкмара как отдельные этапы. При всей бесспорности взаимосвязи этих текстов, в *ordo* Фулрада превалирует направленность на усложнение смыслового содержания и расширение протокола церемонии, что сближает его с последующими *ordines*. С фактической же стороны, т.е. с точки зрения исторических реалий, сопровождающих создание коронационных порядков, *ordines* Хинкмара, созданные им во второй половине IX в., ближе к *ordo* Фулрада, датированному концом X в. Между ними дистанция немногим более века, за который Западнофранкское государство все более глубоко погружалось в состояние политической раздробленности. Следующие же *ordines* будут написаны уже в принципиально иной период истории Франции — в правление Людовика IX Святого, с именем которого связана успешная политика централизации страны и постепенного вывода ее из феодальных междоусобиц. Поэтому с данной точки зрения *ordines* Хинкмара и *ordo* Фулрада имеют больше общих черт.

⁹² Ibid. P. 358.

Французский монарх, Церковь и Двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения

Церемония королевского посвящения французских монархов (*le sacre royal*) представляла собой сложный и долгий комплекс ритуалов, генезис которых имел место в период с середины IX по вторую половину XIV в. За это время (около 500 лет) окончательно сложилась процедурная часть инаугурационной церемонии, совершаемой над королями Франции архиепископом Реймским в Реймском соборе Нотр-Дам. Последний стал постоянным местом проведения *le sacre royal* отнюдь не сразу, а с утверждением первых Робертинов/Капетингов — Карла III Простоватого в 893 г., Роберта, маркиза Нейстрии в 922 г., и Гуго Капета в 987 г.¹, прошедших свое посвящение в аббатстве Сен-Реми в Реймсе. Собор же стал местом посвящения Роберта II Благочестивого в Рождество того же 987 г. За исключением Гуго II (1017 г. — Компьень), Людовика VI Толстого (1198 г. — Орлеан) и Генриха IV (1594 г. — Шартр), прочие короли Франции принимали посвящение в Реймском соборе вплоть до последнего прецедента — инаугурации Карла X в 1825 г.

¹ Гуго Капет до посвящения в аббатстве Сен-Реми был объявлен королем и 1 июля 987 г. коронован архиепископом Реймским Адальбертом в соборе Нойона. Через четыре дня, 5 июля, тот же Адальберон Реймский совершил церемонию *le sacre royal* уже в аббатстве Сен-Реми. См.: Law J. *Fleur de lys. Kings and Queens of France*. N.Y., 1976. P. 27; Jackson R.A. *Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825)* / Trad. par M. Arav. M. Paris, 1985. P. 205; Bur M. *Reims, ville des sacres // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975. P. 47.

Однако наиболее полный «послужной список» дат и обстоятельств рождения, посвящения и смерти французских монархов от Меровея до Людовика XIII включительно приводит придворный секретарь и юрист, грэффье королевского суда Жан Дю Тийе, начавший карьеру при Генрихе II и закончивший ее во времена Людовика XIII. Довольно обширный, хотя и не столь последовательный по своей внутренней структуре, трактат Ж. Дю Тийе «Сборник о королях Франции, их короне и доме», впервые увидевший свет в 1606 г. и неоднократно переиздававшийся впоследствии, содержит, кроме прочего, подробный регистр всех знатных родов, служб и чинов Французского королевства. См.: Ensemble, *le rang des grandes de France*, par Jean Du Tillet, Sieur de la Buffiere. Protonotaire et Secretaire du Roi, Greffier de son Parlement. См.: *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronnes et maison*. Paris, 1606. P. 15—251. Разумеется, первое место отведено королям. Регистры Ж. Дю Тийе являют, на наш взгляд, наиболее полную картину структур высшей политической власти и всех ее служб. Применительно к нашей проблеме места коронации и епархиальной принадлежности прелата, посвящающего короля, данные Ж. Дю Тийе и указанных выше современных справочных сведений, возможно представить в форме таблицы (Приложение 1).

Разумеется, заявленные рамки не предполагают детального описания церемонии — это невозможно хотя бы в силу ее протяженности во времени (включая только процедуру в соборе, она занимала около 6-ти часов) и периодических дополнений в порядке ее проведения. Наша цель более частная — проследить «ролевую» структуру мизансцен протокола, позволяющих расставить акценты соотношения инициативы сторон-участниц, задействованных в посвящении короля. Такими сторонами с переменным успехом являлись три наиболее значимые группы участников: сам король, представители Церкви и светской знати. Состав двух последних групп склонен был меняться со временем и занимать различные ролевые позиции по отношению друг к другу и посвящаемому королю.

Самыми ранними источниками, описывающими процедуру инаугурации, как уже говорилось выше, явились т.н. *коронационные порядки* (или *чины*) — *ordines ad consecrandum et coronandum regem* — сборники записи литургии, сопровождающей церемонию и в меньшей степени — процедурной ее части. Предпосылки к появлению *ordines* возникают в различных регионах Западной Европы в период с конца VIII и вплоть до первой половины IX в. И связаны они, прежде всего, с расцветом монастырской культуры и политической идеологии². Синхронность в организации текста и аргументации наиболее ранних *ordines*, как мы уже отмечали выше, наводит на мысль об общем протографе, а также некоем едином концептуальном ядре и, следовательно, одном авторе церемонии. Безусловно, обнаружение древнейших рукописей позволило бы существенно продвинуться в изучении данного вопроса. В середине IX в. в Западнофранкском государстве появляются четыре *ordines*, составленные, как установили Дж. Нельсон и Р. Джексон³, архиепископом Реймским Хинкмаром: *ordo* Юдифи, дочери Карла Лысого (856 г.)⁴, *ordo*

² *Ordo mit wechselseitigen Eiden für die Krönung Ludwigs II. des Stammlers zu Compiègne am 8. Dezember 877; Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandt. Berlin, 1938. Bd. 15.1. S. 15—16; Mainzer-Ordo // Idem. Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, 1969. Bd. III. Beiträge zur allgemeinen Geschichte. Vom 10. bis zum 13. Jahrhundert. S. 94—103; Ordo C: Erdmannscher (Westfränkischer) Ordo um 900 (Zwischen 880 und 960) // Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum Anland des 10. Jahrhunderts. S. 216—219; Ordo E: "Ordo des Hgl. Dunstan" zwischen 960—973 // Ibid. S. 223—233; Ordo F: Ordo hergerichtet für die Krönung des Königs Edgars von England durch den Hgl. Dunstan, Erzbischof von Canterbury zu Bath 11. Mai 973 // Ibid. S. 233—244.*

³ *Nelson J.L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986. P. 343—360; Jackson R.A. Who wrote Hincmar's ordines? // Viator. 1994. Vol. 25. P. 31—52.*

⁴ *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427.*

Эрментруды, его супруги (866 г.)⁵, *ordo* самого Карла Лысого (869 г.)⁶ и *ordo* Людовика Заики (877 г.)⁷. К ним примыкают главы «Анналов Сен-Бертин» за 843—882 гг.⁸, также написанные Хинкмаром, где он фиксирует сам протокол проводимых им церемоний посвящений Карла Лысого и Людовика Заики.

Что касается формы проведения церемонии, то при ее выборе Хинкмар не был оригинален, положив в основу королевского посвящения порядок литургии. Так, тексты двух первых *ordines* — *ordo* Юдифи и *ordo* Эрментруды не отличаются от праздничной католической мессы, сопровождающей брачную церемонию по григорианскому образцу. Однако посвящения Карла Лысого и Людовика Заики требовали уже большего осмысления, и столь известный приверженец политического единства Западнофранкского государства, как Хинкмар, составил следующие два *ordines* уже с этих позиций. Если литургический строй и является основой процедуры церемонии, то уже в несколько ином измерении — как общий фон вступления короля на престол. Поэтому *ordines* 869 и 877 гг., наряду с молитвами, гимнами, хорами и пр., содержат элементы процедуры ритуалов, совершаемых непосредственно для посвящения короля.

Анализ текстов *ordines* показывает, что именно Хинкмар Реймский заложил троичную ролевую структуру церемонии: монарх — Церковь (в лице 7-ми епископов, представителя папы и их сопровождающих) — светская знать (обозначенная довольно расплывчато как «люди чести»). Все участие последней группы, по замыслу Хинкмара, сведено к ответу на призыв одного из епископов одобрить кандидатуру короля: «Если это вам по нраву, откликнитесь своими голосами»⁹.

После раздавшихся возгласов одобрения — *collaudatio* — все присутствующие произносят *Te Deum laudamus*, и на этом участие светских лиц сменяется пассивным присутствием, позволяющим наблюдать за церемонией, но не вмешиваться в нее.

Данная поправка, несмотря на определенную торжественность процедуры *collaudatio*, описана Хинкмаром как бы вскользь, будучи «подавлена» текстами благословений епископа и последующей общей молитвы. *Collaudatio*, кроме собственно ритуального, наполнены значительным социальным смыслом. На наш взгляд, *collaudatio* — своеобразное продолжение германской традиции приветствия поднятого на щит вождя и римского обычая приветствия императора армией и Се-

⁵ Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455.

⁶ Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458.

⁷ Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462.

⁸ Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.

⁹ Ibid. P. 163.

натом¹⁰. Несомненно, составляя процедуру *le sacre royal*, Хинкмар понимал ее форму как литургическую, но он не мог ограничиться только двумя действующими лицами — клиром и королем. Правовое, легитимное начало власти посвящаемого короля должна была привнести и светская знать, и прежний германо-римский обычай отвечал этой задаче как нельзя лучше. Разумеется, Хинкмар наделил его более подобающей для литургического обрамления *collaudatio* формой: место воинственного клича «Хайе!», выкриков «Мы желаем его!» и т.д. было вытеснено совместным произнесением *Te Deum laudamus* — одной из центральных молитв литургии.

Все процедуры, совершаемые над королем (а это молитвенные наставления епископов, помазание Священным Елеем, коронация, вручение скипетра и таинство Евхаристии дважды в течение мессы — *super oblata*¹¹), производит архиепископ Реймский с помощью прочих епископов. Более того, *ordo* Людовика Заики вводит ритуал прощения епископов к королю и его ответное обещание Церкви — *promissio*. Вот как описывается его процедура: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов <...> подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции <...> со словами: “Тебе даем прошение, как первому из знатных, и лучшие люди Церкви вверяют тебе свои канонические привилегии и вменяют законные обязанности по справедливости сохранять и защищать предъявленные права, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, преданным ему”. Тогда король <...> склоняет голову, произнося при этом следующее: “Обещаю вам и подтверждаю только для вас и нашей Церкви быть верным каноническим привилегиям и своей законной обязанности сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет продолжать защищать их”»¹².

¹⁰ Нельзя не согласиться с Э. Канторовичем, усмотревшим в *collaudatio* и правовое начало, поскольку «издать приветственный возглас — означало возвести нового правителя в королевское достоинство и публично признать его новое звание». См.: *Kantorowicz E.H. Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship / Trans. by M.F. Bursosfer. Berkeley—Los-Angelos, 1946. P. 76.*

¹¹ *Super oblata* является прологом литургии и завершает ее. Сама процедура двойной евхаристии выглядела традиционно, и Хинкмар не описывает ее, ограничиваясь фиксацией молитвенной речи епископа, причащающего короля. «*Super oblata*: взгляни, Господи, одари народ Твой святым долгожданым даром. Одари, Господи, святым причастием, единым Телом и Кровью Своей, как нас (клир. — С.П.), так и Карла, нашего короля, чья душа, подвластная Тебе, открыта Твоей милости...» // *Ordo coronationis Karoli II. S. 457.*

¹² *Ibid. P. 156.*

Королевское *promissio* по сути представляет нечто вроде договора, призванного привести к согласию и равновесию два типа властей — светскую и духовную. Дело в том, что о подобном договоре в какой бы то ни было форме (устной или письменной) с феодальной знатью *ordines* Хинкмара и все последующие за ним умалчивают! Присутствующие светские гранды могли лишь вербально одобрить (либо промолчать и таким образом отвергнуть) претендующего на посвящение монарха. *Collaudatio* приобрели, по замыслу Хинкмара, и духовную окраску: наряду с признанием за аристократами права на выбор, он осуществлялся, согласно протоколу церемонии, с санкции Церкви, только после разрешения епископа, и завершался общей молитвой. Вместе с тем, лишь заручившись согласием светских лиц (напомним, что их состав в *ordines* Хинкмара не прописан), Церковь могла продолжить церемонию — помазать и короновать монарха.

Таким образом, Хинкмар Реймский попытался разрешить две проблемы, введя в церемонию договорную основу. На условиях совместного участия в церемонии светских лиц и клира акцент был расставлен в пользу последнего. Впрочем, интересы знати, безусловно, не игнорировались: представители влиятельных родов имели право голоса, пусть без закрепления своих полномочий устным или письменным соглашением с королем, но без их присутствия и одобрения посредством *collaudatio* церемония в дальнейшем не проводилась. Принцип договора, поиска позитивного диалога между всеми участниками, выдвинутый Хинкмаром, превратится в логическую основу, своего рода «закладной камень» процедуры церемонии.

Дальнейшее изменение соотношения ролей участников *le sacre royal* прослеживается в т.н. *ordo* Фулрада или Ратольтда¹³. Судя по всему, данный текст имеет англосаксонское происхождение, т.к. принадлежит, вероятнее всего, ирландскому монаху, миссионеру и проповеднику Ратольтду. Известно, что клирик специально по случаю коронации в 973 г. короля Эдгара составил *ordo*, рукописные копии которого вскоре попали на континент. Один из списков попал в конце X в. в руки монаха arrasского аббатства Сен-Вас Фулрада. Благодаря его компиляциям первоначальный текст *ordo* Ратольтда был значительно расширен за счет включения в него «порядков» Хинкмара. Пройдя извилистый путь, *ordo* Фулрада лег в основу процедуры церемоний королевского посвящения до периода правления Людовика IX Святого, т.е. с посвящения Гуго Капета в 987 г. до первой половины XIII в. (*Приложение 1*).

¹³ “Ordo von Arras”, verfaßt in der Diözese Arras (im Kloster St.Vaast?) um 1000 // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 23—24; Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 345—361.

Ordo Фулрада радикально не меняет принцип ролевого участия короля, клира и светской знати, но вводит несколько важных новаций, направленных на активизацию позиции монарха. Так, по окончании *collaudatio* светских грандов протокол предусматривает ритуал прострации короля: «...И два епископа берут его (короля. — С.П.) за руки и подводят к алтарю, и он простирается перед ним до конца пения *Te Deum laudamus*»¹⁴.

Приложение к основному тексту *ordo*, составленное авторами, по всей видимости, с прикладной целью, содержит протокол ритуала прострации: «*Prostratio regis*: должно (королю. — С.П.) подойти со священником к алтарю и крестообразно простереться перед ним и подняться перед преподобным архиепископом, когда тот произносит следующую молитву: “Прими, Господи, общую молитву нашу. Смиренная откровенность наша — это верное служение Тебе, исполненное веры. Именем Господа...”»¹⁵.

Аналогия королевской прострации с ритуалом рукоположения клира несомненна. Очевиден и тот факт, что протокол *ordo* Фулрада не только ставит короля в центр церемонии, но и стремится придать его власти максимально сакрализованную санкцию.

Еще одним аргументом в пользу короля является выделение в *ordo* Фулрада ритуала посвящения короля (*consecratio regis*). Наряду с сопутствующим его литургическим фоном (содержание гимнов и молитв также ориентировано на короля¹⁶) *consecratio regis* включает помазание Священным Елеем, сопровождающееся специальной коронационной формулой *Coronet te Deum*, введенной еще Хинкмаром Реймским в *ordo* Карла Лысого: «Коронует тебя Господь короной славы (*corona gloriae*) в милосердии Своем и да сделает тебя королем, помазанным милостью Святого Духа, как помазывает Он только священников, королей, пророков и мучеников, коим вера заменяет власть и чье милосердие справедливо, коим обещана награда, награда милости Божией, которая явлена

¹⁴ Paris Bibl. Nat. P. 350.

¹⁵ Ibid. P. 358.

¹⁶ Автор считает возможным ограничиться одним, но чрезвычайно ярким примером молитвы-пожелания, сопровождающей посвящение (непосредственно помазание) короля: «Вечно всемогущество Господне, Творца и Правителя ангелов и людей. Господи, даруй сему рабу Твоему N (имя короля. — С.П.) самоотверженность в управлении всем Альбионом, а именно Францией. Дай ему Твои многочисленные благословения. Пусть всемогущая десница Твоя всегда охраняет (его). Как укрепило откровение верность Авраама. Моисей укротил море. Иосиф защитил своей силой. Давид смирил гордыню. Соломон был украшен мудростью. Тебе (обращение архиепископа к королю. — С.П.) тоже необходимо все это. Пропусти справедливость беспрепятственно шествовать. Всем священникам Альбиона, равно как и миру (т.е. светским лицам. — С.П.) нужно знать свои обязанности. Победы тебе над всеми врагами, видимыми и невидимыми. Аминь» // Ibid. P. 252.

в сопричастности Царству Небесному и всецело преданному служению (Ему). Аминь»¹⁷.

Прострация и помазание на царство максимально приближали короля к клиру и одновременно отодвигали последний на второй план.

Однако король, рукоположенный и помазанный, не получал духовный сан. Об этом свидетельствуют ритуалы вручения королевских регалий в следующем строгом порядке: коронационное кольцо, меч, корона, скипетр и жезл (впоследствии его заменит Рука Правосудия). Все они призваны, каждая со своим символическим смыслом, подчеркнуть именно светские полномочия короля, о чем также свидетельствует содержание благословений, произносимых архиепископом Реймским при вручении очередной регалии (*Приложение 2*).

Появление в церемонии регалий, свидетельствующих о принадлежности короля к «воюющим» (меч) и определяющих его статус главы высшей политической власти в государстве (корона, скипетр, жезл), впоследствии будет закреплено и расширено, в известной мере секуляризируя процедуру и придавая клиру своего рода «обслуживающую» монарха роль.

Кроме того, *ordo* Фулрада не ограничивается дихотомией ролевой структуры церемонии «король — клир», минимизируя участие светских лиц кратким *collaudatio*. Согласно тексту *ordo*, по завершении вручения королю регалий и сопровождающей эти ритуалы части мессы, гранды совершают повторное *collaudatio*, провозглашая определенные протоколом восклицания: «Да здравствует король вечно!», «Да здравствует король над нами!»¹⁸.

Однако в полной мере данная тенденция, позволившая «проникнуть» в диалог короля, архиепископа Реймского и светских лиц, прослеживается в своде т.н. капетингских *ordines* и *ordines* Валуа. К ним относятся коронационные порядки периода правления Людовика IX, реформаторская деятельность которого нашла отражение и в церемонии королевского посвящения, *ordo* Реймса 1230 г.¹⁹, *ordines* 1250²⁰

¹⁷ *Ordo coronationis Karoli II*. S. 457; Paris Bibl. Nat. P. 352.

¹⁸ «И затем, — продолжают авторы *ordo*, — король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином, и таким образом месса заканчивается. Дважды король и собравшиеся с архиепископом священники вкушают Тело и Кровь Христову. И так провозглашают Господу благодарность. Затем приступают к трапезе» // *Ibid*. P. 358.

¹⁹ *Ordo de Reims* // *Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIIIe—XIIIe siècles)* / Éd. Y. Chevalier // *Bibliothèque liturgique*. Paris, 1900. № 7. P. 222—226.

²⁰ Сокращенный вариант *ordo* 1250 г. приводит П. Шрамм, считающий его компиляцией более раннего, ныне утраченного текста 1200 г. См.: *Kompilation von 1200* // *Schramm P.E. Ordines-Studien II*. S. 23—28. Наиболее полный вариант при-

и 1270 г.²¹, а также «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эврэ» 1321 г.²² и *ordo* Карла V 1364 г.²³ Применительно к проблеме ролевой инициативы сторон следует отметить факты прямого указания на участие не только светских грандов, но и Двора в процедуре церемонии, дальнейшей централизации роли монарха и относительно равноценной позиции светских и духовных лиц. Рассмотрим их по порядку следования протокола.

1. Разумеется, церемония была представлена большим количеством ритуалов, однако для исследования заявленной проблемы ролевой инициативы автор считает возможным привлечь только ту часть протокола, которая отвечает данной цели. Так, капетингские *ordines* вводят термин «люди Двора» (*les hommes du Coure*), под которым понимаются как светские пэры (обличенные либо должностями при короле, либо обозначающие свое присутствие как представители высшей знати), так и должностные лица как таковые. Кроме того, «люди Двора» — это вся

веден Т. Годфруа в своде «Французского церемониала». См.: *Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Godefroy Th. Le cérémonial françois. Paris, 1649. T. 1. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrées soulennelles et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Théodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. P. 13—30.*

²¹ П. Шрамм, назвавший его «последним капетингским *ordo*», предпринял публикацию, тождественную рукописи, обнаруженной В. Лероке среди манускриптов аббатства Шалон-на-Марне и аббатства Сен-Бертин в Омере, что позволяет говорить об одном и том же тексте *ordo* 1270 г. См.: *Letzte Kapetingische Ordo (sog. Ordo von Sens), verfaßt in den Jahren Philipp IV. oder seiner Söhne, zwischen Ende des 13. Jahrh. und etwa 1320 // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 33—39; Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne ou Livre du sacre des Rois de France. XIII siècle. 2-e moitié. Paris, Bibliothèque nationale. MS. lat., 1246 // Les pontificaux manuscrits des Bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais Paris, 1937. Vol. II. P. 145—146; Pontifical de Saint-Bertin. XII siècle. Saint-Omer, Bibliothèque municipale. MS. 98 // Ibid. P. 318—323.*

²² *The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1—12.*

²³ П. Шрамм полагал, что *ordo* Карла V лег в основу церемонии королевского посвящения как во Франции, так и в Англии, поскольку был вывезен англичанами в период Столетней войны. См.: *Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Bofehlaufgesetzt und illustriert, vom iht selbst seiner Bibliothek eingluedert // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 43—48; "Forma et modus", d.h. sachlich geordnete Auszüre aus dem "Lyttlington-Ordo" (№ 33), und andere Aufzrichnungen, zu praktischen Zwecken zu sammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // Idem. Ordines-Stidien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung, in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ölttere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369—375. В одной из самых полных редакций *ordo* Карла V содержится во «Французском церемониале» Т. Годфруа. См.: *Godefroy Th. Op. cit. P. 31—51.**

прочая масса придворных как со стороны короля, так и со стороны королевы (и со стороны принцев, если они к тому времени уже имелись в семье посвящаемого).

2. *Ordo* Реймса вводит процедуру процессии со Святым Сосудом²⁴, переправляемым из аббатства Сен-Реми, где он постоянно хранился, в Реймский собор. Реликвию со Священным Елеем сопровождают, наряду с четырьмя монахами аббатства, четыре барона: «Король отбирает четырех лучших из знати, которых он отправляет на рассвете в Сен-Реми, чтобы испросить Святой Сосуд. Они клянутся аббату в церкви аббатства, что вернут его <...>. Монахи процессией выходят вслед за аббатом и четырьмя избранными из своей среды, несущими балдахин над аббатом с реликвией, неся распятие и горящие свечи, чтобы доставить Святой Сосуд в собор (Реймса. — С.П.)»²⁵.

Участие светских лиц призвано, помимо прочего, еще и защитить реликвии от возбужденной толпы, сопровождавшей процессию на всем ее движении. Очевидно, что подобная предосторожность была необходимой, да и с задачей по охране могли справиться только подготовленные люди. Присутствие четырех баронов в ритуале со Святым Сосудом — прямой признак проникновения светского начала в некогда церковную процедуру церемонии. Монополия клира на ее проведение длилась не столь долго: уже со второй половины XIII в. представители феодальной знати приобретают все больший вес, наделяя церемонию придворным блеском и роскошью. Так, баронам, сопровождающим Святой Сосуд, предписано следующее: «Четыре барона должны идти перед ним (аббатом Сен-Реми. — С.П.), каждый со знаменем и гербом своего дома, которые их оруженосцы несут перед ними, затем, подъехав к собору, они (бароны) возвращаются в аббатство <...>. Они оставляют своих оруженосцев вокруг раки с мощами святого Реми»²⁶.

Двор встречает процессию на ступенях собора и препровождает Святой Сосуд в храм.

²⁴ Святой Сосуд или Святая Скланка (*la Sainte-Ampoule*), согласно составленному Хинкмаром Реймским «Житию Святого Реми», был чудесным образом явлен епископу Реймса во время крещения Хлодвига, что стало основой одной из самых известных сакральных легенд французской короны и закрепило за Реймсом место *le sacre royal*. Хинкмар прямо заявляет, что: «...Часть Священного Елея, которая у нас имеется, должна быть использована для помазания Карла (Карла Лысого. — С.П.) и последующих королей, как и для Хлодвига». См.: *Vita Remigii episcopi Remensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Merovingicarum* / Ed. by B. Krusch. Hannover, 1896. Bd. III. № 16. S. 256. Тем самым Хинкмар раз и навсегда связал в сознании последующих поколений крещение Хлодвига и посвящение Каролингов и их преемников.

²⁵ *Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne*. P. 145.

²⁶ *Ibid.*

3. Двор располагается на скамьях, рассредоточенных по принципу амфитеатра, по левую сторону от Большого Алтаря, но по правую от стоящего к нему лицом короля. Клир, в свою очередь, выстраивался справа от алтаря, по левую сторону от монарха. Данный порядок мест не был случайным. Вот как описывает его «Французский церемониал» Теодора Годфруа 1649 г.: «По левую сторону от Большого Алтаря, напротив скамьи пэров Церкви находится место с идущими вверх ступенями для <...> герцога Бургундского; напротив него — скамья для остальных светских пэров; затем располагаются скамьи для маршала Франции и прочих видных сеньоров Двора, еще ниже — для государственных секретарей, в самом низу для официальных лиц Двора и офицеров королевского дома. На той же стороне, напротив двух перегородок с двенадцатью креслами устроена трибуна для королевы, которая одна или с другими принцессами и первыми дамами Двора будет там присутствовать»²⁷.

Таким образом, очевидно, что Двор занимает более почетное, правое место по отношению к королю, что уравновешено его левосторонним расположением от алтаря собора. Зеркально размещившийся клир имеет явную духовную доминанту, будучи по правую сторону от алтаря, но по левую — от монарха. Позиции обеих сторон уравновешены с точки зрения как сословной принадлежности, так и внутренней иерархии расположения мест.

4. Из светских господ капетингские *ordines* и *ordo* Карла V указывают собственно пэров (среди них выделяется герцог Бургундский) и высших должностных лиц — коннетабля, церемониймейстера, камергера и канцлера. Согласно *ordo* Реймса, совершив вручение и благословение меча, архиепископ начинает ритуал созыва пэров. В нем ведущее место отведено светским грандам: их вызывают перед пэрами Церкви, и самым первым является герцог Бургундский, который затем приглашает всех остальных. Он постоянно стоит рядом с королем, поскольку, как предписывает протокол, «...должен надеть и снять королю шпоры во время благословения меча»²⁸.

Эта привилегия сохранялась за Бургундским домом вплоть до последней церемонии 1825 г. *Ordo* обозначает изначальную роль герцога в церемонии: «Герцог Бургундский, как первый пэр, подает королю шпоры <...> и тут же одевает их на его сапоги»²⁹.

Сам «владыка Запада» вызывал еще пять светских пэров, перечень которых закреплен во «Французском церемониале» на основе более ранних регистров, приведенных в «Сборнике о королях Франции» Ж. Дю Тийе. Это герцоги Норманнский и Аквитанский (Гиеннский), графы Ту-

²⁷ Ibid. P. 198.

²⁸ Pontifical de Saint-Bertin. P. 320.

²⁹ Godefroy Th. Op. cit. P. 391.

лузский, Фландрский и Шампанский. Пять пэров Церкви — это вызываемый первым из них архиепископ Реймский, и епископы Лана, Бовэ, Лангра, Нойона и Шалона³⁰. «Когда созыв пэров совершен, — гласит *ordo* 1250 г., — <...> архиепископ Реймский <...> берет с алтаря корону <...>, держит ее над головой короля, не надевая. Тотчас же прочие пэры, как церковные, так и светские, протягивают руки, чтобы поддержать ее»³¹.

Только после прикосновения всех двенадцати пэров к короне архиепископ одевает ее на голову короля с соответствующим благословением. Таким образом, группа из шести светских пэров, окруживших короля справа, и шести духовных — слева, являла собой более чем красноречивую символическую картину. Светским лицам здесь отводится решающая роль: их вызывают первыми, и они занимают самые почетные места. В том же порядке пэры сопровождают короля на трон, возвышающийся между помостов с приглашенными светскими и духовными лицами, и дарят ему «поцелуй мира»: «Архиепископ, держа короля за руку, подводит его к трону и с фразой: “Посвящаю тебя на единоличное правление”, усаживает его. Затем он трижды повторяет “Да здравствует король вечно!” (*Vivat Rex in aeternum!*), ему вторят все пэры и присутствующие в соборе. Архиепископ снимает митру и целует короля в губы, то же по очереди совершают и все пэры»³².

Ритуал пэров и «поцелуй мира» порождает у исследователей множество толкований. Так, приоритет светских пэров при порядке их созыва дал основание П. Шрамму утверждать, что жест пэров, поддерживающих корону, выражает происхождение государства как от Бога в лице пэров Церкви, так и народа в лице светских пэров³³. Р. Джексон не без оснований находит эту точку зрения малоубедительной, поскольку «*ordines* настаивают на том факте, что корона должна возлагаться на голову короля одним епископом, и лишь затем пэры ее поддерживают»³⁴. По нашему мнению, совместное прикосновение к короне и «поцелуй мира» призваны продемонстрировать не столько превосходство одной группы пэров над другой, сколько поддержку всеми пэрами законного короля, выражая одновременно согласие и клятву вассальной верности. Это отнюдь не принижает активное участие светской знати в процедуре церемонии, а в большей степени побуждает ее исполнять вместе клиром одну роль.

5. Капетинские *ordines* уравнивают позиции светских лиц и Церкви в приветствии монарха: если первые произносят *collaudatio*, то вторые — «королевские восхваления». Они звучали как *Laudes regiae!* («Короля

³⁰ Ibid. P. 122.

³¹ Ibid. P. 28.

³² Ibid.

³³ Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert. Weimar, 1960. Bd. I. S. 173—174.

³⁴ Jackson R.A. Vivat Rex! P. 147.

славим!»)³⁵ и по своей сути были тождественны *collaudatio*, являя собой две стороны — светскую и духовную — приветствия законного правителя. Но если *collaudatio* имели место до и после посвящения и коронации, то «королевские восхваления» пелись непосредственно в ходе мессы, завершающей церемонию. Э. Канторович, исследовавший Литургию и прочее музыкальное сопровождение *le sacre royal*, пришел к закономерному выводу, что восхваления «...символизировали духовное признание посвященного монарха и означали проявление согласия со стороны Церкви»³⁶, которая приветствовала помазанника Божьего, прошедшего через инаугурационные ритуалы. Поэтому оба приветствия и отделены друг от друга фигурой уже «преображенного» короля. Вес такого рода поддержки трудно переоценить — по выражению Э. Канторовича, «это была своего рода печать, ставившаяся Церковью на законной власти»³⁷. Порядок протокола показывает, таким образом, что Церковь стремилась оставить за собой право решающего, последнего слова.

6. Дальнейшее проникновение должностных лиц государства и членов Двора в церемонию связано с *ordo* Карла V, созданного в разгар Столетней войны, когда Франция, во многом благодаря усилиям этого короля, смогла одержать ряд военных побед. Их необходимо было закрепить, и в протоколе церемонии королевского посвящения также происходят соответствующие изменения.

Ordo Карла V вводит ритуал пробуждения короля в утро дня посвящения, в котором активная роль принадлежит церемониймейстеру и камергеру, и ритуал ночи бдения короля в соборе накануне посвящения. Данные нововведения, берущие свои истоки из процедуры посвящения в рыцари³⁸, заслуживают особого внимания, поскольку подчеркивают значимость светских лиц (в том числе и членов Двора) в церемонии.

Первое пространное упоминание о ритуале ночи бдения короля относится к посвящению Карла VI 4 ноября 1388 г. (см. Приложение 1). Поскольку принцу не исполнилось и 12-ти лет³⁹, сообщает Т. Годфруа: «Он провел часть ночи в соборе с несколькими молодыми сеньорами, сход-

³⁵ Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne. P. 146.

³⁶ Kantorowicz E.H. *Laudes Regiae*. P. 80.

³⁷ Ibid.

³⁸ Церемония посвящения в рыцари сложилась в основных своих чертах к началу XII в. Большая часть ритуалов исполнена религиозно-мистических настроений, в их число входит и пробуждение адепта на ложе либо королем, либо крупным сеньором, чьим вассалом будущему рыцарю предстояло стать. В результате в течение XII—XIII вв. сформировалась традиция ночного бдения посвящаемого накануне церемонии, и с конца XIII в. практика воздержания от сна уже могла иметь место при королевском посвящении. См.: Gautier L. *La chevalerie*. 3-éd. Paris, 1894. P. 254—340; Jackson R.A. *Vivat Rex!* P. 126.

³⁹ Ордонансом Карла V 1374 г. был учрежден возраст инаугурации: 14 лет. См.: Godefroy Th. *Op. cit.* P. 159.

ными с ним в letech <...>, обычай предписывал им не выходить из собора, но эту строгость смягчили из милосердия к их возрасту <...>. Через некоторое время после наступления утра они ушли из притвора»⁴⁰.

Ведущая роль короля, самостоятельно вершащего ритуал ночи бдения, подчеркивается вариантом протокола *ordo* Карла V, зафиксированным Т. Годфруа при описании посвящения Карла VIII 14 мая 1484 г. (см. *Приложение I*). Если у будущего монарха и есть помощники, то это сугубо светские лица, выполняющие вспомогательную роль: «В субботу, в канун воскресенья, когда король должен быть посвящен и коронован, после его причастия поверенные посланцы посылаются к государю вместе с охраной. Затем в молчании ночи король приходит молиться в собор и остается в молитве столь долгое время, как пожелает. Охрана короля должна следить за входом в собор и остальными воротами, чтобы они были прочно закрыты, дабы, согласно обычаю, ночь прошла в полной тишине. Бесшумно король должен пройти в собор читать “Вечно всемогущ Господь” и провести остаток времени в каких ему будет угодно молитвах. Поют заутреню. Затем звонит *Prime* (первый колокол, оповещающий наступление нового дня. — С.П.)»⁴¹.

После звона к заутрене король выходил из окруженного его личной охраной собора и следовал во дворец архиепископа, где его ждали для проведения ритуала *ночи пробуждения*, который описывается в *ordo* следующим образом: «И каноники Реймского собора с двумя распятиями, восковыми свечами и кадиллом, наполненным ладаном, пойдут во дворец архиепископа. И епископы Лана и Бовэ (первые из пэров — епископов) будут нести на груди реликварии. И они идут к принцу, который находится (во дворце. — С.П.). И там они направятся за принцем, который должен принять посвящение, в главные покои (*in camera magna*), где он находится на подготовленном для этого ложе в положении полусидя или полулежа»⁴².

Очевидно, что «ведущую партию» от лица духовных лиц исполняют епископы Лана и Бовэ, и эта привилегия сохранится за ними вплоть до конца Старого режима. Особую роль в ритуале исполнял и камергер, который вступал с епископами в такого рода диалог: «Епископ стучит в дверь. Камергер, не открывая дверь, спрашивает: “Кто вам нужен?” Епископ Лана отвечает: “Король.” Камергер отвечает: “Король спит”. <...> Епископ вызывает короля второй раз <...>, и на третий раз камергер отвечает: “Мы зовем (имя короля), которого Бог дал нам, чтобы править”. Кроме камергера в королевских покоях находится целый ряд официальных лиц Двора: коннетабль, канцлер <...> и все первые военные и гражданские чины, которых король пожелал пригласить. Епископ Лана подносит кропильницу

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

⁴² Ibid. P. 31—32.

к королю и произносит молитву “Вечно всемогущ Господь” (*Omnipotens sempiternus Deus*), а когда заканчивают ее, епископы <...> поднимают короля с постели и, поддерживая с правой и левой стороны, ведут в собор по той же галерее, по которой пришли, распевая: “Вот я гряду” (*Ecce ego mitto*)»⁴³.

Символический сон короля и его пробуждение продолжают процесс очищения государя, которое является водоразделом к прелюдии сакральных преобразений монарха: рукоположения, помазания, вручения регалий и коронации. Отличительной чертой *ordo* Карла V является активное участие членов Двора не только в подготовке к церемонии *le sacre royal*, но и в ее проведении.

Наряду с герцогом Бургундским и архиепископом Реймским рядом с королем находится и камергер. Его задача сводилась к тому, чтобы облачить монаха после помазания в парадное светское одеяние и, соответственно, снять его перед ритуалом. Дело в том, что для прострации и помазания король предстает в рубахе из грубого полотна, «открытой на спине, груди и плечах, а также на тех местах, куда должно пролиться Святое Помазание»⁴⁴.

Камергер одевает короля после ритуала помазания, завершая это действие облачением монарха в сапоги (туфли), шпоры к которым пристегивает, согласно своей привилегии, первый пэр света — герцог Бургундский.

Следующим лицом Двора, постоянно находящимся рядом с королем (за его спиной), является коннетабль. Его прерогатива — это участие в ритуале благословения и вручения меча. «Приняв меч из рук архиепископа, — сообщает *ordo* Карла V, — король <...> передает его коннетаблю, который держит его обнаженным в течение всей церемонии»⁴⁵.

Если учесть, что рядом с королем (слева) находится камергер, справа стоит герцог Бургундский, то тенденция к активному проникновению светского элемента, в том числе и членов Двора в изначально церковную по ролевой сути церемонию, очевидна.

С одной стороны, это связано с возрастающей ролью светских лиц в социальной и политической жизни государства. А с другой стороны, процедура церемонии демонстрирует устойчивый союз монарха и Церкви, а также главенства короля над всеми присутствующими. Поэтому говорить о явной ролевой инициативе какой-либо из сторон сложно, поскольку процедура церемонии предоставляет возможность «самовыражения» каждой из них.

Одна доминанта безусловна — это король, причина и центральная фигура столь грандиозного спектакля, и архиепископ Реймский, устроитель и исполнитель большинства процедур, самая задействованная сторона, олицетворяющая как Церковь, так и все общество. «Дуэт» короля и архиеписко-

⁴³ Ibid.

⁴⁴ The Coronation Book of Charles IV. P. 2. По окончании церемонии рубаху надлежало сжечь, и это тоже входило в обязанности камергера, отнятые у клира.

⁴⁵ Ibid. P. 35.

па составляет ролевою базу церемонии, задействованную во всех ритуалах, где один не уступает другому в сложности и ответственности своей миссии.

Процедура дает нам возможность проследить, как шаг за шагом ритуалы, ее составляющие, избегают возвышения одной власти (светской и духовной) над другой. Каждый раз по окончании очередного ритуала представляется, что перевес уже достигнут, но за ним приходит очередь следующего, и равновесие устанавливается. Необходимо отметить, что вне зависимости от уровня значимости того или иного сословия, на различных этапах церемонии ролевая задействованность архиепископа остается наиболее активной. Если король являлся причиной и главным героем всего этого торжественного и сложного действия, то архиепископ — ведущий исполнитель, к которому тянутся все нити структурного построения, темпа и ритма *le sacre royal*. Архиепископ не только проводит церемонию, он организует прием прибывшего Двора и прочих приглашенных (их количество в среднем составляло от 800 до 1500 человек), несет все расходы на проведение торжеств (которые в среднем, по подсчетам П. Деспорта в XII—XIII вв., могли превысить сумму в 9 тысяч ливров)⁴⁶. Таким образом, роль архиепископа Реймского по значимости не уступала роли монарха, а по степени ответственности (материальной и духовной), эмоциональной напряженности превосходит ее на несколько порядков.

Относительно ролевой нагрузки светской знати следует заключить, что она в лице всех своих представителей (в том числе и членов Двора) занимала все более активизирующуюся позицию в сравнении с коллективным представительством клира на церемонии, что подтверждает ее огромную роль в политической жизни Французского государства. Светская знать и Двор, «проникшие» в процедуру церемонии и закрепившие в ней свои позиции, превращают Двор из пассивной массы зрителей в непосредственных участников. Прерогативы светских лиц не уступают роли клира, а по отношению к монарху символически ее даже превосходят, что демонстрирует общность их функциональной социальной задачи как военного сословия. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что церемония *le sacre royal* является отражением скорее идеальных отношений королевской власти с клиром и светской частью подданных, зачастую не отвечавших историческим реалиям.

⁴⁶ Desportes P. Reims et Remois aux XIII et XIV siècles. Lille, 1979. Т. 1. P. 389—390. П. Деспорт приводит следующие цифры: «Для посвящения Людовика VIII в 1223 г. от архиепископства потребовалось 4100 ливров, 5000 ливров в 1271 г. для Филиппа III, 8800 ливров в 1286 г. для Филиппа Красивого и 12180 в 1328 г. для Филиппа VI», что подтверждает его вывод о тенденции к «подорожанию» церемонии, логическим завершением которой стала сумма в 20 723 100 ливров, израсходованных для посвящения Карла X в 1825 г. См.: Desportes P. Le fait du sacre à Reims aux XIII et XIV siècles // Le sacre des rois. P. 147.

Король	Дата le sacre royal	Посвящающий прелат	Место le sacre royal	Дата смерти
1	2	3	4	5
<i>Пипиниды / Каролинги</i>				
Пипин III Короткий	751 г.	Бонифаций, архиепископ Майнцский	Суассон, собор	768 г., 24 сентября
Карломан	754 г., август	папа Стефан II	аббатство Сен-Дени	771 г.
	768 г.	?	Суассон, собор	
Карл Великий	754 г., август	папа Стефан II	аббатство Сен-Дени	814 г.
	768 г.	?	Нойон, собор	
	774 г.	архиепископ Миланский	крепость Модес, Ломбардия ¹	
	800 г., 25 декабря, Рождество	папа Лев III	Рим, собор Святого Петра ²	
Людовик I Благочестивый	800 г., 25 декабря, Рождество	папа Лев III	Рим, собор Святого Петра ³	840 г.
	816 г., июль—август	папа Стефан IV	Реймс, собор ⁴	877 г.
Карл II Лысый*	846 г.	папа Сергий II	Рим, собор святого Петра ⁵	
	854 г., октябрь	?	Лимож, собор ⁶	
	869 г., 9 сентября	Хинкмар, архиепископ Реймский	Мец, собор ⁷	
	876 г., 25 декабря, Рождество	?	Рим, собор Святого Петра ⁸	
Людовик II Заика*	877 г., 8 декабря	Хинкмар, архиепископ Реймский	Компьень, церковь Святого Корнуэля	879 г.
	897 г., 7 сентября	папа Иоанн VIII	Труа, собор ⁹	
Людовик III, Карломан II	879 г., сентябрь	Ансегиз, архиепископ Реймский	аббатство Святых Петра и Павла в Феррьер-ан-Гатинэ	882 г. 884 г.
Карл III Простоватый	983 г., 28 января	Фулк, архиепископ Реймский	Реймс, аббатство Сен-Реми	929 г.

1	2	3	4	5
Людовик IV Заморский*	936 г., 19 июня	Артольд (Арту), архиепископ Реймский	Лан, собор Нотр-Дам	954 г.
Лотарь I	954 г., 13 ноября	Артольд (Арту), архиепископ Реймский	Реймс, аббатство Сен-Реми	986 г.
Людовик V	979 г., 8 июня, Троица	Адальберон, архиепископ Реймский	Компьень, собор	987 г.
<i>Робертины \ Капетинги</i>				
Эд I, граф Парижский, герцог Франкский, маркиз Нейстрии*	888 г., 29 февраля	Готье, архиепископ Санский	Компьень, церковь Святой Марии	898 г.
Роберт I, маркиз Нейстрии*	922 г., 30 июня	Готье, архиепископ Санский	Реймс, аббатство Сен-Реми	923 г.
Гуго I Капет	987 г., 1 июля	Адальберон, архиепископ Реймский	Нойон, собор	996 г., 24 октября
	987 г., 5 июля	Адальберон, архиепископ Реймский	Реймс, аббатство Сен-Реми	
Роберт II Благочестивый	987 г., 25 декабря, Рождество**	Адальберон, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1031 г., 20 июля
	966 г., 24 октября	Сегин, архиепископ Санский	Орлеан, собор	
Гуго II	1017 г., 9 июня, Троица	Арнуль, архиепископ Реймский	Компьень, собор	?
Генрих I	1027 г., 14 мая, Троица**	Арнуль, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1060 г., 4 августа
	1031 г., 20 июля	Эбль, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	
Филипп I	1059 г., 23 мая, Троица**	Эрве, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1108 г., 3 августа
	1060 г., 4 августа	Эрве, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	
Людовик VI Толстый	110 г.**	Дамберт, архиепископ Санский	Орлеан, собор	1137 г., 1 августа
	1108 г., 3 августа	Дамберт, архиепископ Санский	Орлеан, собор	

1	2	3	4	5
Людовик VII Юный	1137 г., 6 августа**	Гуго, архиепископ Санский	Орлеан, собор	1180 г., 18 сентября
	1137 г., 1 октября	папа Иннокентий III	Реймс, собор Нотр-Дам	
Филипп II Август	1179 г., 1 ноября,** День Всех Святых	Раймон, кардинал Гильом Шампанский, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1223 г., 14 июля
	1108 г., 29 мая, Вознесение Господне	Ги, архиепископ Санский	Реймс, собор Нотр-Дам	
Людовик VIII Лев	1223 г., 6 августа	Гильом де Жуанвиль, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1226 г., 8 ноября
Людовик IX Святой	1220 г., 1 декабря**	Жан де Базоше, епископ Суассона ¹⁰	Реймс, собор Нотр-Дам	1270 г., 25 августа
	1226 г., 19 ноября, День Святого Андрея	Жан де Базоше, епископ Суассона ¹⁰	Реймс, собор Нотр-Дам	
Филипп III Смелый	1271 г., 15 августа, Успение Богородицы	Милон де Базоше, епископ Суассона ¹⁰	Реймс, собор Нотр-Дам	1285 г., 5 октября
Филипп IV Красивый	1284 г.	?	Памплона, собор ¹¹	1314 г., 29 ноября
	1286 г., 6 января	Пьер де Барбе, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	
Людовик X Сварливый	1307 г., 1 октября	?	Памплона, собор ¹²	1316 г., 5 июня
	1315 г., 29 августа ¹³	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	
Иоанн I Посмертный* ¹⁴	---	---	---	1316 г., 19—20 ноября
Филипп V Длинный	1317 г., 9 января	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1322 г., 3 января
Карл IV Красивый	1322 г., 21 февраля ¹⁵	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1328 г., 1 февраля

1	2	3	4	5
<i>Валуа</i>				
Филипп VI	1328 г., 29 мая, Троица	Гильом де Трие, архиепископ Реймсский	Реймс, собор Нотр-Дам	1350 г., 22 августа
Иоанн II Добрый	1350 г., 26 сентября	Жан д'Арси, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1364 г., 8 апреля
Карл V Мудрый	1364 г., 19 мая, Троица	Жак де Краон, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1380 г., 28 сентября
Карл VI Благодушный	1380 г., 4 ноября	Ричард де Пико, де Безансон, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1422 г., 22 октября
Карл VII Победитель	1429 г., 17 июля	Рено Шартрский, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1461 г., 22 июля
Людовик XI	1461 г., 15 августа, Успение Богородицы	Жан Жувеналь дез Юрсен, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1483 г., 30 августа
Карл VIII	1484 г., 14 мая ¹⁷	Пьер де Лаваль, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1498 г., 7 апреля
Людовик XII	1498 г., 27 мая	кардинал Гильом де Бризонне, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1515 г., 1 января
Франциск I	1515 г., 25 января	архиепископ Реймский***	Реймс, собор Нотр-Дам	1447 г., 31 марта
Генрих II	1547 г., 26 июля, День Святой Анны	архиепископ Реймский***	Реймс, собор Нотр-Дам	1559 г., 10 июля
Франциск II	1559 г., 18 сентября	кардинал Лотарингский, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1560 г., 5 декабря
Карл IX	1561 г., 15 мая, Вознесение Господне	кардинал Лотарингский, архиепископ Реймский	Реймс, собор Нотр-Дам	1574 г., 30 мая
Генрих III	1575 г., 13 февраля	кардинал де Гиз ¹⁸	Реймс, собор Нотр-Дам	1589 г., 2 августа
<i>Бурбоны</i>				
Генрих IV	1594 г., 27 февраля	архиепископ Реймский***	Шартр, собор	1610 г., 14 мая
Людовик XIII	1610 г., 17 октября	архиепископ Реймский***	Реймс, собор Нотр-Дам	1643 г., 14 мая

- ¹ Посвящен как король Ломбардии.
- ² Посвящен как «император Запада».
- ³ Посвящен как король Ломбардии.
- ⁴ Посвящен как «император Запада».
- ⁵ Посвящен как король Рима и Ломбардии.
- ⁶ Посвящен как король Аквитании.
- ⁷ Посвящен как король Лотарингии.
- ⁸ Посвящен как «император Запада».
- ⁹ Посвящен как «император Запада».
- ¹⁰ Заменяли архиепископа Реймского, место которого в то время было вакантно. См.: *Du Tillet J.* Op. cit. P. 149, 168.
- ¹¹ Посвящен как король Наварры после брака с Жанной Наваррской.
- ¹² Посвящен как король Наварры по материнской линии.
- ¹³ Так полагает Джой Лоу (Ло). См.: *Low J. Fleur de lys. Kings and Queens of France.* N.Y., 1976. P. 73. Дю Тийе указывает 8 августа, именуя его воскресным днем. См.: *Du Tillet J.* Op. cit. P. 194. Несложный подсчет убеждает нас, что день 8 августа 1315 г. приходился на четверг (так же, как и 29 августа), так что точная дата *le sacre royal* Людовика X может быть установлена с привлечением современной литературы.
- ¹⁴ Ж. Дю Тийе отказывает сыну Людовика X и Клеменции Венгерской в статусе короля, хотя и признает это право за другими. «...Иоанн Французский, который умер в Лувре, не может считаться королем Франции, поскольку не был посвящен, хотя прочие перечни и регистры (к сожалению, автор не указывает, какие именно. — С.П.) и называют его королем Иоанном Посмертным» // *Du Tillet J.* Op. cit. P. 192.
- ¹⁵ Ж. Дю Тийе ошибается, называя датой королевского посвящения Карла IV 9 февраля 1321 г., поскольку в это время Филипп V был еще жив. См.: *Ibid.* P. 197.
- ¹⁶ *Bur M.* Op. cit. P. 47; *Jackson R.A.* Op. cit. P. 205. Дж. Лоу указывает 16 сентября. См.: *Law J.* Op. cit. P. 96.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 123. Р. Джексон указывает 30 мая 1484 г. *Jackson R.A.* Op. cit. P. 205. Данные Ж. Дю Тийе расплывчаты: «...июнь 1484 г.». См.: *Du Tillet J.* Op. cit. P. 197.
- ¹⁸ Место архиепископа было вакантно.
- * Монархи, исключенные Ж. Дю Тийе из регистра.
- ** Гуго Капет и последующие монархи, династии, осознавая нестабильность своего положения, спешили приобщить наследников к власти еще при собственной жизни. Такого рода принц получал статус *rex designatus* (букв. «король обозначенный») и после смерти правящего короля подвергался церемонии *le sacre royal* еще раз. Успешная централизация страны Людовиком IX сделала институт *rex designatus* ненужным. См.: *Giesey R.E. The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society.* Philadelphia, 1961. Vol. 51. Part 5. P. 3—44.
- *** Сочинение Ж. Дю Тийе и другие справочники указывают лишь епархиальную принадлежность архиепископа, без его имени. Имена возможно установить с привлечением еще более поздних трактатов периода абсолютизма.

Кольцо	Меч	Корона	Скипетр	Жезл
<p>«<i>Hic detur anulum</i>: Прими кольцо, зримый знак святой веры. Твердого правления. Крепнущей власти. Пусть свершится триумф всего (твоего) могущества над врагами. Еретики повержены. Подданные объединены. Католическая вера непоколебима. Именем господа. Аминь¹».</p>	<p>«<i>Hic signatur ei gladius ab archepiscopo</i>: Прими сей меч, коим Господь благословляет тебя обращать в бегство преступников <...>. Пусть он придаст тебе мужество. Перед врагами Святой Церкви правь под защитой и покровительством войска Господня. С помощью <...> Господа нашего Иисуса Христа, чей Отец пребывает в единстве со Святым Духом, правь во веки веков²».</p>	<p>«<i>Hic coronatur</i>»: Пусть благословение наше всегда собирает (для тебя) плоды чести, пусть с короной пребудет (твое) вечное правление. Будь долговечен, прими правление во веки веков³».</p>	<p>«<i>Hic sceptri traditio</i>: Прими скипетр, знак королевского могущества, жезл прямого правления, добродетели, с которыми ты обретешь доброе правление, Святой Церковью и вверенным тебе Господом христианским народом правь благочестиво, защищай, направляй на путь истинный, будь прям, как пряма уложенная дорога. Будь решителен, прими правление и вечную власть во веке веков⁴».</p>	<p>«<i>Tunc datur ei virga</i>: Прими жезл справедливости и равенства перед законом, который представляет смягчение кары и преследование осужденных. Наставляй заблудших на путь истинный. Опустит (на непокорных) карающую длань. Уничтожь высокомерных, но утешь смиренных. Тебе всегда открыта гостия Господа нашего Иисуса Христа (ибо сказано): «Я есмь жертва, посредством меня всякий раз тебя достигает благодать». И да удержи (ты) как Давид скипетр дома Израилева <...>. Престол твоего господства в светском мире, жезл — всегда жезл царствования твоего. Следуй этому, чтобы править. Соблюдай закон и не передавай бразды правления врагам. Потому помазал тебя Господь на правление твое елеем радости. По примеру того, как прежде был помазан Господь наш Иисус Христос⁵».</p>

¹ Paris Bibl. Nat. P. 354.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

Иерархия светских и духовных пэров в процедуре инаугурационной церемонии французской монархии (IX—XIV вв.)

Инаугурационная церемония французских королей как сложившаяся ритуальная процедура берет начало в специальных протоколах — т.н. коронационных *ordines*, традиция создания которых связана с утверждением династии Каролингов¹, но в большей степени — Капетингов² и их преемников Валуа³. Как всякий средневековый ритуал, королевское посвящение (именно таким образом — *le sacre royal* — стала именоваться эта церемония в текстах *ordines*, равно как и в последующей традиции) оказалось наполнено сложной совокупностью вербальной, жестовой, знаковой, цветовой и прочей символики, среди всего многообразия которой в параграфе речь пойдет только об одном, но крайне значимом, аспекте — иерархическом принципе участия высшего эшелона светской и духовной знати — пэров Франции.

Впервые об их вовлеченности в *le sacre royal* упоминает т.н. *ordo* Реймса 1230 г., сразу же определяя статус первых лиц государства как

¹ Среди них следует выделить *ordines* Карла Лысого 869 г. и Людовика Заики 877 г., составленные архиепископом Реймса Хинкмаром, заложившем процедурные основы королевской инаугурации. См.: *Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 456—458; Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462. К ним примыкают также написанные Хинкмаром главы «Анналов Сен-Бертен» за 843—882 гг. См.: *Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.**

² Особенными нововведениями отмечены протоколы т.н. капетингских *ordines*, составленные в период правления Людовика Святого: *ordo* Реймса 1230 г., *ordo* 1250 г. и *ordo* 1270 г. (т.н. последний капетингский *ordo*). Они были опубликованы в нескольких редакциях, мы обратились к наиболее полной из них, предпринятой представителем американской школы Р. Джексоном. См.: *Ordo of Reims // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson: 2 vol. Philadelphia, 2000. Vol. 2. P. 291—305; French Translation of Ordo of Reims — ca. 1300—1320, 1512 // Ibid. P. 306—340; Ordo of 1250 (1240—1250) // Ibid. P. 341—366; Last Capetian Ordo — ca. 1250—1270 // Ibid. P. 367—418; French Translation of Last Capetian Ordo — ca. 1350, 1555—56 // Ibid. P. 419—453.*

³ В данном случае речь идет об *ordo* Карла V 1364 г. См.: *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.*

основополагающий, поскольку рассматривает их ключевыми фигурами в коронации нового монарха. Для этого процедура *ordo* предусматривает специальный ритуал — созыв пэров. Ему предшествует упоминание о герцоге Бургундском, как первом из светских пэров. Он появляется в тот момент, когда «король, стоя перед алтарем, снимает свои одеяния, за исключением плаща и шелковой рубашки, глубоко открытой спереди в области груди и сзади между плечами, и развязывает расшитый серебром плащ. Затем появляется первый великий камергер короля Франции (*primis a magno camerario Francie*). А потом герцог Бургундский должен снять обувь с ног короля»⁴. Далее следовал ритуал благословения королевского меча⁵, в ходе которого глава Бургундского дома должен обуть короля, с тем, чтобы «...надеть и затем снять шпоры...»⁶ с его сапог. Как мы уже отмечали выше, эта привилегия сохранилась за Бургундским домом вплоть до последней церемонии 1825 г., что давало герцогам право претендовать на титул «владык Запада» и именоваться первыми из пэров. Если капетинские *ordines* допускают только указанное краткое упоминание о нем, то *ordo* Карла V четко обозначает статус: «Камерарий Франции одевает королю сапоги. И затем подает герцогу Бургундскому, как первому пэру, шпоры, и он тут же одевает их»⁷.

Кроме того, *ordo* Карла V приводит подробное описание процедуры созыва пэров и их последующих действий. Примечательно, что вызов осуществляет «...канцлер, либо равный его рангу от своего имени, если таковой присутствует, но не от имени архиепископа: первыми следуют светские пэры, затем — церковные, которых вызывают по очереди, и тогда архиепископ берет с алтаря корону, и как только приподнимает ее над головой короля, духовные, равно, как и светские (пэры. — С.П.) становятся вокруг короны и прикасаются к ней. Затем архиепископ произносит молитву, по окончании которой корона водружается на голову короля, но пока молитва не окончена, держит ее (корону. — С.П.) достаточно высоко...»⁸.

Еще одним символом союза короля и коллегии пэров выступает ритуал вручения архиепископу Реймскому т.н. королевского приноше-

⁴ Ordo de Reims. P. 301—302.

⁵ Как уточняет эту процедуру *ordo* Карла V: «Король берет меч из рук архиепископа и кладет его на алтарь, ставя его вёрхом. Архиепископ снова берет его и предлагает королю, который тотчас отдает его тому, кто ему угоден, чтобы держать его перед королем до окончания мессы...» // Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 302.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 241.

⁸ Ibid. P. 247.

ния 13-ти специально отчеканенных с этой целью серебряных монет (*treize pieces d'or* или *XIII aures*, как называет их *ordo* Реймса)⁹. Традиция их использования отчетливо прослеживается, как показали нумизматические исследования, с посвящения и коронации Пипина Короткого, Людовика II, Гуго Капета, и последующих монархов, однако оформляется только в XII в.¹⁰, а письменно фиксируется лишь в *ordo* Реймса. Проблема происхождения монет специалистами до сих пор не решена. Число 13, по мнению Р. Джексона, может означать союз короля и 12-ти пэров, хотя сам же исследователь оговаривается, что к моменту написания *ordo* Реймса институт пэрства еще не сложился¹¹. Вряд ли это так, если учесть наличие в капетингских *ordines* ритуала пэров, который был бы невозможен при отсутствии данного социального явления. Гипотезу о влиянии византийского коронационного ритуала, якобы проникшего на Запад после крестовых походов Людовика Святого, отвергает П. Шрамм, говоря, «...что нет ни одного доказательства в ее поддержку»¹². Г. Шпигель полагает, и с ним согласен Р. Джексон, что Людовик IX, желая продемонстрировать особое расположение к Реймскому архиепископству, увеличил количество монет, обычно ежегодно приносимых в дар королем аббатствам, находящимся на территории Иль-де-Франс, с 4-х до 13-ти. Поэтому упоминание о монетах, преподносимых королем архиепископу Реймскому, окончательно закрепляется в последнем капетингском *ordo*. Заметим, что 13-тью монетами королевское приношение не исчерпывалось. В него включались хлеб и вино, также традиционные для французских монархов, желающих показать свое расположение и признательность прелату Франции¹³.

Если задаться вопросом о количественном и поименном составе участвующих, то следует обратиться к более ранним *ordines* Каролингской эпохи — *ordo* Карла Лысого и Людовика Заики, составленным, как уже указывалось выше, во второй половине IX в. архиепископом Реймса Хинкмаром. Они достаточно скупно описывают непосредственную инаугурационную процедуру, ограничиваясь текстами сопровождаю-

⁹ *Ordo de Reims*. P. 302.

¹⁰ *Blanchet A. Médales et jetons de sacre des rois de France // Études de numismatique*. 1892. № 1. P. 191—197.

¹¹ *Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985. P. 91.*

¹² *Schramm P.E. Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9 zum 16. Jahrhundert / Hrsg. von H. Bohlhaus. 2 Bd. Weimar, 1960. Bd. 1. S. 136.*

¹³ Впервые на это обратил внимание Георг Шпигель: *Spiegel G. The Cult of Saint-Denis and Capetian Kingship // Journal of Medieval History*. 1975. № 1. P. 43—44. Дело в том, что уже *ordo* Карла V предусматривал вручение хлеба и вина архиепископу Реймса по окончании церемонии. См.: *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 323.

щих ее молитв, антифонов и прочих литургических канонов. Однако именно здесь содержится первое упоминание аккламаций, направленных посвященному королю по окончании церемонии со стороны светской и духовной знати. Церемония *le sacre royal* Карла Лысого, имевшая место в Меце, в соборе Св. Стефана 9 сентября 869 г., начинается с риторического вступления епископа о значимости происходящего и завершается призывом: «...Честные люди (т.е. присутствующая аристократия. — С.П.) должны услышать о том, что нам надо посвятить самого христианнейшего короля (*rex christianissimus*)»¹⁴. Епископ призывает их: «Если это вам по нраву, откликнитесь своими голосами». После раздавшихся возгласов одобрения, восклицает: «Давайте единодушно возблагодарим Господа, пропев “Тебя, Господи, славим” (*Te Deum laudamus*)»¹⁵.

Оценивая это процессуальное нововведение, большинство исследователей сходятся во мнении, что возгласы находящейся в церкви знати, есть не что иное как прямое продолжение германской традиции приветствия поднятого на щите вождя и римского обычая приветствия императора армией и Сенатом¹⁶. Несомненно, составляя свои *ordines*, Хинкмар создавал в первую очередь священную, церковную церемонию, но он не мог не считаться с уже сложившимся влиянием светской аристократии на королевскую власть. Монархии было необходимо заручиться ее согласием, и древний германо-римский обычай одобрительных выкриков отвечал данной цели как нельзя лучше. Разумеется, Хинкмар придал ему более подходящую для литургии форму. Место воинственного возгласа оказалось потеснено молитвой, произносимой всеми собравшимися. Однако при инаугурации Карла V она все же была дополнена отдельной аккламацией совершенно мирского содержания, когда порядок предписывает: «Пэры восклицают “Да здравствует король” (*Vive le Roi!*)», — уточняя, — “И вслед за епископами и светские пэры, которые поддерживали его корону, говорят то же самое (за архиепископом Реймским. — С.П.)”¹⁷».

Свои уточнения в процесс становления аккламаций вносят трактаты эрудитов эпохи Старого Режима, авторы которых нередко использовали источники информации, отсутствующие в протоколах *ordines*

¹⁴ Les Annales des Saint-Bertin. P. 163.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Э. Канторович называет эти восклицания *collaudatio*, определяя их значение как необходимое для признания нового монарха. «Издать приветственный возглас, означало возвести нового правителя в королевское достоинство и публично признать его новое звание» // *Kantorowicz E. Laudes Regiae. A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship / Trans. by M.F. Bursofzer. Berkeley—Los-Angelos, 1946. P. 76.*

¹⁷ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 249.

и более подробно описывали действия сторон во время совершения церемонии. Так, доминиканец Шарль Беви совершает экскурс в эпоху Гуго Капета для рассказа об уже отсутствующей в *ordines* процедуре поднятия сидящего на троне монарха, в чем явно просматривается германская традиция поднятия на щите: «Никогда более король не избирался более легитимно. Все сословия собрались в Нойоне избирать короля 15 мая 987 г. <...> Эта первая инаугурация нового короля Франции была совершена в древней манере, принятой у королей первой и второй династий, с коронацией и поднятием на щит. В архиве Шартра сохранилось письмо, написанное наместником Наварры королю Филиппу Красивому, которое описывает порядок коронации королей Наварры перед алтарем в Памплоне, с поднятием на щит, подобно древним королям Франции. При этом произносятся те же слова, которые находят во всех хрониках: “возвышенный до царства, поднятый на престол” (*sublimatus in regno, elevatus in solio regni*). Более чем возможно, что этот обычай не имел места при посвящении Филиппа II в 1181 г., но эта церемония использовалась в других случаях. Двенадцать пэров, светских и церковных, поднимали кресло, в котором сидел молодой монарх, дабы представить его взору народа, как это было всякий раз, когда короля поднимали на щит»¹⁸. И только затем «Гуго выехал в Нойон в сопровождении клира и грандов, чтобы получить помазание в Реймсе и тем самым закрепить свои права на престол; его сопровождало большое войско. Церемония посвящения была проведена по образцу, предложенному Адальбероном, архиепископом Реймским, в присутствии герцога Норманнского и прочих грандов с молитвами первых епископов королевства»¹⁹.

Действительно, *ordo*, предписывающий правила инаугурации Карла Лысого в декабре 877 г. в Компьене, открывается молитвами присутствующих на церемонии прелатов, среди которых епископы Реймса, Бовэ, Лана и Лангра — большинство из будущих пэров Церкви. Это позволяет вернуться к проблеме уточнения состава данной коллегии. Институт пэров, как особо приближенных к королю вассалов, держащих непосредственно от него ленные владения, начал складываться в правление Людовика VII, т.е. в середине и второй половине XII в., хотя его корни уходят в эпоху Карла Великого. Теоретически все вассалы короля являлись пэрами, но поскольку в конце XII в. возникает необходимость подчеркнуть разницу между крупными и мелкоземель-

¹⁸ *Bevy Ch.J., dom. Histoire des Inauguration des rois, emperueurs et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine jusqu'à présent. Siuivie d'un présis de l'État des arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, moeurs, coutumes et usages les plus remorquables des François, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI.* Paris, 1776. P. 152–153.

¹⁹ *Ibid.* P. 153.

ными феодалами и самыми значимыми, носившими титул графа или герцога, появляются понятия *par regni* (букв. «равный королю») и *par Franciae* («равный Франции»)²⁰. До Людовика VII пэрство Франции являлось личным, и владельцы феодалов, главы провинций и первые должностные лица короны состояли при дворе, т.е. подлежали верховному суду государя; и достоинство коллегии, которой он поручался, не было ни ограниченным, ни наследственным. Как пишет Ш. Беви, «при Гуго Капете появилось наименование “пэры”, т.е. вассалы, которые непосредственно присягнули короне. Также пэрами называли вассалов, которые способствовали процветанию фьефа и сеньории короны <...> Сначала они решали все проблемы государства, продолжая то, что именуется “двором Франции”, “двором короля” или, более почетно, “двором пэров”»²¹.

По мере роста доходов в родах герцогов и графов в конце каролингской эпохи формируется вторая череда пэрств, получивших наследственный статус, когда гранд, в зависимости от своих экономических возможностей, правового и политического могущества, мог претендовать на статус пэра. В 1216 г. насчитывалось девять пэров: архиепископ Реймский, епископы Лангрский, Бовэ, Шалона и Нойона, герцоги Бургундский, Норманнский и Гиеннский и граф Шампанский²². В итоге Людовик VII сократил число пэров Франции до 12-ти наиболее древних: герцогства Бургундское, Нормандское, Аквитанское, Реймское, Ланское и Лангрское; графства Шампанское, Фландрское, Тулузское, Бовэ, Шалона и Нойона (несложный подсчет убеждает, что одна половина из них относилась к духовной, а вторая — к светской знати)²³. Все прочие феодальные владения являлись или частью французских пэрств, или перешли в руки Плантагенетов. Наконец, образовалось шесть приблизительно равных между собой пэрств, что позволило придать им особый — по отношению к другим феодальным владениям — статус. Очевидно, столь значительные территории были изначально предусмотрены для членов королевской семьи и прочих принцев крови. В дальнейшем, начиная с 1297 г., монархи, если желали оказать честь различным видным семьям, которые, по их мнению, имели большие заслуги перед государством, учреждали новые пэрства

²⁰ *Viollet P. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris, 1903. Vol. 3. P. 301—302.*

²¹ *Bevy Ch.J., dom. Op. cit. P. 159.*

²² *Jackson R.A. Peers of France and Princes of the Blood // French Historical Studies. 1971. Vol. 7. № 1. P. 28.*

²³ *Sainte-Marie Anselme de, Père. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume: 9 vol. Paris, 1726—1733.*

и повышали их достоинство по своему желанию, хотя право предписывало учитывать мнение уже сложившейся коллегии пэров.

Однако на практике, как верно замечал еще Ф. Лот, «коллегия двенадцати пэров всегда оставалась более теоретической, чем реальной», приводя аргумент, что только после того, как в 1225 г. епископ Лана и графы Фландрский и Тулузский получили пэрства, общее количество их стало равно двенадцати²⁴. Наконец, один из указов Карла V 1380 г. определил статус участвующих в инаугурационной церемонии грандов как членов королевского и регентского советов по достижении королем 12-ти лет²⁵.

Аналогичную точку зрения об историчности и одновременно иерархичности статуса пэров высказывали еще эрудиты. Так, Ш. Беви прямо указывает: «Название “пэр” не выделено отдельно в источниках. Так, в древних актах не обнаруживается, чтобы герцоги и графы именовались бы этим титулом. Не имеет значения и уменьшение числа пэров до двенадцати. Дю Тийе²⁶ считает, что оно не увеличилось снова на больший показатель, чем это было в правление Людовика Юного. Этот принц, говорит он, чтобы привести в порядок церемонию посвящения своего сына Филиппа Августа, установил между грандами число прелатов и сеньоров, непосредственных вассалов короля в количестве двенадцати человек, которых всегда отличали для того, чтобы они исполняли свое предназначение. Это отличие не лишало древних баронов королевства знаков их достоинства; на них всегда смотрели, как на истинных пэров. Филипп II Август Людовик выбрал между пэрами шесть светских и шесть церковных, которые занялись приготовлением торжества, впоследствии их стали называть двенадцатью пэрами Франции. Это была коллегия, она имела право присутствовать на аудиенциях в Парламенте, принимать законы, участвовать в прочих церемониях»²⁷.

С другой стороны, общеизвестно, что в 1204 г. Филипп II Август конфисковал Нормандию у Иоанна Безземельного; та же участь постигла Тулузу в 1271 г. при Людовике IX, и Шампань, с момента ее окончательного присоединения Филиппом IV Красивым в 1285 г. и полной аннексии 1314 г.²⁸ Данный процесс продолжался в течении

²⁴ Lot F. Quelques mots sur l'origine des paires de France // *Revue historique*. 1894. Vol. CIV. P. 35.

²⁵ Acte de l'assemblée de princes, prélats et barons, tenue en parlement formant le conseil du royaume, dans lequel le Régent accorde des dispenses s'âge au Roy, minieur de 12 ans, consent qui'il soit sacre et couronnée, et qui'it gouverne, de l'avis de ses oncles. Paris, 2 octobre 1380 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 538—540.

²⁶ О Жане Дю Тийе и его сочинении см. ниже.

²⁷ *Bevy Ch.J. dom.* Op. cit. P. 196—197.

²⁸ Некоторые пэрства отдавались в виде апанажа, другие просто возвращались ко-

XIV—XV вв. и закончился только к моменту окончательной централизации Французского королевства. В конечном итоге количество пэрств выросло до 26-ти, что привело к очередной их градации на «старые», т.е. созданные теперь уже до XIII в. включительно (к их числу следует отнести герцогство Бретань, графства Анжу и Артуа, приобретшие этот статус в 1297 г.), и «новые», не столь давно образованные. Число первых неуклонно сокращалось, и к концу XV в. осталось только два — герцогство Бургундское и графство Фландрское, но и они будут аннексированы в 1477 г.²⁹

Данная тенденция отражена и в перечне «новых» светских пэрств периода правления Карла V, который приводит в своем «Французском церемониале» Т. Годфруа: «Граф Алансонский (принц крови. — С.П.), герцог Бурбонский (принц крови. — С.П.), граф д'Этамп, граф д'Артуа, герцог Бретанский, граф Клермон, король Наваррский (получил статус принца крови после брака с домом Бурбонов в начале XVI в. — С.П.), при случае — граф д'Эврэ, земли которого отошли к Французскому королевству»³⁰. Кроме того, в течение XIV в. статус пэрства получают сразу 20 герцогств, графств и баронств³¹. Но поскольку при-

роне. Так, Бургундия отошла к Французскому королевству в 1361 г. со смертью Филиппа Смелого, последнего из герцогов. В 1363 г. дофин, будущий Иоанн II Безрассудный, получил Бургундию как апанаж. Что касается герцогства Гиеннского, то после признания его английской территорией в 1360 г., оно вернулось к Франции в 1401 г. как апанаж Людовика XI.

²⁹ Аналогичная участь несколько ранее, в 1453 г., постигнет и Аквитанию.

³⁰ *Godefroy Th. Le cérémonial françois. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrées soulennelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilly par Théodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy. Paris, 1649. T. I. P. 30.*

³¹ Герцогства: Бурбон (1327 г.), Орлеан (1344 г.), Анжу (1356 г.), Берри (1360 г.), Овернь (1360 г.) и Турень (1360 г.); графства: Пуату (1314 г.), Ла Марш (1316 г.), д'Эврэ (1316 г.), Ангулем (1317 г.), Ла Марш (1317 г.), Этамп (1327 г.), Бомон-ле-Роже (1328 г.), Мэн (1331 г.), Валуа (1344 г.), Невер (1347 г.), Мант (1353 г.), Макон (1359 г.) и Перигор (1399 г.); баронство Монпелье (1371 г.). См.: *Histoire généalogique et héraldique des pairs de France des grands dignitaires de la couronne, des principales familles nobles du Royaume, et des maisons princières de L'Europe, précédée de la généalogie de la maison de France / Par M. le Chevalier De Courcelles. Paris, 1822. T. 1. P. 50—51.* Однако этим данный перечень не ограничится, поскольку с наступлением эпохи абсолютизма тенденция пожалования пэрств принцам крови только усилится. Так, в октябре 1545 г. Франциск I примет вассальную клятву и включит в разряд доменальных земель владения герцога Алансонского, пожаловав ему взамен сан пэра. Это решение будет неоднократно подтверждаться постановлениями от 10 октября 1458 г., 15 января 1536 г., 20 декабря и 27 июля 1527 г. См.: *Du Tillet J. Recueil des grands de France. Paris, S/d. Relié avec Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1618. T. 1. P. 301—302.*

Иерархия духовных и светских пэров в процедурах церемонии королевского посвящения (по данным капелтингских *ordines*, *ordo* Карла V и трактатов XVI—XVIII вв.)

Пэры Церкви		Все вместе участвовали в ритуале вызова пэров, прикосновения к короне и торжественных аккламациях	Светские пэры	
Герцоги:			Герцоги:	
Архиепископ Реймский	Осуществлял обязанности посвящающего прелата в ходе всей церемонии <i>le sacre royal</i>		Герцог Бургундский	Держал королевскую корону; вызывал светских пэров; опоясывал мечом короля, надевал шпоры на его сапоги, т.е. передавал ранг рыцаря.
Епископ Лана	Держал Св. Ампулу со Священным Елеем; вызывал и вел короля на церемонию вместе с епископом Бовэ; подает королю текст его клятвы Церкви вместе с архиепископом и епископом Бовэ		Герцог Аквитании (Гиени)	Держал главный королевский штандарт
Епископ Лангра	Держал скипетр, и мог исполнять функции посвящающего прелата в случае отсутствия архиепископа Реймского		Герцог Нормандии.	Держал второй королевский штандарт
Графы:			Графы:	
Епископ Бове	держал королевскую мантию; вызывал и вел короля на церемонию вместе с епископом Лана; подводил короля к алтарю вместе с епископом Шалона; подает королю текст его клятвы Церкви вместе с архиепископом и епископом Лана		Граф Шампани	Держал военный штандарт короля
Епископ Шалона	Подводил короля к алтарю вместе с епископом Бовэ; держал коронационное кольцо	Граф Тулузы.	держал королевские шпоры	

существование представителей «старых» пэрств на церемонии стало традиционным, их необходимо было заменить иными лицами, что спровоцировало борьбу за указанную привилегию между пэрами и принцами крови. Она вполне объяснима, поскольку пэры Франции выступали в качестве судей, являлись членами королевского совета, каждый занимал свое место в тронном зале, где они представляли монархию, будучи облачены практически в монаршие одежды и с короной на голове.

В результате целенаправленной политики французских государей процедуры вызова пэров, а равно и их символического участия в коронации путем прикосновения к «венцу» были упразднены. Впрочем, лишь «старые» пэрства — в лице 12 знатнейших особ — могли претендовать, согласно *ordo* 1230 г., на особые роли в инаугурации монарха. Если попытаться реконструировать степень участия пэров в королевской церемонии, то на основании более поздних описаний, имеющих в трактатах юристов эпохи абсолютизма³², можно представить полученные результаты в виде некоей иерархической системы (таблица 1).

Разумеется, в ходе посвящения пэры должны были занять почетные места. Их расположение вполне очевидно отображает значимость указанной коллегии. «Они остаются у трона короля <...>, — указывает *ordo* Карла V, — и затем рассаживаются на свои места <...> в том же порядке»³³. В каком именно? — на этот вопрос вновь оказываются способны ответить трактаты юристов эпохи абсолютизма, тщательно фиксировавших каждую процедуру *le sacre royal*. Так, графье парламента Меца Николая Менан так описывает их расположение: пэры Церкви — справа от алтаря, светские пэры — слева³⁴. Говоря об утре дня коронации, он указывает: «В это время входят пэры Церкви, одетые в священнические одежды, в следующем порядке: герцог, епископ Лана; герцог, епископ Лангра; граф, епископ Бовэ, граф, епископ Шалона, граф, епископ Нойона. Затем входят светские пэры: герцог Бургундский, герцог Норманнский, герцог Аквитанский, граф Тулузский, граф Фландрский, граф Шампанский (или те, кто их представляет, как светских, так и церковных)». И далее резюмирует со ссылкой на более ранние источники: «Мы не претендуем, что приведенный ранг пэров абсолютно тот, который они занимали постоянно. Вариации, которые допускались в *ordo*, откуда мы это взяли, называет предшествующие посвящения, имелись у всех историков, в том числе и в “Великом церемониале” Франции

³² Du Tillet J. Op. cit.; Godefroy Th. Op. cit.; Choppin R. Traité du domaine de la couronne de France. Paris, 1663; Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnement des Rois et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à present <...> par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723; Bevy Ch.J., dom. Op. cit.

³³ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 249.

³⁴ Menin N. Op. cit. P. 216, 218.

(секретаря Людовика XIII Теодора Годфруа. — С.П.), отмечавшем, что ранг не был постоянным, часто менялся»³⁵. Действительно, Годфруа в своем грандиозном своде всех сложившихся к моменту установления абсолютизма королевских церемоний отмечает историчность иерархии пэров. Он уточнял: «Матвей Парижский и другие историки представляют, что герцог Норманнский в 1257 г. был признан первым пэром, герцог Гиени — вторым, герцог Бургундский — третьим. И после них следовали графы Фландрский, Шампанский и Тулузский. И что такого ранга не существовало в XIII в. при Филиппе Красивом, когда герцог Бургундский являлся первым пэром, герцог Норманнский и Гиеннский получил корону, конфисковав ее в 1202 г. у Иоанна Безземельного, короля Англии, все то, чем тот владел во Франции»³⁶.

Менан отсылает читателя и к документальным актам, поскольку «Ранги древних светских пэров в нижеследующем порядке отмечены в регистре, составленном для являвшегося тогда хранителем сокровищ короны Робера Артуа в 1322 г.³⁷: Герцог Бургундский, герцог Норманнский, герцог Аквитанский или Гиеннский, граф Тулузский, граф Фландрский, граф Шампанский. Но этот порядок не всегда имел место, <...> он установился только при последних королях <...> Хотя порядок пэров Церкви не фиксировался, он также редко отражался в актах, приведенных в качестве примера имеющих место перемен. Таков сегодняшний ранг, составленный в Париже в 1718 г.: пэры-герцоги — архиепископ Реймса, епископ Лана, епископ Лангра, пэры-графы — епископ Бовэ, епископ Шалона, епископ Нойона»³⁸.

Возвращаясь к внешнему виду и расположению пэров на церемонии, Менан пишет о строгой иерархичности данных установлений: «Все они одеты в туники, отделанные золотом и серебром из шелка цвета зари, длиной до колен, в герцогские ярко-красные и фиолетовые мантии, покрывающие правое плечо и заколотые бриллиантовыми брошами, на горностаевой подкладке, с круглым воротом, также опушенном горностаем, в герцогских коронах, посаженных на фиолетовое сукно <...>, си-

³⁵ Ibid. P. 234—235.

³⁶ *Godefroy Th.* Op. cit. P. 251.

³⁷ Об этом же регистре в контексте привилегий королевского коннетабля пишет и первый хранитель Палаты хартий Жан Дю Тийе — автор одного из самых авторитетных сочинений такого рода, «Сборника о королях Франции, их короне и доме, всех основные рангов Франции», дифференцируя, что право вызова на инаугурационной церемонии и последующего прикосновения к короне, имеют «...герцоги и графы, пэры древних домов, ранг которых закреплен официально». См.: *Du Tillet J.* Op. cit. P. 351. Максимально подробно правовой статус пэрств предпринят юристом Рене Шоппаном в его трактате «Три книги о домне короны Франции». См.: *Choppin R.* Op. cit.

³⁸ *Menin N.* Op. cit. P. 235—236.

Участие коллегии пэров в процедурах церемонии *le sacre royal* (по данным *ordo* Карла V и трактатов Ж. Дю Тийе и Н. Менана)

	Ordo Карла V	Жан Дю Тийе	Николя Менан
1	2	3	4
Процессия в покои короля во главе с архиепископом и епископами Лана и Бовэ	«Епископы попарно, а именно: первые среди них епископы Лана и Бовэ, затем Лангра, и Нойона во главе с архиепископом Реймским следуют в процессии с крестами, свечами и кадиллом во дворец (архиепископа Реймса, где находится король. — С.П.), и епископы Лана и Бовэ, как первая пара в указанной процессии, облаченные в кресты с мощами святых, висящие на их шеях, к покоям, где должен находиться король перед своим посвящением... И обращаясь к нему, пусть епископ Лана произнесет «Всемогущий» (<i>Omnipotens</i>)» ¹ .		«Каждый раз присутствующий на церемонии архиепископ Реймский с церковными и светскими пэрами управляет вместе с епископами Лана и Бовэ, которым принадлежит эта прерогатива, или теми, кто их представляет, дабы идти за королем. Эти два епископа одеты в рясы со святыми реликвиями, прикрепленными к вороту, покидают церковь в порядке процессии ...» ²

1	2	3	4
Пробуждение короля			«Два епископа, Лана и Бовэ, предшествуемые хором и подхором, доходят до дверей комнаты, у которой они останавливаются; певчий стучит серебряным посохом (при посвящении Людовика VII это был епископ Лана, но затем, начиная с посвящения Людовика XIV, это стал делать певчий); великий камергер, не открывая дверь, спрашивает: “Кто вам нужен?”, епископ Лана отвечает: “Король”. Великий камергер отвечает: “Король спит”, певчий стучит, и епископ вызывает короля во второй раз, великий камергер также спрашивает и отвечает; на третий раз епископ говорит: “Мы зовем (имя), которого Бог дал нам, чтобы править”. Наконец дверь открывается два епископа, предшествуемые хором и подхором <...> и детьми и хора, несшими кропильницу, входят в комнату Его Величества (где кроме него находятся коннетабль, канцлер, великий церемониймейстер, великий камергер и другие первые придворные и сеньоры, которых пожелал пригласить король) и направляются к богато отделанной кровати, где возлежит король...» ³ .
Сопровождение короля в собор			«Епископ Лана подносит кропильницу к королю и произносит: “Вечно всемогущ Господь!” (<i>Omnipotens sempiternus Deus</i>), а когда заканчивает, оба епископа (Лана и Бовэ. — С.П.) помазывают руки, поднимают короля с постели одновременно с правой и левой стороны; ведут его в Церковь <...> в том же порядке, распевая “Вот Я гряду” (<i>Ecce ego mitto</i>) <...>, продолжая петь до главного портала Церкви» ⁴ .
Поведение короля к алтарю			«Король подходит к главному алтарю в сопровождении архиепископов Бовэ и Шалона к архиепископу Реймса или его официальному представителю, затем поднимается на кафедру, и король становится на колени перед ним, произнося молитву “Всемогуществу Господа покоряюсь”. Эта молитва заканчивается, и король препровождается епископами Шалона и Бовэ под балдахин, напротив кафедры архиепископа Реймса...» ⁵ .

1	2	3	4
Вручение королю текста гоклятвы Церкви			«Архиепископ Реймса в сопровождении епископов Лана и Бовэ походит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены» ⁶ .
Созыв пэров		«...первым является ранг герцога Бургундского, который считается выдающимся среди прочих пэров на посвящении и коронации, поскольку вызывает каждого из пэров по отдельности...» ⁷ «...архиепископ вызывает пэров Франции по именам, согласно рангу. Светские пэры называются первыми, за ними — пэры Церкви. “Монсеньор герцог <...> или принц <...>, представьтесь...” Если пэры отсутствуют, за них отвечают их представители» ⁸ .	«Канцлер Франции подходит к алтарю со стороны Евангелия (оно лежит на алтаре. — С.П.), поворачивается лицом к королю и залу, выкликая пэров, согласно их рангу, сначала светских, затем церковных. Принц или герцог N., которого заменяет герцог Бургундский, представляющий этот акт, всегда совершаемый по одной и той же формуле, чтобы вызвать других пэров» ⁹ .
Коронация (прикосновение пэров к короне)		«Выходя, все они выстраиваются вокруг священного короля, архиепископ берет корону, которая находится на алтаре и одевает ее на голову короля. Тотчас же все пэры дотрагиваются до нее рукой, и архиепископ произносит: «Господь короновал вас короной славы и справедливости, чести и постоянных забот с тем, чтобы Вы вершили необходимые добрые дела, дабы попасть в Царствие Небесное» ¹⁰ .	«Когда созыв совершен, канцлер возвращается на место, архиепископ Реймса, не снимая митры, кладет на алтаре большую корону Карла Великого, доставленную из Сен-Дени, поднимает ее двумя руками над головой короля, не касаясь ее. Тотчас прочие пэры, как церковные, так и светские, протягивают руки, дабы поддержать корону. Архиепископ держит ее левой рукой говоря молитву (после чего корона возлагается на голову монарха. — С.П.)» ¹¹ .
Торжественные аккламации королю		«Затем архиепископ вместе с пэрами, поддерживающими корону, подходит к королю, одевает его в королевские одежды, подводит к трону, стоящему на постаменте в центре зала, затем снимает митру, кланяется новому монарху и произносит: “да здравствует король!”. Затем все пэры говорят то же самое» ¹² .	

1	2	3	4
Возвращение во дворец архиепископа			«Король в малой короне на голове, одетый в королевские одежды со скипетром и “рукой Правосудия”, справа от него все пэры Церкви, одетые в одежды священнослужителей со своими митрами; параллельно слева — все пэры света, одетые в герцогские мантии с коронами на голове; сбоку от него архиепископ Реймса, который ведет Его Величество за правую руку, неся в другой раку и свою митру» ¹³ .
Посткоронационный пир во дворец архиепископа			«В той же зале расположены еще несколько столов: пэры Церкви справа от короля; пять или шесть, на две ступени ниже. Когда архиепископ Реймса благословляет стол, он садится вместе с пэрами Церкви <...> Светские пэры сидят по левую руку короля, на том же возвышении что и пэры Церкви...» ¹⁴

¹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 238—239.

² *Menin N.* Op. cit. P. 238.

³ *Menin N.* Op. cit. P. 239—240.

⁴ *Ibid.* P. 248.

⁵ *Ibid.* P. 249.

⁶ *Ibid.* P. 254.

⁷ *Du Tillet J.* Op. cit. P. 351.

⁸ *Ibid.* P. 215.

⁹ *Menin N.* Op. cit. P. 272.

¹⁰ *Du Tillet J.* Op. cit. P. 216.

¹¹ *Menin N.* Op. cit. P. 273.

¹² *Du Tillet J.* Op. cit. P. 220—221.

¹³ *Menin N.* Op. cit. P. 292—293.

¹⁴ *Ibid.* P. 297—298.

дят пэры Церкви на скамье фиолетового бархата, вышитого золотыми цветами лилии по правую сторону от алтаря; светские пэры, напротив, на левой стороне с той разницей, что первый принц крови в лице герцога Бургундского обычно размещается на полступени выше, чем находится скамья с другими пэрами»³⁹. Дю Тийе уточняет саму процедуру рассаживания по рангу: «Король входил в Церковь в сопровождении архиепископа, епископов и баронов, присутствие которых необходимо на церемонии. Занимаются места по обе стороны от большого алтаря, куда торжественно садятся епископы и архиепископы. <...> Епископы: Лана, Лангра, Бовэ, Шалона, Нойона с другими епископами садятся с одной стороны, между алтарем и королем, стараясь не нарушать небольшой интервал между собой и Его Величеством»⁴⁰.

Уточняя дальнейшие процедуры с участием пэров, авторы инаугурационных *ordines* и трактатов лишь расходятся в деталях, которые могут быть сведены в *таблицу 2*.

Задействованность пэров в инаугурационной церемонии привлекала внимание ряда французских авторов периода Религиозных войн. Так, Ф. Отман усматривал в ритуале вызова и прикосновения к короне знак не только привилегии грандов, а «...право всех свободных людей из народа, которое было перенято ими для избрания короля»⁴¹, что привело к множеству суждений о делегированности указанной коллегии для подтверждения легитимности прав монарха, принимающего власть от народа⁴². Если учесть, что впервые ритуал пэров возникает в *ordines* XIII в., то нельзя не согласиться с той точкой зрения, что он явился отражением успешно проводимой Людовиком IX политики усиления королевской власти. Как известно, одним из методов укрепления монархии выступала политика компромиссов с крупной феодальной знатью, союз с которой Капетинги не могли игнорировать. Он был настолько важен, особенно в свете признания аристократией суверенных прав короля, что в процедурах *le sacre royal* появляется соответствующий ритуал. Приоритет светских лиц в данном случае налицо: их вызывают первыми, и сам вызов осуществляется одним из них. Это дало основания П. Шрамму утверждать, что жест пэров, поддерживающих

³⁹ Ibid. P. 234—236.

⁴⁰ Du Tillet J. Op. cit. P. 199—200.

⁴¹ Warren. R. de. Les pairs de France sous l'ancien régime. Paris, 1958. P. 56.

⁴² Типичным памятником этих представлений является анонимная «Речь, согласно которой королевство Франция является выборным, а не наследственным». См.: Discours par lequel il apparostro que le royaume de France est électif, et non héréditaire. S/p, 1551. Подробнее о позиции тираноборцев относительно репрезентативной делегированности пэров см.: Major J.R. Representative Institutions in Renaissance France. 1421—1559. Madison, 1960. P. 122—125.

корону, символизирует происхождение государства как от Бога в лице пэров Церкви, так и народа в лице светских феодалов⁴³. Р. Джексон находит данную точку зрения малоубедительной, т.к. «*ordines* настаивают на том факте, что корона должна возлагаться на голову короля одним епископом (архиепископом Реймским. — С.П.), а пэры лишь поддерживают ее»⁴⁴. На наш взгляд, подобный жест вбирает в себя все трактовки: означает обещание пэрства поддерживать коронованного государя, выражая одновременно и согласие, и клятву вассальной верности, а также стремление к активному участию в процедурах инаугурационной церемонии как возможности иерархической репрезентации собственных прерогатив.

⁴³ Schramm P.E. Der König von Frankreich. Bd. 1. S. 173—174.

⁴⁴ Jackson R.A. Vivat Rex! P. 147.

Глава II

Публично-правовая
функция
королевской
власти

Судья высшей инстанции: право королевского помилования в средневековой Франции (от *rémissions* к *abolitions*)

Со всей присущей эрудитам обстоятельностью, завершая описание протокола инаугурации французской монархии в своем специально созданном с этой целью трактате, советник Парламента г. Меца Николая Менан отмечал: «Все эти церемонии заканчиваются актом милосердия, знаменующим величие и могущество наших королей — это отмена приговора суда и помилования, которые они дают преступникам»¹. И далее пускается в следующий пространственный экскурс: «... (на посвящении Генриха II Филбер де Коссе², главный духовник Франции, по распоряжению Его Величества, доставил всех тех, кто находился в тюрьмах Реймса, между коими произвел отбор убийц, грабителей, фальшивомонетчиков и прочих, числом 455 человек). Этого же обычая придерживались и древние монархи (Саул, первый царь Израиля и евреев, помиловал всех приговоренных к смерти, когда он выступал против царя аммонитов, чтобы занять свое место³. Императоры Рима, по данным Светония, также придерживались обычая милловать заключенных <...>⁴, также наш Св. Реми добился у потомков Хлод-

¹ *Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723. P. 314.*

² Н. Менан ошибся — речь идет не о Филбере, а о Филиппе де Коссе (1509—1548). Происходивший из рода герцогов де Бриссак, с 1530 г. он был епископом Кутанса, а в 1547—1548 гг. — духовником Генриха II. См.: *Anselme, le père (Pierre de Guiborgs). Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France le tout dressé sur les titres originaux, registres des Chartes du roy, du parlement, de la Chambre des comptes et du Châtelet de Paris. Amsterdam, 1713. 8:266; Fisquet M.H. La France pontificale (Gallia christiana), histoire chronologique et biographique des archevêques et évêques de tous les diocèses de France depuis l'établissement du christianisme jusqu'à nos jours, divisée en 17 provinces ecclésiastique. Paris: doyens, grands-aumôniers, abbayes, etc. Paris, 1873. Т. II. P. 90—91.*

³ Автор ссылается на ветхозаветный сюжет, имевший место после победы Саула над царем аммонитян Наасом при Иависе Галаадском. «Тогда сказал народ Самуилу: кто говорил: Саулу не царствовать над нами? Дайте этих людей, и мы умертвим их. Но Саул сказал: в сей день никого не должно умерщвлять, ибо сегодня Господь совершил спасение в Израиле» // 1 Цар. 11:12—13.

⁴ Светоний несколько раз упоминает об императорском праве помилования, в частности, при описании обстоятельств воцарения Нерона и Клавдия. «В той же погоне за народной любовью он (Нерон. — С.П.) помиловал осужденных и сосланных по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил про-

вига, чтобы они, как короли Франции, наследовали Реймс, дабы быть посвященными и коронованными только в его стенах⁵, впоследствии обязательно освобождая тюрьмы от всех заключенных»⁶.

И только напоследок Н. Менан конкретизирует время начала подобной практики, относя его к Франциску I, духовник которого Франсуа Ле Рой «...посетил все тюрьмы Реймса, из которых освободил всех тех, кто был арестован за ряд преступлений и правонарушений, с тем, чтобы заключение могло быть заменено на девятидневную молитву...»⁷. Таким образом, согласно этой версии, королевское помилование стало частью королевской инаугурации с 25 января 1515 г. — даты посвящения Франциска I, и было закреплено с воцарением Генриха II 26 июля 1559 г. Наконец, коронация Людовика XIII, состоявшаяся 17 октября 1610 г.⁸, включала особую процедуру, сопровождавшую прощение заключенных — ритуал освобождения птиц. Его первое описание принадлежит перу секретаря Людовика XIII, автора «Французского церемониала» Теодора Годфруа. Оно гласит, что по окончании церемонии, во время аккламаций «Да здравствует король!», на волю было выпущено «...до семи или восьми сотен воробьев, щеглов и других мелких птиц, которых принесли на хоры в клетках и корзинах», что нашло свое отображение на памятных медалях о коронации⁹.

шение...»; «Утвердившись во власти, он (Клавдий. — С. П.) раньше всего иного позаботился изгладить из памяти те два дня, когда под сомнением была прочность государственного устройства. Поэтому все, что было сказано и сделано в это время, он постановил простить и предать забвению, и постановление это выполнил: казнены были лишь несколько трибунов и центурионов из участников заговора...» // Светоний. Жизнеописание двенадцати цезарей / Пер. и прим. Д.П. Кончаловского. М.;Л., 1933. Калигула: 15; Клавдий: 11.

⁵ Св. Реми (Ремигий) — епископ Реймса (459—ок. 533), ок. 489 г. в Реймсе крестил Хлодвига. Это позволило архиепископу Реймскому Хинкмару в 875—880 гг. составить житие Реми на основе легенды о Святом Елее, явленном для помазания вождя франков голубем — символом Святого Духа. См.: *Vita Remigii episcopi Remensis* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptories rerum Merovingicarum* / Ed. V. Krusch. Hannover, 1896. Bd. III. № 16. S. 239—341. В итоге предпринятых Хинкмаром усилий Реймский собор постепенно стал местом инаугурации французских монархов, а начало церемонии ознаменовал въезд королевской процессии в город.

⁶ *Menin N.* Op. cit. P. 315.

⁷ *Ibid.*

⁸ Даты инаугурации см.: *Bayard J.-P.* *Sacres et couronnements Royaux*. Paris, 1984. P. 359; *Liste chronologique des rois sacres à Reims* // *Bonnefin A.* *Sacre de Rois de France*. Limoges, 1988. P. 223—224.

⁹ *Godefroy Th.* *Le cérémonial français*. Paris, 1649. T. 1. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrées soulennes et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Théodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. P. 432.

Этот эпизод подтверждает опубликованное в год инаугурации описание аббата Шарля де Ремона, полагающего, что ритуал освобождения птиц возник в протоколе церемонии несколько раньше — одновременно с традицией помилования: «Во время всех этих аккламаций в церкви взвилось огромное множество живых птиц, свидетельствуя о свободе: таково было милосердие короля по отношению к множеству преступников, получивших жизнь по его великодушию. Меня заверили, что из Парижа для каждой коронации с этой целью могут предоставить любое количество птиц, и до посвящения этого короля отпускались только голуби, которые принесли Хлодвигу Святой Сосуд»¹⁰. Исследователи однозначно трактуют символику данного ритуала как воплощение монаршего милосердия, возвращающего свободу заключенным¹¹, однако проблема истоков, целеполагания и интерпретации самого института королевского помилования представляет особую задачу.

Как потестарная функция французской монархии, право королевского помилования (*le droit de grâce royal*) прошло долгий путь, уходя корнями в глубокую древность разных исторических традиций — собственно франкской, христианской и римской.

Первые спорадические упоминания восходят к эпохе Меровингов, когда еще Григорий Турский указывал, что в 574 г. Сигеберт, король Австразии, по просьбе своего брата Хильперика даровал помилование представившим ему войско городам Туру, Пуатье, Лиможу и Кагору¹². Кроме того, автор «Истории франков», повествуя о рождении в 582 г. у упомянутого Хильперика долгожданного сына Теодориха, пишет: «В честь этого король приказал открыть все тюрьмы, освободить заключенных, отдал распоряжение совсем не требовать недоимки, подлежащие выплате казне»¹³. Однако признать эти факты свидетельством воз-

¹⁰ Remond Ch. de. Les cérémonies ohservées au sacre et couronnement du roy Loys XIII. Paris. 1610. P. 25—26.

¹¹ Haueter A. Die Krönungen der französischen Könige im Zeitalter des Absolutismus und in der Restauration. Zürich, 1975. S. 219—222; Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnement en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985. P. 92. Хотя первые интерпретации появились еще в эпоху абсолютизма и были выполнены в соответствии с ее требованиями. Так, описывая завершение инаугурации Людовика XVI, аббат-историк Тома Пишон (1731—1812) объясняет освобождение птиц фактом явления нового монарха. «Затем было выпущено большое количество маленьких птиц, которые, когда стали свободны, ознаменовали и излишня милости суверена на свой народ, и то, что люди никогда не являются действительно свободными так, как до правления просвещенного принца, справедливого и добродетельного» // Pichon Th.J. Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, roi de France et Navarre. Paris, 1775. P. 49.

¹² Григорий Турский. История франков / Пер., комм., вступ. ст. В.Д. Савуковой. М., 1987. IV:50.

¹³ Там же. VI:23.

никновения института *de grâce royal* не представляется возможным, как не может служить аналогичным основанием и ряд упоминаний в каролингских капитуляриях: в соглашении Карла Лысого, Лотаря I и Людовика Немецкого в 851 г., по которому они получали общее право помилования своих врагов; в капитулярии Карла Лысого 856 г., обещавшем прощение виновным в измене императору лицам, если они сознаются, прежде чем предстанут перед судом; наконец, в капитулярии 860 г., регулировавшим условия мира между Карлом Лысым и Людовиком Немецким и подтверждавшим права помилования 851 г.¹⁴ Очевидно только, что помилование носило коллективный характер и не являлось полноценной функцией власти.

Ее окончательное становление неотъемлемо связано с основными этапами формирования единого французского государства и сопровождающими данный процесс рефлексиями о монархе как справедливом судье, носителе суверенной, имеющей как светскую, так и сакральную природу, власти. Подобная амбивалентность священного и одновременно правового истоков потестарных рычагов являлась основой теизации полномочий короля. При этом христианское представление о власти — справедливой и милосердной — сыграло особую роль в формировании культа короля-«праведного судии».

Что касается судебных полномочий, бывших в раннее Средневековье практически единственным средством отправления власти, то с эпохи Людовика IX они становятся главной опорой, поддерживающей монархию и связывающей ее сакральные и публично-правовые функции. Начиная от предписаний *Establissemens* Людовика Святого с их гарантией мира (*l'asseûrement*)¹⁵ до ордонанса Людовика XI, утверждающего, что «управление и охрана общественного блага нашего Королевства <...> главным образом заключается в правосудии...», понимаемом как часть «ремесла короля» (*métier de roi*)¹⁶.

Своей целью правосудие полагает сохранение справедливого порядка, во многом опираясь и на августиновскую концепцию, представляющую

¹⁴ Hlotarii, Hludowici et Karoli conventus apud Marsnam Secundus. 851. Aestate // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. T. II. S. 72—74; Praeceptum Hludowici II. 856. Mart. 23 // Ibid. S. 137—138; Hludowici, Karoli et Hlotharii II. Conventus apud Confluentes. 860. Iun. 1—7 // Ibid. S. 152—158.

¹⁵ The “Establissemens de Saint Louis”: Thirteenth-Century Law Texts From Tours, Orleans, and Paris / Trans., ed. F.R.P. Akehurst. Philadelphia, 1996. P. 147.

¹⁶ Louis XI, à Paris, Septembre 1463. Lettres de garde pour Saint-Framboust de Senlis // Ordonnances des rois de France de la troisième race / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1814. Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / Éd. E. Pastoret. P. 64—65.

его как опору общества и монарха — гаранта социального спокойствия¹⁷. Ведь в противном случае, согласно св. Августину: «...При отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре. И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону. Когда подобная шайка потерянных людей возрастает до таких размеров, что захватывает области, основывает оседлые жилища, овладевает городами, подчиняет своей власти народы, тогда она открыто принимает название государства, которое уже вполне присваивает ей не подавленная жадность, а приобретенная безнаказанность»¹⁸. Эта идея станет краеугольным камнем обоснования непреложной справедливости королевского суда, основой которого является единая правовая норма, публично исходящая от короля. Таков образ христианского монарха. В качестве своеобразного подражания Августину, сходную интенцию воспроизводит и ордонанс Карла V о судебной реформе 1454 г.: «Полагая, что королевство не сможет долго просуществовать без доброго справедливого порядка, лишённое всякой опоры <...>, желаем править нашими подданными как добрый судья...»¹⁹.

Образ короля-справедливого судьи варьировался от карающего и попирающего до милосердного и прощающего. Но в любом случае основополагающим оставался принцип: «Всякое правосудие исходит от короля»²⁰. Особое место в его системе занимало, как уже указывалось

¹⁷ Подробнее о влиянии августиновского понимания справедливости на концепцию королевской власти в средневековой Франции см.: *Krynen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Âge (1380—1440): Étude de la littérature politique du temps.* Paris, 1981. P. 184—186.

¹⁸ «Прекрасно и верно ответил Александру Великому один пойманный пират. Когда царь спросил его, какое право имеет он грабить на море, тот дерзко отвечал: “Такое же, какое и ты: но поскольку я делаю это на небольшом судне, меня называют разбойником; ты же располагаешь огромным флотом, и потому тебя величают императором”» // *Августин Бл. О граде Божиим.* М., 2000. С. 160.

¹⁹ Charles VII, aux Montils lès-Tours, en avril 1453, avant Pâques; en avril 1454 après Paques // *Lettres de Charles VII, pour la réformation de la justice // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Villeval, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1790. Vol. XIV. Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. L.G. de Bréquigny.* Paris, 1790. P. 285.

²⁰ Подробнее о французской модели взаимосвязи между развитием законодательной и судебной власти, а так же эволюции королевского судопроизводства см.: *Rigaudière A. Législation royale et construction de l'État dans la France du XIIIe siècle // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / Sous la dir. de A. Gouron, A. Rigaudière.* Montpellier, 1988. P. 203—236; *Guillot O., Rigaudière A., Sassièr Y. Pouvoirs et institutions dans la France médiévale: 2 vol.* Paris, 1994.

выше, *le droit de grâce royal*. Его символическим воплощением стали традиционные для средневековья церемонии: как уже упоминаемый ритуал освобождения птиц, так и возникшая гораздо раньше процедура помилования заключенных в дни Рождества, Вербного Воскресенья, Страстной Пятницы и Пасхи, рождения принцев или принцесс, королевской свадьбы, инаугурации и первого королевского въезда в город. Так, одним из самых ранних свидетельств последнего является упоминание о том, что в 1223 г. Людовик VIII во время своего вступления в Париж после коронации освободил заключенных²¹. В дальнейшем это обыкновение станет повсеместным, распространившись на прочие города и делегируя право освобождения принцам крови²², а его истоки исследователи²³ склонны усматривать как в ветхо- и новозаветных, так и собственно средневековых традициях.

Действительно, торжественное явление посвященного монарха, милующего преступников, имело стратегически обоснованные аналогии с въездом в Иерусалим царя Давида после его победы над филистимлянами и прощением кающегося Семеня²⁴, а также Иисуса Христа

²¹ Roche-Flavin B. *de la. Treze livres des parlement de France*. Bordeaux, 1617. P. 753.

²² Например, одним из указов 1477 г. Людовик XI распорядился: «Разрешается графу Ангулемскому освобождать заключенных во время его въезда в города своего герцогства, за исключением преступлений об оскорблении величества (*la lèse-majesté*) и фальшивомонетничества» // *Lettres qui autorisent le comte de Angoulême à delivrer les prisonniers, la première fois qu'il entrera dans chaque ville de son domaine*. Arras, septembre 1477 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. A.G.-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. Т. X. 1438—1485. P. 783.

²³ Bryant L.M. *Le cérémonie de l'entrée a Paris au Moyen Âge* // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1988. № 3. P. 513—542; *Idem*. *The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance*. Geneve, 1986; Guennée B., Lehoux Fr. *Préface* // *Les entrées royales françaises de 1328 à 1515* / Éd. B. Guennée, Fr. Lehoux. Paris, 1968. P. 11—24; Jackson R.A. *Op. cit.* P. 94—95. Gauvard C. *Les rites de la justice*. Paris, 2000; Бойцов М.А. *Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе*. М., 2009. С. 67—70.

²⁴ «Когда переправили судно, чтобы перевезти дом царя и послужить ему, тогда Семей, сын Геры, пал перед царем, как только он перешел Иордан. И сказал царю: «Не поставь мне, господин мой, в преступление, и не помяни того, чем согрешил раб твой в тот день, когда господин мой царь выходил из Иерусалима, и не держи того, царь, на сердце своем. Ибо знает раб твой, что согрешил, и вот ныне я пришел первый из всего дома Иосифова, чтобы выйти навстречу господину моему царю». И отвечал Авесса, сын Саруин, и сказал: «Неужели Семей не умрет за то, что злоловил помазанника Господня?» И сказал Давид: «Что мне и вам, сыны Саруины, что вы делаетесь ныне мне наветниками? Ныне ли умерщвлять кого-либо в Израиле? Не вижу ли я, что ныне я — царь над Израилем?» И сказал царь Семеню: «Ты не умрешь». И поклялся ему царь» // 2 Цар. 19:18—23. Подробнее о ветхозаветной трактовке царского милосердия и правосудия см.: Mazouer C. *Dieu, justice et misericorde dans le Mistère de Viel Testament* // *Moyen Âge*. 1985. № 91. P. 53—73.

в Вербное Воскресенье²⁵, с последующими Новой заповедью («Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»²⁶) и Завещанием мира («Мир оставляю вам, мир Мой даю вам...»²⁷). Христианская традиция понимала государя, в том числе как судью, и имела основой концепцию правосудия, которая вбирала в себя тезис как о Прощающей любви («Тогда Петр приступил к Нему и сказал: “Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз?” Иисус говорит ему: “Не говорю тебе: до семи, но семижды семидесяти раз”»²⁸), так и об Иисусе как высшем судии («Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну»²⁹). Его целью является мир («Слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение»³⁰) и милосердие («Снисходя к друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вам, та и вы»³¹; «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир»³²).

Однако для правового обоснования *le droit de grâce royal* требовалась сугубо юридическая теория, имеющая своей опорой не только патристику³³, но и античные (римские) начала. Отличительной чертой последнего явилась дифференциация милосердия и помилования — амнистии (*amnestia*), которая имела две основные формы: общее прекращение судебного производства (*abolitio generalis*) и освобождение осужденного (*restitutio damnatorum*). В первом случае уже содеянное преступление погашалось, и совершивший его восстанавливался во всех правах (*restitutio interarum*)³⁴. Существовало и обладающее высшей юридической силой право императорского помилования — *indulgentia generalis*, основанное на т.н. праве интерцессии — приостановлении судебного произ-

²⁵ «Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали на дороге. Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: “Осанна сыну Давидову! Благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних”» // Мф. 21:8—9.

²⁶ Иоан. 13:34.

²⁷ Иоан. 14:27.

²⁸ Мф. 18:21—22.

²⁹ Иоан. 5:22.

³⁰ Лук. 2:14.

³¹ Кол. 3:13.

³² Иак. 3:18.

³³ О роли Отцов Церкви и канонического права в целом см. подробнее работы Жерапа Гийо: Guyon G. Justice de Dieu, justice des hommes — christianisme et histoire du droit pénal. Neuf, 2009; *Idem*. L'héritage religieux du pardon dans le justice pénale de l'Ancien Droit // Le pardon / Éd. J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseau, P. Texier. Limoges, 1999. P. 89—115.

³⁴ Humbert M. Le pein en droit romain dans le monde antique // La peine. Bruxelles, 1991. Vol. LX. P. 133—138.

водства³⁵. Оно не только окончательно прекращало расследование, но и могло изменять санкцию в сторону ее смягчения или даже отмены, что неизбежно приводило к разного рода злоупотреблениям³⁶.

Являясь правом императора, *indulgentia*, тем не менее, не отменяла приговор суда, если вердикт был уже вынесен, как не распространялась на наиболее тяжкие с точки зрения интересов государства преступления: оскорбление императора, измену, казнокрадство и т.п. В Декрете Грациана 1140 г., систематизирующем достижения римского права, предписывалась практика изъятия главой государства норм и санкций из общей юрисдикции, что позволяет расценивать эти полномочия императора уже как суверена³⁷. Позже указанное изъятие было окончательно обосновано каноническим правом как временное смягчение строгости закона в силу необходимости или полезности для государства в целом, а не только лично монарха³⁸.

В итоге сложившихся в единую систему параметров³⁹ сформировалось право королевского помилования, получившее во Франции свое

³⁵ Некоторые юристы полагают, что это право изначально принадлежало народным трибунам, но в отличие от них, узурпировавшие его императоры пользовались им весь срок своего правления. См.: *Legoux J. Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. Depuis 1349 jusqu'en 1865. Paris, 1863. P. 11.*

³⁶ На них прямо указывает Светоний. «...Он (Веспасиан. — С.П.) без колебания продавал должности соискателям и оправдания подсудимым, невинным и виновным, без разбору; самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, — говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намочнуть, а мокрые выжимает» // *Светоний. Указ. соч. Веспасиан: 16.*

³⁷ *Gobron L. Des sources du droit de grâce dans la législation romaine. Paris, 1893. P. 64—68; Chomette H. De l'amnistie spécialement dans ses effets au points de vue pénal et au point de vue civil. Paris, 1898. P. 8—11; Roux-Dessarps G. De la Grâce. Paris, 1898. P. 7—15; Thomas Y. Arracher la vérité, la Majesté et inquisition (Ier—IVème siècles) // *Le juge et le jugements dans les traditions juridiques européennes / Sous la dir. de R. Jakob. Paris, 1996. P. 17.**

³⁸ О практике правила изъятия в каноническом праве см.: *Brys J. De dispensation in jure canonico. Bruges, 1925.*

³⁹ Часть исследователей-юристов настаивает на доминанте римского компонента, как и П.И. Люблинский, полагая, что Франция «...явилась воскресительницей тех правовых начал амнистии, которые были выработаны в Риме» // *Люблинский П.И. Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907. С. 37.* Эта позиция восходит к Ж. Бодену, считавшему возможность применения права помилования, источником которого было римское право, одним из признаков суверенитета. См.: *Bodin J. Les six livres de la république. Paris, 1580. I:10.* Однако большинство историков права полагает королевское помилование продуктом собственной эволюции Французского государства, вобравшим в себя,

документальное выражение в форме грамот (указов) о помиловании — *les lettres de rémission*. Их первое упоминание относится к середине XIV в., когда один из эдиктов Иоанна II запретил «...распространять указы о помиловании и освобождающие соглашения на должников короля»⁴⁰. Однако самые ранние экземпляры, зарегистрированные в королевской канцелярии, датируются исследователями началом столетия (1304 г.)⁴¹; в дальнейшем их количество приобретет устойчивую тенденцию к увеличению, что потребует их записи по шаблону и отдельного хранения в Сокровищнице хартий (*Le Trésor des Chartes*). В итоге доля указов о помиловании, в начале Столетней войны превывсившая треть всех королевских распоряжений, на рубеже XIV—XV вв. составит уже вдвое большую часть; она сохранилась в 54 тысячах экземпляров⁴².

Сложившийся образец композиции указов вызывает большой интерес, поскольку позволяет определить их целеполагание. Он был установлен ордонансом дофина Карла 1358 г., связанным с его попыткой в условиях регентства монополизировать право помилования, но получившим отказ, сформулированный в серии нормативных актов 1356, 1357, 1358 и 1359 гг. Они предписывали, что давшие в том присягу: «Канцлер, мэтр прошений и прочие офисье <...> должны направлять просителя поми-

наряду с христианской, и римскую традицию. См.: *Texier P. La rémission au XIVème siècle: Genèse et développement, thèse droit. Limoges, 1991; Brissaud Y-B. Le droit de grâce à la fin du Moyen Âge (XIVème siècle — XVème siècle). Contribution à l'étude de la restauration de la souveraineté monarchique, thèse droit. Poitiers, 1971; Gauvard C. "De grâce especial". Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge: 2 vol. Paris, 1991.*

⁴⁰ Arrêt ou lettres par lesquelles le Roi, en son conseil ou parlement et le collège des Pairs, absout, après enquête, l'évêque de Langres, pair de France, de l'accustion de comptivité de rebellion et de lèse-majestè, contre lui portée par le procureur-général. Saint-Ouen, 11 mai 1354 // *Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, 1821. T. IV. 1327—1357. P. 693. Впоследствии Иоанн II распространил аналогичные предписания на всю территорию своего домена, а также спорные с Англией территории. См.: *Mandement pourtant defenses d'avoir égard aux lettres de rémission et de composition délivrées aux débiteurs du Roi ou aux criminels par les lieutenants du Roi dans le Languedoc*. Paris, 3 octobre 1354 // *Ibid.* P. 698.

⁴¹ Эту точку зрения высказывает Клод Говар (*Gauvard C. Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Âge // Bibliothèque de l'École des Chartes (BEC)*. 1995. № 153(2). P. 277), в противовес Паскалю Тексье, полагающему, что «...начало французской ремиссии мы можем проследить в конце XIV в». См.: *Texier P. Rémission et évolutions institutionnelles // Le pardon*. P. 342. Исследовавший коллекцию регистров Палаты хартий, хранящуюся в Национальном архиве Франции, Мишель Франсуа указывал, что первая группа *les lettres de rémission* датируется 1345—1349 гг., хотя и признавал их наличие до первой четверти XIV в. См.: *Francois M. Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // BEC*. 1942. № 103. P. 318, 319.

⁴² Подсчеты М. Франсуа, уточненные им до 53 800 единиц хранения, см.: *Francois M. Les lettres de rémission du Trésor des Chartes // BEC*. 1943. № 104. P. 450; *Idem*. Note sur les lettres de rémission. P. 318.

лования Его Величества в Большой Совет»⁴³; «Король никому не предоставляет помилование за совершенное преступление без обсуждения на Большом Совете и постановления, подписанного тремя его членами»⁴⁴. Вероятно, дофин опирался на предпринятую Филиппом IV еще в 1308 г. попытку монополизировать право помилования как регальное право короля: «Это подвластно только ему (королю. — С.П.), и всякий подлежит испытанию и одобрению всех милостей, прощений и помилований для любых покорных ему людей, даже в случае преступления или злоупотреблений...»⁴⁵. Став королем, Карл V подтвердил данные полномочия, отменив и пошлину⁴⁶, взимаемую с истцов на местах за подаваемое ими прошение о помиловании. В начале XV в., очевидно, находясь под влиянием мармузетов⁴⁷, Карл VI делегирует *le droit de grâce royal* ряду высших должностных лиц, в частности, канцлеру⁴⁸, но в специальном постановлении Парижскому Парламенту предписывает: «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля. Членам Счетной Палаты запрещается утверждать грамоты о помиловании»⁴⁹.

Общее стремление королевской власти к сосредоточению в своих руках указанной функции достигло особого выражения в правление Карла VII, окончательно запретившего пошлину за прошения о помиловании, даже если они непосредственно принимались королевской канцелярией. В эдикте 1449 г., который, фактически, закрепил монополию короны, утверждалось: «Запрещается всяким сеньорам, великим офицье короны

⁴³ Ordonnance du lieutenant général, rendue en conséquence des demandes des États généraux. 3 mars 1356 // Recueil général des anciennes lois françaises. Paris, 1824. T. IV. P. 819.

⁴⁴ Ordonnance en conséquence des États-généraux de Compiègne. Compiègne, 14 mai 1358 // Ibid. T. V. 1357—1380. Paris, 1824. P. 14—15. Ограничение прав дофина, согласно которому, «...помилования не могут быть предоставлены без разрешения Большого Совета»; см. также: Ordonnance faisant defenses aux grands officiers du Roi d'accorder des lettres de grâce. 13 mai 1359 // Ibid. P. 54.

⁴⁵ Le grand coutumier de France / Éd. E. Laboulaye, R. Dareste. Paris, 1868. P. 100—101.

⁴⁶ Она составляла 32 су серебром. См.: Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoire au Bouteillier de France, d'accorder des lettres de rémission et de pardon, même pour crime de lèse-majesté, sauf confirmation par le Roi. Melun. 29 août 1366 // Recueil general des anciennes lois françaises. T. V. P. 255—256.

⁴⁷ Мармузеты (от фр. *les marmousets* — мальчуганы, ирон. — коротышки, ничтожества) — презрительное прозвище бывших советников Карла V, ратовавших за продолжение его реформ в правление Карла VI, который привлек их к управлению страной в 1389 г.

⁴⁸ См.: Mandement portant que le chancelier de France à droit d'accorder en conscit toutes lettres de grâce et de rémission. Paris, 13 mars 1401 // Recueil general des anciennes lois françaises. Paris, 1825. T. VII. 1401—1415. P. 14—16.

⁴⁹ Constitution portant que le parlements et autres juges, n'obteni péresons pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1402 // Ibid. P. 17.

и губернаторам провинций осуществлять право помилования, которое принадлежит только королю»⁵⁰. Наконец, Людовик XII издал ордонанс, устанавливающий, что «только королю и его наследникам предоставлено право помилования, его осуществление навечно запрещается всяким другим лицам ...»⁵¹, включая их наследников, ограничивая это изъятие сроком от выхода указа в марте 1498 г. до ноября 1507 г. По его истечении последовал новый ордонанс, уточняющий, что «...полномочия всех прочих властей <...> отменяются...», и помилование не может предоставляться никем, даже «...губернаторами провинций...»⁵². Принятое решение вполне соответствовало требованиям крепнущего абсолютизма, но, само оно, став правовой традицией, теперь ограничивало короля в вариантах требуемого ему, продиктованного политической конъюнктурой, делегирования; и поэтому когда Франциск I в 1514 г. попытался передать *le droit de grâce royal* своей матери⁵³, Парламент опротестовал это решение⁵⁴.

Возвращаясь к выработанному практикой королевской канцелярии шаблону грамоты о помиловании, в итоге следует выделить в его структуре следующие составляющие: перечисление совершенных преступлений и проступков (деликтов); причины, которые определяет король, предпочитая «...милосердие строгости правосудия...»⁵⁵; формулы помилования (сохранение жизни, замена срока тюремного заключения, изгнание, выплата штрафа, разные формы покаяния и т.д.); положение, которое сохраняет все права пострадавшей стороны; список исключая-

⁵⁰ Lettres portant énonction aux gens des comptes de procéder au jugement par extraordinaire d'un procès cromonel, en présence de conseillers au parlement. Montile-lès-Tours, 4 février 1449 // Ibid. Paris, 1825. T. IX. 1438—1483. P. 176.

⁵¹ Ordonnance redue, en connéquence d'une assemblée de notables, sur la justice et la police du Royaume, à Blois, sur la réformation de la justice et l'utilité générale du royaume. Mars 1498 // Ibid. Paris, 1827. T. XI. 1483—1514. P. 353—354. Этим же ордонансом была закреплена большая часть процедуры предоставления *le lettre de rémission*. См.: Ibid. P. 368—369.

⁵² Ordonnance rendue, en conséquence des états de Normandie, contre la des offices dejudicature, contre les colporteurs, contre tes exactions des gouverneurs de châteaux royaux, contre le port d'armes, et sur le recouvrement des impôts. 5 novembre 1487. Extrait de ordonnance annexée en 257 articles // Ibid. P. 514.

⁵³ См.: Déclaration sur les droits de la reine mère. Compiègne, 4 février 1514 // Ibid. Paris, 1828. T. XII. 1514—1546. P. 18—19.

⁵⁴ Однако в 1539 г. им смог воспользоваться оккупировавший часть страны император Карл V, поскольку изданный в том же году ордонанс Франциска I предоставлял испанскому монарху полномочия осуществлять помилование во Франции. См.: Lettres de rémission données par l'Empereur Charles-Quint, pour le lieutenant du prévost de Toüars // Legoux J. Op. cit. P. 248—250.

⁵⁵ Lettre qui établissent le duc de Berry tretienant dans le Languedoc, avec des pouvoirs très-amples, même celui de convoquer les États, contenant la définition des droits régaliens. Paris, 19 novembre 1380 // Recueil général des anciennes lois françaises. Paris, 1826. T. VI. 1380—1400. P. 546.

щих помилование преступлений; порядок, предписанный королевским чиновникам для обнародования письма; дата, печать, список и подписи членов Совета, а также подпись короля⁵⁶. Все это предполагает определенную процедуру помилования и достаточно сложный юридический и административный механизм его реализации.

Нарушали ли указы о помиловании законодательство и не попирали ли они права потерпевшей стороны? Ведь кутюмы требовали смерти в случаях убийства, изнасилования девушек и замужних женщин, кражи или поджога⁵⁷. Однако королевская власть отталкиваясь от основополагающей с эпохи Людовика IX идеи, что «всякое правосудие исходит от государя», достаточно широко использовала *les lettres de rémission* как средство политической борьбы. Поэтому не следует ограничивать право помилования только нормативным конфликтом между традиционным и государственным законодательством, хотя методом последнего являлась получившая широкое распространение еще с XII в. уже упоминавшаяся практика изъятия из общего правила.

Указ о помиловании представлял собой акт, которым монарх устанавливал отправление правосудия, независимо от решения местного суда, т.е. поддерживал собственную юрисдикцию, придавая ей высший характер. С этой целью круг преступлений, подпадающих под *le droit de grâce royal*, постоянно менялся, периодически ограничиваясь ордонансами, которые пытались определить их перечень в соответствии с общими требованиями закона, а затем ими же опровергавшимися. Так, если ордонанс дофина Карла 1359 г. строго предписывал, что «убийства, похищения и поджоги не подлежат получению помилования»⁵⁸, то жалованные грамоты Людовика XI распространяют последнее на все преступления, влекущие за собой смертную казнь: убийства, кражи, предательство, преступления против морали, дето- и самоубийство. Исключением не являлась даже измена, поскольку, как допускал

⁵⁶ Sermet E. *Le droit de grâce*. Toulouse. 1901. P. 69. Наряду с приведенными в настоящих ссылках исследованиями, анализу состава просителей, но в более поздний период, посвящены труды Н.З. Дэвис. См.: *Davis N.Z. Pour sauver sa vie. Les recits de pardon au XVIème siècle / Trad. de C. Cler. Paris, 1988; Idem. Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1990.*

⁵⁷ Так, «Книга Правосудия» налагает не подлежащий изменению смертный приговор (повешение) за «...измену, убийство и похищение людей...». См.: *Le livre des droiz et des commandemens d'office de justice / Éd. C.-J. Beauteemps-Beaupré: 2 vol. Paris, 1865. Vol. 1. P. 28.* «Кутюмы Бовези» приводят аналогичный перечень с той же санкцией. «Всякий подлежит заключению в случае преступления; в таких случаях, как <...> предательство, или убийство, или изнасилование...» // *Beaumanoir Ph. de Rémi de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis / Publ. A. Salmon. 2 vol. Paris, 1899. Vol. 1. P. 1283.*

⁵⁸ *Ordonnance faisant defenses aux grands officiers du Roi d'accorder des lettres de grâce. 13 mai 1359 // Recueil general des anciennes lois françaises. T. V. P. 54.*

один из королевских указов, «грамоты помилования могут быть получены лицами, восставшими против правосудия»⁵⁹. В итоге, несмотря на усилия теоретиков права, ратующих за максимальное ужесточение условий помилования⁶⁰, к началу XVI в. не осталось ни одного преступления, приговор за совершение которого не мог бы быть отменен королевским милосердием.

Основную их долю составляли убийства⁶¹. Возникла необходимость, с опорой на юридическую теорию того времени, дифференцировать особо тяжкие преступления, разделив на «категории» — умышленные убийства и совершенные в целях самозащиты. В этом отношении распространение *le droit de grâce royal* даже убийство, совершенное в здравом уме, т.е. сознательно, означало полное самоотжествление короля с правосудием⁶². И хотя пенитенциарии даже в конце XV в. наставляли, что «блуд есть грех более отвратительный, чем убийство или кража...»⁶³, лишение человека жизни попирало заповедь «не убей» и влекло за собой нарушение божественного порядка, полномочия хранить который монарх получал через помазание и коронацию. Вместе с тем, помилование раскаявшегося убийцы отвечало христианской идее всепрощения. В таком случае король, в рамках модели *imitatio Dei*, выступал в качестве милующего судии и ревнителя веры, символически повторяющего евангельское обращение разбойника («И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придет Царство Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю»⁶⁴). Наконец, это позволяло осуществить функцию миротворца, посредством *les lettres de rémission* принудив враждующие стороны к урегулированию ситуации. Таким образом, и королевское правосудие обретало образ не столько карающего, сколь-

⁵⁹ Louis XI. Lettres patentes. 1472 // Lettres de Louis XI, de roi de France. 1475—1478 / Éd. J. Vaesen, É. Charavay: 11 vol. Paris, 1902. Vol. 6. P. 158.

⁶⁰ О полемике, касающейся вопроса соотношения строгости и милосердия в правосудии XIV—XV вв. см.: Gauvard C. De grâce especial. Chap. 20; *Idem*. De la théorie à la pratique: justice et miséricorde en France pendant le règne de Charles VI // Revue des langues romanes. Christine de Pizan. 1988. № 92(2). P. 317—370.

⁶¹ По подсчетам К. Говар, в период правления Карла VI 57% грамот о помиловании касались убийств. См.: Gauvard C. La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Âge // Le pénal dans tous ses états: justice, Etats et Sociétés en Europe (XIIe—XXe siècles) / Sous la dir. de X. Rousseaux, R. Lévy. Bruxelles, 1997. P. 81—112.

⁶² *Ex adverso* эта правовая стратегия монархии приведет к тому, что в середине XVII—XVIII вв. короли могли самостоятельно выносить т.н. указы о заточении, букв. «с печатью» (*les lettres de cachet, les lettres de jussipri*), позволяющие производить аресты без решения суда. См.: Strayer B.E. “Lettres de cachet” and Social Control in the Ancien Régime. 1659—1789. N.Y., 1992.

⁶³ Delumeau J. Le péché et la peur. Im culpabilisation en Occident. XVIe—XVIIIe siècles. Paris, 1983. P. 238.

⁶⁴ Лук. 23:42—43.

ко милосердного⁶⁵. В результате указанных стратегий репрезентации сформировался некий парадокс, когда помилование оказалось еще и средством утверждения монополии монарха на высшую санкцию, а уголовная юстиция стала самой передовой отраслью королевского права.

Наибольшую важность приобретет упомянутая разработка критериев оценки убийства вследствие самообороны, упоминаемое в *les lettres de rémission* и в первую очередь распространявшееся на заведомо слабую сторону, когда, например, один из патентов Карла VIII 1493 г. предписывал: «Женщина, убившая своего мужа, может получить грамоту о помиловании, обоснованную тем, что (в данном случае. — С.П.) имела место провокация»⁶⁶.

Образ короля-судьи формировался, таким образом, на вариативности строгости и милосердия, в результате чего монарх получал право распоряжаться жизнью и смертью подданных, виновных⁶⁷ в преступлении. Примером может послужить въезд Карла V в Руан в июне 1364 г., в ходе которого были помилованы несколько десятков человек и одновременно четвертован захваченный в битве при Кошереле наваррец Пьер де Сакенвилль⁶⁸. Почти двадцать лет спустя, в 1382 г., торжественно въехавший в тот же город Карл VI знаменовал свой приход к власти произвольным решением судеб участников восстания «Гарель»⁶⁹: он дал помилование шестерым заключенным, а шестерых других осудил на смерть⁷⁰. Равное чис-

⁶⁵ Gauvard C. L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen Âge d'après les lettres de rémission // La faute, la repression et le pardon. Actes du 107e congrès national des sociétés savantes. Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris, 1984. T. 1. P. 165—192.

⁶⁶ Ordonnance sur l'administration de la justice. Paris, juillet 1493 // Recueil general des anciennes lois françaises. T. XI. 1483—1514. P. 224. Впоследствии Франциск I позволит хранителям печатей, представителям королевской канцелярии и верховным судьям осуществлять помилование, вплоть до освобождения от наказания, в некоторых случаях даже убийств, продиктованных самозащитой. См.: Ordonnance sur le fait de la justice, Villers-Cotterets, août 1539 // Ibid. T. XII. 1514—1546. P. 635—636.

⁶⁷ Статус виновности, установленный судом, оставался обязательным для осуществления *le droit de grâce royal*, чтобы не допустить его трансформации в произвол тирана. Поэтому только признание подсудимыми своей вины и раскаяние в ней в ходатайстве о королевском помиловании влекло за собой возможность получения соответствующей грамоты. См. подробнее исследование Пьера Шарбоннье: Charbonnier P. Culpabilité et criminalité dans les lettres de rémission de la seconde moitié du XVe siècle // La culpabilité / Éd. J. Hoareau-Dodinau, P. Texier. Limoges, 2001. P. 495—510.

⁶⁸ Histoire de Charles V / Éd. R. Delachenal: 5 vol. Paris, 1911. Vol. 3. P. 123.

⁶⁹ Восстание «Гарель» 1382 г. было поднято горожанами против увеличения налогов в условиях Столетней войны.

⁷⁰ Chronique du religieux de Saint-Denis / Éd., trad. L.F. Bellaguet: 6 vol. Paris, 1839. Vol. 1. P. 236—248. Интерпретации этого сюжета посвящена отдельная статья К. Говар. См.: Gauvard C. Les révoltes du règne de Charles VI: tentative pour expliquer un échec // Révolte et société, actes du IV colloque d'Histoire au présent (mai 1988): 2 vol. Paris, 1989. Vol. 1. P. 53—61.

ло, возможно, объясняет попытку справедливого выбора короля, однако подобная амбивалентность не распространилась на парижских Майотенов⁷¹, расправа с которыми отличалась особенной жестокостью⁷².

Данные события в известной степени свидетельствуют об изменении отношения к природе прощения монархом подданных, совершивших преступления разной степени тяжести. На практике именно воля государя, в определенной ситуации предпочитающего не забирать, но даровать жизнь, является стержнем королевского правосудия. Однако теоретические изыскания ратовали за строгое соблюдение правил *le droit de grâce royal*, о чем свидетельствуют многие трактаты XIV—XV вв. При этом сам институт прощения не оспаривается: опасение вызывает степень взвешенности королевского решения при предоставлении указов о помиловании и преодолении с их помощью произвола судей. Делегированная королем судебная власть была не свободна от ошибок и намеренного попиранья закона, и размышления об этом приводили к выводу, что «судьи сомнительны и поэтому всегда должны быть более склонны к отпущению грехов, которые они осуждают, исходя из того правила, что следует дважды покарать виновных и не наказывать невинного человека, а если судьи имеют большую склонность к смирению и состраданию, то их следует закалять строгостью. Поскольку справедливость без милосердия жестока, а милосердие без справедливости трусливо»⁷³. Судьи, как часть королевской корпорации (*pars corporis regis*), подотчетной монарху, могут ошибаться при вынесении приговора, чем ставят под сомнение авторитет королевского правосудия. Поэтому их действия могут быть оспорены, а сами они — подвергнуты наказанию, особенно в случае осуждения невинного⁷⁴: «Содеянное ими, — писал канцлер Парижского университета, теолог Жан Жерсон, — разве это не убийство?»⁷⁵.

⁷¹ Восстание Майотенов 1382 г. аналогично восстанию «Гарель».

⁷² *Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393)* / Éd. A.-M. Lucé. Paris, 1862. P. 297—302.

⁷³ *Le grand coutumier de France*. P. 650.

⁷⁴ К. Говар приводит в качестве примера покаянный ритуал, применяемый к судье, отправившем на виселицу невинного. «Он должен был просить прощения у повешенного, целуя его в губы, а затем, одетый, как кающийся грешник, отнести тело казненного и похоронить в освященной земле <...> Заметим, что все эти случаи связаны с духовной стороной, и что преступные действия судьи четко определены здесь, как святотатство» // *Gauvard C. Pendre et dépendre à la fin du Moyen Âge: les exigences d'un rituel judiciaire* // *Histoire de la justice*. 1991. № 4. P. 15. Отдельно проблемам судебной практики посвящена монография О.И. Тогоевой. См.: *Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия*. М., 2006.

⁷⁵ *Gerson J. Diligite justiciam* // *Gerson J. Œuvres complètes* / Éd. M. Glorieux. Paris, 1968. T. 7. P. 612.

Поэтому король выступает посредником между судом и обвиняемым, как носитель сакральной власти, он сохраняет и гарантирует высшее правосудие, основанное на христианской трактовке греховности собственной природы и полном прощении виновного: «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну: припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться»⁷⁶. Монарх зачастую сопровождал указы о помиловании не только отменой уже наложенной судебной санкции или оправданием виновности подозреваемого, но и отпущением грехов. На символическом уровне государь выступал в роли исповедующего священника, тогда как получатель *le grâce royal* — кающегося. При этом право королевского помилования даже в случаях с заслуженно осужденными не ставит под сомнение полномочия суда (оно оказывается выше их), но посредством *les lettres de rémission* может исправлять недостатки системы уголовного правосудия.

Последнее было вынуждено более четко разграничивать случаи, требующие вмешательства короля, и те, которые не могут подлежать его помилованию. Так появилась категория особых преступлений, подлежащих только королевскому суду (*les cas royaux*). Их перечень зафиксирован в королевских ордонансах, касающихся справедливости, повторявших не только «Установления Людовика Святого», но и нормы права. Речь идет о нарушении гарантии мира (*l'asseürement*), безопасности (*la sauvegarde*), изготовлении фальшивых денег, разбое на дорогах, похищении и изнасиловании, ношении оружия, измене, колдовстве и богохульстве. В период правления Карла V к категории особых преступлений добавят оскорбление величества (*la lèse-majesté*). Процесс в таком случае повторно осуществлялся в королевском суде, а критерием отбора указанного перечня выступало явное нарушение социального порядка, идущего в разрез с честью короля (*l'honneur du roi*)⁷⁷.

Ставило ли это под удар деятельность местных светских или церковных судов? Теоретики из окружения Карла V широко обсуждали данный вопрос. Наглядно ситуация, связанная, например, с церковным судом, описана в диалоге Клирика и Рыцаря знаменитой «Песни о Жезле»: «Клирику страшно, что названное здесь <...> это меньшее зло в государственных делах, что папа или король или другие земные владыки либо слишком человечны, либо слишком сострадательны, а также либо слишком строги, либо слишком жестоки», на что Рыцарь ответил: «Те страшит монаха в государственных делах, что у князя правосудие либо

⁷⁶ Ис. 43:25—26.

⁷⁷ *Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoire au Bouteillier de France*. P. 256. См. подробнее: *Perrot E. Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe e XIVe siècles*. Paris, 1910; *Cheyette F. La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // Revue historique de droit français et étranger*. 1962. № 40. P. 373—394

слишком строгое, либо слишком дорогостоящее, либо сострадательное, и таким образом, пусть он придерживается середины между слишком большой строгостью и слишком большой жалостью или милосердием»⁷⁸.

Однако на практике *le droit de grâce royal* могло привести ко многим нарушениям, и члены Парижского Парламента, как уже упоминалось, находили возможность отказывать королю, что становилось причиной целого ряда конфликтов⁷⁹. Ряд теоретиков советовал государю не уступать право помилования, но и не применять его слишком часто, дабы не прослыть тираном у собственных чиновников. Так, один из советников Карла V Филипп де Мезьер рассуждал в своем «Сновидении старого паломника», что королева Истина, которой служит монарх, велит ему выслушивать жалобы, но не вести себя, как тиран, а оказывать милосердие, перепоручая его королевским офисье, дабы не отдалять правосудие от призванных служить ему должностных лиц⁸⁰. Но достичь предписываемой гармонии на практике оказалось гораздо сложнее, поскольку право королевского помилования, учрежденное королевской же властью, было предназначено для подтверждения монарших полномочий и репутации. Отсюда проистекает не только настоятельно предписываемая в ордонансах монополия короны на предоставление *les lettres de rémission*, но и подробные инструкции по их реализации для королевских чиновников и в центре, и в провинциях: «Члены Счетной палаты и Палаты хартий Дофинэ должны контролировать указы о помиловании, а также исполнять их решение в этой провинции»⁸¹; «Никакой судья не должен узнавать о помиловании иначе как от короля...»⁸².

⁷⁸ *Le Songe du Vergier* / Éd. M. Shnerb-Lièvre: 2 vol. Paris, 1982. Vol. 1. I:CLIX, CLX.

⁷⁹ См. подробнее: *Gauvard C. Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen Âge // Histoire comparée de l'administration (IVe—XVIIIe siècles) / Sous la dir. de W. Paravicini, K.F. Werner. München, 1980. P. 83—593; Цатурова С.К. Право чиновников против суверенного права короля: конфликт в королевской канцелярии (Франция, XV в.) // Право в средневековом мире '2007 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2007. С. 107—121; Она же. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV—XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 78—95.*

⁸⁰ *Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin* / Ed. by G.W. Coopland: 2 vol. Cambridge, 1969. Vol. 2. P. 320—325.

⁸¹ Charles VI, à Paris, en avril 1410. *Lettres de Charles VI par les quelles il défend d'obéir aux commandements que les Chambellans, Haissiers, Sergens-d'armes ou Officiers, pourroient faire au nom du Roi, pour l'élargissement des prisonniers, si les dits Officiers, n'ont Lettres patentes à cet effet. Charles VI, à Paris, en Avril 1410 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Villevault, L. G. de Brequigny, E. Pastoret, J. M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1777. Vol. XII. Contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI / Éd. L.-G. de Villevault, L. G. de Brequigny. P. 234.*

⁸² *Constitution portant que le parlements et autres juges. P. 16.*

Судам предписывалось осуществлять прямой контроль над деятельностью бальи и сенешалей, которые все еще обладали значительной независимостью. После получения грамота должна была быть принята местным судом, который проверял ее содержание, затем доводил его до сведения потерпевшей стороны и обеспечивал мировое соглашение ответчика и истца⁸³.

Усиление права королевского помилования, с одной стороны, и противостояние ему со стороны судебной системы, с другой, — привело к появлению не только *les cas royaux*, но и возникшей в правление Карла VI новой формы указов — грамот об освобождении (*les lettres d'abolition générale*). Их отличие от *les lettres de rémission* заключалось, во-первых, в реализации права исключительного прощения в тех случаях, когда помилование формально не могло быть предоставлено. Во-вторых, индивидуальное или коллективное, оно могло быть предоставлено либо до, либо после осуждения и приговора суда. В-третьих, оно, как правило, приурочивалось ко дню инаугурации нового монарха, приобретая тем самым особую значимость⁸⁴. Для этого следовало заранее подать прошения, предъявители которых, включая знать, «... должны стоять в суде на коленях с обнаженной головой...»⁸⁵ и клясться, что все изложенное является правдой. Специальное расследование устанавливало, не имело ли место сокрытие фактов, нечестное доказательство — субрепция (лат. *subreptio*, старофр. *subreption*) или угроза разглашения порочащих репутацию сведений — обрепция (лат. *obreptio*, старофр. *obreption*). В случае положительного исхода расследования подлежащие помилованию привозились в Реймс или другие города, находящиеся на пути королевского кортежа и освобождались⁸⁶.

Поскольку *les lettres d'abolition générale*, исходя из самой этимологии понятия *l'abolition*, предполагали полную отмену наказания и, следовательно, вины осужденного или снятие подозрений, если приговор

⁸³ Согласие потерпевшей стороны (истца) выступало общим условием для осуществления королевского помилования. Изначально предоставление официального прощения от потерпевшего или его представителей было необходимым пунктом, однако начиная с правления Филиппа VI, король требует только соглашения сторон: прощение от истца больше не является обязательным для предоставления *le grâce royal*, только подтверждая его эффективность. *Texier P. Rémission et évolutions institutionnelles*. P. 350.

⁸⁴ *Lettres d'abolition* стали частью судебной реформы Карла VII 1454 г. См.: *Ordonnances ou Établissements pour la reformation de la justice*. Montile-les-Tours, avril 1453, avant Pâques. Nullité des lettres d'abolition // *Recueil general des anciennes lois françaises*. T. IX. P. 228—229.

⁸⁵ *Ordonnance redue, en connéquence d'une assemblée de notables, sur la justice et la police du Royaume, à Blois, mars 1498* // *Ibid.* T. XI. P. 369.

⁸⁶ *Braun P. La valeur documentaire des lettres de rémission* // *La faute, la répression et le pardon*. P. 207—221; *Jackson R.A. Op. cit.* P. 95.

еще не был вынесен, то это предоставляло королю бóльшую свободу действий. В частности, взимать деньги с желающих получить такого рода грамоту. Так, Карл VI обещал посланникам от маойтенов простить их, если они согласятся выплатить казне сумму в сто тысяч ливров; Карл VII ввел для не желающих разделить судьбу покоренной Гиени городов Лангедока выплату в размере 170 тысяч ливров⁸⁷. Нередкой была и практика превенций: Людовик XI, чтобы разорвать Лигу Общественного блага, также использовал *les lettres d'abolition générale* и обещал полное прощение любому, кто откажется от союза с герцогом Беррийским⁸⁸.

В результате, приобретя в бóльшей степени выраженный политический характер, указы об освобождении трансформировались в средство усиления абсолютизма, в то время как *les lettres de rémission* остались в русле общего уголовного правосудия, распространяясь на подлежащие прощению преступления. Поскольку с особенной нетерпимостью к решениям делегированного королевского правосудия относилось благородное сословие, полагая это вмешательством в свои привилегии, то *les lettres de rémission* во многом распространились на дворянство и аристократию. Одновременно король получал возможность манипулирования своим правом, и в его власти оказывалась обратная возможность наказания, что дает основания признать особую роль *le droit de grâce royal* в начавшемся с XIV в. процессе «приручения знати»⁸⁹ и на новом этапе эволюции Французского королевства.

⁸⁷ См.: *Lettres de Charles VII, portant abolition générale, en faveur des habitans du Languedoc, au moyen de la somme de vingt mille livres que les État de cette province lui avoient accordée au-delà de l'aide fixée à cent cinquante mille livres. Charles VII, à Montbizon, en Mai 1448 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1790. Vol. XIV. Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. L.G. de Bréquigny. P. 16—20.*

⁸⁸ Kendall P.-M. Louis XI. Paris, 1974.

⁸⁹ Выражение К. Говар. См.: *Gauvard C. La justice pénale. P. 101.* Она же приводит статистику, согласно которой, если в 1302—1360 гг. от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ от всех королевских указов о помиловании касались представителей благородного сословия, то в 1380—1422 гг. ситуация меняется — всего 6% случаев затрагивает данные дела, — становясь прерогативой грамот об освобождении. См.: *Ibid.*

«...Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: Правовое обоснование сакральной функции королевской власти (IX—XIV вв.)

С тановление института королевской власти, включая его правовые аспекты, явилось для Французского государства процессом длительным, противоречивым, полным особенностей, придавших уникальные черты одной из самых значимых в европейской истории монархий. В первую очередь следует выделить сакральную функцию французской короны, процедурная сторона которой включила в себя комплекс представлений о месте и роли монархии и государе как носители высшей политической власти. Столь же важны для понимания высшей светской власти во Франции как правовые обоснования инаугурационной церемонии (вернее того комплекса ритуалов и процедур, из которых она формировалась), так и выбор норм права, обеспечивающих ее легитимность. Главный вопрос, с которым приходится иметь дело при прояснении юридической основы данной церемонии, касается столкновения правовых систем. На самом раннем этапе своего существования *le sacre royal* стала полем противостояния или, когда это было необходимо, синтеза как минимум трех систем права: обычного, канонического и королевского (при явном присутствии элементов римского права). Сложные конфигурации их соотношения демонстрируют особенности того выбора, который сделала французская монархия в ходе собственной репрезентации в форме королевского посвящения.

Если говорить о начале этого пути, то, как известно, в 751 г. в соборе г. Суассона архиепископ Майнца Бонифаций объявил майордома Меровингов Пипина Короткого королем франков, а в августе 754 г. папа Стефан II в церкви аббатства Сен-Дени помазал его на царство. Создание Папского государства военными усилиями Пипина привело к заключению долгосрочного союза франкской/французской монархии со Святым Престолом: последний, в частности, признал за узурпатором Пипином и его потомками королевский титул. В полном соответствии с формальными признаками закона как высшей правовой нормы, 28 июля 754 г. Стефан II выпустил «Заключение о помазании Пипина», санкционирующее как юридически легитимное, так и сакральное происхождение высшей политической власти новой династии и всех ее восприемников. «Так он (папа. — С.П.) дает свое благословение милостью Божьей на шести известных языках, первом из них — франкском, под страхом интер-

дикта и кары отлучения от Церкви никому никогда не претендовать на избрание короля, происходящего из иного рода, нежели того, у которого почитание Господне превыше всего и который решено, с заступничества святых апостолов, признать и посвятить рукой святейшего понтифика, его викария”¹. Так было положено начало преодолению одной из основных норм обычного права: выборного принципа передачи власти и утверждения наследственного (с введением института примогенитуры взамен свободному наследованию внутри рода).

В то же время, факт помазания Пипина Короткого инициировал создание церемонии королевского посвящения, сменившей уходящую в варварское прошлое процедуру избрания вождя (короля) в соответствии с нормами салического закона. Данная новация была призвана закрепить самоопределение высшей политической власти как юридического лица, т.е. ее юрисдикцию, поскольку, вступая на трон, монарх определял ее со всей возможной полнотой. Церемония также являлась своеобразным средством публичного закрепления юрисдикции не только короля как такового, но и государства, которое он возглавлял. Разумеется, комплекс своих полномочий перед ним определяли и прочие юридические лица, в первую очередь Церковь, а затем — светские круги. Процедурной формой выражения юрисдикции монархии и ее субъектов выступили инаугурационные клятвы, произносимые королем в течение посвящения.

Не вдаваясь в детали всего спектра ритуалов, вошедших в церемонию, отметим, что она объединила христианское помазание при посвящении в сан, коронацию, поэтапное вручение монарших регалий и ритуал признания нового государя первыми духовными и светскими лицами страны, а также всеми собравшимися. Исторически сложившимся местом проведения церемонии стал Реймский собор², а священником, проводившим обряд — архиепископ Реймский, глава французской Церкви³.

¹ *Clausula de unctione Peppin* // *Monumenta Germaniae Historica. Series rerum merovingicarum* / Ed. V. Krusch. Hannover, 1896. Bd. II. № 2. S. 456.

² Доминанта Реймса проявилась отнюдь не сразу — только с торжеством Капетингов. В меровингский/каролингский периоды местом проведения церемонии служили соборы Меца, Орлеана, Компьена, Нойона, Суассона, аббатство Сен-Дени и т.д. См. подробную сводную таблицу времени, места и сторон-участниц *le sacre royal*, приведенную нами в параграфе 2 «Французский монарх, Церковь и Двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения» первой главы настоящей монографии. С. 39—59.

³ Разумеется, при детальном рассмотрении церемония королевского посвящения предстает как сложная, прошедшая определенную эволюцию ритуальная процедура. Достаточно отметить, что ее существование исчисляется целым тысячелетием: от 751 до 1825 г.

Немалая заслуга в этом принадлежит советнику Карла Лысого Хинкмару, получившему сан архиепископа в Реймсе в 845 г. и остававшегося им вплоть до своей смерти в 882 г.⁴ Перу Хинкмара Реймского, безусловно, крупного политического и религиозного деятеля IX столетия, принадлежит первое теоретическое обоснование процедуры *le sacre royal*, изложенное им в четырех записях комплекса молитв, гимнов и благословений, сопровождающих указанную торжественную литургию. Тенденция написания такого рода текстов — их принято именовать коронационными порядками или чинами (*ordines ad consecrandum et coronandum regem*, в сокращении — *ordo*) — возникла в период конца VIII—первой половины IX в. сначала в ирландских монастырях, затем — в англосаксонских королевствах и, наконец, в Восточно- и Западнофранкском государствах⁵.

Что касается *ordines* Хинкмара Реймского, то они были составлены им к посвящению Карла Лысого как короля Лотарингии (869 г.)⁶, Людовика Заики (877 г.)⁷, к коронации дочери Карла Лысого Юдифи по слу-

⁴ *Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. 3.*

⁵ Своим названием, как было нами отмечено в первых параграфах книги, *ordines* обязаны П. Шрамму, который в 30-е гг. XX в. предпринял первую комплексную попытку их публикации. См.: *Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 3—55; Idem. Ordines-Studien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung. In Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 305—931.* На данный момент единого источниковедческого исследования *ordines* еще не предпринято, но в этом направлении активно работает Р. Джексон, которому, в частности, удалось доказать авторство Хинкмара Реймского по отношению к четырем указанным *ordines*. См.: *Jackson R.A. Who wrote Hincmar's ordines? // Viator. 1994. Vol. 25. P. 31—52.* Заслугой американского медиевиста является сводная публикация практически полного корпуса франкских/французских *ordines*. См.: *Ordines Coronationis Franciae. Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages: 2 Vol / Ed. R.A. Jackson. Philadelphia, 1995.* Изыскания Р. Джексона касаются и общей постановки проблемы форм публичной репрезентации королевской власти. См.: *Jackson R.A. Vivat rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1364—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985; Idem. The Sleeping King // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1969. № 31. P. 521—551; Idem. Peers of France and Princes of the Blood // French Historical Studies (FHS). 1971. № 77. P. 27—46.*

⁶ *Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 456—458.* *Ordo* Карла Лысого сохранилось и в «Анналах Сен-Бертен» за 843—882 гг., также записанных Хинкмаром. Здесь содержится в большей степени процедурная, а не литургическая часть церемонии, позволяющая ее реконструировать. См.: *Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.*

⁷ *Ordo coronationis Hludowici Balbi // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum. S. 461—462.*

чаю ее замужества (859 г.)⁸ и первой супруги Карла Лысого Эрментруды (866 г.)⁹. Применительно к проблеме определения в инаугурационных клятвах, которые приносил монарх при своем посвящении, собственной юрисдикции и юрисдикции сторон, принимающих данную клятву, нас будут интересовать первые два документа¹⁰.

Как мы уже отмечали, Хинкмар Реймский был последовательным приверженцем политического единства Западнофранкского государства, за что неоднократно порицался папой Николаем I, усматривавшем в деятельности архиепископа игнорирование интересов Святого Престола в угоду светской власти. Своей активной политической деятельностью на поприще королевского советника Хинкмар даже заслужил прозвище «делатель королей», закрепившееся за ним и в современной историографии¹¹. Содержание *ordines* во многом проливает свет на подобную оценку.

Обратимся к *ordo* Карла Лысого, посвящение которого свершилось в г. Меце в соборе Св. Стефана 9 сентября 869 г. Каким же оказался «сценарий» церемонии, предложенный Хинкмаром, и выбор ее правовой основы?

В первую очередь с пространным риторическим вступлением перед собравшимися представителями Церкви и феодальных кругов выходит епископ Меца Адвентий. Он акцентирует внимание присутствующих на том факте, что Карл является «законным наследником этого королевства», цитируя апостола Павла: «(Бог) сотворил нас, чтобы множили едино в едином доме и сломали стену, разделяющую нас»¹². Подобным образом он призвал короля к преодолению политических междоусобиц, терзающих бывшую империю Карла Великого после Верденского раздела. Свое выступление Адвентий завершил призывом: «... Честные люди должны услышать о том, что нам надо посвятить самого христианнейшего короля (*rex christianissimus*). Если это нам по нраву, — продолжает епископ, обращаясь к «честным людям» (т.е. светской аристократии, присутствующей на церемонии), — откликнитесь своими голосами», — и после раздавшихся возгласов одобрения восклицает: «Давайте единодушно возблагодарим Господа, пропев *Te Deum*

⁸ Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Ibid. S. 425—427.

⁹ Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455.

¹⁰ Поскольку *ordines* королей в большей степени «списаны» Хинкмаром с григорианской церемонии венчания, они не отражают государственной идеи как таковой, не влияя, в частности, на характер и принцип наследования власти, ее самоопределение перед Церковью и светскими грандами.

¹¹ Этой стороне деятельности Хинкмара посвящены, в частности, работы Дж. Нельсон. См.: Nelson J.L. Kingship, Law and Liturgy in the Political Thought of Hincmar of Reims // English Historical Review. 1977. № 92. P. 241—279; Idem. Hincmar of Reims on King-making: The Evidence of the Annales of St. Bertin, 861—882 // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 16—34.

¹² Les Annales. P. 163.

laudamus (ключевую молитву литургии «Тебя, Господи, славим». — С.П.)»¹³. Возгласы одобрения — *collaudatio* — являлись в данном случае ни чем иным как прямым продолжением германской (франкской) традиции приветствия поднятого на щите вождя и римского обычая приветствия императора армией и Сенатом (закрепленного римской юриспруденцией)¹⁴. Хинкмар лишь придал ему более подходящую для литургии форму¹⁵, но не исключил, поскольку не мог игнорировать факт сложившегося влияния светской знати на королевскую власть и с силой традиции обычного права, т.к. салический закон по-прежнему оставался основой правовых отношений. Вместе с тем, *collaudatio* представляли собой не только форму публичного согласия светских кругов на посвящение короля, но и их единство с позицией Церкви. Более того, проводившееся в рамках литургии, *collaudatio* мыслилось Хинкмаром и реально осуществлялось только с согласия Церкви. Но, одновременно, лишь заручившись согласием светских кругов, она могла продолжить церемонию, т.к. помазание и коронация, согласно протоколу, следуют после *collaudatio*. Фактически, Хинкмар Реймский пытался решить две задачи: во-первых, на условиях публично-правового договора светской знати и клира акцент был расставлен в пользу последнего, во-вторых, интересы светских кругов были удовлетворены — знать получала право голоса (пусть формально, но без ее присутствия и одобрения инаугурационная церемония в дальнейшем не проводилась), которое в капетингский период упрочится и станет основным. Принцип публично-правового договора, предложенный Хинкмаром, теперь превратился в юридическую основу процедуры церемонии.

В этом нас убеждает дальнейшее развитие протокола. Согласно замыслу Хинкмара, после совместного пения *Te Deum laudamus* следует ответное слово короля. Карл Лысый, обращаясь к клиру, заверяет его: «Вы же знайте, что я буду сохранять для каждого закон и справедливость столько, сколько каждый из вас, поскольку вы служите Господу нашему, будет оказывать мне должное содействие. Я же буду покрови-

¹³ Ibid.

¹⁴ Bouman C.A. *Sacring and Crowning: The Development of the Latin Ritual for the Anointing of Kings and the Coronation of an Emperor Before the Eleventh Century*. Groningen—Djakarta, 1957.

¹⁵ Согласно франкской традиции, а она сохранялась и в мерovingский период и в период правления первых Пипинидов, короля приветствовали возгласом «Хайе!», что Хинкмар счел неуместным в ходе «своей» процедуры церемонии. Однако это не означало полного отмирания германской правовой традиции, ведь со сменой формы не исчез ее изначальный смысл публичной легитимации короля (вождя) его дружиной. См.: Giesey R.E. *The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society*. Philadelphia, 1961. Vol. 51. Part 5. P. 3—44.

тельствовать и защищать Церковь и духовенство»¹⁶. В данном случае крайне важна этимология дефиниций: если в *ordo* Карла Лысого ответное слово короля так и определено Хинкмаром как *responsio regis*, то в *ordo*, составленном для посвящения Людовика Заики, оно обозначено уже как ответное обещание — *promissio*. В данной эволюции терминологии, на наш взгляд, исключен элемент случайности. Как известно, в значительной степени средневековое право — мир устный, и публично высказанное обещание приобретало, таким образом, силу клятвы (это касалось как оммажа, фуа, так и прочих видов заверений, произнесенных при свидетелях). Поэтому королевское *promissio* — разновидность инаугурационной клятвы монарха, данной при значительном количестве собравшихся.

Не менее важным представляется и еще одно обстоятельство: текст королевского *promissio*, составленный Хинкмаром Реймским, фактически, не претерпел изменений до конца XVIII в., и все последующие протоколы *ordines* капетингского периода¹⁷, трактаты легистов и придворных секретарей эпохи Валуа и Бурбонов¹⁸ содержат обращение архиепископа к королю и его ответное *promissio* по образцу *ordo* Людовика Заики.

Его посвящение свершилось в декабре 877 г. в церкви Св. Корнуэля в г. Компьене. Не внеся никаких изменений в последовательность действий начала церемонии, Хинкмар предписывает протокол проведения королевского *promissio* следующим образом: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: “Тебе даем прошение, как первому из знатных, и первые люди Церквиверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему”. Тогда король склоняет голову, говоря следующее: “Обещаю вам и подтверждаю только для вас и вашей Церкви быть верным канони-

¹⁶ Les Annales. P. 165.

¹⁷ Самые важные среди них — это *ordo* Фулрада (Рагольда), три *ordines*, составленные в период правления Людовика IX Святого (*ordo* Реймса, *ordines* 1250 и 1270 гг.) и *ordo* Карла V 1364 г. Подробнее см. § 1—2 главы I настоящего издания.

¹⁸ Из всего многообразия сочинений указанной эпохи в рамках параграфа можно остановиться на 2-х томном своде «Французского церемониала», созданного в 1649 г. юристом и секретарем Людовика XIII Теодором Годфруа. См.: *Godefroy Th. Le cérémonial français*. Paris, 1649. Т. I—II. Он «вобрал» в себя как все капетингские *ordines*, так и произведения легистов более раннего периода, например, «Коронационную книгу Карла IV и Жанны д’Эврэ», в настоящее время выпущенную отдельным изданием. См.: *The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d’Evreux* / Éd. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // *Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts*. 1958. № 8. P. 1—12.

ческой привилегии и законной обязанности справедливо ей служить, защищать предъявленное право, так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет продолжать защищать предъявленное»¹⁹.

Исходя из содержания и формы репрезентации, *promissio* — правовой договор (что важно, в данном случае письменный, составленный с опорой на структуру римской правовой нормы и, неизбежно, на требования канонического права), заключаемый Церковью и королем. В первую очередь, в нем предпринималась попытка решить проблему приоритета светской и духовной властей; возможно, по причине своего недвусмысленного политического контекста, королевское обещание явилось сознательной попыткой определить юрисдикцию обеих сторон по отношению друг к другу. Обращает на себя внимание структура *promissio*: прошение архиепископа, согласно, римской традиции, фактически, идентично обещанию короля, за исключением того момента, когда стороны «заговаривают» о приоритете властей. Как указано выше, архиепископ заявляет, что «...король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему», монарх же игнорирует эту формулу, предлагая иную ее редакцию: «...Так как король своей властью един с епископством и Церковью, верен им и будет <...> защищать предъявленное». Очевидно, что государь не признает того, что реально или метафизически власть ему была уступлена клиром, но, напротив, продолжит настаивать лишь на "союзе равных", т.е. короны и Церкви.

Можно ли полагать указанное несоответствие случайностью? На наш взгляд, столь значимое действие — посвящение короля — практически исключало такого рода элемент: каждое слово было взвешено и продумано автором протокола и, по всей видимости, согласовано с непосредственными участниками. А тот факт, что текст *promissio* со времени составления его Хинкмаром, не претерпел принципиальных изменений, заставляет окончательно отказаться от мысли о допущенной архиепископом ошибке.

Юридическое соглашение сторон, т.е. фактический конформизм духовной и светской властей, закрепленный на правовой основе, — таково содержание *promissio ordo* Людовика Заики. Трудно, в данном случае, не согласиться с Ж. Девиссом, полагающим, что «противник <...> неограниченной власти короля, Хинкмар слыл человеком соглашения и совета»²⁰, с известной долей перевеса в сторону Церкви, поскольку, по мнению архиепископа, высказанному им в письме к Карлу Лысо-

¹⁹ Les Annales. P. 156.

²⁰ *Devisse J. Essai sur l'histoire d'une expression qui a fait fortune: Consilium et auxilium aux IX siècle // Le Moyen Age. 1968. № 6. P. 80.*

му, «высшим королевским достоинством король обязан исключительно помазанию, деянию епископскому и Церкви, верным ему, гораздо больше, чем своей земной власти»²¹. Тогда почему в своем *promissio* король, опять же, по замыслу Хинкмара, не признает данного факта открыто? Такого рода заявление, на наш взгляд, означало бы прямую потерю властного авторитета, суверенной юрисдикции главы светского государства. Если присовокупить к этому исторические реалии эпохи Хинкмара — неуклонное ослабление власти потомков Карла Великого перед крепнущей политической раздробленностью Западнофранкского королевства, то дихотомия *promissio* находит свои объяснения.

Главный мотив королевского обещания — это, по сути, реализованный инстинкт самосохранения королевской власти и Церкви, в полной мере заинтересованных друг в друге перед лицом политической анархии, противостояния сословий, необходимости поиска и нахождения как правовых, так и политических компромиссов²². Королевское *promissio*, таким образом, создало и юридически закрепило такое взаимное покровительство. Это придало церемонии и получаемым в ее результате королевским полномочиям легитимный характер, что делает ологичным предпочтение Хинкмаром римской правовой нормы при сохранении значимых элементов обычного права. Синтезный характер юридической основы предопределил возможности для дальнейших изменений в процедуре церемонии, а вместе с тем — и юрисдикции монархии.

Шанс убедиться в этом предоставляет т.н. *ordo* Фулрада (Ратольда), составленный в конце X в.²³ Отметим, что в данном случае инаугураци-

²¹ Цит. по: *Devisse J. Hincmar. Vol. I. P. 287 sq.*

²² «Ведь реальность, — тонко замечает Ж. Девисс, — это всегда сложный процесс. Король, как человек, мог и не иметь успеха у власти. Поэтому он мог самосохраниться, избегая чрезмерных крайностей, более чем непоправимых на верховном государственном посту, который он занимал в сравнении с любым другим мирянином. Церковь находилась в той же ситуации» // *Devisse J. Le sacre et le pouvoir avant les Carolingiens, l'héritage wisigothique // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 32.*

²³ Свое двойное название данный *ordo* получил по той причине, что в его распространении во Франции оказались задействованными два человека: ирландский монах-миссионер Ратольд, завезший рукопись в аббатство Сен-Ваас в Аррасе, и монах этой обители Фулрад, переработавший его ок. 980 г. В 987 г. протокол *ordo* уже использовался для посвящения Гуго Капета. Британский исследователь П. Вард, опубликовавший один из манускриптов *ordo* Фулрада, хранящийся в Парижской Национальной библиотеке, полагает, что он имеет англосаксонское происхождение и был создан для коронации короля Эдгара в 973 г. См.: *Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 345—350* (в качестве приложения к указанной статье опубликован и сам манускрипт: Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21v (the Ratold Sacramentary) //

онная церемония сразу же начинается с прошения Церкви и королевского *promissio* — задуманные Хинкмаром Реймским риторические выступления епископов отменены. В данном случае формулировка прошения и *promissio* короля идентичны: «Архиепископ провозглашает: “К вашему милосердию взываем, как от лица первого из нас, так и от всего сообщества знатных священников сохранить и защитить наши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, так как король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств”»²⁴. Вновь в полном согласии с канонами римского права, предполагающими строгое соответствие формулировок диспозиции (в данном случае — описательной и обязывающей) и ответа на нее при практической реализации, *ordo* Фулрада трактует *promissio* короля следующим образом: «Обещаю вам и обращаюсь, как к первому из вас, так и к сообществу знатных священников, сохранить и защитить ваши канонические привилегии согласно закону, который был учрежден изначально, так как король в своем правлении должен быть един с епископами и священниками, и это единство должен подтверждать исполнением своих обязательств»²⁵.

Таким образом, усилия Хинкмара Реймского не прошли бесследно: королевское *promissio* приобрело законченную юридическую форму. Его текст в дальнейшем будет претерпевать лишь незначительные изменения, не затрагивающие смысла. Так, самый поздний *ordo* — *ordo* Карла V (1364 г.) — фиксирует тот же ритуал королевского *promissio*, с тем лишь дополнением, что в данном случае «прописана» процедура, а не только произносимый текст²⁶. Кроме того, явной инновацией является политическая конъюнктура эпохи, учитываемая при каждой церемонии.

Исходя из его содержания, очевидно, что кроме своих идеологических, духовных приоритетов, текст королевского *promissio* защищает и материальную, прежде всего, земельную собственность Церкви. Именно она подразумевается под понятием «канонические привилегии» наряду с сословной юрисдикцией клира перед лицом светских властей (судебный иммунитет, суверенитет собственности и внутренней организации, политических полномочий и т.д.). Заключив договор с посвя-

Ibid. P. 345—361). П. Шрамм (с ним согласен и Р. Джексон. См.: Jackson R.A. Les “ordines” de couronnements royaux au Moyen Âge // Le sacre des rois. P. 64.) приходит к выводу о франкских корнях документа, поскольку он мог быть составлен и в Аппале. См.: Schramm P.E. Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Tode Karls des Großen (814) bis zum Anfang des 10. Jahrhunderts. S. 152—158.

²⁴ Ward P.L. An Early Version. P. 350.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Godefroy Th. Op. cit. T.1. P. 31—51.

щаемым монархом (согласно *ordines*, он теперь зафиксирован на бумаге), только на сей раз Церковь, по протоколу, приступает к помазанию короля, вручению ему меча, «венца» и всего комплекса регалий и т.д. Однако текст *promissio* оставляет открытым вопрос о приоритете светской и духовной властей. Четкая ассоциация королевского помазания с помазанием ветхозаветных царей и пророков, а также Иисуса Христа содержится не в тексте *promissio*, а в его фоновом сопровождении — в текстах почти всех литургических гимнов и обращений архиепископа к королю, перекликающихся с антифонами хора. Приведем лишь один типичный пример обращения, взятый из *ordo* Фулрада: «...Помазал тебя Господь на правление твое елеем блаженства (*oleo laetitiae*), по примеру того, как прежде был помазан Господь наш Иисус Христос»²⁷.

Поэтому, дабы упорядочить и разъяснить данную дилемму (а непосредственная сакрализация монарха расценивалась Святым Престолом как богохульство), *ordo* Фулрада вводит в протокол церемонии своеобразную речь архиепископа, названную в тексте «обозначение статуса правителя» (*Regis status designatur*). Ее содержание во многом проливает свет на проблему юрисдикции монархии перед лицом Церкви и наоборот. Так, вслед за вручением королю регалий (а именно: меча, короны, скипетра (жезла), коронационного кольца, согласно более поздним *ordines* — «руки Правосудия» и хоругви) архиепископ Реймский обращается к только что посвященному королю от всей Церкви. Первое, что обращает на себя внимание — Церковь сознательно выступает стонницей сильной наследственной власти во избежание политической анархии и спасения от нее клира: «Впредь будь стоек и предан, так как до этого отцовской волей тебе по закону было передано прямое наследование. (Будь) всемогущим правителем. (Будь) привержен этой традиции. Теперь епископ каждый день будет отправлять службу, благословляя твое правление. Насколько близко клир стоит у святых алтарей, настолько далека должна быть от него данная опасность (т.е. опасность потери королем полученной по наследству власти. — С.П.)»²⁸.

Далее следует решающее в свете проблемы разделения сфер влияния властей (а, следовательно, и юрисдикции) заявление архиепископа: «Насколько (клир) — посредник между Богом и человеком, настолько ты — посредник между клиром и народом. В правлении своем (будь) предельно смел. В вечности (ты) предстанешь перед ликом высшего правителя Иисуса Христа, Господа нашего, Царя Царей, Который есть Бог, Сын и Святой Дух»²⁹. Определив таким образом место каждой из

²⁷ Ward P. L. An Early Version. P. 356.

²⁸ Ibid. P. 357.

²⁹ Ibid.

властей, *ordo* Фулрада (а вслед за ним и более поздние *ordines*) констатируют их юрисдикцию как независимую, суверенную на своем поприще, с одной стороны, и взаимодополняющую — с другой.

Суммируя ту незначительную, но поступательную эволюцию, имеющую место от *ordines* Хинкмара до *ordo* Фулрада, заметим, что они заложили ее фундамент, при том что во втором порядке превагирует направленность на усложнение смыслового содержания *promissio* короля и толкования водораздела полномочий светской и духовной властей. Между *ordines* Хинкмара и Фулрада дистанция немногим более века, за который Западнофранкское государство все более глубоко погружалось в состояние политической раздробленности со всеми вытекающими для Каролингов (и первых Капетингов) последствиями.

Следующие тексты коронационных порядков будут записаны уже в принципиально иной период истории Франции — в правление Людовика IX Святого, с которым связана успешная политика централизации страны, серия реформ, активное участие в крестовых походах и, наконец, постепенный выход из феодальных междоусобиц, хотя и со значительными потенциалами сепаратизма. Однако в последующий период и усложнение отношений королевской власти со Святым Престолом (особенно в период правления Филиппа IV Красивого), и дальнейшая секуляризация власти, ограничившая вмешательство клира в политическую сферу, были успешно преодолены. *Promissio* короля не только не было отменено, но сохранилось без изменений: и Франциск I, и Людовик XIII, и даже Людовик XVI произносили те же формулы, что и их далекие предшественники³⁰, несмотря на то, что абсолютизм в условиях формирования и последующего торжества галликанской Церкви уже не нуждался в данной процедуре, отдавая дань силе традиции, с одной стороны, и образу христианнейшего короля — с другой.

Но вернемся к эпохе Людовика IX. Как указывалось выше, основных *ordines*, составленных в период его правления, исследователи насчитывают три (*ordo* Реймса, записанный в 30-е гг. XIII в.³¹, *ordo* 1250 г.³² и

³⁰ См.: *Godefroy Th.* Op. cit. T. 1. P. 410, 511, 653. Королевское *promissio* Людовика XVI содержится в исследовании Г. Вебера «Посвящение Людовика XVI 11 июня 1775 г. и кризис Старого Режима». См.: *Weber H.* Das Sacre Ludwigs XVI vom 11. Juni 1775 und die Krise des Ancien Régime // *Vom Ancien Régime zur französischen Revolution: Forschungen und Perspektiven* / Hrsg. von E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Göttingen, 1978. № 55. S. 539—565.

³¹ *Ordo de Reims // Sacramentaire et martyrologie de l'abbaye de Saint Remi. Martyrologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIIIe—XIIIe siècles)* / Éd. Y. Chevalier. Paris, 1900. P. 222—226.

³² *Kompilation von 1300 // Schramm P.E.* Ordines-Studien II. S. 23—28.

ordo 1270 г.³³). Все они полностью включают в себя *ordo* Фулрада, дополняя его определенными новациями, которых требовала изменившаяся политическая обстановка, в том числе и относительно юрисдикции королевской власти.

Самое значительное нововведение — это вторая инаугурационная клятва короля — «клятва Королевству» (*le serment du Royaume*, в оригиналах текстов — *serment au Royaume, juramentum Regis*): именно такое определение получила публичная формула обращения еще непосвященного монарха к собравшейся на церемонию светской и духовной знати, а в их лице — ко всем подданным. Первоначальное отличие *promissio* от *le serment du Royaume* заключается в разнице их предназначений и самой этимологии понятий: если первое представляет собой закрепление юрисдикции Церкви и клятвенное обещание короля ее соблюдать, то вторая адресовалась ко всем подданным, в том числе и клиру, и имела юридически закрепленную формулу, в соответствии с которой перед нами *juramentum*. Согласно зафиксированной королевским правом формуле (несомненно, восходящей к римской традиции), *juramentum* — клятва, имеющая силу закона, «утверждение, совершенное с клятвой, данной Господу при свидетелях и воспринятое так, как было сказано (т.е. на произнесенных королем условиях. — С.П.)»³⁴. Иными словами, этимология понятий *promissio* и *serment* с правовой точки зрения дифференцирована, предполагая превосходство второго понятия, включающего в себя первое.

Чтобы представить объект анализа более предметно, обратимся к тексту «клятвы Королевству» в *ordo* Реймса: «После того, как король произносит *promissio* Церкви, он кладет руку на Евангелия (*tactus Evangelis*), склоняет голову и говорит следующее: “Сначала я клянусь Церкви покровительствовать в своем лице всем добрым людям. Я клянусь править мирно и справедливо <...>, и по примеру Господа нашего

³³ “Letzte Kapetingische Ordo” (sog. Ordo von Sens), verfaßt in den Jahren Philipp IV oder seiner Söhne, zwischen Ende des 13. Jahrh. und etwa 1320 // Ibid. S. 33—39. Наиболее полная запись представлена в «Коронационной книге Карла IV и Жанны д’Эврэ»: The Coronation Book of Charles IV. P. 8—11.

³⁴ Lettres par les quelles le Roi donne pouvoir à la Reine de gouverner le royaume en son absence. Clermont en Beauvoisis. Août 1338 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l’an 420 jusqu’à la Révolution de 1789: contenant la notice des principaux monumens des Mérovingiens, des Carlovingiens et des Capétiens, et le texte des ordonnances, édits, déclarations, lettres patentes, réglemens de la troisième race, qui ne sont pas abrogés, ou qui peuvent servir, soit à l’interprétation, soit à l’histoire du droit public et privé / Éd. F.A. Isambert. 29 vol. Paris, 1825. Vol. 4. 1327—1357. P. 445. К «клятве Королевству» апеллирует и Ж. де Вигери: *Viguerie J. de. Les serment du sacre du roi de France et specialement le “serment du Royaume” // Le sacre des rois. P. 206.*

проявлять милосердие»³⁵. Налицо определенное сходство с формулой *promissio*, но, по сути своей, — это клятва, обладающая силой закона (*juramentum*), поскольку она не имеет вида нормы-прошения (письменного или устного), сопровождается возложением рук на Священное Писание (т.е. клятву принимает, согласно порядку, Бог, а не присутствующие, выступающие только как свидетели)³⁶.

Очевидно и следующее: *ordo* Реймса вводит три условия, согласно которым король, поклявшись в их выполнении, может быть помазан и коронован: покровительствовать не только Церкви, но и всем католикам (именно они и подразумеваются под «добрыми людьми»), быть справедливым и милосердным (что вполне традиционно для средневекового духа толкования предназначения монарха). Но в отличие от королевского *promissio* формулировка этих условий с течением времени постоянно эволюционировала, хотя суть их оставалась неизменной. Причина кроется, на наш взгляд, в политической конъюнктуре, складывавшейся на момент посвящения нового короля. В самом деле, если задаться вопросом о причинах появления «клятвы Королевству» в правление именно Людовика IX, то становится очевидным, что среди них решающую роль играет факт значительного роста королевского домена и усиления власти монарха на подчиненных ему территориях. Благодаря успешной серии реформ, Людовик IX приобрел статус суверена, т.е. монарх перестал рассматриваться лишь как частное лицо, как «первый среди знатных»: данный порядок сменило понимание места короля как главы государства.

Разумеется, столь значительные перемены должны были найти отражение в определении юрисдикции монарха, принимающего вместе с короной и территорию государства. Для этого была введена в церемонию посвящения «клятва Королевству», отсюда и проистекает ее название.

Все той же логикой политической ситуации продиктовано изменение первого условия *le serment du Royaume* в *ordo* 1270 г.: «Сначала пусть Церковь Господня и весь христианский народ живут в мире под нашей защитой»³⁷. Акцент, расставленный в пользу короля-защитника, вполне отвечал запросам этого периода в истории Франции: как известно, правление Людовика IX сопровождали крестовые походы, и защита единоверцев главой государства была вполне органичным требовани-

³⁵ *Ordo de Reims*. P. 222.

³⁶ *David M. Le serment du sacre du XIe au XVe siècle // Moyen Âge latin. Etudes, textes, chronique, bibliographie. 1950. T. 6. №1. P. 5—272; Idem. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe—au XVe siècle // Annales de la Faculté du Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg. Paris, 1954. № 1.*

³⁷ *The Coronation Book of Charles IV*. P. 8.

ем, предъявляемым к нему подданными. Второе и третье условия — «...справедливое и милосердное правление...» — являются универсальными для средневековой политической этики, в отличие от четвертого условия, требующего отдельного внимания.

«Я клянусь моей властью и верой изгнать с земли, мне принадлежащей, всех еретиков, отказавшихся от Церкви, и клянусь исполнить все, о чем я говорил. Да поможет мне Бог и наша Святая Церковь»³⁸. Итак, еще одним условием «клятвы Королевству» выступает борьба короля с еретиками. Такое решение, как полагают, было принято еще в 1215 г. на Латеранском соборе³⁹, и связано оно, опять-таки, с крестовыми походами, но уже против альбигойцев. Возникновение и распространение ереси катаров на юге страны и борьба с ней королевской власти означали присоединение части Аквитании к Иль-де-Франс и завершение подчинения Лангедока короне. Тем самым это способствовало закреплению четвертого условия *le serment du Royaume* о борьбе короля с ересью.

Обращает на себя внимание определение «клятвой Королевству» юрисдикции короля по отношению к территории государства: о ней говорится как о земле, «...мне принадлежащей...». Таким образом, зафиксирован принцип полноценной юрисдикции высшей политической власти в лице короля на территории государства, понимаемый как неделимый домен монарха. Данный принцип в политической теории получил определение «неотчуждаемость» (*inalienability*). Если задать целью установить хронологические рамки его утверждения в правовой практике Французского королевства, то очевидно, что, несмотря на все достижения шагов по централизации, первые Капетинги повсеместно не применяли концепцию «неотчуждаемой территориальности» по отношению к своему королевству⁴⁰. Только в правление Филиппа IV начинает оформляться концепция территории государства как единого и неделимого королевского домена. Успехи политики этого незаурядного монарха привели к принципиально новому пониманию государственности, короля — «верховного собственника всех земель Франции», и ее главы⁴¹.

³⁸ Ordo de Reims. P. 223.

³⁹ Jackson R.A. Vivat Rex! P. 58.

⁴⁰ Lewis A.S. Royal Succession in Capetien France. Studies on Familial Order and the State. Cambridge, 1982; Kienast W. Untertaneneid und Treuvorbehalt in Frankreich und England: Studien zur vergleichenden Verfassungsgeschichte des Mittelalters. Weimar, 1952.

⁴¹ Fawtier R. Comment le roi de France au début du XIVe siècle, pouvant-il se représenter son royaume? // Mélanges offerts à M. Paul-E. Martin, par ses amis, ses collègues et ses élèves. Genève, 1961. P. 65—77.

Разразившаяся в 1337 г. Столетняя война выступила для Франции как своего рода катализатор окончательного оформления принципа неотчуждаемости: угроза потери суверенитета, реальная как никогда, заставила Карла IV 5 апреля 1322 г. выпустить ордонанс, подтверждающий права монарха на территорию государства, единую и неотчуждаемую. Тот же шаг, спустя два месяца после своего посвящения, совершил и Карл V, и этот порядок, разумеется, был призван поднять авторитет королевской власти, утратившей почти все свое королевство.

Уникальная ситуация, сложившаяся во Франции в 60-е гг. XIV в., привела к тому, что принцип неотчуждаемости закрепился как пятое условие «клятвы Королевству». *Ordo* Карла V, созданный для его посвящения, последовавшего 19 мая 1364 г. в Реймсе, устанавливает *le serment du Royaume* в следующей формулировке: «Я (король — С.П.) клянусь именем Иисуса Христа христианам, моим подданным: сначала я приложу все силы, чтобы христианский народ жил в мире с Церковью и Богом. Я сделаю так, чтобы прекратить грабительские и захватнические войны. Я буду править так, чтобы любой мой суд был милосерден к вам. Я приложу все усилия, чтобы моей властью и верой изгнать с земли на законном основании всех еретиков, отказавшихся от Церкви»⁴². Очевидно, что здесь *ordo* Карла V не вводит принципиальных новаций в первые четыре условия, за исключением вполне понятного пункта о сражении короля с захватчиками (разумеется, англичанами и их союзниками, хотя позже под данное определение «подпадут» все внешние враги Франции). По окончании Столетней войны он на время выйдет из употребления, но возродится, как только страна вступит в затяжные войны с Испанией.

Что касается принципа неотчуждаемости, то он просуществовал до конца Старого Режима. Вот его формулировка в *ordo* Карла V: «И я неукоснительно сохраню суверенитет, права и достоинство короны Франции (*superioritatem, jurem et hobilitates, Corona Francia inuiolabiliter cusiodiam, et illa transportabo, nec alienabo*), и я не изменю им и не откажусь от них»⁴³. Каждое определение неотчуждаемости — «...суверенитет, права и достоинство...» — дополняет предыдущее и делает юрисдикцию монарха наиболее полноценной, тем более что государство, по сути, тождественно высшей политической власти короля: в формулировке клятвы отсутствует понятие «Франция» или «Французское королевство», его заменяет «корона Франции».

⁴² *Godefroy Th.* Op. cit. P. 47, 501.

⁴³ *Ibid.*

Принцип неотчуждаемости получил дальнейшее развитие при Карле VI. В 1401 г.⁴⁴ ратифицировал ордонанс, в котором утверждал, что его первая забота состоит в том, чтобы сохранять права своей короны и границы подчиненной ей территории. После этого важного заявления монарх напомнил: подобно предшественникам, и он сам торжественно клянется «хранить нетронутыми все права и территории». А заодно обещает не только «не передавать и никоим образом не разделять», но еще «повторно подтверждать (свои права. — С.П.) и восстанавливать то, что было передано»⁴⁵. В итоге ордонанс 1401 г. придал условию неотчуждаемости бóльшую точность. Но *ordo* Карла V, так или иначе, является первым процедурным актом, зафиксировавшим юридическое право главы государства на его территорию, ее охрану и защиту, — факт, значение которого в истории Франции трудно переоценить, поскольку именно таким образом королевство обрело статус суверенного и неделимого⁴⁶, пройдя эволюцию от средневекового принципа сюзеренитета до суверенного государства.

⁴⁴ На момент принятия данного ордонанса король был еще несовершеннолетним; данный факт может навести на мысль об особом влиянии на него кого-то из дядей.

⁴⁵ Charles VI, à Paris, le dernier de février 1401. Ordonnance par laquelle Charles VI. Après avoir déclaré qu'il ne fera, plus aucun don des choses appartenantes au Domaine, révoque ceux qu'il avoit faits jusqu'à lors, à l'exception de ceux qui y font spécifiez // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1750. Vol. VIII. Contenant les Ordonnances de Charles VI, données depuis le commencement de l'année 1395 jusqu'à la fin de l'année 1403 / Éd. D.-Fr. Secousse. P. 484.

⁴⁶ Общие труды историков права П. Ризенберга и Г. Гоффманна подтверждают данный вывод и по отношению к прочим западноевропейским монархиям. См.: *Riesenberg R.N.* Inalienability of Sovereignty in Medieval Political Thought. N.Y., 1956; *Hoffmann H.* Die Unveräußerlichkeit der Kronrechte im Mittelalter // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1964. № 20. S. 389—474.

Церемония королевского въезда в Париж в XIII—XV вв.

Сакральная функция королевской власти была представлена столь же органично, как политическая, налоговая, военная и иные прерогативы французской монархии. Французский церемониал подтверждает этот тезис наличием особых ритуалов, сакральный смысл которых предполагал санкцию на выполнение всего комплекса властных полномочий монарха. Так, церемония королевского посвящения (*le sacre royal*) наделяла ими государя посредством помазания и коронации, королевское прикосновение акцентировало сверхъестественные способности посвященных Святым Елеем королей. Но, несмотря на свою огромную значимость, данные церемонии имели ряд социально-политических ограничений. Одним из них был т.н. королевский въезд (*l'entrée royale*) — акт публичной репрезентации монархии в пределах города. Мы сосредоточимся на исследовании королевского въезда в Париж после церемонии *le sacre royal*. Въезды в провинциальные города уже прошедшего посвящение монарха с фискальными, дипломатическими и пр. целями, равно как и триумфальные въезды в столицу по окончании сражений или в побежденные города, в данном случае остаются за рамками нашего внимания.

Начало практики королевских въездов относится к середине XII в., тем самым, совпадая с процессами урбанизации. «Во Франции той эпохи слово “въезд” начинает обозначать ритуал и акцию одновременно, и церемонии этого типа часто разворачиваются до XVII в., но к этому времени они уже утрачивают свой блеск и забывают символическое и ритуальное наследие Средневековья»¹, — рассуждает о хронологических рамках церемонии Л. Брайан. Вместе с тем, встреча монарха, въезжающего в город, зафиксирована и в более ранний — доурбанистический — период². Так, еще Григорий Турский сообщает о торжественной встрече жителями Реймса готовящегося принять крещение Хлодвига³. С этого времени празднично обставленный въезд короля в Реймс на-

¹ Bryant L. M. Le cérémonie de l'entrée à Paris au Moyen Âge // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. Vol. 41. № 3. P. 513.

² Подобного рода торжественные встречи городом въезжающих в его пределы монархов характерны для католической Европы. См.: Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С 25—90; Он же. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV—начала XVI в.: Диссертация ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 469—669.

³ Григорий Турский. История франков / Пер., комм. и прим. В.Д. Савуковой. М., 1987. II:31.

кануне инаугурационной церемонии стал традиционным и лег в основу процедуры королевского въезда в Париж.

Подобным же образом рассуждают юристы эпохи абсолютизма — авторы серии трактатов о королевской инаугурации и прочей репрезентационной составляющей монархии. «Этот город (Реймс. — С.П.), — рассуждает один из них — Н. Менан, — отдает все свои силы, чтобы украсить улицы, обогатить ворота, которые превратятся в триумфальную арку...»⁴. Когда все приготовления завершены, «король выезжает из Парижа или какого-либо другого города, сопровождаемый королевой, если таковая имеется, принцами и принцессами крови, главными официальными лицами короны и всем корпусом гвардии, с тем, чтобы направиться в Реймс»⁵. И продолжает, фиксируя встречу монарха и встречающей его делегации за пределами городских стен: «По мере того, как король приближается к Реймсу, он встречается с посланцами города, сначала с оружейниками, которые охраняют места расположения Инфантерии, где присутствуют порядка до пяти или шести человек пеших. Знать и более уважаемые жители города — верхом, числом, по крайней мере, до двух тысяч человек, — все при доспехах, располагаются таким образом, что окаймляют дорогу, по которой король проследует до городских ворот»⁶.

Представленное описание встречи короля у ворот Реймса дало возможность ряду авторов предположить факт преемственности средневекового въезда с позднеантичным ритуалом императорского прибытия (*ladventus*). Такой точки зрения придерживается, в частности, К. Бон, утверждая, что: «Церемонии въезда все происходили из *ladventus* императоров поздней Империи в Рим. Городская верхушка отправлялось встречать его за первые стены города и возвращалось с пышным кортежем, который сопровождали делегации от всех слоев населения»⁷. Однако логика рассуждений автора характеризуется осторожностью в формулировке выводов, основанных на внешнем сходстве процедуры церемоний, разделенных более чем тысячелетием. Так, признавая, что «папы и каролингские императоры совершали въезды в Рим, очень похожие на въезды Августа и Тиберия», К. Бон уточняет: «Французский королевский двор не очень заимствовал эту форму в середине XIV в., а ритуальные элементы не сложились в комплекс даже в 1430 г.»⁸.

⁴ *Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnement des Rois et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu' à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723. P. 197.*

⁵ *Ibid. P. 198—199.*

⁶ *Ibid. P. 200.*

⁷ *Beaune C. Le miroir du pouvoir. Paris, 1989. P. 131.*

⁸ *Ibid. P. 132.*

Действительно, рассматривать средневековые *les entrées royales* как непосредственное продолжение античного ритуала нецелесообразно, поскольку западноевропейская традиция эволюционировала самостоятельно.

Среди составляющих мы уже выделили процессы урбанизации, без завершения которых королевский въезд если и имел место, то носил ситуативный характер. Следующей предпосылкой выступает, на наш взгляд, практика т.н. «первых посещений» — въездов королевского кортежа в те или иные поселения (города, замки, монастыри и т.д.), основанные на повсеместно распространенном сеньориальном праве на постой (*la droit de gîte*). Оно предусматривало встречу, размещение и содержание кортежа принимающей стороной без каких-либо ограничений. Как верно замечают Б. Гене и Ф. Леу, собравшие в общее издание данные источников о практике французского королевского въезда: «Когда в конце XIII в. король приближался к одному из значительных городов, его единственным желанием было осуществление *la droit de gîte*. Он просто ожидал от горожан, что они выделят ему и его свите комнаты и постели, в которых они нуждались, и необходимую пищу. Основная забота уполномоченных для этого горожан состояла в том, чтобы собрать дары <...> в виде еды (вина, говядины, рыбы), скатертей, простыней и посуды»⁹. Однако с укреплением королевской власти расходы городов на содержание проезжающих выросли настолько, что «...в конце Средневековья <...> король въезжал в большие города, прежде всего, для поправки своих дел»¹⁰. Следовательно, изначально *la droit de gîte* не несло сакрального начала, а было подчинено сугубо меркантильным соображениям короны. Тем не менее, процедура встречи за стенами города с дарами, вручаемыми делегированными лицами, была задействована в первой фазе церемонии *l'entrée royale* в последующий период. Причем акцент в данном случае был сделан на «первые посещения» после посвящения, как наиболее торжественные в силу своей неповторимости.

Primarie, непосредственной причиной, предопределившей выделение посткоронационного въезда в Париж, стал процесс расширения Иль-де-Франс. Первое упоминание о встрече короля парижанами относится к 1223 г., когда Людовик VIII после посвящения возвратился в центр своего домена. Доминиканец Ш. Беви пишет: «Праздники, которые продолжили коронацию нового короля, были торжественными. Париж отличился, проявив рвение при встрече своего суверена. Воздух огласился приветственными криками <...>, на каждой улице били фонтаны из вина <...>»

⁹ Introduction // Guennée B., Lehoux Fr. *Les entrées royales françaises de 1328 à 1515*. Paris, 1968. P. 11.

¹⁰ Ibid.

все жители столицы, одетые в нарядные платья, вышли приветствовать нового суверена <...> Богатые горожане отличились дарами из чудных гобеленов, пурпурных одежд, отделанных драгоценностями с большим количеством золотых украшений...»¹¹. Описание позволяет предположить, что въезд начала XIII в., несмотря на всю пышность и торжественность, еще не имел определенного порядка проведения церемонии, процедура на данном этапе не выделяется из контекста *la droit de gîte*. Поэтому, определяя этапы церемонии, Б. Гене и Ф. Леу констатируют: «Если до 1300 г. хроники не говорят нам ничего другого, кроме как об этих дарах, то в первой половине XIV в. они, напротив, упоминают, не связывая и не детализируя, принципиальные моменты, в которых с этого времени можно усмотреть королевский въезд»¹², т.е. упорядоченную в своей последовательности процедуру. Начальной датой нового порядка встречи за стенами города, по мнению американской неоцеремониальной школы, несмотря на дистанцию всего в три года между обоими событиями следует полагать ноябрь 1226 г. — возвращение из Реймса Людовика IX¹³. Законодательные инициативы Людовика IX, его политическая и реформаторская активность дают Л. Брайан такого рода основания¹⁴. Французская же традиция полагает такой подход умозрительным и слишком прямолинейно связанным с политической и реформаторской деятельностью Людовика IX, тем более что столь значительные перемены, как процедура королевских обещаний за стенами города или в его пределах, не фиксируются источниками именно на правлении святого короля.

Они проявляются гораздо позже — в период Столетней войны. Точнее, уже посткоронационный въезд Филиппа VI 1328 г., отраженный в «Больших французских хрониках», содержит упоминание о возвращении прав, — процедуре, согласно которой монарх подтверждает привилегии изначально находящегося под покровительством короны знаменитого аббатства Сен-Дени.

Действительно, «Большие Французские хроники» умалчивает о въездах в Париж последних Капетингов, рассказывая уже о въезде Филиппа VI как событии весьма ординарном. Процедура церемонии описана нечетко: «После коронации и торжественной мессы король вернул Сен-Дени свое покровительство, и оно было сразу с почтением приня-

¹¹ *Beyv Ch.J. Histoire des Inauguration des rois, emperueurs et autres Soveraines de l'univers, depuis leur origine jusqu'à présent. Suivie d'un prédis de l'état des Arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, moeurs, coutumes et usages les plus remarquables des François, depuis Pepin jusqu' à Louis XVI. Paris, 1618. P. 234.*

¹² *Guennée B., Lehoux Fr. Op. cit. P. 11.*

¹³ *Bryant L.M. Op. cit. P. 514.*

¹⁴ См. подробнее: *Bryant L.M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Geneve, 1986.*

то. И затем вошел в Нотр-Дам де Пари и вернулся во дворец, где появился с большой торжественностью»¹⁵. Реплика о посещении Нотр-Дам, никак не конкретизированная, впоследствии приобретет не менее важный характер, однако наше основное внимание должна привлечь процедура возвращения прав. Упоминание же именно аббатства Сен-Дени не требует специальных комментариев: символическая связь обители и королевского въезда заключается в сакральном покровительстве святого Дени (Дионисия) французской монархии и столице ее домена. Заметим, что именно в указанный период Париж был официально объявлен столицей, обретая особый, двойной, статус центра королевского домена и первого города государства. Законодательно этот акт был закреплен именно при Филиппе VI. По той же причине патроната святого Дени входные ворота Парижа со стороны носящего его имя аббатства носили имя крестителя Галлии, и именно перед ними происходила последующая встреча королевского кортежа, описанная ниже в «Больших французских хрониках».

В намечающемся маршруте продвижения монарха по Парижу ворота Сен-Дени явились первым пунктом. Они фигурируют во всех описаниях церемонии как место встречи за стенами города. «И когда король (Иоанн II. — С.П.) въезжал в Париж, вокруг него случился праздник; город Париж и ворота Сен-Дени были украшены различными флагами»¹⁶. «В этот день, — дополняет анонимная хроника о въезде Генриха II Английского, — в XI часов до полудня названный король проследовал [в Париж] со стороны Сен-Дени...»¹⁷. Вот что указывает «Хроника короля Карла VII»: «В третий день ноября король выехал из Сен-Дени в Париж..., <...> когда Париж предстал перед королем со стороны Сен-Дени...»¹⁸ и т.д. Даже когда в связи с территориальным ростом города дорога на Сен-Дени была укреплена еще одними воротами — Св. Мартина¹⁹, символическая роль первого препятствия, преодолеваемого монархом, сохранилась.

¹⁵ Grandes chroniques de France // Les entrées royales françaises. P. 47.

¹⁶ Ibid. P. 48.

¹⁷ Anonyme // Ibid. P. 63.

¹⁸ Chronique de roi Charles VII // Ibid. P. 72—73.

¹⁹ В частности, это очевидно из карты маршрута въезда, созданной в конце XVI в. Пункт № 1, нанесенный на план Парижа, означает встречу за стенами города, место которой определено за стенами Сен-Мартен. Пункт № 2 — Ворота Сен-Дени, №№ 3—7 — улица Сен-Дени, № 8 — Шатле, № 9 — Мост Менял, № 10 — Собор Нотр-Дам и № 11 — Дворец Правосудия. Таков был маршрут королевского кортежа. См.: Braun G. Théâtre des cités du monde. Bruxelles, 1574. T. 1. P. XVII. Той же точки зрения придерживается и Л. Брайн, отмечая, что «...представители Парижа открывают ворота Сен-Мартен, расположенные в нескольких сотнях метров от места въезда, ворот Сен-Дени...». См.: Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 519.

Здесь, перед демонстративно закрытыми городскими воротами, происходил первый ритуал церемонии *l'entrée royale*: торжественная встреча короля делегацией представителей столицы. При прочтении материала хроник и более поздних трактатов эрудитов эпохи абсолютизма обращает на себя внимание не только вербальные, но и хроматические стратегии, выступающие в данном контексте как средство дипломатии. Поэтому цветовая гамма королевских одеяний требует отдельных пояснений. Она постепенно начинает фиксироваться в литургических книгах (ординариях), из процедуры которых со временем проступает регламентация инаугурационной королевской церемонии французской монархии, вбиравшей в себя светские, изначально, рыцарские (отчасти восходившие еще к германской традиции) ритуалы. И если первые *ordines coronationis* последней четверти IX в., приписываемые перу архиепископа Реймского Хинкмара, по сути, являются краткими литургическими изложениями с индукциями помазания и коронации без каких бы то ни было хроматических пояснений, то т.н. «капетингские *ordines*» эпохи Людовика Святого конкретизируют цветовую гамму одеяний посвящаемого монарха.

Она сосредотачивается на диахромных сочетаниях золотого и фиолетового²⁰, золотого и небесно-голубого (*l'azur*) цветов²¹. При этом фиолетовый и золотой выступают фоном для одной из главных королевских эмблем — лилии (*le fleur de lys*), появившейся на королевских монетах и печатях уже с середины XII в., в правление Людовика VII и Филиппа II Августа²². *Lazur* полагался символом вечной устремлен-

²⁰ Как указывает *ordo* Реймса: «...Шоссы из шелка фиолетового цвета, вышитые золотыми цветами лилии и котта того же цвета, украшенная в той же манере; туника, каковая бывает на служащем мессу дьяконе из такого же сукна, что и сюрко, который целиком должен быть нужного цвета и такой же работы; в той же доброй манере (по аналогии с сюрко. — С.П.) изготовлена и мантия без капюшона» // *Ordo of Reims // Ordines coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 326.*

²¹ Французская редакция следующего капетингского *ordo*, составленного в 1270 г., подтверждает эту вариативность, предписывая канцлеру облачить короля в «...шоссы, сандалии или боты (*botines*) из шелка голубого лазурного цвета (*l'azur*), усеянного золотыми цветами лилии и тунику или далматику (*dalmatique*) того же цвета и той же работы, выполненной на манер ризы, которую носят иподьяконы на богослужении. И сюрко, который является королевской мантией, полностью того же цвета и той же работы...». См.: *French Translations of Ordo of Reims (ca. 1300—1320, 1512) // Ibid. P. 306—340; Ordo of 1250 (1240—1250) // Ibid. P. 341—366.*

²² См. исследования геральдистов, сфрагистов и нумизматов: *Rosbash E. De la fleur de lys comme emblème nationale // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions*

ности ввысь, высшей духовности, и именно эта палитра фиксируется в королевской геральдике, закрепляя связь монархии с Богом. Сочетание с золотым подразумевало наличие *le fleur de lys*, окончательно ставшей знаком королевского дома, воспроизводящейся не только на одежде, но и оружии, гербах, стягах и прочей военной атрибутике. Аналогичными, т.е. выполненными в лазурно-золотой гамме, с обязательным присутствием королевской лилии, выглядят и образы, концентрирующие королевские прерогативы, в ряде прочих, не инаугурационных, церемоний. Среди них неоднократно упоминается и королевский въезд.

Итак, канцлер Карла VI Жувеналь дез Юрсен указывает, что король «подъехал к Парижу, облаченный в богатую одежду, всю расшитую цветами лилий. Перед городом Парижем к нему вышли добрые две тысячи человек, все одинаково одетые; это были платья частью зеленые, а частью — белые...»²³. Символическое выражение корпоративности городского сословия в хроматическом решении ритуала подчеркивает его важность для протокола церемонии. Еще в 1350 г. для встречи Иоанна II Доброго корпорации парижан оделись в «свои» цвета: «И все уважаемые горожане нарядились: каждый ремесленник в похожее платье, и ломбардцы, которые проживали в этом городе, все были одеты одинаково, в две шелковые «шотландки»; и у каждого была высокополая шляпа того же цвета, что и платье. И все они, одни после, другие впереди, по порядку шли навстречу королю, который подъезжал к Парижу на великий праздник...»²⁴.

Значимость этой процедуры становится более явной по мере того, как у ворот Сен-Дени выстраивались все цеховые, купеческие и прочие корпорации Парижа. Разумеется, хроматический выбор был одновременно традиционным, но варьировался. Так, если в 1380 г. две тысячи парижан одели бело-зеленые одежды, то в 1389 г. — зеленые²⁵.

et belles-lettres du Toulouse. 1884. T. 6. P. 136—172; Braun Stumm G. von. L'origine de la fleur de lys rois de France du point de vue numismatique // Revue Numismatique. 1951. Vol. 13. P. 43—58; Pinoteau H. Les origines de l'héraldique capétienne // Comunicaciones y conclusiones del III Congreso internacional de genealogía y heráldica. Madrid, 1955. P. 438—511; Idem. Vingt-cinq ans d'études dynastiques. Paris, 1982. P. 54—99; Pastoureau M. La Fleur de lys emblème marial ou thème graphique. La monnaie miroir de rois. Paris, 1978; Dallas M. Les sceaux des rois et de régence. Paris, 1990. P. 36—48; Bedos-Rezak B. Signes et insignes du pouvoir au Moyen Âge: le témoignage des sceaux // Comité des Travaux historiques et scientifiques. Section de philologie et d'histoire jusqu'en 1610: Actes du 105 Congrès national des Sociétés savantes. Paris, 1984. P. 47—48

²³ Jouvenel des Ursins Jean. Histoire de Charles VI // Les entrées royales françaises. P. 58.

²⁴ Grandes chroniques de France. P. 47.

²⁵ См.: Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 527.

Цель цветовой гаммы одеяний парижан связана с желанием как привлечь внимание короля и заявить о значимости своих корпораций²⁶, так и для контраста с главными действующими лицами делегации — клиром и городскими нотаблями.

Итак, как было отмечено выше, цель цветовой гаммы парижан связана с желанием привлечь внимание короля как для решения внутренних городских проблем, чему могут послужить два примера. Первый, согласно которому, при встрече Иоанна II Доброго конфликт между ломбардскими ростовщиками и французскими купцами достиг такого накала, что был вынесен и за городские стены; и второй, когда в 1380 г. купцы встретили Карла VI требованием снижения налогов, принятым Генеральными штатами: «...И начался вышеупомянутый парламент, для чего дворец и здание Парламента были закрыты и отказались участвовать в празднике по поводу встречи посвященного в Реймсе короля, нашего господина»²⁷. Хроматика одеяний могла выступать и как средство разительного контраста с главными действующими лицами делегации — клиром и городскими нотаблями.

Важность данного вопроса, на первый взгляд второстепенного, подчеркивается тем вниманием, которое уделяет ему Парижский Парламент: «Во вторник, 13 день месяца июня 1430 г. судьи проследовали в палаты Парламента вместе с главами и советниками трех палат <...>, чтобы обсудить, в каком случае и в каких одеждах они предстанут на первой торжественной встрече короля (Генриха VI Английского. — С.П.), которая в скором времени состоится в Париже. И решили, что они явятся перед сидящим в седле королем за воротами города <...>, соответственно одетый клир, советники и представители Парламента в отороченных шляпах сине-зеленого и длинных камзолах ярко-красного сукна»²⁸.

Итак, обозначив себя внешне, делегация выстраивалась в ожидании подъезжающего короля за стенами города (*extra muros*) с тем, чтобы не только встретить его, но и вручить ему петицию (*la requête*) с требованием подтверждения прав и свобод Парижа. Примером может послу-

²⁶ Mention relative à la séance d'ouverture de Parlement, le lendemain de l'entrée de Charles VI dans la capitale. P. 58.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 59—60. Л. Брайан отмечает, что подобное решение вовсе не было случайным, поскольку в такое же платье «...пожелали одеться канцлер и король». См.: Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 528. Следовательно, перед нами пример символического единения городской верхушки и королевской власти, хотя в данном случае она и была представлена английским королем. О хроматическом решении одеяний членов Парламента см.: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII—XV веков. М., 2012. С. 447—450.

жить встреча следующего монарха, получившего власть вопреки условиям договора в Труа — Карла VII²⁹: «Когда Париж (примечательно, что он встречает всех монархов, никого не отвергая! — С.П.) предстал перед королем со стороны Сен-Дени, ему явились главы купцов, эшвены и старший представитель городских нотаблей указанного города Парижа в сопровождении клира. За ним выступал глава Парламента, Затем — ректор, доктора, магистры теологии и иных различных наук и клир Университета Парижа и члены Счетной Палаты. Король выслушал все обращения, адресованные ему и врученные с почтительным поклоном»³⁰.

Факт вручения подобного прошения имел универсальный общеевропейский характер, когда города встречали своих сеньоров с целью подтверждения последними своих коммунальных привилегий. По верному утверждению В. Тернера, прошение городских верхов «...выступало посредником между спонтанностью коммуны и структурами социального сосуществования города и королевской власти»³¹.

Отметим, что официальные хроники крайне скупо упоминают о данной части церемонии, либо вовсе о ней умалчивают. По всей видимости, это продиктовано общим их тоном, подчеркивающим, в первую очередь, королевские прерогативы. Вместе с тем, по мере укрепления власти органично отпала необходимость в подобного рода аргументации города для подтверждения своей исключительности. Ритуал подачи прошения, уходящий корнями в период коммунальной борьбы, прекратил свое существование в конце XIV в., а именно в 1498 г. при въезде Людовика XII³².

Говоря о ритуале торжественной встречи короля за стенами города, нельзя не остановиться на анализе социального состава выстроившейся делегации. Как явствует из уже процитированной «Хроники Карла VII», ее возглавляет прево Парижа и епископ. Налицо смещение социальных акцентов: с одной стороны, на первый план выходят светские лица, что подтверждает общую тенденцию обмирщения протокола, а с другой, — сословная монархия создала весь комплекс предпосылок для подобного явления. Краткое, но яркое в своей выразительности уточнение в «Анонимной хронике» XV в. подтверждает оттеснение клира на второй план: «В этот день, в XI часов пополудни, названный король (Генрих VI Ланкастер. — С.П.) <...> по прибытии к городу при-

²⁹ Инаугурация Карла VII состоялась 17 июля 1429 г.

³⁰ Chronique de roi Charles VII. P. 73.

³¹ Turner V. Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca—New York, 1979. P. 43.

³² Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 537.

звал к себе епископа Парижа, который тот час предстал перед ним»³³, в то время как члены Парламента встречали монарха за стенами города согласно указанной традиции. Символическое единение парламентариев и короля было выражено общим цветом их одежд — ярко-красным. Впоследствии Парижский парламент добился исключительного права на ношение красных одежд во время *les entrées royales*.

«...Во вторник, 13 день месяца июня 1430 г. судьи проследовали в палату Парламента вместе с главами и советниками трех палат <...>, чтобы обсудить, в каком случае и в каких одеждах они предстанут на первой торжественной встрече короля (Генриха VI. — С.П.), которая в скором времени состоится в Париже³⁴. И решили, что они предстанут перед сидящим в седле королем за воротами города <...>, соответственно одетый клир, советники и представители Парламента в отороченных шляпах сине-зеленого и длинных камзолах ярко-красного сукна»³⁵, поскольку в то же платье будут одеты король и канцлер. Таким образом, перед нами — пример символической репрезентации города перед лицом королевской власти.

Кроме того, Парламент брал на себя ответственность формирования порядка групп парижан, расходы и т.д.³⁶ Мы, в итоге, можем констатировать факт вытеснения клира на второй план представителями Генеральных Штатов в процедуре торжественной встречи короля за стенами города в конце XIV в. Разумеется, это не означает того, что делегация кафедрального и университетского клира вообще отсутствовала и не играла никакой роли. Группы мирян и священников разделились при приоритете последних.

Исходя из данных хроник XIV в., традиционных для этого периода, порядок встречающих короля групп выглядит следующим образом: клир (кафедральное, приходское, университетское духовенство, братья нищенствующих орденов) во главе с епископом Парижа; глава городских властей (прево, эшевены, нотабли, позже — представители Генеральных Штатов); члены ремесленных и купеческих корпораций, выступающие отдельными рядами³⁷.

³³ Anonyme // *Les entrées royales françaises*. P. 63.

³⁴ Как известно, согласно договору в Труа 1420 г., Генрих V был признан наследником Карла VI, но умер 31 августа 1422 г. Поскольку Карл VI пережил его менее чем на два месяца, постольку после его смерти, последовавшей 21 октября 1422 г., был коронован Генрих VI, которому на тот момент (21 октября 1422 г.) не исполнилось и года.

³⁵ Ibid. P. 59—60.

³⁶ Bryant L.M. *The King and the City*. Ch. 5—9.

³⁷ Принимая во внимание относительность данных хроник и прочих источников, ряд авторов предлагает соблюдать определенную вариативность порядка. В частности, К. Бон объединяет делегации от глав города и корпораций в общую

Подтверждение монархом привилегий и свобод Парижа давало ему символический пропуск в столицу, но фактически свидетельствовало о наличии у центра королевского домена юридического лица, утраченного по мере укрепления сословной монархии по окончании Столетней войны. Дело в том, что в период правления Карла VI и Карла VII (как во время его статуса дофина, так и после инаугурации) Париж являлся средоточием всех сопровождающих Столетнюю войну социальных катаклизмов. На фоне поражений французской армии, междоусобиц Бургиньонов и Арманьяков, явного сумасшествия Карла VI, наконец, захвата Парижа англичанами с последующим регентством Бэдфорда, столица выглядела переходящей от одного кризиса к другому, более глубокому. Внешней, типичной для Средневековья реакцией на них стало растущее число публичных процессов светского и религиозного профиля³⁸. В большинстве случаев они ориентировались на самого важного зрителя — короля. В итоге на последнем этапе Столетней войны Париж, несмотря на статус сеньориального города, сохранял юридическое лицо, формально требующее королевского признания.

Обратимся теперь к тем сторонам протокола, которые фиксируют сакральное восприятие монарха городской средой.

Следует отметить, в первую очередь, сюжеты декораций, сопровождающих маршрут продвижения королевского кортежа по городу. Преодолев ворота Сен-Дени, он направляется вдоль одноименной улицы, по обеим сторонам которой были расставлены платформы со щитами или подмостки с разыгрывающимися на них мистериями. Первый въезд Карла VII сопровождался тем, что «...улицы и площади города перетянуты гобеленами <...>; на всех углах слышны мелодии музыкантов. Во многих местах выстроены искусственные фонтаны, которые щедро брызжут молоком, вином и чистой водой и пленяют взор, вопреки всему взгляды разбегаются, и даже шутка, привлеченная к этому спектаклю, не может в своей жажде курьеза пресытиться любоваться новыми чудесами»³⁹. Описание этого великолепия тем более поразительно, если учесть время изложенных событий, но общая традиция ясно прослеживается: Париж предстает украшенным королевскими эмблемами, са-

номинацию: «...корпус города с прево и эшвенами...», а затем «составные ряды», под которыми подразумеваются все парижане, желающие лицезреть короля. См.: *Beaune C. Le miroir*. P. 132.

³⁸ Как пишет Л. Брайан: «...Они имели место всякий раз, когда король въезжал в город <...> Часто события ускользали из-под контроля, когда парижане разворачивали светские и религиозные процессии». См.: *Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris*. P. 528.

³⁹ *Chronique de Saint-Denis // Les entrées royales françaises*. P. 57.

кральными по своей символике. Так, Карл VII «...въехал в ворота Сен-Дени, украшенные фигурой ангела, который держит лазоревый щит с тремя золотыми цветами лилии...»⁴⁰.

Сюжеты мистерий, разыгранных перед Карлом VII, носили и светский, и религиозный характер. Продвигаясь вдоль улицы Сен-Дени, королевский кортеж останавливался перед десятью платформами, на которых короля встречали: ангелы с цветами лилии и песнопением, мистерии Страстей Господних, сцены из жизни святой Женевиевы и святого Реми — покровителей Парижа. Мирские сюжеты были не менее разнообразны: сцены побед Хлодвига и Карла Великого, изображение королевской генеалогии, чтение «Салической правды», аллегии диалога Мира и Справедливости и т.д.⁴¹ «Перед Шатле насыпали террасу в форме дерева с пастушками и овцами под ним. Под деревом — Книга Правосудия, где три персоны представляли милосердный, писанный и естественный закон. Пастушки представляли Рай, их охранял Святой Михаил...»⁴².

По предположению Л. Брайана, религиозные драмы отталкивались в своих сюжетах от церковного календаря⁴³, а светские представления создавались или «на злобу дня», или аллегорически изображали ожидаемые от посвященного монарха добродетели, напоминали ему о славе предков. «Благодаря смешению песен, танцев, живых фигур, показных сражений, прятков, представлений, ассамблей и куртуазных аллегорий, парижане привлекали внимание короля к некоторым максимам, в которых шаржу присуща мораль».⁴⁴

Город напоминал монарху и о собственных достоинствах. Так, въезд в Париж Людовика XI 31 августа 1461 г. сопровождался сугубо светскими сценами: «Герольд в военной форме армии Парижа представил ему (королю. — С.П.) пять дам, восседающих на лошадях. Каждая из них держала одну из пяти букв, составляющих слово “Париж” <...>. Актеры представляли клир, знать и государственных мужей в сцене, развернувшейся у ворот <...>. На всех улицах разыгрывались пантомимы и мистерии. У фонтана дю Понко три прекрасные девушки, изображая сирен, пели куплеты»⁴⁵ и т.п. Обмирщение художественного

⁴⁰ Chronique de roi Charles VII // Ibid. P. 73.

⁴¹ Ibid.

⁴² Bevy Ch.J. Op. cit. P. 350.

⁴³ Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 523.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Bevy Ch.J. Op. cit. P. 358—359. Анонимная хроника, хранящаяся в Лилльской библиотеке, уточняет аллегорическое значение каждой буквы, составляющей название столицы: «...Пять женщин, все одетые в золотого цвета платья, в королевской манере, держат в руке друг за другом пять букв Парижа: первая держит “P”, которое означает Мир (Paix); вторая — “A”, с которым связывается любовь (Amour); третья — “R”, которая означает Правду (Rayson); четвертая — “I”, обо-

оформления (декораций) и сценического пространства (мизансцен) на улице Сен-Дени, возможно, свидетельствует о проявлении тенденции протокола королевского въезда к десакрализации, и в городских условиях оно проявилось наиболее ярко. Богатое разнообразие средств художественной выразительности можно рассматривать как проявление предренессансной культуры, в эстетике которой, как известно, превалировали либо светские, либо религиозные, но не христианские, а языческие установки⁴⁶. Таким образом, сакральные мотивы, присущие городскому интерьеру, сопровождающему *l'entrée royale* в XIV—первой половине XV в., утрачиваются в конце XV в., трансформируясь в сторону светского, политического и правового, понимания королевской власти.

Форма встречи королевского кортежа на улице Сен-Дени — театрализованное представление — берет начало в смеховой (карнавальной) городской среде. В этом отношении процедура королевского въезда не была новшеством, «...наполовину проистекая из больших празднеств, которые обнаруживаются даже во времена Карла VI»⁴⁷. Б. Гене и Ф. Леу верно отмечают перспективу того, что постепенно въезд становится причиной для спектакля, грандиозного и блистательного парада⁴⁸. Описание встречи Карла VI 11 ноября 1380 г., изобилующее воспеванием искусственных фонтанов и красочных мистерий, подтверждает будущую направленность второй фазы церемонии к театрализации. Преобладание светской тематики, по мнению французских историков⁴⁹, не означает того, что город, в данном случае Париж, не воспринимал посвященного монарха, прежде всего, как носителя сакральной функции. Его реакция была типичной для городской средневековой культуры,

значающее Радость (*Joye*) и пятая держит “S”, которое означает Суверенитет (*Sourete*). И все они сидят на богато убранных в золотые попоны лошадях...» // Anonyme // *Les entrées royales françaises*. P. 17. Символически данное толкование определяет тот спектр ожиданий, который вкладывали парижане в свое понимание сути властных prerogatives королевской власти.

⁴⁶ В этом мнении европейская и американская историография единодушна. Поскольку рассмотрение ренессансных тенденций не входит в задачу настоящего исследования, то см. подробнее: *Bryant L.M. The King and the City; Turner V. Op. cit.; Beaune C. Le miroire; MacCormack S. Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley, 1981. P. 1—92; Möseneder K. Zeremoniell und monumentale Poesie. Die “Éntrée solennelle” Ludwigs XIV. 1660 in Paris. Berlin, 1983.*

⁴⁷ *Guennée B., Lehoux Fr. Op. cit. P. 12.*

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ Они справедливо отмечают, что чувство исключительности, присущее жителям столицы, также сыграло свою роль. «...Эти фонтаны, эти персонажи, эти герои явились тогда для Парижа вещами, если и новыми, то все равно он был уверен, что Карл VI не найдет ничего подобного нигде, за исключением севера Луары, при посещении провинций» // *Ibid. P. 13.*

которой присуще в большей степени светское мировосприятие. Тем не менее, именно город дал королевской власти возможность предстать перед своими подданными во всем великолепии символики и комплекса прерогатив, в состав которых входила и сакральная. *L'entrée royale* в отличие от инаугурационной церемонии был самым доступным зрелищем французского церемониала, когда поле действий для выражения с одной стороны верноподданнических чувств и величия власти — с другой, было широким как никогда: весь Париж служил сценой для самоутверждения каждой из сторон. Демократичность состава участников королевского въезда в сравнении с элитарностью присутствующих на инаугурации, когда монарха могла лицезреть знать и в лучшем случае часть жителей Реймса, относительно компенсировалась практикой въездов королевского кортежа в ряд городов, расположенных по пути к Парижу. Так, Иоанн II «...выехал из Реймса в Париж, сделав круг через Лан, Суассон и Санлис...»⁵⁰, но это не меняло сути конечной цели — церемония *l'entrée royale* в качестве посткоронационной встречи должна была совершиться в Париже для подтверждения властных полномочий посвященного короля.

Кульминация дипломатических стратегий приходится на тот момент, когда, вернув Парижу его свободы и привилегии, король повторял коронационную клятву и принимал от горожан подарок, который мог быть различным, но обязательно ценным, и помещался под балдахин. «Король (Карл VII. — С.П.) принял ключи от города⁵¹ из рук прево и отдал коннетаблю. Эшевены подняли над его головой балдахин, который несли до конца церемонии»⁵². Исследуя появление балдахина в

⁵⁰ *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 304. Данные Ш. Беви подтверждают «Большие Французские хроники». «И после этого (своего посвящения. — С.П.) король отправился из названного города Реймса в понедельник вечером и вернулся в Париж через Лан, Суассон и Санлис» // *Grandes chroniques de France*. P. 47—48. Той же практики французские монархи придерживались, только отправляясь в Реймс, проезжая с остановками через ряд населенных пунктов. Резонно предположить, что в ходе этих посещений монарх пользовался как *la droit de gîte*, так и возможностью сбора налогов. Города, в свою очередь, стремились именем короля подтвердить собственные свободы. «...Король <...> ехал в Париж, не пропуская закрытые добрые города, где его ожидали для повторных прошений, которые можно было осуществить и подтвердить тем самым свои права» // *Jouvenel des Ursins*. Op. cit. P. 58.

⁵¹ Подарок в виде золотых символических ключей был, по всей видимости, продиктован желанием Парижа выразить свое восхищение военными победами Карла VII, что не отражает общей картины. Так, при встрече Людовика XI «жители города пожертвовали на упряжь королевской лошади драгоценные камни на тысячу экю — сумму, огромную для того времени. Это было сделано, чтобы поддержать честь города...». См.: *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 357.

⁵² *Ibid.* P. 348.

l'entrée royale, Б. Гене и Ф. Леу выдвигают гипотезу, что впервые он был использован в 1389 г. во время грандиозного путешествия Карла VI на юг, в ходе которого король объездил все большие города «...под тем предметом, который французы называли на юге вымпелом, в центре и на севере — покровом, в Париже — небом, который мы сегодня называем прецессионным балдахином (*pallium*)»⁵³. Изначально использованный для защиты от солнца, балдахин, кроме утилитарного, приобрел и сакральную символику. Внешне это выразилось в цветовой гамме ткани, покрывающей каркас: она полностью соответствовала королевским цветам и эмблемам *le sacre royal*.

Заметим, что *pallium* не отмечен как королевская регалия по причине невозможности его повсеместного применения, как достаточно громоздкого предмета. Но как королевская эмблема, прецессионный балдахин появляется в ходе *l'entrée royale* в конце XIV в. В силу столь позднего исторического «старта», балдахин не отмечен капетинскими *ordines*, и в интерьере Реймского собора он появляется только в XV в., что и отражают трактаты Н. Менана и Ш. Беви. Статично расположенный над королевским тронем, он выполнен в монархической фиолетово-золотой гамме, но лишь обрамляет процедуру церемонии.

Свое активное предназначение *pallium* выполняет в процедуре въезда короля, которой предусмотрена сакральная и светская символика этого самого позднего знака власти французской монархии. Собственно сакральное толкование балдахин получил независимо от прерогатив королевской власти. Дело в том, что его применение зафиксировано в ходе различных религиозных шествий, когда балдахин служил покровом для реликвий (мощей, гостий, лампад, предметов культа и т.д.) или статуй Иисуса Христа, Девы Марии и святых⁵⁴. Означает ли это внешнее ритуально-прецессионное сходство, отождествление сакральных полномочий представителей клира и французских монархов? Хотя вывод о генетической связи данных ритуальных элементов напрашивается сам собой, все же нет достаточных оснований для утверждения их тождественности. Проблема, прежде всего, заключается в хронологическом и пространственном несоответствии. Если религиозные процессии и передвижение священников с использованием балдахина имели

⁵³ Guennée B., *Lehoux Fr.* Op. cit. P. 13—14.

⁵⁴ В частности, Б. Гене и Ф. Леу, обстоятельно изучившие данный вопрос, отмечают, что пик религиозных процессий во Франции приходился на XI—XII вв., а в течение XIII—XIV вв. Святой Престол санкционировал только одно праздничное шествие Бога-Отца или Святого Причастия. «Впервые процессия праздника Бога-Отца появилась в Барселоне в 1319 или 1320 гг., а так же имела место в Турине в 1323 г., в Реймсе — 1324 г., <...> в Шартре — в 1330 г.» // Guennée B., *Lehoux Fr.* Op. cit. P. 16.

место уже в XII—XIII вв., то король в его в сопровождении появляется в середине XIV в. в сугубо светском окружении горожан и своего кортежа. Сакральная символика прецессионного балдахина как знака высшего покровительства и защиты культовых предметов или священника лишь частично распространялась на монарха в ходе въезда. По нашему мнению, сакральное толкование могла иметь только цветовая гамма и королевские лилии, в то время как сам *pallium* являлся знаком королевской власти и обладал священным ореолом лишь в мере, определенной Церковью.

Задействованный в процедуре *l'entrée royale* процессуальный балдахин имеет светскую символику. «Так поздно присоединенный к парижской церемонии⁵⁵, он обладал самостоятельной символической ценностью для городской элиты, позволяя ей оставлять за собой место и роль вблизи короля на время въезда»⁵⁶. *Pallium* над головой короля означал, что монарх находится под защитой города, а парижане, несущие его, — в сфере духовного и правового покровительства короны, выступающей гарантом прав и свобод городских властей и Парижа. Группируясь подобным образом вокруг короля, носильщики балдахина, сменяющие друг друга, принадлежали к наиболее крупным ремесленным корпорациям⁵⁷, являя собой картину солидарности.

Символически и выбор регалий. Присутствие в кортеже короны, меча и «длани Правосудия» в правой руке короля, исходя из их семантики, акцентирует внимание присутствующих на всеобъемлющей власти монарха, основой которой является защита подданных и справедливость. То, что король демонстрировал Парижу именно эти прерогативы, совершенно логично в сочетании с процедурой его встречи за воротами Сен-Дени, подачей петиции и подтверждением ее пунктов. Париж ожидал от короля гарантий и защиты, и сакральный смысл регалий был отодвинут на второй план. Дополнительным подтверждением тому служит перестановка регалий. Так, при въезде Карла VII первен-

⁵⁵ Под «опозданием» понимается тот факт, что, как уже указывалось, первоначально балдахин использовался на юге страны: в Безье, Монпелье, Лионе, а впервые он появился в составе королевского кортежа при Фридрихе II на Сицилии. См.: Ibid. P. 14—16; *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 357.

⁵⁶ *Bryant L.M.* Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 521.

⁵⁷ К сожалению, данные хроник не позволяют проследить состав носильщиков, поскольку их составители не уделяли этому вопросу должного внимания. Л. Брайан, рассматривая въезд в Париж Элеоноры Австрийской 18 марта 1531 г., констатирует, что прецессионный балдахин над ней несли соответственно по 4 человека: городские советники, суконщики, бакалейщики, галантерейщики, скорняки, чулочники и ювелиры. Это позволяет предположить, что в рассматриваемый период смена носильщиков осуществлялась по тому же принципу. См.: Ibid.

ство было отдано короне, при въезде Людовика XI — мечу, который нес коннетабль. Карл VIII и Людовик XII использовали только королевский шлем, а Франциск I и вовсе отказался от всех регалий, кроме меча⁵⁸. Тенденция к обмирщению символики регалий прослеживается также на основании того, что в конце исследуемого периода, при въезде Людовика XI, в кортеже появляется канцлер, перед которым везут королевскую печать⁵⁹. Военная и правовая доминанта носила светский характер, лишь формально используя символику королевских регалий в ее сакральном смысле.

Кроме того, усиление потестарных функций монархии выражалось и той знаковой практикой, когда уже при въездах Карла VII в провинциальные города (в частности, в Руан в 1449 г.) покрытая лазурной с золотыми лилиями попоной лошадь, за которой следовал канцлер, везла сундук с печатями короля⁶⁰.

Но вернемся к дальнейшей процедуре въезда. Пройдя улицу Сен-Дени, королевский кортеж продвигался в сторону Ситэ, для чего ему приходилось поворачивать у Шатле в сторону Моста Менял. Конечным пунктом маршрута являлся собор Нотр-Дам. На паперти, происходила последняя фаза церемонии, представлявшая ее второй кульминационный момент и выдвигавшая на первый план парижский клир. Процедура выглядела следующим образом: «Король с видимым удовольствием пересек город до собора Нотр-Дам. Епископы и каноники вышли к нему процессией и запели гимны и кантаты, открыв текст Евангелия...»⁶¹. Описания хронистов, возможно, оставались бы единственными свидетелями происходящего, если бы не особый порядок, требующий документального подтверждения. Как и при инаугурации, в данном случае, монарх подписывал заверенный нотариальный акт о привилегиях Церкви, который закреплял их официально, заодно прописывая и процедуру. Так, акт, подтверждающий въезд Иоанна II, уточняет: «...Прежде чем останавливаться, где бы то ни было, он направился к кафедральному собору Парижа, двери которого были за-

⁵⁸ Ibid. При въезде Карла VII меч означал его право на трон, поскольку он еще не прошел инаугурационную церемонию. Франциск I, по всей видимости, использовал данный жест для демонстрации своих побед над Испанией.

⁵⁹ Первоначально эти въезды совершались в провинциальные города — в Руан в 1449 г., в Бордо — в 1451 г., где канцлер представлял королевскую юрисдикцию, символом которой и являлась печать. См. подробнее: *Bryant L.M. The King and the City. Ch. 8; Idem. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 531—532.*

⁶⁰ *Chronique de roi Charles VII // Les entrées royales françaises. P. 160—162.* Отделение регалий от короля трактуется исследователями как реализация известной теории «двух тел короля». См. подробнее: *Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 530—534; Цатурова С.К. Указ. соч. С. 445.*

⁶¹ *Chronique de Saint-Denis // Les entrées royales françaises. P. 57.*

крыты. Затем двери открылись <...>, к нему приблизились торжественной процессией и с великой пышностью множество прелатов, епископов, аббатов <...>, все одетые в шелковые шляпы, неся распятие, кадила, канделябры, лампы, книги в золоченых окладах, и все предметы, которые обычно используют в процессиях, с целью, чтобы их путь был благопристойен и достоин, насколько возможно»⁶².

Однако традициями устного права, как уже упоминалось выше, в данном случае не ограничивались. Перед вновь закрытым притвором собора клир во главе с епископом Парижа (как перечисляет акт клятвы: «Из собора Парижа выходят пэры и сеньоры во Христе, монсеньоры Людовик, архиепископ Санса, Жак, епископ Парижа, Жан Тюдер <...> и остальные пэры во Христе, монсенор Гильом, аббат указанных Сен-Дени во Франции, аббат Сен-Жермен де Пре около Парижа, Робер, аббат Сен-Женевьев-Мон в Париже, Жан, аббат Сен-Мэр де Фоссе, и Пьер, аббат Сен-Маглуар, все одетые в свои священнические одежды»⁶³) подавали королю письменное обязательство (*la cedula*), содержащее следующий текст: «Мы просим Вас гарантировать каждой из наших церквей Ваше поручительство, сохранить в силе наши канонические привилегии, наш статус и нашу юрисдикцию, и помогать нам своей защитой, уделяя внимание каждому епископу в своем королевстве, и поручить церкви каждому из них»⁶⁴.

В итоге мы можем наблюдать процессию клира, тождественную той, которая встречала короля за воротами Сен-Дени. Налицо определенная «симметрия» пространства церемонии, но когда во второй половине XV в. клир оттесняется на второй план, паперть собора остается единственным местом, где духовная знать⁶⁵ могла вступить в диалог с монархом. Перед вновь закрытым притвором собора клир во главе с епископом Парижа подавали королю письменное обязательство (*la cedula*). Примечательно, что *la cedula* означает «обязательство, имеющее хождение наравне с векселем». Именно на этом основании св. Павел полагает обязательством и обряды, при необходимости свидетельствующие о тех, кто его выдает: «Истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас»⁶⁶. Монарх в данном контексте принимает как моральное, так и материальное обеспечение своего действия.

⁶² Serment prêté par le roi Jean II Bonne à la cathedrale de Paris à l'occasion de sa première entrée dans la capitale // Ibid. P. 49—50.

⁶³ Serment prêté par le roi Charles VII à la cathédrale de Paris à l'occasion de sa première entrée dans la capitale // Ibid. P. 81—82.

⁶⁴ Serment prêté par le roi Jean II Bonne. P. 51.

⁶⁵ «...В частности, это Гильом, архиепископ Санса; Гуто, епископ Лаона; Иоанн <...>, также как Раймон, настоятель собора (Нотр-Дам. — С.П.). Собор и коллегия вышеназванной церкви — епископ Парижский...» // Ibid.

⁶⁶ Кол. 2:14.

Король, разумеется, подтверждал предложенный ему текст, заверяя клятву, держа руку на Евангелии, завершая сказанное кратким «я желаю и обещаю» (*Je le veux et le promet*)⁶⁷. Очевидно, что основным условием клятвы было подтверждение привилегий и прав духовенства, т.е. налицо несомненная тождественность ритуала у собора Нотр-Дам с *promissio* короля на входе в Реймский собор. Содержание текста клятв и форма присяги также схожи (в обоих случаях от монарха требуется покровительство и защита клира, при этом клятва дается на Евангелии), что позволяет придерживаться вывода о традиционности указанного ритуала, имеющего явно универсальный характер. Причина данного явления кроется, на наш взгляд, в особом статусе Парижа и относящегося к нему епископства, поскольку в процедуре *l'entrée royale* в провинциальные города подобный ритуал не был предусмотрен.

О важности для клира выполнения *la cedula* свидетельствуют две формальные процедуры. Во-первых, одна из них разворачивается перед закрытой дверью собора, которая открывается по принятии королем предложенных условий, символизируя его окончательный «пропуск» в Париж с одобрения духовенства, т.к. светская городская среда уже получила от монарха необходимые гарантии за городскими стенами. Напомним, что ворота Сен-Дени открывались перед монархом на подобных условиях. Таким образом, *l'entrée royale* симметричен по структуре, имеет двойную кульминацию темпа, связанную с ритуалом встречи государя двумя основными сословиями Парижа на договорной основе. Во-вторых, в случае с парижским духовенством договорной принцип доведен до своего логического конца: он закрепляется нотариусом как юридический акт. «Епископ и настоятель Парижа обратился к нам, нотариусам, засвидетельствовать эти церемонии. Все это записано, как мы видели, в год, индикацию, месяц, день, час и год правления указанного понтифика; настоящим заверяем и персонально утверждаем вышесказанное — мэтры Жан де Валле, член двора Парижа, Бертран Пинон, кюре де Суси, округа Парижа и т.д.»⁶⁸.

Несомненно, что сакральный фон, несмотря на наличие Священного Писания и всех атрибутов, свойственных религиозным процессиям, явно приглушен юридическим решением закрепления королевской клятвы. Более того, в сохранившемся благодаря нотариальным минутам⁶⁹ обращении епископа Парижа к Карлу VII содержится напо-

⁶⁷ Serment prête par le roi Charles VII // Ibid. P. 85—86.

⁶⁸ Ibid. P. 83.

⁶⁹ Т.е. копиям.

минание о наследственном статусе *promissio*, ставшего, таким образом, традиционным. «Всехристианнейший король, наш суверен и правомочный (*droicturier*) сеньор, святые и всехристианнейшие короли Франции, ваши предки, которые почитаемы и любимы Богом и Церковью, в соответствии с обычаем после своего помазания и посвящения, в первый день торжественной встречи в вашем городе, они сначала шли в церковь; и затем <...> давали первую клятву Церкви, а затем, всем святым и вашим предкам»⁷⁰. Представленный текст фиксирует основную тенденцию в десакрализации власти при несомненном признании Церковью и закреплением на правовых и политических началах наследственного королевского культа. Как уже указывалось, противоречие, имеющее место в этой связи, не лишено определенной логики, заключающейся в укреплении королевской власти и государственного аппарата при опосредованных, но отнюдь не исчерпанных сакральных ресурсах.

Содержание текста клятв и форма присяги также схожи (в обоих случаях от монарха требуется покровительство и защита клира, при этом клятва дается на Евангелии), что позволяет нам, как уже было сказано выше, поддержать идею указанного ритуала.

Что касается повтора коронационной клятвы, точнее — «клятвы Королевству» (*le serment Royaume*), то ее содержание в ходе *le sacre royal* постепенно расширялось и в итоге было сведено четырем пунктам, касающимся покровительства Церкви, справедливого и милосердного правления, а также необходимости искоренения всякой ереси⁷¹. Карл V вводит в клятву новое, пятое по счету, условие — принцип правовой неотчуждаемости (алиенации) земель, когда-либо принадлежавших короне, что послужило еще одним залогом укрепления монархии⁷².

На первый взгляд, эти условия не имеют непосредственного отношения к Парижу. Однако если иметь в виду то, что «клятва Королевству» «адресовалась» всем подданным без исключения и имела юридически

⁷⁰ Ibid. P. 85.

⁷¹ «Я клянусь именем Иисуса Христа христианам, моим поданным: сначала я приложу все силы, чтобы христианский народ жил в мире с Церковью и Богом. Я сделаю так, чтобы прекратить грабительские и захватнические войны. Я буду править так, чтобы любой мой суд был милосерден к вам. Я приложу все усилия, чтобы моей властью и верой изгнать с земли на законном основании всех еретиков, отказавшихся от Церкви» // *Ordo ad inungendum et coronandum Regem* // *Godefroy Th. Le cérémonial français. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrées soulennelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilli par Théodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy. Paris, 1649. T. 1. P. 33.*

⁷² «И я неукоснительно сохраню суверенитет, права и достоинство короны Франции, и я не изменю им и не откажусь от них» // Ibid.

закрепленную формулу, публично произнесенную на инаугурации с положением правой руки на Священное Писание и, следовательно, приобретала высшую юридическую силу (*juramentum*), то повтор перед воротами Парижа перед городскими корпорациями представляется вполне закономерным. Разумеется, с упрочением монархии и переходом на стадию абсолютизма, королевская клятва изживет себя, став пустой формальностью, равно как и подача прошения, начиная с уже упомянутого въезда Людовика XII 1498 г.

Наконец, вступив в город, король продолжал репрезентировать свои прерогативы с помощью регалий, выбор которых в данном контексте тоже являлся дипломатической стратегией, подтверждающей юридическую силу клятвы. Присутствие в кортеже короны, меча и «длани Правосудия» в правой руке короля, исходя из их семантики, акцентирует внимание присутствующих на всеобъемлющей власти монарха, основой которой являются защита подданных и справедливость. То, что король демонстрировал Парижу именно эти прерогативы, совершенно логично в сочетании с ритуалом встречи короля за воротами Сен-Дени, подачей петиции и подтверждением ее пунктов. Париж ожидал от короля гарантий и защиты, и поэтому изначально сакральный смысл регалий был отодвинут на второй план. Дополнительным подтверждением тому служит их перестановка, когда на первый план выходит самая светская из всех инсигний — королевский меч (как символ защиты и правосудия), а также дополняющие его доспехи.

Было бы ошибочно расценивать королевский въезд непосредственным продолжением посвящения в Реймсе. При несомненной взаимосвязи этих церемоний между ними наблюдается принципиальное (фактическое и символическое) отличие. В первую очередь оно заключается в главной цели протокола, призванного, соответственно, придать монарху освященную власть над подданными и утвердить его право сеньора и короля над столицей. В этом смысле *l'entrée royale* значительно уже, в ней, фактически, отсутствует сакральное начало. Париж поддерживает и создает королевский культ, но на основе взаимных договоров и обещаний, не отрицая при этом сакральную функцию монарха. Призвание королевского въезда заключалось не только в подтверждении прав городских корпораций, но и в их консолидации вокруг монарха — главного действующего лица церемонии. «Благодаря этим ритуалам, — верно замечает Л. Брайан, — корпорации объединились вокруг короля и подтвердили часть своих специфических прав и обязанностей по отношению к королю и королевству. Вся система церемонии представляла собой особый союз горожан как политического сословия»⁷³.

⁷³ Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 525.

Королевские въезды имели схожую, но не совсем тождественную задачу — объединить разрозненные городские сообщества вокруг королевской власти. Перед лицом Столетней войны она выглядела наиболее актуальной и, по мнению Б. Гене и Ф. Леу, сыграла не последнюю роль в процессе централизации страны. «В эти сложные времена два великих чувства поддерживали королевство: чувство национальное и чувство монархическое, и король не сомневался, что это “национальное чувство” способствует поддержанию государства...»⁷⁴. Действительно, благодаря многочисленным торжественным въездам в различные города король не только утверждал свою власть, но и укреплял узы с подданными. Примечательно, что наиболее массовая церемония не отвергала лишенных благородных корней, но при этом влиятельных горожан, ведь «...это были жители больших городов, которые сами их создали; это были они сами, их жены и дети, которые являлись участниками церемонии. Следовательно, въезды были для них предпочтительнее коронации, ограниченной в диалоге между королем и подданными»⁷⁵.

Клир, таким образом, не оставался единственной стратой, которой монарх давал отдельное обещание о сохранении привилегий. Так, со второй половины XV в. была введена дополнительная процедура — по окончании мессы к государю с торжественной речью обращался ректор Парижского университета, итог которой знаменовался подтверждением прав и свобод возглавляемой им корпорации.

В итоге повтор «клятвы Королевству», вручение помазанному и коронованному монарху, облаченному в соответствующие случаю цвета своих одежд и регалии, прошения о признании городских установлений, проникновение его внутрь парижских стен и получение символического дара, — все это представляется обменом целой серией символических стратегий, которая не исключала и своеобразных дипломатических усилий сторон, покоящихся на договорном принципе взаимоотношений.

Однако этим королевские обещания не исчерпывались. По аналогии с *le serment du Royaume*, во время инаугурации монарх давал свое публичное *promissio* Церкви сохранять и защищать ее канонические привилегии, что означало охрану короной не только духовной составляющей, но и сословной юрисдикции клира, всех форм его собственности. Любопытно, что тексты ординариев указывают на письменный характер данного соглашения: Церковь не ограничивается устной формулой, как в случае с «клятвой Королевству». Более того, только после подписания *promissio* посвящающий прелат приступает к помазанию, коронации и сопровождающимся

⁷⁴ Guennée B., Lehoux F. Op. cit. P. 11.

⁷⁵ Ibid.

благословениям вручению регалий. Следовательно, формально в противном случае это означало отказ в проведении инаугурации.

Приобретя силу традиции, королевские клятвы, *ad summum*, выступили ярким средством формирования и поддержания культа монархии на основе взаимных договоров и обещаний. Проведение королевского въезда преследовало двоякую цель — не только подтвердить права города, но и сплотить подданных вокруг фигуры монарха. Задача отстаивания собственных интересов выглядела наиболее актуальной на фоне Столетней войны, когда Париж заявлял о себе перед чередой королей (не исключая и англичан). Эти стратегии способствовали разработке репрезентативных функций монархии и выступали средневековой по форме, но отлаженной при этом системой дипломатических стратегий.

Вместе с тем, лишенный в своем содержании сакральных основ, имея их лишь во внешней, декоративной форме, въезд уже в конце XV в. предстает чередой пышных ритуалов и переживает более быструю стагнацию, чем инаугурация. Поэтому точка зрения Л. Брайана, называющего въезд «в некотором роде парижским эквивалентом коронации»⁷⁶, кажется несколько поспешной. Несмотря на ряд схожих процедурных моментов, въезд был призван подтвердить священные основы королевской власти, предоставив ей для этого первый город королевства. Сакральная функция монарха как бы подразумевается самим фактом свершившейся в Реймсе церемонии, и Париж признает и празднует посредством торжественного въезда появление христианнейшего короля.

⁷⁶ Bryant L.M. Le cérémonie de l'entrée à Paris. P. 537.

Глава III

Хинкмар Реймский
и формирование
основ королевского
культа

Хинкмар, архиепископ Реймский

«Из всех, кого я видел во главе королевства во времена нашего господина, императора Людовика, ни один уже не остался в живых. <...> Когда я был молод, я своими глазами видел Адаларда Корбийского, кузена Карла Великого», — диктовал наследнику Карла Лысого Карломану престарелый Хинкмар, архиепископ Реймский в 881 г. в Эперней, где оба они — советник и духовник императора, и единственный наследник престола Западнофранкского королевства — скрывались от нашествия норманнов. Хинкмару оставалось менее года земного пути — в ноябре 882 г. он скончался, ненадолго пережив старшего сына Людовика Заики Людовика III, оставив Карломану все свои наставления об управлении государством в самом известном трактате *De ordine palatii*¹.

Пройдя долгий жизненный путь, Хинкмар только в сане архиепископа Реймского находился с 845 г.², т.е. 37 лет (неслыханно долгий срок для каролингской эпохи!), как известно, немало преуспев на поприще объединения Западнофранкского государства и укрепления власти потомков Людовика Благочестивого. Биография, политическая деятельность архиепископа, его богословские изыскания, наконец, теория королевской власти изучены в достаточной степени, и в этом отношении Хинкмар — едва ли не хрестоматийная фигура для этактистов раннего Средневековья³.

¹ Хинкмар известен как автор богословских и политических произведений, а также многочисленных писем, из числа которых следует выделить упомянутый выше трактат «О королевской власти», а также *Regis persona et regio ministerio*, в котором изложена концепция сильной королевской власти, поддерживаемой Церковью. См.: *Hincmarus. De ordine palatii // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. V. Krause. Hannover, 1897. Bd. II. S. 515—530.* Под редакцией В. Краузе выпущено отдельное издание трактата: *Idem. De ordine palatii / Ed. V. Krause. Hannoverae et Lipaese, 1894; Idem. Regis persona et regio ministerio // Hincmari archiepiscopi Remensis. Paris, 1845. T. 2. Opuscula et epistolae. P. 31—48.*

² Назначение Хинкмара произошло по воле Карла Лысого, о чем сообщается в хронике аббатства: «Был прислан монах Хинкмар по решению славного короля Карла, с согласия архиепископа Санского и епископа Парижского, и всех епископов Реймса; Хинкмар перешел из провинции Санс и Парижской епархии (из аббатства Сен-Дени, относящегося к Парижскому диоцезу. — С.П.)». См.: *Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964. P. 488.*

³ Автором фундаментального биографического исследования является Ж. Девисс. Три тома его монографии «Хинкмар, архиепископ Реймский» вышли в свет в 70-е гг. XX в. См.: *Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. I—III.* Данный труд положил начало серии штудий о деятельности архиепископа. Среди них выделяются работы британских историков Дж.-М. Уоллес-Хэдрилла и Дж. Нельсон, исследующих Хинкмара как историка и политика.

В меньшей степени Хинкмар известен как один из основоположников концепции сакрального происхождения власти западнофранкских императоров и королей, хотя она более чем органично «вплетается» в его политическую и пастырскую деятельность. Клад архиепископа Реймского в обоснование сакральной природы власти франкских государей трудно переоценить. Хинкмару суждено было стать свидетелем бурных и противоречивых событий времени распада империи Карла Великого. Именно поэтому достижению политического единства западной части некогда великой Каролингской империи он посвятил свою жизнь.

По поручению папы Николая I Хинкмар должен был, учитывая ситуацию с правом инвеституры, находящейся в IX в. в руках светских властей, развивать учение о подчиненности королей Церкви и после процедуры коронации и помазания, совершавшейся к этому времени уже с 754 г., когда в церкви аббатства Сен-Дени папа Стефан II короновал Пипина III вместе с супругой Бертой и сыновьями Карломаном и Карлом⁴.

Что касается Карла Лысого, то его коронации оказались чрезвычайно затруднены распадом Западнофранкского королевства. В 846 г. Карл Лысый получит корону из рук папы Сергия II в Риме, но как король Римский и Ломбардский, что заставит его стремиться к императорской короне, которую он обретет через два года, 6 июля 848 г. в Орлеане от архиепископа Санса Венилона. Собираение земель отца вынудит Карла получить корону еще и в Лиможе в октябре 854 г., что сделает его правителем Аквитании, хотя и в очень условной мере⁵. Родовые земли династии — Лотарингия — оставались яблоком раздора между потомками короля Лотаря II, при жизни отвоевавшего еще и значительную

См.: *Wallace-Hadrille J.M. Histoire in the Mind of Archbishop Hincmar // The Writing of History in the Middle Ages / Ed. R.H. Davis, J.M. Wallace-Hadrille. Oxford, 1981. P. 43—70; Nelson J.L. Kingship, Law and Liturgy in the Political Thought of Hincmar of Reims // English Historical Review. 1977. № 92. P. 241—279; Idem. Hincmar of Reims on King-Making: The Evidence of the Annales of St. Bertin, 861—882 // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 16—34.*

⁴ Карл Великий будет короноваться еще 3 раза (768 г. — в соборе г. Нойона как наследник престола; в 774 г. в крепости Модес — как король Ломбардии; в 800 г. в соборе святого Петра — как император). В рождественский день 800 г. корону примет и его сын Людовик. В качестве императора Людовик Благочестивый будет коронован на Рождество 816 г. престарелым папой Стефаном IV в соборе г. Реймса. Данные о хронологии и местах коронаций содержатся в целом ряде документов, относящихся к истории французского королевского дома. Один из наиболее авторитетных и информативных трудов в этой области принадлежит перу секретаря Генриха II Жану Дю Тийе. См.: *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1606. T. 1. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. P. 41, 42.*

⁵ *Ibid.* P. 57—58.

часть Прованса. Лотарь умер в 869 г., оставив наследника, признанного незаконным франкскими епископами во главе с Хинкмаром⁶. Получив Лотарингию, 45-летний Карл поспешил закрепить легитимность своих притязаний коронацией. Местом ее был избран г. Мец — колыбель династии, датой — 9 сентября 869 г. Посвящающим прелатом выступил Хинкмар. Но этим его роль не ограничивалась: Реймский архиепископ стал «автором» протокола церемонии, зафиксировав его в т.н. «коронационных порядках» или «чинах», «ординариях» — *ordines ad consecrandum et coronandum regem* (в сокращении — *ordo*). Так с этого времени стали именовать протокольные сборники молитв, гимнов и благословений, составляющих сопровождающую церемонию торжественное церковное богослужение (литургию). Следующим опытом подобного рода стала коронация Людовика Заики, совершенная Хинкмаром 8 декабря 877 г. и заложившая основы сакральной функции французских королей.

Автор ordines?

Исходя из их содержания, Р. Джексон — один из наиболее авторитетных специалистов в области изучения средневековых ритуалов — определяет *ordo* как «достаточно четкие литургические записи»⁷. «Мы используем термин *ordo* каждый раз, когда речь идет о литургическом тексте, сочиненном для посвящения и коронации независимо от его объема»⁸. Датировка, по признанию исследователей, затрудняется отсутствием ряда оригиналов и тем фактом, что *ordines* создавались в монастырях и аббатствах не только Западного и Восточного Франкских королевств, но и на территории Ирландии и в англосаксонских государствах. Эти обстоятельства значительно усложняют изучение данной группы источников и на современном этапе, хотя первое издание текстов императорских *ordines* было осуществлено Г. Вайцем еще в 1873 г. в серии MGH⁹. Однако в нем отсутствует классификация текстов по месту их написания, и поэтому собственно западнофранкские *ordines* не обозначены. Исследователи следующего поколения, опираясь на изы-

⁶ Речь идет о т.н. «разводе Лотаря». См.: Kleinclausz A. L'Empire carolingien, ses origines et ses transformations. Paris, 1902. P. 346.

⁷ Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985. P. 29.

⁸ Ibid. P. 30.

⁹ Waitz G. Die Rormeln der deutschen Königs und der römischen Kaiser krönung vom 10 bis zum 12 Jahrhundert // Abbandluinden der kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1873. № 18.

скания Г. Вайца, полагали, что первые *ordines* на территории будущей Франции возникли только в начале X в.¹⁰

Но усилия, предпринятые в данном направлении во второй половине XX в., показали, что к середине IX в. в Западнофранкском государстве было создано сразу четыре *ordines*, принадлежащих перу Хинкмара Реймского: *ordo* Юдифи, дочери Карла Лысого (*Coronatio Iudithae Karoli II Filiae*), *ordo* Эрментруды, супруги Карла Лысого (*Coronatio Hermentrudis reginae*), *ordo* Карла Лысого (*ordo coronationis Karoli II*), *ordo* Людовика Заики (*ordo coronationis Hludiwici Balbi*)¹¹.

Тогда же исследователи задались вопросом об авторстве, ничуть не сомневаясь в важности текстов, хотя бы потому, что они «...датированы, более или менее детализированы, и каждый из них касается определенной церемонии»¹². Если учесть тот факт, что первые *ordines* были невелики по объему, большую их часть занимали обрывки литургических текстов, практически не оговаривался протокол церемонии, на основании чего представить их природу крайне сложно, то замечание американского исследователя совершенно справедливо. В свете представленной проблемы из четырех текстов нас больше интересуют два последних — *ordo* посвящения Карла Лысого как короля Лотарингии (869 г.) и *ordo* Людовика Заики (877 г.), поскольку ординарии, относящиеся к коронации дочери Карла Лысого Юдифи по случаю ее замужества (856 г.) и первой жены Карла Лысого Эрментруды (866 г.) во многом были списаны с григорианской церемонии венчания и не легли в основу церемонии королевского посвящения — *le sacre royal* — именно так ее стали называть с легкой руки Хинкмара.

Оригиналы *ordines*, хранящиеся в монастыре Сен-Лоран в г. Льеже, были опубликованы А. Боретиусом и В. Краузе в 1897 г., часть *ordo* Карла Лысого содержится в разделе «Анналов Сен-Бертен» за 843—882 гг., также написанном Хинкмаром Реймским¹³. Р. Джексон приводит выдержки из *ordines* Эрментруды и Карла Лысого в приложении к указанной статье, а позже публикует их полную версию¹⁴. Необхо-

¹⁰ Schramm P.E. Kaiser, König and Päpste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Tode Karls des Großen (814) bis zum Anfanf des 10. Jahrhundert. S. 152.

¹¹ Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427; Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455; Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458; Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462.

¹² Одним из них является американец Ричард Джексон. См.: Jackson R.A. Who wrote Hincmar's ordines? // Viator. 1994. Vol. 25. P. 31—52.

¹³ Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.

¹⁴ Ordo of Charles the Bald; Jackson R.A. Who wrote. P. 51—52; Ordo of Ermentrude // Ibid. P. 53—58; Marriade and Coronation Ordo of Judith // Ordines Coronationis Franciae / Ed. by R.A. Jackson: 2 vol. Philadelphia, 1995. Vol. I. P. 73—80; Ordo of

димось в дополнительной публикации объясняется поднятым Дж. Нельсон вопросом о полноценности авторства Хинкмара. Британская исследовательница не без оснований полагает, что архиепископ основывался на более ранних текстах, в частности, на англосаксонских *ordines* (*ordo* Леофрика, *ordo* Дунстана, *ordo* Эрдмана). Формула помазания и ряд литургических гимнов послужили для Хинкмара моделью, на основании чего Дж. Нельсон делает вывод о возможном заимствовании¹⁵. Р. Джексон соглашается с тем, что архиепископ, по всей видимости, использовал «...англосаксонский источник, но затем <...> он экспериментировал, развивал и совершенствовал коронационный церемониал не только для франкского монарха, но, как оказалось, для всей западноевропейской монархии»¹⁶. Таким образом, он не отрицает компилятивного характера *ordines*, более того, признает его нормой для авторского стиля Хинкмара. Кроме англосаксонских *ordines* Р. Джексон указывает на заимствования из литургии папы Геласия I (492—496) — т.н. «Геласианских таинств»¹⁷ и григорианской мессы в целом, для чего предпринимает сравнительный анализ указанных текстов¹⁸.

Благодаря источниковедческим изысканиям исследователей в нашем распоряжении оказались несколько опубликованных вариантов *ordines* Хинкмара. Это позволяет провести их сравнительный анализ и на его основе реконструировать процедуру церемонии королевского посвящения, поскольку содержание «Анналов Сен-Бертен» и текстов в редакции *Monumenta Germaniae Historica* взаимно дополняют друг друга. Характерной особенностью всех *ordines* является их небольшой объем, поэтому любого рода дополнение в различных редакциях оказывается более чем ценным. Отличительная же черта *ordines* Хинкмара заключается еще и в том, что их текст отрывочен и зачастую алогичен с содержательной стороны: он заполнен молитвами и гимнами католической мессы, и только подзаголовки каждого нового отрывка дают возможность судить о порядке процедуры. Сходство содержания еще более сужает количество информации, которую может получить исследователь. Так, текст *ordo* Юдифи является расширенным вариантом *ordo* Эрментруды, соответственно, их «вбирает» в себя *ordo* Карла Лысого, которое, в свою очередь, служит базой для *ordo* Людовика Заики.

Ermentrude // Ibid. P. 80—87.

¹⁵ Nelson J.L. Politics and Ritual. P. 343—360.

¹⁶ Jackson R.A. Who wrote. P. 34.

¹⁷ The “Regal Formulas” in the Sacramentary of Gellone (Paris, Bibl. Nat., MS Lat. 12048) // The Gelasian Sacramentary: Liber sacramentorum Romanae Ecclesiae / Ed. H.A. Wilson. Oxford, 1894.

¹⁸ Jackson R.A. Who wrote. P. 46—47.

Поэтому исключительную ценность получают «Анналы Сен-Бертен», где Хинкмар, в соответствии с жанром хроники, не только повторяет текст своих *ordines*, но и частично описывает процедуру совершаемой церемонии. Таким образом, эклектика *ordines* Хинкмара является их достоинством, поскольку на их фундаменте он создал процедуру инаугурационной церемонии, которая была приумножена в последующих «порядках» капетингского периода. Рассмотрим предложенный Хинкмаром протокол более подробно, уделив наибольшее внимание анализу посвящений Карла Лысого и Людовика Заики.

“Ordines” Хинкмара с точки зрения наследственного права и практики королевских посвящений

Сближение династии Каролингов с папством имело важное значение для формирования сакральной функции монархии. Об этом говорит факт непосредственного участия в нем Святого Престола, впоследствии ставшего традиционным. Начало данной традиции, как уже упоминалось, было положено Пипином Коротким, в условиях жесткой борьбы за власть между потомками Карла Великого посвящение из рук папы было своего рода высшим признанием полномочий правителя, понтифик же олицетворял высшую инстанцию в споре за титул императора Запада. В ранний каролингский период, когда имперские амбиции монархов были еще чрезвычайно высоки, только преемник Св. Петра мог посредством посвящения присвоить императорский титул. Усиление роли Церкви не было случайным. Еще задолго до григорианской реформы, в IV—V вв. (начиная с Сардинийского собора 347 г., предоставившего папе Юлию I и его восприемникам право суда), т.е. гораздо раньше, чем все остальные социальные структуры западноевропейского Средневековья, Церковь оформилась по иерархическому принципу, возвысившись над остальным обществом. Внешним выражением этого превосходства стал обряд рукоположения, после совершения которого служитель Церкви приобретал совершенно особый статус — на нем лежала божественная благодать. Такого рода концентрация посвящения значительно уменьшала сакральные возможности монархии, тем более что Церковь создавала идеологическую конструкцию общества, объединяя сакральный и общественный порядок. По отношению к христианскому монарху, учитывая противоречия между папой и императорами, Церковь выработала безупречную концепцию.

Так, Святой Престол определил для монарха три ипостаси: он мог быть королем справедливым (*justus rex*), тираном, правящим толь-

со для своей выгоды, и королем негодным (*inutilis rex*), который был лишком слаб, чтобы защитить своих подданных¹⁹.

Вместе с тем, папство никогда не имело той единственно реальной неоспоримой силы — военной. В VII в. она находилась в руках франкских монархов. Поэтому, несмотря на все противостояние двух властей, их сотрудничество было неизбежным. Традиция, заложенная папой Захарием и Пипином Коротким, усиливалась по мере того как все жесточеннее становилась борьба за власть между многочисленными претендентами на трон императора. Поэтому нельзя не обратить внимания на тот факт, что в 754 г. папа Стефан II, преемник политики Захария, запретил франкам избирать королей не из числа Каролингов²⁰. Предписание 754 г. давало возможность более слабым в военном и экономическом отношениях принцам перед лицом опасности прибегнуть к заступничеству одного из знатных предков²¹.

Соответственно, казалось бы, Церковь должна была признать законно унаследовавшего трон монарха единственным «героем», достойным королевского посвящения, поскольку германский принцип выборности заменился династическим правом первородства. Действительно, германское наследственное право оказалось, благодаря целенаправленным усилиям Святого Престола, если не уничтоженным, то явно отброшенным с сторону новой системой. В литературе она получила название «система теологического оправдания» и несколько противоречила светским юристам. Дело в том, что теоретически «священный королевский сан не включал в себя идею преемственности рода или семьи государя»²². Согласно заявлению Захария, единственным критерием при посвящении короля должна быть его личная способность управлять.

Разумеется, однажды придя к власти путем узурпации, Каролинги не могли допустить повторения аналогичной ситуации. Не отрицая наставления Стефана II о порядке прямого наследования трона, Церковь отстаивала уникальность, отделенность каждого нового посвящения от

¹⁹ Peters E. The Shadow King. Rex Inutilis in Medieval Law and Literature. 751—1327. L., 1970. P. 147.

²⁰ «...В этом не было никакого противоречия с тем, что позже стали называть автоматическим принципом наследования по основной линии, — верно подчеркивает Р. Гиси. — Это новое положение закрепилось в IX в. и с триумфом прошло среди близких к трону родов, которые уважали христианское слово и исключили бастардов из всякой формы публичного признания» // Giesey R.E. The Juristic Basis of Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society. 1961. Vol. 51. № 5. P. 4.

²¹ В случае политических противоречий и непосредственной угрозы жизни, менее знатные родственники обращались в 858 г. к авторитету Людовика Немецкого, после 881 г. — Карла Толстого. См.: Devisse J. Le sacre et le pouvoir. P. 66.

²² Giesey R.E. The Juristic Basis. P. 4.

предыдущего, когда личное родство между претендентами не имело значения, — ведь каждый король получал свою силу от Бога посредством священника в момент посвящения и каждый возвращал ее ему, когда умирал.

Цель Святого Престола была очевидно цивилизаторской. Объявляя индивидуальную ответственность монарха перед Богом за свое правление, он получал возможность сдерживать воинственные, а подчас и варварские в своей жестокости методы правления той эпохи. В то же время, Церковь приобретала своего рода монополию на королевское посвящение — без санкции, а тем более, без участия духовенства, церемония была недействительной.

Однако главная победа клира, на наш взгляд, состояла в достижении политического превосходства. В ходе борьбы с королевской властью за приоритет Церковь получила возможность поставить монархов в непосредственную зависимость от собственной политической воли, вынудила их прислушаться к своей воле. Дело в том, что с политической точки зрения практическая функция королевского посвящения заключалась в том, чтобы закреплять и служить опорой власти нового государя. Эти действия, следовательно, совершались в период междоусобия: момент, который мог быть крайне сложным в условиях нестабильности. Именно такой она была после Верденского раздела 843 г. Поэтому в восприятии светской власти королевское посвящение играло решающую роль в утверждении надежного и легитимного правления нового монарха. Франкские государи осознавали, что через посвящение они законным путем обрели великую силу и благодать.

Церковь, с одной стороны, признавала неразрывный союз королевского посвящения и законного наследования, а с другой, — на практике, благодаря «системе теологического оправдания», зачастую отделяла одно от другого. Об этом свидетельствуют факты совершения *le sacre royal* над лицами, не имевшими династических прав на каролингский престол.

Так, в сентябре 879 г. были посвящены сыновья Карла Лысого Людовик и Карломан, совершенно законные с точки зрения наследования короли Западнофранкского государства. Но уже через несколько недель, 15 октября 879 г. под г. Вьенном граф Бозон Вьеннский, женатый на дочери Людовика II Заики Эрментруде, был посвящен архиепископом Авиньонским Ратфордом как король Западнофранкского королевства. Несмотря на то, что по инициативе Хинкмара он был немедленно объявлен франкской Церковью узурпатором, епископы Южной Бургундии (так тогда называли Прованс) поддержали своего графа²³. Это был первый прецедент подобного рода: со времени узурпации власти Пипином Коротким Церковь на практике доказывала свою приверженность за-

²³ Тейс Л. Наследие Каролингов. IX—X века / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой (Новая история средневековой Франции. Т. 2). М., 1993. С. 118—120.

конным принципам наследования трона, теперь же в лице архиепископа Авиньонского и его сторонников она нарушила данную норму. Нарушила, несмотря на то, что сам факт раздела империи виделся ей как богохульство, допущенное вследствие нарушения установленного свыше порядка вещей. Людовик Благочестивый, разделивший государство между сыновьями, и тем самым спровоцировавший братоубийственную войну между ними, был отлучен от правления в 833 г.

В этот драматический момент противником столь жесткой меры выступил Хинкмар Реймский. Как священник, он настаивал на автономии светской и духовной властей при приоритете последней. В своем трактате *De Regis persona et regio ministerio* он указывает: «Нельзя игнорировать того, что управление душами, которое принадлежит духовенству, важнее, чем власть телесная, которая принадлежит императору»²⁴. Как духовник и первый советник Людовика Благочестивого, ниже он внушает ему идею значимости Церкви для правителя и ее превосходства: «Значение священников очень важно для королей: поскольку короли посвящаются священниками, священники же не могут быть посвящены королями»²⁵. Благодаря этой, ставшей впоследствии знаменитой формулировке, а также собственной практике, Хинкмар Реймский получил известность в церковных и светских кругах не только как автор коронационных *ordines*, но и как талантливый дипломат. Им было сказано веское слово по очень непростому и противоречивому вопросу разделения полномочий светской и духовной властей.

В контексте данной проблемы нам более интересен Хинкмар-политик, поскольку его огромный политический опыт бесспорен. Вслед за Дж. Нельсон необходимо задаться в связи с этим вполне логичным вопросом: «Имел ли Хинкмар постоянный критерий для определения легитимности королевского наследования?»²⁶. Ответ, на наш взгляд, кроется в одной из многочисленных работ архиепископа, в «Анналах Сен-Бертен». Они, как уже указывалось, охватывают период с 861 по 882 гг.²⁷

В «Анналах» Хинкмар описал почти все случаи прихода к власти в бывшей империи Карла Великого за указанный период. Как доверенное лицо правителя, он отстаивал приоритет наследственного права. Для архиепископа естественным является процесс передачи власти по отцовской линии внутри династии Каролингов, и сохранение целостности Западнофранкского королевства видится ему главной задачей

²⁴ *Hincmarus. De origine Palatii*. P. 29.

²⁵ *Ibid.* P. 32.

²⁶ *Nelson J.L. Politics and Ritual*. P. 246.

²⁷ Они «...были годами беспрецедентных разрушений порядка передачи власти Каролингам. Факт, что конфликт содержался в проблемах династического права, не уменьшал его напряженности», — верно подчеркивает Дж. Нельсон. См.: *Nelson J.L. Politics and Ritual*. P. 148.

монарха. О посвящении Людовика и Карломана он отзывается сухо, но твердо: «...Чтобы не допустить узурпаторство Людовика Младшего, короля Восточной части империи, аббат Хьюго и другие магнаты, которые были с сыновьями своего последнего правителя Людовика (Заики. — С.П.) <...>, а именно Людовик и Карломан, послали епископов Ансегиза и других в монастырь Феррьер и там посвятили и короновали Людовика и Карломана»²⁸. Сдержанность тона объясняется позицией автора. Как уже говорилось выше, Хинкмар был автором и проводником концепции привилегии Реймса на право проведения церемонии *le sacre royal*. Поэтому архиепископ, имевший опыт посвящения Карла Лысого и Людовика Заики, вполне мог рассчитывать на аналогичную роль и в 833 г. Тем не менее, посвящение в Феррьер было важным фактом в глазах Хинкмара, т.к. его приоритетом являлось сохранение отдельного существования Западнофранкского государства.

Что касается оценки посвящения Бозона Вьеннского, то она, разумеется, исключительно негативна. Часть вины узурпатора архиепископ Реймский даже перекладывает на его супругу: «...Герцог преследовался женой, которая все время повторяла, что она не хочет больше жить, если, как дочь императора Италии и бывшая помолвленная невеста императора Восточной империи (Византии. — С.П.), она не сделает своего мужа королем»²⁹. Но главные виновники — епископы, присутствовавшие на церемонии, которые совершили ее, нарушив принцип династического права. Поэтому Хинкмар настойчиво отказывался называть Бозона королем. Поскольку для архиепископа Реймского Каролингская династия была провиденциально обоснованным оплотом социального порядка для франков, то Бозон, как не-Каролинг, должен быть свергнут. Главной проблемой для автора «Анналов» остается передача власти внутри династии в целостности и на максимально большой срок.

Усиление влияния Церкви в условиях агонии каролингской династии стало выражаться (одновременно с формальной поддержкой законности власти Каролингов), санкционированием незаконных церемоний королевского посвящения. Как это выглядело на практике? Начало было положено фактом спорного статуса Карла Толстого, короля Восточнофранкского государства. После смерти Людовика III и Карломана он был призван править за 5-летнего Карла, последнего сына Людовика Заики. Второй случай такого рода привел к изменению правления (*mutatio regni*)³⁰, долгому и болезненному, усугубленному к тому же норманнским нашествием. Владыка огромной территории, Карл

²⁸ Les Annales des Saint-Bertin. P. 238—239.

²⁹ Ibid. P. 239.

³⁰ Термин К. Вернера. См.: Werner K.F. Les sources de la légitimité royale à l'avènement des Capétiens (X—XI siècles) // Le sacre des rois. P. 49.

Толстый контролировать ситуацию, переросшую его потенциальные возможности.

Сложившиеся обстоятельства дали возможность возвыситься Эду, маркизу Нейстрии. Несмотря на наличие законного претендента на престол, Карла III Простоватого, реальная власть находилась в руках победителя норманнов, 29 февраля 888 г. прошедшего церемонию посвящения в церкви Святой Марии г. Компьена под руководством архиепископа Санса Готье. Карл III превратился, согласно существующей градации, в *rex inutilis*, не соответствовал больше ожиданиям своих подданных, поэтому и замена ему в лице более подходящей кандидатуры нашлась фактически сразу.

В данном случае ослабление королевской власти привело к усилению франкской аристократии, и Церковь, уже достаточно окрепшая после григорианской реформы и диктующая светским лидерам свою волю, была вынуждена лавировать в сложных генеалогических коридорах претендентов на корону Карла Великого. Если учесть тот факт, что к IX—X вв. каждый аристократический род обзавелся влиятельным духовником (как правило, это был второй сын в семье), проясняется один важный фактор: интерес Церкви к «назначению» королей становился все более политизированным, а в некотором роде даже клановым. Если между посвящаемым и посвящающим не было кровного родства, в ход шли земельные дары и обещания выгодных должностей.

Так, говоря о посвящении герцога Бозона, Хинкмар Реймский указывает, что он «преследовал епископов этих земель, которым то угрожал, то использовал их жадность к аббатствам и имениям, обещанные и позже данные им для того, чтобы они помазали и короновали его»³¹. Архиепископ демонстрирует явное презрение к столь низменным мотивам связи духовенства и светского правителя. Тем не менее, на практике подобная тенденция становилась все более явной, и Хинкмар был вынужден ее признать.

Начало оформления Хинкмаром сакральной королевской мифологии и географии

Отдельную сторону вклада Хинкмара Реймского в эволюцию представлений о сакральной природе королевской власти представляет разработка им своего рода их идеологического обоснования. Речь идет о создании легенды о Святом Елее (*Saint Balsame*) или Святом Сосуде

³¹ Les Annales des Saint-Bertin. P. 239. Более подробно об узурпации Бозона пишет Р.-А. Ботье. См.: *Bautier R.-H. Aux origines de royauté de Provence. De la sédition avortée de Boso à la royauté légitime de Louise // Province historique. 1973. № 23. P. 41—68.*

(*Sainte Ampoule*), изложенной Хинкмаром в написанном им между 875 и 880 гг. «Житии Святого Реми»³².

Сочинение Хинкмара дает представление не только о жизни святого Реми — крестителя Хлодвига, но и об истории возглавляемого им аббатства. Кроме того, в своем сочинении архиепископ излагает легенду о Святом Сосуде как подтверждение божественного происхождения франкской монархии и обосновывает прерогативу Реймса на проведение королевского посвящения. Этот политический контекст существенно отличает «Житие» от других агиографических памятников³³.

В речи, произнесенной архиепископом Реймса на церемонии посвящения Карла Лысого в 869 г., Хинкмар, желая доказать легитимность притязаний короля на западнофранкский престол, впервые обращается к факту крещения Хлодвига. Согласно изложению архиепископа, этот «известный всем король франков был помазан и посвящен в короли елеем, полученным с небес». По версии Хинкмара, Св. Реми оказался в затруднении в момент крещения: служитель, который должен был преподнести архиепископу елей, не мог пробраться к купели, т.к. «...в церкви было столь много людей. Святой Реми поднял глаза к небу и воззвал к помощи Господа. И тогда внезапно появился белоснежный голубь, принесший в клюве Святой Сосуд, наполненный елеем <...>, и им Реми освятил Хлодвига»³⁴. Само повествование, возможно, не привлекло бы особого внимания собравшихся, если бы Хинкмар не заявил далее, что «...часть Священного Елея, который у нас еще имеется», должна быть использована «для Карла также, как и для Хлодвига»³⁵.

Данной фразой архиепископ Реймский раз и навсегда связал в сознании последующих поколений крещение Хлодвига и посвящение Каролингов. Преимущество их наследования не вызывала у Хинкмара никаких сомнений несмотря на то, что по факту ни кровного, ни династического союза между потомками Хлодвига и Пипина Короткого никогда не существовало. Это дало основания некоторым исследователям отказать архиепископу Реймса в «...репутации честного человека»³⁶.

³² *Vita Remigii episcopi Remensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannover, 1896. Bd. III. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquorum aliquot / Ed. B. Krusch. S. 239—341.*

³³ *Baix F. Les sources liturgiques de la Vita Remigii de Hincmar // Miscellanea historica in honorem A. de Meyer. Louvain, 1946. T. I. P. 280.*

³⁴ *Vita Remigii. S. 256.* Изложение легенды также помещено Хинкмаром в «Анналах Сен-Бертен». См.: *Les Annales des Saint-Bernin. 869. P. 162—163; Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. 2. P. 1004.*

³⁵ *Vita Remigii. S. 256.*

³⁶ *Jackson R.A. Who wrote. P. 33.* В частности, Б. Крюш, редактор тома с публикацией «Жития Святого Реми», в предисловии назвал Хинкмара обманщиком (*homo mendax*) и лжецом (*homo vanus fallaxque*). См.: *Vita Remigii. S. 240.* Как указыва-

Сам факт возникновения легенды подобного содержания и та быстрота, с которой она распространилась, не вызывают у исследователей никакого недоумения. «Это не удивительно, что в этот век чудес, святых и волшебных превращений, культа мощей и реликвий, появилась и эта легенда. Название «Святой Сосуд», современное Святому Граалю, с конца XII в. уже превратилось в миф, почти не изменившейся со временем»³⁷. Важность данного замечания Ж. Сенсолье заключается в том, что, несмотря на обширную сакральную мифологию, развившуюся вокруг французских королей, только легенда о Святом Сосуде осталась ключевым элементом в церемонии королевского посвящения и даже переросла его. Тема Святого Сосуда стала не только литературным и церемониальным достоянием, но и политическим, важность которого возрастала. Примечательно, что в содержание легенды в середине X в. было внесено единственное изменение — голубь постепенно превратился в ангела, явившегося с неба³⁸.

ет Р. Джексон, исследователи часто рассматривали приведенный выше отрывок из «Жития Святого Реми» в качестве главного свидетельства, легшего в основу легенды о Святом Елее, «...что, в конечном счете, сыграло центральную роль во французской королевской идеологии. Они полагали, что автором легенды был Хинкмар». См.: *Jackson R.A. Who wrote. P. 33.* Такой точки зрения, в частности, придерживается Дж. Нельсон, заявившая, что «повествование выглядит как изобретение самого Хинкмара». См.: *Nelson J.L. Politics and Ritual. P. 347.* Тон Р.-А. Ботье, не столь обличительный, все же исполнен критики: «Таким образом, получается, что легенда о Святом Сосуде и миф о крещении Хлодвига были хитро приспособлены коварным и искусным Хинкмаром к помазанию». См.: *Bautier R.-H. Op. cit. P. 7—20.* Р. Джексон и Ф. Бекс полагают, что легенда появилась раньше, и Хинкмар лишь использовал ее в политических целях. «Непросто, — пишет Р. Джексон, — перед лицом определенно настроенного мнения большинства ученых превратить Хинкмара в образец честности и даже снять с него все обвинения во лжи и подделке, но все же можно однозначно заявить, что он не изобретал легенды о Святом Сосуде» // *Jackson R.A. Who wrote. P. 33.* Ф. Бекс доказывает, что Хинкмар, составляя агиографию Реми, включил в нее тезис о Святом Елее, «заимствованный из местной литургии». Служба, проводившаяся в соборе святого Реми, «...была идентичной, начиная с конца VIII в. до написания Хинкмаром жития своего знаменитого предшественника». Поэтому исследователь допускает мысль, что «Хинкмар использовал некоторые фразы и слова из этой службы и в своем *ordo* 877 г. Единственный эпизод, который он не мог придумать в *Vita Remigii* из того, что он сформулировал в 877 г. — это тот, в котором говорится, что из-за плотной толпы у купели Хлодвига Реми принял елей от голубя, который чудесным образом доставил его в склянке в своем клюве. См.: *Baix F. Op. cit. P. 211—212.* В пользу изложенной позиции говорит факт автономности легенды. Действительно, Святой Сосуд — это та особенность церемонии, которая не зафиксирована ни во время королевских посвящений в Вестготской Испании, ни в текстах ирландских миссионеров, ни у первых Каролингов.

³⁷ *Sensolieu J. De Jérusalem à Reims. Origines et évolution des sacres chrétiens // Le sacre des rois. P. 24.*

³⁸ *Oppenheimer F., sir. The Legend of the Saint Ampoule. L., 1953; Hingle W. The Portal of the Saints of Reims Cathedral. A Study in Medieval Iconography. N.Y., 1965. P. 41.*

Легенда повлекла за собой два фактора, явившиеся краеугольными для развития понимания сакральной природы власти французских монархов.

Во-первых, указанная власть получала сверхъестественный характер. В силу помазания елеем, имевшим божественное происхождение, Хлодвиг стал, по выражению К. Бон, «архетипом христианнейшего короля (*rex christianissimus*)»³⁹. Сам факт принесения Святого Елея голубем (ангелом) обозначал зримую, материализованную форму божественной воли на посвящение французских королей. Ведь как прямые наследники святого короля, последующие за Хлодвигом монархи, благодаря Святому Елею, получили не только властные, но и сверхъестественные, мистические полномочия⁴⁰, выраженные в королевском культе или «королевской вере» (*le religion royal*)⁴¹. Посвящение с помощью Святого Елея позволяет рассматривать королевский культ у франков как реализацию сакральной функции королевской власти, заявленной в текстах *ordines* Хинкмара. В тоже время король никогда не имел власти священника. Несмотря на заявление Хинкмара, что «король — это избранник божий для исполнения королевской власти»⁴², французский монарх, по верному замечанию Ж. Ле Гоффа, «...несомненно, не имел успеха в статусе *rex-sacerdos*. До и после коронации он оставался мирянином. Но так как посвящение <...> королей совершалось в церкви, <...> то король <...> получал несколько крох от священнического сана»⁴³. Основателем данной концепции и стал архиепископ Реймский. После того, как Хинкмар посвятил Карла Лысого и Людовика Заику, он изложил суть своих воззрений на придание характеру королевской власти сакрального элемента: «Господь помазал его (короля. — С.П.) в услужение королевству»⁴⁴. Тем самым Хинкмар заложил этическую основу предназначения короля — служить своему народу как христианину и воину, осуществлять слово Священного Писания — быть среди подданных, как один из них.

³⁹ «...Хлодвиг считался первым королем всех христиан. Это точно отвечало эволюции титулов королей Франции <...> Взгляд на Святой Сосуд как знак, которым Господь законно посвящает короля, привел к тому, что в персоне Хлодвига, утвержденной Богом, была определена и одобрена власть всех королей Франции» // *Beaune C. Naissance de France*. Paris, 1985. P. 63.

⁴⁰ Речь идет о церемонии королевского прикосновения, призванной исцелять больных золотухой.

⁴¹ *Revel J. La royauté sacrée. Éléments pour un débat // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom*. Paris, 1992. P. 11.

⁴² *Devisse J. Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. 1. Chap. VIII. P. 689.*

⁴³ *Le Goff J. Aspects religieux et sacrés de la monarchie française du Xe au XIIIe siècle // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom*. Paris, 1992. P. 11.

⁴⁴ *Devisse J. Op. cit. Vol. 1. Chap. VIII. P. 486.*

С другой стороны, исходя из хинкмаровой концепции, отпадает необходимость в дискуссии о нужности королевской власти: она вошла в общественный порядок провиденциальной волей. Поскольку проводником, своего рода исполнителем этой воли является Церковь, то Хинкмар позаботился о том, чтобы каждый вновь посвященный и коронованный монарх не забывал об этом. Королевское *promissio* было призвано стать камнем основания общественно-политического соглашения между клиром и королем, заложенным Хинкмаром для соблюдения порядка, обозначенным им как *in regni regimine*, — порядок в правлении⁴⁵. Поэтому королевское *promissio* каждый раз предпринималось заново, хотя король и заключал договор по той же схеме.

Королевское *promissio* Церкви открывало королю возможность стать посвященным, осененным божественной благодатью, хоть и не святым, королем. «Человек, — рассуждает Хинкмар, — подчинен высшему закону, король — не менее остальных, поскольку он несет груз своей избранности в светском порядке, когда он становится во главе общественной иерархии <...> и ему должны оказывать уважение и подчиняться»⁴⁶. Но памятуя о принципиальной позиции Церкви в вопросе о приоритете властей, он подводит итог: «Благодать Господня — в посвящающем, который совершает помазание»⁴⁷.

В таком случае, как человек, возглавляющий «порядок в правлении», король ограничивался клиром, не признающим его святость, и сакральная функция не являлась окончательно приобретенным правом личности и автоматически не передавалась по наследству. Тем не менее, помазание Святым Елеем придавало французским королям ореол если не святости, то исключительности. Они становились христианнейшими монархами, «родом избранным», поднимаясь в этом смысле даже над суверенами других государств, а не только над своими подданными. Стоит ли говорить о том, что в глазах последних монарх раз и навсегда нес на себе харизму избранности. Впоследствии *le sacre royal* отразит весь комплекс этих представлений, которые углубятся и упрочатся, но на ней всегда будет лежать «...отблеск приписываемой Хинкмару легенды о Святом Сосуде и Святом Елее»⁴⁸.

Второй фактор, последовавший за распространением указанного мифа, имеет в большей степени политический характер.

Приведенное выше уточнение Хинкмара о том, что «...часть Священного Елея <...> у нас еще имеется»⁴⁹, позволяет предположить: под словами «...у нас...» подразумевается Реймское архиепископство и находяще-

⁴⁵ Ordo coronationis Karoli II. S. 456.

⁴⁶ Hincmarus. De ordine palatii. S. 519.

⁴⁷ Ibid. S. 520.

⁴⁸ Devisse J. Le sacre et le pouvoir. P. 33.

⁴⁹ Annales des Saint-Bertin. P. 156.

еся на его землях аббатство Сен-Реми. Политический замысел Хинкмара очевиден: если святой Реми, епископ Реймса, помазал первого христианского короля франков, то, следовательно, архиепископ Реймский, преемник «апостола Франции», получает привилегию единолично совершать *le sacre royal*. С этой целью Хинкмар создал жизнеописание Святого Реми, в котором обосновал взаимосвязь агиографического культа с мифом о Святом Сосуде. Похороненный на территории аббатства⁵⁰, «апостол Франции» стал объектом культа, а склеп — местом паломничества⁵¹. Несомненно, это способствовало материальному процветанию аббатства Сен-Реми, получившему название со времени епископства Хинкмара⁵². Считается, что именно тогда, в начале 50-х гг. IX в., Сосуд нашли среди останков святого епископа, и поскольку они находились в баптистерии, то связь Сосуда с крещением Хлодвига послужила доказательством истинности событий легенды⁵³. Так или иначе, но Хинкмар Реймский, «вооружившись» приписываемой ему легендой и мощами «апостола Франции», начал борьбу за привилегию Реймса посвящать монархов.

Необходимо отметить, что даже столь долгого (20-летнего) срока пребывания в сане архиепископа Хинкмару не хватило для реализации замысла. На протяжении IX—XI вв. право на отправление церемонии

⁵⁰ Реми, умерший около 533 г., был похоронен в некрополе, основанном на территории аббатства примерно с III в. См.: *Vercauterner F. Étude sur les civiles de la Belgique, seconde Bruxelles // Academie royale de Belgique, classe de lettres, memoires. 1934. T. 33. P. 35—61; Leflon J. Histoire de l'église de Reims du Ier au Ve siècles // Travaux de l'Academie nationale de Reims. Reims, 1944. T. 142. P. 1—238.* Хинкмар указывает, что гроб с телом был помещен в маленькой часовне святого Христофора. См.: *Vita Remigii. S. 239—249.* Но Григорий Турский, как автор VI в., не упоминает об этом. По его мнению, Реми похоронили около базилики, где его могила и была обнаружена во второй половине VI в. Именно тогда надгробие увеличили, а существование мощей предано огласке в день святого Реми — 1 октября. См.: *Григорий Турский. История франков / Пер., коммент. В.Д. Савуковой. М., 1987. VIII:21. IX:4. X:19.*

⁵¹ Так, брат Карла Великого, Карломан, совершал не только частые паломничества к могиле, но и завещал похоронить себя рядом с ней. В X в. раку посетили королева Фредегонда, супруга Карла Простоватого, Людовик IV с королевой Гербергой, Лотарь и его многочисленные приверженцы. См.: *Prache A. Les monuments funéraires des Carolingiens élèves à Saint-Remi de Reims au XII siècle // Revue de l'art. 1969. № 6. P. 68—76; Erlande-Brandenburg A. Le roi est mort, étude sur les funéraires, les sepultures et les tombeaux des rois de France jusqu'à la fin du XIII siècle. Paris, 1975. P. 119—120, 150, 155—156.*

⁵² Важность захоронения святого епископа на территории аббатства для его знаменитого преемника выражено еще в одном факте: в 850—852 гг., по версии Ф. Оппенгеймера, склеп был вскрыт для переноса мощей. Их поместили в набальзамированные сосуды, выполненные так же, как и Святой Сосуд, хранящийся отныне у раки с мощами святого Реми. См.: *Oppenheimer F., sir. Op. cit. P. 152—154.*

⁵³ По ироничному замечанию Ж. Сенсолье, «...Святой Сосуд произошел из ошибочной интерпретации ранней археологии...». См.: *Sensolieu J. Op. cit. P. 24.*

королевского посвящения оспаривалось рядом других аббатств и городов: Орлеаном — в 848, 987, 1108 и 1123 гг., Компьенем — в 877, 987, 1017 гг., аббатством Сен-Пьер де Феррьер в Гатинэ — в 879 г., Труа — в 879 г., Ланом — в 936 г. Как указывает М. Бюр, «за 48 королевских посвящений между 848 и 1825 гг., только 33 стали празднеством города святого Реми. Остальные 15, из которых 10 — до 1000 г., с роскошью разворачивались в других местах»⁵⁴. Причина подобного противостояния кроется в стремлении каждого из указанных мест обрести в условиях определенной политической ситуации рычаги воздействия на короля. В частности, на практике имел место тот факт, что если церемония и совершалась вне аббатства Сен-Реми или самого Реймса, то посвящающим прелатом на ней выступал Реймский архиепископ. Так было на церемониях посвящения Карла Лысого и Людовика Заики, когда посвящающим прелатом был Хинкмар, а также при *le sacre royal* Людовика III и Карломана II, Людовика IV Заморского, Людовика V и Гуго II.

В качестве основного «конкурента» Реймса выступал Орлеан, где церемонии королевского посвящения проводил архиепископ Санский. Если в первом случае выбор места был делом случая, желания посвящающих королей или их окружения, то Орлеан, как альтернатива Реймса, имел для этого определенные основания.

Они связаны, в первую очередь, с воцарением Капетингов. Основатель династии, Гуго Капет, «до того как стать военным предводителем на службе последних Каролингов, <...> стал принцем всей Малой Франции между Луарой и Сеной, которую еще раньше называли Орлеанией или Иль-де-Франс»⁵⁵. Поэтому изначальное преобладание церковной провинции Реймса, центра Шампани, проистекавшей из роли Малой Франции (*France Mineure*) между Уазой, Марной и Меузой, как пристанища последних Каролингов...»⁵⁶, при первых Капетингах было утрачено. Орлеан, как метрополия Робертинов, а затем и Капетингов, стал претендовать на привилегию Реймса. Выразителями оппозиционных настроений выступило епископство Санское, к епархии которого относился Орлеан.

Противостояние епископств длилось в течение всего X в., обострившись в той ситуации, когда короли завладели, образно говоря, возможностью принимать решение в отборе места, где они хотели быть посвященными и в выборе епископа, который мог бы совершить эту церемонию. Положение дел усугублялось еще и тем, что, по выражению Хинкмара, «...государи, дабы не обременять свои сокровищницы, усвоили привычку отягощать аббатства расходами на посвящение»⁵⁷.

⁵⁴ Bur M. Reims, ville des sacres // Le sacre des rois. P. 37.

⁵⁵ Bauchy J.-H. Op. cit. P. 7.

⁵⁶ Bur M. Op. cit. P. 40.

⁵⁷ Les Annales des Saint-Bertin. P. 161.

В результате борьбы за приоритет окончательное слово оказалось за Реймсом, как центром Шампани — более богатой провинции. Подкрепленная вышеуказанной концепцией Хинкмара, идея о привилегии Реймса на совершение *le sacre royal* восторжествовала в начале XI в., когда Роберт I распорядился провести посвящение своего второго сына Генриха в Реймском соборе Нотр-Дам. Тем самым Роберт I не только закрепил за Реймсом долгожданную привилегию, но и ввел епископство в состав своего домена⁵⁸. И хотя еще имели место факты проведения последующих церемоний в Орлеане, Капетинги теперь «...предпочитали приезжать посвящаться в Реймсе. Интересы монархии совпадали с теорией Хинкмара...», и окончательным итогом этого единения стала хартия Людовика VII, объявившая Реймское архиепископство и аббатство Сен-Реми «матерью и головой всего государства»⁵⁹.

Формирование королевского культа

Источниками и средствами реализации власти монарха в средневековом обществе выступают, как акцентируют исследователи, две составляющие: религия и право. Если первая создает фундамент для теизации полномочий, то вторая консолидирует их организацию и расширяет основания для апелляции к сознанию подданных. В итоге потестарные рычаги, побуждающие социум принимать королевскую власть, подчиняться ей и постоянно обращаться к ее авторитету, тоже обретают двойную природу — как сакральную, так и светскую (политическую). Ее амбивалентность является таковой только умозрительно, поскольку религиозное сознание являлось нормой для носителей власти, достаточно прагматично и гибко использовавших идею своей священной и, одновременно, правовой природы в пропаганде среди своих подданных. Формы репрезентации чаще всего выступали публичные церемонии (во всем их спектре: от инаугурационных до похоронных) как выражение внешнего могущества монархии, запотоколированного в ритуалах и процедурах: неслучайно их объем оказывается столь велик в эпоху Средневековья. Внутреннее же содержание обеспечивал комплекс постепенно складывавшихся представлений об исключительности образа власти в целом и ее отдельных представителей в частности. И поскольку монархия оказывалась неизбежно связанной с персонификацией полномочий,

⁵⁸ Bouquet R. Historiens de la Gaule et de la France. T. 10. P. 613—614. Святой Престол счел такого рода честь более чем достаточной, и архиепископам Реймса было отказано претендовать на роль примаса Галлии и место папы. См.: Bur M. Op. cit. P. 45—46.

⁵⁹ Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert. Weimar, 1960. Bd. I. S. 131.

то формирование названного комплекса представлений обретает и расширительное, и личностное толкование, получив в итоге наименование королевского культа или мифа⁶⁰.

Применительно к Франции он начинает реализовываться именно в позднекаролингскую эпоху, время архиепископа Реймского Хинкмара.

Посвящение с помощью Святого Елея позволяет рассматривать французский королевский культ как реализацию сакральной, но не цезарепапистской функции королевской власти. Ведь, согласно Хинкмару, «король — это избранник Божий для исполнения своей власти», и «Господь помазал его в услужение королевству»⁶¹. В результате французский монарх, по верному замечанию Ж. Ле Гоффа, «до и после коронации <...> оставался мирянином» и всего лишь «получал несколько крох от священнического сана»⁶². Так была заложена этическая основа предназначения короля, христианина, воина и судьи, служить своему народу, быть среди подданных, как один из них. Одновременно, благодаря Хинкмару, отпадала необходимость в дискуссиях о необходимости королевской власти: она вошла в общественный порядок провиденциальной волей. И хотя сакральная функция не означала получение королем статуса священнослужителя и автоматически не передавалась по наследству, помазание Святым Елеем придавало монархии исключительно легитимный характер. Согласно с буквой Священного Писания⁶³, Хинкмар пишет: «Человек подчинен высшему закону, и король — не менее остальных, поскольку несет бремя своей избранности <...> когда становится во главе общества <...>, и ему должны оказывать уважение и подчиняться»⁶⁴.

Но это способствовало появлению еще одной грани королевского культа — вознесению молитв о короле. Впервые они вводятся *manu propria* Хинкмаром Реймским. Так, уже *ordo* Карла Лысого открывается молит-

⁶⁰ Или, по выражению Жака Ревеля, «королевской веры» (*le religion royal*). См.: Revel J. La royauté sacrée. Éléments pour un débat // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C. Ingerflom. Paris, 1992. P. 11.

⁶¹ *Hincmarus. De ordine palatii*. S. 520.

⁶² *Le Goff J. Aspects religieux et sacrés*. P. 11.

⁶³ Жертвенные качества светского правителя в их новозаветной, точнее, апостольской концепции Церковь трактует как уподобление Христу. «И от Иисуса Христа, Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных. Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших кровью своею, и соделавшему нас царями...» // Откр. 1, 5—6. Отсюда следует необходимость подчинения властям: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа, царю ли, как верховной власти. Правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, — ибо такова есть воля Божия <...> Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите» // 1 Петр. 2, 13—17; «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело» // Тит. 3, 1.

⁶⁴ *Hincmarus. De ordine palatii*. S. 519.

вами присутствующих на церемонии семи⁶⁵ епископов, самой пространной и одновременно содержательной из которых является молитва самого Хинкмара: «...Пусть Он изольет на тебя дар Своего милосердия и оградит надежной стеной своей защиты...», «...милость Его к тебе пусть будет всемогуща, и да дарует Он тебе Свое прощение и милосердие, избавит от всех напастей и подстерегающих тебя врагов, видимых и невидимых <...>. Пусть добрые ангелы отныне всегда и везде будут с тобой, уберегают, сопровождают и защищают тебя <...> Недруги твои пусть будут умиротворены, вместе благословят, возблагодарят и возлюбят тебя. Пусть будет замешательство в душах тех, кто затаит на тебя обиду и ненависть...»⁶⁶.

В последующий период молитвы о короле не только сохраняются в инаугурационной церемонии, но, с упрочением монархии, с начала XIII в. выйдут за ее рамки и станут произноситься на государевых свадьбах и похоронах, праздничных богослужениях в честь въезда короля в города⁶⁷. Эпоха Столетней войны еще более обогатит это проявление королевского культа, и молитвы станут возносить в честь рождения наследников, в случае их болезни и, тем более, по поводу исцеления самого короля⁶⁸. Свою роль сыграли основанные монархами церкви и монастыри, регулярно служившие благодарственные молебны за своих венценосных благодетелей. Адресатами молитв в итоге выступили и святые покровители обителей, ставшие, как уже упоминалось выше, покровителями династии: Св. Реми и Св. Дени, а также Св. Мартина и Св. Михаила⁶⁹.

⁶⁵ «Адвентий из Меца (*Adventius episcopus Mettensis*), Хатто из Вердена (*Hatto Viridunensis*), Арнульф из Тура (*Arnulfus Tullensis*), Франко из Лангра (*Franco Tungrensis*), Хинкмар из Лана (*Hincmarus Laudunensis*), Одо из Бовэ (*Odo Bellocensis*)» // *Ordo Coronationis Karoli II*. S. 456.

⁶⁶ *Ibid.*

⁶⁷ Об упомянутых церемониях королевского двора и роли молитв о монархе в их протоколах см.: *Duby G., Forster E. Medieval Marriage: Two Models from Twelfth Century France* / Trans. by E. Foster. Baltimore, 1971 (reed.: 1991); *Giesey R.E. Royal Funeral Ceremony in Renaissance France* // *Travaux de l'Humanisme et Renaissance*. Genève, 1960. № 37; *Bryant L.M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance*. Geneve, 1986; *Prus L. Histoire des reines de France: depuis Clotilde, femme de Clovis, premier roi des France, jusqu'à nos jours: 2 Vol.* Paris, 1846; *Volkman J.-Ch. Bien connaître les généalogies des rois de France*. Paris, 1996.

⁶⁸ Так, каждый приступ безумия Карла VI приводил в парижские церкви массу прихожан, о чем пишут многие хронисты, в том числе королевский советник и адвокат, а в будущем — пэр Франции и архиепископ Реймский Жан Жувеналь дез Юрсен. См.: *Jouvenel des Ursins Jean. Histoire de Charles VI, roy de France, et des choses mémorables advenues durant quarante-deux années de son règne: depuis 1380 jusqu'à 1422* / Publ. par M.M. Michaud: 2 vol. Paris, 1836. Vol. II. P. 248—250.

⁶⁹ Это отразилось даже на территориальном расположении аббатств в районе Иль-де-Франс, когда, по замечанию К. Бон, «...король, двор, центральная администрация — все отправлялись молиться между Буржем, Пуатье и бассейном Луары». См.: *Beaune C. Op. cit.* P. 81.

Молитвы за короля стали частью не только государственной, но и церковной пропаганды, объявив их вознесение христианской добродетелью подданных и средством индульгенции. Так, папа Иннокентий IV (1343—1254) в 1247—1249 г. даровал четыре дня отпущения грехов тем, кто хотя бы единожды помолится за находящегося в крестовом походе Людовика IX. На Пасху 1252 г. этот же понтифик повелел доминиканцам провозглашать в своих проповедях уже десятидневную индульгенцию, и подобная традиция сохранится в течение всей средневековой эпохи⁷⁰. Авиньонское пленение пап с их подчиненностью французской короне только усилило данную тенденцию. Климент V (1305—1314) объявил отдельную индульгенцию молящимся не только за здравствующих, но и за усопших королей и членов их семьи, поскольку это облегчает переход душ из Чистилища в Рай: «...Чтобы вы и ваши наследники, короли и королевы, бесконечно пребывали на небесах...»⁷¹. Предшественник же Климента V, Бонифаций VIII (1294—1303), указал на необходимость молитв о продолжении династии и о мире в королевстве. Теперь обращение касалось не только непосредственно короля, а также «дома Франции» и, в конечном итоге, — всей страны. Таким образом, единство монархии и его подданных замкнулось в единую систему, в основе которой находилась неразрывная связь судеб суверена и вверенного ему государства. Это еще более персонифицировало властные prerogatives и, соответственно, усиливало королевский культ⁷².

Таким образом, говоря о значении деятельности Хинкмара Реймского для создания церемонии *le sacre royal*, его трудно переоценить. Прежде всего, заслугой архиепископа является создание основных ритуалов, составляющих церемонию: королевского *promissio*, помазания и коронации, благословения короны и скипетра, двойной евхаристии монарха. Введение *collaudatio* предопределило активное участие светской знати, договорной принцип положил начало серии клятв, пронизывающих це-

⁷⁰ Kemp J.A. A New Concept of the Christian Commonwealth in Innocent IV // Proceedings of the 2nd International Congress of Medieval Canon Law, Boston College, 12—16 August 1963 / Ed. S. Kuttner, J.J. Ryan. Citta del Vaticano, 1965. P. 155—159; Tardif A. Privilèges accordés par le Sainte Siège à la couronne de France. Paris, 1855. P. 12, 16, 30.

⁷¹ Rabanis M. Climent V et Philippe le Bel. Paris, 1858. P. 131.

⁷² С другой стороны, усиливалась и доля ответственности монарха как главы государства. Его политические достижения или поражения не могли не отражаться на его популярности, и молитва за короля выступала для этого достаточно веским эквивалентом. Так, когда еще внушавший надежды Людовик XV в 1744 г. слег с лихорадкой, за его здоровье только в соборе Парижской Богоматери было заказано 6 тыс. месс, однако в январе 1757 г. после покушения Р.-Ф. Дамьена — 600, а перед самой смертью, в мае 1774 г., во всей столице желающих молиться за короля оказалось лишь трое. См.: Gooch G.P. Louis XV: The Monarchy in Decline. L., 2003. P. 244—245.

ремонию, дал основу этической концепции власти христианнейшего короля как ревнителя веры и защитника подданных. Его апелляция к божественному авторитету ветхозаветных пророков, первосвященников и царей, к образу Христа как Царя Небесного, в благословениях и молитвах *ordines* Карла Лысого и Людовика Заики изначально придало светской власти короля весьма высокий сакральный уровень.

Кроме того, архиепископ Реймский положил начало сакральным мифологии и географии французской монархии. Легенда о Святом Сосуде или Святом Елее не только определила место проведения церемонии — Реймский собор, но и основала харизматическое восприятие фигуры короля, избранного и осененного божественной благодатью. Попытки ряда исследователей подвергнуть сомнению заслугу Хинкмара с созданием особой мифологии королевской власти едва ли успешны. Можно констатировать, что даже с учетом компилятивного характера многих составленных им *ordines*, а равно и использования сакрализирующих королевскую власть легенд, Франкское государство осталось в несомненном выигрыше. Окружение института королевской власти сакральным мифологическим ореолом укрепило ее позиции как изнутри, так и перед лицом соседних государств. Легенда о Святом Сосуде выдвинула французских монархов на исключительные позиции: среди европейских держав только они получили основания требовать себе сакральных почестей. Легенда также способствовала торжеству династического принципа наследования на сакральной основе. Хинкмару удалось посредством Святого Сосуда связать крещение Хлодвига с помазанием Пипина Короткого, преемником которого, с свою очередь, исходя из логики легенды, мог стать (и стал в будущем) Гуго Капет. Еще одним результатом мифотворчества Хинкмара Реймского явилась начатая им борьба за привилегию своего архиепископства проводить *le sacre royal*. Ее успешное завершение привело к появлению сакральной географии на карте Франции, первыми объектами которой стали Реймский собор как место проведения церемонии королевского посвящения, и аббатство Сен-Реми как хранилище мощей святого Реми, «апостола Франции» и Святого Сосуда.

С другой стороны, «благодаря», в частности, усилиям Хинкмара, французские короли, а вслед за ними и все западноевропейские монархии, не обрели статуса *rex-sacerdos*, т.к. приоритет духовной власти, несмотря на все усилия по приданию светской власти большей сакральности, оставался для архиепископа Реймского непререкаемым.

Тем не менее, Хинкмар не поставил точку в создании формы и содержания *le sacre royal*. Ей предстояло развиваться на предложенном им фундаменте в более сложную и, одновременно, стройную систему.

Глава IV

Аббатство Сен-Дени:
средоточие
le religion royal

Дары, инсигнии и мощи Людовика IX Святого в сокровищнице аббатства Сен-Дени (по материалам описей)

Основанное около 625 г. бенедиктинское аббатство Сен-Дени — один наиболее значимых памятников французской готики, после правления Гуго Капета — официальный королевский некрополь (здесь похоронены все монархи, начиная с Хлодвига I до Людовика XVIII, за исключением троих; прочие монаршие и знатные особы; выдающиеся люди королевства: всего 25 королей и 10 королей Франции, 84 принца и принцессы, и 10 подданных короны, заслуживших эту честь вне зависимости от происхождения), место хранения королевских регалий и прочих ценностей. Аккумуляция последних привела к постепенному формированию собрания артефактов короны практически на всем протяжении ее существования. Сложившаяся в итоге сокровищница первоначально размещалась в базилике аббатства, но впоследствии занимала все большие площади. Это потребовало внесения ценностей в картулярии аббатства, традиционно фиксирующие пожертвования, дары и поступающие на хранение вещи и денежные средства. Однако с одной существенной особенностью: значительное место в них занимали королевские инсигнии, украшения и одежды, используемые для инаугурации французских монархов — т.н. церемонии королевского посвящения (*le sacre royal*), к началу правления династии Капетингов уже постоянно имевшей место в Реймском соборе (для чего из расположенного неподалеку от Парижа Сен-Дени перечисленные знаки власти нужно было везти в столицу Шампани). Что касается королей, то их инаугурация проходила в церкви самого аббатства, что только повышало его престиж как главного монастыря Франции.

Уже в эпоху аббата Сугерия¹ — время расцвета обители — начинают составляться более специализированные картулярии, концентрирующиеся на описаниях постоянно пополняющихся фондов сокровищницы, в итоге чего, начиная с последних десятилетий XIII в., возникают ее реестры, сравнительное изучение содержания которых позволяет проследить динамику появления ценностей на протяжении достаточно долгого времени — от эпохи Людовика IX до событий Великой Фран-

¹ Сугерий (1081—1151), с 1122 г. — аббат Сен-Дени, советник французских королей Людовика VI и Людовика VII. Он подверг аббатство полной перестройке, став, тем самым, основателем готического стиля в архитектуре. См.: *Panofsky E. Abbot Suger*. Princeton, 1946. Пополнил сокровищницу целым рядом экспонатов, среди которых — знаменитые артефакты, известные как «орел Сугерия» и «склянки Сугерия».

цузской буржуазной революции, как известно, национализировавшей (по сути, уничтожившей) большинство реликвий сокровищницы и надругавшейся над королевским некрополем². Отметим, что едва ли в меньшей степени аббатство пострадало в эпоху Религиозных войн, когда 10 ноября 1567 г. вблизи развернулось ожесточенное сражение между католиками и гугенотами (именно здесь был убит союзник Гизов герцог Анн де Монморанси), оно подверглось тотальному грабежу со стороны последних³, что привело к необходимости взять обитель под охрану короны и реконструировать ценности ее сокровищницы.

С этой целью монахами-эрудитами стали составляться регулярные описи, ставшие в начале XVII в. печатными, среди которых следует выделить более ранние — францисканца Ж. Дубле 1625 г.⁴, доминиканца Ж. Милле 1646 г.⁵, аноним 1659 г.⁶ и самый объемный (536 страниц рукописи, хранящейся в Национальном архиве и опубликованной искусствоведами Лувра Д. Габори-Шопен и Б. де Монтеску-Фезензаком в 1977 г.) перечень 1634 г.⁷, публикации 1662 и 1666 гг.⁸, 1683 и 1692 гг.⁹, практически повторяющие содержание издания 1666 г., которое может оцениваться как образцовое. К числу более поздних, относящихся уже к эпохе Старого Порядка, относится реестр 1776 г.¹⁰, а завершают этот перечень описи комиссии генерала

² *Souchal Fr. Le Vandalisme de la Révolution. Paris, 1993.*

³ *Le Gall J.-M. Le mythe de Saint Denis: entre Renaissance et Révolution. Paris, 2007.*

⁴ *Doublet J., fra. Histoire de l'abbaye de St. Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les Fondations, Prérrogatives et Privilèges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des roys, reynes, enfans de France, & autres signalez personnages qui s'y treunnent iusques à present. Le tout recueille de plusieurs histoires. bulles des papes, chartees des roys, princes, autres documens authentiques. Paris, 1625.*

⁵ *Millet G. dom. Le Trésor sacré, ou Inventaire des saintes reliques et autres précieux joyaux qui se voient en l'église et au trésor de l'abbaye royale de Saint-Denis en France: ensemble les tombeaux des rois et reines en sépulturés en icelle depuis le roy Dagobert, insques au roy Louys le Iuste. Avec un abrégé des choses plus notables arrivées durant leurs règnes. Paris, 1646.*

⁶ *Abbrégé de l'Inventaire du Thresor de S. Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant. Les quelles on montre en chaque Armoire, pour la satisfaction des personnes curieuses. Paris, 1659.*

⁷ *Inventaire de 1634 / Éd. B. de Montesquiou-Fezensac, D. Gaborit-Chopin // Le trésor de Saint-Denis. Paris, 1977. T. 1. P. 47—330.*

⁸ *Abbrégé de l'inventaire du thresor de St Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant: lesquelles on montre en chaque armoire, pour la satisfation des personne curieuses. Paris, 1662. Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont declares brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir. Paris, 1666.*

⁹ *Inventaire du trésor de St. Denys: ou sont déclarées brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des armoires dans lesquelles on les fait voir. Paris, 1683. Inventaire du trésor de Saint-Denis où sont déclarées brièvement toutes les pièces, suivant l'ordre des armoires dans lesquelles on les fait voir. Paris, 1692.*

¹⁰ *Le Trésor de l'abbaye royale de S. Denis en France; qui comprend les Corps Saints et autres Reliques précieuses qui se voyent tant dans l'Eglise, que dans la Salle du Trésor. Paris, 1776.*

Моннэ 1793—1794 гг., работавшей в аббатстве по распоряжению Конвента для национализации ее ценностей¹¹, и лондонское издание 1795 г.¹²

Все они фиксируют содержимое шкафов (*les armoires*) сокровищницы, количество и состав которых менялось с течением времени. Так, в 1567 г. они были полностью заменены (равно как и в библиотеке аббатства)¹³, поскольку до этого их имелось только два, изготовленных по приказу аббата Жилия де Понтуаза из позолоченного серебра, но уже не вмещавших в себя все ценности¹⁴. С 1568 г. *les armoires* дифференцировали в зависимости от содержимого на две группы: в первом шкафу хранились королевские регалии для инаугурационных, похоронных и ряда придворных церемоний (они никогда не выставлялись публично, вывозились для отправления ритуалов и вновь возвращались в аббатство); во втором размещались реликварии с мощами святых, прочие разнообразные предметы культа, восковые фигуры усопших королей, а также произведения декоративно-прикладного искусства (от античных до современных своей эпохе), которые в большинстве случаев являлись подарками, хотя иногда могли быть и куплены или обменены. В отличие от первых, в случаях королевских похорон, дат рождения, тезоименитства, смерти монархов, членов их семей и аббатов обители или главных христианских празднеств, вкупе с важными для аббатства датами поминовения, например, патрона аббатства Святого Дионисия, эти артефакты и реликвии выставлялись в базилике, но с наступлением ночи их возвращали в сокровищницу¹⁵. Дабы оградить их от любопытства публики, *les armoires* отгораживались перилами на расстоянии около полутора метров.

Однако при всем многообразии ценностей, сокровищница располагала особым ассортиментом артефактов, наиболее важных для короны. Не самую последнюю роль в формировании этой части коллекции сыграла деятельность Людовика IX Святого, обогатившего ее дарами и пожертвованиями христианских ценностей, вывезенных им из Седьмого (1248—1254 гг.) и Восьмого (1270 г.) крестовых походов¹⁶. В первую

¹¹ Commission générale des Monnais // Le trésor de Saint-Denis. Paris, 1975. Vol. 2. Document divers. P. 8—372.

¹² A history and description of the Royal Abbaye of saint Denis with an account of the tombs of the Kings and Queens of France and other celebrated persons interred there: also of the many splendid decorations, pieces of of curious workmanship and <...> of this celebrated abbaye: with explanatory remarks; and a series of historical anecdotes, relative to the kings of France, from the reign of Dagobert: extracted from the records of Saint Denis. London, 1795.

¹³ D'Ayzac F. Histoire de l'abbaye de Saint-Denis en France: 2 vol. Paris, 1961. Vol. 2. P. 198

¹⁴ Ibid. P. 240.

¹⁵ Ibid. P. 270—271.

¹⁶ Bozóky E. La politique des reliques de Constantin à Saint Louis: protection collective et légitimation du pouvoir. Paris, 2007. P. 41—42, 103, 253, 239, 244, 252.

очередь — это реликвии, связанные со Страстями Христа: Терновый венец Спасителя, части Креста Господня, т.н. копье Лонгина (первые два артефакта хранятся ныне в соборе Парижской Богоматери, на наличие третьего претендуют одновременно несколько собраний) и т.д. Первоначальным местом их хранения выступила построенная в течение 1242—1248 гг. Пьером де Монтреем на острове Ситэ, на территории королевского двора Консьержери, готическая часовня Сен-Шапель¹⁷. Поскольку она содержала значительное количество святых мощей и прочих ценностей, то получила статус часовни-реликвария, сыграв достаточно важную роль в повышении авторитета королевской власти¹⁸. Перемещение реликвий в Сен-Дени связывается с именем Жанны д'Эврэ¹⁹, которая, как указывает опись 1666 г., «...отдала в обмен на голову Святого Людовика, ибо она взяла эти сокровища, чтобы перенести их из Сен-Шапель, — истинный Крест, шип из венца Господа Нашего, наверхие, кое было на Его Кресте, саван (Иисуса Христа. — С.П.), молоко святой Девы, покров с головы Св. Иоанна и т.д.»²⁰.

Таким путем они оказались в сокровищнице аббатства, и реестры, помещая их в первый шкаф, содержат следующее описание: «Прекрасный золотой реликварий, в котором находится деревянное распятие из истинного Креста Господа Нашего, собственноручно врученное папой Климентом III²¹ Филиппу Августу²², который передал его во славу мученичества Св. Дионисия²³. Распоряжением того же Филиппа Августа великий реликварий был отделан золотом, покрыт снаружи бесчисленными

¹⁷ *Grodecki L. Sainte-Chapelle. Paris, 1979.*

¹⁸ *Gebelin F. La Sainte-Chapelle et la Conciergerie. 3-d éd. Paris, 1943.*

¹⁹ Жанна д'Эврэ (1310—1371, коронация 11 мая 1326 г.) — королева Франции (до 1 февраля 1328 г.), супруга и впоследствии вдова Карла IV Красивого. См.: *Morand S.-J. Histoire de la ste-chapelle royale du palais, enrichie de planches. Paris, 1790; Lord C. Jeanne d'Evreux as a founder of Chapels. Patronage and Public Piety // Women and Art in Early Modern Europe: Patrons, Collectors, and Connoisseurs / Ed. by C. Lawrence. Pennsylvania, 1992. P. 21—36.*

²⁰ *Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 5.*

²¹ Климент III (1105/1110—1191, понтификат с 19 декабря 1197 г.).

²² Филипп II Август (1165—1123, коронация 1 ноября 1179 г.) — король Франции, один из первых начавший политику по централизации страны и усилению постарших полномочий короны.

²³ Святой Дионисий Ареопагит (?—96) — ученик апостола Павла и первый епископ Афин. Благодаря версии Хилдуина, аббата Сен-Дени (IX в.) спорно отождествляется с Дионисием, епископом Парижским (?—250/258), поскольку, согласно агнографии, вместе с пресвитером Рустиком и дьяконом Елевферием отправляется в Лютецию Галлийскую (Париж), где все они были схвачены и обезглавлены на г. Монмартр. Житие сообщает, что Дионисий с головой в руках прошел до места, где была построена церковь, вручил голову благочестивой женщине Катулле и только тогда пал замертво. На месте его захоронения и обосновалось будущее аббатство Сен-Дени. См.: *Beaune C. Naissance de France. Paris, 1985. P. 85—86.*

драгоценными камнями; остальное (т.е. изнутри. — С.П.) — позолоченным серебром. Там (т.е. в реликварии. — С.П.) есть еще тридцать четыре реликвии: названный истинный крест; Шип с (тернового. — С.П.) венца Господа Нашего; губка с желчью; одежды (распятого Христа, т.е. багряница. — С.П.); маленький фиал²⁴, наполненный Кровью и Водой, которая окрасила их (одежды Христа. — С.П.) с одной стороны; мирра, которую волхвы поднесли Ему в Вифлееме»²⁵. Что касается венца, хранящегося в настоящее время в Соборе Парижской Богоматери, то вместе с одеяниями Христа (багряницей) он упоминается практически во всех канонических Евангелиях: «...И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» (Мф. 27:29); «...и одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него» (Мк. 15:17); «И воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу» (Ин. 19:2). «...Губка с желчью...» — точнее, со смесью уксуса и желчи, согласно Евангелиям, была предложена распятому Иисусу Христу римским солдатом для облегчения страданий: «...И дали ему пить уксуса, смешанного с желчью; и отведав, не хотел пить» (Мф. 27:34). Фиал с кровью Христа, смешанной с водой от места подреберья, которое пронзила пика римского солдата («Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Ин.19:34)), согласно одному из апокрифов, «Евангелию от Никодима», сотника по имени Лонгин («И взял сотник Лонгин копье, и пронзил ребра Его, и истекли из ребер Его кровь и вода». (Ник. 10:1)»²⁶. Упоминаемая же мирна, т.е. смирна²⁷, была вручена волхвами Христу в честь его Рождества: «...И войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2:12). Все эти хрестоматийные для христианского сознания артефакты представляли собой реликвии, значимость которых невозможно было переоценить, что только возвышало статус французских монархов. Таковым, по сути, являлся вклад Людовика IX. Ревностный христианин, рыцарь, крестоносец, монарх-реформатор, он много сделал для укрепления королевской культа, в том числе посредством приобретения драгоценных артефактов.

Наряду с вывезенными из крестовых походов реликвиями, реестры описывают и драгоценные пожертвования короля в сокровищницу аббат-

²⁴ Фиал (греч. *phiale* — чаша, кубок) — плоская и широкая чаша с узким горлом.

²⁵ Ibid. P. 4.

²⁶ Поэтому указанная пика получила название «копье Лонгина/копье судьбы», ставшись одной из важнейших реликвий Христианства.

²⁷ Смирна — камедистая древесная смола африканского или аравийского происхождения.

ства. Среди них, например, «Прекрасная серебряная рака, которая является моделью Сен-Шапель в Париже; она заполнена святыми мощами; среди них — семерых апостолов. Это пожертвование Людовика IX, короля Франции церкви Сен-Дени»²⁸; «Маленький реликварий в виде руки из позолоченного серебра, в котором находится кость Св. Дионисия Ареопагита, его Св. Людовик привел из своих странствий»²⁹; «Большой кусок горного хрусталя, на котором высечено распятие с образами Святой Девы и Св. Иоанна; в толще которого находятся королевские одежды Людовика Святого. Этот хрусталь вправлен в золото, украшен прекрасным жемчугом»³⁰.

Королевские одежды, т.е. используемые для проведения инаугурационной церемонии, открывают серию инсигний Людовика IX, в который входят регалии (*les royales regalia*): корона, коронационное кольцо, меч и «рука Правосудия», и королевские украшения (*les ornements royales*): одеяния (кота (камзол), шосссы, далматика, мантия, сапоги или туфли), аграф, шпоры и т.п. Не случайно, что в коронационных ординариях, составленных именно в правление святого короля, впервые приведен их полный комплект³¹, центральное место в котором отведено короне-реликварию, получившей имя своего донатора — Святой венец: «Корона того же Св. Людовика из цельного золота, украшенная очень крупными жемчужинами, между которыми один рубин, стоимостью в сто тысяч эку, в который Св. Людовик вправил шип из венца Господа Нашего»³². Дело в том, что Людовик IX являлся обладателем нескольких корон. Одна из них, описываемая выполненной в виде обода «...с тремя зубцами в форме цветов лилии...»³³, до настоящего времени не сохранилась, будучи национализированной, как уже указывалось выше, для нужд Революции. Известна ее копия 1711 г., сделанная по заказу Франсуа Роже де Геньера³⁴, к сожалению, дошедшая до нас только в виде рисунков, ныне хранящихся в Кабинете рукописей Французской национальной библиотеки. Вторая, т.е.

²⁸ Ibid. P. 10.

²⁹ Ibid. P. 11.

³⁰ Ibid.

³¹ Ordo of Reims // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. 2 vols. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 291—305; French Translations of Ordo of Reims (ca. 1300—1320, 1512) // Ibid. P. 306—340; Ordo of 1250 (1240—1250) // Ibid. P. 341—366; Last Capetien ordo (ca. 1250—1270) // Ibid. P. 267—418; French Translation of Last Capetien ordo ca. 1350, 1555—1566 // Ibid. P. 419—453.

³² Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 10.

³³ Inventaire de 1634. P. 107.

³⁴ Франсуа Роже де Геньер/François Roger de Gaignières (1642—1715) — французский генеалог, антиквар и коллекционер. См.: Catalogue de l'exposition à la Bibliothèque nationale // La France monumentale vers 1700 d'après les dessins de la collection Gaignières. Paris, 1964.

корона-реликварий, датируется XIII в. и выставлена в Лувре³⁵. Согласно повествованиям хронистов, Святой венец (наряду с прочими артефактами Страстей Христовых) был привезен во Францию братом короля Робером д'Артуа в 1239 г. и встречен Людовиком, облаченным во власяницу в знак смирения и благоговения в духе *imitatio Dei*, с целью дальнейшего препровождения в аббатство Св. Петра, собор Санлиса, а затем — в Париж³⁶.

Следующая из регалий, вошедших в описи аббатства, — это коронационное кольцо. Надеваемое на безымянный палец левой руки, оно служило монарху всю его последующую жизнь, будучи одновременно и печатью для сигнатуры бумаг, заверение которых занимало столь много места в практике *le métier de roi*. Этой же функции служило и «кольцо того же Св. Людовика с одним ограненным сапфиром, на котором выгравировано его имя, с характерными “S” и “L”, что означает “печать Людовика” (*sigillum Ludovici*), поскольку она использовалась для запечатывания грамот (*des lettres*)»³⁷. Инвентарная книга 1634 г. уточняет, что обод кольца «...усеян золотыми цветами лилии...», и повторяет: он «...увенчан сапфиром, на котором выгравирован его (Людовика Святого. — С.П.) образ с двумя буквами S. L., т.е. *sigillum Ludovici*. Основа частично серебряная, отлитая в Сен-Дени. На одной стороне надпись *Karolus* (т.е. «Карл Великий», что символизирует связь двух династий. — С.П.) с монограммой, на другой — *Gratia Dei rex* (т.е. «король милостью Божьей. — С.П.). И на следующей — *Sancti Dionisii m.* (т.е. «Святой Денисий мученик», что фиксирует его небесное покровительство монархии и всему королевству. — С.П.)»³⁸. Отметим, что описываемое кольцо в настоящее время хранится в Лувре, но при этом датируется XIV в., т.е. столетием позже времени правления Людовика IX³⁹.

Поскольку коронационным мечом французских монархов являлся *Joyeuse* Карла Великого (датируемый от IX в. и до XIX в., включая последние изменения, он хранится в Лувре), постольку описи упоминают рыцарский «меч, с которым Св. Людовик отправлялся в свое первое странствие в Святую Землю»⁴⁰, а наряду с ним — «чашу из дерева тамарис, из которой Св. Людовик пил, дабы охранить себя от чумы (*le mal de ratte*)».

³⁵ Режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/la_bnf/bnf_en_chiffres/s.chiffres_collections.html?first_Art=oui (Дата обращения: 7.04.2016).

³⁶ *Wally N. de. Récit du treizième siècle sur les translations faites en 1329 et en 1241 des saintes reliques de la Passion // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1878. № 39. P. 412.*

³⁷ *Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 10—11.*

³⁸ *Inventaire de 1634. P. 154.*

³⁹ Режим доступа: http://www.insecula.com/PhotosNew/00/00/02/17/ME0000021787_3.JPG (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴⁰ *Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 11.*

Иной ракурс королевским регалиям придает введенная в его правление т.н. «рука (длань) Правосудия» (*le main de Justice*) — производный от скипетра знак власти в виде помещенной на жезл кисти руки, пальцы которой сложены в клятвенном жесте⁴¹, что как нельзя лучше отвечало сути предпринятой святым королем судебной реформы, концентрирующей функцию отправления легитимного решения курии на фигуре монарха или его представителей. В данном случае «рука Правосудия Людовика Святого (выполнена. — С.П.) <...> из позолоченного серебра»⁴² и традиционно символизирует мощь и справедливость королевского суда.

Королевские украшения представлены застежкой для коронационной мантии — аграфом, «...он из позолоченного серебра и эмали, украшен очень красивым жемчугом»⁴³, и королевскими одеждами — упомянутой мантией, камзолом и туфлями: «№335. Большая королевская мантия фиолетового бархата, вышитая золотыми цветами лилии, подбитая белой тафтой с опушкой из белого горноста. №336. Камзол из фиолетового блестящего шелка, вышитого золотыми цветами лилии. №337. Пара туфель из фиолетового шелка, вышитого золотыми цветами лилии»⁴⁴.

Кроме даров и инсигний, Людовик IX пополнил сокровищницу Сен-Дени самым непосредственным образом. Причисленный в 1297 г. папой Бонифацием VIII к лику святых (второй из французских королей после Дагоберта)⁴⁵, он смог и после смерти послужить своему королевству — теперь уже в качестве объекта поклонения. Останки Людовика были извлечены из его усыпальницы, часть их заключена в раку

⁴¹ Pinoteau H. La main de justice des rois de France, essai explication // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1977—1978—1979. Paris, 1982. P. 262—274; Цатурова С.К. Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Тез. докл. М., 2004. С. 102—106; Польская С.А. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии (IX—XV вв.) // Cogito. Альманах истории идей / Отв. ред. А.В. Корневский. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 5. С. 181—202.

⁴² Inventaire de 1634. P. 76; Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 11.

⁴³ Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 11.

⁴⁴ Inventaire de 1634. P. 247.

⁴⁵ Bulle du pape Boniface VIII qui canonise Louis IX, roi des Français, et institue sa fête au 25 aout de chaque année. 3 des ides d'aout 1297 // Recueil général des anciennes lois françaises: depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789; contenant la notice des principaux monumens des Mérovingiens, des Carlovingiens et des Capétiens, et le texte des ordonnances, édits, déclarations, lettres-patentes, réglemens, arrêts du Conseil, etc., de la troisième race, qui ne sont pas abrogés, ou qui peuvent servir, soit à l'interprétation, soit à l'histoire du droit public et privé, avec notes de concordance, table chronologique et table générale analytique et alphabétique des matières / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy: 29 vol. Paris, 1822. Vol. 2. P. 714—717.

и 25 августа 1298 г. помещена за главным алтарем Сен-Дени. Прочие мощи раздавались потомками как ценные дары⁴⁶. В итоге внук святого короля Филипп IV Красивый попытался перенести главу деда из Сен-Дени в Сен-Шапель. Это стало возможным только после смерти Бонифация VIII и начала понтификата Климента V в ноябре 1305 г., когда прибывший в Лион Филипп IV получил согласие нового папы на указанное перемещение, но с условием, что в аббатстве останутся подбородок, зубы и нижняя челюсть. Подобная «уступка» вызвала недовольство монахов аббатства, но уже в мае 1306 г. голова и, возможно, сердце Людовика Святого и часть прочих мощей были перенесены из Сен-Дени в Париж, череп же — выставлен в Сен-Шапель, ребро — в Соборе Парижской Богоматери⁴⁷. Аббатство, лишившись прежнего реликвария, заказало новый, в котором и остались указанные части мощей, описанные в реестре 1666 г. с целой серией уточнений внешнего вида раки: «Прекрасный реликварий из позолоченного серебра, со стеклом, за которым полностью видна нижняя челюсть Св. Людовика, короля Франции, поддерживаемая двумя фигурами королей, также из позолоченного серебра, с золотыми коронами, первая представляет Филиппа Смелого⁴⁸, его сына, а вторая — Филиппа Красивого⁴⁹, его внука»⁵⁰. Ниже уточняется то обстоятельство, что аббатство располагало ракой с мощами еще одного святого Людовика: «Этот реликварий был передан Жилью де Понтуазу, аббату Сен-Дени⁵¹, который располагал основанием другого реликвария, в коем находилась кость Св. Людовика, архиепископа Тулузского, младшего племянника короля Св. Людовика»⁵²,⁵³. Наконец, в шестом шкафу реестр обнаруживает прекрасную фигуру из

⁴⁶ *Tamizey de Larroque Ph. Les Reliques de saint Louis à La Montjoie. Paris, 1894; Leroy G. Les reliques de Saint Louis dans Seine-en-Marne. Paris, 1889.*

⁴⁷ *Leroy G. Op. cit. P. 1087—1112.* Это не остановило расчленение мощей, части которых рассеялись по церквям и монастырям Западной Европы и коллекциям частных лиц. См. подробнее: *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В. Матузовой; предисл. М.Ю. Парамоновой; комм. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 238—239, 241; Гарро А. Людовик Святой и его королевство / Пер с фр. Г.Ф. Цыбулько, предисл. Ю.П. Малинина. СПб., 2002.*

⁴⁸ Филипп III Смелый (1245—1285, коронация 15 августа 1271 г.) — король Франции, второй сын Людовика IX Святого.

⁴⁹ Филипп IV Красивый (1268—1314, коронация 6 января 1286 г.) — король Франции, успешно продолживший политику деда и отца по централизации королевства и усиления прерогатив монархии.

⁵⁰ *Inventaire du Tresor de Saint Denis. P. 10.*

⁵¹ Жиль де Понтуаз — аббат Сен-Дени в 1304—1326 гг.

⁵² Святой Людовик Тулузский/Анжуйский (1274—1297) — правнучатый племянник Людовика IX; с 1297 г. — епископ Тулузы, канонизированный Римской Католической Церковью в 1317 г.

⁵³ *Ibid.*

позолоченного серебра, украшенную эмалью и великолепным жемчугом, в которой находится тело Св. Людовика, короля Франции»⁵⁴; данное упоминание позволяет сделать вывод о существовании еще одной раки с мощами святого короля.

В итоге Людовик IX выступает как активный донатор, пополнивший сокровищницу аббатства выдающимися реликвиями Христианства; как монарх, чье правление ознаменовано складыванием полного комплекса королевских регалий, украшений и одежд, аналогично хранящихся в обители; как святой патрон, чьи останки, рассредоточенные из аббатства по прочим церквям, монастырям и собраниям светских лиц внутри королевства, так и за его пределами. Таким образом, правление Людовика IX знаменует укрепление политической роли и властных полномочий не только династии Капетингов, но и всей французской монархии в целом.

⁵⁴ Ibid. P. 15.

Опись сокровищницы аббатства Сен-Дени 1666 г.

Бенедиктинское аббатство Сен-Дени, известное как королевский некрополь, является одним из самых знаменитых памятников Иль-де-Франс. Не ставя своей целью изложение его истории, что явилось бы отдельной задачей для исследователей, предлагаемая вниманию читателей публикация — комментированный перевод одного из реестров сокровищницы аббатства, представляющей собой значительную коллекцию артефактов, собираемых французской короной на протяжении практически всей ее истории. Тенденция к составлению описей постоянно пополняющегося хранилища сформировалась постепенно, начиная с последних десятилетий XIII в., когда общие картулярии аббатства преобразуются в реестры его сокровищницы, аккумулирующей в своих шкафах (*les armoires*) королевские регалии для инаугурационных и похоронных церемоний, дары и пожертвования, приобретения наиболее могущественных и предприимчивых аббатов. В итоге сложился отдельный архив, продолженный в эпоху абсолютизма уже в форме ранних печатных изданий.

Наиболее подробной считается инвентарная книга 1634 г., изданная искусствоведами Лувра Д. Габори-Шопен и Б. де Монтеску-Фезензаком в 1977 г.¹ Она, действительно, представляет собой значительное по объему собрание², однако краткие описания вызывают не меньший интерес. Среди них — более ранние описи францисканца Ж. Дубле 1625 г.³, доминиканца Ж. Милле 1646 г.⁴, аноним 1659 г.⁵ и т.д. Настоящая публикация является комментированным переводом описи 1666 г., со-

¹ Inventaire de 1634 // Le Trésor de Saint-Denis / Éd. de B. de Montesquiou-Fezensac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1973. Vol. 1. Inventaire de 1634. P. 47—330.

² Источниковедческую оценку см. подробнее: *Gauthier M.-M. Cahiers de civilisation médiévale // Année. 1975. Vol. 18. № 18—70. P. 149—156.*

³ *Doublet J., fra. Histoire de l'abbaye de St Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les Fondations, Prérrogatives et Privilèges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des roys, reynes, enfans de France, & autres sifnalez personnages qui s'y treunent iusques à present. Le tout recueille de plusieurs histoires. bulles des papes, chartees des roys, princes, autres documens authentiques. Paris, 1625.*

⁴ *Millet G., dom. Le Trésor sacré, ou Inventaire des saintes reliques et autres précieux joyaux qui se voient en l'église et au trésor de l'abbaye royale de Saint-Denis en France: ensemble les tombeaux des rois et reines en sépulturés en icelle depuis le roy Dagobert, insques au roy Louys le Iuste. Avec un abrégé des choses plus notables arrivées durant leurs règnes. Paris, 1646.*

⁵ *Abbrégé de l'Inventaire du Thresor de S. Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant. Les quelles on montre en chaque Armoire, pour la satisfaction des personnes curieuses. Paris, 1659.*

ставленной неизвестным автором, по всей видимости, монахом-эрудитом, имевшим доступ к фондам сокровищницы. Она является отнюдь не последней, поскольку в следующем, XVIII в., описи будут выходить из печати (например, издание 1776 г.⁶) вплоть до Великой французской буржуазной революции, национализировавшей (иными словами, уничтожившей⁷) большинство реликвий сокровищницы и надругавшейся над королевским некрополем⁸. Попытки собрать воедино оставшееся, и если не вернуть в аббатство, то распределить по музейным фондам, были предприняты в XIX в., итогом чего явились новые публикации реестров, ставшие уже достоянием позитивистов⁹.

К числу особенностей настоящей описи следует отнести ее краткость и выборочность, исключившие наиболее знаменитые экспонаты сокровищницы: например, т.н. «кубок Птолемея», «камею Клавдия», «камею Тиберия», «кольцо Арнегунды», вазу «Алиеноры» (*Vase de cristal d'Aliénor*), «вазу Людовика» (*Louisrock-crystal*), скипетр и «длань Правосудия» Карла V и т.д. Трудно сказать, чем вызвано подобное умолчание, возможно, — общеизвестностью артефактов или их особенной ценностью. Однако характер имеющихся описаний, при всей их краткости, достаточно точен, поскольку подтверждается как более поздними реестрами, так и непосредственными экспонатами, в основном, Лувра и Французской Национальной библиотеки. Еще одна объективная сложность вызвана стилем изложения, который сохранен при переводе, при этом имена святых, указанные в оригинале на французский манер, приведены в общецерковной латинской или греческой редакции, за исключением наименования церкви и аббатства Сен-Дени, в случае с которым сохранена французская редакция имени святого Дионисия.

⁶ Le Trésor de l'abbaye royale de S. Denis en France; qui comprend les Corps Saints et autres Reliques précieuses qui se voyent tant dans l'Eglise, que dans la Salle du Trésor. Paris, 1776.

⁷ Сохранились описи генерала Моннэ 1793—1794 гг., работавшего в аббатстве по приказу Конвента с целью национализации его имущества. Это особенно ценно, поскольку, зачастую, мы имеем дело с самыми поздними описаниями реликвий, уничтоженных революцией. См.: *État des pierreries provenant du trésor de Saint-Denis suivant l'ordre d'ouverture des caisses et la date des procès-verbaux de la Commission générale des Monnais // Le trésor de Saint-Denis*. Paris, 1975. Vol. 2. Document divers. P. 8—372. В свет выходили и зарубежные издания, например, лондонское 1795 г. (см. ссылку 31 настоящего параграфа).

⁸ См. подробнее: *Le Gall J.-M. Le mythe de Saint Denis: Entre Renaissance et Révolution*. Paris, 2007; *Souchal Fr. Le Vandalisme de la Révolution*. Paris, 1993.

⁹ Например, Ф. Д'Эйзака и барона Ф. де Гилерми: *D'Ayzac F. Histoire de l'abbaye de Saint-Denis en France: 2 vol.* Paris, 1961. Vol. 2; *Guilhermy F. de. L'Abbaye de Saint-Denis Tombeaux et figures historiques des rois et figure historiques des rois de France*. Paris, 1891.

Приложение

ОПИСЬ СОКРОВИЩНИЦЫ СЕН-ДЕНИ, ГДЕ КРАТКО ОПИСАНЫ
ВСЕ ЕЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ, ПОСЛЕДУЮЩИЙ ПОРЯДОК ШКАФОВ,
В КОТОРЫХ ИХ МОЖНО УВИДЕТЬ
(INVENTAIRE DU TRESOR DE SAINT DENIS OÙ SONT DECLARES
BRIEVEMENT TOUTES LES PIECES, SUIVANT L'ORDRE DES AR-
MOIRES DANS LES QUELLES ON LES FAIT VOIR)¹⁰

Сначала в первом шкафу, вблизи от входа в сокровищницу

Большой и ценный массивный золотой крест, весь покрытый рубинами, сапфирами и изумрудами, а также весь окруженный множеством прекрасных восточных жемчужин. Богато отделано даже в центре распятия, которое до середины длины деревянное и являет собой истинный крест¹¹. Эта реликвия была передана в 1203 г. Филиппу Августу, королю Франции¹², Балдуином, императором Востока¹³, а затем предан в церковь Св. Дени тем же Филиппом Августом.

Прекрасный золотой реликварий, в котором находится деревянное распятие из истинного Креста Господа Нашего, собственноручно врученное папой Климентом III¹⁴ Филиппу Августу, который передал его во славу мученичества Св. Дионисия¹⁵.

Распоряжением того же Филиппа Августа великий реликварий был отделан золотом, покрыт снаружи бесчисленными драгоценными камнями; остальное (т.е. изнутри. — С.П.) — позолоченным серебром. Там (т.е. в реликварию. — С.П.) есть еще тридцать четыре реликвии: названный истинный крест; Шип с (тернового. — С.П.) венца Господа Нашего¹⁶; губка с

¹⁰ Перевод выполнен по изданию: Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont declares brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir. Paris, 1666.

¹¹ Т.е. часть Креста Господня.

¹² Филипп II Август (1165—1123, коронация 1 ноября 1179 г.) — французский монарх, участвовал в Третьем крестовом походе 1189—1192 гг., во внутренней политике известен как один из первых монархов, начавший политику по централизации страны и, соответственно, усилению королевской власти.

¹³ Балдуин I Фландрский (1171—1205), граф Эно и Фландрии, император Бодуэн IX Константинопольский (1171—1205), император Латинской империи (1204—1295).

¹⁴ Климент III (1105/1110—1191, понтификат с 19 декабря 1197 г.).

¹⁵ Комментарий о Св. Дионисии, давшем место и имя аббатству, см. ниже.

¹⁶ Вместе с одеяниями Христа (багряницей) упоминается практически во всех канонических Евангелиях: «...И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский!» // Мф. 27:29; «...и одели Его в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили на Него» // Мк. 15:17; «и воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу» // Ин. 19:2.

желчью¹⁷; одежды (распятого Христа, т.е. багряница. — С.П.); маленький фиал¹⁸, наполненный Кровью и Водой, которая окрасила их (одежды Христа. — С.П.) с одной стороны¹⁹; мирра, которую волхвы поднесли Ему в Вифлееме²⁰. (Кроме того. — С.П.), кости Св. Иоанна Крестителя, Св. Матфея, Св. Фомы, Св. Медарда²¹, Св. Амвросия²², священника Клавдия²³.

Одна их слез, которую пролил Господь Наш на кресте, была вручена Карлу Великому²⁴ Константином V, императором Константинополя²⁵ и затем передана церкви Сен-Дени Карлом Лысым, внуком Карла Великого²⁶. Она (слеза. — С.П.) находится в большой скинии²⁷ из позолоченного серебра, ограненной драгоценными камнями, покрывающими и прочие реликварии.

Большой образ²⁸ Богоматери из позолоченного серебра, держащий в правой руке золотой цветок лилии, в нем (в реликварии. — С.П.) нахо-

¹⁷ Точнее — со смесью уксуса и желчи, предложенной распятому Иисусу Христу римским солдатом для «облегчения» страданий: «...И дали ему пить уксуса, смешанного с желчью; и отведав, не хотел пить» // Мф. 27:34.

¹⁸ Фиал (греч. *phiale* — чаша, кубок) — плоская и широкая чаша с узким горлом.

¹⁹ Т.е. от места подреберья, которое пронзила пика римского солдата. «Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» // Ин. 19:34. Согласно одному из апокрифов, «Евангелию от Никодима», это сделал сотник по имени Лонгин («И взял сотник Лонгин копьё, и пронзил ребра Его, и истекли из ребер Его кровь и вода» // Ник. 10:1), поэтому указанная пика получила название «копье Лонгина/копье судьбы», сделавшись одной из важнейших реликвий Христианства.

²⁰ Т.е. смирна (камедистая древесная смола африканского или аравийского происхождения), в честь Рождества Спасителя врученная Ему волхвами: «...И, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» // Мф. 2:12.

²¹ Св. Медард (470—558) — епископ Нуайона, миссионер и просветитель.

²² Возможно, Св. Амвросий, епископ Медиоланский (ок. 340—397) — один из четырех великих Отцов Церкви, креститель и наставник Августина Блаженного.

²³ В оригинале — «Священника Клода» (*Cloud prêtre*. P. 4.), т.е. епископ Безансона Клавдий (?—699).

²⁴ Карл Великий (742/747—814, с 25 декабря 800 г. — император Запада) — король франков и лангобардов, основатель империи Каролингов.

²⁵ Константин V Копроним (718—775) — с 741 г. византийский император Исаурийской династии, являлся одним из наиболее последовательных проводников иконоборчества, начатой его отцом, императором Львом III Исавром (717—741). Вследствии последнего обстоятельства его дар Карлу Великому выглядит несколько сомнительным, поскольку иконоборцы отрицали все предметы культа.

²⁶ Карл II Лысый (823—877, с 25 декабря 875 г. — император Запада) — король Западно-Франкского королевства (коронация 11 августа 843 г.).

²⁷ Скиния — первоначально, походный храм евреев; в христианском декоративно-прикладном искусстве — форма реликвария в форме церкви или часовни. Следует заметить что реликварий, как ковчег для хранения мощей и прочих святых, мог иметь и иные (весьма разнообразные) формы.

²⁸ Здесь и далее опись указывает *l'image*, но в данном случае под этим понятием имеется в виду не живописный образ (икона), а скульптура, которая однове-

дятся ее (Богоматери. — С.П.) волосы, молоко и одежды. Этот реликварий передан Жанной д'Эврэ, королевой Франции²⁹.

Еще один большой образ из позолоченного серебра Св. Иоанна Евангелиста, держащего в руке прозрачную колбу, оправленную в золото, в которой находится зуб этого Св. Апостола; эти реликвии были скреплены оправой и помещены в сокровищницу.

Еще один образ из позолоченного серебра Св. Девы, которая держит в рук маленький реликварий, в коем имеется льняной лоскут, в который Она завернула Господа нашего в яслях³⁰. Был передан Ги де Монсо, аббатом Сен-Дени³¹.

Прекрасный золотой реликварий, вместе с двумя ангелами, выплавленными из железа и покрытыми позолоченным серебром. В этом реликварию их горного хрусталя хранятся несколько костей Св. Плацида³², ученика Св. Бенедикта³³ и его (Св. Плацида. — С.П.) сестры Св. Флавия³⁴, которые вместе были замучены в Мессине на Сицилии тысячу лет назад.

Кость руки великого охотника и мученика Св. Евстафия³⁵, вправленная в позолоченное серебро, украшенное драгоценными камнями.

менно является реликварием, т.е. местом хранения святых мощей и прочих сакральных объектов.

²⁹ Жанна д'Эврэ (1310—1371, коронация 11 мая 1326 г.) — королева Франции (до 1 февраля 1328 г.), супруга Карла IV Красивого. Реликварий, о котором идет речь, был подарен Жанной аббатству Сен-Дени в 1339 г., т.е. уже в качестве вдовствующей королевы, отрешенной от власти. В настоящее время он хранится в Лувре, в музее декоративно-прикладного искусства, имеет высоту 0,69 м. и датируется 1324—1339 гг. Опись не конкретизирует использованную анонимными мастерами технику прозрачной эмали (*la basse-taille*), инкрустацию драгоценными камнями и граненую капсулу из горного хрусталя, в которую и заключены перечисленные реликвии. См.: Режим доступа: <http://louvre.historic.ru/collect/object/02/09.shtml> (Дата обращения: 7.04.2016)

³⁰ «...и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» // Лк. 2:4—7.

³¹ Ги де Монсо (*Guy de Monceau*) получил этот реликварий, подаренный Филиппу II Августу Балдуином I в 1205 г., в собрание сокровищницы аббатства в 1385 г. См.: *A history and description of the Royal Abbaye of saint Denis with an account of the tombs of the Kings and Queens of France and other celebrated persons interred there: also of the many splendid decorations, pieces of of curious workmanship and <...> of this celebrated abbaye: with explanatory remarks; and a series of historical anecdotes, relative to the kings of France, from the reign of Dagobert: extracted from the records of Saint Denis.* London, 1795. P. 17.

³² Св. Плацид, мученик Мессинский.

³³ Св. Бенедикт Нурсийский (ок. 480—547) — основатель западной традиции монашества, основатель ордена бенедиктинцев.

³⁴ Св. Флавия, дева, мученица Мессинская. Как и ее братья, Св. Плацид и Св. Евтихий, пострадала за веру от рук пиратов на о Мессина ок. 540 г.

³⁵ Св. Евстафий, великомученик (?—188) — один из 14-ти святых помощников, почитаемых Римской Католической Церковью. Поскольку Христианство он при-

Кисть руки Св. Симеона, называемого Господом нашим Камнем³⁶. Этот реликварий весь из золота и украшен драгоценными камнями.

Реликварий из позолоченного серебра, представляющий мученика Св. Ипполита³⁷ с его костями.

Прекрасная рака³⁸ из позолоченного серебра в виде церкви, в которой находятся части многих реликвий, имевшихся в Сен-Шапель в Париже³⁹, кои Жанна д'Эврэ отдала в обмен на голову Святого Людовика⁴⁰, ибо она взяла эти сокровища, чтобы перенести их из Сен-Шапель: истинный Крест, шип из венца Господа Нашего, наверхшие, кое было на Кресте, саван (Иисуса Христа. — С.П.), молоко святой Девы, покров с головы Св. Иоанна и т.д.⁴¹

нял после того, как во время охоты преследуемый им олень обрел между рогов образ распятого Христа, то считается покровителем охотников, по причине чего опись и таковым его и именуется.

³⁶ Имеется в виду Симон по прозвищу Кифа (от араб. «камень») — будущий апостол Петр (от греч. «камень»), основатель Святого Престола (?—ок. 67): «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» // Мф. 16:18—19.

³⁷ Св. Ипполит Римский, мученик (ок. 170—ок. 235) — один из первых толкователей Священного Писания.

³⁸ В тексте описи употребляется термин *le châsse*, и его перевод словом «рака» вполне возможен, но с поправкой, что под ним обычно понимается вместилище реликвий, чаще всего, мощей святых, в виде гроба. При этом опись практически не упоминает такого рода форму, но для лучшего понимания контекста излагаемого материала сохранен указанный вариант перевода.

³⁹ Сен-Шапель — готическая часовня, построенная Пьером де Монтреем в правление Людовика IX Святого на острове Ситэ, на территории королевского двора Консьержери в течение 40-х гг. XIII в. См.: *Grodecki L. Sainte-Chapelle*. Paris, 1979. Поскольку содержала значительное количество святых мощей и прочих ценностей, получила статус часовни-реликвария, сыграв определенную роль в повышении авторитета королевской власти. См. подробнее: *Gebelin F. La Sainte-Chapelle et la Conciergerie*. 3-d éd. Paris, 1943.

⁴⁰ В 1306 г. голова Людовика Святого и часть прочих его мощей были перенесены из Сен-Дени в Париж, при этом череп выставлен в Сен-Шапель. См. подробнее: *Garro A. Людовик Святой и его королевство / Пер с фр. Г.Ф. Цыбулько, предисл. Ю.П. Малинина*. СПб., 2002. Более подробный комментарий о Людовике IX см. ниже.

⁴¹ Реликвии, связанные со Страстями Христа, в основном были привезены в Сен-Шапель Людовиком IX из Седьмого (1248—1254) и Восьмого (1270) крестовых походов. Среди них — уже упоминавшийся Терновый венец Спасителя, части Креста Господня, копьё Лонгина (первые два артефакта хранятся ныне в соборе Парижской Богоматери, на наличие третьего претендуют одновременно несколько собраний) и т.д. См. подробнее: *Folda J. Crusader Art in the Holy Land, From the Third Crusade to the Fall of Acre. 1187—1291*. Cambridge, 2005. О деятельности Жанны д'Эврэ по перемещению реликвий см.: *Morand S.-J. Histoire de la ste-chapelle royale du palais, enrichie de planches*. Paris, 1790; *Lord C. Jeanne d'Evreux as a Founder of Chapels. Patronage and Public Piety // Women and Art in*

Маленький кристалл, ограненный золотом, в котором находится зуб Св. Панкратия⁴², мученика.

Один из кувшинов, в которых Господь Наш пресуществил воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской⁴³.

Две короны, которые Генрих IV, король Франции⁴⁴, использовал на своей коронации; одна из них — из золота, вторая — из позолоченного серебра.

Скипетр и Рука Правосудия⁴⁵ из позолоченного серебра того же Генриха IV.

Две митры древних аббатов, бывших прежде, одна из них отделана жемчугом, богато украшена большим количеством драгоценных камней, оправленных в золото.

Красивое и великолепное аббатское распятие.

Очень хороший жезл из позолоченного серебра, украшенного драгоценными камнями⁴⁶, который служит кантору⁴⁷ для службы в церкви.

Во втором шкафу

Большой образ из позолоченного серебра, представляющий половину тела Св. Илария (т.е. бюст. — С.П.), епископа Пуатье и доктора Церк-

Early Modern Europe: Patrons, Collectors, and Connoisseurs / Ed. by C. Lawrence. Pennsylvania, 1992. P. 21—36.

⁴² Св. Панкратий (ок. 289—303) — раннехристианский римский мученик, пострадавший в эпоху Диоклетиана.

⁴³ «На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как не доставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» // Ин. 2:1—11

⁴⁴ Генрих IV (1589—1610, коронация 27 февраля 1594 г.) — король Франции, основатель династии Бурбонов.

⁴⁵ Рука Правосудия — уникальная регалия французской монархии, вошедшая в перечень инсигний в период правления Людовика IX.

⁴⁶ Изготовлен из позолоченного серебра, меди и цветного стекла. Датированный 1394 г. и известный как жезл Гильома де Рокемона (*Guillaume de Roquemont*), в настоящее время хранится в Лувре. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://www.medart.pitt.edu/image/france/st-denis/felebien/felepl1/PlateI-k.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴⁷ Кантор — руководитель церковного хора.

ви⁴⁸, чьи митра и золотая отделка ризы⁴⁹ вокруг ворота полностью покрыты восточным жемчугом и драгоценными камнями, вправленными в золото: мы видим, в частности, большой медальон, весь из прекрасного агата, на котором вырезан полурельеф с портретом императора Цезаря Августа⁵⁰. Голова святого (Илария. — С.П.) находится непосредственно в реликварии, между находящихся в стекле костей его предплечий, которые содержат еще одну кость того же святого. Эта работа принадлежит аббатству и братии.

Большой крест, весь из цельного золота, украшенный гранатами и сапфирами с несколькими жемчужинами, где находится прут от решетки, на которой был изжарен Св. Лаврентий⁵¹. Это дар императора Карла Лысого.

Реликварий из позолоченного серебра, высота которого позволяет увидеть во плоти палец апостола Св. Варфоломея и помещенные в украшенный золотом хрусталь его кости.

Очень красивый реликварий из позолоченного серебра, внутри которого, под стеклом, находится плечевая кость Св. Иоанна Крестителя, переданная императором Гераклеи⁵² Дагоберту⁵³, основателю Сен-Дени.

Крест из позолоченного серебра, отделан эмалью, в нем находится щепка истинного Креста, переданная Ги де Монсо, аббату Сен-Дени⁵⁴.

Образ из позолоченного серебра Св. Дионисия Ареопагита⁵⁵, внутри которого находятся его мощи. Аббат и братия владеют им и хранят в сокровищнице.

⁴⁸ Св. Иларий (ок. 315—367) — епископ Пуатье, теолог, за борьбу с арианством получивший прозвище «Афанасий Запала»; имеется в виду Афанасий Великий (ок. 29—373) — Отец Церкви, представитель Александрийской школы.

⁴⁹ В оригинале — *lorfroy* (Р. 6).

⁵⁰ Возможно, упомянутая гемма имела античное происхождение, но восстановить его по предложенному описанию не представляется возможным, однако, можно допустить, что сам реликварий в настоящее время находится в церкви Илария Пиктавийского в г. Живе. Каменя, сходная с настоящим описанием, с 1791 г. хранится в кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиотеки. Внешний вид см.: режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/evenements_et_culture/anx_expositions/f.monnaies_medailles_antiques.html (Дата обращения: 7.04.2016)

⁵¹ Св. Лаврентий (ок. 225—258) — римский архидиакон, казненный, согласно житию, упомянутым способом по распоряжению императора Валериана.

⁵² Ираклий I (575/575—641), с 610 г. — византийский император, основатель получившей его имя Ираклейской династии. В 631 г. Дагоберт I пописал с Ираклием I мирный договор, и реликварий мог выступать в качестве дара по этому случаю.

⁵³ Дагоберт I (ок. 608—639), с 629 г. — король франков, как уже указывалось выше, основатель монастыря бенедиктинцев, на основе которого возникло аббатство Сен-Дени.

⁵⁴ В 1385 г. См.: *A History and Description of the Royal Abbaye of Saint Denis*. P. 17.

⁵⁵ Св. Дионисий Ареопагит (?—96) — ученик апостола Павла и первый епископ Афин. Благодаря версии Хилдуина, аббата Сен-Дени (IX в.), спорно отождеств-

Образ из позолоченного серебра Св. Николая⁵⁶, митра которого украшена драгоценными камнями, внутри него (реликвария. — С.П.) находятся мощи святого. Передано аббату Ги де Монсо⁵⁷.

Образ из позолоченного серебра Св. Екатерины⁵⁸, внутри которого находится часть ее мощей. Передано аббату Ги де Монсо⁵⁹.

Прекрасная серебряная рака, которая является моделью Сен-Шапель в Париже; она заполнена святыми мощами; среди них — семерых апостолов. Это пожертвование Людовика IX, короля Франции⁶⁰ церкви Сен-Дени.

Глаз славного мученика Св. Леодегара, епископа Отена⁶¹, вправленный в хрусталь, с заслонкой с изображением образа святого. Она, вся из позолоченного серебра, хранится в сокровищнице в реликварии.

Реликварий из позолоченного серебра, изготовленный в виде шкафчика⁶², в котором находятся мощи Св. Илии Пророка, который жил около шести сотен лет до рождения Господа Нашего⁶³, хранится в сокровищнице среди реликвариев.

Другой реликварий из того же материала и такого же вида, что и предшествующий, в нем находится кость Св. мученика Пантелеймона⁶⁴, хранится с сокровищнице среди реликвариев.

Маленький хрустальный, вправленный в серебро, реликварий, в котором находятся волосы и одежды Св. Маргариты⁶⁵; принадлежит братии.

вляется с Дионисием, епископом Парижским (?—250/258), поскольку, согласно агиографии, вместе с пресвитером Рустиком и дьяконом Елевферием отправляется в Лютетию Галлийскую (Париж), где все они были схвачены и обезглавлены на г. Монмартр. Житие сообщает, что Дионисий с головой в руках прошел до места, где была построена церковь, вручил голову благочестивой женщине Катулле и только тогда пал замертво. На месте его захоронения и обосновалось будущее аббатство Сен-Дени. См.: *Le Gall J.-M. Le Mythe de saint Denis: entre Renaissance et Révolution. Paris, 2007.*

⁵⁶ Св. Николай Мирликийский (ок. 270—ок. 345) — один из самых почитаемых христианских святителей, известный как Угодник и Чудотворец.

⁵⁷ В 1385 г. См.: *A History and Description of the Royal Abbaye of Saint Denis. P. 16.*

⁵⁸ Святая Екатерина Александрийская (287—305), великомученица.

⁵⁹ Тогда же, в 1385 г. См.: *Ibid. P. 17—18.*

⁶⁰ Уже упоминаемый выше Людовик IX Святой (1214—1270, коронация 29 ноября 1226 г.) — король Франции, автор серии реформ по централизации королевства. В 1297 г. буллой папы Бонифация VIII канонизирован, став первым святым из французских монархов.

⁶¹ Св. Леодегар/Леодегарий (ок. 615—679), с 659 г. — епископ Отена.

⁶² В оригинале *la coffre* (Р. 7), что позволяет допустить и форму сундука, ларца и т.п.

⁶³ Согласно исследованиям, пророк Илия мог жить в IX в. до н.э. См.: *Hauser A.J., Russell G. From Carmel to Horeb: Elijah in Crisis. Sheffield, 1990.*

⁶⁴ Св. Пантелеймон, великомученик (?—305).

⁶⁵ Св. великомученица Маргарита Антиохийская, одна из 14-ти святых помощников.

Реликварий из серебра с хрусталем, в котором хранится Проказа⁶⁶, подобная той, что Господь Наш снял с лица прокаженного⁶⁷, что есть чудо преданности, кое являет Господь Наш; передано церкви Сен-Дени после того, как Дагоберт, король Франции обнаружил ее по божественному провидению⁶⁸.

Две маленькие вазы, очень драгоценные, названные Склянками⁶⁹ Сугерия⁷⁰, которые были даны ему, одна — из горного хрусталя, вторая — из берилла, врезанного в алмаз.

Золотой орел, украшенный прекрасным сапфиром и другими драгоценными камнями, который служил аграфом⁷¹ для королевской мантии Дагоберту.

Скипетр того же короля, который изготовлен из золота с эмалью⁷².

Брошь из позолоченного серебра, на которую припаяны два горноста из золота с эмалью; один — из большого, поистине бесценного,

⁶⁶ В оригинале *la Lepre* (Р. 8). Видимо, речь идет о куске пораженной проказой кожи.

⁶⁷ Об исцелении Христом больных проказой см.: Лк. 5: 12—13, 7:2; Мф. 8: 1—3, 6, 13, 9:22; Мк. 1, 41.

⁶⁸ Возможно, имеется в виду обнаружение Дагобертом I могилы его сестры, Св. Энимии (?—ок. 628), страдающей проказой и чудесным образом исцелившейся на водах Жеводана, где она основала монастырь, злечивая болящих этим недугом. Согласно «Житию святой Энимии», составленному Бертраном Марсельским в XII в., Дагоберт обнаружил могилу сестры только после божественного вмешательства, повелевшего монахиням, не желавшим расставаться с захоронением своей настоятельницы, указать ее королю. После чего мощи Энимии были перевезены в Сен-Дени. По сложившейся традиции, Св. Энимия считается врачующей проказу. См.: *Buffière F. Ce tant rude Gévaudan*. Paris, 1985. Т. 1. Ch.12; *Baudoin J. Grand livre des saints: culte et iconographie en Occident*. Nonette, 2006. P. 201.

⁶⁹ В оригинале *Burettes de Suger* (Р. 8), что можно трактовать как склянки или флаконы со святой водой, которые брались с собой для выездной Литургии (*les voyages liturgiques*). См.: *Bourassé J.-J. Dictionnaire d'archéologie sacrée: contenant par ordre alphabétique des notions saures et complètes sur les antiquités et les arts ecclésiastiques etc.* Paris, 1851. P. 558—559.

⁷⁰ Сугерий (1081—1151), с 1122 г. — аббат Сен-Дени, советник французских королей Людовика VI и Людовика VII. Подверг аббатство полной перестройке, став, тем самым, основателем готического стиля в архитектуре. Пополнил сокровищницу целым рядом экспонатов, часть из которых упомянута в настоящей описи. См.: *Panofsiky E. Abbot Suger*. Pricenton, 1946.

⁷¹ Аграф — застежка в виде броши для плаща или шляпы.

⁷² Навершием скипетра выступал орел, в данном случае не упомянутый, но зафиксированный в более поздних рисунках. Скипетр Дагоберта не сохранился, известны лишь его описания, составленные в эпоху Старого Порядка. См.: *Français: sceptre de Dagobert appartenant au trésor de St-Denis, l'objet à disparu, planche // Montfaucon B. de, dom. Les monuments de la monarchie française: 5 t. Paris, 1729. Т. 1. Внешний вид см.: режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Sceptre_de_Dagobert.jpg (Дата обращения: 7.04.2016)*

гиацинта; это аграф для украшения шляпы. Передан Анной Бретонской, королевой Франции⁷³.

Две короны для посвящения Людовика XIII⁷⁴, одна из которых золотая, а другая — из позолоченного серебра.

Корона из позолоченного серебра, которая была изготовлена для похоронных торжеств королевы-матери Анны Австрийской⁷⁵.

Образ Богоматери в золотой короне, украшен драгоценными камнями.

¹ Молитвенник, написанный от руки более восьми столетий назад⁷⁶, обложка украшена золотыми пластинами, фигурным литьем и драгоценными камнями.

Другая рукопись одиннадцатого столетия, содержит четыре Евангелия, написанные золотыми и серебряными чернилами на пурпурном пергаменте.

В третьем шкафу

Большая, помещенная в его золотой образ⁷⁷, голова Св. Дионисия Ареопагита, митра которого, вся из золота, полностью покрыта великолепными драгоценными камнями и восточным жемчугом: поддерживается двумя большими ангелами из позолоченного серебра, третий держит большую золотую ризу, всю украшенную драгоценными камнями, в которой находится плечевая кость того же святого. Эта искусная работа была передана Матье де Вандомом⁷⁸ в реликварий аббатства Сен-Дени.

Чаша и склянки того же Св. Дионисия, частью из отделанного серебром хрустала.

⁷³ Анна Бретонская (1477—1514, коронация 8 февраля 1492 г.) — королева Франции, супруга эрцгерцога Австрии Максимилиана и двух французских королей: Карла VIII и Людовика XII.

⁷⁴ Людовик XIII Справедливый (1610—1643, коронация 17 октября 1610 г.) — король Франции.

⁷⁵ Анна Австрийская (1601—1666, коронация 18 октября 1615 г.) 14 мая 1643 г., в день смерти мужа, Людовика XIII, приобрела статус королевы-матери. Умерла 20 января 1666 г.

⁷⁶ Т.е. в X в.

⁷⁷ Т.е. в реликварий, имеющий форму головы.

⁷⁸ Матье де Вандом являлся аббатом Сен-Дени на протяжении 1258—1286 гг. О его деятельности на этом посту см.: *Lillich M.P. The Armor of Light: Stained Glass in Western France, 1250—1325. Oxford, 1994. P. 241, 248—250; Jordan W.Ch. The Priory of Deerhurst and the Treaty of Paris (1259) // Thirteenth Century England XIII: Proceedings of the Paris Conference, 2009 / Ed. by J. Burton, Fr. Lachaud, Ph. Schofield, K. Stöber, B. Weiler. Woodbridge, 2011. P. 133—141.*

Его (Св. Дионисия. — С.П.) распятие, в котором находится щепка (Креста Господня. — С.П.), оно покрыто цельным золотом и драгоценными камнями.

Его (Св. Дионисия. — С.П.) золотое епископское кольцо, в центре которого имеется прекрасный сапфир⁷⁹.

Его (Св. Дионисия. — С.П.) посох для ходьбы⁸⁰; он из дерева, которое позже покрыли серебром и украсили хрусталем.

Его (Св. Дионисия. — С.П.) греческие чернила.

Книга из пергамента, покрытая серебром с драгоценными камнями и фигурками из слоновой кости, содержащая его собственные труды и комментарии⁸¹ и описания Св. Максима, отшельника⁸²: эта книга была подарена Мануилом Палеологом вторым, императором Востока⁸³.

Правая рука с плотью и костью Св. апостола Фомы, украшенная оправленными бриллиантами, большими рубинами и крупным жемчугом, передана Жаном, герцогом Беррийским⁸⁴, в благодарность за несколько мощей Св. Илария, которые аббат и братия передали (ему. — С.П.) для устройства церкви, выстроенной в честь этого святого.

Прекрасный реликварий из позолоченного серебра, со стеклом, за которым полностью видна нижняя челюсть Св. Людовика, короля Франции, поддерживаемая двумя фигурами королей, также и позоло-

⁷⁹ Датируется 1100—1130 гг., хранится в Лувре. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0002543.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

⁸⁰ Т.е. для пеших передвижений, а не для отправления службы.

⁸¹ Дионисий Ареопагит считается автором богословских сочинений и писем, известных как «Ареопагитики», самые значительные из которых — «О мистическом богословии» и «О небесной иерархии». Видимо, в данном случае, речь идет именно об «Ареопагитиках». См.: *Honigmann E. Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite.* Bruxelles, 1952. Рукописи, датируемые 1360—1405 гг., хранятся в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0007835.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

⁸² Св. Максим Исповедник (580—662) — монах и богослов, автор доктрины о двух волях Иисуса Христа — диофелитства, противник монофизитства. Последователь неоплатонической доктрины Дионисия Ареопагита, является автором множества богословских трудов, в том числе — схолий к труду Дионисия Ареопагита «О Тайнственном Богословии». Какой из них хранился в Сен-Дени, согласно настоящей описи, не представляется возможным. См.: *Мейендорф И., протоиерей.* Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985. Гл. 5.

⁸³ Мануил II Палеолог (1371—1425) — византийский император с 1391 г. По всей видимости, труды Максима Исповедника были подарены французскому королю Карлу VI во время его поездки по странам Западной Европы в 1399—1403 гг. с целью поиска помощи для борьбы с турецкой угрозой.

⁸⁴ Жан I Великопленный (1340—1416) — герцог Беррийский и Оверньский, третий сын французского короля Иоанна II, разделивший с ним плен и сопровождавший его похоронный кортеж на английской территории. Известен как меценат и коллекционер книг, картин, миниатюр и т.п. См.: *Lehoux F. Jean de France, duc de Berry. Sa vie. Son Action politique (1340—1416).* Paris, 1966.

ченного серебра, с золотыми коронами, первая представляет Филиппа Смелого⁸⁵, его сына, а вторая — Филиппа Красивого⁸⁶, его внука. Этот реликварий был передан Жилью де Понтуазу, аббату Сен-Дени⁸⁷, который располагал основанием другого реликвария, в коем находилась кость Св. Людовика, архиепископа Тулузского, младшего племянника короля Св. Людовика⁸⁸.

Корона того же Св. Людовика из цельного золота, украшенная очень крупными жемчужинами, между которыми один рубин, стоимостью в сто тысяч экю, в который Св. Людовик вправил шип из венца Господа Нашего⁸⁹.

Кольцо того же Св. Людовика с одним ограненным сапфиром, на котором выгравировано его имя, с характерными “S” и “L”⁹⁰, что означает «печать Людовика»⁹¹, поскольку она использовалась для запечатывания грамот⁹².

⁸⁵ Филипп III Смелый (1245—1285, коронация 15 августа 1271 г.) — король Франции, второй сын Людовика IX Святого.

⁸⁶ Филипп IV Красивый (1268—1314, коронация 6 января 1286 г.) — король Франции, успешно продолживший политику дела и отца по централизации королевств аи усиления прерогатив монархии.

⁸⁷ Жиль де Понтуаз — аббат Сен-Дени в 1304—1326 гг. См.: *Nabbiai-Dalla Guardo N. Des rois et des moines. Livres et lecteurs à l'abbaye de Saint-Denis (XIIIe—XVe siècles) // Saint-Denis et la royauté: Études offertes à Bernard Guenée / Éd. Fr. Autrand, C. Gauvard, J.-M. Moeglin. Paris, 1999. P. 357.*

⁸⁸ Св. Людовик Тулузский/Анжуйский (1274—1297) — правнучатый племянник Людовика IX Святого; с 1297 г. — епископ Тулузы в году, канонизированный Римской Католической Церковью в 1317 г. См.: *Baudoin J. Op. cit. P. 334.*

⁸⁹ Людовик Святой являлся обладателем нескольких корон. Одна из них до настоящего времени не сохранилась, будучи национализированной для нужды Великой Французской революции, для чего в аббатство Сен-Дени была направлена комиссия под началом генерала Моннэ. Известна ее копия (как и прочих королевских регалий и других, наиболее ценных артефактов сокровищницы 1711 г.), сделанная в по заказу генеалога, антиквара и коллекционера Франсуа Роже де Геньер/François Roger de Gaignières (1642—1715), к сожалению, сохранившаяся только в виде рисунков, покоящихся в Кабинете рукописей Французской национальной библиотеки. См.: *Catalogue de l'exposition à la Bibliothèque nationale // La France monumentale vers 1700 d'après les dessins de la collection Gaignières. Paris, 1964. Один из картонов см.: режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/la_bnf/bnf_en_chiffres/s.chiffres_collections.html?first_Art=oui (Дата обращения: 7.04.2016). Вторая, известная как корона-реликварий (возможно, она и имеется в виду настоящим описанием), датируется XIII в. и хранится в Лувре. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://jewels-dreams.ru/images/articles/big/dragocennosti-francuzskih-koroley10.jpg> (Дата обращения: 7.04.2016)*

⁹⁰ В настоящее время хранится в Лувре, но при этом датируется XIV в. Внешний вид см.: Режим доступа: http://www.insecula.com/PhotosNew/00/00/02/17/ME0000021787_3.JPG (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹¹ В оригинале *sigillum Ludovici* (P. 11).

⁹² В оригинале *des lettres*, что можно трактовать и как письма. См.: *Ibid.*

Меч, с которым Св. Людовик отправлялся в свое первое странствие в Святую Землю.

Чаша из дерева тамарис, из которой Св. Людовик пил, дабы охранить себя от чумы⁹³.

Маленький реликварий в виде руки из позолоченного серебра, в котором находится кость Св. Дионисия Ареопагита, его Св. Людовик привел из своих странствий.

Рука Правосудия Людовика Святого; она из позолоченного серебра.

Аграф от королевской мантии Людовика Святого, он из позолоченного серебра и эмали, украшен очень красивым жемчугом.

Большой кусок горного хрусталя, на котором высечено распятие с образами Святой Девы и Св. Иоанна; в толще которого находятся королевские одежды Людовика Святого. Этот хрусталь вправлен в золото, украшен прекрасным жемчугом.

Ваза Сугерия, аббата Сен-Дени, вырезанная из очень красивого восточного агата прекрасной работы с каймой из позолоченного серебра с драгоценными камнями: ножка из позолоченного серебра, аналогично украшенного⁹⁴.

Дискос⁹⁵ для этой вазы, сделанный из другого прекрасного камня, украшенного маленькими золотыми рыбками, с золотым бордюром, орнаментированными изумрудами, аметистами и пр.⁹⁶

Камея из агата, на которой имеется рельеф с изображением Царицы Савской.

Большая лодка⁹⁷, изготовленная из очень красивого агата — оникса значительного размера.

⁹³ В оригинале *le mal de ratte*, букв. «болезнь от крысы». См.: Ibid.

⁹⁴ Датируется от 1147 г. до нововведений XV в., хранится в Лувре. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://www.louvre.fr/> (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹⁵ Дискос — плоское блюдо, применяемое, в данном случае, во время проскомидии (при приготовлении хлеба и вина в отправлении евхаристии) или для смешения Священного Елея и муки грубого помола для последующего королевского помазания в ходе инаугурационной церемонии.

⁹⁶ Изготовленный из змеевика и инкрустированное золотом, драгоценными камнями и цветным стеклом, он датируется рубежном старой и новой эры, первое упоминание относится к эпохе Карла Лысого (т.е. 2-ой пол. IX в.). Хранится в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0007909.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹⁷ В оригинале *la gondole* (Р. 12); в описаниях Лувра *la navetta*, что в обоих случаях может означать лодку. В смысловом же контексте имеется в виду ваза определенной формы. Исследователи относят ее к декоративно-прикладному искусству Оттоновского возрождения IX—X вв. Изготовленное из сардоникса, декорированное позолоченным серебром в технике скани, драгоценными камнями, эмалью и красным стеклом, она хранится в вышеупомянутом кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиоте-

Фиал, по многим оценкам, из оникса.

Две короны Людовика VI⁹⁸, одна из которых — из золота, а вторая — из позолоченного серебра.

В четвертом шкафу

Большой образ из позолоченного серебра, представляющий Св. Бенедикта⁹⁹, в котором находится голова этого патриарха с костями его рук в стеклянной капсуле, поддерживаемой руками образа: она (капсула. — С.П.) полностью украшена драгоценными камнями, отчасти — крупными агатами с вырезанными на них ликами; на наиболее больших из них представлены образы императора Домициана, вышеупомянутого герцога Беррийского Иоанна, сына короля Иоанна, передающего этот реликварий в руки Св. Фомы¹⁰⁰.

Большой золотой крест из цельного золота со Св. Илией. Он отделан восточным жемчугом, украшен крупными сапфирами, изумрудами, в том числе — одним большим и красивым восточным аметистом в центре. Принадлежал Карлу Великому и был передан в Сен-Дени Карлом Лысым, его внуком.

Молитвенник Карла Великого, весь из золота. Сапфиры, изумруды, аквамарины, восточный жемчуг украшают его, особенно одна (жемчужина. — С.П.), необыкновенно крупная. В нижней части этого молитвенника под стеклом¹⁰¹ видны три кости трех мучеников — Св. Георгия, Св. Феодоры и Св. Аполлинарии¹⁰².

Корона того же Карла Великого, вся из золота, украшенная крупными рубинами, сапфирами и изумрудами¹⁰³. Она отправляется в Реймс,

ки. Режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/evenements_et_culture/anx_expositions/f.monnaies_medailles_antiques.html (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹⁸ Людовик VI Толстый (1081/1081—1201, коронация 3 августа 1137 г.) — король Франции.

⁹⁹ Св. Бенедикт (ок. 900/908—916/ок. 930) — архиепископ Амбрана. См.: *Baudoin J.* Op. cit. P. 257.

¹⁰⁰ Т.е. выступающего в роли донатора, что вполне типично для канонов эпохи, тем более, что Иоанн Беррийский, как уже указывалось, являлся одним из крупнейших меценатов.

¹⁰¹ Т.е. молитвенник одновременно является и реликварием.

¹⁰² В силу того, что в описи отсутствуют какие бы то ни было уточнения, а святых с аналогичными именами в католическом каноне в каждом случае несколько, то идентифицировать их не представляется возможным.

¹⁰³ Т.н. корона Карла Великого, находящаяся в Лувре, является копией не сохранившегося оригинала, изготовленной для коронации Наполеона Бонапарта в 1804 г. Внешний вид см.: режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0002545.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

дабы служить для посвящения королей, вместе с другими королевскими украшениями¹⁰⁴, требующими особого обращения: скипетром, рукой Правосудия¹⁰⁵, шпорами того же Карла Великого, все (они. — С.П.) из золота; его (Карла Великого. — С.П.) мечом, рукоять и гарда которого из золота, а верхняя часть ножен украшена жемчугом¹⁰⁶; аграфом для королевской мантии, который представляет собой один большой цветок лилии из золота, украшенного рубинами и алмазами с россыпью прекрасных восточных жемчужин¹⁰⁷; книгой, содержащей церемонии и обряды посвящения¹⁰⁸.

Корона Жанны д'Эврэ, королевы Франции, супруги Карла IV. Она (корона. — С.П.) золотая, украшена рубинами и сапфирами, множеством жемчужин, служит для коронации королей, которые проходят ее в Сен-Дени¹⁰⁹.

Большая ваза порфирного мрамора, украшенная головой орла, оба его крыла — из позолоченного серебра. Передана аббатом Сутерием¹¹⁰.

Вторая ваза из горного хрусталя¹¹¹. Передана им же.

Ваза с диском из горного хрусталя и эмали. Передана Карлом V, королем Франции.

Большая лодка¹¹² из хрусталя, украшенная золотом, со Св. Илией. Передана Сутерием.

Очень красивая ваза из восточного агата, которая является самым ценным экспонатом сокровищницы по причине ее величины, древ-

¹⁰⁴В оригинале *les ornements royales* (Р. 12). Так именовали весь комплекс королевского облачения (12 предметов), включая те 6, которые имели статус регалий.

¹⁰⁵Рука правосудия, аналогично короне, является копией 1804 г. Внешний вид см.: режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0002544.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

¹⁰⁶Легендарный Жуайёз Карла Великого, датируемый от IX в. и до XIX в., включая последующие изменения. Хранится в Лувре. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0002638.html> (Дата обращения: 7.04.2016); http://www.insecula.com/oeuvre/photo_ME0000021380.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹⁰⁷Датируемый 1325—1367 гг., хранится в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: <http://www.insecula.com/oeuvre/O0007833.html> (Дата обращения: 7.04.2016)

¹⁰⁸Т.н. коронационный *ordo*.

¹⁰⁹Действительно, коронации французских королей проходили не в Реймсе, как у королей, а в аббатстве Сен-Дени, по особой, отличающейся от инаугурации монархов, процедуре.

¹¹⁰Имеется в виду порфирная, видимо, античная, ваза, высотой 0.431 м. и шириной 0.27 м., датированная временем до 1147 г. В настоящее время вместе с прочими вазами из коллекции Сутерия (ваза «Алиенор» и кувшин из сардоникса) находится в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: <http://louvre.historic.ru/collect/object/01/11.shtml> (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹¹Хранится в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: http://www.insecula.com/oeuvre/photo_ME0000021343.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹²Имеется в виду форма, аналогичная уже упомянутой выше вазе.

ности и мастерства изготовления; считается, что она принадлежала Птолемею Филадельфийскому, по заказу которого и была изготовлена около восемнадцати столетий назад для вакханалий; она представляет собой рельеф, выполненный с такой тонкостью, что мастер должен был трудиться алмазным резцом более тридцати лет. Она (ваза. — С.П.) подарена Карлом III, королем Франции¹¹³.

Еще одна ваза из агата, ножка, ручки и крышка которой изготовлены из позолоченного серебра¹¹⁴. Дана Сугерием.

Большой бокал из горного хрусталя с крышкой и ножкой из того же материала, на котором выгравированы известные древние образы, особенно одна надпись древними символами, которыми могли пользоваться самаритяне, что, равно как и вторая надпись, свидетельствует в пользу того, что он (бокал. — С.П.) мог принадлежать царю Соломону.

Золотая ваза в виде блюда, орнаментированная гранатами, гиацинтами и изумрудами с крупным, белым в центре, сапфиром, который выполнен в виде Соломона на троне.

Портрет Нерона из восточного агата с теми особенностями, которые заключаются в его исключительной редкости и большой ценности для сокровищницы¹¹⁵.

Два других больших агата, которые представляют собой две головы, одна — Цезаря Августа, другая — ребенка, который называется «Юлий Цезарь в детстве».

Большой, оправленный в золото аметист, на котором выгравирована фигура Аполлона¹¹⁶.

Рукописная книга, содержащая Послание (Апостолов. — С.П.), известия о великих праздниках¹¹⁷ (Церкви. — С.П.), она покрыта золотом, драгоценными камнями и крупным жемчугом.

¹¹³Карл III Простоватый (879—929, коронация 28 января 893 г.) — король Западно-Франкского королевства. Выяснить еще какие-либо данные об указанном даре не удалось, равно как и об описанных выше древних артефактах, которые автор датирует эпохой Соломона.

¹¹⁴Датируется X—XIII вв., хранится в Лувре. Внешний вид см.: режим доступа: http://www.insecula.com/salle/tabloid_MS00193_O0002634_page4.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹⁵Хранится в кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиотеки. Внешний вид см.: режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/evenements_et_culture/anx_expositions/f.monnaies_medailles_antiques.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹⁶Датируется I в. н.э., хранится в Кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиотеки. Внешний вид см.: режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/evenements_et_culture/anx_expositions/f.monnaies_medailles_antiques.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹⁷Т.е. Пасхи, Рождества и Троицы. Следовательно, можно предположить, что это Евангелия.

В пятом шкафу

Древняя фигура, покрытая золотыми пластинами, несколько из них — из хрусталя, содержит в себе тело Св. Дионисия Коринфского¹¹⁸, принесенное из Греции в Рим к кардиналу Петру из Капуи, легату Святого Престола во времена Иннокентия III¹¹⁹, который позже передал ее церкви Сен-Дени.

Фигура из позолоченного серебра, представляющая половину тела Св. Петра Экзорциста¹²⁰ в натуральную величину, которую Его Святейшество, известный похвальной преданностью и особыми взглядами¹²¹, в 1665 г. заключил в древний реликварий, дабы закрепить за ним статус главы среди святых мучеников.

Фигура из слоновой кости, вся заполненная святыми мощами.

Маленькая фигура из позолоченной меди и эмали, в которой находится плащ папы Св. Стефана III¹²².

В шестом шкафу

Прекрасная фигура из позолоченного серебра, украшенная эмалью и великолепным жемчугом, в которой находится тело Св. Людовика, короля Франции.

В седьмом шкафу

В этом шкафу обычно хранятся королевские одежды, которые служили каждому монарху на коронации, как в настоящее время здесь

¹¹⁸Дионисий Коринфский (вторая половина II в.) — епископ Коринфа, автор серии посланий о догматике, морали, экзегезе и дисциплине Церкви.

¹¹⁹Иннокентий III Великий (ок. 1161—16 июля 1216, понтификат с 8 января 1198 г.) — папа Римский, в правление которого Святой Престол достиг наивысшего могущества.

¹²⁰Св. Петр Экзорцист/Петр Римский (?—304) — христианский мученик эпохи гонений Диоклетиана.

¹²¹Папа Римский Александр VII (1599—1667, понтификат с 1665 г.). Теоретически речь может идти о его предшественнике Иннокентии X (1574—1665, понтификат с 1844 г.), поскольку он умер 7 января 1665 г.

¹²²Папа Римский Стефан III (715—757, понтификат с 752 г.) — в 764 г. помазал на царство Пипина Короткого именно в базилике аббатства Сен-Дени, чем учредил новую династию, издав с этой целью специальное заключение (клаузулу). См.: *Clausula de unctione Peppini* / Ed. V. Krause // *Monumenta Germaniae Historica Scriptores rerum Merovingicarum* / Ed. V. Krush. Hannover, 1896. Bd. II. S. 456.

хранятся одежды непобедимого Людовика XIV Великого. Посвящен в Реймсе в 1654 г.¹²³

В восьмом шкафу

Большой рог единорога, в котором более семи футов длины.

Коготь грифона огромного размера, отправленный Карлу Великому около 807 г. Аароном, царем Персии¹²⁴, и позже переданный в Сен-Дени Карлом Лысым.

Два зуба морского коня, один из них — замечательно большого размера, переданы в Сен-Дени Давидом, королем Шотландии¹²⁵.

Один из светильников, служивший для обнаружения Господа Нашего¹²⁶, обычно называемый «Светильник Иуды»; отправлен с востока Карлу Лысому, который отдал его в сокровищницу.

Шахматы Карла Великого, фигурки сделаны из слоновой кости хорошо обработаны¹²⁷, как и те, что являются одним из символов арабов, которые, как отмечают, принесли их с востока¹²⁸.

¹²³Людовик XIV Великий (1638—1715, коронация 7 июня 1654 г.) — король Франции, ставший олицетворением ее абсолютизма.

¹²⁴Аарон Персидский — это Харун аль Рашид (788—809) — Багдадский халиф. Ставший классическим эпизод его даров императору франков описан Эйнхардом. «С королем Аароном Персидским, который за исключением Индии владел почти всем востоком. Карл имел в дружбе такое же, как и в дружбе с ним, согласие, что тот предпочитал его благосклонность дружбе всех королей и правителей, какие только есть в целом круге земном. <...> Присоединив к возвращающимся (франкским. — С.П.) послам своих, он направил Карлу замечательные дары вместе с одеждой, пряностями и другими богатствами из восточных земель [807]» // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Вст. ст., пер., прим., указ. М.С. Петровой. М., 2005. С. 87. Возможно, что среди упомянутых даров имелся и коготь грифона.

¹²⁵Давид II (1324—1371, коронация 7 июня 1329 г.) — король Шотландии, в 1331 г. вынужденный эмигрировать во Францию ко двору Филиппа VI (1292—1350, коронация 29 мая 1328 г.), поддержавшего юного монарха в его борьбе с Англией. См. подробнее: *Penlan M. David II, 1329—1371: The Bruce Dynasty in Scotland.* East Linton, 2003. Вероятно, именно в связи с приездом, обернувшимся эмиграцией, продлившейся до сентября 1341 г., и был привезен указанный подарок из далеких северных земель, — скорее всего, моржовый бивень.

¹²⁶Имеется в виду начало ареста Христа в Гефсиманском саду. «Иуда, взяв отряд [воинов] и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием» // Ин. 18:3.

¹²⁷Несколько фигурок хранятся в Кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиотеки. Внешний вид см.: Режим доступа: http://www.bnf.fr/fr/evenements_et_culture/anx_expositions/f.monnaies_medailles_antiques.html (Дата обращения: 7.04.2016)

¹²⁸Как известно, арабы заимствовали шахматы из Индии.

Охотничий рог неистового Роланда¹²⁹, племянника Карла Великого.

Меч Турпена, которой этот монах Сен-Дени, впоследствии ставший архиепископом Реймским, воевал со своим дядей Карлом Великим против неверных¹³⁰.

Меч Жанны д'Арк¹³¹, Орлеанской Девы.

Несколько корон и прочих королевских знаков, которые служат для похоронной церемонии наших королей.

Выше этого шкафа расположено кресло из позолоченной меди, которое служило тронном для короля Дагоберта¹³².

Конец

¹²⁹Олифант — рог Роланда, в который, согласно «Песни о Роланде», он не хотел трубить, призывая помощь Карла Великого.

¹³⁰Турпен/Турпин/Тюльпин (753—794) — архиепископ Реймский, герой «Песни о Роланде», именуемый на ее страницах «Турпен-архиепископ», «Турпен из Реймса», «Турпен-барон, архиепископ и слуга Христов». Однако его участие в войнах императора не известно.

¹³¹Вероятно, имеется в виду трофейный бургундский меч, вместе с доспехами подаренный Жанной д'Арк перед ее вынужденным отъездом из Парижа аббатству Сен-Дени, в некрополе которого и находится ее могила.

¹³²Упомянутый еще Сутерием в составе сокровищницы аббатства, в настоящее время трон хранится в художественной коллекции Французской Национальной библиотеки. Внешний вид см.: Режим доступа: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b77001621> (Дата обращения: 7.04.2016)

Глава V

Карл V Мудрый
и расширение
потестарных
стратегий
монархии

Уроки кризиса: легитимизация принципа неотчуждаемости земель французской короны в эпоху Столетней войны

Катастрофа битвы при Пуатье, усугубленная предшествующими поражениями Филиппа VI, затем договором в Бретиньи, который санкционировал крах рыцарской Франции, серьезно затруднила ее пути к территориальному единству, столь долго и настойчиво осваиваемые династией Капетингов. Дополнительным обстоятельством, сложившимся в тот тяжелый для Французского королевства момент из-за невозможности завершения объединения, столь же желанного, сколь и необходимого, выступило злоупотребление апанажами, которые наметились в правление Иоанна II, постепенно увеличиваясь до все более тревожных размеров.

Уже Капетинги — в том числе и Людовик Святой — считали себя обязанными выделять некоторые территории королевского домена в форме фьефа своим младшим братьям. Право первородства, установленное наследниками Гуго Капета, спасло единство королевства, которое было утеряно в правление двух первых династий. Однако государственные интересы не могли игнорировать потребности братьев короля в достойных их ранга средствах, и поэтому семейный долг предписывал каждому правящему суверену обязанность — и она постепенно крепла — снабжать младших членов *familia regis* доходами, соответствующими их статусу.

Несмотря на то, что практика наделения землями своих младших сыновей и братьев сложилась, начиная с правления Генриха I¹, большинство исследователей полагает — первым сознательно осуществившим ее монархом являлся Людовик VIII. Продолжив традицию Капетингов распределять родовые земли между прямыми наследниками, он все же исходил не столько из кровных, сколько из государственных притязаний, на страже которых находилась крепнущая династическая традиция и следующее за ней династическое право. Они предписывали неукоснительное соблюдение принципа примогенитуры и ограничива-

¹ В 1032 г. Генрих I отдал младшему брату Роберту Бургундию, Людовик VI в 1152 г. выделил сыну Роберту графство Дре, а Филипп II в 1218 г. отдал графство Клермон сыну Филиппу, в феврале 1223 г. отдал ему же графство Мортен и Омаль. См.: Baldwin J. Les fondations du pouvoir royal en France au Moyen Âge / Trad. par B. Bonne, préf. de J. Le Goff. Paris, 1991.

ли масштабы пожалований с целью сохранения целостности страны и власти короля². Однако достаточно обширный домен, собранный усилиями Филиппа Августа, станет той материальной основой, которая позволит Людовику VIII официально, посредством завещания, наделить своих сыновей Робера, Альфонса и Жана крупными земельными владениями. Наследник, будущий Людовик IX, получит Французское королевство, Нормандию и хранящуюся в башне Лувра казну. После совершения обряда посвящения в рыцари братья короля, достигшие 21 года, вступят во владение переданными им территориями, и этот порядок сохранится в последующем. В 1237 г. свадебным подарком от старшего брата для Робера (день его рыцарского посвящения совпал с днем венчания) станет графство Артуа и замки Эден, Ланс, Бапом и Пуасси; в 1241 г. графство Пуату, большая часть Оверни и Сентонжа³ будут переданы Альфонсу; в 1246 г. Анжу, Мэн и Турень, изначально завещанные Жану, умершему в 1227 г., окажутся выделенными младшему из братьев, Карлу, родившемуся уже после смерти отца⁴. Каждый из братьев принес королю встречный оммаж, став, таким образом, его ленниками на традиционных вассальных правах. Так образовался, по выражению Ж. Ле Гоффа, «самый опасный феномен в истории средневековой Франции»⁵ — апанаж.

Апанаж (сам термин войдет в обиход в конце XIII в.)⁶ являлся отчислением *ad ranet*, следовательно, предназначенным обеспечивать мате-

² Giesey R. The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1961. Vol. 51. Part 5. P. 3—44.

³ Людовик IX заключил договор с Вильгельмом IX, графом Оверни, согласно которому она была присоединена к Франции. За Вильгельмом IX осталась лишь часть нижней Оверни, т.н. «графство Овернь». В 1271 г., уже после смерти Альфонса де Пуатье, Овернь будет окончательно присоединена к французскому королевству. С IX в. графство Сентонж, как и Овернь, входившее в герцогство Аквитанское, вместе с последним в 1154 г. стало владением Англии. Сентонж был частично отвоеван Францией в начале XIII в., а целиком — в 1371 г. В 1375 г. его окончательно присоединили к королевскому домену. Подробнее см.: Lewis A. W. Le Sang Royal. Le Famille capétienne et l'État: France X^e—XIVe siècles. Paris, 1986. P. 210—211.

⁴ Wood Ch. T. The French Apanages and the Capetian Monarchy, 1124—1328. Cambridge, 1966.

⁵ Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой, комм. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 63.

⁶ Апанаж (от фр. *apanage*, новолат. — *apanagium*, *apano* — букв. «снабжаю хлебом») — земельное владение, до 1832 г. передававшееся во Франции некоронованным членом королевской семьи. Представлял собой как наследственное владение в рамках рода, так и пожизненное, при котором имущество по смерти пользовавшегося им лица возвращается государству. Для королевских апанажей, как утверждали Р. Лаку и Ж. Кальметт, более распространенным оказался первый вариант. См.: Lacour R. Le Gouvernement de l'apanage de Jean, duc de Berry. Paris, 1934. P. 12; Calmette J. L'Effondrement d'un Empire et la naissance d'une Europe. Paris, 1941. P. 54.

риальные нужды сыновей короля. С этой целью монархия отчуждала, в форме обратимого фьефа, часть своего домена в пользу одного из королевских братьев или сыновей, составивших группу принцев крови. Благодаря своему родству все они могли претендовать на трон, что стало основой сложившегося мнения об апанажах как не королевском (государственном), а скорее семейном институте⁷. Однако при всей своей патримониальности, главой королевского рода выступал монарх, власть которого с эпохи Людовика IX становится все более суверенной. В итоге сложившихся правовых обязательств между монархом и членами его рода предполагалось, что в случае отсутствия у последних наследников мужского пола, апанаж подлежит реституции в домен. Эта норма оказалась успешно реализованной уже в 1271 г., когда бездетным умер Альфонс де Пуатье. Кроме того, еще в 1258 г. при заключении между Людовиком IX и Генрихом III Плантагенетом Парижского договора⁸ его отдельный пункт предусматривал особое условие — братья французского короля не должны приносить оммаж королю Англии за земли, которые держат от него (в аквитанских диоцезах Лимож, Кагор и Периге)⁹. Это сразу исключало опасность перехода апанажа в руки другого монарха. В свою очередь, когда в 1269 г., накануне своего отъезда в Тунис, Людовик IX при назначении апанажей уже своим сыновьям, в отличие от их дядей, отдал им незначительные по величине земли. Так, Жан Тристан получил графство Валуа, Пьер — Алансон и Перш, а Робер — Клермон-ан-Бовези. Выгодные браки принесли принцам Невер, Блуа и Бурбон соответственно, но почти все владения оказались дискретными и, по замыслу отца, не угрожали правлению будущего Филиппа III и единству страны. Наконец, Людовик Святой положил начало практике назначения апанажей королевским дочерям и сестрам, но в форме денег, а не земель¹⁰.

В итоге, в зависимости от политической конъюнктуры, заложенные в первой половине XIII в. принципы формирования апанажей выполняли целый спектр функций: иногда служили средством примирения территориальных споров, иногда — бережного устранения неизбежно возникающих противоречий между региональной независимостью сеньоров

⁷ Lewis A. W. Op. cit. P. 213.

⁸ Парижский договор был ратифицирован в 1259 г. Согласно его условиям, Генрих III отказывался от притязаний на потерянные еще Иоанном Безземельным континентальные владения Плантагенетов: Нормандию, Мэн, Анжу, Турень и Пуату, однако сохранял под своей властью Аквитанское герцогство, оказываясь вассально зависимым от французского короля. См.: *Babelon J.-P. Saint Louis et traité de Paris // Le siècle de Saint Louis / Éd. R. Pernoud. Paris, 1970. P. 227—229.*

⁹ *Blanchard F. Les Généalogies des maîtres des requestes ordinaires de l'hostel du roi. Paris, 1970. См. также: Beaune C. Costume et pouvoir en France à la fin du Moyen Âge: les devises royales, vers 1400 // Revue des Sciences. 1981. Vol. LV. P. 125—146.*

¹⁰ Lewis A. W. Op. cit. P. 222—224.

и окончательной инкорпорацией их земель в единое королевство¹¹. Поскольку апанажи продолжали оставаться частью домена, то система их управления нередко имитировала королевскую, что приводило к унификации структур власти и администрации, также способствуя объединению страны. И если домен по-прежнему оценивался как семейная собственность, то принцы легитимно наследовали от нее свою часть. Однако определение ее масштабов стало проблемой для короля, с одной стороны — главы семьи и старшего брата, но с другой, — главы государства и монарха.

Общая линия эволюции французской государственности от патримонической к публично-правовой природе монархии оказалась тесно связана с системой вассальных отношений, и проблема распределения апанажей и статуса земель королевского домена явилась весьма существенной для династии, особенно если учесть трудности прямого захвата территорий, вынуждающие государство к соблюдению права. Дело в том, что осуществляемый слишком широко метод раздачи апанажей (Ж. Кальметт оценивает его как своеобразный тип феодальных отношений — «апанажизм»¹²) создавал риск образования сепаратистски настроенных сеньориальных родов, хотя по источнику происхождения, присоединенные к королевскому дому «кровью родства», они потенциально не представляли для него опасности. Требовалась взвешенная система правовых ограничений, которая была способна препятствовать распаду государства и сохранить королевскую власть. По сути, она и была создана Людовиком IX; последующие за ним Капетинги в той или иной степени смогли ее сохранить.

Отчасти число и размеры апанажей зависели от воли случая: количества сыновей, продолжительности их жизни, брачных партий и т.д. Так, Филипп III был вторым сыном в семье, но после смерти старшего брата Людовика в 1260 г. унаследовал престол. Из пяти сыновей Филиппа от двух браков двое умерло в младенчестве, в апанажах нуждались лишь Карл и Людовик. Первый, по достижении совершеннолетия в 1286 г., получил графство Валуа, а его брак с дочерью Карла I Анжуйского Марией подтвердил домениальные права королевской семьи на Анжу, Мэн и Перш¹³. Людовик же в 1298 г. стал графом д'Эврэ, поскольку еще в 1200 г.

¹¹ Альфонс де Пуатье, брат Людовика Святого, в частности, так привык к Пуату, что даже передал графство Тулузы администрации Капетингов еще в 1271 г., т.е. до принятия Лангедока в королевское владение при Филиппе III. См.: *Garaud M. Les chatelaines de Poitou et avènement du régime féodale, XIe—XIIe siècles. Poitiers, 1967. P. 56.*

¹² *Calmette J. Charles V. Paris, 1979. P. 158.*

¹³ *Dunbabin J. Charles I of Anjou: Power, Kingship and State-Making in Thirteenth-Century Europe. L., 1998. P. 27—28.*

Иоанн Безземельный уступил сюзеренитет над этой территорией французской короне¹⁴.

Не менее сдержанно подошел к раздаче апанажей троим своим сыновьям и Филипп IV Красивый. Будущий Филипп V носил титул графа Пуатье, младший Карл в 1316 г. получил от отца ранее аннексированное у бездетной вдовы Ги де Лузиньяна Иоланды графство Ла Марш (аналогичным образом апанажем для Карла станет и Ангулем). Однако благодаря брачной стратегии отца принцы стали владельцами значительных по размерам земель, также вошедших в состав домена. Так, Филипп IV женился на Жанне Наваррской, и этот брак дал возможность присоединить к королевским владениям Шампань, а также привел к первому объединению Франции и Наварры в рамках личной унии, продлившейся до 1328 г. Не менее значимым станет и тот факт, что Жанна Бургундская сделала своего супруга Филиппа V графом Бургундским¹⁵.

Приход к власти Филиппа VI, у которого родилось семеро, но выжило только двое сыновей, казалось, практически аннулировал проблему апанажей. Тем более что единственный из претендентов — Филипп, ставший графом Валуа, графом Туреньским и первым герцогом Орлеанским, умер бездетным. В итоге, когда около 1343 г. т.н. дофин Вьеннский Умберт II передал свои владения Филиппу VI¹⁶, наследный принц Иоанн тоже получил апанаж, что не практиковалось в капетингскую эпоху.

Разразившаяся Столетняя война особым образом повлияла на сложную, основанную на принципах родства, династических привилегий и амбиций систему земельных владений принцев крови и прочих крупных ленов. Иоанн Добрый недооценил эту угрозу, необдуманно умножая вокруг столицы апанажи для своих сыновей и брата, что не могло не провоцировать кризис в их взаимоотношениях с короной¹⁷ и, разумеется, сокращало размеры домена. Имея четырех сыновей, Иоанн II не поскупился на широкие жесты. Его старший сын, дофин Карл, получил Нормандию и

¹⁴ Zotz T. Philipp III der Kühne // Die französischen Könige des Mittelalters. Von Odo bis Karl VIII. München, 2006. S. 177.

¹⁵ Lewis A. W. Op. cit. P. 225—226.

¹⁶ На гербе графа Умберта II Вьеннского был изображен дельфин (*le dauphin*), что стало причиной аналогичного прозвище *Le Dauphin*. Область, которой правили графы Вьеннские, получила название «Дофинэ». В 1349 г. дофины Вьеннские продали титул французской короне с условием, что его будут носить наследники престола. Поэтому старший сын Иоанна II, будущий Карл V, стал первым дофином Французским. См.: *Letonnelier G. Histoire du Dauphiné*. Paris, 1958. P. 109.

¹⁷ В этой роли начнет утверждаться уже брат короля, Филипп. Его смерть в 1375 г. пресечет Орлеанскую ветвь, восстановленную позднее Карлом VI для его брата Людовика. Герцогство, вновь переданное в апанаж, станет основой новой Орлеанской династии, которая даст Франции поэта Карла Орлеанского, и короля Людовика XII. См.: *McLeod E. Charles of Orleans, Prince and Poet*. N.Y., 1969.

графство Дофинэ, а также расписку в получении за них денежной суммы. Отчуждение Нормандии в пользу наследного принца было безопасным, поскольку, став королем, он уже в ходе своей инаугурационной церемонии подтвердил сложившуюся еще в правление Людовика IX полноту прав короны на владение апанажами вплоть до их отчуждения в случае отсутствия наследников — т.н. алиенации¹⁸. И даже особый статус Дофинэ, согласно которому графство не было автоматически присоединено к королевскому домену, а стало отдельным апанажем (с центром в Гренобле) наследников престола, принявших титул и герб дофинов вьеннских¹⁹, не угрожал монархии, поскольку распространялся только на будущего монарха. Наличие же апанажей у младших братьев было более рискованным, поскольку при рождении наследников оно означало сохранение земель уже за кланом принцев крови. В условиях войны с Англией на фоне постоянных поражений французских войск это во многом угрожало единству королевской семьи и целостности домена. Но Иоанн Добрый, отдавая дань традиции, в 1356 г. выделил Анжу и Мэн своему второму сыну Людовику²⁰, Берри и часть Оверни — третьему, Иоанну, в 1360 г.²¹

В итоге два господствующих дома заняли свое место в генеалогической иерархии и на карте страны. Три сына короля, которые 19 сентября 1356 г. командовали сражением у Пуатье, были обеспечены достаточным количеством собственности. Наконец, еще одним претендентом, который также нуждался в наделе, — поскольку не мог быть лишен наследства, — выступал младший сын²², мужественно остававшийся с отцом со дня поражения до последних моментов его плена, Филипп Смелый.

Подписание 8 мая 1360 г. мира в Бретиньи означало отказ Франции от ряда территорий, но, в первую очередь, — от Пуатье и Сентонжа, являвшихся апанажами принцев крови. Для французской короны это было не просто потерей части своего домена, а более серьезной угрозой. Несмотря на апелляцию к уже упоминавшемуся условию Парижского договора 1258 г., согласно которому, принцы крови не должны приносить оммаж

¹⁸ Алиенация (от лат. *alienatio*) — отчуждение, закладывание, продажа; право продажи или передачи. Изложение процесса отчуждения апанажей Карлом V и Карлом VI в контексте обсуждаемой проблемы см. ниже.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Moranvillé H. Inventaire de l'orfèvrerie et des joyaux de Louis I duc d'Anjou. 4 vol. Paris, 1903—1906.

²¹ Lacour R. Op. cit. P. 32.

²² Иоанн Добрый имел не только четырех сыновей, но и несколько дочерей: Жанну (замужем за Карлом Злым), Марию (замужем за Робертом I де Баром), Агнессу, Маргариту де Пуасси и Изабеллу (замужем за Джангалеаццо I Висконти, герцогом Миланским). См.: Chronique des règnes de Jean II et Charles V / Éd. R. Delachenal. Paris, 1917. Vol. IV. P. 189—190.

королю Англии за свои апанажи, даже если теперь они не принадлежат домену Валуа, английская сторона не признавала прежние договоренности и расценивала полученные земли как собственность Плантагенетов. В итоге для передачи в апанаж сыновьям Иоанна II они были потеряны, сами же принцы находились в плену у Эдуарда III. Более того, угроза потери Анжу, Мэна, Эврэ и прочих домениальных территорий, когда-то отвоеванных Филиппом Августом у Иоанна Безземельного, была достаточно велика. Поэтому по возвращении из английского плена Иоанн II не только наделил традиционными в качестве апанажа Берри и частью Оверни принца Иоанна²³, но и отдал младшему из сыновей, Филиппу, графство Турень, предварительно возведя его в герцогство²⁴. Несомненно, это утверждало права французской короны на свободное распоряжение своим доменом, но, учитывая потенциальные претензии Эдуарда III на ранее принадлежавшие Плантагенетам территории, могло расцениваться как вызов. Что косвенно подтверждает повышающийся статус Турени и формирование новых апанажей: в 1363 г. герцогство становится апанажем дофина Карла, а принц Филипп — герцогом Бургундским²⁵.

Как известно, бургундская проблема окажется в ходе Столетней войны настолько важной, что ситуация с получением данных земель в качестве апанажа и связанная с этим позиция королевской власти требуют отдельного рассмотрения. Геополитическая важность Бургундии для монархии объясняется тем, что уже в 1032 г. герцогство управлялось младшей ветвью капетингского дома и формально являлось собственностью короны. Передача его в апанаж, безусловно, определила блестящее состояние этого рода, идущего от герцога Роберта I Безземельного, сына второго короля третьей династии, Роберта Благочестивого²⁶.

Этот герцогский дом непрерывно и регулярно продолжался: отец в сыновьях, дед во внуке и брат в брате — вплоть до 21 ноября 1361 г., дня смерти последнего представителя линии, герцога Филиппа де Рувера. Он скончался неожиданно, в возрасте 17-ти лет, будучи единственным и к тому же неженатым правителем (только женихом Маргариты, дочери графа Фландрии Людовика Мальского)²⁷.

Когда владелец толь обширного и богатого фьефа, к тому же королевский ленник, оставил его без наследников, это обнажило проблему,

²³ *Teysot J. Povoires et contre-povoires politiques en Auvergne durant l'apanage de Jean de Berry, 1360—1416 // Les princes et le pouvoir au Moyen Âge. Paris, 1993. T. 28. P. 247—260.*

²⁴ *Blanchard F. Op. cit. P. 220.*

²⁵ *Ibid. P. 222—223.*

²⁶ *Richard J. Les Ducs de Bourgogne et la formation du duché, du XI au XIV siècle. Paris, 1954.*

²⁷ *Annales de Bourgogne / Éd. P. du Haut-Jussé. Paris, 1938. P. 110.*

всегда острую в феодальной среде, представители которой неизбежно являлись искушенными знатоками перипетий порядка наследования. В данном случае бургундский династический «узел» был тем «крепче», чем больше успеха и удачи сулило наследование. Капетингская династия в Бургундии не просто добилась выгодной цели, она еще и консолидировала вокруг одного исторического «ядра» (т.е. первоначального герцогства) все сеньориальное окружение.

По сути, бургундская ветвь, исходящая от младшей же ветви королевской династии, вела в герцогстве политику, аналогичную той, которая составляла задачу Капетингов в их ленах — создание государства, объединенного сплошной территорией домена. Пять бальяжей, устроенных по капетингскому образцу, образовывали изначальное территориальное «ядро» герцогства: Отен, Монсени, Дижон, Шатийон-на-Сене, Оксуа и Шалон-на-Соне²⁸. Но созидательная деятельность десяти поколений герцогов добавила к ним и другие земли. Матримониальной политикой бургундские Капетинги присоединяли к первоначальному герцогству особо значимые сеньории, в результате чего Эд IV, дед и предшественник Филиппа де Рувра, уже являлся прообразом тех «великих герцогов Запада», которые в XV в. приобретут почти королевский статус²⁹.

Эд IV присутствовал в Реймском соборе на коронации Карла IV, состоявшейся в праздник Троицы, 29 мая 1328 г., выполнив — согласно протоколу — все закрепленные за ним обязанности³⁰. В этот день, когда официально исчерпала себя старшая ветвь дома Капетингов, младшая не опасалась исчезновения. Уже будучи королевским шурином, как супруг Жанны Французской, дочери Филиппа V Длинного, Эд IV посредством брака своей сестры Жанны с Филиппом VI стал шурином и нового короля Франции³¹.

Сын Эда IV, принц Филипп, женился на Жанне Булонской, еще одной наследнице королевского дома. И хотя Филипп умер раньше отца, став жертвой трагической случайности (падения с лошади³²), он подарил Эду внука, Филиппа де Рувра³³. Казалось, династия получила пер-

²⁸ *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne* / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873. P. 231.

²⁹ *Calmette J. Les Grandes Ducs de Bourgogne*. Paris, 1979.

³⁰ Среди них — ритуалы вручения и благословения меча, созыва пэров и прикосновения к короне.

³¹ *Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393)* / Éd. A.-M. Lucé. Paris, 1862. P. 152.

³² *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne*. P. 233.

³³ Т.е. Твердого (от фр. *le Rouvre* — «каменный дуб»). Прозвище закрепилось по названию дворца около Дижона, где он родился. См.: *Drouot H., Calmette J. Histoire de Bourgogne*. Paris, 1942.

спективу, т.к. Филипп, в 17 лет ставший женихом Маргариты, наследницы Фландрии, представительницы династии, также восходящей к Роберту Безземельному, находился в полном расцвете сил. Однако внезапная болезнь и последующая в 1361 г. смерть³⁴ юного герцога пресекли бургундскую ветвь капетингской династии, что было неожиданно и трагично, но преодолимо с точки зрения политических комбинаций наследования. Тем более что между завещанием Филиппа I и его смертью прошло десять дней, а это означало одно — у политической элиты Бургундии и Франции имелось время, чтобы привыкнуть к мысли о необходимости определения дальнейшего будущего герцогства и выдвинуть наиболее вероятные кандидатуры на место Филиппа де Рувра. Что касается бургундской знати, то манипулирование угасшим герцогским родом, возможное с целью переговоров с вероятными восприемниками, не интересовало одних и не принималось другими. Идея Иоанна II придать бургундскому наследству размах большого политического дела³⁵ была стратегически неверной. В свою очередь, политика короля, едва утвердившегося во власти по возвращении из плена, не включала решительных действий, и время, чтобы спланировать и успешно осуществить присвоение владений бургундских Капетингов, было упущено. В конечном счете, наследство Филиппа I рассматривалось как сугубо семейное дело королевской династии, поскольку речь шла о землях Капетингов.

Основой в обсуждении бургундского наследства и возможности короны проявить себя выразительницей «общей воли», выступило завещание Филиппа I, вернее, одно из условий, существенных с точки зрения его автора: «Итак, приказываем и утверждаем прямыми наследниками наших земель, как имеющихся сейчас, так и будущих, какими бы они ни были, тех, кто по праву или установленному обычаю является таковыми сейчас и тех, кто может стать таковыми в будущем»³⁶. Следовательно, изъявление последнего желания не чинило препятствий для передачи имущества законным наследникам. Впрочем, определенная сложность состояла еще и в том, что даже при успешном применении завещания, дело могло оказаться в ситуации *ab intestat*. Наличие документа, фиксирующего предсмертную волю Филиппа I, не выступало безоговорочным гарантом исполнения последнего наказа покой-

³⁴ Он умер от чумы скоропостижно, буквально через несколько дней после начала болезни. В состоянии Филиппа не было ничего тревожного до 11 ноября — даты, когда молодой герцог составил завещание. Десятью днями позже он скончался. См.: *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne*. P. 233.

³⁵ *Livres des trahisons de France envers la Bourgogne* / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.

³⁶ *Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne*. P. 233—234.

ного, поскольку в результате делало обязательной передачу имущества согласно феодальным принципам, в корне пресекая любую интерпретацию претендентов. Завещание мешало оспорить те земли, которые оно перечисляло, в то время как за каждой частью герцогства стоял свой опыт инкорпорации³⁷. Другими словами, никто не мог считать себя имеющим исключительное право унаследовать все владения герцога Филиппа.

Наконец, из предписаний завещания вытекала сложная, но обязательная для выполнения правовая процедура, раскрывающая перед монархией дополнительные возможности презентации своих полномочий. Согласно предсмертной воле, каждый фьеф, оставленный покойным, должен был рассматриваться отдельно, учитывая источник его происхождения и условия вхождения в состав герцогства³⁸. Для этого следовало обращаться к последнему владельцу, имеющему законного наследника. По каждому случаю надо было разрабатывать правила, которые могли бы быть применимы либо в силу установленного права, либо по причине наличия прямого наследника. Традиционная же формула «правом или обычаем предписано» делала завещание формальностью.

Королевская власть сумела найти в арсенале своих обычных прав достаточные основания, а в трудах легистов — убедительные аргументы, позволяющие подтвердить притязания на Бургундию с точки зрения государственного блага и общественно интереса³⁹. Иоанн Добрый, несомненно, имел такое намерение, но не воспользовался этой перспективой — для завладения герцогством он предпринял более архаичную — патримониальную, стратегию соразделения на отдельные части.

Весьма значительное наследство состояло из конгломерата разнородных территорий, каждая из которых имела свои особенности. Главным компонентом совокупности бургундских земель изначально выступало герцогство; пять названных бальяжей обладали исключительными экономическими и геополитическими ресурсами: виноградники на берегах Соны, хлеб обширных равнин и богатства лесов делали Бургундию краем, стратегически важным для Франции. Кроме того, корону герцогства составляли Франш-Конте, Булонь, Овернь, Артуа и земли в Шампани. Однако разросшаяся династия Капетингов, с воцарением Валуа все активнее разветвляющаяся на отдельные кланы, усложняла переход Бургундии в руки как лично короля, так и, в уже гораздо большей степени — управляемого им государства без каких-либо

³⁷ Ibid.

³⁸ Blanchard F. Op. cit. P. 244—245.

³⁹ Beaune C. Op. cit. P. 140—141.

редукций. Столкновение личных, родственных интересов монарха как члена династического клана и его обязательств суверена как гаранта справедливости и соблюдения порядка соединились и породили применительно к бургундскому наследству достаточно сложный прецедент, в основе которого, с одной стороны, оказались противоречия норм обычного и королевского права, частного и общегосударственного — с другой, а также личных прав короля и его оппонентов — с третьей.

Графства Булонь и Овернь достались Филиппу I от его матери, Жанны Булонской. Поэтому Филипп, как потомок булонского дома, на эти два фьефа имел наследника, который приходился ему старшим дядей, — Иоанна Булонского. Графство Бургундское и Франш-Конте, Артуа и земли в Шампани должны были вернуться к Маргарите Французской, вдове Людовика Фландрского и Неверского, матери графа Фландрского, Людовика Маля (несостоявшегося тестя Филиппа де Рувра)⁴⁰. В герцогстве же Иоанн Добрый — законный наследник династии Капетингов по мужской линии — желал иметь те же права, что и в своем королевстве. Кроме того, его младший сын Филипп нуждался в достойном его смелости и преданности апанаже.

Впрочем, он имел еще одного конкурента — Карла Злого, короля Наваррского. Следует признать, что наследственных оснований для претензий на трон Капетингов у него объективно было гораздо меньше, чем на корону бургундских герцогов (в последнем случае, их очевидность и убедительность нивелировала любые возражения оппонентов). Карл Злой и Иоанн II имели права по женской линии, поскольку Иоанн являлся сыном Жанны, Карл — внуком Маргариты, а обе они были дочерьми Роберта II Бургундского. Чуть большими, всего на одну долю, являлись права Иоанна II. Но Маргарита была старше Жанны, и обычай Бургундии оказывался на стороне короля Наварры. Завещание Филиппа I явилось причиной спора двух августейших особ⁴¹, поскольку действовало правило передачи имущества по мужской линии, единственно возможное как для герцогства, так и для королевства, поэтому в качестве законных наследников Карл Злой и Иоанн Добрый выставили свои кандидатуры.

⁴⁰ Dupont-Ferrier G. Le Personnel de la cour ou chambre des aides de Paris des origines à 1483 // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. 1931. P. 219—256; 1932. P. 191—297; 1933. P. 167—269; *Idem*. Le Personnel de la cour du trésor // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. 1935. P. 185—298; 1936—1937. P. 175—241.

⁴¹ *Mémoires de Société pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons* / Éd. P. du Haut-Jussé. Dijon, 1936. Vol. 1. Более того, Карл Злой не довольствовался спором только за герцогство: будучи зятем герцога Бургундии, он оспаривал еще и предназначенные Маргарите Бургундской земли Шампани. См.: *Annales de Bourgogne*. P. 115—116.

Спор оказался бесплодным для Карла. Объединение наследников покойного Филиппа Твердого произошло помимо короля Наваррского и против него. К его досаде, непосредственные интересы его дома не были приняты во внимание в завещании, а попытка решить дело силой закончилась поражением. В 1362 г. Карл Злой вознамерился овладеть бургундским наследством с помощью оружия, однако получил твердый отпор: весной 1364 г. Бертран Дю Геклен разбил наваррцев в битве при Котреле и вынудил короля заключить мир⁴². Оспаривания же, в силу достаточно близкого родства Карла с королем⁴³, могли привести к аналогичным претензиям герцога на трон Франции.

Фактически, все противники Карла Злого — Иоанн Добрый, Иоанн Булонский, Маргарита Французская — выступили против него. Хотя данный союз не оставил официальных свидетельств своего существования, объединение произошло очень быстро и касалось раздела Бургундии. Единственное, что можно было противопоставить хозяину Наварры, — это права монарха и наследника, которые он никак не мог оспорить. Таковые имелись в силу одного обстоятельства — Жанна Булонская⁴⁴, мать Филиппа Твердого, во втором браке была замужем за королем Иоанном. Следовательно, раздел Бургундии предполагалось осуществить безболезненно и беспрепятственно.

⁴² *Autrand F. Charles V le Sage. 2 éd. Paris, 1994; Autrand Fr., Barthélémy D., Contamine Ph. L'espace français: histoire politique du début du XIe siècle à la fin du XVe. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public, 20e congrès // L'histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. Paris, 1989. P. 101—125.*

⁴³ Карл Злой (1349—1387) принадлежал к королевскому дому, поскольку, будучи сыном Филиппа д'Эврэ и Жанны Французской, по материнской линии приходился внуком Людовика X. В 1349 г. Карл наследовал матери в Наварре. Что касается Эврэ и других французских земель, то ему не удалось их получить от Иоанна Доброго. Впрочем, это не помешало Карлу в 1352 г. жениться на его дочери Жанне. По сути, вся жизнь Карла Злого ушла на борьбу с королевским домом. В 1356 г. Иоанн под ничтожным предлогом заключил герцога в темницу и отнял только что уступленные ему в Нормандии земли. В битве при Монпертю Карл был освобожден и с 1357 г., стремясь к французской короне, как внук Людовика X, стал одним из активных участников политического кризиса 1356—1358 гг. После смерти Этьена Марселя продолжил войну. В 1359 г. дофин согласился на его притязания, но уже в 1364 г. борьба разгорелась снова и продолжалась до самой смерти Карла Злого. В 1378 г. он был обвинен Карлом V в покушении на убийство и вновь потерял свои французские владения (*Secousse R. Recueil de pieces servant de preuves aux mémoires sur les troubles excites en France par Charles II dit le Mauves, roi de Navarre et compte d'Euvreaux. Paris, 1755*). Что касается судьбы родовой ветви герцога, то со смертью его сына Карла в 1425 г. пресеклась мужская линия династии. Посредством брака дочери Карла Злого Бланки Наварра объединилась с Арагоном, породив тем самым новую серию проблем для французской короны. См.: *Leguain A. Les Ducs de Bourbon pendant la crise monarchique du XVe siècle. Paris, 1962.*

⁴⁴ Жанна приходилась дочерью графу Оверни Гийому XII.

Терпимость и патриотизм в деле о бургундском наследстве были особенно важны. Также следовало учитывать и личный фактор — наиболее важный в игре, ведущее положение в которой занимал старший дядя покойного герцога, одновременно еще и дядя короля Франции, Иоанн Булонский — глава герцогского совета и личный друг государя. Его обязанности представляли собой симбиоз из должностей коннетабля, главы королевского совета и личного советника короля. Наконец, именно он женил монарха-вдовца на своей родной племяннице, тоже вдове, Жанне Булонской. К тому же оказывалось, что Иоанн Булонский, как брат Гийома XII Овернского, являлся сонаследником собственности своего младшего племянника⁴⁵.

Хорошее понимание дела, в котором оба имели одни и те же личные интересы, сближало двух тезок. Все или почти все было сделано Иоанном Булонским, находящимся в Бургундии. Именно он держал томящегося в английском плену короля в курсе болезни Филиппа Твердого, дабы в случае наступления смерти последнего сообщить об этом Иоанну II, и уже на месте, в Бургундии, принять меры по решению наследственного вопроса в пользу Валуа. Именно таким образом, например, глава герцогского совета сознательно отсрочил оповещение широкого круга знати о смерти Филиппа I. Официальным отчетом об этом сокрытии он, как глава королевского совета, не только выступил на страже интересов общей воли монарха, но, как представитель династии, свел личные счёты с Карлом Злым. Общая формальная ссылка определялась сугубо законопослушной позицией, исполняющей волю завещателя: «Наши сеньоры совета указали на герцога, прозванного Твердым, его попросили назвать наместника, чтобы тот охранял названное (имущество. — С.П.), которое имеется у него, и тот назвал короля Иоанна»⁴⁶.

Обратное доказательство, о котором незамедлительно был предупрежден Иоанн Добрый, чтобы у него осталось время для обдумывания и действия, следует из даты королевского указа, оглашенного на указанном совете. Согласно существовавшим тогда правилам королевской дипломатики, эти письма датировались только месяцем, без числа. В данном — ноябрем. Филипп Твердый умер 21-го числа, данный факт объясняет спешку, с которой пришлось составлять и рассылать указы в оставшиеся несколько дней ноября.

Деятельность Иоанна Булонского, таким образом, началась. Из его распоряжений владельцам шателленов и горожанам герцогства следовало, что он стоит на страже суверенных прав короля. Так, предписани-

⁴⁵ *Marshal-Verdoodt M. Table des noms de personnes et de lieux mentionnés dans les plus anciens comptes de la recette générale de Philippe le Hardi, duc de Bourgogne (1383—1389). Madison, 1960.*

⁴⁶ *Annales de Bourgogne. P. 119—120.*

ем уже от 24 ноября запрещался въезд в Бургундию всем, кроме королевских посланцев⁴⁷.

Подобными мерами Иоанн Булонский буквально выбил почву из-под ног оппозиции, благодаря чему даже Карл Злой убедился в собственной политической медлительности. Наконец, благодаря щедрым дарам Иоанн Добрый завоевал симпатии бургундской знати. И все же, не забывая об осторожности, король Иоанн — очевидно, с ведома своего союзника — мобилизовал в Невере военные силы, вызвав в Корбиньи знаменитого командующего Арно де Севроля, прозванного за набожность «Архиепископом»⁴⁸. Однако данная предосторожность оказалась излишней.

Отправляя королю посланников с донесениями актуальной информации, Иоанн Булонский продемонстрировал исключительную политическую дальновидность. Его план заключался в том, чтобы одновременно поставить и население Бургундии, и Карла Злого перед свершившимся фактом, дабы успокоить первых и нейтрализовать последнего. Эта озабоченность, заставлявшая торопиться с решительными действиями, выдала себя, в частности, во время созыва оставшихся вассалов покойного герцога, по традиции назначенного после Рождества.

Взвешенность, продуманность и оперативность действий Иоанна Булонского имели огромное значение для короля. Созыв смог состояться только 28 декабря, и в этот же день Иоанн Добрый явился в Дижон почтив своим присутствием провинциальную ассамблею сословий. Затем, в полном соответствии с требованиями дальнейшего соблюдения публичности и легитимности своих действий, он отправился в расположенное к югу от города цистерианское аббатство Сито, где в присутствии сонаследников 16 января подписал акт, касающийся долгов Филиппа Твердого и его движимого имущества. Наконец, посетив г. Бон по возвращении король поручил графу Танкарвиллю заняться делами герцогства, сделав его, таким образом, наместником Бургундии в своем отсутствие и одновременно закрепив позицию суверенных прав на эту территорию⁴⁹.

В итоге даже со ссылкой на завещание Филиппа I кутюмы Бургундии и права сословий, которые могли из них следовать, не были нарушены. Подчеркнуто легитимная, созидательная позиция короля имел своим следствием главный результат: никто или почти никто не выступил поборником изначально столь основательных прав Карла Злого.

⁴⁷ Lettres Patentes. 1361 // Mémoires de Société. Vol. 1. P. 190—191.

⁴⁸ Annales de Bourgogne. P. 123.

⁴⁹ Ibid.

Приехав в Бургундию в качестве нового наследника, король Иоанн получил несколько красноречивых предупреждений, призванных донести до монарха позицию местной аристократии. Очень почтительные, но от этого не менее твердые слова были произнесены в ассамблее сословий Бургундии в декабре 1361 г. Их можно свести к формуле: герцогство намеревается оставаться герцогством; оно не желает становиться королевской провинцией; оно не войдет в домен; на основании частного права Бургундия не должна быть инкорпорирована в королевство; аннексия невозможна, равно как и общие внешние границы. Успех короля, следовательно, не был полным, и, как результат, *de jure*, Иоанн получил только личную унию.

Ситуация в данном случае являлась типичной и одновременно особенной. Бургундия изначально формировалась герцогами — Капетингами. Это объясняет выбор бургундцев: когда прочие фьефы связали свою судьбу с центром, став частью объединенного и постоянно растущего домена короля, Бургундия, как и Гиень времен Людовика VII, отказалась от инкорпорации (подобно Лангедоку).

Чтобы понять всю демонстративность декабрьских деклараций, сделанных провинциальной ассамблеей Бургундии, надо обратиться к ноябрьским королевским указам, в которых Иоанн II заявлял о своем наследовании Бургундии на основании права родства, но с важной поправкой — герцогство должно объединиться с Францией в интересах всего государства. Вопреки королевским претензиям, бургундская ассамблея, таким образом, допустила Валуа к наследованию, но открыто выступила против «автоматического» включения в королевский домен, т.е. соблюла нормы частного права Иоанна II как сюзерена, отказавшись выполнять его претензии суверена — выразителя общих интересов страны.

Иоанн Добрый слишком поздно «конвертировал» герцогство Бургундское в апанаж для Филиппа Смелого: лишь для того, чтобы сохранить его на типичных условиях, характерных для прежних патримонийных дарений. Между королевскими указами за ноябрь 1361 г. и временем учреждения бургундского апанажа пролегла пропасть. Почему и каким образом совершился этот поворот, и как он изменил позицию королевской власти по вопросу о неотчуждаемых территориях? Конечно, причина кроется, главным образом, в позиции бургундцев. На идею аннексии, объявленную королем в указах, ответили возражением, потребовав неукоснительно соблюдать независимый статус герцогства. Данная позиция, сформулированная с юридической четкостью и политической убежденностью в собственной правоте, явилась свидетельством подлинного внутреннего единства Бургундии. Такова же и суть подписанного в 1363 г. Иоанном II ордонанса об учреждении в

герцогстве апанажа на особых для короны условиях: «Иоанн, милостью Божией король Франции. Нашей подписью в настоящем, а также на будущее заверяем, что после смерти светлейшего сына нашего Филиппа, герцога Бургундского, герцогство Бургундское, согласно нашим правам и общим достояниям на основе родственного права, без учета первенства нашей короны, будет успешно принято его наследником, герцогом Бургундским <...> таковы наша благоденственная французская корона, наша мудрость и управление нашим домом, единое, согласное и нераздельное»⁵⁰.

Бургундскому единству содействовали два немаловажных фактора: во-первых, самонадеянность Иоанна II, а во-вторых, политический талант его младшего сына.

Легкомыслие и недальновидность короля не являлись чем-то неожиданным после допущенных им военных и дипломатических поражений. Ликвидировать одним росчерком пера Бургундское герцогство было немислимой затеей, ведущей к полному провалу всей стратегии его удержания за короной. Необходимы такт и время, чтобы заставить Бургундию склониться к объединению с Францией. Непоследовательный и резкий Иоанн в своих декабрьских ордонансах допустил один, но болезненный промах — им было упущено время. То, что могло стать возможным при условии применения твердых, но допускающих компромисс легитимных мер, теперь оказалось невыполнимо. Желая форсировать ход событий, Иоанн Добрый допустил ошибку и был вынужден подчиниться требованиям бургундской ассамблеи.

В какой момент идея повторить поступок короля Роберта и вновь, как в XI в., отстранить герцога Бургундского от французской короны появилась в замыслах Иоанна Доброго, сказать трудно. Но чего добивался дядя французских принцев, император Карл IV Люксембургский, выдавая тайные письма от 15 января 1363 г.⁵¹, которые выступали залогом наследования Франш-Конте Карлом Злым, понять несложно, поскольку воцарение Филиппа Смелого как герцога Бургундии было уже решено его отцом.

Поскольку герцогство надо было возвращать заново, Филипп получал широкие властные полномочия, сулившие ему явную выгоду. Как уже упоминалось, ореол исключительности младшего сына короля обнаружился в день пленения последнего. Благодаря сыновней преданности он не только обрел популярность, но и укрепил собственные властные позиции в Бургундии. К чести принца, свойственные ему отвага и великодушие, действительно, способствовали успеху нового герцога,

⁵⁰ *Lettres Patentes*. 1361. P. 192.

⁵¹ *Blanchard F.* Op. cit. P. 247—248.

добавляя ему как политику значительный вес. Из тени, в которой находился младший сын короля, Филипп вынес умение сознательно руководить реализацией своих амбиций. Вскоре новоявленный герцог получил возможность применить свой талант, направив его на присоединение Бургундии к короне.

Дело в том, как уже указывалось выше, бургундский апанаж не был типичным, не обремененным условиями дарением, которое имела привычку преподносить королевская власть представителям своей династии. В данном случае (из-за оппозиции сословий и потенциальных претензий прочих претендентов) дело обстояло несколько иначе. Реорганизация апанажа, с одной стороны, должна была пройти постепенно и максимально незаметно, а с другой, — исключительно на законных основаниях⁵². При этом Филиппу следовало остаться французским принцем, выразив тем самым общегосударственные интересы короны и, одновременно, репрезентовать себя герцогом Бургундии, соблюдая требования ее сословий.

По правде говоря, Филипп Смелый — храбрый на поле сражения, но в обычной жизни гораздо более осторожный — изначально собирался действовать с предельной осмотрительностью. Возможно, он опасался, что его открытое рвение будет замечено, а ситуация, которая вырисовывалась перед ним, являлась достаточно сложной и запутанной, ведь Филипп не мог автоматически наследовать герцогство прямо от отца. После ордонанса от 15 января 1363 г. герцог шесть месяцев (!) не предпринимал попыток вступить в свои права. Лишь 27 июня 1363 г. он заменяет графа Танкарвилля, но становится, со званием *lieutenant général*, только уполномоченным от имени короля. Несколько дней спустя, 3 июля, провинциальная ассамблея Бургундии собирается в г. Дижоне. Это было удачное начало диалога между герцогом и его будущими подданными, т.к. ассамблея предоставила Филиппу субсидии, в которых отказала Танкарвиллю⁵³. Тайна данного промедления оставалась таковой до смерти Иоанна Доброго, последовавшей 6 сентября 1364 г., хотя уже ордонансом от 2 июня того же года Филипп официально назначался владельцем бургундского апанажа, что юридически подчиняло герцогство королевской династии и делало его частью французского государства.

С чем было связано такое количество предосторожностей? К вполне понятным опасениям осложнений контакта Филиппа с бургундцами следует добавить и желание Иоанна облегчить отношения дофина

⁵² «Филипп Смелый не хотел брать Бургундию, но желал бы, чтобы она незаметно соскользнула в его руку» // *Calmette J. Charles V. P. 174.*

⁵³ *Calmette J. Les Grandes ducs de Bourgogne.*

Карла, как наследника престола, с младшим братом, как возможным сепаратистом, тем более что при таком стечении обстоятельств он был бы безусловно поддержан своими подданными. Окончательный акт от 2 июня 1364 г. продемонстрировал распоряжение бургундским наследством одновременно как свидетельство уважения к требованиям бургундцев и как справедливое великодушие короля по отношению к младшему сыну, перенесшему с ним все тяготы плена. Стараниями Иоанна Доброго Филипп получил герцогство прежде, чем формально стал его сеньором. Поэтому Иоанн II намеренно обосновал смену своей политики 1361 г. и тайного акта 1363 г., успешно оперируя в постановлениях июня 1364 г. латинской формулировкой свидетельства подлинности — *vidimus*⁵⁴.

К апанажам Людовика Анжуйского и Жана де Берри добавится бургундский, владельцами которого станут потомки Филиппа Смелого вплоть до гибели последнего из них — Карла Смелого — в 1477 г. Как известно, в условиях событий Столетней войны Бургундия все же создаст для короны значительную опасность, которую в полной мере испытают на себе старший сын и внуки Иоанна II. Однако попытка короля действовать в рамках публично-правовых предписаний в отпавлении своих потестарных функций, все более выражающих общие интересы государства, в условиях развития суверенной власти монархии приобретет тенденцию к дальнейшему устойчивому укреплению, несмотря на все негативные для Франции перипетии Столетней войны⁵⁵.

Приход к власти дофина Карла в 1356 г. в будущем означал появление на французском троне незаурядного монарха с выраженной политической и правовой стратегией, позволившей преодолеть катастрофу первых десятилетий войны и получить необходимую передышку. Однако период регентства, продлившийся до 1360 г., когда дофину пришлось править в отсутствие находящегося в английском плену отца, оказался ознаменован внутренним кризисом. Он только усугубил проблему апанажей.

Как известно, на собрании Генеральных штатов в Париже весной 1357 г. представители третьего сословия во главе с епископом Ланским Робером Ле Коком и старшиной парижских купцов Этьеном Марселем при поддержке по-прежнему стремящегося к французской короне Карла Злого потребовали удаления королевских советников и до-

⁵⁴ Термин восходит к латинской правовой формуле *Quod vidimus testamur* — «Свидетельствуем о том, что видели». См.: *Lettres Patentes*. 1364. P. 211—214.

⁵⁵ *Хачатурян Н.А.* Природа авторитарной власти: от патримониальной к публично-правовой монархии // *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 174—175.

бились учреждения смешанной комиссии, которая признала за собой право совместного с дофином контроля за расходованием субсидий. Дофин не захотел сместить своих советников, и тогда во время нового собрания Генеральных штатов (22 февраля 1358 г.) восставшие горожане во главе с Этьеном Марселем ворвались в комнаты дофина и на глазах последнего убили маршалов Шампани и Нормандии⁵⁶. Последующее в течение весны и лета 1358 г. противостояние дофина и Генеральных штатов оценивается как пик политического кризиса. Его основными вехами стали принятие Карлом титула регента, бегство из Парижа и созыв лояльных к нему Генеральных штатов в Компьени, убийство Этьена Марселя и отъезд Карла Злого. Несмотря на одержанную дофином победу, ошибочно полагать, что начиная со второй половины XIV в. Генеральные штаты всегда довольствовались подтверждением королевских привилегий и принимали решения, продиктованные королевскими советниками⁵⁷.

Именно в условиях названного кризиса оппозиция дофина заявляет о его подчиненности Генеральным штатам с угрозой признания верховной власти лишенной законной силы. Среди прочих причин Робером Ле Коком была высказана та, которая в дальнейшем приведет к новому решению вопроса о легитимности королевской власти и публично-го нарушения ею правовой стороны процедуры посвящения и коронации: дофину был брошен упрек в несоблюдении династией условий инаугурационной клятвы — т.н. «клятвы Королевству» (*le serment du Royaume*). Начиная с эпохи Людовика IX, ее приносил во время церемонии королевского посвящения каждый французский монарх⁵⁸. Ко времени коронации Карла клятва имела четыре условия, зафиксированные в протоколах церемонии, — *ordines coronationis*⁵⁹. Первые три

⁵⁶ Chronique des règnes de Jean II et Charles V / Éd. R. Delachal. Paris, 1917. Vol. IV. P. 201—203.

⁵⁷ Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.

⁵⁸ *Esmein R.* Le serment promissoire // Revue d'histoire de droit. 1888. P. 317.

⁵⁹ Они получили название «капетингские *ordines*» и представляют собой три составленных по распоряжению Людовика IX коронационных чина: *ordo* Реймса 1230 г. (*Ordo de Reims // Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIII—XIII siècles)* / Éd. Y. Chevalier // Bibliotheque liturgique. Paris, 1900. № 7. P. 222—226), *ordines* 1250 (*Kompilation von 1200 // Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu. Bd. XI, 285 f)* // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. B., 1938. Bd. 15. № 1. S. 23—28) и 1270 гг. (*Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne ou Livre du sacre des Rois de France. XIII siècle. 2-e moitié // Bibliothèque nationale. MS. lat., 1246 // Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquis. Paris, 1937. Vol. II. P. 145—146; Pontifical de Saint-Bertin. XII siècle. Saint-Omer, bibliothèque municipale.*

излагает *ordo* Реймса: «...Король <...> кладет руку на Евангелия (*tactis Evangelis*), склоняет голову и говорит следующее: “Сначала я клянусь Церкви покровительствовать в своем лице всем добрым людям. Я клянусь править мирно и справедливо <...> и по примеру Господа нашего проявлять милосердие”»⁶⁰. *Ordo* 1270 г. наполняет первое условие новым содержанием, расставляя акценты в пользу короля — защитника веры: «Сначала пусть Церковь Господня и весь христианский народ живут в мире под нашей защитой»⁶¹. Второе и третье условия, представляющие собой универсальные для политических концепций Средневековья этические требования «справедливого и милосердного правления», остаются неизменными. Наконец, четвертое условие заключалось в обязанности монарха бороться с еретиками: «Я клянусь моей властью и верой изгнать с земли, мне принадлежащей, всех еретиков, отказавшихся от Церкви, и клянусь исполнить все, о чем я говорил. Да поможет мне Бог и наша Святая Церковь»⁶². Таким образом, *le serment du Royaume* позволяла произносящему ее королю публично заявить о собственных прерогативах и, тем самым, в достаточной мере сконцентрировать власть суверена, защищающую общие интересы государства.

Поскольку «клятва Королевству» относилась к категории *juramentum*, т.е. имела высшую юридическую силу, квалифицируясь королевским правом как «тверждение, совершенное с клятвой, данной Господу при свидетелях и воспринятое так, как было сказано (т.е. на произнесенных королем условиях. — С.П.)», то ее несоблюдение монархом формально влекло за собой потерю им королевских прерогатив. Именно этот упрек в перипетиях нарастания конфронтации с Генеральными штатами и был брошен дофину Карлу. Однако применить его к сыну короля оказалось сложной задачей для оппозиции, поскольку Карл еще не прошел инаугурационной церемонии, т.е. не был ни помазан, ни коронован и лично ни в чем не клялся своей стране. Данное обстоятельство лишило противников дофина правовой основы их претензий, и когда Робер Ле Кок напомнил ему, что когда-то Генеральные штаты «возводили короля», его слова встретил только неодобрительный ропот⁶³. Чтобы смягчить допущенную резкость, епископ счел нужным апеллировать к авторитету Свя-

MS. 98 // *Ibid.* P. 318—323). Все они вошли в состав наиболее близкого Карлу варианта протокола королевского посвящения — «Коронационной книги Карла IV и Жанны д’Эврэ» 1321 г. См.: *The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d’Evreux* / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // *Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts*. 1958. № 8. P. 1—12.

⁶⁰ *Ordo de Reims*. P. 222.

⁶¹ *The Coronation Book of Charles IV*. P. 8.

⁶² *Ordo de Reims*. P. 223.

⁶³ *Faral E. Robert le Coq et les États Généraux de 1356* // *Revue d’histoire de droit*. Ser. 41. 1945. Vol. XXIII. P. 197.

того Престола: «Когда я говорил, что прежде сословия возводили короля Франции, я имел в виду, что это папа возвел его по ходатайству трех сословий»⁶⁴. Это заявление тем более не встретило поддержки, поскольку допускало, что для Франции середины XIV в. личного заключения папы оказывалось достаточно, дабы разрешить указанную проблему и предоставить основания для законного смещения короля. Столь неловкое обсуждение суверенитета папской власти, противостоящего автономным правам французской короны, оказалось лишено весомых аргументов, и доводы епископа Лана не повлияли на решение вопроса⁶⁵.

Однако Карл извлек из кризиса 1356—1358 гг. целый ряд уроков, в том числе относительно статуса легитимности и концентрации королевских полномочий на территории государства. Содержание «клятвы Королевства» выступало в этом отношении на ведущий план, и еще в период дофинства Карл начинает разрабатывать новое, пятое условие. Его правовой основой выступают, в свою очередь, три документа. Первый из них — ордонанс Карла IV от 5 апреля 1321 г., подтверждающий принятые еще в правление Людовика IX патримониальные права монарха как верховного главы государства⁶⁶ на «территорию королевства, единую и неотчуждаемую»⁶⁷. Следующее основание усилий дофина — формулировка третьего условия «клятвы Королевству», а именно — юрисдикции короля по отношению к территории государства — о ней посвящаемый монарх говорит как о земле, «мне принадлежащей...». Принцип полноценной юрисдикции высшей политической власти в лице короля на всю территорию государства, понимаемого как неделимый домен монарха, оказывается, таким образом, сформированным. Именно он и получил вышеупомянутое определение «неотчуждаемость» — алиенация. Наконец, третьим исходным документом выступает речь архиепископа Санского на ассамблее в Винсенне в 1329 г., т.е. через год после коронации Филиппа VI. Видимо, в ответ на встречные аргументы представителей клира архиепископ заявляет о подотчетности короля только самому себе: «...На своей коронации (король. — С.П.) должен поклясться править без отчуждения, если же Церковь не в состоянии каким-либо образом это подтвердить, то в любом случае это (право. — С.П.) следует принять...»⁶⁸. Далее архиепископ указывает,

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ *Masselin J. Journal des États Généraux / Éd. A. Bernier. Tours, 1835. P. 147, 149, 151.*

⁶⁶ *Fawtier R. Comment le roi de France au début du XIVe siècle, pouvant-il se représenter son royaume? // Mélanges offerts à P.-E. Martin, par ses amis, ses collègues et ses élèves. Genève, 1961. P. 65—77.*

⁶⁷ *Ordonnance en forme de mandement, portant révocation des domaines de la couronne, aliénés. Vincennes, 5 avril 1521 // Recueil général. Paris, 1824. Vol. III. 1308—1327. P. 294—296.*

⁶⁸ *Maillane D. Preuves des libertes d l'Eglise Gallicane. Paris, 1947. T. III. P. 356.*

что, в отличие от его мнения, в содержании «клятвы Королевству» условие неотчуждаемости не представлено, а это «умалывает достоинство монарха»⁶⁹.

В итоге, не без согласия прелатов⁷⁰, Карл ввел в «клятву Королевству» условие правовой неотчуждаемости короны Франции с той целью, чтобы оно стало залогом укрепления королевских полномочий суверена. Ситуация с королевскими апанажами для многочисленных братьев монарха с особым статусом Бургундии⁷¹, Дофинэ и Бретани⁷² усугубилась условиями мира в Бретињи 1360 г. Они привели к потере Сентонжа, Пуату, Перигора, Лимузена, части Пикардии и Кале и образованию на юго-западе Франции принадлежащей Англии т.н. Великой Аквитании⁷³. Однако во время проходящей в Кале ратификации договора дофин добился внесения в его текст крайне важного с правовой точки зрения условия, согласно которому встречные отречения Эдуарда III от французской короны и Иоанна II — от суверенитета над Великой Аквитанией должны были состояться не в момент подписания договора, а только после полной передачи англичанам уступаемых территорий. Она, как известно, затянулась на много лет, тем более что в 1364 г. Иоанн II умер, а наследовавший ему Карл V не спешил подтвердить свою преемственность по выполнению обязательств отца. В итоге обмена отречениями так и не состоялось, и французская корона сохранила над отторгнутыми областями права сюзерена⁷⁴, но при этом сам монарх выступил гарантом соблюдения суверенных прав государства.

Воцарение Карла означало для него решение сразу нескольких стратегических задач по стабилизации страны: нейтрализация притязаний

⁶⁹ Martin O. L'Assemblée de Vincennes de 1329 et ses conséquences. Étude sur les conflits entre la juridiction laïque et la juridiction ecclésiastique au XIVe siècle, Paris, 1909. № 1. P. 143.

⁷⁰ Епископский корпус применяет отлучение от Церкви для всякого, кто настойчиво сопротивляется потребностям короля. См.: David M. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe—au XVe siècle // Annales de la Faculté du Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg. Paris, 1954. № 1. P. 228—229.

⁷¹ Брак Филиппа II Смелого с наследницей Фландрского графства, заключенный в 1369 г., привел к созданию фламандско-бургундского государства, могуществом и богатством соперничавшего с Французским королевством. Теперь герцогство включало в себя еще и Фландрию, Франш-Конте, Ретель, Невер и Сален. См.: Calmette J. Les Grandes ducs de Bourgogne. P. 117.

⁷² По условиям мира в Бретињи, Бретань была разделена. Северная часть отошла Карлу де Блуа, три южных епархии — юному Жану де Монфору. По итогам сражения у Орея 1364 г. и договора в Гуеранде 1365 г. герцог Иоанн V становится единоличным правителем Бретани. См.: Knowlson G. Jean V, duc de Bretagne et l'Angleterre. Cambridge—Rennes, 1964. P. 216—217.

⁷³ Условия см.: Chronique des règnes de Jean II et Charles V. Vol. IV. P. 27 sq.

⁷⁴ Bourassin E. La cour de France à l'époque féodale (987—1483). Des rois pasteurs aux monarques absolus. Paris, 1975. P. 281.

Карла Злого на Бургундию, борьба с Англией за Бретань и Фландрию, сохранение королевского домена и полноты потестарных функций монарха. И если Карл Злой был разбит за три дня до инаугурации короля, то реализация оставшихся целей, фактически, означала возобновление войны, что заставило Карла заранее принять новые условия своего посвящения. Итогом предпринятых усилий стало быстрое — уложившееся в пять недель между смертью Иоанна II 8 апреля 1364 г. и коронацией его наследника — создание «Коронационной книги Карла V»⁷⁵, формулирующей ряд программных нововведений в протокол инаугурационной церемонии. Одно из них — закрепление принципа алиенации в пятом пункте *le serment du Royaume*, что формально означало его распространение на все доменные земли короны, в том числе и апанажи.

Церемония королевского посвящения Карла V состоялась в Реймсе 19 мая 1364 г. Принося клятву, новый монах произнес: «Я клянусь именем Иисуса Христа христианам, моим подданным: сначала я приложу все силы, чтобы христианский народ жил в мире с Церковью и Богом. Я сделаю так, чтобы прекратить грабительские и захватнические войны. Я буду править так, чтобы любой мой суд был милосерден к вам. Я приложу все усилия, чтобы моей властью и верой изгнать с земли на законном основании всех еретиков, отказавшихся от Церкви. И я неукоснительно сохраняю суверенитет, права и достоинство (*superioritatem, jurem et hobilitates*) короны Франции, и я не изменю им и не откажусь от них»⁷⁶. За исключением вполне понятного на фоне Столетней войны требования о сражении короля с захватчиками⁷⁷, первые четыре пун-

⁷⁵ Это сразу ставит вопрос о времени появления принципа неотчуждаемости, поскольку на его разработку требовался какой-то срок. Так, П. Шрамм и Ж. Де Панж пролонгируют написание «Коронационной книги» до 1369 г., т.е. времени после посвящения Карла V, что сразу ставит под сомнение произнесение им пятого условия клятвы. См.: *Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert.* Weimar, 1960. Bd. I. S. 239; *Pange J. de. Le roi Tres-Chretien.* Paris, 1949. P. 258.

⁷⁶ *Ordo of Charles V // Ordines coronations Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson.* Philadelphia, 1995. T. 2. P. 235—236. В наиболее полной редакции *ordo* Карла V содержится во «Французском церемониале» Т. Годфруа (*Godefroy Th. Le cérémonial françois. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrées soulennelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueillly par Théodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy.* Paris, 1649. P. 31–51; отдельно «клятва Королевству»: P. 501) и в издании Э. Девика. См.: *Ordo ad inungendum et coronandum regem // Coronation Book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Éd. E. Dewick.* London, 1899. Col. 22—44.

⁷⁷ В первую очередь, англичанами и их союзниками. Впоследствии под внешними врагами будут пониматься все противники Франции.

кта остаются неизменными. Что касается принципа неотчуждаемости, то он приобретает своего рода правовую формулу: «суверенитет, права и достоинства», что включает государство, именуемое в данном случае «корона Франции» и понимаемое не столько как патримониальная, сколько как суверенная территория, в круг властных и, одновременно, административных полномочий монарха.

С этой же целью «Коронационная книга» особое внимание уделяет «руке Правосудия». Появившись в протоколах королевского посвящения в эпоху Людовика IX⁷⁸, она оставалась исключительно французской регалией, по форме сходной со скипетром: «Это посох или жезл, на вершине которого — рука в жесте крестного знамения, имеющая глаз (на ладони. — С.П.), возвышающаяся на четверть, из золота, украшенного прекрасным сапфиром. Под рукой — обод, инкрустированный гранатами, сапфирами и жемчугом снизу доверху; ручка с орнаментом в виде листьев, инкрустированных восточным жемчугом»⁷⁹. Жест крестного знамени, в который сложены пальцы «руки Правосудия», символизирует посвящение короля в таинство правления, является символом власти и правосудия, которые монарх получает свыше для управления своими подданными. Глаз в центре ладони означает всевидящее око королевского и божественного правосудия. Самый ранний сохранившийся экземпляр был изготовлен в 1304 г. и принадлежал, вероятно всего, Карлу V⁸⁰. Кроме того, уцелел и скипетр⁸¹, детальное описание которого в перечне драгоценностей королевской сокровищницы, составленном в 1379—1380 гг., говорит о том, что он не претерпел значительных изменений со времени Капетингов. Самое большое различие состояло в одном — лилии были изначально покрыты белой эмалью. Фигура Карла Великого на вершине скипетра и сцены из его жизни на набалдашнике,

⁷⁸ Впервые о «руке Правосудия» упоминает *ordo* 1250 г. *Ordo 1250 // Ordines coronations Franciae*. Т. 2. P. 233—240.

⁷⁹ *Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnement des Rois et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à present <...> par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz*. Paris, 1723. P. 228.

⁸⁰ *Pinoteau H. La tenue de sacre de Saint Louis IX, roi de France. Son arriere-plan symbolique et la "renovatio regni Juda" // Itmeraires*. 1972. № 162. P. 128.

⁸¹ Именно «руку Правосудия» и скипетр Карла V держит Бонапарт, запечатленный на знаменитом полотне Д. Энгра «Наполеон Бонапарт на императорском троне» (1806 г.). Регалии оказались единственными уцелевшими в результате деятельности комиссии генерала Моннэ по национализации королевской сокровищницы аббатства Сен-Дени. Наполеон распорядился по описаниям изготовить недостающие знаки власти: корону, меч, кольцо, аграф, шпоры и т.д. Сохранившиеся же регалии были реставрированы. В настоящее время они пребывают в разделе декоративно-прикладного искусства коллекции Лувра. См.: *Pinoteau H. Les insignes du pouvoir en France // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975. P. 77.

несомненно, подчеркивали общность имен императора, короля и его сына, равно как легитимность и суверенность правления Валуа.

Получив теперь особые регалии, символизирующие публично-правовую природу его власти, монарх при посвящении приобретал возможность отклонять отчуждение любой собственности, зависимой от короны. Укрываясь за священными узами клятвы, король первым противостоял как неосторожным дарениям своих предшественников, так и собственной расточительности. Даже если монарх публично связывал себя обещанием передать какое-либо имущество короны, он мог в любой момент отозвать его, ссылаясь на инаугурационную клятву, имеющую высшую юридическую силу, поскольку она «дана Господом для всех подданных»⁸², и тем самым исполнить свои обязанности суверена и гаранта соблюдения закона.

Именно Карл V, прозванный за скрупулезное следование правовым положениям своей власти «Адвокатом» (в случае с оппонентами) и «Мудрым» (в случае с союзниками), проявил в этих стратегиях достаточную находчивость, тем более что они наносили прямой ущерб Англии. Так, по договору в Бретиньи у Франции была отторгнута Гиень, ставшая частью Великой Аквитании. Теперь же, будучи «связан» условиями клятвы, Карл нашел в этой провинции вассалов, которые, несмотря на трудные времена, намеревались оставаться с французским монархом. Формально эту верность подкрепляла апелляция двух гасконских сеньоров (д'Арманьяка и д'Альбре) к правосудию короля. Поводом послужила введенная в начале 1368 г. Эдуардом Черным принцем подымная подать, которую названные вассалы запретили взимать в своих землях и в июне 1368 г. прибыли в Париж с жалобой на Эдуарда Карлу V⁸³. Для этого у них были все основания, поскольку французский король оставался верховным сувереном Гиени и прочих указанных в пунктах договора в Бретиньи земель, т.к. вышеупомянутого обмена отречениями не состоялось. Карл V принял жалобу и передал ее в Парижский Парламент, объявив, что не имеет права отказать своим подданным. Мобилизуя данный аргумент, король утверждал: он «не может не поддержать правосудие, оставшееся компетентным, в то время как его владения и власть, собственность и суверенитет уступлены королю Англии!»⁸⁴. В итоге сначала Карл V выдвинул весьма болезненный для Англии, но формально верный с точки зрения частного права тезис, что «передача собственности никогда не имела места...»⁸⁵. Это дало ему основания провозгласить требование,

⁸² Ordo of Charles V. P. 236.

⁸³ Favier J. La guerre de Cent Ans. Paris, 1980. P. 320

⁸⁴ Journal des États généraux réunis à Paris au mois d'octobre 1356 / Éd. R. Delachenal // Nouvelle Revue historique de droits français et étranger. 1900. T. XXIV. P. 336.

⁸⁵ Ibid.

согласно которому он не мог отказаться от претензий на Гиень: «Если так и случилось, то это служит против пунктов клятвы и против чести, и в ущерб моей душе...»⁸⁶. В итоге 3 декабря 1368 г. король подписал ордонанс о суверенитете Гиени. Более того, как известно, воспользовавшись формальной жалобой гасконского дворянства на налоговую политику английских властей, Карл потребовал принца Эдуарда на суд пэров⁸⁷, что послужило поводом для возобновления войны, ознаменованной для Англии целым рядом сокрушительных поражений. К 1370 г. Франция вернула все потерянные земли, за исключением нескольких крепостей⁸⁸.

Таким вот образом по инициативе династии формировалось правовое условие неотчуждаемости короны. Напрасно советники короля Англии подчеркивали противоречия французского тезиса⁸⁹. Их тонким юридическим доводам не удавалось изменить фактическую сторону вопроса: Карл V был политически силен, чтобы начать реализовывать свое решение. Позже принцип неотчуждаемости подхватит и официальная пропаганда короны, в частности, он обнаруживается в положениях знаменитой «Песни о Жезле» (*Le Songe du Vergier*) — анонимном трактате последней трети XIV в., представляющем собой диалог между клириком и рыцарем, олицетворяющими могущество духовное (*Puissance Espirituelle*) и светское (*Puissance Seculiere*) соответственно⁹⁰.

⁸⁶ Хроника фиксирует соответствующее обращение Карла к гасконской знати: «И собрал король Франции большой совет сеньоров, сказав: "... Вот скамья для прелатов, благородных, клириков, <...> кто мне всех преданней..." После того как все они были представлены и высказались, король сказал, что он не может не желать ничего другого, кроме подтверждения своих полномочий и суверенитета и, если он их нарушит, то это будет против клятвы и чести и в ущерб его душе, для чего должны быть многие иные причины и основания, с чем они тогда согласились» // *Chronique des règnes de Jean II et Charles V*. T. IV. P. 176.

⁸⁷ Взбешенный Черный Принц отвечал, что явится в Париж, но с железным шлемом на голове и имея под своим началом 60 тысяч солдат. См.: *La Guerre de Cent Ans vue à travers les registres du Parlement (1337—1368)* / Éd. P. Timbal. Paris, 1961.

⁸⁸ Военные действия возобновились в 1369 г. Уже через год Бертан Дю Геклен, назначенный коннетаблем и главнокомандующим всей французской армии, разбил англичан у Пон-Валлена. Тогда же были возвращены южные провинции и Пуату, в 1372 г. взяты Ла-Рошель, Монконтур, Пуатье, Туарс и еще несколько значительных городов. В 1373 г. власть Карла признала вся Бретань, кроме нескольких прибрежных городов. В 1374 г. Дю Геклен и герцог Анжуйский вторглись в Гасконь и взяли около 50 замков. К моменту перемирия 1375 г. в руках англичан остались Кале, Байонна, Бордо и несколько замков на Дордонье. Единственной неудачей оказалась попытка отнять у герцога Иоанна V Бретань, но Карлу V не суждено было узнать об этом: он умер 16 сентября 1380 г. Подробнее см.: *Calmette J. Charles V*.

⁸⁹ *Journal des états réunis*. P. 570—671.

⁹⁰ *Le Songe du Vergier* / Éd. M. Shnerb-Lièvre. 2 vol. Paris, 1982. В своей «Книге о добрых деяниях мудрого короля Карла V» не обошла своим вниманием этот тезис и Кристина Пизанская. См.: *Pizan Ch. de. Le livre et bonnes meurs du sage roy Charles V* / Éd. S. Solente. 2 vol. Paris, 1936—1940. Vol. 1. P. 127.

«Песнь» особо рассматривает характер отношений, которые «клятва Королевству» порождает между королем и посвящающим его архиепископом⁹¹. В числе аргументов анонимный автор, очевидный защитник королевских прав против полномочий папы, приводит отсутствие у клятвы характера оммажа: «И вы скажете всем, что король имеет власть отчуждения суверенитета и полномочия, что никто не может утверждать и поддерживать обратное: так как на коронации он дает клятву сохранять права на королевство и свою корону...»⁹². Налицо доказательство, согласно которому архиепископ не приобретает никакого превосходства над монархом, — «Песнь» позволяет ясно понять, что при нарушении клятвы один только монарх не может быть подвергнут взысканию — оно распространяется и на прелата: «И клятва, которую дает король, не является клятвой верности или чести, а является клятвой защитника, так как все монархи своих королевств клянутся, что они будут законными защитниками Церкви; но для этого ни они, ни люди Церкви не должны нарушать обещанное»⁹³.

Однако на практике новое толкование принципа неотчуждаемости, исполняемого теперь для соблюдения общих интересов, вопреки патримониальным, оказалось не столь легко применимо, примером чего может служить Бретань. Доставшееся Иоанну V по договору 1365 г., это герцогство находилось в вассальной зависимости от французской короны, но договор оказался ненадежным, и Иоанн V сыграл в разразившемся кризисе отношений не последнюю роль. За свою жизнь ему пришлось пережить позор, изгнание, возвращение на родину, вновь изгнание и в конце концов всеобщее народное обожание. Выросший и воспитанный в Англии, став единоличным властителем герцогства, он окружил себя англичанами⁹⁴, чем вызвал недовольство не только сторонников клана Блуа-Пентьевр, с которыми официально примирился после прихода к власти, но и некоторых своих соратников. Но что можно было ожидать Карлу V от человека, чье детство и юность прошли в Англии, опекуном которого был английский король, а женой — английская принцесса?

⁹¹ Le Songe du Vergier. Vol. 1. P. 129.

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid. P. 130. Это не мешает автору обсуждать точку зрения: может ли независимо от клятвы император или король быть подвергнут взысканию, распространяющемуся от папы или от архиепископа? См.: Leca A. La dévolution de la Couronne dans «Le Songe du Vergier» // L'État, la Révolution française et l'Italie: Actes du Colloque de Milan (14, 15, 16 septembre 1989) / Dir. par. M. Gandin. Aix-Marseille, 1990. P. 7—35; Royer J.-P. L'Église et le royaume de France au XIV siècle, d'après «Le Songe du Vergier» et la jurisprudence du Parlement. Paris, 1969. P. 78—79, 123—124.

⁹⁴ Так, главным казначеем Бретани между 1365 и 1373 гг. являлся Томас Мельбурн. Британцы занимали еще ряд видных постов; в некоторых городах герцогства стояли сильные английские гарнизоны. См.: Knowlson G. Op. cit. 1964. P. 215.

Принеся в 1366 г. оммаж королю Франции, герцог отказывается поддерживать его уже в 1369 г., когда Карл V начинает отвоевывать у англичан земли, потерянные по договору в Бретиньи. Дальнейшие события развиваются стремительно: 12 июля 1372 г. Иоанн V заключает тайный договор с Эдуардом III. Однако тайным он был недолго, поскольку в октябре Карл завладевает оригиналом договора, правда еще не подписанным герцогом. Но это дает ему основания предпринять попытку отказа от алиенации Бретани в пользу Иоанна. Король Франции рассылает копии договора бретонским сеньорам и убеждает последних сомневающихся в нарушении Иоанном V вассального долга (тому немало способствовала высадка в Сен-Мало графа Солсбери во главе отряда англичан). В данных условиях 28 апреля 1373 г. герцог покидает Бретань⁹⁵. По итогам длительных и болезненных переговоров с бретонской знатью, так и не получив ее согласия, 18 декабря 1378 г. под нажимом короля Парижский Парламент принимает решение о включении Бретани в королевский домен⁹⁶.

Оно оказалось большой ошибкой Карла V. Безусловно, бретонские вассалы могли по-разному относиться к своему герцогу и его политике, но решение короля объединило их вокруг Иоанна. Теперь его поддержала вся Бретань, даже приверженцы семьи Пентьевр. Вдова Карла де Блуа, Жанна де Пентьевр, оказалась в первых рядах знатнейших дворян герцогства, которые принимают герцога в крепости Динар, куда он с триумфом прибывает 3 августа 1379 г. Более того, Бертран дю Геклен, к тому времени уже ставший коннетаблем Франции, никак не реагирует на категорические приказы короля о начале военных действий: у него нет желания начинать войну у себя на родине. Внезапная смерть государя в сентябре 1380 г., способствует временной разрядке ситуации: второй договор в Гуэранде, подписанный 15 января 1381 г., урегулировал отношения между Бретанью и короной на основе традиционных условий алиенации. Герцог Иоанн формально признал Карла VI сюзереном, но сохранил все свои владения, что все же означало номинальное вхождение Бретани в домен Валуа и, следовательно, Французского королевства⁹⁷.

Не менее ожесточенная борьба разразилась между Карлом V и Эдуардом III за руку бывшей невесты Филиппа де Рувра Маргариты Фландрской, которая наследовала от своего отца, Людовика Мальского, Фландрию, Невер, Ретель, Брабант и Лимбург. Но еще важнее был факт того, что бабкой оспариваемой невесты являлась Маргарита — дочь Филиппа V Валуа. Это означало включение в приданое графств Артуа

⁹⁵ *Blanshard R. Lettres et mandaments de Jean V de Bretagne // Archives de Bretagne. Nantes, 1895. Vol. VIII. P. 270—272.*

⁹⁶ *Boutaric E. Notice sur les archives du Parlement de Paris // Actes du Parlement de Paris / Éd. E. Boutaric. Paris, 1863. Vol. 1. P. CXIII—CCXVI.*

⁹⁷ *Autrand Fr. Charles V. P. 825.*

и Франш-Конте. Разумеется, Карл V не мог допустить, чтобы указанные земли отошли жениху Маргариты — четвертому сыну Эдуарда III Эдмунду, герцогу Йоркскому. Тем более что он должен был получить в качестве апанажа Кале, Понтье и Гиень. При объединении этих земель с наследством Маргариты возникло бы проанглийское государство на севере, и богатая Фландрия оказалась бы утеряна для французского влияния. С помощью полученного от папы Урбана V запрета на брак с Эдмундом Йоркским Карл V в 1396 г. добился руки Маргариты для своего брата Филиппа Смелого, присоединившего приданое супруги к Бургундии⁹⁸. Таким образом, Франция сохранила свое влияние в северо-западных землях, но в будущем последствия столь значительного расширения апанажа герцога Бургундского разовьются в известный конфликт короны и «Великих герцогов Запада» на последнем этапе и по окончании Столетней войны.

Не менее значимой оказалась и сила патримониальной традиции. Военные победы Карла Мудрого и успехи его внутренних реформ сопровождалась ставшими привычными для королевского дома планами раздачи апанажей двум своим сыновьям. Дофин Карл по достижении совершеннолетия (если эдикт 1374 г. определял его 14-летним⁹⁹, то указ 1380 г. — 12-летним¹⁰⁰ возрастом) должен был получить Дофинэ, планы относительно его брата Людовика пока оставались неясны. Смерть короля в сентябре 1380 г., согласно его завещанию, означала передачу власти 12-летнему дофину при регентстве матери Жанны де Бурбон и дядей — Жана I Беррийского и Филиппа II Бургундского. Однако мать юного короля умерла еще при жизни Карла V, и на место регента стал претендовать старший из дядей — Людовик Анжуйский, исключенный из завещания покойного брата. Борьба дядей за управление страной привела к передаче власти Большому совету, но фактически означала начало войны между братьями Карла V. Годы их всевластия, длившегося

⁹⁸ Calmette J. Les grands ducs de Bourgogne. Paris, 1956. P. 52.

⁹⁹ Edit, Loi ou Constitution qui fixe la majorité des Rois à quatorze ans commencés. Au château de Vincennea, août 1374 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 415—423. В том же году отдельным ординасом Карл V распределил апанажи членов королевской семьи на новых условиях. См.: Ordonnance qui fixe les apanages des enfans et des filles de France. Château de Melun, octobre 1374 // Ibid. P. 439—491.

¹⁰⁰ Acte de l'assemblée de princes, prélats et barons, tenue en parlement formant le conseil du royaume, dans lequel le Régent accorde des dispenses s'âge au Roy, minieur de 12 ans, consent qui'il soit sacre et couronnée, et qui'il gouverne, de l'avis de ses oncles. Paris, 2 octobre 1380 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 538—540.

ся до 1388 г., опустошили казну, заставив резко поднять косвенные налоги и даже ввести отмененную Карлом V подымную подать¹⁰¹.

Однако вернемся к условию неотчуждаемости. Оно получило дальнейшее толкование при Карле VI, коронованном менее чем через месяц после смерти отца, 4 ноября 1380 г. До поры не интересуясь делами государства, в 1389 г., по возвращении из похода в Гельдерн, он собрал государственный совет с целью выяснить положение дел. Собравшимся же заявил, что единолично принимает власть и отстраняет дядей от участия в совете с предписанием вернуться в свои владения. Их место заняли бывшие советники Карла V, ратующие за продолжение его реформ — т.н. «мармузеты», среди которых постепенно на лидирующие позиции выдвинулся брат короля, принц Людовик. Еще в 1387 г. он получил в апанаж Турень, а в 1392 г. стал первым из Валуа герцогом Орлеанским¹⁰². Таким образом, общая линия эволюции монархии от патримониальной власти сюзерена к правовым полномочиям суверенного короля получила свое продолжение.

Однако увлечение Карла VI политикой длилось недолго, а прогрессирующая с 1392 г. болезнь начала проявляться в спорадических приступах безумия. В итоге король оказался неспособен управлять страной, и Филипп II Смелый, при поддержке брата Иоанна Беррийского, восстанавливает свои полномочия регента (старший из братьев, Людовик Анжуйский, умер еще в 1384 г.). Однако это не означало отказ от алиенационных прав короны. Так, в 1401 г. Карл ратифицировал ордонанс, в котором утверждал, что его первая забота состоит в сохранении права своей короны и границы подчиненной ей территории. После этого принципиального заявления напоминает: как и его предшественники, Карл торжественно клянется «хранить нетронутыми все права и территории». Он обещает не только «не передавать и никоим образом не разделять» их, но еще «повторно подтверждать (свои права. — С.П.) и восстанавливать то, что было передано»¹⁰³. Безумие короля дает основания оспаривать авторство ордонанса между советниками-мармузетами — коннетаблем Оливье де Клиссоном, епископом Ланским Жаном Монтагю и руководящим финансами Жаном де Мерсье — сторонниками усиления вертикали власти и, возможно, творцами новой редакции алиенации. Последнее обстоятель-

¹⁰¹ Bourassin E. Op. cit. P. 295—296.

¹⁰² Jarry E. La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans. 1372—1407. Paris, 1889. P. 112—113.

¹⁰³ Ordonnance par laquelle Charles VI. Après avoir déclaré qu'il ne fera, plus aucun don des choses appartenantes au Domaine, révoque ceux qu'il avoit faits jusqu'alors, à l'exception de ceux qui y sont spécifiés. Charles VI. À Paris, le dernier de Février 1401 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J. M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1723—1849. Vol. VIII. P. 484.

ство только подтверждало устойчивость публично-правовой модели власти короля, развивающейся даже без его прямого участия.

Примечательно, что Карл VI придал условию неотчуждаемости большую точность, поскольку из его содержания видно, какие обязательства в нем отсутствуют и, следовательно, не подлежат исполнению: так, не названа необходимость отзываться уже сделанные отчуждения. Единственное оговоренное ограничение — это запрет на еще не осуществленную алиенацию. Что касается основания, которое заставило Карла принять такое дополнение, то об этом заявляет он сам. Ссылаясь на молодой возраст, король признает допущенные «свободы» «недоумом, оплошностью (*inadvertence*) и неприятной стороной, докучливостью (*importunité*) истца». Он не пытается скрыть: ему пришлось оставить столь типичную для средневековой политической этики роль благодетеля и с горечью замечает, что «получил множество значительных сокращений и потребностей» своих прав на корону и домен. Наконец, король благодарит своих дядей за призыв к соблюдению клятвы, возможное нарушение которой ляжет на его душу «тяжким бременем». В целом ордонанс предписывает: «И с тех пор как мы получили вышеупомянутое посвящение, мы, поскольку были еще очень молоды и не приняли во внимание принятое мнение по поводу величины наших владений, имеем теперь настоящий недосмотр и назойливые жалобы и постановляем, что никакие земли, строения, право суда, ренты, конфискации и прочее из названного и многое другое передаются нам навсегда в вечное наследство, а другие пожизненные или пожалованные владения, которые мы присваивали ранее и присваиваем в настоящем, объявляем принадлежащими нам по праву короны и заявляем необходимость проявлять известную решительность и требовать их сохранения, то же повелеваем и на будущее, дабы избежать обременения нашей души и еще более значимого ущерба для нас и нашего королевства, если мы не изыщем против этого (раздачи земель. — С.П.) действенное властное средство»¹⁰⁴.

Поэтому король признает себя соблюдающим клятву исключительно сознательно, подотчетным в своих действиях Богу, которому и приносил обеты: «И в оправдание при поминовении души нашей в случае нарушения произнесенной нами клятвы, кару, которой мог бы подвергнуться всякий, Господь да не возложит на вашего сеньора...»¹⁰⁵. Поскольку ответственность больше не лежала лично на самом короле, как на сюзерене, то *le serment du Royaume* оформилась как клятва *juramentum*, но при этом она не подчинялась господствующим правилам, по

¹⁰⁴Ordonnance par laquelle Charles VI. P. 484.

¹⁰⁵Ibid.

обычаю допускающим обратный порядок договора¹⁰⁶, т.к. отчужденная от личности короля, выступала гарантом его суверенной власти.

Усилив духовную сторону наказания, Карл значительно распространил запрет отчуждения, который он составил и для себя самого, сохранив тем самым тенденцию к публично-правовой основе полномочий монархии. Он заявил об отмене всех дарений, которые мог бы неосторожно сделать в будущем: «И по недосмотру или навязчивости жалоб истцов, так или иначе, признается отныне, что мы, веря всем и всякому, желаем, чтобы они (пожалования. — С.П.) не имели никакого эффекта и с этих пор не имели для нас никакого значения»¹⁰⁷.

Но всякое правило имеет свои исключения, и Карл VI предусмотрел особые условия для патримониальных дарений, сделанных «королеве, нашим детям, братьям и дядям». Кроме того, отдельно он упоминает «жалованья офицерам и ренты». Государь счел справедливым, наконец, «увеличить достояние герцога Орлеанского, ранее несправедливо урезанное»¹⁰⁸. В итоге, несмотря на явное намерение выступать против отчуждений ради соблюдения общегосударственных интересов, это постановление имело сильные шансы в действительности стать причиной потери территорий и прав короны. Тем не менее, со всей серьезностью Карл принимает поправку в формулировке клятвы, и дабы обеспечить ее соблюдение, клянется и заставляет клясться по этим же пунктам свое окружение: «Мы имеем право и клянемся на Святом Евангелии Господом нашим поддерживать и сохранять названное и не делать обратного. И в нашем присутствии под нашим руководством наши поименованные дяди и братья <...> клялись поддерживать и сохранять названное...»¹⁰⁹.

Однако действительность оказалась далека от предписаний. В 1404 г. умер самый могущественный из дядей короля — Филипп Бургундский, фактически, единолично правивший страной. Ему наследовал Иоанн Бесстрашный, сын, не желавший уступать позиций отца, которому противостоял союз супруги все глубже погружающегося в безумие Карла VI Изабеллы Баварской и его брата Людовика Орлеанского. Дальнейшие события, известные как война арманьяков и бургиньонов,

¹⁰⁶ Впрочем, наказание могло быть вынесено судом, будь он уполномочен осуществить правосудие над королем. «Но, — как тонко отмечает М. Дави, — всякий светский суд был вправе задаться вопросом: имеет ли он достаточное представительство перед королем, чтобы судить его? Тем более — суд Церкви, ведь легисты отныне приобрели тенденцию давать лжеприсягу, чтобы оспаривать его компетенцию». См.: *David M. Op. cit.* P. 34.

¹⁰⁷ *Ordonnance par laquelle Charles VI.* P. 484.

¹⁰⁸ *Ibid.*

¹⁰⁹ *Ibid.*

которая прекращалась и возобновлялась с 1404 по 1420 гг., ознаменовались убийством герцога Орлеанского в 1407 г., диктатурой Иоанна Бесстрашного и принятием в мае 1413 г. Великого реформаторского ордонанса, по сути, призванного вернуться к преобразованиям Карла V, восстанием Кабошьенов, подписанием Аррасского мира и возобновлением войны с Англией в 1415 г. Что касается Бургундии, некогда с таким трудом переданной в королевский апанаж, то теперь она открыто перешла на сторону Генриха V¹¹⁰.

Очевидно, что предпринятые Карлом VI в ордонансе 1401 г. меры предосторожности не возымели должного действия, поскольку в 1413 г. король снова предусмотрел целую главу о сущности отчуждений¹¹¹. Опираясь на содержание постановления 1401 г.¹¹², он приводит гибкие уточнения по этому поводу, где передает ряд уже общепринятых условностей, которые затем периодически повторно вводились в его законодательных актах¹¹³. На этот раз король был особенно строг к себе самому, противопоставляя собственную расточительность осторожности и общегосударственным стремлениям своих предшественников, которые сумели не только сохранить домен, но и увеличить его территорию. В итоге право получения последней приобрело тенденцию к еще большему усложнению, в том числе и на алиенационных условиях.

Так, сделав исключение для бальи как «храбрых наследников Франции», Карл VI сохраняет за ними право на владение апанажем, но отзывает любые другие, уже осуществленные дарения и обязывается на бу-

¹¹⁰*Avout J. de. La querelle des Armagnacs et des Bourguignons. Paris, 1943; Schnerb B. Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. Paris, 1988; Offenstadt N. Armagnacs et Bourguignons. L'affreuse discorde // L'Histoire. 2006. № 311. P. 24—27.*

¹¹¹*Charles VI Valois, à Paris. 25 mai 1413. Ordonnance ele Charles VI, pour la police générale du Royaume // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1763. Vol. X. Contenant les ordonnances de Charles VI, données depuis le commencement de année 1411 jusqu'à la fin de année 1418 / Éd. L.-G. De Vilevault. P. 83. Впрочем, к 1413 г. суть проблемы, хотя и без явных ссылок на клятву посвящения, которую, по-видимому, Карл VI принес согласно формулировке «Коронационной книги Карла V» и последующим указам отца, уже была решена.*

¹¹²*Lettres portant constitution d'un apanage réel au second fils du Roi, avec clause de reversion à la couronne, au cas d'extinction de sa postérité masculine et légitime. Paris, 13 juillet 1401 // Constitution portant que le parlements et autres juges, n'obteni pèresons pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1402 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. VII. 1401—1415. P. 4—6.*

¹¹³*Famiglietti R. The Role of the Parlement de Paris in the Ratification and Registration of Royal Acts during the Reign of Charles VI // Journal of Medieval History. 1983. № IX. P. 217—225.*

дущее их более не делать. Он вновь скрывается за клятвой посвящения для оправдания своего положения вплоть до признания собственной недееспособности, вызванной болезнью: «Таким образом, король в поддерживающей его клятве, приносимой при посвящении, отзывает, напоминает и отправляет в небытие любые дарения, которые завтра получат от него какие бы то ни было лица <...> Как многие наши предшественники, короли Франции, преумножали, держали и сохраняли единство и цельность нашего названного домена, так и наше право увенчано короной, без него (нельзя. — С.П.) отчуждать, сокращать или разделять, никаким имуществом наделять, кроме вручения апанажа <...>. Также при нашем посвящении мы, как и наши предшественники, даем клятву и обещаем сохранять и отстаивать наше право, данное короной, а также наши земли целыми, без отчуждения, не раздавать <...> и получать обратно, обновлять и восстанавливать уже розданное, в том числе и в состоянии душевной болезни <...>, желаем все утраченные земли охранять, как предписывает наша клятва»¹¹⁴. Одновременно со всей юридической заданностью указанных положений, неопределенность и, одновременно, навязчивая повторяемость формулировок ордонанса заставляют думать, что сам король почти не верил в их практическую эффективность.

И для этого были все основания. Имея трех выживших сыновей из семи родившихся, король не мог нарушить их формальные права и все же назначил для принцев апанажи, достойные их статуса и необходимые монархии в том числе и в общих интересах государства. Дофин Людовик получил Гиень, что в очередной раз подтвердило права на нее французской короны, несмотря на все реляции Англии; Иоанну в 1407 г. по смерти своего дяди Людовика Орлеанского была выделена Турень; для Карла с 1403 г. предназначалось графство Понтье, отвоеванное Карлом V у Англии. Однако смерть двух старших братьев сделала его наследником престола и фактическим правителем страны: в 1417 г. Карл объявил себя регентом. Тогда же он расширил свой апанаж, став герцогом Турени, Берри и Пуатье¹¹⁵. Но на этом перипетии с юрисдикцией домениальных земель не закончились. Убийство Иоанна Бесстрашного в 1419 г. дискредитировало дофина, а подписание мирного договора в Труа означало отрешение его от статуса наследника, который вместе с регентством перешел теперь к Генриху V Ланкастеру.

В течение 1420—1422 гг. Франция как таковая распалась, от нее были отторгнуты Гиень, Нормандия и Бретань — территории, борьба за которые велась с Англией еще с XII в. Теперь их сувереном становил-

¹¹⁴Ordonnance par laquelle Charles VI. P. 485. См. также: Coville A. L'ordonnance cabochienne. Paris, 1985. P. 35.

¹¹⁵Bully Ph. Charles VII le "roi des merveilles". Paris, 1994. P. 134—135.

ся Генрих V. Следующий герцог Бургундский, Филипп III Добрый, стал практически независимым государем, удерживая помимо своих наследственных владений Шампань и Пикардию¹¹⁶. Прочие принцы крови и их сторонники встали на сторону дофина Карла, что не мешало им удерживать за собой свои апанажи, игнорируя все разработанные к этому времени права королевской аalienации.

Действительно, Карл VI не мог повсеместно бороться против растраы королевского имущества. Подобная неудача в значительной мере отражает кризис, который пережила королевская власть на данном этапе Столетней войны, включая субъективные обстоятельства, когда Карл, игрушка в руках своих дядей и супруги, в состоянии сумасшествия, усугубленном войной и внутренними распрями¹¹⁷. Институально будучи более зрелой, пройдя от патримониальной стадии к суверенной, королевская власть вышла из кризиса, усиленная многократными испытаниями, которые она пережила в XIV—XV вв. Теперь ей необходимо было максимально эффективно воспользоваться всеми стратегическими возможностями возвращения потерянных земель, воссоединения домена и расширения властных прерогатив. Тем более что нормы обычного права, чуждые аalienации в ее новом прочтении, все еще не являлись пустым звуком. В итоге Валуа, а затем и Бурбоны закрепят условия неотчуждаемости в редакции Карла V и Карла VI как действенное средство укрепления собственной власти в виде клятвы королевских посвящений¹¹⁸. Аннулированная в своей изначальной сути аalienация, как и сама *le serment du Royaume* в результате оказалась эффективным оружием в руках грядущего абсолютизма, облегчив становление и обоснование королевского суверенитета¹¹⁹. Более никто не

¹¹⁶*Bourassin E. Philippe le Bon. Paris, 1983.*

¹¹⁷*Gauvard G. Les révoltes du règne de Charles VI; tentative pour expliquer un échec // Révolte et société. Paris, 1985. T. 1. P. 53—61; Famigletti R. Crisis at the Court of Charles VI. 1392—1420. N.Y., 1986. «Удар шпаги по воде» — столь меткую метафору для подчеркивания эффективности законодательных мер Карла VI по усилению своих полномочий применяет М. Дави. См.: *David M. Op. cit. P. 234.**

¹¹⁸По инерции это условие просуществует в *le serment du Royaume* всех французских монархов вплоть до посвящения Людовика XVI в 1775 г.

¹¹⁹В правление Карла VII условие неотчуждаемости как действенное средство борьбы с апанажами, равно как и с прочими проявлениями сепаратизма, неоднократно будет упоминать Жан Жувеналь дез Юрсен. П. Маро со ссылкой на знаменитого канцлера приводит обращения Карла к горожанам Меца в 1444 г. «...Король, чтобы сохранить права и честь короны Франции и оправдаться перед Господом, от которого он держит (власть. — С.П.) и от кого получает посвящение и коронацию, приносит клятву и обещает сохранять и поддерживать домен, власть и прерогативу получать обратно то, что отчуждено, узурпировано или отделено» // *Demandes faites à la cité de Metz par le roi de France et le duc de Lorraine. Gy apréz s'ensuivent les peticions et demandes que le roy de France fist à la*

будет пытаться рассмотреть «клятву королевству» как средство юридической достигаемости, толкуя его не в пользу короля.

Поэтому институт королевских апанажей сохранится, но уже не будет угрожать целостности государства в той мере, как в правление Карла VI. Что касается раздачи земель для наследников престола (традиционно наделяемых Дофинэ) и младших сыновей короля, то вплоть до воцарения Ангулемской ветви династия Валуа будет продлеваться в минимальном количестве наследников по мужской линии. Так, имея двоих сыновей из пяти родившихся, Карл VII довольствуется для своего младшего сына Карла передачей ему герцогства Берри. Людовик XI оказался отцом единственного сына — будущего Карла VIII, все трое наследников которого умерли в младенчестве¹²⁰. Переход престола к его двоюродному брату Людовику, имеющему только дочь, и воцарение многодетного Франциска I осуществлялись уже в эпоху крепнущего абсолютизма что означало разрешение проблемы территориальных прав принцев крови на принципиально другом уровне.

Судьбы имеющих апанажей принцев крови по окончании Столетней войны будут зависеть от ряда факторов: как случайных (наличие или отсутствие наследников), так и продиктованных политической конъюнктурой. И здесь также имела место тенденция к их сокращению. Если к началу правления Филиппа VI Валуа существовало пять апанажей потомков Людовика Святого (Артуа, Бомон-ле-Роже, Эвре Алансон-Перш и Бурбон), герцогства Нормандия, Бретань, Бургундия, Гиень и графство Фландрия, то к концу XV в. практически все они оказались под властью французской короны, тем самым исчерпав существующую для нее угрозу сепаратизма и окончательно закрепили принципы королевского суверенитета и приоритет общих интересов государства.

cité après les dictes deffiance // *Marot P. L'expédition de Charles VII à Metz (1444-1445). Documents inédits // Bibliothèque de l'École du Chartre. 1941. № 102. P. 14*; Об условиях клятвы Людовика XI, принятых с большим трудом, см.: *Louis X à Paris, le 20 août 1436. Lettres pour faire employer au recouvrement des domaines aliénés les sommes consignées au Parlement, au requête de l'Hôtel. Louis XI, à Paris le 20 août 1436 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueil par ordre chronologique / Éd. D.-Fr. Secousse: 22 vol. Paris, 1814. Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / Éd. E. Pastoret. P. 55—56. В эпоху Генриха IV Клод Сессиль отменит условия продажи королевских пожалований, которые он сам ограничил клятвой посвящения короля Франции. См.: *Gallet L. La monarchie française d'après Claude de Seyssel // Revue d'histoire de droit. 1944. P. 1sq. Исследование роли клятвы посвящения политической доктрине и фактических событиях от XVI в. до конца Старого* Режима см.: *Schramm P. Der König von Frankreich. Bd. 1. S. 218, 262, 266.**

¹²⁰*Law J. Fleur de lys. Kings and Queens of France. N.Y., 1976. P. 110, 114, 124, 129, 131*

Потестарные стратегии Карла V: статус «людей войны»

В правление Карла V Мудрого (1364—1380), как известно, начинает расти утерянный было Иоанном II авторитет монархии, репрезентированный в целой серии потестарных функций, в том числе и их представительской стороны. Так, усиливается роль собственно королевской резиденции как наглядного выражения публично-правовой власти и, одновременно, средоточия личного окружения монарха. Еще одной причиной стало то обстоятельство, что в условиях кризиса поражений начавшейся Столетней войны, по меткому выражению Ж. Дюби, «государство не могло более пренебрегать делом привлечения сердец»¹, в котором внешнее выражение могущества власти играло далеко не последнюю роль. С этой целью, сразу по восшествии Карла V на престол, в течение 1364—1369 гг. Раймоном де Тамплем (*Raymond du Temple*)² перестраивается замковая архитектура Лувра, который во второй половине XIV в. оказался глубоко внутри городских стен. Он еще сохранял вид типичного замка: высокие башни с бойницами и окружающую его стену, но оказался декорирован многочисленными окнами и слуховыми окошками на крышах, в свою очередь, обрамленных скульптурными изображениями. Все это делало резиденцию короля уже более похожей на дворец, чем военную фортификацию³. И все же Карл предпочитал жить в специально выстроенной резиденции — в отеле Св. Павла (*Saint-Paul*), который располагался в квартале Св. Антония, неподалеку от Венсеннского леса и дворца, куда король время от времени тоже наведывался. Еще одной резиденцией стал более отдаленный замок Боте-сюр-Марн (*Beauté-sur-Marne*). Таким образом, двор отделился от города в предместья, где достиг новых репрезентативных высот, заимствован-

¹ Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987—1460) / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М., 2001. С. 358.

² Раймон де Тампль (ок. 1359—ок. 1404) — каменщик и архитектор, работавший под покровительством Карла V и Карла VI. Его авторству принадлежит кафедральный собор г. Труа (1401 г.), а также замок и церковь в г. Венсенне (1370 г.), церковь целестинского аббатства (1367—1370 гг.), университеты в Бовэ и Париже (1387 г.). См.: Royal French Patronage of Art in the Fourteenth Century: an Annotated Bibliography / Ed. by C. Lord. Paris, 1985. P. 91, 101, 128; *Henwood P.L.* Raymond du Temple, maître d'oeuvre des rois Charles V et Charles VI // *Bulletine de Society de Histoire*. Paris-Île de France, 1978. Vol. CV. P. 55—74.

³ *Hauteceour L.* Louvre: le château, le palais, le musée, des origines à nos jours, 1200—1928. Paris, 1929. P. 9.

ных по всей Европе⁴. Возможно, выход за пределы города был вызван нелюбовью короля к Парижу и его жителям, виной чему — восстание Этьена Марселя и последующие события регентства 1358—1360 гг. Недаром, едва надев корону, Карл V немедленно приказал воздвигнуть Бастилию в знак принуждения Парижа к повиновению (хотя это не мешало ему строить новые мосты через Сену, заботиться о чистоте города и даже планировать рытье канала между Сенной и Луарой)⁵.

Перипетии катастрофы при Пуатье, откуда он спасался бегством, двух регентств 1356—1360 и 1364 гг. сделали короля обладателем подчас несовместимых качеств характера: недоверчивым и терпеливым, склонным обходить прямые конфликты и крайне щепетильным, — одним словом, цепким, вопреки обстоятельствам. Отсюда его интерес к праву, к тщательному соблюдению своих обязанностей монарха, к протоколу, к собственному и чужому профессионализму. Это мало соответствовало традиционным представлениям о короле-рыцаре (так, сын Эдуарда III, герцог Ланкастерский Джон Гонт, не скрывая презрения, публично называл Карла V «Адвокатом»)⁶.

Высшие должности двора традиционно принадлежали крупным сеньорам. Великий камергер — граф Гийом де Танкарвилль (*Guillaume de Tancarville*); первый камергер — Филипп Савойский (*Philippe de Savoie*); духовник и бывший наставник короля Николя Орезм (*Nicolas Oresme*),

⁴ Кроме того, с 1385 г. Карл собрал значительную библиотеку более чем из тысячи манускриптов, в том числе с ценными переплетами и миниатюрами. Они хранились в Лувре, в специально оборудованных для этого залах под присмотром нанятых библиотекарей (первым из них стал Жиль Малэ). Коллекция Карла V послужила основой для сегодняшней Национальной библиотеки Франции. Еще одним свидетельством влечения короля к прекрасному служит тот факт, что за свою жизнь он собрал более 200 гобеленов. См.: *Delisle L. Le cabinet des manuscrits de la bibliothèque nationale: étude sur la formation de ce dépôt <...> avant l'invention de l'imprimerie.* Paris, 1868. Vol. 1. P. 9—11.

⁵ *Coulet N. Le malheur des temps, 1348—1440 // Histoire de la France des origines à nos jours / Sous la dir. de G. Duby.* Paris, 2007. P. 328.

⁶ Об этом прямо пишет Ж. Фруассар, повествуя о конфискации Аквитании 30 ноября 1368 г. и попытках английского монарха во время ассамблеи заручиться поддержкой гасконской знати для возвращения земель под власть Ланкастеров: «Тогда английские бароны сказали Эдуарду, что король Франции был им мудрым и превосходным правителем, а также добрым советчиком. Джон Гонт, герцог Ланкастер, сын короля Эдуарда, побагровел и бросил презрительно: «Как? Этот адвокат!» Когда королю Карлу V передали эти слова, он рассмеялся и весело сказал: «Пусть! Если я адвокат, я устрою им тяжбу (за победу. — С.П.), в которой у них не хватит средств!»» // *Les chroniques de sire Jean Froissart: qui traitent des merveilles emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Ecosse, Espagne, Portingal et ès autres parties / Nouvellement reçues et augm. d'après les ms. avec notes, éclaircissements, tables et glossaire par J.A.C. Buchon.* Paris, 1835. T. 1. P. 548.

граф д'Этамп составляли основу королевского совета и выступали активными сторонниками его преобразований: монетной, налоговой, военной и прочих реформ⁷.

Однако, именно как реформатор, Карл был склонен приближать мелкую знать, клир и горожан. Так, место канцлера по очереди занимали братья де Дормон (*de Dormans*): Жан в 1361—1372 г., Гийом в 1372—1373 г., и вновь Жан в 1373 г.; первым президентом Парижского Парламента в 1378—1380 г. являлся Пьер д'Оржемон (*Pierre d'Orgemont*); а прево Парижа с 1370 по 1382/83 г. — Уго Обрио (*Hugues Aubriot*)⁸. Даже личный конфидент и бывший воспитатель короля — Шарль Буро де ла Ривьер (*Charles Bureau de la Rivière*) — происходил из незнатной среды⁹. Любовь к чтению и непрочное знание иных языков, кроме родного, привлекли ко двору и незнатных интеллектуалов-переводчиков. Так, не имея возможности читать Аристотеля по-латыни, король пользовался французским переводом его «Политики», сделанным, возможно, Раулем де Преслем (*Raoul de Presles*). Известно, что для Карла и Людовика Анжуйского он перевел ряд других произведений, в том числе трактат «О двух властях» и «Град Божий» Августина¹⁰. Другим переводчиком, много трудившимся на королевской службе, был госпитальер Симон Эсден (*Simon Hesdin*), которому принадлежит французский вариант известного сочинения Валерия Максима «О замечательных деяниях и изречениях»¹¹.

Однако в перечень политических стратегий короля входило привлечение лучших представителей общества для государственной службы, в первую очередь — для широкой серии реформ и связанных с ними централизаторских преобразований. Не стали исключением из их числа и *les gens des armes* — «люди войны», непосредственно призванные осуществлять победы над армией Ланкастеров.

При этом Карл V невыгодно выделялся из числа ближайших предшественников и преемников своей внешностью. Прижизненные портреты

⁷ Общие сведения приведены в монографии Франсуази Отран: *Autrand F. Charles V le Sage*. 2-ed. Paris, 1994. P. 109, 153, 428; *Deville A. Histoire du château et des sires de Tancarville*. Rouen, 1834. P. 158, 162—163, 168, 180—181, 186, 227. Из достаточно обширного корпуса исследований о Н. Орезме следует выделить работу Сюзан Баббит. См.: *Babbitt S.M. Oresme's Livre de politiques and the France of Charles V // Transactions of the American Philosophical Society. Transactions Series. Philadelphia, 1985. Vol. 75. Ch. 1. P. 1—158.*

⁸ Об их деятельности см. подробнее: *Dictionnaire féodal: ou Recherches et anecdotes sur les dimes et les droits féodaux / Éd. de J.-A.-S. C. Plancy de. Paris, 1819. P. 18, 259; Du Chesne F. Histoire des chancelliers de France et des gardes de sceaux de France. Paris, 1680. P. 346, 349, 350—353, 355—356, 358—359, 360, 365—368, 370—377, 378—384, 386—387, 391—392, 407, 410, 500, 512, 853.*

⁹ *Du Chesne F. Op. cit. P. 372, 352, 430; Lefebvre A. Nouvelle Note sur Bureau de La Rivière et sa famille. Paris, 1895.*

¹⁰ *Bossuat R. Raoul de Presles. Paris, 1973.*

¹¹ *Sherman C.R. The Portraits of Charles V of France (1338—1380). N.Y., 1969. P. 21, 88.*

показывают его как болезненного, хилого, почти изможденного человека. Его современница, блистательный интеллеktуал эпохи, Кристина Пизанская так описывает монарха: «С крупной головой, узкий в плечах <...>, с красивым, немного вытянутым, лицом, крупным носом и <...> большими карими красивой формы глазами, с не таким уж маленьким ртом <...> и светлыми волосами, в черном или коричневом платье, но с бледной кожей. Его лицо всегда было мудрым, спокойным и учтивым, и все жесты не обнаруживали ни горячности, ни гнева, но умеренность и самообладание. У него был выразительный взгляд, мелодичный мужской голос, произносящий при этом самые прекрасные речи, настолько же хорошо организованные, как и приятные слуху, без какой-либо избыточности...»¹². В итоге, как резюмирует Кристина, перед нами предстает правитель от природы «умный и умудренный опытом» (*sage et visseux*)¹³ одновременно.

Из-за болезненности Карл V первым из французских государей даже номинально не командовал войсками, передоверив эту ранее исключительно королевскую функцию профессиональным военным, занявшим ведущие должности при его дворе. Речь идет о коннетаблях Бертроне Дю Геклене (*Bertrand du Guesclin*), Оливье де Клиссоне (*Olivier de Clisson*), Оливье де Мони (*Olivier de Mouny*) и адмирале Жане де Вьенне (*Jean de Vienne*). Имелись и маршалы: Арно д'Одрегем (*Arnoulf d'Odregem*), старший Бусико (*Boucicauf*), Мутен де Бленвиль (*Moutin de de Blainville*) и Людовик де Сансерр (*Louis de Sancerre*). Кроме того, не следует забывать и о явных военных талантах одного из братьев короля — Людовика Анжуйского.

Но не только слабое здоровье короля заставило его отказаться от прежних традиций монарха-воина. Затяжной характер войны, широкий разброс провинций, в которых велись боевые действия, английская оккупация различных областей Франции — все делало необходимым делегирование монархом командных функций, вело к постоянному расширению полномочий и росту значимости именно военных придворных должностей. В первую очередь это касалось коннетабля, полномочия которого на поле боя и в военной сфере, в целом, почти не уступали королевским. Указанная особенность находит подтверждение даже в достаточно отдаленном от реалий войны протоколе (*ordo*) инаугурационной церемонии, обновленной королем и позже получившей наименование «Коронационная книга Карла V» (1364 г.). Она предусматривала целую серию изменений, в том числе и касающихся репрезентативных полномочий коннетабля.

¹² *Christine de Pisan. Le livre des fais et bonnes meurs du sage roi Charles V / Éd. C.B. Petitot // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France (1re série), rév. par C.B. Petitot. Paris, 1824. P. 4—5.*

¹³ *Ibid.* P. 3.

Прежде всего, коннетабль «...и другие первые офицеры и сеньоры, которых король пожелал пригласить»¹⁴ присутствует при ритуальном пробуждении монарха в день его инаугурации. Далее, еще одной прерогативой стало участие в ритуале благословения меча. Приняв меч из рук архиепископа, сообщает текст *ordo*, король «...передает его коннетаблю, который держит его обнаженным в течение всего посвящения»¹⁵. Подтверждение этому обнаруживается в сопровождающей «Коронационную книгу» серии миниатюр, на одной из которых, иллюстрирующей ритуал пэров¹⁶, на переднем плане, слева от Карла V, изображена фигура коннетабля с обнаженным мечом в правой руке. Наконец, именно с указанного времени кортеж, сопровождающий монарха во время его посткоронационного въезда в Париж, состоит не только из пэров, принцев крови и прочих членов королевской фамилии, — появляется коннетабль, возглавляющий кавалькаду светской знати и рыцарства¹⁷.

Одним из лучших коннетаблей эпохи Столетней войны, вне сомнения, в правление Карла V стал Бертран дю Геклен, не обладающий, казалось бы, никакими исходными качествами.

Родившийся около 1320 г. в замке Мотт Броон в семье мелкого бретонского рыцаря, он не только не получил никакого образования, а остался полностью безграмотным, не научившись ни читать, ни писать. Во время борьбы за Бретонское герцогство в 1341—1364 гг. он сражался на стороне поддерживаемого Францией Карла де Блуа, возглавлял небольшой отряд рутьеров, воевавших с англичанами и их ставленником Жаном де Монфором. В 1356—1357 гг. дю Геклен оборонял г. Ренн в Бретани. В итоге с 1364 г. он окончательно оказался на службе у Карла V, разбил англичан в битве при Кошереле и даже стал королевским наместником Нормандии¹⁸.

¹⁴ *Ordo of Charles V: Ordo XXIII: Ordo ad inungendum et coronandum regem // Ordines coronationis Francia: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 470.*

¹⁵ *Ibid.* P. 479.

¹⁶ Ритуал пэров — процедура прикосновения к только возложенной на голову посвящаемого монарха короне 12-ти пэров Франции (6-ти светских и 6-ти духовных). См. параграф «Иерархия светских и духовных пэров в процедуре инаугурационной церемонии французской монархии (IX—XIV вв.) настоящего издания.

¹⁷ О порядке церемонии королевского въезда в столицу см.: *Guennée B., Lehoux Fr. Préface // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. Paris, 1968. P. 11—24; Bryant L.M. The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Genève, 1986; Idem. Le cérémonie de l'entrée à Paris au Moyen Âge // Annales Economies, Sociétés, Civilisations. 1988. № 3. P. 513—542; Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 69—70; Польская С.А. Диалог города, клира и короля в процедуре церемонии королевского въезда в Париж в XIII—XV вв. // Средневековый город / Отв. ред. С.М. Стам. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 86—106.*

¹⁸ *Jacob Y. Bertrand du Guesclin: connétable de France. Paris, 1992.*

Когда Дю Геклен поступил на королевскую службу накануне вступления на престол Карла V, он был всего лишь капитаном вольных наемников, увлекавшимся набегами и грабежами, но превосходивший прочих властью и строгой дисциплиной, установленной им среди своих людей. И этому человеку скромного происхождения и грубой внешности — его надгробие в Сен-Дени являет нам изображение его большой головы, квадратных плеч, широкого, приплюснутого носа, рта, в котором человеческой кажется только улыбка — предстояло всего через шесть лет занять самую значимую военную должность во Французском королевстве¹⁹. При этом его нельзя назвать полководцем, не знавшим ни одного поражения, поскольку военная удача периодически изменяла его планам. Так, в том же 1364 г. в битве при Орее в Бретани Дю Геклен попал в плен к англичанам и был выкуплен за 100 тыс. ливров; деньги дали папа, французский король и некоторые другие государи²⁰.

В 1367 г. Дю Геклен возглавил отряд наемников, направленный Карлом V в Кастилию на помощь союзнику Франции, графу Энрике Трастамарскому, который пытался свергнуть своего сводного брата, короля Кастилии Педро IV Жестокоего, поддерживаемого англичанами. В том же году Дю Геклен был разбит в битве при Нахере (Северная Испания), взят в плен и снова выкуплен. В 1369 г. он победил войска Педро IV Жестокоего в сражении при Монтеле, благодаря чему Энрике Трастамарский стал королем Кастилии Генрихом II²¹.

В 1370 г. Карл V даровал Дю Геклену титул графа де Лонгвилля и назначил его коннетаблем Франции, что было неслыханно для бывшего предводителя рутьеров. И дело не только в его низком происхождении и неграмотности. Выдвижение на высшие командные посты представителей мелкой знати в предыдущем ходе Столетней войны оказалось самым слабым местом военной организации Франции, поскольку неизбежно вело к злоупотреблениям и протестам аристократии.

Так, Фруассар был поражен милостью, оказанной Дю Геклену — ведь он не знает грамоты! Однако, сообщая о решении Карла V, хронист вкладывает в уста новоявленного коннетабля пространную и достаточно аргументированную речь: «Истинно, дорогой сир и благородный король, я должен осмелиться воспротивиться вашему великодушному намерению: как бы то ни было, сир, истинная правда, что я беден и что недостаточно знатен для того, чтобы принять столь важный и столь благородный пост коннетабля Франции. Ибо подобает, чтобы этот военачальник достойно исполнял свои обязанности, и с этой целью ему надлежит командовать

¹⁹ *Chervalier J. Le mausolée de du Guesclin au Puy. Paris, 1978.*

²⁰ *Vernier R. The Flower of Chivalry: Bertrand Du Guesclin and the Hundred Years War. Woodbridge, 2003. P. 34—56.*

²¹ *Ibid. P. 103—146.*

в первую очередь великими мужами, а не маленькими людьми. Взгляните же, сир, теперь на моих господ Ваших братьев, Ваших племянников и Ваших кузенов, которые командуют многими воинами в Вашем войске и сопровождают Вас в походах. Сир, как мог бы я осмелиться отдавать им приказы? Безусловно, сир, зависть столь велика, что мне следует бояться ее. И потому, сир, я прошу Вашей милости, простите меня и доверьте этот пост кому-либо другому, кто примет его с большей радостью, нежели я, и сможет лучше исполнять возложенные на него обязанности».

Не менее откровенен и ответ государя, в котором явно проступает его позиция решительного в своем красноречии политика: «Тогда король сказал: “Мессир Бертран, Вам нечего стыдиться, потому что если я, мои братья, кузены и племянники, а также всякие графы или бароны в моем королевстве, не подчинимся вам, или сделаем что-то раздражающее Вас, я буду так разгневан, что это заметит всякий. Кроме того, назначение следует принимать добровольно, я же молю Вас (о согласии. — С. П.)”»²². Кристина Пизанская сообщает о ликовании в армии, вызванном назначением Дю Геклена: «Как только Бертран стал коннетаблем, это явилось большой радостью среди доблестных рыцарей, и многие из них взяли в руки оружие, которое ранее отвергали (т.е. перешли на сторону короля. — С.П.)».

Как и его предшественник, Робер де Фьенн (*Robert de Fienne*), Дю Геклен получил огромные полномочия, но и они оказались еще более широкими. Карл V, по сути, уравнивал права коннетабля с прерогативами принцев крови, сделав его третьим лицом при Дворе после монарха и его братьев. Когда придет черед правления Карла VI, его почти 30-летнее психическое расстройство поспособствует тому, что коннетабль Бернар д'Арманьяк (*Bernard d'Armagnac*) будет пытаться править страной²³. Начало этому процессу положит ордонанс 1370 г. о прерогативах коннетабля, предусматривающий целый ряд принципиальных для усиления властных функций главы армии.

Коннетабль — единственный глава армии, но не только на время войны, как было установлено ранее, а постоянно. Он лично возглавляет авангард армии под формальным командованием короля. Его должность подразумевала обладание полномочиями наместника, которыми коннетабль мог пользоваться в отсутствие монарха (заключать договоры и другие соглашения, даровать прощение и т.д.), на что обычно требовалось особое право. Позже, когда коннетаблем станет соратник Дю Геклена, Оливье де Клиссон, данная должность будет предполагать право участвовать в тайном совете, где рассматривались вопросы во-

²² Les chroniques de sire Jean Froissart. T. 1. P. 621.

²³ Famiglietti R.C. Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392—1420. N.Y., 1986. P. 31—32.

енной политики, и никакое решение в этой области не имело силы без согласия коннетабля²⁴.

Как уже указывалось выше, он принимал участие в инаугурации короля, в ходе которой нес священный сосуд (*la Sainte Ampoule*) с елеем и держал королевский меч *Joyeuse*, что зафиксировано в протоколе. Во время торжественного въезда короля в крепости и города, в ряде прочих придворных церемоний коннетабль также нес его меч²⁵.

Коннетабль лично руководит военными действиями, имея в подчинении маршалов и прочие нижестоящие чины. Даже король не может предпринимать шаги вооруженного характера без совета коннетабля. Преступление против него расценивалось как оскорбление величества (*la lèse-majesté*). В военное время коннетабль — главнокомандующий вооруженными силами: он решал, как должны быть развернуты войска, отдавал приказы всем отрядам и гарнизонам, определял ранг и место каждого бойца. Во время сражения коннетабль находился в авангарде войск, и в его отряде присутствовали маршалы. Его стяг несли после стяга короля и, если монарх не присутствовал при взятии города или крепости, первым в знак победы вывешивался стяг коннетабля. Когда государь находился при войске, могли звучать только боевые кличи короля и коннетабля. Последний же отвечал за отправку всех связных и шпионов. Если, собираясь в поход, он решал взять людей из войска, а не из своей свиты, то мог сделать это в любое время, благо, располагал лучшими (после королевских) лошадьми. Когда войска коннетабля несли гарнизонную службу, они не были обязаны стоять в карауле, если не получали от него соответствующего приказа²⁶.

Судебные права коннетабля тоже расширились. Все преступления, совершаемые военными в походе, подлежат его суду — трибуналу. В его отсутствие правосудие вершит маршал. Поскольку в условиях Столетней войны это неизбежно сталкивало полномочия коннетабля и маршалов, то позже в Париже был назначен их совместный трибунал — Суд Мраморного Стола (*Table de Marbre*)²⁷. Наконец, коннетаб-

²⁴ Lettres qui exemptent, pour un temps limité, du droit de prises, appartenant au Roi, à la Reine, aux princes du sang, au connétable, maréchaux et officiers du Roi, les Im bilans de Paris, et leurs propriétés hors de cette ville. Paris, la juillet 1564 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1821—1833. T. V. 1357—1380. P. 212—216.

²⁵ В частности, это предписано протоколом *ordo* Карла V 1364 г. // Ibid. P. 237—251.

²⁶ Lettres portant annulation des lettres de rappel aux banniers d'une ville, expédiées par le bailli, sans l'ordre du Roi, de son lieutenant, du chancelier, ou du connétable. Paris, 21 septembre 1364 // Ibid. P. 369.

²⁷ Как известно, он получил такое название в связи с тем, что заседал вокруг мраморного стола в одном из залов западной оконечности королевского дворца на острове Ситэ.

ли осуществляли судебную власть через своих наместника и прево. Последний назначал дополнительных прево при военачальниках в провинциях и в главных городах пограничных районов. Именно им подавались жалобы по поводу бесчинства солдат и по другим делам, связанным с нанесением ущерба мирному населению, и на основании их решения жалоба могла быть передана в суд главного прево при *Table de Marbre* и даже в Парижский Парламент. В суд входили еще лейтенанты, а с 1377 г. в его состав включили и адмирала. Здесь разбирались уголовные дела и жалобы на все виды военного суда. Кодификационной основой для отправления правосудия выступал своего рода военный устав — труд Оноре Бовэ (*Honoré Bonet*) «Древо баталий» (*Arbre des batailles*), созданный тогда же и предписывающий попирающую рыцарскую вольницу повиновение командованию и верность королю²⁸.

Где бы ни находился король, коннетабль имел право на место при дворе и сохранял его как постоянное. Он не только считался придворным чином и получал за службу огромное жалование — по одним данным — до 150, по другим — до 24 тыс. турецких ливров в год²⁹. Данная сумма значительно превышала размер материального поощрения любого лица при дворе. Карл V сохранил обычаи, предписывающие коннетаблю получать в дар от короля плащ по праздникам и однодневное жалование с каждого нанятого на военную службу, а от гарнизонных войск — на однодневную плату с каждого гарнизона, в котором они состояли. От последнего были освобождены принцы крови, моряки (их жалование получал адмирал) и те, кто служил за свой счет. Сохранилось и традиционное право коннетабля на военную добычу после 3-дневного грабежа³⁰.

Однако ее состав не был уточнен, и Дю Геклен, в зависимости от ситуации, становился собственником золота, серебра, доспехов и прочего добра. При этом лошади доставались маршалам, военные машины — начальникам арбалетчиков, орудия — начальнику артиллерии. Золото и пленные считались собственностью короля. Но коннетаблю щедро компенсировались все эти упущения: в военное время государь покрывал любые издержки, включая расходы на замену лошадей для него и его отряда. Наконец, во время осад и сражений коннетабль получал двойную плату³¹.

Должность оставалась пожизненной, но не наследственной, предусматривая, таким образом, военное дарование и личную храбрость³². Ни

²⁸ Richter R. La tradition de l'Arbre des Batailles par Honoré Bonet // *Romanica Vulgaria*. 1983. Т. 82. P. 129—141.

²⁹ Lacour C. Bertrand Duguesclin, connétable de France: Duguesclin combat les Anglais et sauve le royaume. Nîmes, 2005. P. 245.

³⁰ *Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. V. P. 336.

³¹ Baissac J., Jamison D.F. Bertrand du Guesclin et son époque. Paris, 2010. P. 438—439.

³² *Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. V. P. 336.

длительный плен, ни тюрьма не лишали коннетабля его звания, что периодически и происходило с Дю Гекленом, неоднократно выкупаемым государем. Кроме того, столь широкие властные полномочия предполагали безусловную верность королю и его интересам. И здесь Дю Геклена трудно упрекнуть в отсутствии этих качеств.

Разумеется, отправление столь многочисленных полномочий не всегда проходило успешно, в том числе и в придворной среде. Так, ссора между Дю Гекленом и военным казначеем Франции Жаном де Мерсе привела к тому, что осада Шербура в 1378 г. была сорвана и в результате стратегически важная крепость оставалась в руках противника еще шестьдесят лет³³. Но главное было выполнено. В течение почти непрерывной десятилетней кампании Дю Геклен сумел очистить большую часть юга Франции от англичан. При этом он вовсе не стремился вести войну по рыцарским канонам, предпочитая сражаться силами наемников, а не ополчения. Вводил в своих отрядах жесткую дисциплину, не любил крупных сражений, предпочитая мелкие столкновения и методы скрытой войны, и именно таким образом добился улучшения положения Франции в Столетней войне к концу XIV в. В этом его позиция совпадала с королевской. Тактика Карла V тоже состояла в том, чтобы изматывать вражеские войска в чистом поле, избегая завязывать сражения и заботясь о том, чтобы прочно удерживать за собой как крепости, так и просто хорошо укрепленные города. И она едва не привела к катастрофическому концу поход Черного Принца, который, выступив с побережья Ла-Манша, только с большим трудом, даже не включаясь в бой, сумел добраться до Бордо — столицы английской Гиени³⁴.

Дю Геклен погиб в Южной Франции при осаде г. Шатонеф-де-Рандон 13 июля 1380 г., разделив судьбу многих из своих предшественников. Однако именно ему была оказана высшая посмертная почесть: быть похороненным в аббатстве Сен-Дени — усыпальнице французских королей — в ногах могилы Карла V³⁵. Дю Геклен вошел в историю не только в качестве великого полководца, хотя не раз проигрывал свои сражения, но и как образец рыцарства, несмотря на то, что требованиям, предъявляемым традицией к последнему, тоже не соответствовал даже внешне. Низкорослый, некрасивый, грубоватый, неграмотный, не любивший пышности и тяготившийся придворной жизнью, к тому же обладавший, по мнению аристократии, странными привычками (он однажды, как пишет Фуассар, дал обет «...начать сражение не раньше, чем съест три миски винной похлебки в честь Пресвятой Троицы», в

³³ Ibid. P. 421.

³⁴ Lacour C. Op. cit. P. 251—252.

³⁵ Jacob Y. Op. cit. P. 475.

другой раз — «...не брать в рот мяса и не снимать платья, пока не овладеет городом»³⁶), внутренне он полностью соответствовал своему призванию, будучи истинным «человеком войны».

В XIV в. в Западной Европе распространился особый светский культ т.н. «девяти героев», идеальных образцов рыцарства: трех языческих (Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь), трех иудейских (Иисус Навин, царь Давид, Иуда Маккавей) и трех христианских (король Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский). Когда в первой половине XV в. Франция потерпит самые тяжелые поражения в Столетней войне, к ним будет приравнен и Бертран Дю Геклен — десятый коннетабль Франции³⁷.

Однако реалии жизни двора так и не примирили принцев крови с назначением на высшие должности представителей из другой среды. И неудивительно, что после смерти Дю Геклена Людовик Анжуйский желал сохранить эту должность вакантной, считая, что с ней связаны слишком значимые полномочия, а прочие братья короля, герцог Бургундский и герцог Беррийский, противились намерению Карла V назначить на данный пост другого бретонца, хотя и в большей степени приемлемого для высшего общества — Оливье де Клиссона.

Оливье V де Клиссон принадлежал к старинному бретонскому роду и был сыном Оливье IV де Клиссона и Жанны де Бельвиль. Его отца по приказу французского короля Филиппа VI казнили в 1343 г. за сдачу англичанам бретонского города Ванна. Овдовевшая мать бежала в Англию (а до этого, мстя за мужа, сама командовала каперским судном, действуя против французов), и при лондонском дворе наследник Клиссонов воспитывался вместе с Жаном де Монфором, будущим претендентом на престол герцога Бретонского и своим сюзереном³⁸.

В 1341 г., когда герцог Бретонский Иоанн III умер, с притязаниями на его престол выступили два рода — Монфоры и Пентьевров. В сентябре 1364 г. Жан де Монфор — ставленник англичан, провозгласивший себя герцогом Бретонским Иоанном IV, воспользовался тяжелой ситуацией во Франции и осадил город Орей, на помощь которому двинулся его соперник Карл де Блуа с французским отрядом под командованием Дю Геклена. Иоанн IV при поддержке англичан выиграл сражение; Карл де Блуа погиб, Дю Геклен попал в плен. В этих условиях только что коронованный Карл V предпочел признать Иоанна IV герцогом при условии, что тот принесет ему оммаж; данная ситуация была

³⁶ Les chroniques de sire Jean Froissart. T. 1. P. 471, 504.

³⁷ О культе «Девяти героев» и Дю Геклена в жестах и хрониках более позднего времени см. монографию Рене Мара: *Maran R. Bertrand du Guesclin: l'épée du Roi*. Paris, 1960.

³⁸ *Richard Ph. Olivier de Clisson: connétable de France, grand seigneur breton, 1336—1407*. Paris, 2007. P. 20—21.

закреплена Герандским договором 1365 г.³⁹ Оливье де Клиссон, сражавшийся здесь на стороне Монфора, потерял в бою глаз, отчего появилось его второе прозвище — «Одноглазый из Орея»⁴⁰.

Вскоре у него возник первый конфликт с Иоанном IV, передавшим замок Гавр⁴¹, на который он претендовал, английскому полководцу Джону Чандосу. Взбешенный Клиссон велел сжечь замок и перенести его камни на несколько километров к югу, где они пошли на постройку его собственного замка Блен. Военная удача заставляла Клиссона выступать по обе стороны фронта. Так, в 1367 г. он принял участие в сражении при Нахере в Испании на стороне англичан под командованием Черного принца, который пришел сюда поддержать кастильского короля Педро Жестокого. Против них выступила кастильская армия соперника Педро, Энрике Трастамарского, в союзе с отрядом Бертрана Дю Геклена, аналогично набранным из рутьеров. Англичане и, соответственно, отряды Клиссона одержали победу, вновь захватив Дю Геклена в очередной плен (Энрике удалось бежать)⁴².

Поскольку отношения Клиссона с Иоанном IV все больше портились, он продолжил поиски своего места в ходе войны. В итоге в 1370 г. Клиссон стал побратимом своего давнего противника Дю Геклена; 23 октября в Понторсоне они поклялись в дружбе и выпили чашу вина, по традиции смешав в ней свою кровь⁴³. В том же году он перешел на службу к Карлу V и уже 4 декабря вместе с Дю Гекленом нанес поражение под Пон-Валленом англичанам, которыми командовали Ноллис и Грансон (последнего даже взял в плен)⁴⁴. После смерти Дю Геклена Карл VI в 1380 г. назначил Клиссона следующим коннетаблем⁴⁵, чем продолжил позицию отца по поддержанию статуса «людей войны».

³⁹ *Recueil général des anciennes lois françaises*. Т. V. P. 350—351.

⁴⁰ *Richard Ph*. Op. cit. P. 64.

⁴¹ Речь идет о замке Гавр (*Gâvre*), не имеющем отношения к позднему городу-порту Гавру (*Le Havre*).

⁴² *Les chroniques de sire Jean Froissart*. Т. 1. P. 527—528.

⁴³ После чего, как указывает Фруассар, Дю Геклен заявил: «Это будет хорошо для нас обоих, и мы вместе обернем это преимущество на пользу нашей стране». См.: *Ibid.* Т. 1. P. 622.

⁴⁴ «На сражение у Пон-Валлена и английское поражение, приведшее ко множеству смертей, злились принц Уэльский, герцог Ланкастер и все те, кто выступал на его стороне, в том числе Коньяк (имеется в виду и город, и прилегающая к нему одноименная область. — С.П.), после чего последовало отвоевание Лиможа...» // *Ibid.* Т. 1. P. 623.

⁴⁵ *Lettres portant nomination d'Olivier de Clisson à la charge de connetable de France*. 28 novembre 1380 // *Recueil général des anciennes lois françaises*. Paris, 1824. Т. VI. 1380—1400. P. 549. *Les chroniques de sire Jean Froissart*. Т. 2. P. 97. Это назначение не помешает Парижскому Парламенту осудить Клиссона как вероломного предателя короны и назначить штраф в 100 тыс. серебряных марок. См.: *Arrêt du*

Наряду с коннетаблями к числу последних относились, разумеется, и упомянутые выше маршалы: Арно д'Одрегем (1351—1368), старший Бусико (1356—1368), Мутен де Бленвиль (1368—1391) и Людовик де Сансерр (1368—1397), также ставшие частью стратегии Карла V. Они располагали гораздо меньшей военной властью, хотя их положение нередко становилось более весомым, когда им вверяли полномочия наместников. Маршалы в итоге стали почти профессиональными наместниками, за время своей активной военной карьеры поочередно занимавшими данный пост в различных округах страны. За исключением Людовика де Сансерра все они были выходцами из мелкой знати и владели очень незначительными фьефами, служа королю далеко не бескорыстно.

В итоге обязанности маршалов сводились к следующему: должность, как и у коннетабля, была пожизненной, без права передачи по наследству. Однако Карл V отдельно подтвердил главенство маршала Франции над остальными маршалами. Последним полагалось вести надзор за дисциплиной в войсках и за исполнением наказаний (не случайно, палка явилась прообразом жезла как символ должности⁴⁶). Они командовали частью армии под началом коннетабля, а также выполняли дисциплинарные и административные функции. Главной задачей маршалов было проведение инспекций и войсковых смотров. Они отвечали за первичное обустройство лагерей, обеспечение боеготовности войсковых отрядов и защиту мирного населения от насилия и грабежей со стороны солдат.

Разумеется, маршалы подчинялись коннетаблю, без приказа которого нельзя было ни двинуться, ни распорядиться лагерем, ни начать сражение. В условиях Столетней войны подобные условия трудно выполнить. Поэтому в сугубо военной сфере маршалы получали большие полномочия при второстепенных операциях: они руководили армиями там, где им случалось находиться, и тогда, когда коннетабль отсутствовал. Но в подразделениях, возглавляемых коннетаблем или лично королем, и при несении гарнизонной службы маршалы не могли предпринимать никаких военных действий без согласия вышестоящего лица.

Были приняты две основные формы военной юстиции маршалов: передвижной суд прево маршалов и постоянный суд по месту дислокации подразделения. Наконец, маршалы, как и коннетабли, заседали в суде Мраморного Стола, что, как уже указывалось, вызвало между ними неизбежные противоречия. Равно как и право маршалов возглавлять гарнизоны и выступать наместниками освобожденных от противника территорий.

parlement, qui condonne, par contumace, le connétable Olivier de Clisson comme faux, mauvais, traître et déloyal envers la couronne, et le condamne à la destitution et à une amende de 1000,000 marcs d'argent. 1392 // Ibid. P. 727.

⁴⁶ Pascal A. Histoire de l'armée et de tous les régiments depuis les premiers. Paris, 1800. T. 1. P. 208.

Маршал тоже считался придворным чином и получал за службу постоянное жалование — до 2 тыс. турецких ливров в год, что уравнивало его с адмиралом — аналогичной военной должностью, только флотской. Кроме того, Карл V сохранил обычаи, предписывающие коннетаблю получать в дар от короля плащ по праздникам и право на добычу в захваченной местности в виде любых предметов, а также на лошадей и скот⁴⁷.

Во Франции к высшим военным чинам относились еще два человека: командир арбалетчиков, который был главнокомандующим пехоты и артиллерии, и хранитель королевской орифламмы, приравненной к регалиям монарха. Орифламма — хоругвь аббатства Св. Дионисия и первое знамя войско — доверялась только рыцарю, доказавшему свою храбрость на поле боя. Она имела реальный прототип — флаг аббатства Сен-Дени, который водрузил там Людовик IX в 1124 г.⁴⁸, а внешне она выглядела как «...прямоугольник из огненного цвета тафты без вышивки и изображений, с тремя хвостами, окруженными кистями из зеленого шелка, насыщенный на золотое древко»⁴⁹.

Не зря на коронации Карла VII орифламму будет держать именно Жанна д'Арк. Но это, скорее, исключение из общего правила. На практике чаще всего право хранителя являлось почетной обязанностью маршалов, что также расширяло круг их привилегий.

Как известно, в 1369 г. Карл V возобновил войну и сосредоточил все усилия на отвоевании территорий, отданных англичанам по договору в

⁴⁷ Mandement portant que les lettres royales seront nitifices et publiques par les baillis et sénéchaux à l'exclusion de tours autres, nonobstant les commissions qui en auraient été donnes aux princes du sang au cultres. Au bois de Vincennes, 20 mars 1361 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G.-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P.133; Lettres qui défendent aux sénéchaux et baillies d'entreprenre sur la jurisdiction des moitres des eaux et forêts. Paris, 14 mai 1362 // Ibid.

⁴⁸ Хоругвь, как и большинство регалий, ассоциировалась с Карлом Великим. По преданию, император получил ее из рук Св. Дионисия в качестве символа своей суверенной власти после того, как якобы согласился принять титул императора Византии. Впоследствии Карл Великий передал орифламму с благословением своему сыну Людовику Благочестивому. См. подробнее: *Contamine Ph. L'oriflamme de Saint-Denis en XIV—XV siècles // Annales de l'Est. 1973 (1975). T. 25. № 3. P. 3—72; Lombard-Jourdan A. Fleur de lys et oriflamme. Signes célestes du royaume de France. Paris, 1991; Robertson A.W. The Service-Books of the Royal Abbey of Saint-Denis: Images of Ritual and Music in the Middle Age. Oxford, 2002. P. 97—101; Стукалова Т.Ю. «Посланная небом в великой тайне...»: орифламма и церемония ее поднятия во Франции (вторая половина XIV—начало XV в.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 200—215.*

⁴⁹ *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1618. P. 235.* Цветовая гамма объясняет этимологию понятия «хоругвь» — *l'oriflamme* (*l'or* — золото и *le feu* — огонь).

Бретиньи. Для решения этой задачи понадобился собственный флот (а не только союзников-кастильцев).

Поскольку после поражения при Слейсе флот оказался в самом плачевном состоянии, Карлу V практически все пришлось устанавливать заново. Ордонансом 1373 г. он восстановил верфь на Сене, около Руана — т.н. Галерный двор, созданный еще Филиппом IV в 1292 г. Но просто строительства кораблей оказалось недостаточно, и король предпринимает реформу должности адмирала. В том же году на нее назначается мелкий рыцарь из Франш-Конте Жан де Вьенн (*Jeanne de Vienne*), который получит прозвище «морской Дю Геклен»⁵⁰, но переживет своего брата по оружию, пробыв на должности 23 года, найдя ту же смерть на поле, если можно так выразиться, боя (де Вьенн погибнет в 1396 г. в битве при Никополе⁵¹).

Статус адмирала определялся ордонансом 1377 г., согласно пунктам которого данная должность уже традиционно признавалась пожизненной, но не наследственной. Адмирал был равен коннетаблю в правах и обязанностях на море, поэтому последнему не подчинялся. Имел широкие судебные полномочия, представляя в морском походе королевское правосудие, которое распространялось и на побережье: его адмирал тоже обязан защищать и охранять в своих походах. По этой причине следующими прерогативами являлись разведка и преследование пиратства.

Адмирал тоже стал придворным чином, но получал за службу наравне с маршалом — до 2 тыс. турецких ливров в год. Имел право на $\frac{1}{10}$ часть добычи, на вражеские корабли и торговые суда. Также присваивал себе пошлины, взимаемые им в портах. Ему подчинялись все региональные адмиралы прибрежных сеньоров в Руане, Нормандии, Гиени, Провансе и Бретани. С последними, особенно с бретонскими адмиралами, де Вьенну и его последователям придется преодолевать немало препон в борьбе с англичанами. Наконец, своим знаком достоинства глава флота имел адмиральский герб⁵².

Успехи потестарных стратегий Карла V по отношению к флоту не замедлили дать свои результаты. Так, в 1372 г. у Ла-Рошели кастильским флотом был потоплен флот под командованием графа Пемброка (с жалованием для солдат на борту), и через несколько дней после смер-

⁵⁰ Выражение Ж. Фруассара. См.: Sir John Froissart's Chronicles of England, France, Spain and the adjoining countries / Trad. by Th. Johnes. L., 1808. Vol. II. P. 12.

⁵¹ *Nicolle D., Hook Ch. Nicopolis 1396: the Last Crusade.* Oxford, 1999. P. 35.

⁵² *Ordonnance ou Testament qui défère la garde et la tutèle des enfans de France à la Reine mère, à la charge de ne pas se remarier, et lui nomme un conseil.* Château de Melun, octobre 1374 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 433.

ти Эдуарда участились французские морские набеги на побережье Англии и Шотландии. Эти рейды были организованы Жаном де Вьенном и предприняты для того, чтобы обеспечить французам господство над Ла-Маншем и тем самым помешать англичанам отправить военную помощь в Бретань и Гиень, а также подготовить почву для блокады Кале с моря и суши одновременно⁵³. Герцог Бургундский начал осаду с применением современного флота, собранного де Вьенном. Войска французов также были посланы в Гиень, где англо-гасконская армия потерпела поражение, а ее сенешаль, сэр Томас Фелтон (*Thomas Felton*), был захвачен в плен в сражении при Эйме 1 сентября 1377 г. Однако решающего перелома в войне не произошло. Кале и Борделе держались, и в течение этого года Карл Наваррский и герцог Бретонский уступили англичанам Шербур и Брест. Таково было положение дел, когда в 1380 г. скончался Карл V.

С приходом к власти его сына Карла VI все предшествующие успехи будут сведены на нет и усугублены до самой крайней степени. И в этом смысле преобразования Карла V окажутся тщетными, впрочем, как и его эпоха, а равно и жизнь королевского двора. Образно выражаясь, когда, по словам Кристины Пизанской, Карл V «...не позволял своим придворным носить ни слишком короткое платье, ни пулены с чрезмерно длинными носками, а на женщинах не терпел слишком узких платьев и слишком больших воротников»⁵⁴, то не мог предположить того обстоятельства, что через три десятилетия после его смерти все эти правила оказались прочно забытыми.

⁵³ О северных рейдах де Вьенна см. подробнее у Фруассара: Sir John Froissart's *Chronicles of England, France, Spain*. Vol. II. P. 12, 15—17, 53, 64, 67, 81, 88, 242, 232.

⁵⁴ *Christine de Pisan*. Op. cit. P. 112.

Монарх перед посвящением: предписания *ordo* Карла V

Карл V Мудрый явился для средневековой Франции одним самых значимых монархов, прежде всего, как реформатор, и эта грань его *métier de roi* достаточно полно изучена специалистами¹. В данном параграфе речь пойдет об ином качестве деяний, предпринятых этим энергичным, несмотря на слабое здоровье, и целеустремленным в своей деятельности монархом. Мы остановимся на анализе его репрезентационной практики потестарных функций, зафиксированной в новом коронационном чине (*ordines*), во многом дополнившем начавшийся складываться еще в каролингскую эпоху протокол церемонии монаршего посвящения (*le sacre royal*)². Забегая вперед, следует отметить: комплексные перемены в порядке проведения последней будут иметь место в не менее знаковые для эволюции Французского государства периоды, особенно, — вторая половина IX—конца X в., когда завершалась его раннефеодальная стадия³ и эпоха правления Людовика IX Святого⁴, реформы которого оказали на развитие страны влияние, сопоставимое с последствиями преобразований Карла V.

¹ Наряду с необозримой историографией Столетней войны, неизбежно обращающейся к деятельности указанного короля, достаточно привести фундаментальные исследования Франсуазы Отран и Клэр Шерман. См.: *Austrand F. Charles V*. 2-ed. Paris, 1994; *Sherman C.R. The Portraits of Charles V of France (1338—1380)*. N.Y., 1969; *Idem. Charles V of France (1338—1380) as a Wise Ruler // Medievalia et Humanistica*. 1971. № 2. P. 83—96.

² Первой из них явилась коронация Пипина Короткого в 751 г.

³ В данном случае протоколы *ordines* связаны с именем архиепископа Хинкмара Реймского (ок. 806—882) — видного духовного и политического деятеля своей эпохи (советник и духовник Людовика Благочестивого и Карла Лысого). Его перу принадлежит четыре *ordines*, посвященных Юдифи (856 г.), Эрментруде (866 г.), Карлу Лысому (869 г.) и Людовику Заике (877 г.). Мы традиционно обращаемся к фундаментальной комплексной публикации Ричарда Джексона: См.: *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427; Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455; Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458; Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462. Конец X в. ознаменована т.н. *ordo* Фулрада или Рагольда (Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // *Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review*. 1942. № 57. P. 345—361; Ratold ordo (ca. 980) // *Ordines coronations Franciae*. Т. 1. P. 168—200).*

⁴ Это серия из 3-х *ordines*: *ordo* Реймса 1230 г. (*ordo of Reims* (ca. 1230) // *Ordines coronations Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Т. 1—2. Philadelphia, 1995; 2000. Т. 2. P. 291—305*), *ordines* 1250 г. (*Ordo of 1250 (1240—1250) // Op. cit. P. 341—366*) и 1270 г. (*Last Capetien ordo* (ca. 1250—1270) // *Op. cit. P. 267—418*).

Все они в той или иной мере отражают процесс упрочения полномочий королевской власти, включая в себя все более точные процедурные описания *le sacre royal*, а также серию нововведений. Аналогичные позиции характерны и для *ordines* Валуа, которые уже приобрели объем и вид т.н. «коронационных книг», снабженных значительным количеством миниатюр и представляющих собой весьма объемные фолианты. Среди них выделяется «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эврэ» 1321 г.⁵ и «Коронационная книга Карла V» 1364 г., приуроченная к его инаугурации, имевшей место в день Св. Троицы (19 мая)⁶.

Время ее создания является предметом дискуссии⁷, но все исследователи сходятся на мысли о высокой значимости данного манускрипта, хранящегося в обширной библиотеке короля. Важность памятника состоит в том, что *ordo* Карла V лег в основу церемонии королевского посвящения как во Франции, так и в Англии, т.к. был вывезен англичанами в период Столетней войны⁸, и данная точка зрения не вызывает принципиальных возражений медиевистов. Прежде всего, мы сосредоточимся на анализе аргументации данной мысли посредством изучения той части церемонии, которая предшествует ее кульминации – ритуалам помазания и возложения короны на голову посвящаемого монарха, т.е. коронации⁹.

⁵ The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Éd. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1–12.

⁶ Последний манускрипт известен в нескольких редакциях, рассеянных по архивам Франции и Англии, и ряду публикаций. См. их подробный перечень, приведенный Р. Джексоном. *Ordines coronationis Franciae*. Т. 2. P. 462–464 (в том числе синопсис манускриптов на с. 460 и сводную таблицу их датировок на с. 466).

⁷ Перси Шрамм и Жак Де Панж пролонгировали написание «Коронационной книги» до 1369 г., т.е. времени после посвящения Карла V (*Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert: 2 ed. Weimar, 1960. Bd. I. S. 239; Pange J. de. Le roi Tres-Chretien. Paris, 1949. P. 258*). Р. Джексон оценивает *ordo* Карла V как компилятивное, состоящее из комбинации текстов *ordo* Реймса 1250 г., *ordo* 1270 г. и коронационной книги, хранящейся в королевской библиотеке, и датирует его создание 1364 г. (*Jackson R.A. General introduction // Ordines coronationis Franciae*. Т. 1. P. 31–32; *French Translations of the Ordo of Reims. Introduction // Ibid. T. 2. P. 306*).

⁸ *Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Bofehlaufgesetzt und illustriert, vom ihm selbst seiner Bibliothek eingegliedert // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 43–48; "Forma et modus", d. h. sachlich geordnete Auszüre aus dem "Lyntington-Ordo" (№ 33), und andere Aufzeichnungen, zu praktischen Zwecken zu zusammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // Schramm P.E. Ordines-Studien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369–375.*

⁹ Мы обратимся к переводу варианта *ordo* Карла V из собрания т.н. «Генеральной коллекции древних французских законов», поскольку данное издание не было учтено Р. Джексоном, в то время как оно представляет известный интерес, вызванный находением памятника в законодательном своде. Указанный факт однозначно определяет понимание короной инаугурационной церемонии как пра-

1. Прибытие короля в Реймский собор. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

2. Архиепископ Реймский благословляет короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

3. Епископы Лана и Бовэ поднимают короля с ложа. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

4. Аббат Сен-Реми предоставляет Святую Скланку архиепископу Реймскому. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

5. Архиепископ Реймский принимает обещание короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

6. Епископы Лана и Бовэ подводят короля к алтарю. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

7. С короля снимают верхнюю одежду. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

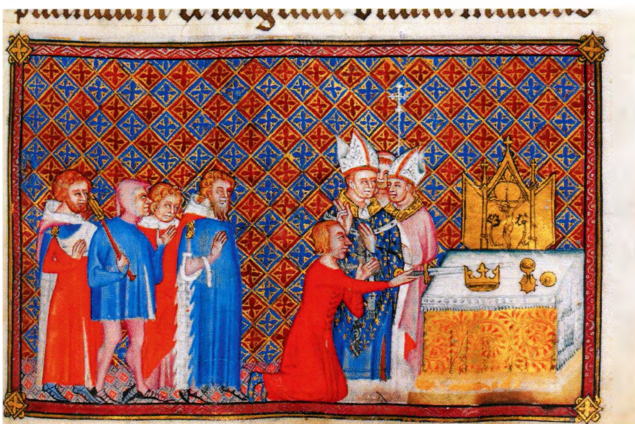
attingi desiderat. maiestatis tue dextera bene

8. Герцог Бурбонский (Великий Камергер) обувает короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

9. Герцог Бургундский надевает королю шпоры. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

10. Король возлагает меч на алтарь. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

11. Архиепископ Реймский возвращает меч королю. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

12. Король передает меч сенешалю (герцогу Анжуйскому). Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

13. Архиепископ Реймский готовит Святой Бальзам. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

14. Архиепископ Реймский расшнуровывает рубашку короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

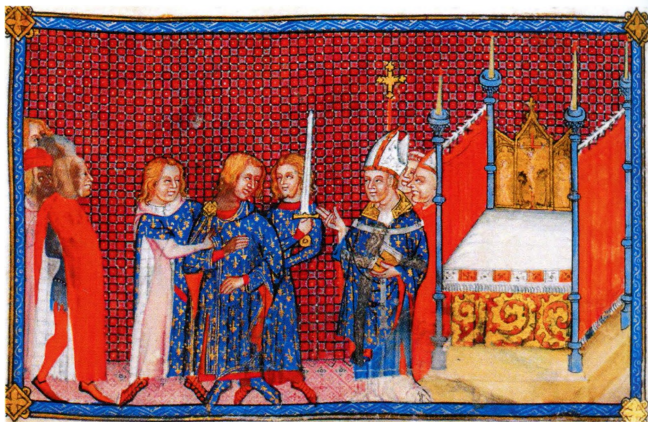

15. Архиепископ Реймский произносит «*Te invocamus*», и король молится. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

16. Архиепископ Реймский зашнуровывает рубашку короля после помазания. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

17. Великий Камергер (герцог Бурбонский) одевает королю тунику. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

18. Король получает помазание рук. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

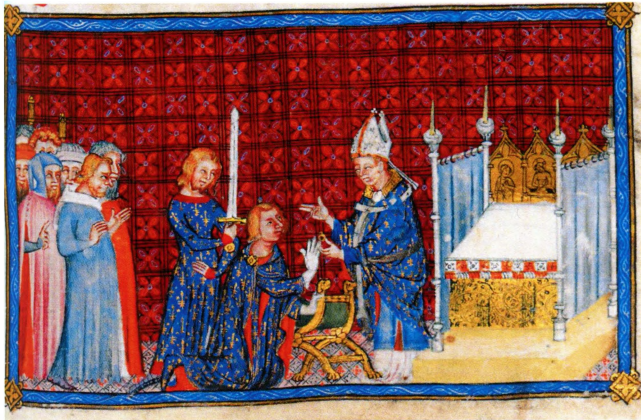
19. Архиепископ Реймский благословляет перчатки короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

abiregant. et tunc rursus in unum

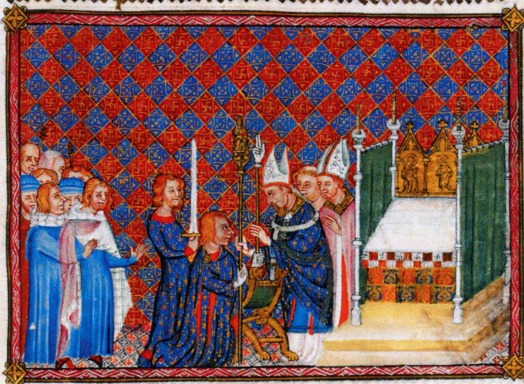

20. Архиепископ Реймский одевает перчатки на руки короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

21. Король получает кольцо. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

sine fine permanet in secula seculorum.

22. Король получает скипетр и жезл («Руку Правосудия»). Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

23. Архиепископ Реймский возлагает корону на голову короля. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

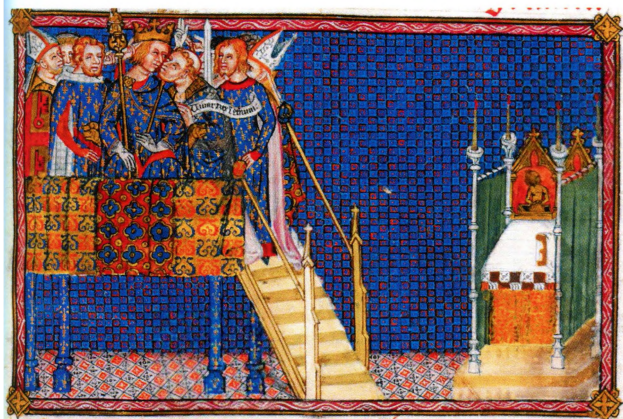

24. Пэры Франции поддерживают корону. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

25. Пэры Франции везут короля к трону на престол. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

26. Интронизация на престоле. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

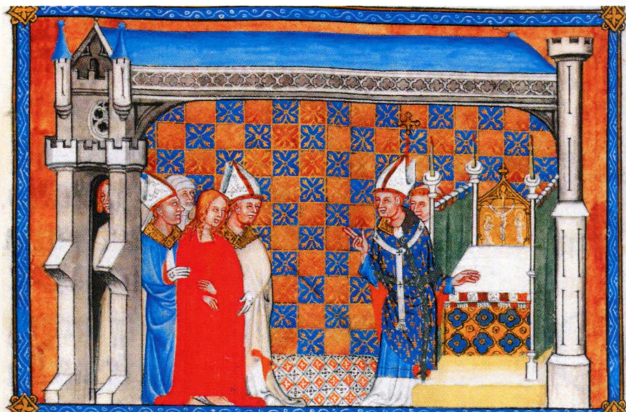

27. Король делает приношение и целует руку архиепископа. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

28. Король получает причастие. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

29. Королева входит в собор. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

30. Архиепископ Реймский благословляет королеву. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

31. С королевы снимают верхнюю одежду. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

32. Королева получает помазание на грудь. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

33. Королеве вручают кольцо. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

34. Королеве вручают скипетр и жезл. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

35. Архиепископ Реймский возлагает корону на голову королевы. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

36. Бароны поддерживают корону королевы. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

37. Королева получает причастие. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

38. Архиепископ Реймский благословляет орифламму. Миниатюра *ordo* Карла V. Coronation Book of Charles V (1365—1380). British Library Cotton MS. Tiberius B VIII.

Совокупность ритуалов и процедур, предписанных королю, условно можно разделить на хронометрические отрезки. Первый из них — это описание действий, предшествующих дню посвящения. Примечательно, что четко устанавливается день недели и регламентируется ночь накануне главного события: «Король должен быть коронован в воскресенье. В субботу, предшествующую вышеупомянутому дню, когда король должен быть посвящен и коронован, по истечении вечерни назначается королевская стража для охраны церкви»¹⁰. Церковью, в данном случае, является реймский собор Нотр-Дам, так что место церемонии остается неизменным — столица Шампани г. Реймс, как центр архиепископии¹¹. В самом соборе регламент предписывает произвести необходимые приготовления по подготовке мест для участников церемонии: «Сначала напротив хоров подготавливают помещенный в центре, идущем от меча, помост, на который поднимаются пары королевства и прочие, которым надлежит находиться рядом с ними»¹².

Помост, «...идущий от меча...», заслуживает отдельного пояснения, поскольку именно на этом возвышении будут проходить все необходимые процедуры, а зависимость его расположения от коронационного меча *Joueuse*, приписываемого Карлу Великому, объясняется тем, что последний ставился рукоятью в специальное углубление в центре Большого Алтаря Реймского собора для процедуры его вручения в ка-

вового акта. Выбор обусловлен важным обстоятельством: документ, являющийся по оценке редакторов «Генеральной коллекции» средоточием выдержек из «Коронационной книги Карла V», использовавшегося и при инаугурации Людовика XIII 17 октября 1610 г., заголовки которого записаны на старофранцузском языке, а основной текст — на латыни, содержит значительное количество процедурных нововведений, принятых Карлом V и, что немаловажно, конкретизирует содержание литургической «сценографии» — позиций, действий, молитв, аккламаций, гимнов и т.п. См.: *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789* / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.

¹⁰ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 238.

¹¹ Теме становлению правила места проведения инаугурационной церемонии в Реймсе и вклада в его утверждение архиепископа Хинкмара автор посвятил несколько статей. См.: *Польская С.А. Хинкмар, архиепископ Реймский — делатель королей // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории / Под ред. И.В. Крючкова. Ставрополь, 2003. Вып. 3. С. 181—210; Она же. Сакральная функция королевской власти во франкских коронационных чинах IX в. // Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире / Под ред. А.А. Гладышева, В.Б. Устьянцева: В 2-х ч. Саратов, 2005. Ч. 2. С. 43—55; Она же. «...Прими власть как испытание...»: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков // Священное тело короля: ритуалы и морфология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 263—292.*

¹² *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 237.

честве королевской регалии¹³. Видимо, по его расположению определялось и место, и центровка помоста.

Однако началу инаугурации предшествует ритуал ночного бдения монарха: «Король должен провести ночь в церкви для молитвы. И король обязан в ночное время в тишине прийти в церковь для молитвы и войдя туда, произносить их, а, если пожелает, держать молитвенное бдение»¹⁴. Указанная процедура, согласно ранним *ordines*, является обязательной и растягивается на всю ночь, завершаясь боем т.н. *prima* — первого колокола. Поскольку всенощный срок не упоминается, допускается более краткое пребывание короля (возможно, по причине слабого здоровья самого Карла V). Большинство специалистов справедливо усматривает в ночи бдения влияние аналогичной процедуры, предусмотренной церемонией посвящения в рыцари¹⁵. Далее указывается: «До утра церковь должна находиться под охраной, расположенной перед наглухо закрытыми дверями, защищая их до тех пор, пока каноники и клир придут туда, когда это необходимо (для утренней службы. — С.П.), дабы участвовать в ней достойным образом со всем тщанием. Заутреня проходит, как обычная служба, которая должна отправляться в начале дня. Затем король, архиепископ (Реймский. — С.П.) и епископы, и бароны, и все прочие, коим позволено прийти в церковь, первоначально окропившись святой водой¹⁶, должны расположиться вокруг алтаря, каждый со своей стороны¹⁷, согласно своему рангу»¹⁸.

¹³ См. подробнее о роли коронационного меча в инаугурационных процедурах: Польская С.А. Сакральная и воинская символика коронационного меча французской монархии IX—XV вв. // Война и сакральность: Материалы Четвертых Международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург — Выборг — Старая Ладога, 1—4 октября 2009 г. / Отв. ред. И.О. Ермаченко, С.М. Капилуни. М.; СПб., 2009. С. 72—75; Она же. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии IX—XV вв. // *Cogito*. Альманах истории идей / Под ред. А.В. Кореневского. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 5. С. 181—202.

¹⁴ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 238.

¹⁵ *Gautier L.* La chevalerie. 3-éd. Paris, 1895. P. 245—340; *Jackson R.A.* *Sleeping King* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance; travaux et documents*. 1969. № 31. P. 521—551; *Idem.* *Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France* / Trad. par M. Arav. Paris, 1985; *Giesey R.E.* *Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France* // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1986. № 3. P. 579—590; Также см. § 2. главы I настоящей работы «Французский монарх, Церковь и Двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения».

¹⁶ Католический ритуал, предписывающий самоокропление рук из чаши, стоящей при входе в храм.

¹⁷ Духовенство — справа, миряне — слева от алтаря, как предписывала традиция, восходящая к представлениям о предпочтительном соотношении сторон, сложившихся в средневековье.

¹⁸ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 238.

Ранг последних и их дальнейшие действия составляют второй хронометрический отрезок процедур, предшествующих началу инаугурации. Выстроившиеся в указанном порядке, они входят в собор с тем, чтобы выйти из него, окружив короля и препроводить государя во дворец архиепископа с специально отведенные покои. Их иерархия, пережившая достаточно сложное развитие, также не претерпевает изменений в сравнении с регламентом предыдущих *ordines*, а именно: «Епископы, подготовившись, первым — Лана, затем — Бовэ, за ним — Лангра, затем — Шалона и Нойона, за всеми этими епископами — архиепископ Реймский, располагаются напротив алтаря вместе с королем вместе с королем, и прочим¹⁹ вмешиваться сюда неуместно»²⁰. Под последними, вероятно, имеются в виду светские пэры, чье участие в церемонии было регламентировано позже, в то время как положения дальнейшей процедуры предписывают пэрам Церкви вернуться за королем, отдыхающим в своих покоях после бессонной ночи. «Ритуал пробуждения короля» символизирует сон обращаемого монарха накануне получения данного статуса (по аналогии с возрождающего к новой жизни таинством крещения), чьи помазание и коронация оцениваются как теизация его потестарных функций.

Итак, «когда наступает день коронации, король должен принять процессию, состоящую из каноников, а также монахов»²¹, то «...сначала каноники Реймской церкви с двумя распятиями, свечами и кадиллом следуют во дворец архиепископа; и епископы Лана и Бовэ, которые должны быть первыми епископами-пэрами в этой процессии, с реликвариями на шеях, следуют в главные покои для посвящения короля, ожидающего их сидя или лежа на кровати»²². Примечательно, что в данной редакции отсутствует формула обращения епископов к ожидающему их дофину. Описания инаугурационной церемонии, составленные в эпоху Старого Порядка (в частности, имеющиеся в трактате секретаря Парламента г. Меца Николя Менана), излагают ритуал пробуждения, что позволяет реконструировать и происходящее с дофином Карлом: «Камергер, не открывая дверь (на стук. — С.П.), говорит: “Кто вам нужен?” епископ Лана отвечает: “Король”. Камергер говорит: “Король спит”; певчий стучит,

⁹ Процесс генезиса института пэров во Франции в указанный период исследован достаточно спорадически. См.: *Sainte-Marie Anselme de, Père. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume*: 9 vol. Paris, 1726—1733; *Lot F. Quelques mots sur l'origine des paires de France // Revue historique*. 1884. Vol. CIV. P. 34—59; *Jackson R.A. Peers of France and Princes of the Blood // French Historical Studies*. 1971. Vol. 7. № 1. P. 28.

⁰ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 238.

¹ Ibid. P. 237.

² Ibid. P. 238—239.

епископ вызывает короля во второй раз <...>, и на третий раз камергер отвечает: “Мы зовем (имя), которого Бог дал нам, чтобы править”²³.

Однако это упущение достаточно полно компенсируется указанием текста молитвы «Всемогуц Господь», с которой один из епископов обращается к посвящаемому: «И обращаясь к нему, пусть епископ Лана произнесет “Всемогуц Господь, Царь царей, и Вседержитель мира, чьей власти ни одна тварь сопротивляться не может, в чьей воле карать грешников и прощать тех, которые истинно раскаиваются; сохрани и освободи нас, молю Тебя пред дланью врагов, уйми гордость (мою. — С.П.), огради от зла, разрушь ловушки и козни, чтоб Твоим оружием быть защищенными, всегда быть хранимыми от всех опасностей, прославляя Тебя, иже еси единственной победы, благодаря спасению еди-нородные сыны Твои Бога нашего Иисуса Христа. Аминь”²⁴»²⁵.

Ее содержание как нельзя более явно демонстрирует идеал правителя, ожидаемый и для будущего короля, архетипом которого служит Царь Небесный. Равными, т.е. логически сопутствующими дальнейшим процедурам, являются все молитвы церемонии, в том числе и те две, которые сопровождают дофина по ходу его продвижения в собор (для чего необходимо было пересечь соборную площадь, разделяющую храм и дворец архиепископа). «Король следует в собор с двумя пэрами Церкви. Когда молитва произнесена, незамедлительно два вышеупомянутых епископа берут его (короля. — С.П.) под левую и правую руки и ведут к церкви под пение каноников, исполняющих “Вот, я посылаю...”²⁶. По сути — это начальный стих Евангелия от Марка: «...Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою»²⁷. Эта молитва являлась типичным гимном для торжественной встречи знатных особ в монастырях и церквях²⁸, что вновь демонстрирует продуманность ее подбора именно для данного момента церемонии. Далее шествующего в собор дофина сопровождает отрывок из

²³ *Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis Ier jusqu'à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Amsterdam, 1724. P. 239—240.*

²⁴ В регламенте прописана только начальная фраза молитвы, но ее полный текст возможно реконструировать по изданию *ordo* Карла V, в основу которого легла более пространная рукопись Cotton MS Tiberius B. VIII, хранящаяся в Лондоне, в Британской библиотеке и изданная Э. Девиком в 1899 г. См.: *Ordo ad inungendum et coronandum regem // Coronation book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Ed. E. Dewick. London, 1899. Col. 22—44*

²⁵ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 239.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ “...ecce mitto angelum meum ante faciem tuam, qui praeparabit viam tuam” // Мк. 1:2.

²⁸ *Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М., 1999. С. 120.*

Псалмов, озвучивающий христианский статус посвящаемого: «Закончив пение, хор произносит: “Израиль, если ты слышишь...”»²⁹, т.е. «Израиль, если ты слышишь меня, не будет нового Бога в тебе, не будешь ты поклоняться Богу иному, а Господу»³⁰.

Примечательно, что далее в тексте регламента следует ссылка, гласящая: «Эти молитвы не содержат ничего, кроме королевских обязанностей»³¹. Указанный пассаж разъясняет уровень теизации королевских полномочий, пусть и понимаемых по аналогии с божественными, но все же не тождественных им в полной мере, что подтверждается смыслом завершающей сопровождение дофина в собор вступительной молитвы мессы для литургии Преображения Господня *Deus, qui fidei sacramenta*: «Все прочие следуют за ними (пэрами Церкви и королем. — С.П.) ко входу в церковь, и епископ Бовэ, если он присутствует, тотчас произносит: «Господь, который...»³². Полностью она звучит следующим образом: «Боже, в славном преображении Единородного Твоего Сына Ты подтвердил тайну веры свидетельством Моисея и Илии и чудесным образом предзнаменовал будущую славу усыновленных Тобою детей; сподобь нас, рабов Твоих, внимать гласу Возлюбленного Сына Твоего и обрести Его наследие. Через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, Который с Тобою живет и царствует в единстве Святого Духа, Бог, во веки веков. Аминь»³³. Таким образом, перед нами — прямое «наложение» образа Христа на образ посвящаемого короля, переживающего преобразование в ходе предстоящей инаугурации как светского правителя, обличенного всей полнотой власти, но не получившего благодати священнослужителя.

Наконец, уже на входе в собор дофина Карла встречает антифон (т.е. рефрен в исполнении двух хоров), исполняющий видоизмененный вариант псалма «Господи, король с твоей помощью...»³⁴, в оригинале звучащий, как «Господи! силою Твоею веселится царь, и о спасении Твоем безмерно радуется»³⁵. Столь частое обращение именно к Псалмам не может не навести на мысль и об еще одной аналогии образа христианнейшего монарха, репрезентированного на всем протяжении церемонии — ветхозаветного идеала, в данном случае, царя Давида.

Вторая группа ритуалов и процедур связана с предшествующим посвящению клятвам, которые король приносит в строго определен-

²⁹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 239.

³⁰ “Israël, si me audieris, non erit in te deus recens, neque adorabis deum aliénum: ego enim Dominus” // Пс. 80:9.

³¹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 239.

³² Ibid.

³³ Coronation book of Charles V of France. P. 7.

³⁴ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 239.

³⁵ “Domine in virtute tua letabitur rex et super salutare tuam exultabit” // Пс. 20:1.

ной последовательности. Первая из них — это обещание священнослужителям и, главным образом, аббату монастыря Сен-Дени вернуть Святую Склянку (*Sainte Ampoule*), доставленную в Реймс для королевского помазания. Не поясняя значение последней для проведения церемонии (в силу хрестоматийности легенды о помазании Хлодвига³⁶), *ordo* толкует и совершаемые с ней действия: «О Святой Склянке. Одними из первых прибывают монахи обители святого Реми с крестами и свечами, шествующие со Святой Склянкой, покрытой белым шелком, впоследствии снятом, ее должен нести аббат в окружении четырех монахов. Королю следует назначить четырех баронов, обязанных в безопасности доставить (Святую Склянку. — С.П.) от церкви святого Дени до ворот собора, вплоть до беспокояно толпящихся возле архиепископа, заранее, как и прочие епископы и архиепископы, аббаты и каноники со знаками сана, в честь торжества облаченного в митру и принявшего пастырский посох, дабы встретить Святую Склянку, прибывшую из земель аббатства королевского домена, и пообещать добровольно вернуть ее назад; и тогда множество стоящих вокруг алтаря подтверждают обещание передать ее аббату и прибывшим с ним монахам церкви святого Дени или часовни святого Николая, что Святая Склянка тотчас (по окончании инаугурационной церемонии. — С.П.) вернется назад»³⁷.

Аббатство Сен-Дени, т.е. Св. Дионисия, крестителя Галлии, расположенное неподалеку от Парижа (ниже в тексте *ordo* будет следовать уточнение — «...во Франции...»³⁸, что не случайно, поскольку инаугурационная церемония имеет место в Реймсе, т.е. в Шампани, на домениальных землях короны), является для нее знаковым — здесь при жизни отца был посвящен Карл Великий, его аббаты выступали в роли королевских советников и составителей монастырской версии анналов продинастического толка; именно здесь сформировался королевский некрополь и хранился весь комплекс регалий: короны Карла Великого и Людовика Святого, меч Карла Великого, скипетры, кольца и т.д.³⁹

³⁶ В «Житии» Св. Реми читаем: «...Этот известный всем король франков, был помазан и посвящен в короли елеем, полученным с небес <...> в церкви было очень много людей. Тогда святой Реми поднял глаза к небу и воззвал к помощи господу. И тотчас внезапно появился белоснежный голубь, принесший в клюве Святой Сосуд, наполненный елеем <...>, и им Реми освятил Хлодвига» // *Vita Remigii episcopi Remensis* // *MGH Seruim Scriptorum. Scriptorum rerum Merovingicarum*. № 16. *Passiones vitaeque dscntorum aevi Merovingici et antiquorum aliquit* / Ed. by B. Krusch. Hannover, 1896. S. 256.

³⁷ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 239—240.

³⁸ *Ibid.* P. 240.

³⁹ См. об этом подробнее, прежде всего, публикации источников и работы Д. Габори-Шопен: *Le Trésor de Saint-Denis* / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin.

Процедура предписывает дофина почтительно встретить реликвию, Священным Елеем которой ему предстоит быть посвященным на царство. Это происходит сразу же после вступления будущего монарха под своды собора и сопровождается молитвой (повторно он произносит «Всемогущ Господь...», которую ранее читал епископ Лана при выходе дофина из дворца) архиепископа Реймского, коему предстоит проводить посвящение: «Король предстает перед архиепископом Реймским для посвящения. По окончании главного антифона, которого все ожидают перед алтарем, посвящающий короля [архи-] епископ произносит следующую молитву: “Всемогущ Господь...” Когда молитва произнесена, можно начинать посвящение на царство в присутствии кафедрального епископа и прочих архиепископов, доставивших Святую Скиянку, с которой король благоговейно снимает покров»⁴⁰.

Затем наступает очередь королевской клятвы, которую следует принести Церкви, — точнее, архиепископу Реймскому, ее олицетворяющему. Формально, если исходить из логики процедуры данной части церемонии, в противном случае она не может быть продолжена. Это указывает на предельную точность в выборе момента произнесения будущим королем его обещаний: до начала проведения всех инаугурационных ритуалов, без которых наследник престола так и останется таковым, не обретя легитимной власти монарха. «Что должно быть сделано со Святой Скиянкой. Архиепископ готовится к мессе с помощью дякона и подьячего, облачаясь в инсигнии и мантию, и этом торжественном одеянии следует к Большому Алтарю, и королю необходимо почтительно встать ему навстречу. Когда архиепископ доходит до алтаря, он обращается к королю от имени Церкви. Ответ короля епископам. Обещаю вам и подтверждаю для каждого из вас и Церкви канонические привилегии, законно и справедливо сохранять и защищать их, оказывать помощь, как король в своем королевстве приверженным ему епископству и Церкви, предоставляя должные права»⁴¹.

В обоих случаях речь идет о т.н. королевском *promissio* — публичном обещании сохранить неизменными привилегии Церкви. Реконструкция протокола в его более пространных версиях позволяет определить предшествующее королевскому ответу действие. Так,

Paris, 1975. Vol. 2. Document divers; *Gaborit-Chopin D. Le Trésor de Saint-Denis* / Éd. D. Gaborit-Chopin, M.-P. Laffite, A. Prache. Dijon, 1992; *Idem. Les couronnes du sacre des rois et des reines au trésor de Saint-Denis* // *Bulletin monumentale*. Paris, 1975. T. 133 (II). P. 165—174. А также: *Ferey J. Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye* // *Musées et Monuments historiques*. Octobre. 1979. № 104. P. 66—77; *Saint-Denis ou jugement dernier des rois: Actes du Colloque*, 24 février 1989. Saint-Denis, 1993.

⁴⁰ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 239.

⁴¹ Ibid.

«Анналы Сен-Бертен» в той их части, которая принадлежит перу Хинкмара Реймского, указывают: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов <...> подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: “Тебе даем прошение, как лучшему из знатных, и лучшие люди Церкви вверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предъявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему”»⁴².

Важно, что *promissio* не только сохраняется в *ordo* Карла V, оставляя за ним (как и за предшественниками) статус *rex christianissimus*, но отличается от следующего ритуала — «клятвы Королевству» (*le serment de Royaume, le serment au Royaume, juramentum Regis*), имеющей вид публичной формулы обращения непосвященного монарха ко всем подданным — и священнослужителям, и мирянам. Таким образом, статус клятвы короля перед народом, как она поименована в *ordo* Карла V, обладает бóльшей юридической силой и потому завершает вторую группу ритуалов, логика которой развивалась по восходящей: от частного общения аббатству Сен-Реми до клятвы перед всеми подданными.

В «клятве Королевству» Карла V сохраняются все предыдущие условия, зафиксированные *ordines* Людовика IX: защита христианской веры и Церкви, справедливость и милосердие, борьба с ересями во всех проявлениях. «Клятва короля перед народом. Тогда же, произнеся и пообещав сказанное, король приносит клятву. “Христианский народ и мои подданные, именем Христа обещаю, в первую очередь, навсегда сохранить Церковь Господню и весь христианский мир под нашей защитой. <...> Также запретить всякие грабежи любого имущества. Также судить со всей справедливостью и милосердием: как меня и вас прощает Господь милостью и состраданием Своим. Также приложу все законные усилия для изгнания с моей земли, в соответствии с принятой юрисдикцией, всех еретиков”»⁴³.

Однако именно здесь появляется и новое условие — право короля на сохранность земель своего домена, в их единстве и неделимости: «И превосходство, права, и честь короны Франции сохранять неприкосновенными, и ничего не передавать, не отчуждать»⁴⁴. Речь идет о праве

⁴² *Annales des Saint-Bertin* / Éd. F. Grat, A. Viellard, S. Clemenset. Paris, 1964. P. 156. Аналогичные тексты содержатся и в *ordo* Фулрада, капетинских *ordines*, а также в трактатах Н. Менана и других юристов, составлявших своды французского церемониала в эпоху абсолютизма.

⁴³ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 240.

⁴⁴ *Ibid.*

неотчуждаемости (*inalienability*), зафиксированное Карлом V в условиях территориальных потерь Франции в эпоху Столетней войны. Более того, *ordo* завершает данный сюжет фразой: «Все вышесказанное будет закреплено как клятва» и поясняет с помощью ссылки «клятва была принята на Латранском соборе 1215 г., при папе Иннокентии III»⁴⁵. Имеется в виду факт одобрения Святым Престолом последнего условия о борьбе с ересью, как прямой обязанности короля в капетингских *ordines*, поскольку хронологически оно совпало с разгаром Альбигойской войны 1209—1229 гг., а впоследствии использовалось в более широком контексте, понимаясь как противостояние короны всякой ереси⁴⁶. Новое условие не разъясняется, что указывает на его неразработанность, поскольку королевские ордонансы с описанием принципов неотчуждаемости будут уточнять их на протяжении всего правления Карла V и Карла VI⁴⁷.

Важность процедуры подчеркивается ее финалом, предписывающим совершение серии действий и от дофина, и от архиепископа, и от ряда священнослужителей и светских лиц: «Затем он (король. — С.П.) должен положить руку на книгу (Священное Писание. — С.П.), и пусть он коснется ее губами. По принесении обетов, сразу начинается исполнение “Тебя, Господи, хвалим”»⁴⁸. Если жест поцелуя Священного Писания в подтверждение клятвы вряд ли нуждается в комментариях, то на чтении одной из основных молитв мессы — благодарственного гимна Св. Амвросия Медиоланского, исполняемого двумя хорами, следует остановиться подробнее, тем более что *ordo* ниже тут же уточняет: «В зависимости от римской или иной манеры исполнения “Тебя, Господи...”, имеющей место и после интронизации (ритуала усаживания уже помазанного, коронованного и получившего все прочие регалии монарха на трон), затем произносится “Встань и сохрани...”»⁴⁹. Интро-

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Viguerie J. de. Les serment du sacre du roi de France et specialement le “serment du Royaume” // Le sacre des rois Actes du Colloque international d’histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 205—215; David M. Le serment du sacre du Xe au XVe siècle // Moyen Âge Latin. Études. Textes. Chronique. Bibliographie. Jan.-Mars. 1950. T. 6. № 1. P. 5—272; Idem. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe au XVe siècle // Annales de la Faculté du Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg. Paris, 1954. № 1.*

⁴⁷ Анализу проблем неотчуждаемости земель французской короны автор посвятил несколько статей, поэтому сейчас нет смысла останавливаться на них столь подробно. Заметим, что в итоге «Клятва Королевству» составил пентархию пунктов (подтверждение привилегий Церкви, справедливое правление короля, его милосердие, борьба с ересью, позже — со всяким внешним врагом и принцип неотчуждаемости).

⁴⁸ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 240.

⁴⁹ Ibid. P. 241.

низация, по сути, завершающая церемонию инаугурации, является замыкающей симметрию ее начала, и в обоих случаях действие сопровождается одной и той же, при этом ведущей по значимости, молитвой которая гласит:

«Тебя, Бога, хвалим,
 Тебя, Господа, исповедуем.
 Тебя, Отца вечного,
 вся земля величает.
 Тебя ангелы и архангелы,
 Тебя небеса и все силы;
 Тебя херувимы и серафимы
 непрестанно воспевают:
 Свят, Свят, Свят Господь
 Бог Саваоф;
 Полны небеса и земля
 величества славы Твоей.
 Тебя восхваляет собор апостолов,
 Тебя восхваляет пророков множество,
 Тебя восхваляет пресветлое мучеников воинство,
 Тебя по всей вселенной
 святая Церковь исповедует,
 Отца безмерного величия,
 Воистину достойного поклонения
 Единого и истинного Твоего Сына, И Святого Духа
 Утешителя.
 Ты Царь славы, Христос,
 Ты предвечный Сын Отца,
 Ты, вочеловечившийся для нашего освобождения,
 Не возгнушавшийся девственного чрева,
 Ты, победивший жало смерти,
 Открыл верующим Царство небесное,
 Ты одесную Бога восседаешь во славе Отчей.
 Мы верим, что Ты придешь судить нас.
 Потому Тебя молим: помоги рабам Твоим,
 Которых драгоценной Кровью Твоею искупил,
 Сопричти их ко святым Твоим в вечной славе.
 Спаси, Господи, народ Твой,
 И благослови наследие Твое,
 Управляй им и вознеси его на веки.
 Во все дни благословим Тебя
 И прославим имя Твое во веки веков.
 Сподоби, Господи, в этот день сохраниться нам без греха.
 Помилуй нас, Господи, помилуй нас.
 Да будет милость Твоя, Господи, на нас,
 Ибо мы уповаем на Тебя.

На тебя, Господи, уповая:
 Не смутимся во век»⁵⁰.

Не меньшую значимость имеет и замыкающая вторую группу ритуалов, связанную с королевскими обещаниями и клятвами, молитва «Встань и сохрани место избранника Божьего», поскольку под последним понимается Иисус Христос, а под местом — Его трон как Царя Небесного, и данный текст аналогично читается дважды: перед помазанием и в момент интронизации. Это — одна из самых ранних из известных нам инаугурационных молитв: впервые она приводится в т.н. *ordo* Майнца 960 г., но ее практическое применение в ходе интронизации относят к коронации Карла Великого⁵¹.

Далее следует вычлениить третью хронометрическую группу ритуалов — сопутствующие подготовительные процедуры, проводимые над королем в преддверие помазания. В тесте *ordo* они представлены не-

⁵⁰ «Te Deum laudamus, te Dominum confitemur.

Te aeternum patrem, omnis terra veneratur.

Tibi omnes angeli, tibi caeli et universae potestates,

tibi cherubim et seraphim incessabili voce proclamant:

Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth.

Pleni sunt caeli et terra majestatis gloriae tuae.

Te gloriosus Apostolorum chorus,

te prophetarum laudabilis numerus,

te martyrum candidatus laudat exercitus.

Te per orbem terrarum sancta confitetur Ecclesia,

Patrem immensae majestatis;

venerandum tuum verum et unicum Filium;

Sanctum quoque Paraclitum Spiritum.

Tu rex gloriae, Christe.

Tu Patris sempiternus es Filius.

Tu, ad liberandum suscepturus hominem, non horruisti Virginis uterum.

Tu, devicto mortis aculeo, aperuisti credentibus regna caelorum.

Tu ad dexteram Dei sedes, in gloria Patris.

Judex crederis esse venturus.

Te ergo quaesumus, tuis famulis subveni, quos pretioso sanguine redemisti.

Aeterna fac cum sanctis tuis in gloria numerari.

Salvum fac populum tuum, Domine, et benedic hereditati tuae.

Et rege eos, et extolle illos usque in aeternum.

Per singulos dies benedicimus te;

et laudamus nomen tuum in saeculum, et in saeculum saeculi.

Dignare, Domine, die isto sine peccato nos custodire.

Miserere nostri, Domine, miserere nostri.

Fiat misericordia tua, Domine, super nos,

quemadmodum speravimus in te.

In te, Domine, speravi: non confundar in aeternum”.

Цит. по: Coronation book of Charles V of France. P. 15.

⁵¹ См. подробнее: *Appuhn H.* Zum Thron Karl des Großen // *Aachener Kunstblätter.* 1962. № 23—25. S. 127—130.

сколько дискретно, не всегда точно отмечая тот отрезок времени, когда указанные действия должны быть выполнены. Одной из причин подобного наслоения смыслов является попытка составителей одновременно с описанием действий воспроизвести соответствующий им литургический фон, состоящий из многочисленных гимнов и молитв. А последний, в свою очередь, неизбежно перекрывает ритуальную часть церемонии.

Такого рода диссонанс прослеживается практически сразу, поскольку под рубрикой «Клятва короля перед народом» достаточно подробно описывается сразу несколько знаковых ритуалов, никак не выделенных в тексте. Первый из них — это королевская прострация, которой предшествует разоблачение дофина от его одежд, затем — обувание сапог и прикрепление к ним шпор как знака рыцарского достоинства. Кроме того, параллельно прострации на алтарь выкладываются королевские регалии и одеяния с тем, чтобы облачиться в них после помазания. И, наконец, все происходящее сопровождается пением гимнов и чтением молитв. Для того чтобы упорядочить данный перечень, следует разбить текст *ordo* на следующие рубрики:

Выкладывание на алтарь королевских регалий и одеяний, которое должно иметь место во время чтения «Тебя, Господи...», поскольку по его окончании дофина нужно вести именно к алтарю: «Предварительно подготавливаются и кладутся на алтарь королевская корона, меч в ножнах, золотые шпоры, позолоченный скипетр и стержень длиной более локтя с рукой из слоновой кости («рука Правосудия». — С.П.⁵²).

⁵² «Рука Правосудия» (*le main de Justice*) — уникальная регалия, имевшая место только в комплексе знаков французской короны. Впервые она упоминается в *ordo* 1250 г. и является самым поздним знаком королевской власти, представляя собой «...посох или жезл, на вершине которого — рука в жесте крестного знамения, имеющая глаз (на ладони. — С.П.), возвышающаяся на четверть, из золота, украшенного прекрасным сапфиром. Под рукой — обод, инкрустированный гранатами, сапфирами и жемчугом снизу доверху; ручка с орнаментом в виде листьев, инкрустированных восточным жемчугом». См.: *Menin N.* Op. cit. P. 228. Его изображение содержат и миниатюры ряда рукописей *ordo* Карла V, с той лишь разницей, что в них на ладони присутствует раскрытый глаз — всевидящее Божье око. Генетически «рука Правосудия» восходит к жезлу и символизирует судебную функцию монарха, ее публично-правовую сторону. См.: *Pinoteau H.* La main de justice des rois de France, essai explication // *Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France.* 1977—1978—1979. Paris, 1982. P. 262; *Цатурова С.К.* Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Репрезентация верхней власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Тез. докл. М., 2004. С. 102—106; *Она же.* Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV—XV вв. // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 78—95; *Польская С.А.* Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии. С. 181—202.

Кроме того, шелковые чулки, все расшитые лиловым с золотом и того же цвета рубашка, сшитая как для иподьякона на мессе, а также чулки точно такого же цвета и качества, изготовленные из шелка или козьей шерсти»⁵³.

Разоблачение короля от его одежды: «Король становится перед алтарем, снимает одежду, кроме шелковой рубашки с глубокими прорезями спереди и сзади, а также на плечах, связанными серебряными атласными шнурами»⁵⁴. Следует пояснить, что прорези обозначали места помазания Священным Елеем, в силу чего рубашка ассоциировалась к крестильной, но, в отличие от последней, хранящейся в течение последующей жизни, настоящую следовало сжечь по окончании инаугурации, как не подлежащую мирскому осквернению⁵⁵. И потому протокол указывает: «Король становится перед алтарем, снимает одежду, кроме шелковой рубашки с глубокими прорезями спереди и сзади, а также на плечах, связанными серебряными атласными шнурами, и архиепископ сразу же должен произнести “Бог — невыразимый Творец мира...”»⁵⁶. В тексте указана только начальная фраза молитвы «Бог — невыразимый Творец мира, рода человеческого, Правитель Вселенной». Примечательно, что именно в этом случае, перед началом помазания, звучит обращение к ветхозаветным героям — «отцу нашему Аврааму», Моисею, Иисусу Навину, Гедону, Самуилу, Давиду и Соломону, получившим свои достоинства и властные права от Всевышнего. Предстоящее помазание провозглашает прямую преемственность с настоящей церемонией: «Будь помазан елеем из тех же святых рук, от которых были цари и пророки помазаны, и, как Самуил помазал Давида, чтобы тот стал царем, дабы получить благословение, и стать назначенным царем над этим народом, который Господь, Бог твой, дал тебе править»; «взгляни, всемогущий Господи, благословивший Авраама, Исаака и Иакова, на этого человека, славного короля (имя)»⁵⁷.

Королевская прострация (проскинезия) должна совпасть с моментом окончания молитвы «Тебя, Господи...», что указывает на достаточную выверку хронометража протокола: «И как уже упоминалось, он (король. — С.П.) уже находится здесь. И два вышеупомянутых епископа (Лана и Бовэ. — С.П.) под руки подводят короля к алтарю, напротив которого он простирается по окончании “Тебя, Господи...”»⁵⁸. Ко-

⁵³ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Menin N. Op. cit. P. 241.

⁵⁶ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁵⁷ Coronation Book of Charles V of France. P. 16—17.

⁵⁸ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

ролевская прострация, как ритуальное действие, ничем не отличается от рукоположения во время таинства посвящения в сан священнослужителя, с той лишь разницей, что статуса последнего снисходящая на короля благодать ему не дает, толкуясь как благословение на высшую форму мирской власти. Сам же ритуал, вплоть до определенной частности («...все члены аббатства святого Дени во Франции должны пройти в обитель святого Реми (имеется в виду Реймский собор, а не аббатство Сен-Реми. — С.П.) и встать возле алтаря»⁵⁹, а рядом с будущим монархом простереться сам архиепископ⁶⁰) неизменен.

Надевание на короля сапог и прикрепление к ним шпор. «Когда молитва (“Невыразимый творец мира...”) произнесена, великий камергер Франции одевает на короля сапоги темного цвета. И затем герцог Бургундский прикрепляет к ним шпоры⁶¹ и тотчас отходит»⁶². Перед нами — первое упоминание об участии в инаугурации светских лиц. Однако важность происходящего усиливается еще и тем, что, несмотря на проскинезию и предстоящее помазание, посвящаемый монарх воспринимается как мирянин и рыцарь, т.е. светское лицо.

Логика дальнейшего развития церемонии подтверждает эту мысль, поскольку четвертая группа ритуалов касается благословения меча как первой королевской регалии, которая вручается посвящаемому до помазания, в то время как все прочие (корона, кольцо, скипетр и «рука Правосудия») после приятия Священного Елея.

Вручению меча предшествует специальная благословляющая молитва. Прежде чем вручить посвящаемому королю *Joueuse* Карла Великого, архиепископу вменяется произнести: «Господи, услышь наши молитвы, мы молимся Тебе, и этот мечом сим твой слуга N. желает быть опоясанным, да будет благословенна его правая рука — жалостью как защитой, которая необходима церкви, вдовам, сиротам, всемогущество Господне служит против жестокости язычников, сеющих ужас и страх»⁶³.

Для дальнейших действий архиепископу следует снять меч с алтаря (напомним, все это время он, словно крест, стоит в центре) и надеть на короля пояс с ножнами. Действительно, «затем архиепископ опоясы-

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Указанная деталь не описана в настоящем варианте *ordo*, но подробно воспроизведена в других редакциях. Так, *ordo* Фулрада указывает: «Должно (король. — С.П.) подойти со священником к алтарю и крестообразно простереться перед ним и подняться перед преподобным архиепископом, когда тот произносит следующую молитву: “Прими, господи, общую молитву нашу. Смиренная откровенность наша — это верное служение Тебе, исполнение веры. Именем Господа...”» // Paris Bibl. Nat. P. 358.

⁶¹ Привилегия Бургундского дома, отмеченная еще в капетингских *ordines*.

⁶² Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁶³ Ibid.

вает короля мечом, вооружившись которым, тот сразу же убирает его в ножны, подготовленные архиепископом размещенными на алтаре, и после речи архиепископа — в руки тех, которым король дал копье (т.е. одного из своих вассалов. — С.П.)...». Параллельно происходящему «...звучит антифон. “Будь мужествен...” («Будь мужественным и знай Господа, Бог твоего». — С.П.)»⁶⁴. Само же пение сопровождается молитвой архиепископа: «Прими этот меч с благословения Божьего, дарующего тебе, в котором пребудет сила Духа Святого, чтобы сопротивляться, и направит тебя изгнать всех врагов твоих, и все святые церкви Божии защитить от врагов, царствуя, обязуйся охранять и защищать Божью крепость, будучи непобедимым триумфатором Господа нашего Иисуса Христа. Прими этот меч, говорю я, и в руках твоих он будет, освященный авторитетом святых апостолов, данный королю, благословенном в нашем храме в защиту святой Церкви Божией, рукоположенном Богом. И помни о том, что Псалмопевец (Давид. — С.П.) пророчествовал, говоря: “Опяшь свои бедра мечом, о, могущественный, своим величием и великолепием (Пс. 45:3. — С.П.) и т.д. <...>”»⁶⁵.

Как регалия светская и воинская, меч не задерживается в соборе и отправляется королем во дворец. Для этого ему следует «со смирением и коленопреклоненно передать...» *Joyeuse* «...в руки архиепископа у алтаря, с тем, чтобы он сразу же вернулся стоящему на коленях королю из рук архиепископа и немедленно отдать сеньешалю Франции, если же он отсутствует, то тому, которому он (король — С.П.) пожелает из стоящих перед ним баронов, дабы тот по окончании мессы, или сразу после молитвы отправил меч во дворец. Традиционно над королевским мечом, как уже было сказано, архиепископ произносит молитву “Смотри, Всемогущий Боже...” (Начало молитвы «Смотри, Всемогущий Боже, на этого славного короля (имя), и как Он благословил Авраама, Исаака, дай ему благословения благодати — С.П.)»⁶⁶.

В момент передачи меча одному из королевских вассалов (чаще всего им выступал герцог Бургундский, но в условиях современного Карлу V этапа Столетней войны эту роль, скорее всего, исполнил коннетабль), хор поет гимн «Промысел Божий, что управляет небесным и земным миром, управляет нашим христианнейшим королем»⁶⁷. И, судя по логике развития протокола, все то время, пока доверенный короля торжественно выносит обнаженный коронационный меч Карла Вели-

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Coronation Book of Charles V of France. P. 21—22. Ссылка на английское издание необходима, поскольку, как и в прочих случаях, в «Регламенте» приведена только начальная фраза молитвы.

⁶⁶ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁶⁷ Ibid.

кого, хору предписано возглашать еще две молитвы. Первая из них носит общий характер, начинаясь фразой «Благослови, Господи, молим Тебя о спасении нашем», а вторая — «Благородный франк (Хлодвиг. — С.П.) вместе с благородным святым Ремигием от небес получили дар Святого Духа»⁶⁸ — явно подводит присутствующих к кульминации *le sacre royal* — помазанию на царство.

Действительно, его начинает готовить сразу же после благословения меча, т.е. параллельно передаче последнего и отправке его во дворец: «До того, как меч (унесут. — С.П.). До тех пор, пока архиепископ готовится, поется “Благородный франк...”»⁶⁹, затем — “молись за нас, святой Ремигий, да будем достойны молитвы Иисусу Христу...”»⁷⁰.

Прошедший через ряд необходимых подготовительных этапов, включающих ночь бдения и ритуальное пробуждение, принесший все обещания и клятвы, раздетый, как для крещения, смиренно распростершийся перед алтарем, получивший благословение своего меча, вновь оставшийся в одной рубашке, дофин Франции, теперь готов к самому важному переходу⁷¹ в своей жизни — помазанию Священным Елеем, которое открывает ему возможность коронации и сделает королем...

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Термин заимствован у Арнольда ван Геннепа. См.: *Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Д.В. Покровской. М., 1999.*

Инаугурационная церемония и коронационный *ordo* Карла V 1364 г.

Карл V Валуа пришел к власти в крайне сложное для Франции время, после достаточно продолжительного регентства, имевшего место в 1356—1360 гг. и в начале 1364 г., когда его отец, правящий король Иоанн II Добрый, оказался в английском плену. Как известно, правление Карла V (1364—1380) оценивается как прервавшее мир в Бретиньи и возобновившее Столетнюю войну, в ходе которой Франция вернула почти все отторгнутые территории, что во многом явилось следствием усилий короля, направленных на централизацию власти и усиление государства. Не последнюю роль в их успехе сыграли как военная и налоговая реформы, так и усложнение практики раздачи апанажей посредством введения специального правила их неотчуждаемости — алиенации.

Однако еще одним, не менее значимым свидетельством усиления потестарных возможностей монархии стали изменения, внесенные в инаугурационную церемонию французских монархов — королевское посвящение (*le sacre royal*), берущую свое начало от Пипина Короткого. Тенденция к письменной фиксации последовательности ее ритуалов и сопровождающих их литургических процедур, молитв и песнопений (*ordines*) была положена архиепископом Реймса Хинкмаром. Точные процедурные описания инаугурации характерны и для *ordines* Валуа, которые уже приобрели объем и вид т.н. «коронационных книг», снабженных значительным количеством миниатюр и представляющих собой солидные по объему фолианты. Среди них выделяется «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эврэ» 1321 г.¹ и «Коронационная книга Карла V» 1364 г., приуроченная к его инаугурации, состоявшейся в день Св. Троицы — 19 мая (она также предусматривает протокол инаугурации королевы).

Последний манускрипт известен в нескольких редакциях, рассредоточенных по архивам Франции и Англии, а также ряду публикаций², среди которых наибольшую известность имеют ниже следующие:

¹ The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Éd. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1—12.

² См. их подробный перечень, приведенный Р. Джексоном. См.: *Ordines coronationis Franciae*. Т. 2. P. 462—464 (в том числе синопсис манускриптов на с. 460 и сводную таблицу их датировок на с. 466).

Рукописи:

- 1) London, British library, MS Cotton, Tiberius B.VIII, fols. 43r—74 v. 1365 (ie, 13 avril 1365—4 avril 1366). Опубликовано Э. Девиком и О'Меара.
- 2) Paris, Bibl. Nat., MS lat. 8886, fols. 62v—83v 1365 MS lat. 8886, fols. 62v-83v. Начало XV в. Копии: Bayeux, Bibl. de la Chapitre, MS 61; Bourges, Sainte-Chapelle, 1406—1407.
- 3) Paris, Bibl. nat. MS lat. 9479, fols. 213r—219r. Начало XV в. Опубликовано В. Лероке.
- 4) London, British Library, MS Additional 32097, fols. 150v—161v. XV в.
- 5) Paris, Bibl. Nat., MS Dupuy 365, fols. 28r—54r. XV в. Опубликовано Т. Годфруа.
- 6) Paris, Archives le Compagnie des prêtres de Saint-Sulpice, MS 1928, fols. 57r—98r. Около 1480 г.
- 7) Paris, Bibl. Nat., MS lat. 13314, fols. 3r—44r. Копия — т.н. «красная книга»³ (MS 4). 1530—1535 гг. Опубликовано В. Лероке (см. ниже № 10).
- 8) Paris, Bibl. de Institut de France, MS Godefroy 380. Опубликовано Т. Годфруа.
- 9) Reims, Bibl. Munisip., MS 1492, fols. 21r—36r. XVIII в.
- 10) Reims, Bibl. Municip., MS 1489 (nouv. fonds). № 7. P. 1—40. XVIII в.
- 11) Reims, Bibl. Municip., MS 1485. (nouv. fonds.). № 3. P. 1—35. XVIII в. Опубликовано А. Лорике

Публикации:

- 1) *Eustache G.* Consecratio et coronatio regis Francie. Paris, 1510.
- 2) *Chesneau N.* L'Ordre et les cérémonies du sacre et couronnement du trèschrestien Roy de France, latin et françois / Trad. par R. Benoist Arpevin. Paris, 1575.
- 3) *Foligny J. de.* Le sacre et couronnement du roy de France. Reims, 1575. Ж. де Фольи приводит отрывки из «красной книги» применительно к посвящению Генриха III.
- 4) *Bouchel L.* Decreta ecclesiae Gallicanae ex conciliis ejusdem æcumenicis <...> collecta. Paris, 1609. P. 701—716. Текст воспроизведен

³ Наряду с «красной книгой», являющейся анонимной копией модернизированного текста *ordo* Карла V, использованного для коронации Карла VI в 1380 г., существует и т.н. «синяя книга» — аналогичная копия *ordo* 1270 г., ставшего, как уже упоминалось выше, основой для *ordo* Карла V. Обе они оказались утеряны в XVIII в., видимо, были уничтожены в ходе Французской революции. См.: *Jackson R.A.* Introduction to Volume II // *Ibid.* P. 286; *Idem.* The Livres Bleu and Rouge. Two Coronation Manuscripts in the Cathedral of Reims // *The Man of Many Devices, who Wandered Full Many Ways: Festschrift in Honor of J.M. Bak / Ed. by B. Nagy, M. Sebök.* Budapest, 1999. P. 176—186.

- П. Шраммом, но ошибочно отнесен им к одной из редакций *ordo* 1270 г. См.: *Schramm P.E. Ordines-Studien II*. S. 283.
- 5) *Selden J. Titles of Honor*. London, 1631. P. 222—255.
 - 6) *Godefroy Th. Le ceremonial francois. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrees soulennes: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Theodore Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy*. 2 vol. Paris, 1649. T. 1. P. 31—51. Публикация Т. Годфруа оценивается как наиболее полная, включающая в себя лондонский и парижские манускрипты.
 - 7) *Prynne W. Signal loyalty and devotion of Gods true Saints and pious Christians (as also of idolatrous pagans) towards their Kings*. London, 1660. P. 194—224.
 - 8) *Ordo ad inungendum et coronandum regem // Coronation Book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Ed. by E. Dewick*. London, 1899. Col. 22—44.
 - 9) Reims, Bibliothèque municipale / Éd. H. Loriguet. Paris, 1906. Vol. 2. P. 692.
 - 10) *Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais*. Paris, 1937. Vol. I. P. 179.
 - 11) *Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais*. Paris, 1937. Vol. II. P. 154—157.
 - 12) *Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Befehl aufgesetzt und illustriert, vom ihm selbst seiner Bibliothek eingeleihet // Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Kronung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi*. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 43—48.
 - 13) "Forma et modus", d.h. sachlich geordnete Auszüge aus dem "Lytlington-Ordo" (№ 33), und andere Aufzeichnungen, zu praktischen Zwecken zusammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // *Schramm P.E. Ordines-Studien III: Die Kronung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi*. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369—375.
 - 14) *O'Meara C.F. Monarchy and Consent: the Coronation Book of Charles V of France*. London—Turnhout, 2001.
 - 15) *Ordo of Charles V // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson*. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 454—521.

Что касается времени создания, то П. Шрамм и Ж. де Панж отовинули дату написания «Коронационной книги» до 1369 г., т.е. после

посвящения Карла V⁴. Р. Джексон — один из наиболее авторитетных специалистов в данной области — оценивает *ordo* Карла V как компилятивное, состоящее из комбинации текстов *ordo* Реймса 1250 г., *ordo* 1270 г. и коронационной книги, хранящейся в королевской библиотеке, и датирует его создание 1364 г.⁵

П. Шрамм полагал, что *ordo* Карла V лег в основу церемонии королевского посвящения как во Франции, так и в Англии, поскольку был вывезен англичанами в период Столетней войны⁶, и данная точка зрения не вызывает принципиальных возражений исследователей.

Осуществленный нами перевод выполнен по варианту *ordo* Карла V из собрания т.н. «Генеральной коллекции древних французских законов». Как мы уже имели возможность отметить, данное издание оказалось вне поля зрения Р. Джексона. Между тем, оно представляет исключительный научный интерес, т.к. само нахождение текста *ordo* в составе законодательного свода говорит об особом восприятии короной инаугурационной церемонии как своего рода правового акта. Кроме того, именно этот документ, являющийся по оценке редакторов «Генеральной коллекции» средоточием выдержек из «Коронационной книги Карла V», использовавшегося и при инаугурации Людовика XIII 17 октября 1610 г., заголовки которого записаны на старофранцузском, а основной текст — на латыни, содержит значительное количество процедурных нововведений, принятых именно Карлом V. Что немаловажно, конкретизируется содержание литургических действий — позиций, молитв, аккламаций, гимнов и т.п. Наконец, нижеприведенный *ordo* содержит и, как уже упоминалось выше, порядок инаугурации королевы, — правило, берущее начало от «Коронационной книги Карла IV и Жанны д'Эвр».

К чередке особенностей дипломатики документа следует отнести и отсутствие полного текста молитв, антифонов и иного литургического сопровождения, — они наличествуют в виде записи первых фраз. По-

⁴ Schramm P.E. Der König von Frankreich: Das Wesen der Monarchie vom 9. zum 16. Jahrhundert: 2 ed. Weimar, 1960. S. 239; Pange J. de. Le roi Tres-Chretien. Paris, 1949. P. 258.

⁵ Jackson R.A. General Introduction // Ordines coronations Franciae. T. 1. P. 31—32; French Translations of the Ordo of Reims. Introduction // Ibid. T. 2. P. 306; Goulet M. Texte latin et traduction française du ms 1246 de la Bibl. Nat. de France // Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la BNF / Éd. J. Le Goff et al. Paris, 2001. P. 257—295.

⁶ Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Befehl aufgesetzt und illustriert, vom ihm selbst seiner Bibliothek eingegliedert // Schramm P.E. Ordines-Studien II. S. 43—48; "Forma et modus", d. h. sachlich geordnete Auszüre aus dem "Lytlington-Ordo" (№ 33), und andere Aufzeichnungen, zu praktischen Zwecken zu sammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // Schramm P.E. Ordines-Studien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für öltäre deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369—375.

добная редакция сохранена и при переводе лишь в ряде случаев, наиболее важных, с нашей точки зрения, в ссылках приводится полный текст. Кроме того, в тексте встречаются собственные ссылки-комментарии, сделанные редакторами тома. Они также сохранены при переводе в своем первоначальном виде (цифры, заключенной в круглые скобки), сопровождаясь пометкой «прим. ред.».

Наконец, некоторые рукописи *ordo* украшены инициалами и миниатюрами. Самый известный манускрипт — это фолиант, хранящийся в Британском музее. Он содержит 38 миниатюр, 28 из которых посвящены инаугурации короля, а 10 — инаугурации королевы⁷. Они также служат иллюстрацией настоящего перевода.

№ 388. ПРАВИЛА, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ СОБЛЮДАТЬСЯ НА ПОСВЯЩЕНИИ И КОРОНАЦИИ КОРОЛЕЙ. ПОРЯДОК ПОМАЗАНИЯ И КОРОНАЦИИ КОРОЛЯ⁸ (1)

1365 г. (Французский церемониал, Т. 1. С. 31—51)⁹

Порядок королевской инаугурации и коронации

Сначала напротив хоров подготавливают помещенный в центре, идущем от меча¹⁰ помост, на который поднимаются пэры королевства и прочие, которым надлежит находиться рядом с ними¹¹.

⁷ Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_Tiberius_B_VIII (Дата обращения: 7.04.2016) Заголовки сюжетов миниатюр предложены специалистами Британского музея.

⁸ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253. (1) Это выдержка из рукописной книги, озаглавленной «Это книга посвящения королей Франции и нашего Карла V, называемого королем Франции и принятых исправлений, правил, записанная и украшенная, 1365 г.» (Коронационная книга Карла V. — С.П.). Мы приводим формуляр посвящения Людовика XIII (прим. ред.).*

⁹ Ссылка на издание Теодора Годфруа (см. выше).

¹⁰ Коронационный меч ставился рукоятью в специальное углубление в центре Большого Алтаря Реймского собора для процедуры его вручения в качестве королевской регалии. Видимо, по его расположению определялось и место помоста.

¹¹ Миниатюра «Прибытие короля в Реймский собор». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f033r (Дата обращения 7.04.2016). Заметим, что сюжеты миниатюр не всегда буквально повторяют описание процедур, что, в целом, характерно для иллюстрированных корона-

Король встречается процессию

Когда наступает день коронации, король должен принять процессию, состоящую из каноников, а также монахов.

Король должен быть коронован в воскресенье

В субботу, предшествующую вышеупомянутому дню, когда король должен быть посвящен и коронован, по истечении вечерни назначается королевская стража для охраны церкви¹².

Король должен провести ночь в церкви для молитвы

И король обязан в ночное время в тишине прийти в церковь для молитвы и войдя туда, произносить их, а, если пожелает, держать молитвенное бдение (все ночь)¹³. До утра церковь должна находиться под охраной, расположенной перед наглухо закрытыми дверями, защищая их до тех пор, пока каноники и клир придут туда, когда это необходимо (для утренней службы. — С.П.), дабы участвовать в ней достойным образом со всем тщанием¹⁴.

Заутреня проходит, как обычная служба, которая должна отправляться в начале дня.

Затем король, архиепископ (Реймский. — С.П.) и епископы, и бароны, и все прочие, коим позволено прийти в церковь, первоначально

ционных ординариев. См.: *Bonne J.-Cl. Images du sacre // Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la BNF / Éd. J. Le Goff et al. Paris, 2001. P. 91—225; Soulard Th. Les peintures du manuscrit, analyse iconographique et formelle // Le graduel de Fontevault. Limoges, 1987. P. 23—46; Hedeman A.D. The Commemoration of Jeanne d'Evreux's Coronation in the Ordo ad Consecrandum at the University of Illinois // Essays in Medieval Studies: Proceedings of the Illinois Medieval Association. 1990. № 7. P. 13—28.*

¹² Реймского собора Нотр-Дам, где завтра будет проходить инаугурационная церемония.

¹³ Имеется в виду ритуал молитвенного бдения короля на протяжении всей предшествующей инаугурации ночи, предписанный более ранними *ordines* как обязательный. Очевидно, в данном случае допускается более краткое пребывание (возможно, по причине болезненности Карла V). Большинство специалистов справедливо усматривают в ночи бдения влияние аналогичной процедуры, предусмотренной церемонией посвящения в рыцари. См.: *Gautier L. La chevalerie. 3-e éd. Paris, 1895. P. 245—340; Jackson R.A. Sleeping King // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance; travaux et documents. 1969. № 31. P. 521—551; Idem. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985; Giesey R.E. Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1986. № 3. P. 579—590.*

¹⁴ Миниатюра «Архиепископ Реймский благословляет короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f043r (Дата обращения: 7.04.2016)

окропившись святой водой¹⁵, должны расположиться вокруг алтаря, каждый со своей стороны¹⁶, согласно своему рангу¹⁷.

Встреча и ранг пэров Церкви

Епископы, подготовившись, первым — Лана, затем — Бовэ, за ним — Лангра, затем — Шалона и Нойона, за всеми этими епископами — архиепископ Реймский¹⁸, располагаются напротив алтаря вместе с королем вместе с королем, и прочим¹⁹ вмешиваться сюда неуместно. И сначала каноники Реймской церкви с двумя распятиями, свечами и кадилом следуют во дворец архиепископа; и епископы Лана и Бовэ, которые должны быть первыми епископами-пэрами в этой процессии, с реликвариями на шеях, следуют в главные покои (*camera magna*. — С.П.) для посвящения короля, ожидающего их сидя или лежа на кровати²⁰.

И обращаясь к нему²¹, пусть епископ Лана произнесет «Всемогущ Господь»²².

¹⁵ Католический ритуал, предписывающий самоокропление рук из чаши, стоящей при входе в храм.

¹⁶ Духовенство — справа, миряне — слева от алтаря, как предписывала традиция.

¹⁷ Более подробный протокол *ordo* указывает его следующим образом: «Одновременно не может быть более духовных и светских 12 пэров Франции. Это герцоги. Архиепископ королевства (Реймса. — С.П.), архиепископы Лангра и Лана. Это графы. Епископы Бовэ, Шалона и Нойона. Это светские пэры. Герцог Бургундии. Герцог Нормандии. Герцог Аквитании. Это графы. Граф Тулузы. Граф Фландрии. Граф Шампани» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem* // *Coronation Book of Charles V of France* (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Ed. E. Dewick. London, 1899. Col. 26.

¹⁸ Такова сложившаяся к этому времени иерархия пэров Церкви, прошедшая, как и ранг светских пэров, достаточно долгую и сложную эволюцию. См. подробнее о генезисе института пэров во Франции: *Sainte-Marie Anselme de, Père. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume*: 9 vol. Paris, 1726—1733; *Lot F. Quelques mots sur l'origine des paires de France* // *Revue historique*. 1884. Vol. CIV. P. 34—59; *Jackson R.A. Peers of France and Princes of the Blood* // *French Historical Studies*. 1971. Vol. 7. № 1. P. 28.

¹⁹ Возможно, имеются в виду светские пэры, чье участие в церемонии было регламентировано позже.

²⁰ Имеется в виду ритуал пробуждения короля, символизирующий сон накануне возрождения к новой жизни (по аналогии с таинством крещения) в качестве посвященного монарха, чьи помазание и коронация оцениваются как теизация его полномочий. О толковании ритуального пробуждения см. подробнее: *Jackson R.A. Sleeping King; Lillich M.P. King Solomon in Bed. Archbishop Hincmar, the Ordo of 1250, and the Stained-Glass Program of the Nave of Reims cathedral* // *Speculum*. 2005. Vol. 80. № 3. P. 764—801.

²¹ В данной редакции отсутствует формула обращения епископов к ожидающему их монарху.

²² Начало молитвы «Всемогущ Господь»: «Всемогущ Господь, Царь царей, и вседержитель мира, чьей власти ни одна тварь сопротивляться не может, в чьей воле карать грешников и прощать тех, которые истинно раскаиваются; сохрани и освободи нас, моля тебя просящий пред дланью врагов, уйми гордость (мою. — С.П.), огради от зла, разрушь ловушки и козни, чтоб твоим оружием быть защищенными, всегда быть

Король следует в собор с двумя пэрами Церкви

Когда молитва произнесена, незамедлительно два вышеупомянутых епископа берут его (короля. — С.П.) под левую и правую руки и ведут к церкви под пение каноников, исполняющих «Вот, я посылаю...»²³. Закончив пение, хор произносит: «Израиль, если ты слышишь...»²⁴ (1). Все прочие следуют за ними ко входу в церковь, и епископ Бовэ, если он присутствует, тотчас произносит: «Господь, который...»²⁵.

Стоящий перед входом церковный хор исполняет в это время антифон²⁶ «Господи, король с твоей помощью...»²⁷.

Король предстает перед архиепископом Реймским для посвящения

По окончании главного антифона, которого все ожидают перед алтарем, посвящающий короля [архи-] епископ произносит следующую молитву: «Всемогуц Господь...»²⁸.

хранимыми от всех опасностей, прославляя тебя, иже еси единственный победы, благодаря спасению единородные сыны твои Бога нашего Иисуса Христа. Аминь».

²³ Имеется в виду начальный стих Евангелия от Марка: «...Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» («...ecce mitto angelum meum ante faciem tuam, qui praeparabit viam tuam») // Мк. 1:2. Эта молитва являлась типичным гимном для торжественной встречи знатных особ в монастырях и церквях. См.: *Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Пер. с фр. Э.М. Драйтовой. М., 1999. С. 120.*

²⁴ Имеется в виду стих Псалмов. «Израиль, если ты слышишь меня, не будет нового Бога в тебе, не будешь ты поклоняться Богу иному, а Господу» («Israël, si me audieris, non erit in te deus recens, nesque adorabis deum aliënum: ego enim Dominus») // Пс. 80:9. (1) Данные молитвы не содержат ничего, кроме королевских обязанностей (Крайне важная ссылка, указывающая на понимание Карлом V и его окружением статуса христианнейшего короля, чья инаугурация, с одной стороны, означает теизацию его власти практически по прямой аналогии с Иисусом Христом как Царем Небесным и обязанности пастыря, с другой. — С.П.) (прим. ред.).

²⁵ Имеется в виду вступительная молитва мессы для литургии Преображения Господня *Deus, qui fidei sacramenta*: «Боже, в славном преображении Единородного Твоего Сына Ты подтвердил тайну веры свидетельством Моисея и Илии и чудесным образом предзнаменовал будущую славу усыновленных Тобою детей; сподобь нас, рабов Твоих, внимать гласу Возлюбленного Сына Твоего и обрести Его наследие. Через Господа нашего Иисуса Христа, Твоего Сына, Который с Тобою живет и царствует в единстве Святого Духа, Бог, во веки веков. Аминь».

²⁶ Антифон — в католическом богослужении рефрен в исполнении двух хоров. Об их роли в политическом ритуале (в данном случае — английского, который, тем не менее, испытал значительное влияние французского аналога) см. статью Э. Хьюгса: *Hughes A. Antiphons and Acclamations: The Politics of Music in the Coronation Service of Edward II, 1308 // Journal of Musicology. 1988. Vol. 6. № 2. P. 150—168.*

²⁷ «Господи! силою Твоею веселится царь, и о спасении Твоем безмерно радуется» («Domine in virtute tua letabitur rex et super salutare tuam exultabit») // Пс. 20:1. Следует заметить, что аналогичная надпись имеется на короне Св. Вацлава — регалии чешской монархии.

²⁸ См. ссылку № 22 настоящего параграфа.

Когда молитва произнесена, можно начинать посвящение на царство в присутствии кафедрального епископа и прочих архиепископов, доставивших Святую Скланку, с которой король благоговейно снимает покров.

О Святой Скланке

Одними из первых прибывают монахи обители святого Реми с крестами и свечами, шествующие со Святой Скланкой, покрытую белым шелком, впоследствии снятом, ее должен нести аббат в окружении четырех монахов. Королю следует назначить четырех баронов, обязанных в безопасности доставить (Святую Скланку. — С.П.) от церкви святого Дени до ворот собора, вплоть до беспокойно толпящихся возле архиепископа, заранее, как и прочие епископы и архиепископы, аббаты и каноники со знаками сана, в честь торжества облаченного в митру и принявшего пастьерский посох, дабы встретить Святую Скланку, прибывшую из земель аббатства королевского домена, и пообещать добровольно вернуть ее назад; и тогда множество стоящих вокруг алтаря подтверждают обещание передать ее аббату и прибывшим с ним монахам церкви святого Дени или часовни святого Николая, что Святая Скланка тотчас (по окончании инаугурационной церемонии. — С.П.) вернется назад²⁹.

Что должно быть сделано со Святой Скланкой

Архиепископ готовится к мессе с помощью дьякона и подьячего, облачась в инсигнии и мантию, и этом торжественном одеянии следует к Большому Алтарю, и королю необходимо почтительно встать ему навстречу. Когда архиепископ доходит до алтаря, он обращается к королю от имени Церкви.

Ответ короля епископам³⁰

Обещаю вам и подтверждаю для каждого из вас и Церкви канонические привилегии, законно и справедливо сохранять и защищать их,

²⁹ Миниатюра «Аббат Сен-Реми предоставляет Святую Скланку архиепископу Реймсскому». — Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f046r (Дата обращения: 7.04.2016)

³⁰ Речь идет о т.н. королевском *promissio* — публичном обещании о сохранении привилегий Церкви. Реконструкция протокола в его более пространственных версиях позволяет определить предшествующее королевскому ответу действие: «Архиепископ Реймса в сопровождении епископов <...> подходит к королю, подает ему прошение, подписанное всеми церквями Франции, которые ему подчинены: “Тебе даем прошение, как лучшему из знатных, и лучшие люди Церкви вверяют тебе канонические привилегии и законную обязанность по справедливости сохранять и защищать предьявленное право, так как король своей властью обязан исключительно епископству и Церкви, верным ему”» // *Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964. P. 156.* Аналогичные «Анналам Сен-Бертен» (вернее, той их части, которая принадлежит перу Хинкмара Реймсского) тексты содержатся и в *ordo* Фулрада, капетинских *ordines*, а также трактатах Н. Менана, Т. Годфруа и пр. юристов, составлявших своды французского церемониала в эпоху абсолютизма.

оказывать помощь, как король в своем королевстве приверженным ему епископству и Церкви, предоставляя должные права.

Клятва короля перед народом

Тогда же, произнеся и пообещав сказанное, король приносит клятву. «Христианский народ и мои подданные, именем Христа обещаю, в первую очередь, навсегда сохранить Церковь Господню и весь христианский мир под нашей защитой.

И превосходство, права, и честь короны Франции сохранять неприкосновенными, и ничего не передавать, не отчуждать. Также запретить всякую грабежи любого имущества. Также судить со всей справедливостью и милосердием: как меня и вас прощает Господь милостью и состраданием Своим.

Также приложу все законные усилия для изгнания с моей земли, в соответствии с принятой юрисдикцией, всех еретиков. Все вышесказанное будет закреплено как клятва (1)».

Затем он (король. — С.П.) должен положить руку на книгу³¹, и пусть он коснется ее губами. По принесении обетов, сразу начинается исполнение «Тебя, Господи, хвалим»³². В зависимости от римской или иной манеры исполнения «Тебя, Господи...», имеющей место и после интронизации³³, затем произносится «Встань и сохрани...»³⁴. И как уже упоминалось, он (король. — С.П.) уже находится здесь. И два вышеупомянутых епископа под руки подводят короля к алтарю, напротив которого он простирается по окончании «Тебя, Господи...»³⁵.

Предварительно подготавливаются и кладутся на алтарь королевская корона, меч в ножнах, золотые шпоры, позолоченный скипетр и стержень длиной более локтя с рукой из слоновой кости. Кроме того, шелковые чулки, все расшитые лиловым с золотом и того же цвета рубашка, считающаяся как для иподьякона на мессе, а также чулки точно такого же цвета и качества, изготовленные из шелка или козьей шерсти. Далее все члены аб-

³¹ На Священное Писание. Этому сюжету соответствует миниатюра «Архиепископ Реймский принимает обещание короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f046v (Дата обращения: 7.04.2016)

³² Начало одной из основных молитв мессы — благодарственный гимн св. Амвросия Медиоланского, исполняемый двумя хорами. Латинский оригинал и русский перевод см. в настоящей работе: С. 258–259.

³³ Т.е. ритуала усаживания уже помазанного, коронованного и получившего все прочие регалии монарха на трон.

³⁴ Начало молитвы «Встань и сохрани место избранника Божьего». Впервые она приводится в т.н. *ordo* Майнца 960 г., но ее практическое применение в ходе интронизации относят к коронации Карла Великого. См.: *Appuhn H. Zum Thron Karl des Großen // Aachener Kunstblätter. 1962. № 23—25. S. 127—130.*

³⁵ Миниатюра «Епископы Лана и Бовэ подводят короля к алтарю». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f047r (Дата обращения: 7.04.2016)

батства святого Дени (святого Дионисия, крестителя Галлии. — С.П.) во Франции должны пройти в обитель святого Реми (имеется в виду Реймский собор, а не аббатство Сен-Реми. — С.П.) и встать возле алтаря³⁶.

Король становится перед алтарем, снимает одежду³⁷, кроме шелковой рубашки с глубокими прорезями спереди и сзади, а также на плечах, связанными серебряными атласными шнурами³⁸, и архиепископ сразу же должен произнести «Бог — невыразимый Творец мира...»³⁹.

Когда молитва произнесена, великий камергер Франции одевает на короля сапоги темного цвета⁴⁰. И затем герцог Бургундский прикрепляет к ним шпоры⁴¹ и тотчас отходит.

³⁶ Аббатство Сен-Дени, расположенное неподалеку от Парижа (отсюда и уточнение — «во Франции»), поскольку инаугурационная церемония имеет место в Реймсе, т.е. в Шампани, на домениальных землях короны, является для нее знаковым — здесь при жизни отца был посвящен Карл Великий, его аббаты выступали в роли королевских советников и составителей монастырской версии анналов продинастического толка; именно здесь сформировался королевский некрополь и хранился весь комплекс регалий: короны Карла Великого и Людовика Святого, меч Карла Великого, скипетры, кольца и т.д. См. об этом подробнее: Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1975. Vol. 2. Document divers; *Gaborit-Chopin D. Le Trésor de Saint-Denis / Éd. D. Gaborit-Chopin, M.-P. Laffite, A. Prache. Dijon, 1992; Idem. Les couronnes du sacre des rois et des reines au trésor de Saint-Denis // Bulletin monumentale. Paris, 1975. T. 133 (II). P. 165–174; Ferey J. Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye // Musées et Monuments historiques. Octobre. 1979. № 104. P. 66–77; Saint-Denis ou jugement dernier des rois: Actes du Colloque, 24 février 1989. Saint-Denis, 1993.*

³⁷ Миниатюра «С короля снимают верхнюю одежду». http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f047v (Дата обращения: 7.04.2016)

³⁸ Прорези обозначали места помазания Священным Елеем, в силу чего рубашка ассоциировалась к крестильной, но, в отличие от последней, хранящейся в течение последующей жизни, настоящую следовало сжечь по окончании инаугурации как не подлежащую мирскому осквернению. Об этом сообщают и Н. Менан, и Т. Годфруа. См.: *Menin N. Op. cit. P. 241; Godefroy Th. Op. cit. P. 194.*

³⁹ Начало молитвы «Бог — невыразимый Творец мира, рода человеческого, Правитель Вселенной». Примечательно, что именно в этом случае, перед началом помазания, звучит обращение к ветхозаветным героям — «отцу нашему Аврааму», Моисею, Иисусу Навину, Гедонеу, Самуилу, Давиду и Соломону, получившим свои достоинства и властные права от Всевышнего. Помазание провозглашает прямую преемственность с настоящей церемонией: «Будь помазан елеем из тех же святых рук, от которых были цари и пророки помазаны, и, как Самуил помазал Давида, чтобы тот стал царем, дабы получить благословение, и стать назначенным царем над этим народом, который Господь, Бог твой, дал тебе править»; «взгляни, всемогущий Господи, благословивший Авраама, Исаака и Иакова, на этого человека, славного короля (имя)».

⁴⁰ Миниатюра «Герцог Бургундский (Великий Камергер) обувает короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f048r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴¹ Привилегия Бургундского дома, отмеченная еще в капетингских *ordines*. Миниатюра «Герцог Бургундский одевает королю шпоры». Режим доступа: <http://www.>

Благословение меча

Господи, услышь наши молитвы, мы молимся Тебе, и этот мечом сим твой слуга N. желает быть опоясанным, да будет благословенна его правая рука — жалостью как защитой, которая необходима церкви, вдовам, сиротам, всемогущество Господне служит против жестокости язычников, сеющих ужас и страх.

Затем архиепископ опоясывает короля мечом, вооружившись которым, он сразу же убирает его в ножны, подготовленные архиепископом размещенными на алтаре, и после речи архиепископа берет той, которой держит копьё, пока звучит антифон. «Будь мужествен...»⁴², пение сопровождается молитвой архиепископа: «Прими этот меч...»⁴³.

Далее поется антифон: «Будь мужествен...». Этот антифон поется после передачи меча.

«Промысел Божий...»⁴⁴.

Король отправляет меч во дворец

Королю следует со смирением коленапреклоненно передать меч на алтарь⁴⁵, с тем, чтобы он сразу же вернулся стоящему на коленях коро-

bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f048v (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴² Начало антифона «Будь мужественным и знай Господа Бога твоего».

⁴³ («Прими этот меч с благословения Божьего, дарующего тебе, в котором пребудет сила Духа Святого, чтобы сопротивляться, и направит тебя изгнать всех врагов твоих, и все святые церкви Божии защитить от врагов, царствуя, обязуйся охранять и защищать Божью крепость, будучи непобедимым триумфатором Господа нашего Иисуса Христа. Прими этот меч, говорю я, и в руках твоих он будет, освященный авторитетом святых апостолов, данный королю, благословенном в нашем храме в защиту святой Церкви Божией, рукоположенном Богом. И помни о том, что Псалмопевец (Давид. — С.П.) пророчествовал, говоря: «Опояшь свои бедра мечом, о, могущественный, своим величием и великолепием (Пс. 45:3. — С.П.) и т.д. <...>». (“Accipe hunc gladium cum dei benedictione tibi collatum. in quo per virtutem sancti spiritus resistere, et eicere omnes inimicos tuos ualeas. et cunctos sancte del ecclesie aduersarios, regnumque tibi commissum tutari atque protegere castra dei per auxilium inuictissimi triumphatoris domini nostri ihesu christi. Accipe inquam hunc gladium per manus nostras uice et auctoritate sanctorum apostolorum consecratas. tibi regaliter impositum, nostreque benedictionis officio in deffensione sancte dei ecclesie ordinatum diuinitus. Et esto memor de quo psalmista prophetauit dicens Accingere gladio tuo super femur tuum potentissime et ctr. <...>”.

⁴⁴ Начало гимна «Промысел Божий, что управляет небесным и земным миром, управляет нашим христианнейшим королем».

⁴⁵ Миниатюра «Король возлагает меч на алтарь». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f049r (Дата обращения: 7.04.2016)

лю из рук архиепископа⁴⁶ и немедленно отдать сенешалю Франции⁴⁷, если же он отсутствует, то тому, которому он (король. — С.П.) пожелает из стоящих перед ним баронов, дабы тот по окончании мессы, или сразу после молитвы отправил меч во дворец. Традиционно над королевским мечом, как уже было сказано, и архиепископ произносит молитву «Смотри, Всемогущий Боже...»⁴⁸.

Другое благословение: «Благослови, Господи...» и т.д. до «Который живет...»⁴⁹.

Помазание

Это место меча. После чего (благословения меча. — С.П.), готовится помазание. Но до тех пор, пока архиепископ готовится, поется: «Благородный франк...» до «Чей уникальный дар...»⁵⁰ и т.д.

К «Молись за нас, святой Ремигий...» соответственно «Да будет...» и т.д. до «Христом»⁵¹.

Принятие части посланного небесами Священного Елея из Святой СклЯнки

Архиепископ выливает миро на дискос⁵² и золотой иглой освящает его Святым Елеем из Святой СклЯнки, посланной небесами, которую аббат святой Реми возложил на открытый алтарь, тщательно подготовленное миро берется с диска пальцем, чтобы помазать короля, единственный из всех королей земли удостоенного славной привилегии, быть помазанным елеем, явленным с небес.

⁴⁶ Миниатюра «Архиепископ Реймский возвращает меч королю». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f049v (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴⁷ Миниатюра «Король передачи меч сенешалю (герцогу Анжуйскому)». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f050r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁴⁸ Начало молитвы «Смотри, Всемогущий Боже, на этого славного короля (имя), и как Он благословил Авраама, Исаака, дай ему благословения благодати».

⁴⁹ Начало молитвы «Благослови, Господи, молим тебя о спасении нашем».

⁵⁰ Начало гимна «Благородный франк (Хлодвиг. — С.П.) вместе с благородным святым Ремигием от небес получили дар Святого Духа». Имеется в виду хрестоматийная история о снисхождении на Хлодвига во время его крещения Святого Духа в виде голубя со Святой СклЯнкой, наполненной Священным Елеем. См.: Tessier G. Le baptême de Clovis. Trente journées qui ont fait la France. Paris, 1964.

⁵¹ Начало гимна «Молись за нас, святой Ремигий, да будем достойны молитвы Иисусу Христу».

⁵² Богослужебный сосуд круглой формы с плоским широким краем для отправления проскомидии — приготовления хлеба и вина для евхаристии. Использование диска подтверждает важность инаугурационного помазания, ассоциируясь с самой важной частью мессы. Миниатюра «Архиепископ Реймский готовит Святой Бальзам». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f050v (Дата обращения: 7.04.2016)

Помазание готово, и король должен быть помазан архиепископом, для чего разрезы на рубашке должны быть расшнурованы спереди и сзади⁵³, и король должен стать на колени и лечь на землю, простеревшись перед аналоем, архиепископ простирается подобным же образом⁵⁴, два епископа вместе с архиепископом начинают литанию⁵⁵ «Господи, помилуй...»⁵⁶ и т.д.

Тогда архиепископ поднимается, и сам посвящает короля, левой рукой держа пастырский посох, каждый раз громко произнося вслед за хором в его (короля. — С.П.) честь «Так, ныне...»⁵⁷ и т.д.

Во второй раз говорит: «Благослови и преумножь...»⁵⁸.

В третий раз говорит: «Благослови и преумножь, и освяти...»⁵⁹.

Сказанное повторяет хор, (архиепископ. — С.П.) возвращается алтарю, епископы продолжают литанию «Мир христианским королям и князьям...» и т.д.

Литания завершается ектеньей епископов, король и епископы опускает руки и объявляет: «Отче наш. И не введи нас...» и т.д. Соответственно «Аминь»⁶⁰.

Следующая молитва «Мы молим тебя...» и т.д.

Архиепископ должен произнести королю эти молитвы прежде, чем помазать его, и должен усадить так же, когда он посвящает епископов. «Призываю тебя, Господи...»⁶¹ и т.д.

Следующая молитва «Господи, народ Твой...»⁶² и т.д.

Следующая молитва «Во дни Его не может быть равенства и справедливости...»⁶³ и т.д.

⁵³ Миниатюра «Архиепископ Реймский расшнуровывает рубашку короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f051r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁵⁴ Королевская прострация впервые упоминается в *ordo* Реймса и представляет собой процедуру, при которой король ложится на пол с вытянутыми в стороны руками, по аналогии с положением священника во время ритуала рукоположения.

⁵⁵ Молитвенное прошение.

⁵⁶ В православной традиции — великая (мирная) ектинья.

⁵⁷ Начало древнейшего христианского гимна Сретения Симеона Богоприимца «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...».

⁵⁸ Середина слов *benedicere* и *sublimare* помечена крестом, что может означать момент нанесения елея.

⁵⁹ Середина слов *benedicere*, *sublimare* и *consecrare* помечена крестом, что также может означать момент нанесения елея.

⁶⁰ Сокращенная форма главной христианской молитвы «Отче наш».

⁶¹ Начало молитвы «Призываю Тебя, Господи, Святой Отец, всемогущий вечный Боже, раб твой (имя)». Миниатюра «Архиепископ Реймский произносит *Te invocatus*, и король молится». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f050r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁶² Начало молитвы «Господи, народ Твой, чей справедливый совет и любовь...».

⁶³ Начало молитвы «Во дни Его не могут возникнуть равенство и справедливость для всех...».

*Посвящение короля*⁶⁴

Вседоуущий и вечный Бог, Творец и Правитель Творца неба и земли, ангелов и людей, Царь Царей и Господь всемоуущий, тот, с верой в кого Авраам победил врагов своих; Моисей и Иисус (Навин. — С.П.) принесли победы для народа своего; покорный слуга Давид встал во главе царства, спасся от пасти льва, лап чудовища Голиафа, как и от разящих мечей Саула и всех его врагов; тот, кто дал Соломону богатство невыразимой мудрости и покоя: будь снисходителен к нашим смиренным молитвам за раба Твоего (имя), к смиренной преданности короля этого королевства, коего мы избираем вместе, благословения Твои преумножат дары, сила Твоей десницы всегда окружает его: Авраам сказал, что вера делает сильнее, опираясь на кротость Моисея, волю Иисуса (Навина. — С.П.), возвышенное смирение Давида, красоту мудрости Соломона, пожалуй ему все это, и проведи по пути справедливости, которая когданибудь настанет, а затем для всех людей настанет Царство Божье, научи его править Своими указаниями и сбереги против всех видимых и невидимых врагов, а также дай ему могущество Твоей власти в правлении, королевский трон, конечно, не оставь скипетр саксов (1), Мерсии, Нортумберленда, но с прежней верой, помощи восстановить мир в их душах, чтобы оба этих народа долго вели жизнь, достойную их предков, дабы вместе любить, почитать Отца нашего, создавать и управлять со славой, которую они заслуживают, также были защищены Твоим шлемом и еще более защищены щитом, и одержали победу над врагами небес, окружи первую победу успехом, не верь, что страх может привести к порядку и миру, стать проводником радости, о чем говорят добродетели, которые украшают твою верность, многократно украшая исполнение благословения, и высокие места в правительстве, и Святой Дух помазал елеем Господа нашего, крест который разрушил власть ада, поразил дьявола и царство его, чтобы приложить все силы, дабы одержать победу, скромную победу, в которой и жизнь, соль народов. Кто с вами и т.д.

Какие части тела короля подлежат помазыванию

Это помазание миром и небесным елеем, посланным первому архиепископу, вылитыми на дискос, как описано выше. Архиепископ помазывает в первую очередь голову, во вторую — грудь, в третий раз — между плеч и сразу сомкнутые руки — в четвертый, и каждый

⁶⁴ В данном разделе приводиться только инаугурационная молитва, сопровождающая помазание, процедура которого изложена ниже.

(1) Эти слова означают «королевство Англия», в правление короля Людовика VIII, который стал королем Англии в 1216 г. Поэтому он стал именоваться «а также правитель Франкский, Бургундский и Аквитанский» (прим. ред.). Далее в тексте — неразборчиво.

раз произносит: «Помазываю тебя на царство Священным Елеем во имя Отца, Сына и Святого Духа». Все говорят «Аминь».

Во время помазания помощники поют этот гимн⁶⁵: «Садок священник и Натан пророк помазали Соломона царем Сиона, и они пришли со словами: «Да здравствует король вечно».

Помазание свершается, хор поет антифоны, архиепископ произносит молитву; «Христос помазывает короля на царство» и т.д.⁶⁶.

Затем произносится: «Бог избирает для испытаний» и т.д.⁶⁷

Затем произносится: «От Отца, Сына Божия, Бога Господа нашего» и т.д.⁶⁸.

Зашнуровывание одеяний короля после помазания

На этих словах молитвы архиепископ или священнослужитель, или дьякон завязывает шнуровку, развязанную для помазания⁶⁹.

Благословение украшений и одежд короля

Боже, Царь царей и Господь всемогущий, который правит над королями и устанавливает законы, удостой милостивым благословением королевских украшения и разреши рабу Твоему, нашему королю, который должен носить украшения с честью до самой смерти, освяти Твоим блистающий взором, и восслав времена вечной славной жизни, когда не исчезнет время, а (настанет Царство. — С.П.) беспредельно принадлежащее (Христу. — С.П.).

Туника и далматика⁷⁰

И тогда камергер Франции одевает фиолетовую тунику и верхнюю накидку так, чтобы оставить свободной правую руку, и приподнятой (слева. — С.П.), как надевают священную ризу⁷¹.

⁶⁵ Данный манускрипт не содержит нотного стана с сопровождающей процедуры записью песнопений. Такой особенностью отличается хранящийся во Французской национальной библиотеке *ordo* 1250 г. (*Ordo ad coronandum regem et reginam Francorum*. 1240—1270. Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits, Latin 1246), что дало возможность изучения места и роли музыки в инаугурационном протоколе. См.: *Colette M.-N.* Le chant dans l'Ordo du sacre // *Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis*. P. 227—247; *Palazzo E.* La liturgie du sacre // *Ibid.* P. 37—89; *Idem.* Art, Liturgie, and the Five Senses in the Early Middle Ages // *Viator*. 2010. Vol. 4. № 1. P. 25—56.

⁶⁶ Начало молитвы «Христос помазывает короля на царство, как помазывает священников, царей, пророков и мучеников, которые верою побеждали царства, вершили правосудие и совершали исцеления».

⁶⁷ «Бог избирает для испытаний, и молим о мире...».

⁶⁸ Начало молитвы «От Отца, Сына Божия, Бога Господа нашего Иисуса Христа, который был елеем радости...».

⁶⁹ Миниатюра «Архиепископ Реймский зашнуровывает рубашку короля после помазания». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f054v (Дата обращения: 7.04.2016)

⁷⁰ Верхняя риза у католических священнослужителей.

⁷¹ Миниатюра «Великий Камергер (герцог Бурбонский) одевает на короля тунику».

Помазание рук

Затем архиепископ помазывает (королю. — *С.П.*) руки елеем⁷², посланным свыше, как было сказано выше, и архиепископ произносит: «Да будут помазаны руки священным елеем, коим помазывались цари и пророки, и как Самуил помазал Давида на царство, да будет благословен и поставленный (над нами. — *С.П.*) король на царство, которым Господь Бог дал тебе руководить и править. То, что Он передал и т.д.»

Далее архиепископ произносит молитву: «Господь, чья надлежащая слава и милосердие к грешникам т.д.»⁷³.

Перчатки

Тогда перед помазанием груди короля, после того, если он пожелает надеть тонкие печатки, как делают это епископы во время совершения гаинства, из уважения к святому помазанию и невозможности дотрагиваться голыми руками, архиепископ тут же благословляет перчатки⁷⁴ со следующими словами. Произносится: «Всемогущий Творец, Создатель человека по образу и подобию и т.д.»⁷⁵.

И архиепископ окропляет перчатки святой водой, а затем одевает их на руки короля⁷⁶, произнося: «Вокруг рук Господа раб твой (имя), чистый, как новый человек, сошедший с небес. Так руки возлюбленного отца Иакова приняли пищу и питье из покрытых шкурами рук детей своих, дабы получить благословение его⁷⁷. Так и Господь наш Иисус Христос в подобии греховной плоти приносит тебе (благословение. — *С.П.*). Аминь».

Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f055r (Дата обращения: 7.04.2016)

² Миниатюра «Король получает помазание рук». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f055v (Дата обращения: 7.04.2016)

³ Начало молитвы «Господь, чья надлежащая слава и милосердие к грешникам, отдал Свою драгоценную кровь, дабы спасти род человеческий...».

⁴ Миниатюра «Архиепископ Реймский благословляет перчатки короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f056r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁵ «Всемогущий, Творец, Создатель человека по образу и подобию перстами своими, создал ему и руки для очищения. С тем, чтобы они достойно держали душу и были достойны таинств для них. С тем, чтобы благословить и освятить это избранное покрытие рук (т.е. перчатки. — *С.П.*). Как те помазанные короли, кто со смирением пожелал покрыть свои руки. Обе они сохранили чистоту. Твоим милосердием. Именем Христа» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 31.

⁶ Миниатюра «Архиепископ Реймский одевает перчатки на руки короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f056v (Дата обращения: 7.04.2016)

⁷ Имеется в виду библейская история Исаака и его сыновей Исава и Иакова, согласно которой, Иаков, «человек гладкий», надев козлиную шкуру, выдал себя за Исава, «человека косматого», и обманом получил благословение отца и все права первородства. См.: Быт. 27:1-30.

Омовение рук короля

Если для молитвы и гимнов над перчатками нет времени, помощники епископа осушают руки короля тканью⁷⁸, натирают их солью и хлебными крошками. Затем омывают руки. После чего омывают и руки архиепископа, дабы впоследствии он мог благословить кольцо. [Произносится:] «Господу Богу помолимся». Произносится: «Бог есть начало и конец всего сущего, Творец и т.д.»⁷⁹.

Благословение кольца

«Бог на небесах и на земле, изначальный создатель рода человеческого и т.д.»⁸⁰.

Далее произносится: «Благослови⁸¹, Господи, и т.д.»⁸².

Скипетр и Рука Правосудия

Тогда дает ему (королю. — С.П.) архиепископ скипетр в правую руку и жезл в левую руку, и во время передачи скипетра и жезла произносит молитвы. Следует отметить, что перед предоставлением скипетра и жезла, подается кольцо и, подавая кольцо, он (архиепископ. — С.П.) читает молитву.

Это кольцо вручается, он (архиепископ. — С.П.) произносит: «Получи это кольцо, печать святой веры, постоянства власти, преумножение силы, триумф могущества, дабы уничтожить ереси, в единстве истин католической веры. Именем Господа».

⁷⁸ В оригинале: *cotone*.

⁷⁹ «Бог есть начало и конец всего сущего, Творец рода человеческого, податель духовной благодати. Податель вечного спасения, в коем сокрыт весь мир, ниспосли Свое благословение на это кольцо, Ты, Господь мой. Соизволь благословить и освятить его. Этот знак чести молим даровать Тебя тому, кто, по его словам достоин щедрой награды, которая всегда сохраняет смирение, веру и по-настоящему ярко сияет свыше. Как и рыцари Святой Троицы неприступно вооружены против дьявола <...>, даруй ему (королю — С.П.) истинное здравие души и тела <...> Всемогущ Господь» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 33.

⁸⁰ «Бог на небесах и на земле, изначальный Создатель рода человеческого, Податель духовной благодати, дарующий все блага. Всемогущий в сердцах тех, кто верит в Твой закон, как к сыну Твоему единственному, нашему Царю [Небесному] пришли мудрецы <...>, говоря, что не в состоянии сопротивляться персту Божьему. Ниспосли дар небес Твоего Святого Духа, Утешителя, <...> на это кольцо для чистоты и величия его (короля. — С.П.), дали ему такую силу, чтобы победить все искушения змея, ниспосланные после изгнания. Создатель всего, сотвори добрый металл, неприкосновенный для врагов. Аминь» // *Ibid*.

⁸¹ Примечательно, что это обращение в тексте разделено знаком креста, знаменующим момент надевания кольца на безымянный палец правой руки короля.

⁸² «Благослови это кольцо, и освати его <...> и ниспосли Дух Твой <...> с силой Всевышнего <...> пусть охранит и благословит...» // *Ibid*.

Молитва после вручения кольца. «Бог, чья власть, и т.д.»⁸³.

Надевая кольцо на правую руку⁸⁴, он вкладывает в нее скипетр сразу после сказанного: «Прими жезл как символ королевской власти, и т.д.»⁸⁵.

Молитва после вручения жезла. «Господь, источник всех благ, и т.д.»⁸⁶.

Сразу же (архиепископ. — С.П.) вручает ему жезл в левую руку⁸⁷ и произносит. «Прими силу и мощь, которую можешь постичь, и т.д.»⁸⁸.

⁸³ «Бог, чья власть всемогуща, молим Тебя о достойном правлении...» // Ibid.

⁸⁴ Миниатюра «Король получает кольцо». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f057r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁸⁵ «Прими жезл, как символ власти, скипетр царства. Правь достойно, и возымеи над подданными силу, на которую получаешь право. Святая Церковь и христиане вручают тебе власть. И так ты сможешь получить помощь, дабы от царства земного достичь Царства Небесного. <...> царства без конца во веки веков» // Ibid. Col. 34.

⁸⁶ «Господь, источник всех благ. Бог всего сущего. Молим о здравии и достойном правлении раба Твоего (имя). <...> Воздадим ему славу выше всех земных царей. Благословением своим обогатим его. Крепкого ему престола. Даруй ему долгую жизнь. Вечной справедливости, вечной славы и радости и процветания в королевстве. Именем Господа» // Ibid. Col. 34—35.

⁸⁷ Миниатюра «Король получает скипетр и жезл («Руку Правосудия»)). Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f058r (Дата обращения: 7.04.2016)

⁸⁸ «Прими силу и мощь, которую сможешь постичь. Будь источником добродетели и грозой преступлений. Протяни руку, разрушь высокомерие и подави врага Господа Иисуса Христа, Бога нашего. Он сказал о себе: Я есмь дверь: Мною кто войдет, он будет спасен, и скипетр дома Израилева, и что он сам этот ключ («Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» // Иоанн. 10:9. — С.П.). У Давида сказано: Всякий человек открывается и закрывается, закрывает и не открывает. Он тот, который вывел заключенных из тюрьмы, сидя в темноте и в тени смерти, чтобы во всем достойно следовать за ним («Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших» // Пс. 142: 3-4. — С.П.). О чем пророк Давид пел: Престол Твой, Боже, во веки веков («Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня» // Пс. 22:4; «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего» // Пс. 44: 7. — С.П.). Вот каков королевский скипетр. И сказал он ему, и возлюбил справедливость. и возненавидел беззаконие, поэтому Бог, помазал тебя елеем («Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов словной кости увеселяют Тебя» // Пс. 44: 8-9. — С.П.). Как он помазал сначала Иисуса и его сотоварищей, среди которых Христос, Господь наш («Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника» // Пс. 2: 6-9. — С.П.)» // Ibid. Col. 35.

Благословение короны

Господь надежно коронует тебя, возлагает драгоценный венец. Благослови⁸⁹ и освяти корону сию. Также, как украшена она драгоценными камнями, так наполни благословением, даруй благодать рабу Твоему. Именем Господа.

Канцлер сопровождает пэров для помощи в коронации короля

После прочтения молитвы, канцлером, если он присутствует, или, в противном случае, архиепископом, вызываются пэры. Первыми — миряне, затем — священнослужители, которым следует выйти и встать кругом. Архиепископ берет корону с алтаря, одевает (ее. — С.П.) на голову короля⁹⁰ и только тогда, когда она находится над (головой. — С.П.), духовенство, а также миряне потягивают руки, и все вместе пэры поддерживают (корону. — С.П.)⁹¹. Тогда архиепископ говорит молитву, он держит корону, достаточно высоко над королевской головой. Произносится «Коронует тебя Господь короной славы, и т.д.»⁹².

Король — покровитель и защитник прав Церкви

Произнеся эту молитву, архиепископ одевает корону на голову (короля. — С.П.): «Прими корону во имя Отца, Сына и Святого Духа⁹³. Попирай врагов. Попирай грязный порок, изгнание правосудия. Должны торжествовать милосердие, справедливость и закон Господень, и истинное сострадание, и благочестие вместе со святыми в вечном Царстве Господа нашего Иисуса Христа. Прими, говорю я, венец святости, и славу, и честь, и сильную единую власть, и будь причастен служения нашего, так, как мы будь пастырем, владей душами. Как мы, стой против всех невзгод, будь защитником Церкви Христовой. Бог дал тебе царство и закон, благословение⁹⁴ апостольское, все твое правление исполняй праведно, помни, что правитель всегда на виду. Доблесть драгоценна как искупление, когда Спаситель наш Христос

⁸⁹ Обращение «благослови» в тексте разделено знаком креста, что, как и выше, означает момент надевания архиепископом короны на голову посвящаемого.

⁹⁰ Миниатюра «Архиепископ Реймский размещает корону на голове короля». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f059g (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹¹ Миниатюра «Пэры Франции поддерживают корону». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f059v (Дата обращения: 7.04.2016)

⁹² «Коронует тебя Господь короной славы и справедливости, чести и воинской отваги, пусть благословение наше всегда собирает плоды чести и правой веры. Живи долго, прими правление и вечную власть ныне и присно и во веки веков» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 36.

⁹³ Перечисление «во имя Отца, Сына и Святого Духа» в каждой номинации разделено знаком креста, что означает крестное знамение для всех присутствующих.

⁹⁴ Слово «благословение» с аналогичной целью разделено знаком креста.

был коронован для бесконечного блаженства, чье имя бесконечно славим во славу Божию вместе с Богом Отцом во веки веков. Аминь».

Молитвы после коронации

Произносится после коронации. «Господь вечный, князь добродетели, защитник и победитель врагов т.д.»⁹⁵.

Сразу же после этого читается благословение. «Распростерто всемогущество Господне, и т.д.»⁹⁶.

Следующее благословение: «Предан тебе, Господи, и т.д.»⁹⁷.

Следующее благословение: «Ангелы добра, кои всегда с тобой, и т.д.»⁹⁸.

Следующее благословение: «Мир врагам твоим, и т.д.»⁹⁹.

Следующее благословение: «Победы, как и торжества, т.д.»¹⁰⁰.

Следующее благословение: «И того, чего Ты желаешь роду человеческому и т.д.»¹⁰¹.

Следующее особое благословение: «Благослови¹⁰², Господи, сего государя и т.д.»¹⁰³.

⁹⁵ «Господь вечный, князь добродетели, защитник и победитель врагов. Благословен раб твой, склоненный перед тобой. И сохрани во здравии на многие лета, и даруй счастливое процветание. И единственно, на коего сейчас и впредь призываем быструю помощь и защиту Твою. Молим тебя, Господи, дать ему славу и богатство. Преисполни добром. Корона эта в милосердии и в сострадании. Искреннее благочестие в постоянном преданном служении Господу. Именем Господа» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 37.

⁹⁶ «Распростерто Всемогущество Господне. Осени его. И окружи благотворной стеной. И спаси и сохрани его, Дева Мария. И святой Петр, князь апостолов. И святой Дионисий, и все достойные святости. Аминь» // *Ibid*. Col. 38.

⁹⁷ «Предан Тебе, Господи, всякий несущий груз прегрешений. И настоятельно просим у Него дать милость и благодать. И избавить тебя от всяких невзгод. И от всяких врагов, видимых и невидимых. Аминь» // *Ibid*.

⁹⁸ «Ангелы добра, кои всегда с тобой, всегда сопровождают и охраняют, дабы держат твою жизнь. И потрясают мечом, охраняя достояния каждого от прегрешений и возможного покушения на твою свободу» // *Ibid*.

⁹⁹ «Мир врагам твоим. Обращай во благо свое состояние. И сотворенное тобою добро обернется благодарностью. Кто упорствует, нападая в своей ненависти, спасение тех в привеливости. С тебя спросят свыше. Священное да процветает вечно. Аминь» // *Ibid*.

¹⁰⁰ «Победы, как и торжества над невидимым и видимым врагом. И святое имя Твое внушает страх, равно как и вечная любовь в сердце Твоем. Терпения в истинной вере и в добрых делах. Мира в трудные дни. Навечно власть в победной длани твоей. Аминь» // *Ibid*.

¹⁰¹ «И того, что Ты желаешь роду человеческому, дай королю и в земной жизни даруй ему вечное блаженство. Ибо сам он чтит Того, чьи власть и повеление принимает без остатка во веки веков. Аминь» // *Ibid*.

¹⁰² Слово «благослови» с аналогичной целью разделено знаком креста.

¹⁰³ «Благослови, Господи, сего государя нашего, чье правление навеки умеряет всякое иное» // *Ibid*.

Следующее благословение: «И благослови¹⁰⁴ как прославлено и т.д.¹⁰⁵».

Следующее благословение: «Дай ему вдыхать и т.д.¹⁰⁶».

Следующее благословение: «Он перед Тобой и т.д.¹⁰⁷».

Следующее благословение: «Цени его выше всех царей земных и т.д.¹⁰⁸».

Следующее благословение: «Быть единоличным судьей и т.д.»¹⁰⁹.

Следующее благословение: «Дай ему долгую жизнь и т.д.¹¹⁰».

Следующая молитва: «Господь всемогущий дарует тебе елей небесный и т.д.¹¹¹».

Следующая молитва: «Всевышний благословляет¹¹² тебя и т.д.¹¹³».

Следующая молитва: «Благослови, Господи, силу государя и т.д.¹¹⁴».

Короля, держащего в руках корону, ведут от алтаря к хорам

После коронации короля, архиепископ ведет его за руку, испрашивая согласия обоих прелатов и мирян, от алтаря к трону, который был под-

¹⁰⁴Слово «благослови» с аналогичной целью разделено знаком креста.

¹⁰⁵«И благослови, как прославлено и освящено величие Давидово держать скипетр власти и одарять обретенной милостью» // Ibid.

¹⁰⁶«Дай ему вдыхать с кротостью, так править народом, как иметь соломоново царское достоинство миротворца. Аминь» // Ibid.

¹⁰⁷«Он перед тобой и служит Тебе спокойно без страха. Укрой его стоящим во главе щитом Твоим и где бы то ни было одари благодатью Твоей победы» // Ibid. Col 39.

¹⁰⁸«Цени его выше всех царей земных. Счастливо править народом. И успешно вести подданных среди язычников и убежденных седиными древних благородных народов. Аминь» // Ibid.

¹⁰⁹«Быть единоличным судьей. Состоятельным [и] очень богатым в правде Твоей. Благоразумно держать владеть доставшимся по наследству от отцов и преумножить его для своих детей. Аминь» // Ibid.

¹¹⁰«Дай ему долгую жизнь земную. Пусть настанет этот день. А ты крепко держи власть над троном, и всегда со славой правь радостно и справедливо. Аминь». Так он произносит и это и т.д.» // Ibid.

¹¹¹«Господь всемогущий дарует тебе елей небесный и обильную тучную землю. Держи и сохрани за собой после только что свершившегося доставшиеся от отца земли, богатые хлебом, вином и маслом, и пусть подданные поклонятся тебе. Будь господином твоего братства. И сыновья твоей матери поклонятся тебе. И благословивший тебя вновь наполнит благословением, и Бог поможет тебе» // Ibid.

¹¹²Слово «благословляет» с аналогичной целью разделено знаком креста.

¹¹³«Всевышний благословляет тебя благословениями небесными выше гор. Благословениями лежащей долу бездны, благословениями плодородных полей и холмов фруктовых садов. Укрепляющее благословение древних Авраама, Исаака и Иакова для тебя. Именем Господа» // Ibid.

¹¹⁴«Благослови, Господи, силу правителя. И благослови творения рук его, и плоды земли станут вожделенными плодами небес, елеем и недоступными плодами солнца и луны, и плодами на холмах, с вершин древних гор вожделенными плодами вечной земли во всем изобилии. Благословение, сошедшее с кущ, коснется головы его. И преисполнятся благодати Божией сыновья Его. И пусть омоют в масле ноги свои. До окончности мира, до самого края земли. Ибо несет помощь небес. Во веки вечные. Именем Господа» // Ibid.

готовлен заранее¹¹⁵. И когда король подходит к трону, архиепископ сам усаживает его. И вот он, призванный править, и архиепископ говорит.

Наследственное королевство Франция

Стой и держи наследство отца своего, что на пути сюда, теперь ты правишь государством, которое присвоил по праву наследования от нашей традиции к настоящему властью Господа Вседержителя посредством епископов и прочих служителей Божьих. И насколько клир близко провидит святость у алтарей, настолько, увы, далеко от этого места издержана память о согласии чести. До тех пор, пока духовенство — посредник между Богом и человеком, ты — посредник между духовенством и народом. (По совершении этого (король. — *С.П.*) садится (на трон. — *С.П.*), держа архиепископа за руку). В единоличном согласном правлении вечно правит с Ним на престоле в Царстве Его, Иисуса Христа, Бога нашего, король правит, а Бог властвует. Когда Бог-Отец и т.д.

Затем совершается, точно так, как совершалась римлянами, после усаживания на трон¹¹⁶, и не начинать раньше, чем требует основной канон. «Тебя, Господи, славим¹¹⁷». Что завершается провозглашением правления с (антифоном. — *С.П.*). «Да делается сильной рука твоя и возвысится правда твоя». Ответ: «Справедливость и правосудие являются залогом трона твоего, Господь да услышит». И восклицание. «Господь с тобой. И с духом твоим. Господу помолимся». Произносится: «Господь, чья длань укрепляла молитву Моисееву и т.д.¹¹⁸».

¹¹⁵Миниатюра «Пэры Франции ведут короля к трону на престол». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f063r (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹⁶Т.е. упомянутая выше интронизация. Миниатюра «Интронизации на престоле». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f064r (Дата обращения: 7.04.2016)

¹¹⁷Повтор благодарственного гимна св. Амвросия: «Тебя, Бога, хвалим...». Полный перевод см. выше.

¹¹⁸«Господь, чья длань укрепляла молитву Моисееву. Того святого, который невзирая на старость, постоянно боролся. Неправедный Амалек («царь амаликетян, враг Израиля, разбит в Рефидиме Иисусом по благословению Моисея» // Исх. 17: 6-16. — *С.П.*) так им побежден. Пока не покорил (Моисей. — *С.П.*) все неправедные народы. Изгони иноземцев, в рабство захвативших многие владения твои. Укрепи труд рук наших, милостиво внемли молитвам нашим. Удержи нас подле святого Отца, Господа нашего Спасителя. Кто распростер руки для нас на кресте, коему Всевышнему мы молимся. Так дается эта сила. Сокрушить всех нечестивых чужеземцев. Народ твой медлит, страшится, боится приучится к одному только страху. И еще то же и т.д.» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 40.

Архиепископ Реймский целует короля

Затем архиепископ вместе с пэрами, поддерживающими отмеченным образом корону монарха, опускает его на подготовленный и украшенный шелковым покрывалом трон: когда он сидит на троне, то архиепископ снимает митру, целует его и говорит: «Да здравствует король вечно».

Пэры провозглашают «Да здравствует король»

После этого епископы и те, кто поддерживал корону, говорят то же самое.

После этого король остается сидеть на троне один, пока королева не посвящена, что свято, и (она. — С.П.) отходит к своему трону, сначала машет кантору и начинает, наблюдая, подпевать хорам, и все поют. Молитва за короля. «Просим всемогущего Господа за покорного Тебе короля нашего (имя), кто милосердно поддерживает королевскую власть и т.д.¹¹⁹».

Когда читается Евангелие, король и королева подают свои короны

Когда читается Евангелие, король и королева должны снять короны. Отметим, что читающие Евангелие архиепископы и епископы, берут его по старшинству (друг у друга. — С.П.) и подносят для поцелуя королю, а затем — королеве, когда главный архиепископ¹²⁰ служит праздничную мессу.

Пожертвование от короля и королевы

После жертвования пэры ведут короля к алтарю для ожидания короны, король, как и королева, должен предложить один хлеб, вино в серебряном кувшине и тринадцать золотых безантов¹²¹.

¹¹⁹ «Просим всемогущего Господа за покорного Тебе короля нашего (имя), кто милосердно поддерживает королевскую власть, призывает стойко принимать ее тяготы. Подобающе снабжая. И избегать указаний на ее пороки. И побеждать чужеземцев. И жить достойно и достичь милосердна. Именем Господа». Особо. «Сотвори крестное знамение. Прими причастие господне. Для нас они — тело и кровь едиnorodного Отца твоего и для N. (имя. — С.П.) короля нашего, дабы получить спасение душ и тела. И понимать обязанность служения твоего как щедрое повсеместное процветание. Именем Господа» После причастия. «Это молитва Господу Спасителю от раба Твоего. N (имя. — С.П.), государя нашего, даруй нам мир в Церкви, защити нас от всякой скорби [и] по истечении времени яви нам вечное наследие Божье. Именем Господа» // Ibid.

¹²⁰ Т.е. архиепископ Реймский.

¹²¹ Безант (лат. *bisant*, фр. *besant*, *besant*) — в данном контексте — золотые медали, восходящие к византийской монете, получившей это название в среде латинян от наименования чеканившей ее империи. Миниатюра «Король делает приношение и целует руку архиепископа». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f065r (Дата обращения: 7.04.2016)

Королю несут обнаженный меч

Здесь же (у алтаря. — С.П.) перед ним (королем. — С.П.) проносят обнаженный меч.

Король причащается обеими субстанциями

По окончании мессы архиепископ вновь предстает перед алтарем рядом с королем, и он (король. — С.П.) причащается телом и кровью Христовой из рук архиепископа, служащего праздничную мессу¹²².

Король дает поцелуй мира

Заметим, что (король. — С.П.), получив Евангелие для поцелуя, после прочтения «Мира Божьего»¹²³, должен обязательно принять от управляющего праздничную мессу и провозглашающего его правление архиепископа поцелуй в губы, а королева — только книгу.

Архиепископы и епископы целуют короля

И после него (архиепископа Реймского. — С.П.) архиепископы и епископы один за другим дают поцелуй мира королю, который сидит на своем троне.

Король надевает малую корону

По окончании мессы архиепископ снимает корону с головы короля, и освобождает его от особых (т.е. коронационных. — С.П.) одеяний и других украшений. Он (король. — С.П.) склоняет голову и идет ко дворцу архиепископа в другой короне, меньше предыдущей, и с обнаженным мечом.

Рубашку короля следует сжечь по причине помазания

Отметим, что его (короля. — С.П.) рубашку следует сжечь из-за помазания Священным Елеем.

Возвращение Святой Склепки

Отметим, что в день своей коронации, на рассвете, король должен принять знатных и сильных баронов, дабы отправить их в Сен-Дени за Святой Склепкой. И они должны поклясться настоятелю аббатства, что они добросовестно отнесут Святую Склепку в обитель Сен-Реми и вернут ее. Аббат должен привезти Святую Склепку, как отмечалось выше.

¹²²Миниатюра «Король получает причастие». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f065v (Дата обращения: 7.04.2016)

¹²³Одна из центральных молитв мессы — *Pax Domini*.

После посвящения и мессы бароны должны с честью и бесстрашно выехать со Святой Склянкой из Сен-Реми и вернуть ее на прежнее место.

Коронация королевы

Трон королевы не должен быть выше трона короля

Чтобы сразу после посвящения короля непременно совершилось это посвящение, следует установить трон рядом с королевским, однако ему следует быть меньше оно. Два епископа должны привести королеву в церковь¹²⁴, а король восседает на своем престоле во всех своих украшениях¹²⁵ так же, как уже отмечалось выше, усаживается на него после помазания и коронации: королева же должна встать в церкви перед алтарем и склониться перед молитвой, которую произносит поднимающий ее епископ¹²⁶. Ей следует вторично склонить голову, и архиепископ провозглашает: «Услышь, Господи, наши молитвы и т.д.»¹²⁷.

Далее архиепископ произносит следующую молитву. «Вечно всемогущество Господне и т.д.»¹²⁸.

Далее произносится: «Бог, который один бессмертен»¹²⁹.

¹²⁴Миниатюра «Королева входит в собор». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f066r (Дата обращения: 7.04.2016)

¹²⁵В оригинале — *ornamentis*. См.: *Règlement à observer*. P. 251.

¹²⁶Миниатюра «Архиепископ Реймский благословляет королеву». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f066v (Дата обращения: 7.04.2016)

¹²⁷«Услышь, Господи, наши молитвы. И смиренно несем служение наше. И наполни нас силой Твоей. Именем Господа» // *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 41.

¹²⁸«Вечно всемогущество Господне, который есть источник всякой благодати, не осуждает женскую слабость, а милостиво одобряет достоинство. И что есть слабое в мире, выбирает сильное, дабы объединить все, что также являет триумф славы Твоей в руках Юдифи, после того как захотела народ еврейский освободить от жестокого врага, взгляни, внемли смиренным мольбам нашим. И пред Тобой раба Твоя (имя), коя преданно молит принять правление ее, преумножить его благословением Твоим, властной десницей Твоей всегда и везде, и защиты Твоей [в левом поле: «Забирает из ампулы (елей. — С.П.) отовсюду, иначе укрыть в борьбе с врагом видимым и невидимым с триумфом победить его. И соедини вместе с Сарой, Ребеккой, Лией, Рахилью, с блаженными и почтенными женщинами, благослови чрево ее и даруй заслуженную радость, украшенную правлением, Господом нерушимо установленным под защитой Церкви. Именем Христа, Господа нашего. Того, Кто от непорочной Девы Марии родился, снизошел и обновил мир. Кто живет с тобой и т.д.» // *Ibid*. Col. 41—42.

¹²⁹«Бог, что один бессмертен среди тех, кто населяет свет. Смирение и благодать Духа Святого в нашем служении Тебе обильно нисходит на всех сразу. Провидение Его никогда не будет в нашем владении, которое было и будет получено и теми, кто призван, и теми, кто не служил, как тот, кто является править, выступая как гордый конь, заслуживает быть обильно помазанным на полученную власть. И низкий милостиво возвысится достойным подвигом. Смирренно просим милосердия

Далее произносится: «Вседоущий вечный Боже, освяти имя рабы Твоей»¹³⁰.

Помавание королевы

Отметим, что рубашка королевы, нижняя сорочка должна быть открыта до ремня¹³¹, и господин архиепископ должен помазать Святым Елеем ее голову и грудь¹³², а в то время как произносит (молитву. — С.П.), и между тем при каждом помазывании произносит. «Во имя Отца, Сына и Святого¹³³ Духа помазываем тебя Елеем в честь и утверждение навечно во веки веков. Аминь».

Совершая помавание, архиепископ произносит: «Помолимся. Святой Дух жертвы смиренно и т.д.»¹³⁴.

Далее произносится: «Бог Отец вечно славящийся будет в помощь тебе и т.д.»¹³⁵.

Твоего неизреченного. Как царица израильская Эсфирь своим правлением ослабила оковы плена. Ассирийское ложе, примыкающее к власти, послужило соучастию в своем народе. Так и смиренная раба Твоя получает наше христианское благословение благодатью, дабы быть достойной спасения. Возвышенно и согласно править над нами милостиво до самого ухода. И постоянно укрепляя узы царственного супружества, будь всегда ему послушна и скромна со всеми людьми, как Богородица держи рядом ладони свои: и были они в состоянии отдавать дань Господу во всем и прежде всего постоянно радоваться Богу живому и истинному. И дух Твой, который принимаем и отдаем все сердцем свое. Господу нашему и т.д.» // *Ibid.* Col. 42.

¹³⁰«Вседоущий вечный Боже, освяти имя рабы Твоей небесным благословением и помоги избрать королеву, как мы всегда выбираем мудрость Твою во веки веков. Аминь. И также утешая, Церковь должна быть верна своему служению непорочности. И всегда чтить Христа, Господа нашего» // *Ibid.* Col. 42.

¹³¹Миниатюра «С королевы снимают верхнюю одежду». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f067v (Дата обращения: 7.04.2016)

¹³²Миниатюра «Королева получает помавание на грудь». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f068r (Дата обращения: 7.04.2016)

¹³³Примечательно, что в тексте трижды имеет место разделение слов «Отца», «Сына» и «Святого» знаком креста, что знаменует непосредственные моменты помавания королевы.

¹³⁴«Помолимся. Святой Дух жертвы смиренно является нам недостойным вещественным елеем, густо помазанным, вне того же невидимого духовного помазания завершится он вечным приятием, и отклонится разумом все недостойное, и научимся силе отвергать учения недостойное, и пользу знания постигнет душа твоя, возжелает, как сможет трудиться» // *Ibid.*

¹³⁵«Бог Отец вечно славящийся будет в помощь тебе и всемоущий благословит тебя, слышит тебя, дарует долгие дни жизни для выполнения предназначенного, навсегда сохрани это благословение, внесет сумятицу среди врагов твоих, и сверху освятит тебя как помазанницу Божию, и здесь помазываем цветущим елеем, как только может разделять благословение земля, сам ангел принес эту награду с небес. Да благословит и сохрани тебя Господь, для жизни вечной:

Кольцо

Затем архиепископ должно надеть на палец кольцо¹³⁶ и произнести: «Прими кольцо веры с печатью Святой Троицы, дабы избежать ереси, и варварские народы будут доблестно призваны тобой к признанию истины».

Долее произносится: «Господь с вами. Помолимся. Господь, в коем вся сила и т.д.»¹³⁷.

Скипетр королевы меньше, чем у короля

После молитвы дается архиепископа архиепископ отдельно берет несколько другой королевский скипетр, нежели аналогичный ему жезл короля, и названный архиепископ произносит: «Прими скипетр власти и справедливости, будь милостива к бедным и страждущим, вдовам, обездоленным, а также сиротам и наиболее нуждающимся, дабы показать, что заботится о них и утверждает свою благодать Господь всемогущий, который живет и правит».

После сказанного вручается скипетр или жезл¹³⁸ и произносится: «Господь вечно всемогущий, да изобильны духом и т.д.»¹³⁹.

Корона

Тогда следует только архиепископу самолично возложить корону на ее (королевы. — С.П.) голову,¹⁴⁰ которая должна быть поддержана со всех сторон кружившими ее баронами¹⁴¹. Теперь архиепископ при возложении (короны. — С.П.) должен возвестить молитву: «Прими корону славы и царственного превосходства. Радостной чести, столь яркой, как молния, и (будь. — С.П.) увенчан вечным торжеством, дабы знать, что ты разделяешь правление, люди Церкви всегда будут добрыми со-

Иисус Христос, Господь наш, да живет Он» // Ibid.

¹³⁶Миниатюра «Королеве вручают кольцо». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f068v (Дата обращения: 7.04.2016)

¹³⁷«Господь с вами. Помолимся. Господь, в коем вся сила и процветание, дай рабе достойной Твоей зримый знак веры, в коей она всегда должна оставаться твердой, дабы радовать Тебя. Именем Господа» // Ibid. Col. 43.

¹³⁸Миниатюра «Королеве вручают скипетр и жезл». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f069r (Дата обращения: 7.04.2016)

¹³⁹«Господь вечно всемогущий, да изобильны духом будут благословения над рабой Твоей, о которой мы молимся в сердцах своих, которая через возложение рук наших дней становится королевой, достойной освящения Твоего и избранной пребывающей, как никогда впоследствии, в избрании на царство, словно Эсфирь, как только благодать Твоя отделяет недостойного. Именем Господа» // Ibid.

¹⁴⁰В рукописи Cottonian MS. Tiberius B. VIII добавлено «непосредственно на прическу» (*quafi*). См.: Ibid. Миниатюра «Архиепископ Реймский возлагает корону на голову королевы». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f069v (Дата обращения: 7.04.2016)

¹⁴¹Миниатюра «Бароны поддерживают корону королевы». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f070r (7.04.2016)

ветчиками, тем более возвышенными, как и смиренными любовью даже к падшим, как снаружи золото и драгоценные камни, так изнутри они украшены золотом и драгоценными камнями мудрости и добродетели

Восхвалим тех, кто извне коронован золотом и драгоценными камнями с золотом, потому должен бороться быть украшенным золотом и драгоценными камнями мудрости и добродетели изнутри, для того, чтобы после захода солнца этого мира Господь наш Иисус Христос навечно признал королевскую семью, как разумную деву жених, достойной войти в двери небесного зала, с помощью Господа нашего Иисуса Христа, который вместе с Отцом и Святым Духом, да живет и царствует ныне и присно и во веки веков. Аминь».

После возложения короны архиепископ провозглашает: «Господь, источник всех благ и т.д.»¹⁴².

После сказанного бароны, которые держали корону, подходят к трону, на котором сидят король и королева и садятся вокруг на заранее подготовленные места, по очереди бароны и знатные дамы. Если дается совместное причастие¹⁴³, то полностью соблюдается отмеченный выше порядок.

¹⁴² «Господь, источник всех благ и податель всего дает тебе (имя) достойно достичь доброго правления и укрепляет твою приверженность доброй славе. Именем Господа. Господь, Святой Отец, всемогущий вечный Боже, Творец всякой чести и податель благоволения, и всякое благо Твое исходит от Тебя в изобилии, и кто в радости выбирает свои дела человеческие, для того Ты собираешь свыше и затем изливаешь собранное. Господь дарует тому власть правления, защиту величия, мудрость, благоразумие и изобилующую рассудительность, веру и благочестивую опеку, как заслужено и утверждено благословение во имя Сары, видной и плодоносящей как Ребекка, защищающей пороки от всякого зла как Юдифь. Благо дел человеческих непрочно, лучше скорее опять наполнить сосуд сокровенным бальзамом и Святым Елеем. И да заслужит благословения Твоего корона и регалии королевы в награду. Позже от руки слева приписано: Иисус Христос, в честь Твою, во веки вечные. И как спустя долгое время человека делает счастливым высоко поднятое имя, так высоко воздета вера и деяние, он также разумом принадлежит Тебе, также как мудрость Твоя полностью отражает любовь, как блаженного Давида манило обещание, а сын его Соломон получил Его щедроты. Если угодно, то напоминать подданным противодействовать всякой плотской любви кротким послушанием, наслаждаться спокойствием и влиянием этого мира. Да пребудет с ними совместно заслуженная власть, как предложенное правление, оттого, что (Он. — С.П.) сам чтит власть и правление без конца во веки веков. Аминь. И благословение Бога Всемогущего, Отца и Сына, и Святого Духа снизойдет и останется с вами, отражая все удары врагов, верные доспехи, шлем, щит вечно служат мудрому процветанию. Следуйте миру, почитайте любовь, воздерживайтесь от всякого зла, высказывайтесь справедливо, защищайте истину. Пусть найдут прибежище справедливость и сострадание, любовь к вере. Благословения в настоящем на много лет и навечно. Господь наш Иисус Христос, который вечно, аминь, живет и царствует со Отцом и Святым Духом. Со всеми во веки веков. Аминь». См.: Ibid. Col. 34—44.

¹⁴³ Миниатюра «Королева получает причастие». Режим доступа: Королева получает

Благословение королевы прежде, чем будет сказано «Мир вам»

Отметим, что после этого архиепископ произносит: «Мир вам» и говорит, что теперь должно состояться благословение короля присутствующими, таким образом: «Да благословит и сохранит тебя Господь, и как возжелал поставить тебя царем над людьми, так будь счастлив в этом мире, и вечное счастье раздели с Ним. Аминь»¹⁴⁴.

Следующее благословение: «Духовенство и народ, которым Он желает помочь, [и] с позволения твоего соберутся они под твоим управлением для диспенсации»¹⁴⁵,¹⁴⁶.

Следующее благословение: «Поскольку всех оглашений не хватает для Господних отеческих наставлений и т.д.».

«Да благословение Господа всемогущего, Отца и Сына, и Святого Духа снизойдет на вас, о чем немедленно извещаем. Аминь»¹⁴⁷.

Ordo объявлен и служит для посвящения короля и королевы¹⁴⁸.

причастие. (Дата обращения: 7.04.2016)

¹⁴⁴Согласно версии рукописи Cottonian MS. Tiberius B. VIII: «Да благословит и сохранит тебя Господь, и как возжелал поставить тебя царем над людьми Дионисий, Рустик и Элефретий. Все, что делает его королем, и так будь счастлив в этом мире, и вечное счастье раздели с Ним. Аминь». См.: Ibid. Col. 44.

¹⁴⁵Диспенсация — в сугубо юридическом смысле: термин канонического права, обозначающий освобождение отдельного лица или группы лиц от обязательной нормы церковного закона или послабление в его исполнении. Но в данном контексте речь идет о ведении счетов (*dispensare ratione*) под контролем Генеральных Штатов». См.: Brys J. De dispensatione in iure canonico. Brugae, 1925.

¹⁴⁶Рукопись Cottonian MS. Tiberius B. VIII уточняет: «Затем писец по ошибке написал так, что написанное оказалось закрыто красной линией. За затертым видно: «управлять» (*gubernari*). Аминь». См.: Ibid.

¹⁴⁷Слово «благословение» разделяет знак креста, равно как он имеет место после слов «Отца», «Сына» и «Духа», что отмечает моменты крестного знамени, которым архиепископ осеняет короля и королеву. См.: Règlement à observer. P. 253.

¹⁴⁸Рукопись Cottonian MS. Tiberius B. VIII гласит: «Ordo объявлен и служит для посвящения благословенного флага», подразумевая знаменитую орифламму Сен-Дени и приводит сопутствующую молитву: «Господь, услышь наши смиренные молитвы через заступничество святого Архангела Михаила и всех тех, в ком добродетель Твоя». (Благослови его. — С.П.) также как благословил Твоих мучеников святых. Даруй нам Твою правую помощь. Как благословил Авраама с пятью царями Победоносцами. Как царь Давид обрел славу триумфа в имени Твоем Так для защиты королевства, благослови и освяти этот штандарт. Святая Церковь выступает против ярости вражды. Защити народ Божий, чтобы посредством его (штандарта. — С.П.) верующие силой имени Твоего победили врага, как с помощью силы Святого Креста. И возрадуются все. Кто с Отцом и (Сыном) поклоняются и прославляют Того, Кто говорил через пророков. — С.П.) // Ordo ad inungendum et coronandum regem. Col. 44. Миниатюра «Архиепископ Реймский благословляет Орифламму». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f073r (Дата обращения: 7.04.2016)

Глава VI

СИМВОЛЫ
и образы
власти

Комплекс французских королевских регалий и формирование образа *rex christianissimus*

Королевские регалии (инсигнии) являлись для средневекового общества органичной частью образа власти, выступая знаками политического верховенства, имеющими некое особое трансцендентное значение, преисполненное глубокого смысла. В этом отношении регалии стали повсеместным явлением, сопровождающим институты власти, в том числе и в средневековой Европе. Как материально воплощенные символы власти, они оказались тесно связаны с комплексом ритуалов, составляющих порядок их вручения монарху — инаугурационной церемонией, процедуры которой в разных европейских государствах варьировались в зависимости от сложившихся традиций, но смысл их — легитимация власти каждого нового правителя, сменяющего предыдущего, — оставался неизменным¹. Что касается Западной Ев-

¹ Историография проблемы взаимосвязи символики регалий и инаугурационного церемониала достаточно обширна и представлена целым рядом общих и частных исследований специалистов, относящихся к различным методологическим школам и направлениям. Разумеется, привести их полный перечень в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому мы ограничимся наиболее значимыми; прочие работы см. ниже: *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной / Предисловие Ж. Ле Гоффа / Научн. ред. и посл. А.Я. Гуревича. М., 1998; *Бессмертный Ю.Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М., 1996. С. 5—19; *Бойцов М.А.* Германский император XIV в.: инструмент реализации власти // *Власть и политическая культура в средневековой Европе.* Сб. статей. М., 1992. Ч. 1. С. 106—114; *Мошонкина Е.Н.* Символика королевской власти в средневековой Франции. Обзор // *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах:* Реф. сб. М., 1996. С. 155—163; *Хачатурян Н.А.* Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе // *Средние века.* М., 1995. Вып. 58. С. 144—149; *Bak J.M.* Medieval Symbolology of the State: Persy E. Schramm's Contribution // *Viator.* 1973. № 4. P. 33—65; *Beaune C.* Le miroir du pouvoir. Paris, 1989; *Boureau A.* Rituelité politique et modernité monarchique // *L'État ou roi. Les foundations de la modernité monarchique en France (XIVe—XVIIe siècles)* / Textes réunis par N. Bulst, R. Descimon, A. Guérreau. Table ronde du 25 mai 1991, organisée par N. Bulst et R. Descimon a l'École Normale Supérieure. Paris, 1996. P. 9—25; *Heusch L. de.* Introduction à une ritologie générale // *L'Unité de l'homme: Pour une anthropologie fondamentale* / Éd. E. Motin, M. Piatelli-Parlamarini. Paris, 1974; *La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989* / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992; *Gennep A. van.* Les rites de passage. 2e éd. Paris, 1969; *Leach E.* Culture and Communication: the Logic by Which Symbols are Connected. An Introduction to the Use of Structuralist Analysis in Social Anthropology

ропы, то своего рода основой для формирования и дальнейшего распространения соответствующих представлений о власти монарха выступили империя Каролингов, после раздела которой в рамках сложившихся на ее территориях государств начали складываться собственные формы репрезентации высшей политической власти. Однако при всей вариативности

gy. Cambridge, 1976; *Idem.* Ritualisation in Man in Relation to Conceptual and Social Development // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series «B», Biological Sciences.* № 772. Vol. 251. P. 403—408; *Nelson J.L.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986; *Pange J. de.* Le roi Tres-Christien. Paris, 1949; *Revel J.* La royauté sacrée. Elements pour un débat // *La royauté sacrée.* P. 7—18; *Rey J.* Histoire du drapeau, des couleurs et insignes de la monarchie française. 2 vol. Paris, 1981; 1987; *Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik: Beiträge zu ihrer Geschichte vom dritten bis zum sechzehnten Jahrhundert von gen verschiedener verfosser. 3 Bd. Stuttgart, 1954—1956.

Результатом значительной работы отечественных медиевистов в указанном направлении стали коллективные исследования последних лет в рамках проекта научной группы «Власть и общество» под руководством проф. Н.А. Хачатурян (конференции «Королевский двор и придворная жизнь в Европе Средние века и раннее Новое время», МГУ, февраль 1998 г.; «Королевский двор в политической культуре Европы в Средние века и раннее Новое время, МГУ, февраль 2001 г., «Сакральное тело короля», МГУ, март 2001 г.; «Власть, общество и человек в средневековой Европе», МГУ, январь 2006 г., «Империи и этно-национальные государства в Европе в Средние века и раннее Новое время», МГУ, февраль 2008г.), Центра культурной и исторической антропологии под руководством проф. А.Я. Гуревича (научная конференция «Социальные метафоры. История как игра метафор: метафоры истории, общества и политики», ИВИ РАН, февраль 2006 г.), Центра истории частной жизни и повседневности под руководством проф. И.Н. Данилевского в рамках проекта «Образы власти в Средние века и Новое время в Западной Европе и России» (Круглый стол «Потестарная имагология: логика присвоения чужого образа», ИВИ РАН, декабрь 2005 г. и конференция «Знаки власти: опыт европейских культур», ИВИ РАН, ноябрь 2006 г.). Главными обобщающими трудами выступили «Словарь средневековой культуры», включивший в себя ряд статей, посвященных знакам власти, ее ритуалистике, семантике и т.д., и коллективная монография «Власть и образ», постулирующая изучение системы образов власти как отдельную отрасль исторического знания — *потестарную имагологию*. См.: *Бойцов М.А.* Власть правителя // *Словарь средневековой культуры* / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 78—91; *Бак Я.* Инсигнии // Там же. С. 189—195; *Джексон Р.А.* Коронации императоров и королей // Там же. С. 229—234; *Бойцов М.А., Пишизова С.Н.* Монархия // Там же. С. 301—312; *Шмит Ж.-К.* Ритуал // Там же. С. 408—412; *Он же.* Сакральное // Там же. С. 446—450; *Парамонова М.Ю.* Святые короли // Там же. С. 478—485; *Власть и образ: очерки потестарной имагологии* / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. Кроме того, отдельным достижением отечественной медиевистики в этом направлении являются исследования Н.А. Хачатурян и М.А. Бойцова. См.: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008; *Бойцов М.А.* Величие и смирение Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; *Он же.* Политический церемониал в Священной Римской империи XIV—начала XVI в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010.

общий христианский (с учетом влияния римской, византийской и германской традиций) контекст трактовки природы и предназначения потестарных полномочий монархии и ее инсигний был сохранен.

Генезис комплекса французских королевских регалий оказался также неразрывно связан со становлением инаугурационной церемонии французских монархов — королевского посвящения (*le sacre royal*) и королевского культа в целом. В итоге он прошел несколько этапов: от коронации Пипина Короткого в 751 г.² до создания Хинкмаром Реймским первых коронационных порядков (*ordines coronationis*)³; от первые зафиксировавшего перечень регалий *ordo* Фулрада середины X в.⁴ до т.н. «капетингских *ordines*» эпохи Людовика Святого⁵, дополненных «Коронационной книгой Карла IV и Жанны д'Эврэ» и «*Ordo* Карла V», в период создания которых формирование комплекса регалий было завершено⁶; наконец, от трудов эрудитов и регальных реестров эпохи аб-

² П. Шрамму принадлежит заслуга их первой, хотя и сокращенной, публикации: *Ordo mit wechselseitigen Eiden für die Krönung Ludwigs II. des Stammers zu Compiègne am 8. Dezember 877 // Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 15—16; "Mainzer-Ordo" // Idem. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. III. Beiträge zur allgemeinen Geschichte. Vom. 10. bis zum 13. Jahrhundert. Stuttgart, 1969. S. 94—103; Ordo C: Erdmannscher (Westfränkischer) Ordo um 900 (Zwischen 880 und 960) // Idem. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1969. S. 216—219; Ordo E: Ordo des Hgl. Dunstan. zwischen 960—973 // Ibid. S. 223—233; Ordo F: Ordo hergerichtet für die Krönung des Königs Edgars von England durch den Hgl. Dunstan, Erzbishop of Canterbury zu Bath 11. Mai 973 // Ibid. S. 233—244. Наиболее полной на сегодняшний день является публикация Р. Джексона, включившая важнейшие манускрипты с 790 по 1356 гг. См.: *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 1995; 2000. T. 1—2.**

³ *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica / Hrsg. von D.K. Brandi. P. 425—427; Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. P. 453—455; Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. P. 456—458; Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. P. 461—462.*

⁴ *P. Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 345—361.*

⁵ *Ordo de Reims // Sacramentaire et martyrologe de l'abbaye de Saint Remi. Martyrologe, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIIIe—XIIIe siècles) / Éd. Y. Chevalier // Bibliothèque liturgique. Paris, 1900. № 7. P. 222—226; Ordo of Saint-Bertin // Ordines coronationis Franciae. T. 1. P. 240—247; Ordo 1250 // Ibid. T. 2. P. 51—55; Ordo 1270 // Ibid. P. 55—65.*

⁶ *The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1—12; Ordo of Charles V // Ordines coronationis Franciae. T. 2. P. 233—240. В данном случае резонно сослаться на авторитет барона Эрве Пиното, дирек-*

соллютизма⁷ до отчетов комиссий, отправленных Конвентом для описи драгоценностей короны с целью их национализации⁸.

тора Международной Академии Геральдики, который полагает перечень, приведенный в *ordines* Валуа, максимально полным. См.: *Pinoteau H. Les insignes du pouvoir en France // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 75—83.*

⁷ Среди трактатов и более пространных сочинений дидактического или ретроспективного толка следует выделить произведение доминиканца Шарля Беви, секретаря (греффье), а впоследствии — советника Парламента Меца, Николя Менана, секретаря Парижского Парламента, а также личного секретаря Генриха II Жана Дю Тийе и грандиозный свод «Французского церемониала» архивиста, секретаря и придворного историографа Людовика XIII Теодора Годфруа. См.: *Bevy Ch.J. Histoire des Inauguration des rois, empereur et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine à présent. Siuvie d'un précis de l'État des arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, mœurs, coutumes et usages les plus remarquables des François, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. Paris, 1776; Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à présent par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723; Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1577; Godefroy Th. Le cérémonial françois. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi à leurs Entrées soulennelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilli par Théodore Godefroy et mis en lumière par Denys Godefroy. Paris, 1649. Т. 1—2. Данные работы с известной оговоркой активно используются в качестве источников по изучению проблем репрезентации власти в средневековую эпоху с учетом той их особенности, что авторы XVII—XVIII вв. ссылались или вводили в научный оборот более ранние тексты хроник, коронационных чинов, зеркал, реестров и т.д., в большинстве своем дошедшие до наших дней. Регальные описи сокровищницы аббатства Сен-Дени, в которой, согласно традиции, хранились инсигнии, за многовековую историю монастыря проводились неоднократно, но почти не сохранились. Усилиями историков искусства Б. де Монтескью-Фезензака и Д. Габори-Шопен была опубликована наиболее полная и, одновременно, поздняя опись, хранящаяся в Парижской национальной библиотеке и в архиве Арсенала — «Инвентарная книга 1634 г.». См.: *Inventaire de 1634 // Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezensac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1973. Vol. 1. Inventaire de 1634. P. 47—330; Pieces relatives à la dispersion du trésor (Arsenal, fol.3Vo— 20Vo) // Ibid. Paris, 1975. Vol. 2. Documents divers. P. 8—372.**

⁸ Особую важность представляют описи комиссии генерала Моннэ, работавшей в аббатстве Сен-Дени с ноября 1793 по апрель 1794 г. Следовательно, в нашем распоряжении оказываются два документа, выполненных в общем ключе: обе описи сухи, скрупулезны и бесстрастны в описании внешнего вида, ценности и состояния королевских регалий и одежд. Но с учетом времени их создания, на основе сравнения содержащихся сведений удастся проследить не только сохранность предметов, «выживших» в горниле Французской революции, но и проследить изменение их утилитарного предназначения. Для комиссии Моннэ королевские регалии — это, в первую очередь, средоточие материальных ценностей для нужд Революции, и мы получаем возможность достоверно выяснить внешний вид корон, скипетров, коронационных колец и пр. вплоть до количества, веса и стоимости каждого из драгоценных камней. Данные описей

Составители первых капетингских *ordines* обозначают регалии как «королевские украшения» (*les ornements royales*). Уже в правление Людовика IX их перечень был зафиксирован и остался неизменным. «Королевские украшения» составили 12 объектов: корона, меч, скипетр, шпоры, аграф, рубашка, плащ, мантия, камзол, туфли, перчатки и коронационное кольцо.

Часть из них предназначалась только для особо торжественных случаев, предписанных регламентом двора, другая — использовалась лишь для совершения королевского посвящения. Последняя группа «королевских украшений» получила статус королевских инсигний или регалий (*les regalia*, как указывает К. Бон⁹), к которым можно причислить сразу 6 объектов: корону, меч, скипетр, «руку Правосудия», коронационное кольцо и мантию. В зависимости от возложенных на них функций, регалии могут быть определены как «конституционные», т.е. те, которые вручались непосредственно на инаугурационной церемонии, и «репрезентативные», сопровождающие публичное появление монарха в различных мероприятиях, предписывающих присутствие короля (классификация Я. Бака)¹⁰.

Получив их в ходе ритуалов вручения регалий, являющихся неотъемлемой частью церемонии *le sacre royal*, король обретал остальной комплекс символов своей власти¹¹. Они сопровождали его всю жизнь, в

в сравнении их с материалами названных выше трудов позволяют реконструировать внешний вид регалий, а сопоставление их с благословениями регалий в *ordines* — понять связанность их формы с тем сакральным содержанием, которое в них вкладывалось. См.: *Etat des pirreries provenant du trésor de Saint-Denis suivant l'ordre d'ouverture des caisses et la date des procès-verbaux de la Commission generale des Monnais // Ibid.*

⁹ *Beaune C. Naissance de France. Paris, 1985. P. 112.* Эрве Пиното предлагает английскую версию происхождения понятия, утверждая, что «...термин “регалия” мы позаимствовали в Англии, и я думаю, что его нельзя использовать во Франции, где он означал свод королевских регальных прав, т.е. суверенитет, символами которого являются трон, скипетр и корона. Поэтому более уместно употреблять термин “королевские знаки”, поскольку знак “...сообщает нам важную идею природы и формы власти суверена”». См.: *Pinoteau H. Les insignes. P. 75.* Тем не менее, несмотря на авторитет Э. Пиното, исследователи оперируют термином «королевские регалии» как для анализа властных прерогатив, так и для изучения атрибутов французских монархов.

¹⁰ *Бак Я. Указ. соч. С. 191.*

¹¹ Во французской традиции происхождение комплекса королевских регалий связывается с личностью и деятельностью Карла Великого, в частности, с императорской коронацией 25 декабря 800 г. Проблемам его эпохи, восприятию современников и ретроспективной исторической мифологии, связанной с его личностью, посвящено значительное количество исследований. Заметным явлением в трактовке проблемы отечественной медиевистикой стал выход в свет сборника статей «Карл Великий: реалии и мифы», среди которых следует вы-

итоге получив самостоятельное символическое содержание, обозначавшего предназначение королевской власти в широком спектре ее репрезентативных возможностей.

Основной символический смысл придавался первой и главной из королевских регалий — короне. Ее происхождение имеет противоречивую историю. Что касается меровингского периода, то редкие источники оставили известий о наличии данного атрибута власти или о коронации Хлодвига и его потомков. Как известно, длинные белокурые волосы Меровингов подтверждали их принадлежность к правящему роду. Однако это вовсе не означает отсутствие какого-либо особого головного убора, обозначавшего их королевский статус.

Одно из первых упоминание о короне связано с воцарением Каролингов и попыткой Карла Великого возродить былую империю. Для выражения грандиозности подобного замысла трудно было найти лучший символ, чем Большая Императорская корона, которой и короновался Карл Великий в 800 г.¹² Хотя источники сообщают, что «...его увенчали диадемой...»¹³, которая, возможно, принадлежала Пипину Короткому, получившему ее из рук папы Стефана II в церкви Сен-Дени в 751 г.¹⁴, вопрос о наличии у Карла Великого короны, как главной регалии, не вызывает сомнений. Исследователи полагают, что форма короны была скопирована с византийского аналога¹⁵.

делить исследование С.К. Цатуровой. См.: Цатурова С.К. Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV—XV вв. // Карл Великий: реалии и мифы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2001. С. 189—209.

¹² Les Annales royales / Éd. F. Kurze // Scriptories rerum germanicarum. Paris, 1895. T. II. P. 4.

¹³ Eginhardt. Biographie de Charlemagne / Éd., trad. L. Le Halphen // Collection «Les classiques de l'histoire de France au Moyen Âge». Paris, 1965. Chap. XXVIII. P. 4.

¹⁴ Du Tillet J. Op. cit. P. 225. Здесь он ссылается на несохранившуюся «Хронику Сен-Дени», которая сообщает, что «...ей короновались несколько раз до него...», но эти данные невозможно проверить, тем более что они противоречат доказанному отсутствию практики церемонии *le sacre royal* до 751 г. На этот же факт указывает анналистика эпохи. См.: Annales des Lorsch / Éd. G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Series Rerum Germanicarum in usum scholarum. Berlin, 1955. Bd. II; Annales Vedastini / Ed. R. Ray // Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte. Zweiter Teil. Berlin, 1959. Bd. I; Regionis chronica et Annales Fuldenges / Ed. R. Ray // Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte. Dritter Teil. Berlin, 1960. Bd. VII. Hf. 3; Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.

¹⁵ Как указывал Э. Канторович, «по всей видимости, и в памятное рождественское утро 800 г. Карл Великий шествовал к собору Святого Петра с короной на голове и, возможно, снял ее, в соответствии с византийским обычаем, при входе в храм». См.: Kantorowicz E.H. Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship / Trans. by M.F. Bursosfer. Berkeley—Los-Angeles, 1946. P. 92.

Здесь будет уместно остановиться на форме короны Карла Великого. Если учитывать ее византийское происхождение, то, как указывает Ш. Беви, выполнена она была «...на манер восточных императоров с закрытым куполом и крестом на вершине»¹⁶. Реконструкция же, проведенная в наше время, показывает, что она «...имела форму обруча с двойным трилистником или цветком лилии»¹⁷. Но вся проблема заключается в доказательстве ее подлинности. К. Бон считает, что впервые корона Карла Великого письменно зафиксирована лишь при Филиппе VI и поэтому «...не может быть датирована раньше, чем второй половиной XIII в.»¹⁸. По мнению Э. Пиното, Большую Императорскую корону изготовили при Филиппе II Августе¹⁹. «Эта корона, состоящая из сочлененных пар вырезанных цветов лилии, украшенная большими рубинами, сапфирами и изумрудами»²⁰, — как детально описывает ее Н. Менан в главе «Королевские украшения и регалии», — исчезла в период религиозных войн, «...и короли XVII—XVIII вв. надевали древнюю корону королей, идентичную, но более легкую»²¹. Такое же заключение дает известный авторитет в данной области, как Д. Габори-Шопен. Принимая во внимание мнение как реставраторов, так и историков искусства, становится очевидным, что корона Карла Великого не только не дошла до наших дней в первоизданном виде, но и была утрачена еще потомками императора франков. Поэтому ее изначально византийская форма почти не сохранилась, а в широко известных миниатюрах «Больших Французских хроник» и *ordo* 1250 г. фигурирует форма трилистника или цветка лилии.

В описи сокровищницы аббатства Сен-Дени за 2 и 3 августа 1794 г., составленной комиссией генерала Моннэ, т.н. корона Карла Великого обозначена под № 102 со следующим описанием: «...14 и 15 Мессидора <...> № 102: двенадцать пакетов драгоценных камней приходится на большую золотую корону с зубцами в виде цветов лилии на высоких шарнирах <...>

№ 1. Один сапфир неправильной формы, огранен в форме каре, кабошон (природный драгоценный камень, не отшлифованный ювелиром — С.П.) сверху и снизу, прикреплен в шести местах, трижды снизу

¹⁶ *Bevy Ch. J. Op. cit. P. 78.*

¹⁷ *Ferey J. Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye // Musees et Monuments historiques. Octobre. 1979. № 104. P. 67.*

¹⁸ *Beaune C. Naissance. P. 114.*

¹⁹ *Pinoteau H. La tenue de sacre de Saint Louis IX, roi de France. Son arriere-plan symbolique et la "renovatio regni Juda" // Itinéraires. 1972, avril. № 162. P. 120—166; Idem. Les couronnes dites Charlemagne // Bulletin de la Société archéologique et historique et artistique du vieux papier. 1972. P. 305—399.*

²⁰ *Menin N. Op. cit. P. 225.*

²¹ *Gaborit-Chopin D. Histoire de Trésor // Le Trésor de Saint-Denis. Vol. 1. P. 67.*

и трижды сверху, хорошего цвета, весом в сто шестьдесят семь с половиной каратов.

2. Один сапфир огранен в прямоугольную форму, хорошего цвета, с двумя искрами внутри, весом в сто тридцать шесть каратов и три четверти.

3. Один сапфир овальной формы, хорошего цвета, с каплей воздуха внутри, весом в сто девять каратов.

4. Один сапфир овальной удлинённой формы, более прикрепленный, один раз просверлен насквозь, хорошего цвета, прикручен с одной стороны, весом в семьдесят семь каратов.

5. Тринадцать рубинов, один восьмиугольной формы, другие — различной формы, прекрасного цвета, все просверлены на полную длину, весом в двести шестьдесят каратов и пять восьмых.

6. Одиннадцать рубинов, из них один имеет форму удлинённого восьмиугольника, один — более правильную, два других отшлифованы снизу, пять других различной формы, кабошоны сверху, и еще четыре маленьких круглых просверлены насквозь, весом все вместе в сто пятнадцать каратов и три четверти.

7. Двенадцать изумрудов в форме призмы, из них два очень большие, а другие — разного размера, кабошоны, они просверлены, хорошего цвета, весом все вместе в сорок два карата и одну четверть.

8. Два осколка, найденные разбитыми в оправе, хорошего цвета и хорошо отшлифованы, весом все вместе в тридцать каратов и одну четверть.

9. Шестьдесят жемчужин хорошего (цвета) и круглой формы, весом все вместе — две связки в двадцать шесть бусин (тридцать один карат).

10. Пять сапфиров, один из которых в форме каре, два — круглые, остальные — каплевидные разной длины и просверленные насквозь, весом все вместе — две связки в двадцать шесть граней (более мелкая единица веса драгоценных камней, чем карат. — С.П.).

11. Два фиолетовых рубина прекрасного цвета, один прямоугольный, другой — овальный, причудливо ограненные внизу, весом в двадцать восемь каратов.

12. Двадцать девять неправильной формы рубинов — кабошонов, большие и поменьше, весом все вместе в двадцать восемь каратов и шесть восьмых.

13. Шесть неправильной с различными нюансами формы аметистов, весом в двадцать пять каратов и три восьмых.

14. Одиннадцать призматических изумрудов с различными нюансами формы, весом все вместе в двенадцать каратов и семь восьмых.

15. Двадцать два граната, все кабошоны различной величины, весом все вместе в двадцать семь каратов и семь восьмых.

16. Шестьдесят семь жемчужин различной величины, прекрасные на вид, весом все вместе — две связки в двадцать восемь бусин»²².

К сожалению, данный источник, несмотря на всю свою скрупулезность, не дает точной информации о форме короны и, самое главное, о размещении на ее ободе и зубцах камней, т.е. о декоре. Причина подобного «пробела» очевидна: правительство Конвента в большей степени интересовала ценность камней, уместившихся в 12 «пакетах» для нужд Революции. Однако описанная корона Карла Великого является полной копией утраченного оригинала, и у нас есть некоторые основания полагать, что именно ей короновались французские монархи.

Корононошение в подражание императорам Восточной Римской империи сохранилось у потомков и правопреемников Карла Великого. Поэтому считается, что Карл Лысый носил корону с прикрепленной шелковой вуалью — *epirription*, скопированную с византийского образца. Так, именно ее возлагает на голову императора папа Лев III на широко известной миниатюре «Больших Французских хроник».

Для уточнения формы *epirription* следовало бы обратиться к ее описанию в документах аббатства Сен-Дени, однако архивная запись от 1625 г. сообщает, что «...император и король Франции святой Карл Великий носил очень богатую золотую императорскую корону, во множестве украшенную драгоценными камнями <...> Карл Лысый, император и король Франции, носил золотую корону, с четырьмя зубцами, украшенную огромными кабошонами, большими и исключительными по красоте изумрудами, прекраснейшими сапфирами, превосходными рубинами и очень красивым восточным жемчугом, для которого была создана богатая оправа. Король Иоанн (Иоанн II Добрый. — С.П.) носил в короне один великолепный большой кабошон огромной ценности, который, по его желанию, должен был охранять и украшать цветы лилии. Сия богатая корона, которая служит для коронации всех королей Франции, начиная с Карла Лысого до Генриха Великого (Генриха IV Бурбона. — С.П.), была захвачена подлой Лигой, которая, к несчастью, пошла войной против Его Величества <...>. Ее золото было переплавлено, а многочисленные драгоценные камни разворованы большим числом разных лиц, поднявших руку на Господа и апостола Франции Святого Дионисия»²³. Оставляя за рамками анализа политическую подоплеку

²² État des pierreries provenant du trésor de Saint-Denis. P. 9. После Французской революции, в горниле которой были переплавлены почти все знаки королевского достоинства, пришедший к власти Наполеон Бонапарт распорядился восстановить их для своего императорского посвящения. Людовик XVIII приказал их уничтожить и создать новые, но также по старым образцам. См.: Pinoteau H. Les insignes. P. 77—78.

²³ Document No XXIII. 1625 // Le Trésor de Saint-Denis. Vol. 2. P. 4.

событий периода правления Генриха IV и Людовика XIII, можно с уверенностью сказать, что данное описание не соответствует византийской форме короны Карла Лысого. Возможно, необходимо сделать скидку на позднюю дату его написания, поскольку к началу XVII в. сведения о первоначальной форме короны могли быть уже утрачены. Что касается иконографии Карла Великого, то она изобилует различными, зачастую фантастическими формами короны: от, как он виделся живописцам, венца новозаветного волхва до эклектики (когда корона французских королей в виде цветов лилии на зубцах имеет наверх, присущие императорским коронам Священной Римской империи).

Факт же ношения Карлом Лысым *epirription*, как указывает Э. Канторович, раздражал современников, воспринимавших это как знак того, что «он (Карл. — С.П.) презирал обычаи франкских королей и выше ценил греческие»²⁴. Однако в действительности складывается типично франкская форма короны, о которой Ш. Беви отзывается следующим образом: «Видно, что это — форма обруча с возвышениями в виде одного или нескольких трилистников <...> или с возвышением в виде копья с зубцами, которые получили название “цветы лилии”»²⁵. Как упоминалось выше, именно такую форму имела т.н. корона Карла Великого и в подражание ей впоследствии изготавливались короны для других монархов.

Среди них наибольшую известность приобрела «корона Людовика Святого», которая датируется историками искусства первой половиной XIII в., на основании чего ими сделано заключение о возможной ее подлинности²⁶. Следовательно, она могла быть изготовлена по распоряжению Людовика IX. Примечательно, что, имея типичную форму венца, она была средоточием сакральных смыслов. Данная корона — реликварий, в нее вправлен шип из тернового венца Спасителя, купленного после долгих переговоров с императором Константинополя Балдуином II и привезенного во Францию в 1239 г.²⁷ Она известна под именем «Святой короны» или «Святого венца», имеет очень высокий венец «...с одним лепестком трилистника с вправленным в него огромным камнем, и четыре резных цветка, слегка обозначенных», — пишет Ш. Беви²⁸. Но вот как описывает ее «Инвентарная книга 1634 г.» аббатства Сен-Дени под № 205: «Золотая корона, прозванная “святой короной”» с четырьмя зубцами в виде цветов, в одном из которых имеется Шип Господа нашего, сия корона богато украшена драгоценными камнями и особенно выделяется один большой кру-

²⁴ Kantorowicz E.H. Op. cit. P. 92.

²⁵ Bevy Ch.J. Op. cit. P. 75.

²⁶ Gaborit-Chopin D. Op. cit. P. 72.

²⁷ См. подробнее: Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой, комм. Д.Э. Харитоновича. М., 2001. С. 111—116.

²⁸ Bevy Ch.J. Op. cit. P. 75.

тый и прекрасного цвета кабошон, просверленный по всей длине и имеющий тяжесть в триста каратов, стоимостью в двадцать миллионов ливров. Сия корона оценена на общую сумму тридцать миллионов шестьсот десять ливров, один су — 30610»²⁹. Таким образом, описания Ш. Беви не противоречат беспристрастному тону описи, что еще раз доказывает ценность источников XVI—XVIII вв., выполненных в этом жанре.

Представление об остальных драгоценностях, украшавших «Святую корону», вновь дает опись комиссии генерала Моннэ: «Описано 7 флореля и позже (26 апреля по дореволюционному календарю. — С.П.). 13 пакетов с двумя золотыми коронами, одна из которых — с четырьмя зубцами, а другая, с реликвией, украшена жемчугом». Во втором случае речь, безусловно, идет о «Святой короне», которая была украшена следующими драгоценностями:

«1. Пять рубинов, просверленных по всей длине, один из которых вытянутой, четыре других — неправильной формы грубые кабошоны, весом все вместе в двести шестнадцать каратов.

2. Одиннадцать рубинов плохого цвета, пять из них огранены в форме каре, а шесть прочих — грубые кабошоны без отверстий, весом все вместе в двести восемьдесят три карата.

3. Три сапфира, просверленные по всей длине, два овальной и один — треугольной формы, весом все вместе в сто восемьдесят каратов.

4. Тринадцать сапфиров прекрасного цвета, из них три имеют форму восьмиугольника, шесть — каре, два — овальные, один — каре с закругленными концами, и один — треугольный, весом все вместе в сорок пятьдесят каратов.

5. Тринадцать изумрудов, одиннадцать — в форме каре, один — подвески, и еще один — восьмиугольный, весом все вместе в шестьдесят каратов.

²⁹ Inventaire de 1634. P. 70. Дополнительным источником, сообщающем о внешнем виде «Святой короны», может служить ряд миниатюр *ordo* 1250 г., а также данные нумизматики: аверсы малого королевского золотого ассиза Филиппа IV Красивого, золотой монеты Людовика X и Филиппа VI. Кроме того, на основании сопоставления миниатюр, изображающих въезд Людовика IX в Антиохию и в Неаполь, можно прийти к выводу о преемственности формы «Святой короны» в последующем, т.к. ее изображение содержит иконография всех французских монархов, а также сфрагистический материал, имеющий, как известно, максимально достоверный характер. Печати французских королей XI—XII вв. (Генриха I, Людовика VII, Филиппа II Августа) отображают еще неясную, скорее схематическую форму короны, в то время как печать регентства Людовика IX четко фиксирует внешний вид «Святой короны», подтверждая данные приведенных выше документов: зубцы с навершиями в виде цветов лилии, широкий обруч, просматривается даже огранка драгоценных камней. Примечательно, что на печатях королей XIII—XIV вв. (Филиппа IV, Иоанна II и Карла V) запечатлена та же форма короны, ставшая, таким образом, традиционной. В подражание ей изготовлялись все короны, впоследствии хранившиеся в Сен-Дени.

6. Один большой и прекрасный сирийский гранат, просверленный по всей длине, в форме подвески, вправленный (т.е. находящийся в глубокой, на всю толщину камня, оправе. — С.П.) и прозрачного цвета, весом в двести семьдесят каратов и две четверти. Он закрывает собой Святой Шип.

7. Шесть других гранатов, все кабошоны, просверлены, из них четыре имеют форму овала, два — вычурную форму, один — в виде удлиненного книзу гильошинированного (т.е. украшенного гранями в виде сложного узора пересекающихся под разным углом линий. — С.П.) овала, весом все вместе в сто сорок каратов и одну четверть.

8. Одиннадцать обрывков от пяти лопнувших нитей жемчуга в оправе, один сапфир в форме каре с одной стороны, кабошон, тусклого цвета, весом в двести тридцать каратов и две четверти.

9. Еще один сапфир в форме треугольника прекрасного цвета, кабошон, весом в семьдесят шесть каратов.

10. Шесть сапфиров, просверленных по всей длине, два — в форме подвески, два — овальные и два — в виде вытянутого треугольника; из них три — хорошего цвета, весом все вместе в четыреста сорок каратов.

11. Четыре маленьких желтых топаза, два из них — овальной формы, один — в виде удлиненного каре и еще один — восьмиугольник, все надтреснутые, весом все вместе в шестьдесят четыре карата.

12. Четырнадцать изумрудов и лучшие из них — три отшлифованных, весом все вместе в семьдесят каратов, восемь — отшлифованных из лопнувших нитей в оправе.

13. Двести одна жемчужина и шесть наполовину отломанных в нижней части, весом все вместе в одну унцию шесть сантимов шестьдесят шесть граней»³⁰.

Если корона Карла Великого являлась символом власти светского владыки, наследника великой империи, то «корона Людовика Святого» демонстрировала наличие у светского монарха священной власти. Подобно тому как аббатства, монастыри и отдельные высокопоставленные лица духовного сана хранили те или иные реликвии в дароносицах и реликвариях, так и монарх, увенчавшись короной с символом Страстей Христовых, становился его живым носителем. «Корона Людовика Святого», благодаря заключенной в ней реликвии (вопрос ее подлинности в данном случае непринципиален), сама по себе представляла священный предмет. Как знак королевской власти, она приобретала еще большую ценность, поскольку придавала носящему ее монарху сакральный ореол. Корона одновременно выступала как амулет и символ сакральной функции королевской власти. Неудивительно, что, несмотря на весь престиж

³⁰ État des pierreries provenant du trésor de Saint-Denis. P. 8—9, 372.

короны Карла Великого как таковой, монархи короновались и «коронай Людовика Святого». Так поступили Иоанн II и Карл VII, которые, вопреки претензиям королей Англии, подтвердили свое происхождение от Людовика Святого, но короли конца XV—начала XVI в. в силу растущих политических амбиций предпочли вернуться к авторитету императора франков, и корона Карла Великого со временем восторжествовала над «коронай Людовика Святого». В самом деле, растущие претензии монархии распространялись и на оценку королевских регалий. Но на том этапе, когда сакрализация королевской символики достигла своей кульминации (она приходится на правление Людовика IX), «Святая корона» явилась символом всехристианнейшего короля и стала внешним выражением складывавшегося в этот период королевского культа.

Следствием растущего влияния королевской власти в обществе стало наделение монарха рядом репрезентативных прерогатив, в том числе публичного корононошения, практика которого складывалась постепенно, но окончательно оформилась во второй половине X в.³¹ Разумеется, для придания своему появлению бóльшей торжественности, король должен был носить корону в особых случаях. К их разряду не причислялись многочисленные светские мероприятия: на них монарх обходился т.н. «повседневной» короной, более легкой и удобной с практической точки зрения, и менее священной, исходя из понимания сакральности монарших регалий, поскольку она не использовалась в инаугурационной церемонии и не содержала реликвий. Корононошение являлось обязательным в дни основных христианских праздников: Рождества, Пасхи и Троицы. По аналогии с клиром, облачавшимся в эти дни в мантии и митры, светский зладыка выступал в подлинно сакральной короне (для этого ее специально доставляли из Сен-Дени) как знаке королевской власти. Корононошение было призвано показать всю силу и подлинность суверенитета монархии. Следовательно, в X—XI вв. корона уже не являлась только выделяющим короля символом, который государь мог надевать или снимать по своему усмотрению. Королю, теоретически, не дозволялось самостоятельно облачаться в знаки своего достоинства — в силу того, что в ходе инаугурации они вручались Церковью, и впоследствии право воз-

³¹ По мнению Э. Канторовича, она восходит к византийскому обычаю, укоренившемуся на западе Европы «...со времен позднейших Каролингов». См.: *Kantorowicz E.H.* Op. cit. P. 92. Данная точка зрения разделяется целым рядом авторов. См.: *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // *Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура*: Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 33—42; *Nelson J.L.* Symbols in Context: Rulers Inauguration Ritual, in *Byzantium and the West in the Early Middle Ages* // *Studies in Church History*. 1976. № 13. P. 97—119; *Jackson R.A.* De l'influence byzantin sur les sacres des rois de France // *Byzantion*. 1981. № 5. P. 201—210.

ложить корону на голову монарха во время праздничных богослужений оставалось привилегией либо епископа, в пределах чьей епархии располагалась церковь, либо личного духовника государя, который также являлся священнослужителем высокого ранга³².

Такого рода ритуал оказался связанным с повторным возложением короны и получил особое название — рекоронация. Совершаемая в ходе литургии в дни Рождества, Пасхи и Троицы, она с середины X в. стала традиционной и формально инсценировала ритуал коронации в церемонии *le sacre royal*. Фактически же, каждое возложение короны епископом на голову монарха за рамками церемонии в Реймском соборе подтверждало ее, хотя и достаточно упрощенно. Так, отсутствовал ритуал помазания, поскольку совершался над монархом только однажды и не проводились процедуры, связанные с вызовом пэров, их коллективным прикосновением к короне и т.д.³³ Рекоронация ограничивалась только публичным возложением лежащей на алтаре короны на голову монарха в ходе литургии³⁴. Если обратить внимание на тот

³² Напомним, что речь идет о редких, случающихся только трижды в год богослужениях, связанных с основными вехами христианского календаря. В этом случае инаугурационная корона (какая не была бы избрана из имеющегося арсенала) вручалась монарху публично, непосредственно во время литургии. Порядок богослужения и проводящий его священник не могли быть случайными лицами, даже если дата Рождества, Пасхи или Троицы заставала короля в пути. Во всех прочих случаях корона, задействованная при инаугурации, практически не использовалась.

³³ Ритуал коронации во время церемонии *le sacre royal* является объектом изучения ряда специалистов. См.: *Bautier R.-H. Sacres et couronnements sous les Carolingiens et les premiers Capétiens // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France 1987. 1989. P. 7—56; Bouman C.A. Sacring and Crowning: The Development of the Latin Ritual for the Anointing of the Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century. Groningen-Djakarta, 1957; Brown E.A.R. "Franks, Burgundians and Aquitanias" and the Royal Coronation Ceremony in France // Transactions of the American Philosophical Society. Berkeley, 1992. Vol. 82. Part. 7; Le sacre des rois. Actes du Colloque internationale d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. Reims, 1975; Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed J.M. Bak. Toronto, 1990; O'Meara C.F. Monarchy and Consent. London, 2001. Также отсылаем читателя к § 1 главы I настоящего труда*

³⁴ Порядок рекоронации описан в собрании церковных рукописей, редактором которых выступил В. Лероке, а также в серии коронационных *ordines*, опубликованной Р. Джексоном. См.: *Les sacramentaires et les missels manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1924. T. 1—3; Bibliothèques publiques: les breviaires manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1934; Les pontificaux manuscrits des pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd V. Leroquais. Paris, 1937. Vol. II; Ordines coronationis Franciae. См. посвященное им исследование Ш. Бобрыцки: *Bobrycki Sh. The Royal Consecration Ordines of the Pontifical of Sens From a New Perspective // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre. 2009. № 13. P. 131—142.**

факт, что *ordines* требовали от монарха соблюдения поста и исповедования перед церемонией, резонно допустить — некоторые монархи придерживались такого предписания и перед надеванием короны. Те же правила действовали в отношении священников, готовившихся к посвящению в сан. Связанная с днями основных христианских праздников практика рекоронации всегда подразумевала предшествующий им пост, что только усиливало торжественность ритуала и авторитет короля. В этом свете становится очевидным, что, несмотря на редкое ношение короны последними Каролингами и Капетингами до второй половины XIII в., акценты в ритуалах короношения и рекоронации постепенно разделялись на более светский, если публичное появление облаченного в корону монарха было связано с его властными полномочиями, и более сакральный, если в ходе рекоронации на первый план выступала именно священная функция монархии. Одновременное увеличение количества ритуалов, связанных со светскими прерогативами королевской власти в церемонии *le sacre royal*, зафиксированное с этого периода (особенно в *ordines* эпохи Людовика IX), привело к своеобразному равенству полномочий светской и духовной властей в сложном сплетении ритуалов, составляющих инаугурационный протокол.

Тенденция такого рода прослеживается и по отношению к королевской мантии. Тождественность ее с мантией епископа, дьякона, кардинала и самого папы очевидна. «Королю надевают мантию, которая крепится на правом плече аграфом; чтобы руки оставались свободными, мантия перекидывается через левый локоть»³⁵, — указывает Ш. Беви. В том же положении располагается на священниках указанных категорий во время мессы риза — доходящая до колен священника накидка, символизирующая тяжесть Христовой ноши, перекаладываемой церковнослужителем на себя. Поэтому, по замечанию Ж. Ле Гоффа, «во время своего посвящения король стоит почти как дьякон <...> или епископ»³⁶.

Следовательно, ношение короны и мантии совпадало во времени, т.е. происходило в дни главных христианских праздников, равно как и рекоронации королей епископами во время литургии в честь Рождества, Пасхи и Троицы. Совместное проведение церковных торжеств и реко-

³⁵ *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 74.

³⁶ *Le Goff J.* Aspects religieux et sacrés de la monarchie française du Xe au XIIIe siècle // *La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont*, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 21. Миниатюры *ordo* 1250 г., изображения королей на печатях и монетах подтверждают данные Ш. Беви о способе надевания и ношения мантии. Статуя Людовика IX в аббатстве Сен-Дени также может служить доказательством: мантия короля застегнута на правом плече и переброшена через предплечье и локоть левой руки. Таковы же фигуры королей на печатях и монетах.

ронаций не отделяло, а тесно переплетало их друг с другом. Постепенно наметилось сочетание праздничных корононошений и праздничных посвящений. Начало данного процесса прослеживается еще со времени коронации Карла Великого в Риме на Рождество. В аналогичный праздничный день 876 г. был посвящен как император Запада Карл Лысый; в 987 г. — Роберт Благочестивый. На день празднования Троицы была назначена церемония *le sacre royal*: Людовика V — 8 июня ок. 986 г., Гуго Капетта — 3 июля 987 г., Гуго II — 9 июня 1017 г., Генриха I — 14 мая 1027 г., Филиппа I — 29 мая 1328 г., Карла V — 19 мая 1364 г.³⁷ Укрепление подобной традиции привело к расширению перечня празднеств, к которым монархи старались приурочить день своего посвящения. Поскольку период междуцарствования не мог быть слишком большим, то триада «Рождество — Пасха — Троица», приходившаяся на зиму и весну, не отвечала растущим запросам монархии во властной практике, которая должна была реализовываться повсеместно.

Поэтому с первой половины XII в. мы наблюдаем следующие торжественные даты церемонии *le sacre royal*: День Всех Святых стал датой посвящения для Филиппа II Августа в 1179 г. и Карла V в 1380 г.; праздник Успения — для Людовика XI в 1461 г.; день Св. Андрея — для Людовика IX в 1226 г.³⁸ Достаточно смелым будет утверждение о непреложности назначения церемонии в день церковного праздника, поскольку механизм назначения даты *le sacre royal* отличался известной подвижностью, обусловленной серией политических, социальных, а подчас и сугубо субъективных причин и предлогов. Если христианский календарь не мог предложить праздничных дней в нужный для монархов момент, то церемонию старались назначить на воскресные дни и тем самым, подчеркнуть исключительность события.

Однако символизм дат совершения королевского посвящения — очевиден. Такая связь с духовным календарем обозначала, в первую очередь, место Церкви и роль христианского мировоззрения, но и все возрастающий уровень политических амбиций королевской власти во Франции указанного периода. Исходя из этой логики, становится оче-

³⁷ Отсылаем читателя к хронологической таблице королевских посвящений французских монархов, помещенной после § 2 «Французский монарх, Церковь и Двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения» главы II данной монографии.

³⁸ *Du Tillet J.* Op. cit. P. 101, 223, 236. Если продолжить перечень совпадений дат христианского календаря с королевским посвящением, то Успение Богородицы (15 августа) было назначено днем инаугурационной церемонии Филиппа III Смелого в 1271 г. и Людовика XI в 1461 г., Троица — Филиппа VI (29 мая 1328 г.) и Карла V Мудрого (19 мая 1364 г.), Вознесение Господне — Карла IX (15 мая 1561 г.), день св. Анны — Генриха II (26 июля 1547 г.). См.: § 2. «Французский монарх, Церковь и Двор...».

видной причина распространения не только ритуала короношения и манеры монархов надевать мантию по образцу священнослужителей, но и праздничных рекоронаций. Они совершались как в указанные дни главной триады христианских праздников, так и во время вступления короля в брак и коронации королевы. Самым ранним примером подобного рода, согласно описанию Ш. Беви, можно считать 886 г., когда Карл Лысый и королева Эрментруда короновались в г. Суассоне. Впоследствии французская традиция сформировалась таким образом, что ритуал коронации королей проходил отдельно, и ему обязательно предшествовала праздничная рекоронация монарха³⁹. Перипетии личной жизни французских государей складывались так, что многие из них вступали в брак несколько раз за свою жизнь, и тогда рекоронация по причине инаугурации новой августейшей супруги становилась довольно частым явлением. Она не только увеличивала степень торжественности, присущей церковному празднику, ритуалам венчания и посвящения королевы, но являлась «духовно законным актом, который хоть и не придавал нового статуса королю, но на понятном тогда языке символов выставлял его как безусловного правителя своих подданных»⁴⁰.

Рекоронация давала монарху возможность быть увиденным как можно бóльшим числом его подданных, поскольку церемония *le sacre royal* в силу как своей элитарности, так и ограниченных возможностей площади собора была закрытой для массового доступа. Праздничные дни церковного календаря усиливали в коллективном сознании собравшихся представления о сакральной природе королевской власти, торжественные рекоронации позволяли монарху появляться в короне как регалии, символизм которой определялся коронационной формулой, составленной Хинкмаром Реймским. В главе своего трактата, описывающей процедуру *le sacre royal*, Ш. Беви приводит гимн, исполняемый хором при ритуале коронации: «Господь короновал тебя славной и справедливой короной; благословенный елей пролился на тебя до скончания века; незыблемость твоей веры возвысит тебя до бессмертной жизни, чтобы править на небесах вместе с Ним, как ты правишь на земле волей Господа нашего Иисуса Христа»⁴¹.

³⁹ *Bevy Ch.J. Op. cit. P. 97.*

⁴⁰ Так, в Англии королева короновалась сразу же вслед за таинством венчания. Во Франции подобный порядок стал применяться только с 1610 г. См.: *Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985 P. 9.* Церемония коронации французских королей не является предметом нашего исследования, поэтому следует отметить только тот факт, что, несмотря на вручение государыне знаков власти (короны, скипетра мантии), помазания над ней не совершалось. См.: *Bevy Ch.J. Op. cit. P. 384—410.*

⁴¹ *Ibid. P. 67—68.*

Параллель, проводимая между монархом и Христом, земным королем и Царем Небесным, имевшая место еще в *ordines* Хинкмара и *ordo* Фулрада, крепнет именно в период правления Людовика Святого. Подтверждением тому является его «Святая корона» с хранящейся в ней реликвией, которая стала символом не только светской власти, но и подражания призванию короля — избранника свыше — «царственному служению» Иисуса Христа, Сына Божьего. «Корона Людовика Святого», будучи сама предметом культа, возлагаемая на голову короля в указанных выше случаях, придавала его персоне харизматические черты. Достижение имитации усиливалось непосредственно в момент коронации, в ходе т.н. ритуала прикосновения к короне, когда двенадцать пэров окружали монарха, словно двенадцать апостолов⁴². Возведение государя на трон вполне может ассоциироваться с Вознесением Господним. Но если попытки короля подражать Иисусу Христу строго регламентировались текстами *ordines* и, хотя это не противоречило августиновской онтологии, никогда не возводились в абсолют, то духовное родство франкских и ветхозаветных правителей повсеместно признавалось авторами протоколов. Более того, литургия церемонии *le sacre royal* содержит молитвы, где подобная имитация преподносится в виде рекомендаций.

Вот одна из них: «Господь всемогущий, Владыка неба и земли, Создатель и Творец ангелов и людей, Царь царей, Сеньор сеньоров, которому выражают свою преданность Авраам — победитель врагов своих одержавший множество побед, Моисей и Илия, избравшие Тебя владыкой народа своего! Ты, избравший царем Давида, своего верного слугу <...>, наградивший мудростью и миром Соломона, услышь нашу смиренную молитву и прими преданность слуги своего (имя), которого мы избрали с благочестием и милосердием управлять нашим королевством. Пусть Твоя всемогущая длань всегда будет простерта над ним, дабы преданность его была той же, что и у Авраама, чтобы он обладал кротостью Моисея, силой Илии, мощью Давида, мудростью Соломона, не утерял своего могущества...»⁴³.

Желание авторов *ordines* видеть своего монарха, осененного добродетелями ветхозаветных царей и пророков, понятно, поскольку демонстрирует достойные образцы для подражания, санкционированные христианской традицией. Апелляция к героям Ветхого Завета, помимо прочего, заставляла королей в полной мере осознать не-

⁴² «Когда созыв (пэров. — С.П.) совершен, — предписывает *ordo* 1250 г., — <...> архиепископ Реймский <...> берет с алтаря корону <...> держит ее над головой короля, не надевая. Тотчас же другие пэры, как церковные, так и светские, протягивают руки, чтобы поддержать ее» // *Ordo* 1250. P. 53.

⁴³ *Ibid.* P. 207—208.

посредственно светское предназначение своих потестарных функций. С одной стороны, помазанный как Саул или Давид, французский монарх приобщался к сакральной традиции власти, а с другой, — это не придавало ему никаких божественных, сверхъестественных функций. В этом отношении договорная основа церемонии *le sacre royal* оставалась неизменной: ветхозаветная модель не связывала происхождение и власть монарха с его обожествлением, опасность чего была налицо при непосредственном отождествлении с Христом, расцениваясь Святым Престолом как богохульство. Поэтому предпочтение отдавалось первым коронованным помазанникам, причем на том основании, что «жрец Садок и пророк Натан помазали царя Соломона в Иерусалиме <...>, — как продолжает приведенная Ш. Беви молитва, — и Господь посвящает этого короля, как посвятил пророков, священников и царей Израиля...»⁴⁴. Подобное родство, несомненно, придавало монарху величие, но не «...святость божественного предназначения»⁴⁵, что позволило Ж. Ревелю назвать Ветхий Завет «лицом», т.е. примером для подражания французской монархии⁴⁶. Примером настолько перво-степенным, что, как он отмечает, библейские пророки и цари, коим должно было подражать французским монархам, подчас полностью превалировали над образом Христа как Царя Небесного, и потому мало отождествляемого с земной властью⁴⁷.

Наиболее характерный в этом отношении источник — гимн, исполнявшийся хором на посвящении Эда 28 февраля 888 г. в г. Меце. К сожалению, П. Шрамм, опубликовавший данный документ, «вырвал» его из контекста совершавшейся церемонии. Он привлекает внимание вне

⁴⁴ Ibid. P. 210.

⁴⁵ *Le Goff J. Aspects religieux et sacrés de la monarchie française du Xe au XIIIe siècle // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 21.* Миниатюры *ordo* 1250 г., изображения королей на печатях и монетах подтверждают данные Ш. Беви о способе надевания и ношения мантии. Статуя Людовика IX в аббатстве Сен-Дени так же может служить доказательством: мантия короля застегнута на правом плече и переброшена через предплечье и локоть левой руки. Таковы же фигуры королей на печатях и монетах.

⁴⁶ *Revel J. Op. cit. P. 11.*

⁴⁷ Ж. Ревель определяет период правления Капетингов как ориентированный на заимствование символики и генеалогии ветхозаветных царей. Особенно ярко данная тенденция выражена в произведениях готического искусства, витражах соборов, «...где древние цари Израиля и Иудеи выступают как предшественники <...> королей Франции» и скульптурах, поскольку «...известно, что в Реймсе, например, специалисты не различают образы королевских статуй (имеется в виду т.н. «галерея королей», украшающая второй ярус западного фасада собора. — С.П.), спрашивая себя: это библейские цари или короли Франции?». См.: Ibid. P. 12.

зависимости от первоначального протокола *le sacre royal*, т.к. является самым ярким свидетельством ориентации Церкви на ветхозаветных героев и, отчасти, — признания авторитета правителей и полководцев Античности для восхваления добродетелей монарха.

«1. Да здравствует государь возвышенный, принц всемогущий, своим единоличным правлением сохраняющий императорское величие.

2. Твой священный крест — твои обязанности, твоя сила — в благой защите (подданных. — С.П.), твое имя под священным покровительством, и подчинено высшей цели.

3. Будь достоин Господа как Авель, верен ему как Самуил, справедлив как Даниил, и надежен как Натан⁴⁸.

4. Долговечным будь как Енох, миротворцем как Садок, благочестив как Иаков, упорен как Иов.

5. Будь непреклонен как Авраам, благословен как Валаам, могуч как Геровоам, созидателен как Иотам⁴⁹.

6. Будь разумен как Соломон, крепок будь как Самсон, благороден как Аввакум и осмотрителен будь как Гедеон⁵⁰.

⁴⁸ Даниил — один из четырех «великих пророков» Израиля. «Справедливым» гимн именуется его за знаменитое толкование сна Навуходоносора (Дан. 2).

Натан (Нафан) — пророк, современник Давида и Соломона. Его «надежность» отражена в обличении Давида в прелюбодеянии (2 Цар.12:9) и содействии возведения на трон Соломона (3 Цар.1:10—38).

⁴⁹ Валаам — месопотамский прорицатель, предсказал великое будущее Израиля, из народа которого взойдет звезда, которая затмит всякое земное величие, т.е. Мессия (Чис. 22—24; 31:8).

Героваам (или Роваам, букв. «распространитель народа») — сын и преемник Соломона, вступивший на Иудейский престол на 41-м году жизни и правящий 17 лет. В результате предпринятой им попытки продолжить политику отца, 10 колен, кроме Вениаминова и Иудина, отказались ему повиноваться (3 Цар. 14:2; 3 Цар. 12:1—24; 2 Пар. 12:15). Возможно, поскольку в оригинале указано *Geroboam*, речь может идти и о Иеровоаме II, израильском царе, который в ходе войн с сирийцами, моавитянами и аммонитянами восстановил границы Израиля до Евфрата и Мертвого моря (IV Цар. XIV:23—29). Царствование Иеровоама II продолжалось 41 год и знаменовало собой расцвет государства, хотя и порицалось пророками Осией и Амосом (Ам. VII: 9—11).

Царь Иотам (Иофам) — младший сын судьи Гедеона, один спасшийся от избиения своего сводного брата Авимелеха, который уничтожил всех прочих своих братьев и сам провозгласил себя царем в Сихеме (Суд. 9:5). Правление его было беспокойным, поскольку Иотам вел крупную войну с аммонитянами, которых победил и стал брать с них дань (2 Пар. 27:5).

⁵⁰ Гедеон — прозвище выборного вождя колен Эфраима и Менаше (букв. «каменотес»), 7-й судья израильский. Победитель кочевников (мадианитян и амалекитян), воевавший не силой оружия, а с помощью Бога. За разрушение ваалова жертвенника получил прозвище «Иероваал» («противник Ваала») (Суд. VI, 32). В библейской традиции — символ преданной веры, осторожности и справедливой мудрости (Суд. 8, 23).

7. Монархом будь как Юлий, пусть Господь удостоит тебя славой, как Давида — кроткого миротворца, и Иуду — могучего победителя⁵¹.

8. Как Александр всегда воином будь достойным, беспощадным к врагу, подобно обвиняющему Помпею⁵².

9. Мы славим стихами, в красках воспеваем, того, кто своих врагов извергнет прочь, как сикеру⁵³.

10. Благословенна Галлия, благословенна и Бургундия, Счастливы под твоим правлением Гаскония и Тевтония»⁵⁴.

Тем не менее, отталкиваясь от *ordo* Фулрада, являющегося для них основой, капетингские *ordines* не «злоупотребляют» сравнением монарха с Христом, даже когда он приводится в пример как помазанник Божий, Царь Небесный, Царь царей и т.п. Даже булла Бонифация VIII, канонизирующая Людовика IX, называет новообращенного святого Соломоном и Иосифом, но не Христом⁵⁵. Таким образом, тексты *ordines* не дают оснований утверждать тождество короля и Христа, вероятно потому, что это противоречило самой букве христианской догматики, и Церковь, создающая регламент *le sacre royal*, не могла подобного допустить, ограничившись ветхозаветными примерами. И все же сакральность королевской власти достигает в середине XIII в. своего апогея благодаря созданию «Святой короны».

Вместе с тем, упорядочение церемонии *le sacre royal*, предпринятое в капетингских *ordines*, окончательно сформировало восприятие регалий королевской власти, прежде всего, — короны, как сакральных символов. Семантически корона как бы выделяла монарха из всего светского мира, провозглашала его избранность и предназначение в качестве христианнейшего государя. Благодаря этому возникла четкая грань между религиозным и светским уровнями власти. Король, чье божественное помазание совершалось Церковью, трансформировался в

Аввакум — один из «малых» израильских пророков, автор краткой, всего из трех глав, книги, где он выражает свое благоговение перед могуществом Бога, защищающего народ Израиля от халдеев (Ав.3).

¹ Иуда Маккавей (т.е. «Молот против врагов») — третий сын священника Маттафии, один из братьев-военачальников, героев восстания против Антиоха Сирийского (Мак. II. 4—66).

² Имеются в виду Александр Македонский и Помпей Великий, соратник Суллы. Последний назван «обвиняющим», поскольку неоднократно выступал против ряда мятежей.

³ Сикера — пенящийся алкогольный напиток, широко употребляющийся в Западной Римской империи и ранневарварских королевствах.

⁴ Weltlicher Festgesang zum Krönungsmahl König Odos // Schramm P.E. Kaiser, Könige und Päpste. Bd. II. S. 214—215.

⁵ Le Goff J. Aspects religieux et sacrés. P. 23.

нового Давида, стал главой христианского мира, не впадая при этом в крайности цезаре-папизма. По этой причине ритуал короношения, потенциально несущий в себе символическое отождествление короля со Спасителем, особенно если на него возлагалась «Святая корона», в конце XIII в. исчезает⁵⁶. Претензии королевской власти, начавшие было при жизни Людовика IX набирать сакральный авторитет, в значительной степени уменьшились, и хрупкое равновесие в вопросе о приоритете духовной и светской властей отчасти восстановилось. Корона как символ королевского могущества не приобрела сакральной семантики, хотя сама по себе, она была окружена ореолом сакральности (особенно в случае с «коронай Людовика Святого»).

Следующей по степени важности королевской регалией после короны является меч. Необходимо отметить, что в отличие от короны и мантии его сакральный статус в меньшей степени угрожал авторитету Церкви, поэтому столь противоречивых тенденций, связанных с его символикой, мы не наблюдаем⁵⁷. Данное утверждение противоречит приводимым ниже сведениям о духовном значении меча, т.к. именно в XII—XIII вв. приобрело известность учение о мече светском — светской власти, и духовном — Церкви.

Меч как символ силы и, одновременно, знак принадлежности к военному сословию сохранил подобное толкование. По мнению Н. Менана, «...это тот меч, который Карл Великий получил от папы Льва III, называемый мечом Святого Петра, но чаще его зовут “Верный” или *Joyeuse* («Радостный». — С.П.), поскольку он не разит в дни празднеств. Эфес, гарда и глубокие ножны его сделаны из массивного золота, богато инкрустированного». «Инвентарная книга 1634 г.» указывает меч Карла Великого под № 32 и дает столь же простое, но не противоречащее трактату Н. Менана, описание его внешнего вида. «Меч, лезвие и гарда которого из золота, а глубокие ножны украшены драгоценными камнями: рубинами и бриллиантами с прекрасным восточным жемчугом».⁵⁸ Как и корона Карла Великого, меч *Joyeuse* приписывался основателю империи с XIII столетия. «Ношение меча *Joyeuse* засвидетельствовано в 1271 г.

⁵⁶ *Kantorowicz E.H.* Op. cit. P. 101.

⁵⁷ Символической роли коронационного меча посвящено не столь много исследований, среди которых следует выделить статью Ю.Е. Арнаутовой об институте инвеституры, в том числе ее ритуальной практике, в ходе которой меч выступал в качестве светской регалии (*Арнаутова Ю.Е.* Инвеститура в церкви: идея, практика, значение // Средние века. М., 2011. Вып. 71 (1—2). С. 22—59), и работу Оливье Бузи, изучающего воинские аспекты монархической символики (*Bouzy O.* Les armes symboles d'un pouvoir politique: l'épée du sacre, la Sainte Lance, l'Oriflamme, aux VIIIe—XIIe siècles // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1995. Vol. 22/1. P. 45—58.

⁵⁸ *Menin N.* Op. cit. P. 226; Inventaire de 1634. P. 45.

накануне правления Филиппа III, раньше его не носили»⁵⁹, — пишет К. Бон, что подтверждается и данными реставраторов⁶⁰.

Однако символическое предназначение меча было расширено. В протоколах *ordines* оно толкуется как духовный меч, и подобное понимание его не изменится на протяжении всего Средневековья, сохранившись даже у авторов XVI—XVIII вв. Так, Ш. Беви, описывая *le sacre royal* Людовика II, заимствует у Т. Годфруа молитву, сопровождающую благословение меча на инаугурации Бурбонов: «Господи, Ты своим провидением управляешь небом и землей, так будь благосклонен к нашему всехристианнейшему королю, дай ему духовный меч, всю его силу, чтобы разбить врагов, чтобы, сражаясь им, он мог их полностью уничтожить именем Господа нашего Иисуса Христа»⁶¹.

Понимание меча как духовной силы, способной защитить вверенного монарху королевство, полностью соответствует смыслу приносимой королем на церемонии посвящения «клятвы Королевству» (*sérment du Royaume*), особенно ее четвертому пункту — защите подданных от еретиков⁶². Предполагалось, что с помощью именно этого меча монарх будет

⁵⁹ Beaune C. Naissance. P. 114.

⁶⁰ Pinoteau H. Les insignes. P. 77. С этой позицией не согласен О. Бузи, полагающий, что в посвящении французских королей меч Карла Великого известен, «...по крайней мере, с XII века», и уточняющий его сходство с мечом Вильгельма Норманнского. Исследователь конкретизирует ту деталь, что резная позолоченная рукоять, неоднократно воспетая в *les chansons de geste*, имела статус реликвария и, по не подтвержденным документально данным, могла принадлежать и Гуго Капету, и первому герцогу Нормандии Роллону. При этом Бузи допускает, что в указанный временной промежуток второй половины IX—X вв. рукоять могла иметь и форму полумесяца. См.: Bouzy O. Op. cit. P. 52. По всей видимости, имеется в виду хранящийся в Венской императорской сокровищнице меч, приписываемый императору франков. Действительно, меч имеет искривленную рукоять (что косвенно указывает на восточное происхождение), однако специалисты датируют его X в. (Oakeshott E. The Archeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. Woodbridge, 1994. P. 221). В настоящее время хранящийся в фондах Лувра с 1793 г. коронационный меч датируется XIII в., хотя специалисты относят: яблоко — к X—XI вв., гарду — к XII в., а к XIII в. — только клинок. Его принадлежность Карлу Великому, таким образом, не доказана.

⁶¹ Bevy Ch.J. Op. cit. P. 204; Godefroy Th. Op. cit. P. 346—397 (Генрих IV). P. 404—437 (Людовик XIII).

⁶² «Клятва Королевству» (*sérment au Royaume, jurementus Regis*) впервые была сформулирована в *ordines* периода правления Людовика IX и представляла собой публичную формулу обращения еще непосвященного монарха к собравшейся на церемонию светской и духовной знати, а в их лице — ко всем подданным. Ее условия со временем менялись, составив в итоге пентархию пунктов (подтверждение привилегий Церкви, справедливое правление короля, его милосердие, борьба с ересью, позже — со всяким внешним врагом и принцип неотчуждаемости). См.: Viguerie J. de. Les sérment du sacre du roi de France et

нести свою охранительную функцию. Таким образом, меч *Joyeuse* остался символом военной мощи светского владыки, но в его понимании появился новый оттенок, несущий на себе отпечаток христианской этики. Если учесть тот факт, что в XII—XIII вв. небесным покровителем дома Капетингов стал Архангел Михаил в образе рыцаря, то семантика меча как орудия защиты христианского мира — очевидна.

Благословение меча и ритуал его вручения королю в ходе церемонии *le sacre royal* символизировал одобрение и поддержку Церковью монарха как ревнителя веры. В период крестовых походов важность данного ритуала возросла настолько, что в *ordines* встречается отдельная и довольно возвышенная формула благословения меча Карла Великого, в то время как остальные регалии вручались в более простой форме: кольцо непосредственно одевалось на палец, корона возлагалась на голову после ритуала пэров, скипетр и «длань Правосудия» (жезл) отдавались в руки и т.д. Однако только меч ставился особым образом на алтарь, передавался королю, затем — архиепископу, вновь вручался монарху, а затем, из его рук, — коннетаблю.

Дарование меча непосредственно перед помазанием символизировало необходимость признания власти короля на светском уровне, т.е. в качестве мирского владыки. Это было особенно важно для Церкви и светской знати, видящей в фигуре своего суверена, прежде всего, — военачальника, вассалами которого они и являлись. Появление коннетабля, получающего меч из рук короля и держащего орудие обнаженным острием вверх всю оставшуюся часть церемонии⁶³, подчеркивало союз светской знати с монархом, стоящим во главе как вассально-ленной системы, так и государства. Современников мало смущал факт нахождения меча Карла Великого в руках коннетабля Франции на протяжении столь долгой процедуры: возрастание роли государственного аппарата в целом, важным представителем которого был коннетабль, и места военного сословия в обществе — в частности, особенно в период Столетней войны, привели к особому почитанию меча *Joyeuse*.

specialement le "sérment du Royaume" // *Le sacre des rois*. P. 205—215; *David M. Le sérment du sacre du IXe au XVe siècle // Revue du Moyen Âge latin. Études. Textes. Chronique. Bibliographie*. Jan.-Mars, 1950. T. 6. № 1. P. 5—272; *Idem. La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe au XVe siècle // Annales de la Faculté du Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg*. Paris, 1954. № 1; подробнее см. § 2. «...Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: правовое обоснование сакральной функции королевской власти (IX—XIV вв.)» главы II настоящей работы

⁶³ В силу протяженности во времени, сложности переплетения ритуалов, составляющих инаугурационную церемонию, и активного участия в них короля, последний не мог постоянно держать меч сам, передавая орудие значимому светскому лицу, статус которого менялся до тех пор, пока его не сменил коннетабль

В комплекте со шпорами и перчатками, меч также являлся символом принадлежности к рыцарству, отголоски ритуала посвящения в которые наблюдаются в процедуре церемонии *le sacre royal*⁶⁴. Таким образом, меч выступал еще и в качестве символа общей принадлежности короля и светской знати к одному социальному слою с только ему присущими этическими нормами, основой которых служил культ военной силы. Церковь, придавшая знаку данного культа духовный характер, мало изменила сущность его восприятия светской знатью, «...для которой меч, — поясняет Н. Менан, — был символом ее могущества и знаком, который отличал все ее дела»⁶⁵.

Кроме того, как потестарный символ меч воплощал одну из основных этических сторон власти — ее справедливость. Однако универсальный для христианской Европы знак во Франции был потеснен иными регалиями.

Наряду с мечом *Joyeuse* символом светского могущества являлась такая королевская регалия, как скипетр. Как и корона, он отождествлялся только с властью монарха и имел непосредственно римские (византийские) корни. Знак власти императоров Рима, он перешел в руки королей христианских держав⁶⁶. По мнению Ш. Беви, теперь монарх получал скипетр как «...знак королевского могущества, жезл, который означает право владения королевством, жезл добродетели, с которым король правит <...> под защитой Святого Духа как защитник христиан, <...> искореняющий зло, умиротворяющий тех, кто ищет мира, чтобы с его помощью они могли осилить дорогу к истине, наконец, он означает, что светское королевство под властью короля превратится в вечное, осененное благодатью...»⁶⁷.

⁶⁴ О наличии в инаугурационной церемонии элементов ритуала посвящения в рыцари см.: Jackson R.A. *The Sleeping King* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1969. № 31. P. 521—551; Peters E. *The Shadow King. Rex Inutilis in Medieval Law and Literature*. 751—1327. London, 1970.

⁶⁵ *Menin N.* Op. cit. P. 227.

⁶⁶ Оливье Бузи, со ссылкой на данные Аммиана Марцеллина, Вегеция и Исидора Севильского классифицирует его следующим образом: орел (*aquila*), являвшийся эмблемой легиона, дракон (*draco*), отпечатанный на пурпуре и прикрепленный к верхней части древка, располагался во главе когорты, и украшающий полосу ткани пучок (*pilum*), находящийся впереди манипулы, либо когорты. См.: Bouzy O. Op. cit. P. 46. И.С. Свенцицкая, описывая знаменитую статую Августа, обращает внимание на императорский скипетр в виде посоха, и именно этот предмет власти, на наш взгляд, можно считать прообразом средневекового аналога. См.: Свенцицкая И.С. *Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский.* СПб., 2010. С. 107.

⁶⁷ В данном случае Ш. Беви приводит в качестве примера посвящение Людовика VII. См.: *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 213.

Таким образом, скипетр символизировал правовую сторону власти короля⁶⁸. Если корона означала избранность и могущество монарха, меч рассматривался как знак мощи светского правителя и его принадлежности к своему кругу, то скипетр являлся предметным воплощением права короля на свое государство и справедливое управление им. Об этом прямо говорит архиепископ Реймский в ходе ритуала вручения скипетра: «Сеньор, <...> мы просим вас с желанием принять ваше служение, милосердно употребляя знак вашей власти, <...> (он. — С.П.) приумножит вашу честь, заключенную в деяниях, за которые вас будут почитать больше всех королей: преумножайте изобилие ваших даров, защищайте, укрепляйте, сохраняйте ваш трон, передавайте его впоследствии наследникам...»⁶⁹. Следовательно, для подданных и короля скипетр означает милосердное, щедрое и единоличное правление с правом законного наследования, а комплекс требований, предъявленных владельцу данной регалии, имеет в большей степени этический характер и не несет в себе самостоятельного сакрального начала, как, например, корона. Скипетр выражал прерогативы монарха как наследственного светского владыки, облеченного административной и судебной властью.

Бывший знак власти римских императоров наряду с короной и мечом *Joyeuse* приписывается Карлу Великому, завершая ансамбль регалий, известный как «знаки Карла Великого»⁷⁰. Рассуждая о внешнем виде скипетра, Н. Менан отмечает, что он происходит «...от времен Карла Великого и имеет шесть футов в высоту; на нем изображена фигура этого императора, сидящего на троне, охраняемом двумя львами и орлами <...>. Весь он из массивного золота и эмали, инкрустированной восточным жемчугом. Это украшение наших королей — самое древнее по происхождению из всех названных. Считается, что оно существовало задолго до короны»⁷¹. Поэтому на практике французские короли зачастую появлялись со скипетром в руках, но без короны, поскольку и без учета понятных неудобств регулярного ношения столь тяжелого головного убора⁷², скипетр в полной мере выражал правомочность его власти, хотя и без должного сакрального оттенка.

Проследить первое упоминание о вручении скипетра на церемонии *le sacre royal* крайне сложно. Тем не менее, Р. Джексон утверждает,

⁶⁸ См.: Арнаутова Ю.Е. Указ. соч.

⁶⁹ *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 213—214.

⁷⁰ *Pinoteau H.* Les insignes. P. 77.

⁷¹ *Menin N.* Op. cit. P. 227. Христианская традиция возводит скипетр к пророкам и царям Ветхого Завета. См.: *Vouzy O.* Op. cit. P. 48—49.

⁷² Напомним, что речь идет о короне, задействованной в инаугурационной церемонии. «Повседневная» же корона не обладала, как мы уже имели возможность заметить, сакральным статусом, являясь лишь внешним знаком отличия.

и это достаточно спорная мысль, «...что он наличествовал при реставрации Людовика Благочестивого (1 марта 834 г. — С.П.)...»⁷³. Логика его рассуждений такова: «Если на голову Людовика Благочестивого была водружена корона, то, вероятно, он получил и скипетр как символ правления...»⁷⁴. Так или иначе, но как королевская регалия, скипетр был вручен еще Карлу Великому в 800 г. и с этого времени уже не менял своего статуса⁷⁵. Имея своими непосредственными историческими корнями императорский Рим, он по праву занимает почетное место в комплексе королевских регалий.

Важность скипетра как символа праведной власти подчеркивает факт появления своего рода «дочерней» ему королевской регалии — «руки (длани) Правосудия» (*le main de Justice*). Впервые она упоминается в *ordo* 1250 г. и является самым поздним знаком королевской власти. Вот как описывает ее Н. Менан: «Это посох или жезл, на вершине которого — рука в жесте крестного знамения, имеющая глаз (на ладони. — С.П.), возвышающаяся на четверть, из золота, украшенного прекрасным сапфиром. Под рукой — обод, инкрустированный гранатами, сапфирами и жемчугом снизу доверху; ручка с орнаментом в виде листьев, инкрустированных восточным жемчугом»⁷⁶. Проследить происхождение «руки Правосудия» исследователям не представляется возможным, поскольку регалия подобного вида не встречается в сопредельных с Францией государствах, в Византии или, тем более, в Римской империи. Попытка Н. Менана приписать его все тем же событиям Рождества 800 г.⁷⁷ не подтверждается практикой, т.к. выводы реставраторов показали, что самый ранний экземпляр, якобы служивший Карлу Великому, был изготовлен в 1364 г. и принадлежал, вероятнее всего, Карлу V⁷⁸.

«Инвентарная книга 1634 г.» упоминает «руку Правосудия» только два раза, причем весьма скупо и неточно: «№ 82. “Рука Правосудия” яр-

⁷³ Jackson R.A. Who wrote Hincmar's ordines? // Viator. 1994. Vol. 25. P. 42.

⁷⁴ Ibid. P. 43.

⁷⁵ Заметим, что наряду с постоянными королевскими регалиями, мы можем наблюдать наличие преходящих знаков власти. К их числу относится пальмовая ветвь, которую вручал папа императору как символ победы и триумфа. С распадом империи Каролингов данная традиция, имевшая место еще в *ordines* Хинкмара, исчезла из западно-франкского коронационного ритуала, «...закрепившись в империи Оттонов». См.: Ibid. P. 44.

⁷⁶ Menin N. Op. cit. P. 228.

⁷⁷ «Рука Правосудия», — пишет, в частности, Н. Менан, — также происходит со времен Карла Великого, когда он был посвящен и коронован папой Львом III <...>, поэтому можно предположить, что она является образом первых времен нашей монархии. Очевидно, что Карл Великий взял его первым, за ним Гуго Капет, Людовик Святой и все другие всегда использовали ее при своем посвящении» // Menin N. Op. cit. P. 228—229.

⁷⁸ Pinoteau H. La tenue de sacre. P. 108; Inventaire de 1634. P. 72.

ко-красного цвета над ручкой, покрыта эмалью», и «№334. “Рука Правосудия” Генриха Великого из белого серебра, с ручкой из позолоченного серебра, стоимостью в сумму сто тридцать пять ливров, двенадцать солидов, шесть денье; су... 135 l. 12 s. 6 d.»⁷⁹. Здесь же Д. Габори-Шопен резюмирует: скорее всего, она принадлежала Жанне д’Эврэ, супруге Карла VI⁸⁰.

Исследователи сходятся во мнении, что в силу невозможности подтвердить факт наличия подобного знака за пределами Французского королевства, «рука Правосудия» является уникальной, присущей только ему, королевской регалией. В данном случае остается проследить ее символику для определения причин появления в *ordines* во второй половине XIII в. Так, Ж. Ле Гофф связывает возникновение жезла со средневековыми представлениями о природе власти. «Новые *ordines* показали, наконец, новый королевский знак — “руку Правосудия”. А правосудие, наряду с миролюбием, является в монархической идеологии и особенно в христианской монархической идеологии, главной королевской функцией».⁸¹ Подобная трактовка представляется недостаточной: «справедливость — вот испытание власти» — такой девиз был заявлен еще в *ordo* Фулрада⁸², а появление жезла под новым названием «рука Правосудия» в *ordo* 1250 г., возможно, связано с курсом реформ, проводимых Людовиком IX, в том числе судебной и административной, призванных подчинить королевскому суду и власти все население страны (независимо от сословного статуса и имущественного положения). Поэтому появление подобной регалии воплотило — в некотором роде даже «материализовало» — политическую задачу власти перед лицом начавшегося процесса централизации. В определенном

⁷⁹ Pinoteau H. La main de justice des rois de France, essai explication // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1977—1978—1979. Paris, 1982. P. 262.

⁸⁰ Inventaire de 1634. P. 72. Д. Габори-Шопен ошибается — Жанна д’Эврэ не могла иметь подобной инсигнии, поскольку вручение «руки Правосудия» не входило в протокол инаугурационной церемонии королевы. Потому *le main de Justice* являлась прерогативой только короля. Более точным подтверждением описания Н. Менана служат миниатюры *ordo* Карла V (здесь жезл королевы украшен цветком розы, а скипетр — фигурами голубя и сидящего на нем всадника. Миниатюра «Королеве вручают скипетр и жезл». Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii_f069r (Дата обращения: 7.04.2016)), тронные миниатюры Карла V и Франциска I и, наконец, фотография «руки Правосудия», приведенная Дж. Лоу. См.: Law J. Fleur de lys. Kings and Queens of France. N.Y., 1976. (форзац). Единственным существенным отличием всех изображений от данных Н. Менана является отсутствие глаза на ладони — всевидящего ока правосудия короля.

⁸¹ Le Goff J. Aspects religieux et sacrés. P. 23. Ж. Ле Гофф оценивает «справедливость» как «первый священный атрибут» власти. См.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 485.

⁸² Paris Bibl. Nat. P. 354.

смысле «рука Правосудия» явилась символом публично-правового характера королевской власти⁸³.

Следует добавить, что функция правосудия короля была непосредственно зафиксирована и в «клятве Королевству», и в ходе литургии, сопровождающей церемонию *le sacre royal*. Таким образом, «рука Правосудия» являлась своего рода материальным выражением клятвы монарха о справедливом правлении. Церковь трактовала подобное значение почти буквально. Ш. Беви приводит речь архиепископа при вручении «руки Правосудия», фактически, полностью совпадающую с благословением жезла в *ordo* Фулрада и капетингских *ordines*: «Прими жезл добродетели и справедливости, — гласит один из гимнов мессы церемонии *le sacre royal*, — с которыми ты должен править. Опасайся скверны, указывая дорогу заблудшим, подай руку всем, кто нуждается, смири несдержанных, возвысь смиренных»⁸⁴. С точки зрения клира, жезл (именно этим словом Церковь предпочитала продолжать называть «руку Правосудия») ⁸⁵ символизировал, наряду со справедливым правлением, руководящую, увлекающую за собой, миссионерскую функцию монарха среди его подданных. Истоки подобных представлений о подвижнической роли короля в обществе Церковь опять-таки видела в сюжетах Ветхого Завета. Праведный государь будет вознагражден молитвой, благословляющей «руку Правосудия»: «...Господь наш Иисус Христос откроет свои врата, чтобы сказать тебе: “Я открываю дверь тому, кто спасся. Тому, у кого ключ Давида и жезл дома Израилева, который открыл то, что человек не может закрыть, и закрыл то, что он не может открыть”, и ты мог ответить ему как Давид в своем псалме: “Трон Твой, Господи, — вечный трон, который никогда не исчезнет, жезл Твой — жезл справедливости”»⁸⁶.

Аналогия «руки Правосудия» с жезлом Христа заставляет усмотреть непосредственную параллель между земным королем и Царем Небес-

⁸³ Данному аспекту «руки Правосудия» посвящены исследования С.К. Цатуровой. См.: Цатурова С.К. Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Тез. докл. М., 2004. С. 102—106; Она же. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV—XV вв. // Священное тело короля. С. 78—95.

⁸⁴ *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 215.

⁸⁵ Именно по этой причине Ж. Ле Гофф (и мы с ним полностью согласны) возводит происхождение «руки Правосудия» к жезлу (скипетру). См.: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 624.

⁸⁶ *Bevy Ch.J.* Op. cit. P. 215. Ш. Беви, видимо, цитирует стих из 44-го Псалма: «Престол, Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл Царства Твоего» // Псал. 44:7. Сходные мотивы звучат и в пророческих книгах Ветхого Завета («Престол ставы, возвышенный от начала, есть место освящения нашего» // Иер.17:12.), и в апостольских посланиях («...Престол Твой, Боже, в век века; жезл Царства Твоего — жезл правоты» // Евр. 1:8.).

ным в той же мере, что и в случае с короной. На этом основании можно предположить, что жест крестного знамени, в который сложены пальцы «руки Правосудия», символизирует посвящение короля в таинство правления, является символом власти и правосудия, которые государь получает свыше для управления своими подданными. Расположенный же по центру ладони глаз — «олицетворяет» высшую монаршую справедливость.

Тем не менее, несмотря на столь важное место королевского жезла в символике королевских регалий, он уступал пальму первенства скипетру как знаку, выражающему общую управленческую тенденцию королевской власти. Внешне это обнаруживается в расположении регалий: скипетр находился в правой, а «рука Правосудия» — в левой руке короля, как менее значимой. Но в повседневной практике отправления полномочий скипетр и «рука Правосудия» меняются местами, в отличие от того, как монарх их держал в Реймсе. Во время осуществления, например, королевского суда, государь держал ее в правой руке, поскольку оказывался запечатленным в момент непосредственного отправления правосудия. Королевские печати, как и монеты, традиционно изображают монарха со скипетром в правой и жезлом («рукой Правосудия») в левой руке, поскольку трактуют образ короля официально, отображая, таким образом, законность его власти, полученной посредством канонов наследственного права и *le sacre royal* и лишь затем обращают внимание на справедливость его суда. Но Церковь не придавала «руке Правосудия» особого значения в комплексе королевских регалий, и семантика данной инсигнии осталась светской. Угрожающая сила осененной всевидящим оком длани была направлена в сторону мирян (непокорных подданных, еретиков или внешнего врага), ничем не угрожая клиру. Как известно, в юридической практике XIII—XIV вв. королевский суд решал только дела светских лиц, Церковь же имела судебную автономию. Поэтому придание «руке Правосудия» сакрального ореола было нелогично.

Объединяющим началом указанных королевских регалий (короны, меча, скипетра и «руки Правосудия») является тот факт, что все они — результат длительной эволюции, тщательного отбора, к которому пришла светская и духовная власти в вопросе о священных аспектах королевских полномочий. Только единственная регалия французской монархии символически выражала непосредственный союз короля и его королевства, освященный Церковью — это коронационное кольцо. Одетое архиепископом Реймским на безымянный палец правой руки короля, во всех сохранившихся *ordines* и в описании Ш. Беви оно толковалось как «...знак святой веры, прочности королевства и приумножения его могущества, чтобы королевское правление разгромило

врагов <...>, истребило еретиков, поддержало подданных в их католической вере»⁸⁷.

Форма кольца была самой неприятзательной, схожей с обручальным. Вот что указывает «Инвентарная книга 1634 г.»: «№ 57. Кольцо Людовика Святого из золота, с одним вправленным бриллиантом»⁸⁸. Комиссия генерала Моннэ также описывает несколько коронационных колец, хранящихся в Сен-Дени: «1794 год, 11 ноября (21 брюмера). Инвентаризация вещей, принадлежащих Конвенту <...>. Четыре кольца, все из золота...», «1793 год, 17 ноября (27 брюмера). Инвентаризация вещей, объявленных принадлежащими Конвенту и их сортировка <...>. Четыре золотых кольца, с вправленным камнем...», «1793 год, ноябрь. Окончание сортировки и транспортировка вещей в комнаты генерала Моннэ <...>. Три золотых кольца с ограненными камнями...»⁸⁹.

Вручение кольца такой формы, которое монарх впоследствии носил всю свою жизнь, позволяет усмотреть в его символике не только величие королевской власти как поборницы христианской (католической) веры, но и аналогию с церемониями венчания и посвящения в сан. В обоих случаях кольцо вручается как символ верности и незыблемости союза; в первом случае — супругов, в другом — священника и Бога. Поэтому коронационное кольцо может расцениваться как знак брачного союза Бога (в лице Церкви, точнее, посвящающего прелата) с народом (в лице представляющего его монарха). Духовный брак христианнейшего короля и Церкви, представляющей земное воплощение божественной воли, служил оплотом этого непростого, противоречивого союза властей.

Одновременно символика кольца может рассматриваться под несколько иным углом. Примечательно, что кольцо и жезл также соответствовали знакам епископской власти, и наличие их в качестве королевских регалий не случайно. Тождественность ряда королевских и епископских знаков власти очевидна: короне соответствует митра, скипетру и «руке Правосудия» — жезл, королевской мантии — риза, коронационному кольцу — кольцо принадлежности к сану. Только меч являлся полноценным символом королевского (светского) могущества.

В итоге налицо символически дуализм королевских регалий. С одной стороны, они обозначают все то, что придает государю признаки или функции «человека Церкви»⁹⁰, суммируясь в церковный или, по выражению Ж. Ле Гоффа, священнический аспект королевской власти. Церковь освящала и вручала монарху его регалии, но одновременно

⁸⁷ *Bevy Ch.J. Op. cit. P. 212.*

⁸⁸ *Inventaire de 1634. P. 45.*

⁸⁹ *Pieces relatives à la dispersion du trésor (Arsenal, fol. 3Vo—20Vo) // Le Trésor de Saint-Denis. Vol. 2. P. 151.*

⁹⁰ Это выражение Ж. Ле Гоффа. См.: *Le Goff J. Aspects religieux et sacrés. P. 21.*

строго ограничивала возможность трактовки их сакральной природы сверх предписанного регламентом инаугурации. Возможность короля существовать в статусе *rex-sacerdos* изначально отрицалась христианской этикой, поэтому символика регалий в коронационных *ordines*, протокол которых в большинстве случаев был составлен представителями Церкви, носит преимущественно светский характер, представляя монарха как поборника веры, защитника Церкви и подданных, справедливого и милосердного, ответственного за благополучие своего королевства.

Регалии в свете монархической идеологии регалии являли собой зримое, материальное выражение не только военного могущества, прав на престол, управление и суд, но и наличие у светской власти сакральных полномочий. Неизбежное несоответствие акцентов в понимании смысла королевских регалий отражало всю сложность восприятия посвященного короля духовной и светской властью⁹¹.

Символизм регалий приобрел в итоге двойственный характер и в зависимости от стороны (светской или духовной), его толкующей, может в равной степени претендовать как на сакральное, так и на мирское прочтение. Однако семантика инсигний, постоянно эволюционируя, явилась в большей мере плодом согласования *potestas* и *auctoritas*, результатом их совместных представлений о природе власти и ее предназначении в обществе.

⁹¹ Хачатурян Н.А. Король-*sacré* в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля. С. 19—28.

Семантика цвета в образе власти французской средневековой монархии

Символизм и репрезентативность средневековой культуры, являясь одними из основных ее проявлений, включают в себя самые разнообразные социальные практики. При всей их объективной необозримости в рамках данного параграфа проблема концентрируется вокруг хроматического решения образа королевской власти. Наравне с жестом и словом, цвет явился базовым кодом и средством трансляции потестарных полномочий власти, ее тезисации и публично-правовой легитимации. На наш взгляд, одним из самых выраженных проявлений природы высшей политической власти — власти короля — выступили связанные с его функциями ритуалы, в первую очередь, инаугурационные церемонии и прочие проявления протокола (коронационные и ординарные въезды в города; отправление правосудия и административных прерогатив; комплекса ритуалов, связанных с правами монарха как суверена; королевские свадьбы и похороны, разного рода и ранга приемы и т.д.). Все они в той или иной мере имели свое хроматическое решение, тем более что характеристики цвета практически не отражали их психо-физическое начало, а подчинялись правилам семантической атрибутики, будучи связаны с тем смыслом, который закладывался в толкование гаммы. Последняя при этом, как будет рассмотрено ниже, имела достаточно ограниченный спектр, что только подтверждает иерархичную системность и использования, и восприятия цвета¹, «...которым, — согласно справедливому замечанию директора Высшей школы социальных наук Жана-Клода Бонна, — историки слишком часто пренебрегали, поскольку не ценили его так же, как документ, в действительности (цвет. — С.П.) является основным источником для понимания тональности этих церемоний. Потому что именно цвет типично средневековым образом придает им смысл и преобразует ритуал»².

¹ Об иерархичности и универсальности образа в средневековом мировосприятии, его концептуальности с позиций христианской мысли, сложившейся в «иконологию следов и символов» «ментальные», «материальные» и «визуальные» образы, см. исследование Оливье Бульнуа «По ту сторону образа. Опыт археологии визуальности в Средние века. V—XVI вв.». См.: *Boulnois O. Au-delà de l'image: une archéologie du visuel au moyen âge, V^e—XVIe siècle.* Paris, 2008; *Воскобойников О.С. Три взгляда на средневековое искусство // Новое литературное обозрение.* 2010. № 106. С. 289—307.

² *Bonne J.-Cl. The Manuscript of Ordo 1250 and Its Illustrations // Coronation: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 60.*

Действительно, пожалуй, самые типичные и, одновременно, сложные социальные коды и системы представлений на средневековом Западе были выстроены вокруг иерархии и символики цветовой шкалы. Привлекаемая к складыванию и репрезентации образов власти, в ходе вышеупомянутых церемоний и составляющих их ритуалов она предстает точно считываемым «топографическим паттерном»³, утверждая своего рода вертикаль смыслов, тщательно распределяемых протоколом между участниками церемониала, и устанавливает «синтаксические паттерны»⁴, формирующие последовательные или одновременные процедурные действия.

Первым ритуальным проявлением, легитимизирующим властные полномочия, стала инаугурационная церемония. Формирование ее французской модели, получившей наименование королевского посвящения (*le sacre royal*), восходит к коронации Пипина Короткого 751 г. и дальнейшей фиксации все усложняющегося протокола в т.н. коронационных *ordines* IX—XIV вв., а затем — трактатах юристов и эрудитов эпохи абсолютизма⁵. И поскольку основой и, одновременно, фоном указанного ритуала выступала литургия, то от развития ее хроматического решения и следует отталкиваться при характеристике аналогичного образа светской власти. Антропология христианских ритуалов, прочих форм отправления культа и самого богослужения, в том числе и сопровождающего королевскую инаугурацию с целью придания ей сакральной санкции, включает в себя целую серию параметров: жестов, иерархий, вербальных и визуальных практик, музыкального сопровождения, пространственной и временной организации⁶. Однако все они сопровождались определенным цветовым

³ Выражение Ж.-Кл. Бонна. См.: *Ibid.* P. 63.

⁴ *Ibid.*

⁵ Обзор данной серии источников регулярно проводился в более ранних публикациях автора.

⁶ Антропологический подход к изучению литургии и прочих проявлениях культа реализован в целом ряде исследований. См., например: *Vogel C. Medieval Liturgy. An introduction to the Sources / Trans. W. Storey, N. Rasmussen. Spoleto, 1981. P. 135—139; McCormick M. The Liturgy of War in the Early Middle Ages: Crisis, Litanies, and the Carolingian Monarchy // Viator. 1984. Vol. 15. P. 1—23; Koziol G. Begging Pardon and Favor: Ritual and Political Order in Early Medieval France. N.Y., 1992; Idem. The Dangers of Polemic: is Ritual Still an Interesting Topic of Historical Study // Early Medieval Europe. 2002. № 11. P. 367—388; Devisch R., Perrot Ch., Voyé L., Chauvet L.-M. Le Rite, Source Et Ressources. Bruxelles, 1995; Isambert F. Eléments d'anthropologie, et de musicologie du culte chrétien // Recherches de Sciences religieuses. 1990. № 78. P. 297—424; *Traité d'anthropologie du sacré / Éd. de J. Ries: 2 vol. Aix-en-Provence, 1995. Vol. 1. Les origines et le problème de "homo religiosus". Traité d'anthropologie du sacré; Vol. 2. L'homme indoeuropéen et le sacré; Buc Ph. The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory, Princeton, 2001; Idem. Rituel politique et imaginaire politique // Revue historique. 2001. № 305. P. 843—883; Boers**

решением монохромного, диахромного или полихромного типов, что позволяет на равных правах включить их в указанный перечень.

Не ставя своей целью подробное изложение становления колористики христианского богослужения, особенно на его ранних этапах, отметим, что в итоге Церковь остановится на выборе пентархии сакральных цветов: белом, красном, черном, зеленом и фиолетовом. Данный факт побуждает исследователей вспомнить о начале подобной градации еще Аристотелем, классифицировавшим гамму от белого до черного, исходя от призматического преломления света на белый, голубой (синий), фиолетовый, зеленый, желтый, красный и черный⁷. Однако средневековая практика оказалась несколько иной, исключив часть палитры или скорректировав ее для реализации собственного символического смысла. Поэтому литургия не стала исключением, подчинившись цветовой иерархии, по выражению одного из ведущих исследователей символики цвета в Средневековье, президента Французского общества геральдики Мишеля Пастуро, «...как война, турнир, общество, образы, она была повсеместно “геральдизирована” в цвете»⁸. Согласно постепенно складывающемуся канону, первыми основ-

A.P. *The Rhythm of God's Grace: Uncovering Morning and Evening Hours of Prayer*. Nashua, 2003; Reimer J.A. *The Dogmatic Imagination: The Dynamics of Christian Belief*. Waterloo, 2003; Woolfenden G.W. *Daily Liturgical Prayer: Origins and Theology*. Burlington, 2004; Présence et rôle de la Bible dans la liturgie / Éd. de M. Klöckener, B. Bürki, A. Join-Lambert. Saint-Paul, 2006. Антропология цвета в литургии также имеет свою историографическую версию. Среди наиболее значимых классических и относительно новых исследований см.: Legg J.W. *Notes on History of Liturgical Colors*. London, 1882; Gage J. *Color and Culture: Practice and Meaning from Antiquity to Abstraction*. London, 1999. P. 60—93; Hameline J.-Y., père. Couleur et couleurs dans le site cérémoniel // *Chroniques d'art sacré*. Automne 2004. P. 30—31.

⁷ Bonne J.-Cl. Rituel et de la couleur. Fonctionnement et usage des images dans le Sacramentaire de Saint-Étienne de Limoges // *Images et significations. Rencontres de l'École du Louvre*. Paris, 1983. P. 129—139; Pastoureau M. Ordo Colorum: Notes sur la naissance des couleurs liturgiques // *La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique*. 1988. Vol. 176. Quand la liturgie donne à voir. P. 54—66.

⁸ Pastoureau M. Le temps mis en couleurs: des couleurs liturgiques aux modes vestimentaires (XIIe—XIIIe siècles) // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1999. Vol. 157. № 157 (1). P. 112—113. Перу М. Пастуро принадлежит целая серия исследований природы цвета и его места в культуре Средневековья. См. основные из них: Pastoureau M. *Formes et couleurs du désordre: le jaune avec le vert* // *Médiévales*. 1983. Vol. 2. № 4. P. 62—73; *Idem*. *Figures et couleurs: études sur la symbolique et la sensibilité médiévales*. Paris, 1986; *Idem*. *Vers une histoire de la couleur bleue, préface au catalogue de l'exposition Sublime indigo*. Marseille, 1987. P. 19—27; *Idem*. *Du bleu et du noir: éthiques et pratiques de la couleur à la fin du Moyen Âge* // *Médiévales*. 1988. Vol. 7. № 14. P. 9—21; *Idem*. *Couleurs, images, symboles: études d'histoire et d'anthropologie*. Paris, 1989; *Idem*. *L'Église et la couleur, des origines à la Réforme* // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1989. Vol. 147. № 1. P. 203—230; *Idem*. *Les couleurs du stade* // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 1990. Vol. 26. № 26. P. 11—18; *Idem*. *L'étoffe du diable: une histoire des rayures et des tissus rayés*. Paris, 1991 (в русском

ными цветами литургии выступала следующая триада: белый, красный и черный. Кроме них, в некоторых литургических манускриптах уже VIII в. встречается обоснование золотого и пурпурного. Так, один из них, датированный 795 г. и хранящийся во Вьенне, резюмирует: «...золото и пурпур символизируют Царство Небесное, которое открывается красной кровью Христа и великолепием золота в блистающих словах Господа»⁹.

Забегая вперед, отметим, что уже в XII в. в текстах о порядке отправления богослужения постепенно выстраивается еще целый ряд иерархий из подходов для этого дней недели, времени суток, времени постов и праздников, составляющих службу ритуалов, в том числе и предписаниями для одежды священнослужителей, храмового убранства и, наконец, цветовых решений последних с объяснениями их значений. Среди разрабатывавших эти процедуры богословов выделяются Гонорий Августодунский (Отенский)¹⁰, Руперт

перевод: *Пастуро М.* Дьявольская материя, или История полосок и полосатых тканей / Пер. с фр. О. Зубакиной. М., 2008); *Idem.* Dictionnaire des couleurs de notre temps. Paris, 1992; *Idem.* Jésus teinturier. Histoire symbolique et sociale d'un métier réprouvé // *Médiévale*. 1995. Vol. 14. № 29. P. 47—63; *Idem.* La promotion de la couleur bleue au XIIIe siècle: le témoignage de l'héraldique et de l'emblématique // *Il collegio nel medioevo, arte, simbolo, tecnica, atti delle giornate di studi* (Lucca, 5—6 maggio 1995). Lucca, 1996. P. 7—16; *Pastoureau M., Perrot F.* La couleur et le vitrail // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1996. Vol. 39. № 155. P. 211—215; *Pastoureau M.* Jésus chez le teinturier: couleurs et teintures dans l'Occident médiéval. Paris, 1998. P. 146—156; *Idem.* Les emblèmes de la France. Paris, 1998; *Idem.* Une couleur en mutation: le vert à la fin du Moyen Âge // *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2007. Vol. 151. № 2. P. 705—731; *Pastoureau M., Simonnet D.* Le petit livre des couleurs. Points, 2007; *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. Paris, 2004 (в русском переводе: *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012); *Idem.* Bleu. Histoire d'une couleur. Paris, 2002 (в русском переводе: *Пастуро М.* Синий. История цвета. Фрагменты книги / Пер. с фр. Н. Кулиш // *Иностранная литература*. 2010. № 4. С. 239—298); *Idem.* The Color of Our Memories. Paris, 2012; *Idem.* Introduction. Pour une histoire des emblèmes et des couleurs // *Signes et couleurs des identités politiques du Moyen Âge à nos jours* / Éd. de D. Turrel, M. Aurell, Ch. Manigand, J. Grévy, L. Hablot, C. Girbea. Rennes, 2008. P. 9—19.

⁹ *Palazzo É.* Le Moyen Âge: des origines au XIIIe siècle. Paris, 1993. P. 212.

¹⁰ *Honorius Augustodunensis.* Sacramentarium // *Patrologia Latina* / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 172. Col. 737—807; *Idem.* De Gemma animae // *Ibid.* Col. 541—737. Вклад Гонория в определение порядка литургии особенно заметен: именно он выводит исходную последовательность дней недели; уточняет дни рукоположения; порядок применения музыкального сопровождения литургии и того оптимального временного отрезка, который последняя должна занимать. См.: *Black J.* Questions in Ordination, the Mass, and the Office in Guerric of Sainte Quentin's "Quaestiones de quolibet" // *Ritual, Text and Law: Studies in Medieval Canon Law and Liturgy Presented to Roger E. Reynolds* / Ed. by G. Kathleen, C. Gyug, F. Gyug. Padstow, 2004. P. 73—74. Что касается понимания им хроматики богослужения, то она не типична, поскольку Гонорий, образно именуя священника пантерой (*pantera bestia*), определяет для его образа не три, а семь цветов: чер-

из Дойца¹¹, Иоанн из Авранша¹², Иоанн Белет¹³, Гуго Сен-Викторский¹⁴ и пр. Но если обратиться к более раннему материалу, то становится очевидным, что из трех указанных выше цветов одеяний священников и убранства храма доминирует белый, за ним следует красный, и замыкает этот перечень черный.

Белый, согласно одному из постановлений Григория I Великого о таинстве крещения, — это цвет «...невинности, чистоты, крещения, преображения, радости, воскресения, победы и вечности»¹⁵. В указанных богослужебных текстах он характеризуется аналогичным образом (*virginitas, munditia, innocentia, castitas, vita immaculata*). Красный — цвет пролитой Христом крови, следовательно, цвет мученичества, страстотерпия, жертвенности и божественного милосердия и любви (*passio, compassio, oblatio passionis, crucis signum, effusio sanguinis, caritas, misericordia*). Черный — цвет воздержанности, покаяния и скорби (*penitentia, contemptus mundi, mortificatio, mestitia, afflictio*). Это т.н. чистые цвета, именно пуризм и отличает их от смешанных — в первую очередь зеленого, получаемого из сочетания синего и желтого, т.е. среднего от них (*medius color*) и фиолетового (соответственно, соотношение красного и синего), трактуемого как темный (*subniger*). Сложнее объясняется золотой (*l'or*) как возможный производный от желтого, но в сугубо духовном значении, избегая

ный (*nigrum*), белый (*album*), серый (*griseum*), желтый (*croceum*), зеленый (*viridem*), голубой (*aerium*) и красный (*rubeum*). Каждый из них воплощает ту или иную добродетель: смирение (*humelitas*), непорочность (*castitas*), усмотрение (*disceretio*), мудрость (*sapientia*), веру (*fides*), надежду (*spes*) и милосердие (*charitas*) соответственно. См.: *Honorius Augustodunensis. Sacramentarium. Col. 762—763*. О вкладе Гонория см.: Ткаченко А.А. Эмблематика литургических цветов в трактате Дж. Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря» // *Signum. 2005. № 3. С. 26*.

¹¹ *Deutz R.de. De divinis officiis / Éd. de Rh. Haacke. Turnhout, 1967.*

¹² *Avranches J. de. De officiis ecclesiasticis / Éd. de R. Delamare. Paris, 1923.*

¹³ *Beleth J. Summa de ecclesiasticis officiis / Éd. de H. Douteil. Turnhout, 1976.* Иоанну Белету принадлежит заслуга определения четырех элементов литургии как действия, разворачивающегося во времени и пространстве и совершаемого людьми с помощью тех или иных предметов культа: времени, места, лиц и вещей (*loca, tempora, personae, res*).

¹⁴ *Saint-Victor H. de. De sacramentis christianae fidei // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 176. Col. 173—618.*

¹⁵ Воспроизведено в одном из посланий Алкуина о таинстве крещения. См.: *Alcimis monachos Gothiae sive Septimaniae a Laidrado elccto Lugdunensi pontifice lantator confirmat. Monet, cavcant Hispanorum errores. Addid de symbolo, de adoptione, de sale in eucharistia non adhibendo, de tripla baptismatis mersione, de sabbato ante resurrectionem dominicam // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae / Hrsg. von E. Duemmler. Berolini, 1895. Bd. IV. P. 214—215.*

всякого материального смысла, он трактуется как цвет божественного могущества, власти и святости¹⁶.

Следующим шагом в дифференциации цветовой гаммы литургии стала одна из ранних работ кардинала Джованни Лотарио, будущего папы Иннокентия III, «О святом таинстве алтаря» (*De sacre altaris misterio*) 1194—1195 гг.¹⁷ Ее 65-я глава посвящена токованию изменения свойств теперь уже четырех основных цветов мессы в зависимости от дней ее отправления (*De quatuor coloribus principalibus, quibus secundum proprietates dierum sunt distinguendae*). Указаны, в первую очередь, считающиеся в Католической Церкви священными белый, красный, черный и зеленый (*albus, rubeus, niger et viridis*) цвета. Однако видное место отводится и фиолетовому как цвету одеяний священства: виссона, пурпура, гиацинтовый и червлёного¹⁸ окраса, поскольку Библия прямо предписывает: «Вот одежды, которые должны они сделать: наперсник, ефод (спускающееся наплечие из двух полотнищ ткани. — С.П.), верхняя риза, хитон стяжной, кидар (головной убор из намотанной полосы белого виссона. — С.П.) и пояс. Пусть сделают священные одежды Аарону, брату твоему, и сынам его, чтобы он был священником Мне. Пусть они возьмут золота, голубой и пурпуровой и червлёной шерсти и виссона, и сделают ефод из золота, из голубой, пурпуровой и червлёной шерсти, и из крученого виссона, искусною работою» (Исх., 28: 4—6). Пурпур традиционно означает царский цвет, в данном случае символизирующий величие священства, которое должно, согласно Св. Ефрему, «шествовать царским, средним путем, не уклоняясь ни вправо, ни влево»¹⁹; виссон — добрую славу, голубой — чистоту совести, червлёный же — очищающий грехи и воспламеняющий веру огонь.

Далее рассуждения будущего понтифика сосредотачиваются на библейских характеристиках основных цветов литургии с определением их целеполагания и семантического смысла, как в календаре, так и в процедуре мессы. Главное место занимают белый и красный как в от-

¹⁶ *Honorius Augustodunensis. Expositio in cantica canticorum // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1855. Т. 172. Col. 440—441.*

¹⁷ *Innocentius III, papa. De sacro altaris mysterio // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1855. Т. 217. Col. 774—916.* Следует отметить перевод А.А. Ткаченко, выполненный им в качестве приложения к статье. См.: Ткаченко А.А. Указ. соч. С. 35—40.

¹⁸ В оригинале *coccum*, т.е. *dactylopius coccus*, во французской традиции — кошениль, дающий ярко-красный цвет.

¹⁹ Свод богоглаголивых речений и учений Богоносных и Святых Отцов, от всякого Писания богодухновенного собранный, подобающим же образом и удобно изложенный Павлом, преподобнейшим монахом и создателем обители Пресвятой Богородицы Евергетиды, прозванным Евергетинном (Евергетин). М., 2008. Т. 1. 40:6.

дельности, так и в сочетании друг с другом, поскольку «белыми одежды облачаются для праздничной службы в честь исповедников и дев, в красные — в честь апостолов и мучеников...»²⁰, со ссылкой на ветхозаветную традицию («возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других») (Песн. 5:10)) и новозаветные сюжеты.

По поводу последних указывается, в частности, пример почитания апостолов Петра, Павла и Иоанна: «Хотя те же апостолы Петр и Павел — мученики, красный можно использовать, но предпочтительнее в их честь взять еще и белый. То же касается почитания Св. Иоанна, когда белый нужно сочетать с красным»²¹. «Пусть на (день. — С.П.) мученичества Петра и Павла используются красные (одежды. — С.П.), а на (дни. — С.П.) обращения (Св. Павла. — С.П.) и кафедры (Св. Петра) — белые». Далее дифференцируются празднества, посвященный Иоанну Крестителю: «...на Рождество Иоанна принято надевать белое, на Усекновение (головы. — С.П.) нужно надевать красное»²².

Внешним выражением данной гармонии являются цветы, украшающие алтарь: «Этому способствуют розы и лилии напротив друг друга»²³. Как уже неоднократно упоминалось, «в белые одеваются (в дни. — С.П.) исповедников и мучеников, в «румяные»²⁴ — мучеников и апостолов. Те и другие — цветы роз и лилии долин»²⁵. Однако «...никак не относятся розы к мученикам, шафран (*crocum*) — к исповедникам, а лилии — к девам»²⁶.

Черный же идентифицируется со скорбью и воздержанием, с греховной и смертной природой человека²⁷. При этом он тоже может сочетаться или заменяться фиолетовым.

Что касается более подробных толкований автором основных цветов литургии со ссылками на библейские аналоги, то, во избежание повторов, их можно представить в виде нижеследующей таблицы (таблица 1).

⁰ *Innocentius III, papa. Op. cit. Col. 799.*

¹ *Ibid. Col. 801.*

² *Ibid. Col. 801.* На вопрос о почитании прочих святых кардинал Лотарио отвечает в традиционном иерархическом духе. «Когда празднуется праздник в честь того, кто и мученик, и девственник в равной степени, мученичество ставится выше девства, поскольку является знаком более совершенной любви» // *Ibid.* Со ссылкой на Евангелие от Иоанна («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих») // Иоан. 14.

³ *Ibid. Col. 800.* О расположении цветочных композиций для отправления литургии см.: *Cassingena-Trévedy F. La décoration: geste de Dieu, geste de l'homme. Lorsque les fleurs vont à l'église: célébration de la caducité // La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique. 2012. Vol. 272. Noble beauté de la liturgie. P. 99—114.*

⁴ В оригинале *rubicundus*.

⁵ Образ «Песни Песней» (Песн. 2:1, 8).

⁶ *Innocentius III, papa. Op. cit. Col. 802.*

⁷ *Ibid.*

Цвет	Толкование Иннокентия III	Ссылки на Священное Писание
Белый	«Белый, надеваемый в дни исповедников и дев, означает неприкосновенность и невинность».	«Ибо они девственники, это те, которые следуют за Агнцем, куда бы он не пошел» (Откр. 14:4).
	«Поэтому белое <...> должно одеваться ... в дни празднеств ангелов, о сиянии которых говорит Господь Люциферу».	«...при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости» (Иов. 38:7).
	«...в честь Рождества Спасителя и Иоанна Предтечи, ибо они родились чистыми, без первородного греха» ¹ .	«Вот, Господь воссядет на облаке легком и грядет...» (Ис. 19:1). «Ангел сказал Ей (Деве Марии. — С.П.) в ответ: Дух Святы́й найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим» (Лук. 1:35).
	«На Богоявление из-за сияния звезды, что вела волхвов...».	«И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию» (Ис. 60:3).
	«На Сретение (по причине. — С.П.) чистоты Девы Марии, коя, согласно молитве Симеона...».	«Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2;29—32).
	«В Великий Четверг из-за приготовления миро, которое освящается для очищения души».	«Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих век. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты...» (Ин. 6—10).
	«На Воскресение из-за ангела, свидетеля и провозвестника воскрешения (Иисуса Христа. — С.П.)» ² .	«И войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду, и ужаснулись» (Марк. 16:5). «...Ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступил, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем, вид его был, как молния, и одежда его была бела, как снег» (Мф. 28: 2—3). «...Глава Его (Христа. — С.П.) и волосы белы, как белая волна, как снег...» (Откр. 1: 14).
	«На Вознесение из-за белого облака, на коем вознесся Христос».	«И когда они (апостолы. — С.П.) смотрели на Него (Христа. — С.П.), во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо...» (Деян. 1:9—11).

Белый	<p>«...на праздник Креста используется белое, поскольку это не праздник Страстей, а Обретения или Воздвижения»³.</p> <p>«...и при посвящении епископа такие же облачения <...>, а посвящающими и служителями (ведь посвящаемым всегда используются белые) — те, которые соответствуют дню; но при освящении церкви всегда должны использоваться белые (одежды), сколько бы дней оно ни праздновалось. <...>. Ведь и Церковь именем девы нарицается...»⁴.</p>	<p>«Ибо я ревную о вас ревностью Божию; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою» (1 Кор. 11:2).</p> <p>«Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе! Со мною с Ливана невеста! Со мною иди с Ливана!» (Песн. 4:7—8).</p>
Красный	<p>«Красный надевается в дни праздников апостолов и мучеников, прочих святых мучеников из-за крови, пролитой ими за Христа».</p> <p>«...на праздник Креста, на котором за нас пролил Свою Кровь Христос...».</p> <p>«На Троицу, в знак Святого Духа, сошедшего на апостолов в виде языков пламени».</p> <p>«...на поминовение Всех Святых...»⁵.</p>	<p>«И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр. 7:13—14).</p> <p>«Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? «Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасать». Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои, и Я запятнал все одеяние Свое; ибо день мщения — в сердце Моем, и год Моих искупленных настал» (Ис. 63:1—4).</p> <p>«Когда же начал я (Петр. — С.П.) говорить, сошел на них Дух Святой, как и на нас вначале. Тогда вспомнил я слово Господа, как он говорил «Иоанн Крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым»» (Деян. 11:15—17).</p> <p>«Свыше послал Он огонь в кости мои, и он овладел ими; раскинул сеть для ног моих, опрокинул меня, сделал меня бедным и томящимся всякий день» (Плач. 1:13).</p> <p>«После сего взглянул я, и вот великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. 7:9).</p>

Черный	«Черные одеяния должны использоваться в дни скорби и поста из-за грехов и (в поминовение. — С.П.) умерших. От Рождественского поста <...> вплоть до Рождественских бдений и от Семидесятиницы до Пасхальной субботы».	«Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры рыцарские, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня» (Песн. 1:4—5).
	«На праздник невинных младенцев...» ⁶ .	«Так говорит Господь: голос слышен в Риме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет» (Иер. 31:15).

¹ Ibid. Col. 800. Зачатие Иоанна Крестителя признается изначально греховным, но освященным в утробе со ссылкой на Слово Господне Иеремии: «...прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятит тебя: пророком для народов поставил тебя» (Иер. 1:5), и предсказания ангела Захарии: «...и Духа Святого исполнится (Иоанн. — С.П.) еще от чрева матери своей» (Лук. 1:15) // Ibid.

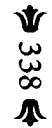
² Ibid. Col. 801.

³ Ibid.

⁴ Ibid. Col. 800.

⁵ «Однако другие, — уточняет трактат, — подобно (членам. — С.П.) Римской курии, (носят. — С.П.) белое» со ссылкой на Откровение Иоанна Богослова (см. таблицу). Ibid. Col. 801.

⁶ Далее уточняется: «...другие настаивают, что следует использоваться красные облачения <...> по причине мученичества (невино убиенных. — С.П.)» // Ibid. Col. 802. со ссылкой на Откровение Иоанна Богослова: «Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святыи и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откр. 6:9—10). Следует добавить, что следующий стих предписывает мученикам белые одеяния: «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр. 6:11), что только завершает хроматический кругооборот.

Кроме основных, допустимо использовать дополнительные цвета — фиолетовый и зеленый. Фиолетовые одеяния следует использовать «... на “Веселися, Иерусалиме”²⁸, а из-за радости (праздника Входа Господня в Иерусалим, т.е. Вербного Воскресенья. — С.П.) <...> римский понтифик надевает митру с покрывалом, из-за воздержания (Великого поста. — С.П.) — черные, но правильнее — фиолетовые одеяния»²⁹. Что касается зеленого, то трактат признает его как упоминаемые выше т.н. средний или смешанный цвет. Его следует использовать в будние и общие поминальные дни, поскольку он переменчив и «...является средним между белым, черным и красным»³⁰, т.к. по мнению кардинала, именно о зеленом идет речь в ветхозаветных описаниях «киперы с нардами, нард и шафран, аир и корица»³¹. Поэтому зеленый — производное от указанных оттенков желтого³², вплоть до коричневого. В результате формируется четкая диахромная иерархия средних цветов, производных от основных: «От красного цвета — алый (*coccineus*), от черного — фиолетовый (*violaceus*), от зеленого — желтый (*croceus*)»³³.

Реализуясь в ходе богослужения, они регламентировали его ход и кодировали его смыслы. Неизбежные дополнения фиксировались в литургических книгах (ординариях)³⁴, из процедуры которых постепенно проступает регламентация инаугурационной королевской церемонии французской монархии, вбиравшей в себя светские, изначально, рыцарские (отчасти восходящие еще к германской традиции) ритуалы³⁵. И если первые *ordines coronationis* последней четверти IX в., приписываемые перу архиепископа Реймского Хинкмара, по сути, являются

²⁸ «Веселися Иерусалиме, торжествуйте любящий Сиона: царствуя бо во веки Господь сил прииде, да благоговет вся земля от лица Его, и да вопиет: благословите вся дела Господня Господа» // Канон Входу Господню в Иерусалим. 8:1.

²⁹ *Innocentius III, papa*. Op. cit. Col. 802.

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.*

³² Песн. 4: 13—14.

³³ *Ibid.*

³⁴ См. основные общие исследования об ординариях: *Cabrol F., dom.* Les livres de la liturgie latine. Stanford, 1930; *Foley E.* The “Libri Ordinarii”: An Introduction // *Ephemerides Liturgicae*. 1988. Vol. 102. P. 129—137; *Palazzo É.* A History of Liturgical Books: From the Beginning to the Thirteenth Century. Collegeville, 1998. P. 221—228.

³⁵ К ним относятся: ночное бдение короля в Ремском соборе накануне посвящения, вручение меча и шпор, ритуал прикосновения к короне коллегии церковных и светских пэров, серия процедур участия последних в церемонии и т.д. См.: *Jackson R.A.* The Sleeping King // *Bibliothèque d’Humanisme et Renaissance: travaux et documents*. 1969. № 31. P. 525—551; *Flori J.* Chevalerie et liturgie. Remise des armes et vocabulaire “chevaleresque” dans les sources liturgiques du IXe au XIVe siècle // *Le Moyen Âge: bulletin mensuel d’histoire et de philologie*. 1978. T. 84. № 2. P. 247—278; № 3. P. 409—442; *Le Goff J.* Le rituel symbolique de la vassalité // *Pour un autre Moyen Âge: temps, travail et culture en Occident*. 18 essais. Paris, 1977. P. 249—420.

краткими литургическими изложениями с индукциями помазания и коронации³⁶ без каких бы то ни было хроматических пояснений, то т.н. «капетингские *ordines*» эпохи Людовика Святого³⁷ постепенно конкретизируют цветовую гамму одеяний посвящаемого монарха.

Первый из них, т.н. *ordo* Реймса, составленный ок. 1230 г.³⁸, сосредотачивает внимание на цветовом решении королевского образа в тот момент *le sacre royal*, когда описывает регалии и одеяния монарха, разложенные на алтаре в специальном порядке: «Между тем следует взять облачение и поместить на алтарь корону короля, его помещенный в закрытые ножны меч³⁹, золотые шпоры, позолоченный скипетр и желаемого размера или большего, который вручают как руку из слоновой кости⁴⁰»⁴¹. Если задаться целью определить хроматическую составляющую регалий, то доминирующим оказывается золотой цвет, —

³⁶ Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427; Coronatio Hermentrudis reginae // Ibid. S. 453—455; Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458; Ordo coronationis Hludowici Balbi // Ibid. S. 461—462. К ним примыкает *ordo* Фулрада (Ратольда) X в., отличающееся первой попыткой систематизации королевских регалий и их благословений. См.: P. Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 345—361.

³⁷ Ordo of Reims // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 291—305; French Translations of Ordo of Reims (ca. 1300—1320, 1512) // Ibid. P. 306—340; Ordo of 1250 (1240—1250) // Ibid. P. 341—366; Last Capetien ordo (ca. 1250—1270) // Ibid. P. 267—418; French Translation of Last Capetien Ordo — ca. 1350, 1555—1566 // Ibid. P. 419—453.

³⁸ Т.е. спустя четыре года после посвящения Людовика IX, имевшего место 29 ноября 1226 г.

³⁹ Жуайез Карла Великого — коронационный меч французских монархов.

⁴⁰ Имеется в виду уникальная регалия французской монархии — рука (длань) Правосудия (*le main de Justice*), представлявшая собой помещенную на подобие жезла кисть руки, пальцы которой сложены в клятвенном жесте. О ее символике и практике применения см: Pinoteau H. La main de justice des rois de France, essai explication // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1977—1978—1979. Paris, 1982. P. 262—274; Цатурова С.К. Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Тез. докл. М., 2004. С. 102—106; Польская С.А. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии (IX—XV вв.) // *Cogito*: Альманах истории идей / Отв. ред. А.В. Корневский. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 5. С. 181—202. Чаще всего выполнялась, как и представленная в данном случае инсигния Людовика IX, «...из позолоченного серебра и слоновой кости». См.: Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont declares brievement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir. Paris, 1666. P. 11.

⁴¹ Ordo of Reims. P. 326.

тенденция, закрепившаяся на все время существования монархии. Она не требует особых пояснений, являясь совершенно типичной для образа власти, в то время как цвет и крой одежды посвящаемого короля заслуживают более пристального внимания: «Здесь же, — продолжает *ordo*, — шоссы из шелка фиолетового цвета, вышитые золотыми цветами лилии и котта того же цвета, украшенная в той же манере; туника, каковая бывает на служащем мессу дяконе из такого же сукна, что и сюрко, который целиком должен быть нужного цвета и такой же работы; в той же доброй манере (по аналогии с сюрко. — *С.П.*) изготовлена и мантия без капюшона»⁴². Следовательно, король оказывался облаченным в диахромную фиолетово-золотую гамму, имеющую свой смысл. Золотой — «цвет солнца и одежд короля, — как уточняет Колет Бон — он символизировал порядок и милосердие <...>. Это цвет могущества, радости и праздника»⁴³. Именно данные качества окрасили белую лилию как указанный выше символ чистоты в золотой, превратив ее в символ королевского дома — *le fleur de lys*, появившуюся на королевских монетах и печатях уже с середины XII в., в правление Людовика VII и Филиппа II Августа⁴⁴. Набивание же золотой лилии на фиолетовую ткань королевских одежд могло, по мнению ряда исследователей, означать подражание внешнему виду священнослужителей⁴⁵, однако

⁴² Ibid.

⁴³ *Beaune C. Naissance de France. Paris, 1985. P. 238.* Саму же символику лилии исследовательница трактует как проявление культа Девы Марии, чьи добродетели делегировались потестарным полномочиям монарха. «...Король должен был проповедовать те же истины, что и Дева — справедливость, целомудрие, кротость и милосердие, он спасал от зла. Хвала королевским лилиям смешивалась с хвалой лилиям Девы. Франция — с легкостью думали в XII в. — это королевство Девы» // *Idem. Le miroir de pouvoir. Paris, 1989. P. 153.*

⁴⁴ См. исследования геральдистов, сфрагистов и нумизматов: *Rosbash E. De la fleur de lys comme emblème nationale // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres du Toulouse. 1884. T. 6. P. 136—172; Braun Stumm G. von. L'origine de la fleur de lys rois de France du point de vue numismatique // Revue Numismatique. 1951. Vol. 13. P. 43—58; Pinoteau H. Les origines de l'héraldique capétienne // Comunicaciones y conclusiones del III Congreso internacional de genealogía y heráldica. Madrid, 1955. P. 438—511; Idem. Vingt-cinq ans d'études dynastiques. Paris, 1982. P. 54—99; Pastoureaux M. La Fleur de lys emblème marial ou thème graphique. La monnaie miroir de rois. Paris, 1978; Idem. Vingt-cinq ans d'études dynastiques. Paris, 1982. P. 54—99, 300—324, 447—507; Dallas M. Les sceaux des rois et de régence. Paris, 1990. P. 36—48; Bedos-Rezak B. Signes et insignes du pouvoir au Moyen Âge: le témoignage des sceaux // Comité des Travaux historiques et scientifiques. Section de philologie et d'histoire jusqu'en 1610: Actes du 105 Congrès national des Sociétés savantes. Paris, 1984. P. 47—48*

⁴⁵ Мнение Ф. Оппенгеймера, полагавшего, что лилия в виде геральдической розетки набивалась на ткань одежд священников для посвящения Карла Великого в 754 г. в Сен-Дени и копировалась для коронации Людовика VII, см.: *Oppenheimer F., sir. Frankish Themes and Problems. London, 1953. P. 171—235.*

это вряд ли представляется таковым, поскольку описаний такого рода в литургических книгах не обнаруживается. При этом гиацинтовый цвет признается смешанным, «...средним между желтым, розовым и синим...»⁴⁶. На наш взгляд, уместно говорить об иерархической подражательности, поскольку фиолетовый — цвет епископских одеяний, восходящий к уже упоминаемому гиацинтовому ветхозаветных первосвященников⁴⁷. На это указывает и уточнение внешнего вида туники, аналогичной одеянию служащего дьякона. Речь идет о верхней ризе — далматике, цвет которой мог варьироваться в зависимости от церковного календаря, согласно установившимся правилам, но для посвящаемого монарха он предписывался именно фиолетовым, что еще больше теизировало его власть.

В той же гамме выполнены коронационные одежды Людовика IX, согласно данным «Инвентарной книги 1634 г.»: «№ 335. Большая королевская мантия фиолетового бархата, вышитая золотыми цветами лилии, подбитая белой тафтой с опушкой из белого горноста. № 336. Камзол из фиолетового блестящего шелка, вышитого золотыми цветами лилии. № 337. Пара туфель из фиолетового шелка, вышитого золотыми цветами лилии»⁴⁸.

Однако следующий коронационный *ordo* 1250 г., описывающий ту же фиолетово-золотую гамму, в ряде манускриптов содержит серию миниатюр, изображающих монарха в одеяниях, усыпанных золотыми лилиями, но уже на голубом фоне. Французская редакция следующего капетингского *ordo*, составленного в 1270 г., подтверждает эту вариативность, предписывая канцлеру облачить короля в «...шоссы, сандали или боты (*botines*) из шелка голубого лазурного цвета (*l'azur*), усеянного золотыми цветами лилии и тунику или далматику (*dalmatique*) того же цвета и той же работы, выполненной на манер ризы, которую носят иподьяконы на богослужении. И сюрко, который является королевской мантией, полностью того же цвета и той же работы...»⁴⁹.

⁴⁶ Ordo of Charles VI // *Ordines Coronations Franciae*. Т. 2. P. 568.

⁴⁷ Как будет прямо указывать в своем «Французском церемониале» архивист, секретарь и придворный историограф Людовика XIII Теодор Годфруа, гиацинтовый «...носят епископы и носили высокопоставленные священники Израиля». См.: *Godefroy Th. Le ceremonial francois. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrees soulennes: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilli par Theodore Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy*: 2 т. Paris, 1649. Т. 1. P. 220.

⁴⁸ *Inventaire de 1634 // Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin*. Paris, 1973. Vol. 1. P. 247.

⁴⁹ French Translation of Last Capetien Ordo. P. 428—429.

Lazur полагался символом вечной устремленности ввысь, высшей духовности, именно эта палитра утверждается в королевской геральдике⁵⁰, закрепляя связь монархии с Богом. Сочетание с золотым подразумевало наличие *le fleur de lys*, окончательно ставшей знаком королевского дома, воспроизводящейся не только на одежде, оружии, гербах, стягах и иной военной атрибутике⁵¹, но и на инсигниях: т.н. «короне Людовика Святого» — реликварии с вправленным в ее обод Шипе из Венца Господня⁵², скипетре и коронационном кольце⁵³. Аналогичными, т.е. выполненными в лазурно-золотой гамме, с обязательным присутствием королевской лилии, выглядят и образы, концентрирующие королевские prerogatives, в ряде прочих — не инаугурационных — церемоний. Так, одна из редакций *ordo* Карла VI, описывает встречу монарха за стенами Реймса, куда прибывает монарх для въезда с целью последующего посвящения. Для его встречи за стенами города была отправлена делегация, в составе которой находилась аллегорическая фигура королевской власти, одетая в «королевские цвета» и знаки: «Подъезжая к следующему указанному для въезда городу (Реймсу. — С.П.), когда король приблизился к главным воротам, он обнаружил прекрасную юную девушку с волосами цвета золота, спускающимися до талии; на ее голове был убор из позолоченного серебра в виде цветка (лилии. — С.П.); одета она была в закрывающее ее туловище и руки платье из шелка цвета лазури, усеянное золотыми цветами лилии; в чулки бе-

⁵⁰ Символика и геральдическая практика королевской лазури многократно описана в трудах эрудитов. См., например, «Историю королевского дома Франции» Ансельма Сен-Мари: *Anselme de Sainte-Marie, Ange de Sainte-Rosalie. Histoire de la Maison Royale de France, et des grands officiers de la Couronne*. Paris, 1773. P. 18, 299.

⁵¹ См., например, известный трактат Марка Жильбера де Варенна о правилах изготовления и декорирования королевского оружия и монографию Жана-Бернара Каура д'Аспри: *Varennes M.G. de. Le Roy d'armes ou l'art de bien former, charger, briser, timbrer, parer, expliquer, et blasonner les armoiries: Le tout enrichy de discours, antiquitez, <...> & d'une grande quantité de blasons des armes de la pluspart des illustres maisons de l'Europe*. Paris, 1640; *Cahours d'Aspry J.-B. Des fleurs de lis et des armes de France: Légendes, Histoire et Symbolisme*. Atlantica, 2006.

⁵² Об истории реликвии см., например, исследования Кьяры Меркури: *Mercuri Ch. Stat inter spinas liliium: le Lys de France et la couronne d'épines // Le Moyen Âge: revue d'histoire et de philologie*. 2004. № 3. Т. CX. P. 497—512; *Idem. Corona di Cristo corona di re: la monarchia francese e la corona di spine nel Medioevo*. Roma, 2004.

⁵³ О фигуре лилии на этих и прочих регалиях см.: *Pinoteau H. Les insignes du pouvoir en France // Le sacre des rois: Actes du Colloque International d'histoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975. P. 75—83; *Idem. La symbolique royale française Vème—XVIIIème siècle*. La Roche-Rigault, 2004; *Beaune C. The Birth of Ideology: Myths and Symbols of Nation in Late-Medieval France / Trad. by F.L. Cheyette*. Berkeley, 1991; *Hinkle W.M. The Fleurs de lis of the Kings of France, 1285—1488*. Southern Illinois, 1991; *Bedos-Rezak B. When Ego Was Imago: Signs of Identity in the Middle Ages*. N.Y., 2010. P. XI, XIV, XVI, XIX, XXIII, 248.

лого цвета; пояс зеленого шелка спускался на всю длину платья; держала она в своих руках ключи от названного города...»⁵⁴.

При этом регламенты *le sacre royal* эпохи Валуа все же настаивают на фиолетово-золотой гамме королевского образа. Еще большие уточнения и новации в протокол инаугурационной церемонии внесет правление Карла V, коронационный *ordo* которого, составленный в 1364 г.⁵⁵, не обойдет вниманием и колористику, все более подробно зафиксированную в протоколе. К сожалению, гамма неоднократно упоминаемых облачений отправляющего церемонию архиепископа Реймского, его «инсигнии и мантия», не уточнена: «Архиепископ готовится к мессе с помощью дьякона и иподьякона, облачаясь в инсигнии, мантию и в этом торжественном одеянии следует к большому алтарю (Реймского собора. — С.П.), и король должен почтительно встать ему навстречу»⁵⁶. Но хроматическое решение королевского образа предстает достаточно ясно, в той же фиолетово-золотой гамме и в том же решении, что и в капетингских *ordines*: «Предварительно подготавливаются и кладутся на алтарь королевская корона, меч в ножнах, золотые шпоры, позолоченный скипетр и стержень длиной более локтя с рукой из слоновой кости. Кроме того, шелковые чулки, все расшитые лиловым с золотом и того же цвета рубашка, сшитая как для иподьякона на мессе, а также чулки точно такого же цвета и качества, изготовленные из шелка или козьей шерсти»⁵⁷.

Изменения прослеживаются тогда, когда с доминантой фиолетового и золотого резонирует белый цвет нательной рубахи, надеваемой королем для помазания. В *ordo* Реймса, где эта процедура прописана впервые, указывается не только цвет, но и особый крой — с прорезьями на тех местах тела (кистей рук, груди, предплечий, локтевых сгибов и т.д.), которых коснется Священный Елей: «Затем, после того, как будут затянуты узлы, развязанные для совершения помазания, <...> тот, кто является канцлером Франции, должен одеть названную котту, работа и цвет которой отличаются от вышеупомянутого одеяния (т.е. рубашки. — С.П.)»⁵⁸. Эту же традицию подхватывает и *ordo* Карла V, уточняя: «Король становится перед алтарем, снимает одежду, кроме шелковой

⁵⁴ Ordo of Charles VI. P. 564.

⁵⁵ Ordo of Charles V // Ordines Coronations Franciae. T. 2. P. 454—521; Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.

⁵⁶ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 240.

⁵⁷ Ibid. P. 241.

⁵⁸ Ordo of Reims. P. 329.

рубашки с глубокими прорезями спереди и сзади, а также на плечах, вязанными серебряными атласными шнурами»⁵⁹.

В силу предписанного помазания как кульминационного сакрально-о действия, рубашка ассоциировалась с крестильной, но, в отличие от поледней, хранящейся в течение последующей жизни, настоящую следовало жечь по окончании инаугурации как не подлежащую мирскому осквернению⁶⁰. Сразу по его совершении начинается т.н. королевская проскиезия — простация, аналогичная рукоположений священнослужителей. Она тоже совершается в белой рубахе и в тех же процедурных действиях: «Помазание готово (т.е. Священный Елей смешан на дискозе с мукой рубого помола. — С.П.), и король должен быть помазан архиепископом, для чего разрезы на рубашке следует расшнуровать спереди и сзади, и [затем] король должен стать на колени и лечь на землю, простеревшись перед налоем, архиепископ простирается подобным же образом»⁶¹. Затем «архиепископ поднимается, и сам посвящает короля, левой рукой держа патырский посох»⁶², после чего «...архиепископ или священнослужитель, или дьякон завязывает шнуровку, развязанную для помазания»⁶³.

Затем следует черед облачения помазанного монарха в указанные одежды, что сопровождается специальным благословением: «Боже, Царь царей и Господь всемогущий, который правит над королями и устанавливает законы, удостой милостивым благословением королевских украшения и разреши рабу Твоему, нашему королю, который должен носить крашения с честью до самой смерти, освяти Твоим блистающим взором, и восславь времена вечной славной жизни, когда не исчезнет время, а настанет Царство. — С.П.) беспредельно принадлежащее (Христу. — С.П.)»⁶⁴. Во время ее оглашения камергер Франции «...одевает фиолетовую тунику и верхнюю накидку так, чтобы оставить свободной правую руку, и приподнятой (слева. — С.П.), как надевают священную ризу»⁶⁵, чем еще больше теизирует облик монарха и, наконец, завершает свои руды тем, что «...одевает на короля темного цвета сапоги»⁶⁶.

Последующие *ordines* только уточняют сложившуюся традицию диаромного образа: «Когда король входит в свои покои, вернувшись из церкви, он надевает шелковую рубашку (*la chemise*), зашнурованную у орловины, а поверх нее — шелковое платье (*la robe*) цвета гиацинта,

⁵⁹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁶⁰ Godefroy Th. Op. cit. P. 194.

⁶¹ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 241.

⁶² Ibid. P. 243.

⁶³ Ibid. P. 245.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

того что и рубашка дьякона (т.е. уже неоднократно упоминаемая далматика. — С.П.), открывающееся и закрывающееся спереди и сзади; <...> длинную мантию, отделанную мехом белой куницы (*martres*), что, как мы знаем, означает большую преданность⁶⁷,⁶⁸. Эти предписания *ordo* Карла VII, практически аналогичные предыдущим регламентам, с тем лишь уточнением последующих, допускающих, как, например, *ordo* Карла VIII, одеяния «цвета гиацинта»: «По окончании молитвы епископов монсеньор архиепископ и прочие прелаты, стоящие вокруг короля, поднимают его рубашку <...> цвета гиацинта и зашнуровывают ее, как уже объяснялось выше, для сохранения чистоты святого помазания»⁶⁹.

С наступлением эпохи абсолютизма место коронационных регламентов постепенно вытесняют трактаты юристов, отдельно или сюжетно посвященные тем или иным сторонам королевского церемониала. Среди их множества следует выделить наиболее детальные: секретаря Парижского Парламента, а также личного секретаря Генриха II Жана Дю Тийе⁷⁰; архивиста, секретаря и придворного историографа Людовика XIII Теодора Годфруа⁷¹; бенедиктинца, главного приора аббатства Св. Николая в Реймсе Гийома Марло⁷²; секретаря (греффье), впоследствии — советника Парламента Меца Николая Менана⁷³; адвоката Понса-Огюстена Аллеца⁷⁴; доминиканца Шарля Беви⁷⁵. В их сочинениях

⁶⁷ Скорее всего, это горноста́й (*l'hermine*) с нашитыми черными оконечностями хвостов. О символике горноста́я в средневековой геральдической иерархии см.: *Pastoureau M. L'Hermine et le sinople, études d'héraldique médiévale. Paris, 1982.*

⁶⁸ *Ordo of Charles VII. P. 578.*

⁶⁹ *Ordo of Charles VIII. P. 599*

⁷⁰ *Du Tillet J. Recueil des rois de France, leur couronne et maison: ensemble, le reings des grands de France; Une chronique abrégée contenant tout ce qui est advenu, tant en fait de guerre qu'autrement, entre les roys & princes, républiques & potentats estrangers. Paris, 1577.*

⁷¹ *Godefroy Th. Op. cit.*

⁷² *Marlot G. Le theatre d'honneur et de magnificence, préparé au sacre des roys où il est traité de l'inauguration des Souverains, du lieu où elle se fait, & par qui; de la Verité de la Sainte Ampoule, des Roys qui en ont été Sacres, du Couronnement des Reines, des Entrée Royales, & Ceremonies du Sacre, & de de la Dignité de nos Roys. Reims, 1643.*

⁷³ *Menin N. Traite historique et chronologique du sacre et couronnements des Roys et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à present par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723.*

⁷⁴ *Alletz P.-A. Cérémonial du sacre des rois de France: où l'on voit l'ancienneté de cet acte de religion; les motifs de son institution; le pompeux appareil avec lequel il est célébré; le costume des habillements, & une table chronologique du sacre des rois. On y à ajouté la traduction de toutes les oraisons & prières qui sont une grande partie de la cérémonie, & on à donné une idée du sacre & couronnement des reines de France. Paris, 1775.*

⁷⁵ *Bevy Ch.J., dom. Histoire des Inauguration des rois, empereur et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine à present. Siuivie d'un precis de l'État des arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, mœurs, coutumes et usages les plus remarquables des Francois, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. Paris, 1776.*

модели колористики королевского образа диахромны, настаивая на фиолетово-золотой, фиолетово-белой, сине-золотой и лазурно-золотой гамме. Примечательно, что в любом случае она усеяна золотыми цветами лилии и сочетается с золотом инсигний. И это не является новшеством эпохи Старого Порядка. Так, миниатюры «Коронационной книги Карла V» 1364 г. представляют фигуру короля в синих одеждах, буквально затканых *le fleur de lys* от мантии и камзола до обуви⁷⁶. То же решение (вкуче с фоном происходящего) использовано Жаном Фуке в его иллюстрациях, равно как и знаменитых миниатюрах «Больших Французских хроник», где король и ближайшее к нему пространство (вплоть до попон лошадей, военных шатров и одеял) окутаны синим с золотой геральдической лилией на его фоне⁷⁷. Можно уверенно констатировать, что синий окончательно перешел в разряд королевских, оставшись при этом достаточно светским цветом власти и могущества⁷⁸. Следовательно, трактаты XVI—XVIII вв. только фиксируют сложившуюся традицию, но предельно конкретизируют ее, дополняя

⁷⁶ Для обозначения причастности к происходящему одеяния держащего меч коннетабля и архиепископа Реймского выглядят на миниатюрах точно так же, хотя это не соответствует действительности, являясь условностью средневековой образности.

⁷⁷ Что касается королевских одеяний, то они выглядят аналогичным образом и в текстах прочих хроник. Типичным примером может выступать хроника Сен-Дени, описывающая посткоронационный въезд Карла VI 11 ноября 1380 г. «На следующий день, когда было воскресенье, он (король. — С.П.) приближался к Парижу, одетый в синее шелковое платье, все расшитое золотыми цветами лилии. С какой радостью, с каким ликованием они был встречен в городе!...» // *Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / Éd. de B. Guenée, Fr. Lehoux. Paris, 1968. P. 56.* Об этом же пишут и прочие хронисты. Так, один из них, повествуя о посткоронационном въезде Карла VII Париж 12 ноября 1437 г., указывает, что над украшенными фигурой ангела воротами Сен-Дени последний держал «...лазоревого щит с тремя золотыми цветами лилии...»; королевская лошадь была «...покрыта попоной из синего бархата с золотыми цветами лилии». См.: *Ibid.* P. 72. О развитии самой церемонии, в том числе ее хроматическом решении см.: *Цатурова С.К.* «На ком платье короля?». Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV—XV вв.) // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 216—248.*

⁷⁸ М. Пастуро, справедливо возводя его истоки к культу Девы Марии, пришедшем из Византии и впоследствии секуляризовавшемся, инициатором указанного явления считает Людовика IX, который первым из королей Франции начал одеваться в синее (что подтверждается его иконографией. См.: *Deslandres Y.* *La costume du roi Saint Louis, étude iconographique // Septième centenaire de la mort de Saint Louis: Actes du Colloque de Royaumont (mai 1970). Paris, 1876. P. 195—214.*) Вторая половина XII в. стала временем «синей революции», потеснившей красный как самый популярный цвет знати. См.: *Pastoureau M.* *Le temps mis en couleurs.*

множеством деталей вида королевских одежд и украшений (*les habits royaux, les ornements royaux*): камзола и рубашки, далматики, обуви, мантии, аграфы. Интерьер выдержан в фиолетово-золотой тональности; при этом первый цвет выступает фоном, а второй — рисунком: «...Над входом расположен балдахин с четырьмя высокими ступенями, покрытыми фиолетовым бархатным ковром, вышитым золотыми цветами лилии. Над ним расположена молезна, покрытая еще одним ковром, кресло и две скамьи с балдахином, подготовленные для короля, из той же материи. В пространстве между хорами и присутственными местами <...> — большие плиты пяти локтей в длину, над которыми король должен простереться перед архиепископом Реймским <...> покрыты той же материей»⁷⁹; «наконец, вход, который занят множеством мест <...>, спускающихся двумя большими пролетами до амвона с шестью лестницами по пятнадцать ступеней каждая, до низу покрыты тремя большими коврами, одним из золоченой шерсти и одним бархатным, фиолетового цвета, во множестве усеянного золотыми цветами лилии...»⁸⁰; «...большой балдахин, весь из фиолетового бархата, усыпанного золотыми цветами лилии...»⁸¹; и т.п.

Что касается более ранних описаний Ж. Дю Тийе, то они демонстрируют доминанту синего (*le bleu*) или небесно-голубого (*le bleu azur*)⁸² перед фиолетовым (*le violet*)⁸³; монарх традиционно облачен «...в шелковые туфли цвета лазури, усеянные цветами лилии, рубашку и камзол того же цвета...»⁸⁴.

Однако «Французский церемониал» Т. Гофруа, хронологически более близкий к трудам Менана и Беви, признает оба цветовых решения равными, но со своими особенностями. Так, он впервые описывает материал королевских одежд — атлас (*le satin*), бархат (*le velour*) и замша (*le cramoisy*), «...усеянные золотыми цветами лилии»⁸⁵; фиксирует цвета платья королевы для ее инаугурации: «...цвета королевы оранжевый/дубленый⁸⁶ (*le tanné*), белый (*le blanc*), а также малиновый (*le incarnat*)...», значение которых, как и в случае с синим монарших

⁷⁹ *Menin N.* Op. cit. P. 215—216.

⁸⁰ *Ibid.* P. 219.

⁸¹ *Ibid.* P. 220.

⁸² *Du Tillet J.* Op. cit. P. 73, 82, 85, 86, 96, 100, 141, 166, 169, 264, 444. 660 et ctr.

⁸³ *Ibid.* P. 69, 140, 341, 343.

⁸⁴ *Ibid.* P. 192.

⁸⁵ *Godefroy Th.* Op. cit. P. 270, 314, 322, 327, 351, 386, 388, 405.

⁸⁶ Т.е. в большей степени желто-коричневый, чем оранжевый в современном понимании, хотя изначально *la tanne (la tenne)* восходит к германскому «ель», «пихта». См. подробнее: *Rey J.* Histoire du drapeau, des couleurs et des insignes de la Monarchie française, précédée de l'histoire des enseignes militaires chez les anciens: 3 т. Paris, 1837. Т. 2. P. 531, 532.

одеяний, по большей части имеет секулярный, геральдический, чем литургический — сакральный — смысл. Признание наличия гиацинтового цвета облачения, изначально, как уже говорилось выше, относящегося к традициям израильских царей и первосвященников, позволяет сделать вывод о переходе первоначально теизированного фиолетового в разряд королевских хроматических кодов. Это, по выражению Жака Ле Гоффа, «... сделало его цветом власти наряду с модным небесно-голубым»⁸⁷. По утверждению Т. Годфруа, данная тенденция имела место при инаугурации Людовика VII, Филиппа IV и всех Валуа, став к этому времени устойчивой традицией, подтверждающейся текстами коронационных *ordines*. Если принять к сведению, что не только рубаха для помазания, но и подкладка камзола и мантии были белыми, а не гиацинтовыми, синими или голубыми, то колористика образа монарха оказывалась исполненной в бело-фиолетовой палитре⁸⁸. Она соответствовала цвету одеяний священства и даже интерьера (ковров, балдахина, возвышающегося над тронном, скамей для присутствующих)⁸⁹ — весь фон оказывался подчинен единому и при этом тройственному хроматическому замыслу: фиолетовый, белый, золотой.

Полученное сочетание можно трактовать как репрезентацию союза Церкви и монархии, и как небезуспешную попытку последней присоединить к своим прерогативам литургическую колористику. В любом случае она достаточно полно демонстрировала и сакральные, и постарные начала власти, что в еще более ярких красках описывает Г. Марло в своем «Театре чести и величия». Так, сходство формы и цвета священнического и королевского облачения (на этот раз фиолетовый обозначен не как гиацинтовый, а как пурпурный) отмечено напрямую: «Епископы и клир, облаченные в свои священнические одежды, <...> входят в церковь и располагаются вокруг Большого Алтаря, где будет отправляться месса <...> на его (епископа. — С.П.) голове — шапочка из бархата пурпурного цвета, отороченная горностаем, поверх которой надета очень богатая золотая корона с высокими зубцам в виде цветов (лилии. — С.П.), схожие с теми, которые имеются на королевской короне»⁹⁰. Такой же головной убор водружен на главу монарха до начала процедур посвящения: «После чего (молитвы. — С.П.) епископ вручает ему меч в ножнах. Затем снимает с головы принца бархатную шапочку пурпурного цвета, отороченную мехом горностаем, после чего

⁸⁷ Le Goff J. A Coronation Program for the Age of Saint Louis, the *Ordo* of 1250 // Coronation. P. 54.

⁸⁸ Godfrey Th. Op. cit. P. 184, 446.

⁸⁹ Ibid. P. 314.

⁹⁰ Marlot G. Op. cit. P. 111.

берет золотую корону, украшенную драгоценными камнями и большими зубцами, на всю их высоту в виде цветов (лилии. — С.П.), которую герцоги должны держать над головой короля⁹¹,⁹².

На пурпурные одеяния духовенства как один из вариантов облачения указывает и Н. Менан: «...В стихарях и красных мантиях...». Но допускает и фиолетовое облачение: «...Два церковных пэра и прочие епископы, которые присутствуют на этом августейшем торжестве, все в фиолетовых стихарях и мантиях»⁹³. Ему же вторит П.-А. Аллец, однако в определении цветового первенства королевских и священнических одеяний делает выбор в пользу первых: «Архиепископ Реймский и прелаты предстают в одеяниях <...> из фиолетового бархата, усеянного золотыми цветами лилии»⁹⁴; «митра архиепископа <...> из фиолетового бархата, усеянного золотыми цветами лилии»⁹⁵.

Далее следует обоснование белого цвета. Впрочем, если для Мена на он является одеянием посвящаемого монарха до процедур помазания и коронации («...обыкновенно в белом атласе или шелке, отделанном золотом...»⁹⁶), то у Г. Марло сам факт использования белого цвета «древними государями» ветхозаветных и эллинистически-римских времен является дополнительным аргументом, подтверждающим сакральный статус монарха: «Поскольку короли Франции являются верными последователями рода Давида, им позволено принимать божественное помазание; они унаследовали те же цвета, что отмечены всеми нашими историями: прежде прочих, что был в обыкновении у великого царя Соломона, который всегда появлялся перед народом в белом одеянии, о чем пишет Иосиф (Флавий. — С.П.) в своих “Иудейских древностях”. Это то, что означает безупречность невинность, кои присущи христианнейшим королям...»⁹⁷.

Белый цвет, в понимании Г. Марло, является символическим выражением сакрального начала. Свое толкование он начинает с обращения уже не к литургической колористике, а к хрестоматийной легенде о крещении Хлодвига Св. Ремигием и явлении Св. Духа в виде голубя со Святой

⁹¹ Речь идет о ритуале прикосновения к короне, когда шесть пэров Церкви и шесть светских пэров прикасались к короне, которую над головой посвящаемого монарха держал архиепископ Реймский.

⁹² *Marlot G.* Op. cit. P. 114.

⁹³ *Menin N.* Op. cit. P. 209.

⁹⁴ *Alletz P.-A.* Op. cit. P. 12.

⁹⁵ *Ibid.* P. 33.

⁹⁶ *Menin N.* Op. cit. P. 209. Ш. Беви, рассказывая о посвящении Людовика Юного, указывает на красный цвет королевского камзола. Цвет облачения, в данном конкретном случае, является указанием на знатное указание, высокое достоинство персоны и не несет, на наш взгляд, какого-то дополнительного сакрального подтекста.. См.: *Bevy Ch. J., dom.* Op. cit. P. 203.

⁹⁷ *Marlot G.* Op. cit. P. 139.

Склянкой (*la Sainte Ampoule*), наполненной Священным Елеем, которым впоследствии помазывали всех французских монархов. «Цветок лилии тоже белый, поскольку только нашим королям был дарован спустившемся с Небес белым голубем Святой Елей, которым они помазываются и посвящаются, в честь этого чуда приняли цветок лилии, белый в своем совершенстве, в отличие от других цветов...»⁹⁸. Что касается обретения лилией золотого (желтого) цвета и закрепления на голубом геральдическом поле, то для объяснения этого порядка автор прибегает к собственным корням франков, уточняя, что «...у франков, сикамбров...», «...как и у фризов...», лилия цвела «...в лазурном поле, которое означало небо, поскольку это цвет Небес». Поэтому ношении *le fleur de lys* на голубом поле распространилось со времени регентства Эда (Парижского. — С.П.), а затем — Филиппа I, Людовика VII⁹⁹. Более того, уже Людовик Благочестивый носил «...мантию синего цвета, украшенную цветами лилии...»¹⁰⁰. Итак, господствующей хроматикой королевских одеяний выступает триада голубого, золотого и белого цветов: «Королевские одежды все из голубого бархата или атласа, сплошь усеянного золотыми цветами лилии; цвет, который наши короли всегда любили носить с белым в память голубя, который принес с Небес Святую Склянку; данный сюжет применим к двум цветам как освящающим...»¹⁰¹.

При этом короли эпохи абсолютизма могли выступать и в монохромном образе, когда «...Генрих II был одет в голубой атлас с желтой подкладкой <...>. Одеяния Генриха IV изготовили из белого атласа, а Людовика XIII — из фиолетового»¹⁰². Но наиболее утвердившимся цветом образа власти станет *l'azur*, покрытый золотом королевских лилий, подбитый белой или желтой подкладкой, все больше отодвигающий синий и фиолетовый¹⁰³. Их описания у Г. Марло, Н. Менана, Ш. Беви и П.-А. Аллеца обнаруживают много сходства, что наглядно демонстрирует таблица хроматики королевского инаугурационного облачения (таблица 2).

Хроматика образа короля является результатом достаточно долгого становления традиции, в основе которой лежит сакральный литурги-

⁹⁸ Ibid. И далее Марло углубляет исторические параллели, доходя до франкского описания традиции. «Также персы упоминают его (белый. — С.П.) как цвет Израиля, греки затем распространили это в македонской империи. Об этом же писал Плутарх, говоря о жизни Артаксеркса <...>, поэтом белое надевают все прочие принцы <...> на церемонию помазания, которая имеет не только во Франции, но практикуется у королей Германии, Польши, Наварры и пр. ...» // Ibid. P. 140.

⁹⁹ Ibid. P. 285—286.

¹⁰⁰ Ibid. P. 563.

¹⁰¹ Ibid. P. 605—606.

¹⁰² Ibid. P. 606.

¹⁰³ Исключение составит только предназначенная для помазания белая рубашка.

	Камзол и рубашка	Обувь	Туника, далматика, кошель	Мантия
Г. Марло	«...весь из шелковистой замши, подбитой тафтой, украшен широкой золотой тесьмой с двумя маленькими складками из голубого атласа ¹ . <...> обычная рубашка из голландского полотна, длиной до талии, белая ... она будет сожжена в случае со свершения святого помазания» ² .	«...из голубого лазурного атласа, полностью вышитого по всему богато отделанному полю золотыми цветами лилии, подбиты тафтой, подошвы из шелковистой замши, украшенные по краям, книзу и в прочих местах богатой отделкой из жемчуга, дополняющего золотой фон...» ³ .	«Туника из голубого атласа, усеянного золотыми цветами лилии, богато отделанная по всему полю, на подкладке из желтой тафты, с богато украшенными прорезями, края богато отделаны четырьмя жемчужинами толщиной в палец <...> Далматика из того же лазурного атласа, усеянного цветами лилии, богато отделана жемчугом по золотому фону края, подбитого желтой тафтой. В числе украшений также кошель из голубого атласа, вышитого маленькими золотыми цветами лилии...» ⁴ .	«Королевская мантия точно такая же, из голубого атласа, усеянного богатой вышивкой из цветов лилии, на подкладке из желтого атласа, щедро усеянного жемчугом на фоне золотого канта, особенно много внизу». «Мантия Генриха IV, двойная, из белого атласа с широкой отделкой из горностаев, горностаевый же капюшон усеян золотыми цветами лилии, на подкладке из фиолетовой тафты, расшитой золотом» ⁵ .
Н. Менан			«...кошель из голубого атласа, покрытый крошечными золотыми цветами лилии, с парой шнурков, отделанных золотой и голубой нитью...» ⁶ .	«...из голубого атласа на желтой подкладке, богато отделанной по краю большой каймой из жемчуга на золотом фоне. <...> подкладка из белого шелка с большой горностаевой каймой, горностаевым же капюшоном. <...> фиолетовый бархат, окаймленный горностаем, усеянном золотыми цветами лилии на подкладке из фиолетовой тафты, окаймленной золотым шнуром» ⁷ .
Н. Менан	«...некоторые из них голубого атласа ..., некоторые — темно-голубого или фиолетового бархата. Но из атласа они или из бархата, они всегда усыпаны золотыми цветами лилии как по кайме, так и на всем видимом пространстве, на подкладке из белой тафты, туника же вся богато отделана по краям золотом и жемчугом» ⁸ ; «одежды короля для посвящения — это атласный камзол, отделанный золотом, рубашка, мантия, обувь, большая королевская мантия голубого бархата, вышитая золотыми цветами лилии с отделкой из горностаев»; «все одежды из фиолетового бархата, вышитого золотыми цветами лилии» ⁹ .			

Ш. Беви	«белая рубашка, которая разрезана на груди и между лопаток, дабы совершить помазание; эти разрезы вновь закрепляют серебряными шнурами» ¹¹ .			«...королевская мантия того же (лазурно-голубого. — С.П.) цвета с горностаевой отделкой и вышитыми золотыми цветами лилии» ¹² .
П.-А. Аллец		«...шпоры золотые, с лазурной эмалью, усеяны золотыми цветами лилии...» ¹⁶ .		«Мантия ...из белого бархата...» ¹⁷ .
	«...туника и далматика, которую носят дьяконы и иподьяконы, обувь, большая королевская мантия из голубого бархата, усеянного золотыми цветами лилии...» ¹⁸ ; «туника, далматика, мантия: эти одеяния все из фиолетового бархата, усеянного золотыми цветами лилии, отделанные золотом» ¹⁹ .			

¹ Далее отмечено, что в «Инвентарной книге» аббатства Сен-Дени 1514 г. говорится о камзоле и рубашке из фиолетового бархата с подкладкой из белой тафты. См.: Ibid. P. 607.

² Ibid.

³ Ibid. 607—608.

⁴ Ibid. P. 608.

⁵ Ibid. P. 609.

⁶ Далее Менан уточняет, что именно этот кошель «...короли издревле надевали в день своего посвящения <...>, считается, что Генрих II был последним, кто его использовал». См.: *Menin N. Op. cit.* P. 231. К сожалению, эти данные фактически не поддаются реконструкции, поскольку, как и многие регалии, королевские одеяния, хранящиеся в аббатстве Сен-Дени, оказались уничтожены в ходе Великой Французской буржуазной революции. См. подробнее: *Souchal Fr. Le Vandalisme de la Révolution.* Paris, 1993.

⁷ *Menin N. Op. cit.* P. 230—231.

⁸ Ibid. P. 230.

⁹ Ibid. P. 260.

¹⁰ Ibid. P. 269.

¹¹ *Bevy Ch. J., dom. Op. cit.* P. 203.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 183.

¹⁴ Ibid. P. 203.

¹⁵ Ibid. P. 296.

¹⁶ *Alletz P.-A. Op. cit.* P. 19.

¹⁷ Ibid. P. 47.

¹⁸ Ibid. P. 62.

¹⁹ Ibid. P. 99. Аналогично выглядят и мантии герцогов, и королевский штандарт, даже чехол для ножен королевского меча. Ibid. P. 18, 36, 76.

ческий канон (в свою очередь, опирающийся на ветхо- и новозаветные основы) и светский геральдический (восходящий к целой серии колористических систем). Переплетение их обоих на фоне развивающегося института высшей политической власти, балансирующей между теизацией и секулярностью, что имело во Франции свою специфику, заключающуюся в исключительно высоких полномочиях *rex christianissimus*, привело к тому, что все же монарх не получал полномочий священнослужителя¹⁰⁴. Он оставался мирянином, но окружал себя сакральной атрибутикой, в арсенале которой цвет играл не последнюю роль. По этой причине первоначально одеяния имеют тождественную с духовными лицами, но более узкую хроматику, ограничиваясь фиолетово-золотой гаммой. Примечательно, что она сразу носит двойной характер, вбирая в себя как литургическое толкование фиолетовой колористики одеяний служителей культа и святости золотого цвета. Заметим, что королевский образ в своих заимствованиях не ограничивается только тональностью, вбирая и форму одеяний: далматику и мантию (застегнутую на правом плече, ее следовало перебрасывать через левый локоть, т.е. как священническую ризу). В ходе развития инаугурационной церемонии оформилось и уникальное облачение — белая рубашка со специальными прорезями для помазания. Ее цветовое решение осталось собственно сакральным — символом чистоты и невинности, столь важным не только для таинств крещения и рукоположения духовенства, но и аналогичным им королевского помазания и проскинезии.

Однако нарастающие полномочия и обязанности публичного лица, в основе властных функций которого находится их политическая и правовая природа, вывели на первый план патримониальные, а впоследствии — общегосударственные полномочия короля. Согласно текстам ординариев инаугурационных церемоний, подобный перелом начинает прослеживаться в правление Людовика IX и развивается по нарастающей вплоть до эпохи Старого Порядка. Первые изменения связаны с формированием королевских инсигний, перечисленных в т.н. капетингских *ordines*, среди которых особую роль играет *le fleur de lys*, трансформирующийся от белого к золотому на синем (голубом, лазурном) фоне. Их секуляризация вызвала к жизни классический образ французского монарха, облаченного в сине-золотую гамму, где первый цвет выступает фоном для второго, заключенного в форму геральдической лилии.

Становление абсолютизма прагматично использовало все имеющиеся колористические возможности для придания королевской власти

¹⁰⁴Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 17, 21, 23—30.

баланса ее сакральных и светских начал, создав диа- и монохромные палитры (фиолетово-белую, фиолетово-золотую, сине-белую, сине-желтую, лазурно-белую, лазурно-желтую, фиолетовую, синюю, лазурно-голубую). Отметим, что поздние описания инаугурационных и прочих церемоний демонстрируют своего рода экспансию королевских цветов на окружающее монарха пространство и ближних к нему лиц. В подавляющем большинстве — это священнослужители, проводящие королевское посвящение, что может трактоваться и как демонстрация внешней тождественности короля с духовенством, так и, напротив, подчиненности, причастности монарха к происходящему, как мирянина, которому разрешено войти в круг избранных.

«...Прославлено и освящено величие Давидово...»: ветхозаветные коннотации образа власти в коронационном *ordo* французской монархии 1364 г.

Правление Карла V Валуа ознаменовано целым рядом значимых для Французского королевства событий Столетней войны, сопровождавшихся серией внутренних реформ. Однако не менее важными представляются те изменения, которые были внесены в трактовку образа короля и его публично-правовых функций, общий смысл которых оценивается как усиление последних. Данная трансформация нашла отражение в комплексе документов, в том числе и в сохранившемся в нескольких копиях¹ коронационном чине — *ordo* 1364 г. Составленный к инаугурации Карла и его супруги Жанны Бурбонской (это событие будет иметь место 19 мая 1364 г. в Реймском соборе Нотр-Дам), чин зафиксировал, среди прочего, и протокольную часть процедуры, сопровождавшейся литургией. Содержание последней вкупе с протоколом дает возможность проследить понимание образа монарха, постепенно проходящего все стадии инаугурации и превращающегося из претендента на престол в легитимного христианнейшего короля.

Значимое место в трактовке этого образа занимают молитвы, произносимые посвящающим прелатом архиепископом Реймским, прочими священнослужителями и хором собора. Именно данные *oratores* содержат своего рода программу предъявляемых к монарху требований, и определенную роль в них играют обращения к ветхозаветным образам пророков, царей и героев как архетипов для восприятия фигуры французского монарха второй половины XIV в.

Указанная проблема — ссылки на сюжеты и максимы Ветхого Завета — достаточно опосредованно выступает объектом исследования²,

¹ *Ordo ad inungendum et coronandum regem* // *Coronation Book of Charles V of France* (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Ed. E. Dewick. L., 1899. Col. 22—44; *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem* // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789* / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.

² *Leclercq J. (Dom.). L'idée de la royauté du Christ au Moyen Âge*. Paris, 1959; *Idem.* Sur les sermons du XIe siècle idée de la royauté du Christ au Moyen Âge. Paris, 1959; *Gy P.-M.* La Bible dans la liturgie au Moyen Âge // *Le Moyen Âge et la Bible Riche* / Éd. G. Lobrichon. Paris, 1984. P. 537—552; *Buc Ph.* Pouvoir royal et commentaires de la Bible (1150—1350) // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 1989. Vol. 44. № 3. P. 691—713.

что актуализирует ее в свете общего интереса зарубежной и отечественной медиевистики к сюжетам политического ритуала, семантики и теизации власти, всего спектра форм ее репрезентации.

Возвращаясь к содержанию *ordo* 1364 г., отметим, что первый ветхозаветный мотив звучит здесь достаточно рано. Уже в начале инаугурации, когда, как указывает рубрикатор, «король следует в собор с двумя пэрами Церкви», двум последним, епископам Лана и Бовэ, предписывается вести монарха «под пение каноников, исполняющих “Вот, я посылаю...”»³. Здесь имеет место прямая отсылка на начальный стих Евангелия от Марка: «...Как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк. 1:2). Примечательно, что эта молитва не выступала чем-то исключительным в инаугурационной литургии, а являлась типичным гимном для торжественной встречи знатных особ в монастырях и церквях⁴. Важно другое — коннотация на замыкающую Ветхий Завет «Книгу Малахии»: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо мною, и внезапно придет в храм Святой Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете; вот, Он идет, говорит Господь Саваоф» (Мал. 3:1).

Но дальнейший порядок уточняет: «Закончив пение, хор произносит: “Израиль, если ты слышишь...”»⁵, т.е. стих Псалмов: «Израиль, если ты слышишь меня, не будет нового Бога в тебе, не будешь ты поклоняться Богу иному, а Господу» (Пс. 80:9). Обращает на себя внимание пояснение составителей: «Эти молитвы не содержат ничего, кроме королевских обязанностей»⁶. Данное уточнение указывает на предельно сакрализованное понимание статуса христианнейшего короля, чья инаугурация, означает теизацию его власти практически по прямой аналогии с Иисусом Христом как Царем Небесным и обязанности пастыря как царя земного.

Далее протокол обращается к сюжетам Ветхого Завета уже в момент вручения и благословения первой из королевских регалий — меча. Поскольку он являлся знаком исключительно светской, воинской власти, то сопровождающая молитва, среди прочих наставлений, не может обойти образ царя Давида. И стих его 44-го псалма «Хвалебная песнь Помазаннику Божиему и Его невесте»: «Препояшь себя по бедру мечом твоим, Сильный, славою Твоею и красотой Твоею» (Пс. 44:4). «И помни о том, что Псалмопевец пророчествовал, говоря:

³ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 329.

⁴ Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году / Пер. с фр., комм. Э.М. Драйтовой / Пред., науч. ред. А.П. Левандовского. М., 1999. С. 120.

⁵ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 329.

⁶ Ibid.

“Опояшь свои бедра мечом, о, могущественный, своим величием и великолепием”⁷.

Заметим, что традиция ссылаться на Псалмы в ходе богослужения восходит к раннему Средневековью и окончательно сложилась в течение XII в.⁸, став основой целой системы распределения упоминаний отдельных стихов на мессах на протяжении всей недели⁹.

Образ короля-воина и защитника, получившего меч от Церкви для праведной войны, не сводится лишь к напоминанию о царе Давиде (хотя в данном случае мы имеем почти полное совпадение с архетипом). Акцентируется внимание, что с получением благословения Божьего благодать, как и в ветхозаветные времена праотцов, снисходит и на меч: «Традиционно над королевским мечом <...> архиепископ произносит молитву “Смотри, Всемогущий Боже...”¹⁰, что является началом обращения: “Смотри, Всемогущий Боже, на этого славного короля (имя), и как Он благословил Авраама, Исаака, дай ему благословения благодати”».

Однако наиболее полный «перечень» содержит молитва, сопровождающая посвящение короля: «Всемогущий и вечный Бог, Творец и Правитель Творца неба и земли, ангелов и людей, Царь Царей и Господь всемогущий, тот, с верой в кого Авраам победил врагов своих; Моисей и Иисус (Навин. — С.П.) принесли победы для народа своего; покорный слуга Давид встал во главе царства, спасся от пасти льва, лап чудовища Голиафа, как и от разящих мечей Саула и всех его врагов; тот, кто дал Соломону богатство невыразимой мудрости и покоя: будь снисходителен к нашим смиренным молитвам за раба Твоего (имя), к смиренной преданности короля этого королевства, коего мы избираем вместе, благословения Твои преумножат дары, сила Твоей десницы всегда окружает его: Авраам сказал, что вера делает сильнее, опираясь на кротость Моисея, волю Иисуса (Навина — С.П.), возвышенное смирение Давида, красоту мудрости Соломона, пожалуй ему все это, и проведи по пути справедливости, которая когда-нибудь настанет, а затем для всех людей настанет Царство Божье, научи его править Своими указаниями и сбереги против всех видимых и невидимых врагов...»¹¹.

К требованиям соответствовать достоинствам (которые восходят, в свою очередь, к провиденциальным) пророков Авраама и Моисея, воителя Иисуса Навина и царей Давида и Соломона, добавляется

⁷ Ibid.

⁸ Gy P.-M. Op. cit. P. 544.

⁹ Ibid. P. 546—549.

¹⁰ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 242.

¹¹ Ibid. P. 243—244.

кульминационная позиция молитвы во время самой сакральной части инаугурации — помазания короля Священным Елеем. Мобилизуя этот аргумент, *ordo* предписывает: когда «во время помазания помощники поют этот гимн: “Садок священник и Натан пророк помазали Соломона царем Сиона, и они пришли со словами: “Да здравствует король вечно”»¹². Что можно уточнить как: «И пошли Садок священник и Нафан пророк <...>; и посадили Соломона на мула царя Давида, и повели его к Гиону. И взял Садок священник рог и елеем из скинии, и помазал Соломона» (3 Цар. 1: 38, 39).

Подобные аналогии сопровождают всю дальнейшую процедуру вручения королевских регалий и одежд. Так, надеванию перчаток сопутствуют следующие действия и молитва: «И архиепископ окропляет перчатки святой водой, а затем одевает их на руки короля, произнося: “Вокруг рук Господа раб твой (имя), чистый, как новый человек, сошедший с небес. Так руки возлюбленного отца Иакова приняли пищу и питье из покрытых шкурами рук детей своих, дабы получить благословение его. Так и Господь наш Иисус Христос в подобии греховной плоти приносит тебе (благословение. — С.П.). Аминь”»¹³. Упоминание сюжета об Иакове есть не что иное, как библейская история Исаака и его сыновей Исава и Иакова, согласно которой, Иаков, «человек гладкий», надел козлиную шкуру, выдал себя за Исава, «человека косматого» и обманом получил благословение отца и все права первородства (Быт. 27:1—30).

Не менее замысловата в поисках тождества и процедура вручения жезла: «Сразу же (архиепископ. — С.П.) вручает ему (королю. — С.П.) жезл в левую руку и произносит: “Прими силу и мощь, которую можешь постичь, и т.д.”»¹⁴. Более пространное издание *ordo* приводит текст молитвы полностью. Она практически целиком посвящена образу Давида, — точнее, трактовке Псалмами жезла власти. «Прими силу и мощь, которую сможешь постичь. Будь источником добродетели и грозой преступлений. <...> У Давида сказано: Всякий человек открывается и закрывается, закрывает и не открывает. Он тот, который вывел заключенных из тюрьмы, сидя в темноте и в тени смерти, чтобы во всем достойно следовать за ним (“Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших”. Пс. 142: 3. — С.П.). О чем пророк Давид пел: Престол Твой, Боже, во веки веков (“Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня”».

¹² Ibid. P. 244.

¹³ Ibid. P. 245—246.

¹⁴ Ibid. P. 246.

Пс. 22: 4; “Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего”. Пс. 44: 7. — С.П.). Вот каков королевский скипетр. И сказал он ему, и возлюбил справедливость, и возненавидел беззаконие, поэтому Бог, помазал тебя елеем (“Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих. Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя”. Пс. 44: 8—9. — С.П.). Как он помазал сначала Иисуса и его сотоварищей, среди которых Христос, Господь наш («Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею; возведу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя; проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе; ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника». Пс. 2: 6—9. — С.П.)»¹⁵.

Даже по завершении коронации *imago Davidi* не утрачивает назидательного элемента, зафиксированного в молитве: «И благослови, как прославлено и освящено величие Давидово держать скипетр власти и одарять обретенной милостью»¹⁶. Однако при определении наследственного статуса Французского королевства более уместными, по замыслу составителей *ordo*, выглядят ассоциации с Моисеем, который обрел для своего народа землю обетованную. «Господь, чья длань укрепляла молитву Моисеу. Того святого, который невзирая на старость, постоянно боролся. Неправедный Амалек (царь амаликетян, враг Израиля, разбит в Рефидиме Иисусом по благословию Моисея. Исх. 17: 6—16. — С.П.) так им побежден. Пока не покорил (Моисей. — С.П.) все неправедные народы. Изгони иноземцев, в рабство захвативших многие владения твои...»¹⁷. В контексте Столетней войны, ход которой именно в правление Карла V склонялся на сторону Франции, подобные пожелания оказываются более чем уместными и завершающими образ короны, тем более, что ниже обращений к ветхозаветным сюжетам применительно к инаугурационной литургии не встречается.

Однако они имеют место в посвящении королевы. Как уже упоминалось выше, супруга Карла V Жанна Бурбонская была коронована вместе с мужем. Произошло это спустя несколько недель после свадьбы, состоявшейся в апреле 1364 г.¹⁸ *Ordo* 1364 г. приводит текст инаугурации королевы сразу после посвящения осударя; это дает возможность полагать, что такова была и реальная очередность церемоний. Впрочем, перед нами далеко не первый опыт формирования такого рода протокола: еще в правление Карла IV Красивого была написана

¹⁵ *Ordo ad inungendum et coronandum regem*. Col. 35

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.* Col. 40.

¹⁸ *Autrاند F. Charles V le Sage*. 2-e éd. Paris, 1994. P. 76.

т.н. «Коронационная книга Карла IV и Жанны д'Эврэ»¹⁹, корона которой, хранящаяся в сокровищнице аббатства Сен-Дени, долгое время служила для посвящения королев²⁰.

Что касается ветхозаветных мотивов, особенно важных для конструирования образа королевы, то в данном случае бесспорным эталонным выступают Юдифь и Эсфирь, а уже затем — Сара, Ребекка, Рахиль и Лия. Упоминание о последних схоже с процедурой литургии во время отправления таинства венчания. Так, для королевы Церковь просит: «И соедини вместе с Сарой, Ребеккой, Лией, Рахилью, с блаженными и почтенными женщинами, благослови чрево ее и даруй заслуженную радость»²¹. И наставляет: «Господь дарует тому власть правления, защиту величия, мудрость, благоразумие и изобилующую рассудительность, веру и благочестивую опеку, как заслужено и утверждено благословение во имя Сары, видной и плодоносящей как Ребекка...»²². Но тут же добавляет: «...Защищающей пороки от всякого зла как Юдифь»²³.

Героическая фигура Юдифи, убившей ассирийского военачальника Олоферна (Иуд. 10—13), неоднократно упоминается в литургическом сопровождении посвящения королевы, требуя от нее таких же качеств воительницы: «Вечно всемогущество Господне, который есть источник всякой благодати, не осуждает женскую слабость, а милостиво одобряет достоинство. И что есть слабое в мире, выбирает сильное, дабы объединить все, что также являет триумф славы Твоей в руках Юдифи, после того как захотела народ еврейский освободить от жестокого врага, взгляни, внемли смиренным мольбам нашим. И пред Тобой раба Твоя (имя), коя преданно молит принять правление ее, преумножить его благословением Твоим, властной десницей Твоей всегда и везде, и защиты Твоей отовсюду, иначе укрыть в борьбе с врагом видимым и невидимым с триумфом победить его»²⁴.

Вторым по значимости образцом выступает Эсфирь, сумевшая добиться защиты собственного народа у своего царственного супруга Артаксеркса (Есф. 5—8): «Как царица израильская Эсфирь своим правлением ослабила оковы плена. Ассирийское ложе, примыкающее к власти, послужило соучастию в своем народе. Так и смиренная раба Твоя

¹⁹ The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts. 1958. № 8. P. 1—12; Hedeman A.D. The Commemoration of Jeanne d'Evreux's Coronation in the *Ordo ad Consecrandum* at the University of Illinois // Essays in Medieval Studies: Proceedings of the Illinois Medieval Association. 1990. № 7. P. 13—28.

²⁰ Le Trésor de l'Abbaye Royale de S. Denis en France. Paris, 1768. P. 13.

²¹ Ordo ad inungendum et coronandum regem. Col. 41—42.

²² Ibid. Col. 43—44.

²³ Ibid. Col. 44.

²⁴ Ibid. Col. 42.

получает наше христианское благословение благодатью, дабы быть достойной спасения»²⁵.

Вручение жезла королеве также сопровождается упоминанием об Эсфирь: «Господь вечно всемогущий, да изобильны духом будут благословения над рабой Твоей, о которой мы молимся в сердцах своих, которая через возложение рук наших дней становится королевой, достойной освящения Твоего и избранной пребывающей, как никогда впоследствии, в избрании на царство, словно Эсфирь, как только благодать Твоя отделяет недостойного. Именем Господа»²⁶. Однако возложение короны не только призывает всех прочих упомянутых героинь, но и благодать, в которой «...блаженного Давида манило обещание, а сын его Соломон получил Его щедроты»²⁷.

Можно констатировать, что ветхозаветные образы власти приобрели силу традиции в инаугурационном ритуале французской монархии.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. Col. 44.

Глава VII

Традиции
историописания
королевского дома
ЭПОХИ
абсолютизма

...Французы на самом деле по происхождению германцы...»: основы национальной истории в описании Жана Дю Тийе

Жан Дю Тийе-старший — юрист, старший нотариус (*greffier*)¹, секретарь и хранитель архивов Парижского Парламента, впоследствии — глава основанной Франциском I *Le Trésor des Chartes*, королевский нотариус и секретарь². Родившийся в самом начале XVI в. в семье потомственных праводов, он принадлежал старшему поколению знаменательной партии французских юристов своей эпохи, которые, по признанию их современных исследователей, уже в полной мере могут быть «...удостоены ания историка...»³. Среди них — Этьен Пакье, Жан Боден, Жак-Огюст Ту, Франсуа Отман, Ланселот де Попелиньер⁴, создавшие серию тру-

Greffier en son Parlement, так официально писалась эта должность. См.: *Maugis E. Histoire du Parlement de Paris*. Paris, 1913. Vol. 1. P. XVII—XVIII. Подробнее о полномочиях грегфье в целом и Жана Дю Тийе в частности см.: *Daubresse S., Morgat-Bonnet M., Storez-Brancourt I. Le Parlement en exil, ou, histoire politique et judiciaire des translations du Parlement de Paris (XVe—XVIIIe siècle) // Histoire et archives. Hors-série. 2007. № 8. P. 29, 68, 76, 541.*

Существует две версии года рождения Жана Дю Тийе-старшего (у него имелся младший брат с таким же именем, впоследствии ставший епископом и автором целого ряда историописаний и публикаций серии документов): либо 1495, либо 1502. Подробная биография Жана Дю Тийе и его рода изложена в корпусе справочных изданий, статей и монографий: *Biographie universelle, ancienne et moderne ou histoire, pour ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes*. Paris, 1814. Vol. 12. P. 401—402; *Dictionnaire de la noblesse, contenant les généalogies, l'histoire & la chronologie des familles nobles de la France, l'explication de leurs armes et l'état des grandes terres du royaume <...> [microform]: on a joint à ce dictionnaire le tableau généalogique et historique des maisons souveraines de l'Europe et une notice des familles étrangères, les plus anciennes, les plus nobles et plus illustrés / Éd. Fr.-Al. Aubert de La Chesnaye-Desbois*. Paris, 1825; *Rubercy G. de. Les du Tillet, seigneurs de la Bussière (Loiret) // Académie de Saint-Croix d'Orléans. Lectures et mémoires*. 1891. Vol. VI. P. 477—541; *Châtillon H. Recueil de Généalogie*. Rennes, 1904. T. 1; *Calderini De-Marchi R. Jacopo Corbinelli et les érudits français*. Milan, 1914. P. 188. *Grell Ch. Les historiographes en France XVIe—XVIIIe siècles // Les historiographes en Europe de la fin du moyen âge à la révolution / Dir. de Ch. Grell*. Paris, 2006. P. 138.

Этьен Пакье (1529—1615) — гуманист, полемист, поэт, выходец из знаменитой, созданной Маргаритой Наваррской и Мишелем де Л'Опиталем, Буржской школы права. Основоположник собственно французской исторической науки (с основой на критике источника) и философии истории, автор «Исследования о Франции». См.: *Pasquier E. Les Recherches de la France*. Paris, 1643.

Жан Боден (1529/1530—1596) — гуманист, философ, юрист, экономист, политик, государственный деятель. Один из первых теоретиков истории как науки, автор целой серии работ, главной из которых в контексте настоящего исследования,

дов, выдержанных в духе гуманистических традиций исторической критики и предопределивших расцвет эрудитского направления XVII в.⁵

Первоначально работа Ж. Дю Тийе состояла в регистрации и хранении протоколов судебных заседаний, черновиков и прочих записей делопроизводства Парижского Парламента, позже к ней прибавится аналогичная деятельность в *Le Trésor des Chartes* — хранилища королевской канцелярии, приобретшей к этому времени статус практически королевского архива⁶. Розыск и неизбежная систематизация в регистры огромного массива документов приведут Дю Тийе к мысли об их исследовании и обязательном издании. Возможно, не последнюю роль в этом стремлении сыграло и письмо Франциска I от 12 июня 1539 г., приложенное к мандату о назначении Дю Тийе хранителем Сокровищницы Хартий: «Дабы знать самое необходимое <...> для развития ума и всех

является «Метод легкого познания истории». См.: *Bodin J. Methodus ad facilem historinarum cognitionem*. Paris, 1566. (См. русский перевод: Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., комм. М.С. Бобковой. М., 2000).

Жак Огюст де Ту (1553—1617) — юрист, президент Парижского Парламента, автор «Истории моего времени». См.: *De Thou J.-A. Histoire des mois temps*. Paris, 1725.

Франсуа Отман (1524—1590) — французский юрист, историк и публицист, автор «Франкогаллии» — самого известного сочинения из прочих трудов теоретиков-тираноборцев. См.: *Hotman Fr. Francogallia*. Genève, 1573 (См. русский перевод: Отман Ф. Франкогаллия / Пер., вступ. ст., комм. И.Я. Эльфонд. М.;СПб., 2015).

Ланселот де Попелиньер (1541—1608) — гуманист, юрист, историк, один из лидеров гугенотской партии в эпоху Религиозных войн. Автор «Истории Франции» и «Истории историй», на страницах которых впервые выступил как провозвестник теории прогресса в истории. См.: *Du Voisin L., sieur de la Popelinière. Histoire de France*. Paris, 1581; *Idem. Histoire des histoires avec l'idée de l'histoire accomplie. Plus le dessein de l'histoire nouvelle des François, et pour avant-jeu la réfutation de la descente des fugitifs de Troye aux Palais-Meotides, Italie, Germanie, Gaules et autres pays pour y dresser les plus états qui soient en Europe et entre autres le royaume de France*. Paris, 1599.

⁵ Под влиянием, в первую очередь, идей Ж. Бодена, Э. Пакье, а также издания грандиозного собрания средневековых французских источников, положенного Андре Дюшеном (1584—1640) — т.н. отцом французской истории, королевским географом и историографом. См.: *Bibliothèque des Auteurs qui ont escrit l'Histoire et la Topographie de la France* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1618; *Historiae Francorum scriptores coetanei ab ipsius gentis origine ad Philippi IV tempora* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1636—1649; *Historiae Normannorum scriptores antiqui* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1619; *Histoire généalogique de la maison de Montmorency et de Laval* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1624; *Histoire généalogique de la maison de Vergi* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1625.

⁶ О происхождении и последующих этапах ее существования см. трактат одного из первых хранителей, ученика Ж. Дю Тийе Пьера Дююки, и последующие исследования: *Duru P. Du Tresor des Chartes du Roy*. Paris, 1655; *Dessalles M.L. Le Trésor des Chartes, sa création, ses gardes et leurs travaux, depuis l'origine jusqu'en 1582* // Imprimerie royale. № 4. 1844. P. 79—82; *Delaborde H-Fr. Étude de la constitution du Trésor des Chartes*. Paris, 1909; *Delisle L. Le trésor des Chartes* // *Journal des savants*. 1910. Vol. 8. P. 193—201.

наших дел, <...> которые <...> могут вернуть в прошлое и напомнить о нем, необходимо, чтобы каждое событие, случившееся в старину, было упорядочено и сохранено в *Tresor de nos Chartes...*»⁷. Проявив незаурядные способности по реорганизации вверенных ему хранилищ⁸, Жан Дю Тийе формируется и как историк, ставший в итоге автором более чем десяти сочинений, как отдельных сюжетов из истории Франции, так и описаний королевских династий и Двора. Наиболее фундаментальным из них, принесшим заслуженную славу, стало «Собрание о королях Франции, их короне и доме»⁹. Для его создания он впервые обратился к накопленным документам, что и позволило представить национальную версию происхождения государства и права. В ней можно выделить несколько условных линий¹⁰.

Первая из них — *источниковедческая*. Как уже упоминалось, систематизация документов Парламента и королевской канцелярии побудила Дю Тийе начать создавать их каталоги и осознать историчность их содержания. Интерес к основам формирования государства привел его к изучению рукописей ранних каролингских капитуляриев и правовых памятников меровингской эпохи, включая «Салическую правду», эдикты от Хлодвига до Карла Великого. Практическая деятельность судьи и секре-

⁷ Layettes du Trésor des Chartes / Éd. A. Teulet: 8 vol. Paris, 1863. Vol. 1. Inventaires et documents. Archives nationales (France). P. XIX.

⁸ Деятельности Дю Тийе на должности хранителя посвящена серия исследований, см.: *Boislisle A.-M. de. Jean Du Tillet et le Trésor des Chartes // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1873. № 10. P. 106—111; Omont H. Jean du Tillet et le Trésor des Chartes // Bulletin de la Société de l'histoire de Pans et de Ile-de-France. 1904. № 51. P. 79—81; Brown E.A.R. Le greffe civil du Parlement de Paris au XVIe siècle: Jean Du Tillet et les registres des plaidoiries // Bibliothèque de l'École des chartes. 1995. № 153. P. 325—372; Idem. Jean Du Tillet, François Ier, and the Trésor des Chartes // Histories d'archives: Recueil d'articles offert à Lucie Favier par ses colloques et amis. Paris, 1997. P. 237—245; Idem. Jean Du Tillet and the Archives of France // Histoire et archives. 1997. № 2. P. 29—63.*

⁹ Дю Тийе завершил работу над ним до начала Религиозных войн, но книга была издана только спустя 6 лет после смерти автора, т.е. в 1577 г. См.: *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1577*. Посмертные издания под редакцией племянника Дю Тийе, Элии, будут предприняты в 1578, 1580, 1586—1588, 1602, 1607 и 1618 гг. По другим данным, первое издание было осуществлено в 1589 г., с последующими переизданиями в 1602, 1606, 1607, 1610 гг. и указанном 1618 г. См: *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes / Ed. J. Fr. Michaud, L. G. Michaud. Paris, 1814. Vol. 12. P. 401.*

¹⁰ Их условность объясняется не только умозрительностью, но и гораздо большим количеством сюжетов, затронутых Дю Тийе в его работах. Среди них — концепция королевской власти и ее роли в истории страны, позиция по отношению к катарам и альбигойским войнам, современным ему протестантам и Религиозным войнам, хронологическая концепция и т.д.

таря, а Дю Тийе постоянно составлял генеалогии, перечни церемониальных списков по рангу присутствующих и отчеты по соблюдению протоколов, краткие отчеты, направлявшиеся в различные королевские земли (в них он юридически оформлял различные апанажи, должности и завещания) — к накоплению материала. Это сказалось и на непосредственном стиле научной работы: после каждого раздела своего «Собрания», посвященного правлению того или иного монарха, Дю Тийе приводит подборку собранных им в официальных архивах источников — *Inventaire sur chaque Maison des Roys et grands de France*. Она носит достаточно гетерогенный характер, включая королевские ордонансы и письма, договоры, соглашения, церковные документы, разного рода нотариальные акты и инструкции, парламентские акты и т.д. На этом пути встречались и неизбежные находки, выявляющие истоки отношений с Англией, Святым Престолом, целой серии регальных и сословных прав.

Особое место в источниковедческих изысканиях Дю Тийе занимают обнаруженные им в регистрах Счетной палаты коронационные *ordines* — протоколы инаугурационной церемонии французской монархии от самых ранних из них, датируемых серединой IX в., до современной ему эпохи. Именно на их содержании выстроена вся концепция «Собрания», его хронологическая структура (от предыдущего монарха к последующему) и смысловая составляющая (легитимность правления определяется наличием церемонии с соблюдением всех ее процедур). Первая часть книги последовательно описывает монархов от Меровингов до Гуго Капета и Генриха II. Вторая посвящена тонкой теме легитимной взаимосвязи династий. Третий, самый значительный, раздел приглашает читателя погрузиться в проблемы происхождения Франции, имен, величия и прерогативы ее королей и королев. Наконец, четвертая часть обращена к описанию коронаций каждого монарха, предваряясь годами его правления (регентства) и последовательной нумерацией. Дю Тийе приходит к выводу, как о специфике инаугурации французских монархов, так и об ее историчности, позволяющей проследить эволюцию не только форм репрезентации королевской власти, но и ее прерогатив.

Основной текст «Собрания» состоит из достаточно простой хронологии королевской политики, — примечателен другой факт: содержание раздела строго соответствует данным источников в *Inventaire*, который непосредственно следует за текстом. Наконец, в каждой библиографической ссылке указаны названия или предмет содержания документа и даже номер его *la layette* — коробки с хранящимися в ней оригиналами.

Для максимальной наглядности Дю Тийе снабжает рукопись, впоследствии врученную Карлу IX в 1566 г., цветными копиями с дере-

вянных гравюрных портретов французских монархов, снабженные по нижней кромке подлинным воспроизведением королевских печатей. С этой целью королевский архивист озаботился написанием пояснений для оставшегося неизвестным художника, которому вменялось добросовестно следовать подлинным памятникам королей Франции, дабы картины послужили наглядным пояснением для его книги. Таким образом, портреты Хлодвига, Хильперика, Фредегонды, Карла II Лысого, Карла III Простоватого, Людовика IV Заморского, Лотаря I и Филиппа I были скопированы с надгробий или статуй в аббатствах Сен-Женевьев Сен-Жермен де Пре, Сен-Дени, Сен-Коломб, Сен-Реми, Сен-Бенуа, Барбо и т.д. Портреты же Филиппа II Августа, Людовика VIII, Людовика IX Святого, Филиппа IV Красивого, Людовика X Сварливого, Филиппа V Длинного, а также Филиппа VI, Карла V и Карла VI Валуа были заимствованы с гравюр на их печатях. Предположительно, это один из старейших примеров использования иллюстрации как достоверного источника в гуманистической книжной традиции, и в этом отношении Жан дю Тийе оценивается историками книги в качестве первопроходца¹¹.

Использование средневековых хроник и их критика, стремление учитывать генеалогии всех королей, первых знатных фамилий и основные установления монархии, эволюцию ее институтов и т.д. заставляли обращаться к архивным документам и с вполне прагматичной целью. Изученные Дю Тийе «...документы, кои должны были послужить истории Франции», призывали монархию, по его же выражению, к «политическому благоразумию»¹². В целом предложенная королевским архивистом позиция представляла собой достаточно сложное, продиктованное условиями эпохи, понимание роли документа в трактовке прошлого страны. Крепнувший абсолютизм заставлял и королевскую власть интересоваться собственными архивными и историческими ресурсами. Примечательно, что Франциск II не только продлил должностной мандат Дю Тийе, но расширил его полномочия и распорядился окончательно реорганизовать и классифицировать собрания королевских архивов (его примеру будут следовать все представители династии). И уже в своем посвящении Карлу IX, Дю Тийе утверждал, что королевская история и политика неотделимы от реальных исторических

¹¹ См. отдельно посвященную этому сюжету статью Э. Омона. См.: *Omont H. Les portraits des rois de France du Recueil de Du Tillet // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1907. Vol. 68. № 68. P. 673—674.* Он же подчеркивает дополнительную ценность миниатюр, поскольку значительная часть использованных для их написания оригиналов, восходящая еще к XIV в., украшала Большой зал Лувра, где и была уничтожена пожаром в 1618 г.

¹² *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 243.*

документов, на которые должно ссылаться и представлять их как можно полнее, в том числе и в форме их отдельных публикаций¹³.

Разумеется, столь грандиозная задача в достаточном объеме была невыполнимой даже для столь деятельной натуры королевского архивиста. Но его источниковедческие изыскания с целью превращения прерогатив монархии в предмет изучения и доказательства их легитимности открыли дорогу последователям, сменявшим Дю Тийе на посту хранителя документов Парламента и *Le Trésor des Chartes* вплоть до конца Старого Режима¹⁴ и ставшим основателями эрудитского направления в исторической мысли Франции¹⁵.

¹³ Далее Дю Тийе указывал на целеполагание своих усилий. «С тех пор как я был определен на это место, невероятными усилиями и ценой я исследовал бесчисленное количество записей Вашего парламента и по разрешению Вашего отца (да простит его Господь) посещал Вашу канцелярию <...>. Я вызвался организовать написание истории всех правлений, всех споров этой третьей династии (Валуа — С.П.) с соседями, королевского домена с провинциями, собрать в тома законы и ордонансы с салических времен и, наконец, отдельным собранием указать, что подобает королевской особе и дому, включая древние формы правления тремя сословиями, справедливые законы в королевстве и изменения, которые имели место во времени» // *Ibid.* I. Preface. P. 2.

¹⁴ Таковых только в период правления Генриха IV и Людовика XIII сменилось несколько человек: Матье Моле, назначенный хранителем в ноябре 1614 г., сменивший его в мае 1615 г. Пьер Дюпюи и, наконец, Теодор Годфруа, который занял это место в 1618 г., став впоследствии и придворным историописателем, автором известного «Французского церемониала», продолжившего линию Жана Дю Тийе. Он же и завершит составление описи фондов. См.: *Delaborde H-Fr. Les travaux de Dupuy sur les Trésor de Chartes et les origines du supplément // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1897. P. 128—154.* Описи, созданные Ж. Дю Тийе и Т. Годфруа, при определении их классификации получают наименование «исторических» (сейчас в Национальном архиве Франции они составляют серию «J»). Сменивший Теодора Годфруа на посту хранителя сын, Дени Годфруа, займется изысканием документов уже в провинциях. В частности, в архивах Счетной Палаты г. Лиля он обнаружит, отредактирует и, по распоряжению Ж.-Б. Кольбера, передаст в королевскую библиотеку 182 томов регистров, восходящих еще к 1000 г. См.: *Guyotjeannin O., Potin Y. La fabrique de la perpétuité: le Trésor des chartes et les archives du royaume, XIIIe—XIXe siècles // Revue de synthèse. Fabrique des archives, fabrique de l'histoire. 2004. № 5. P. 15—44.*

¹⁵ К числу таковых можно с полной уверенностью отнести уже упомянутого Пьера Дюпюи — хранителя королевской библиотеки и создателя известного *le cabinet de érudit*, занимавшего аналогичную должность Пьера Питу, собравшего и опубликовавшего франкскую анналистику VIII—IX вв. и прочие рукописи с 900 по 1285 гг. См.: *Annalium et histotia Francorum ab anno DCCVIII ad annum DCCCX scriptores watanici XII. Paris, 1558: Scriptores veteres: 11 vol. Paris, 1596.* Деятельность Пьера Питу заслужит у ряда исследователей более высокую оценку, чем усилия Жана Дю Тийе. В частности, Анри-Франсуа Делабор окончательно определит пальму первенства следующим образом: «Этот великий знаток (П. Питу. — С.П.) создавал свои проекты, еще более многоплановые, чем смог Дю Тийе, сумев издать бесконечное собрание источников для историков, юристов и клириков Франции...» // *Delaborde H-Fr. Étude de la constitution. P. CLXXVIII.*

На практике же исследования источников из королевских архивов вели к весомым политическим последствиям, показывая, как знание прошлого может быть использовано в реалиях современного Дю Тийе XVI столетия. Это открытие морально-нравственной стороны основанного на источниках историописания привело ряд исследователей «Собрания» к заключению о наличии в нем мотивов «...*techne* Макиавелли, духа благоразумия Полибия»¹⁶. Действительно, в предисловии, рассуждая о документах, подтверждающих легитимность королевской власти вообще и Карла IX в частности, его секретарь отмечает: «Письменное описание настоящих событий, даже семейных, являются (сир) не только очень полезными, но и крайне необходимыми как для королей и принцев, так и для их подданных. Поскольку (так сказал Полибий) нет более легкого пути, чтобы узнать о жизни, чем преимущество, полученное от знаний»¹⁷, потому что есть два пути для всех, чтобы исправить свои ошибки (от которых никто нас не освобождает): первый заставляет принять бедствие, исходящее от случающихся с нами беспорядков, которые должны быть приняты как гнев и наказание Божие. <...> Другой путь, более желанный, действенный, и своевременный, и избираемый — это знание о добром и дурном правлении и сходных событиях, в действительности пережитых кем-то из предшественников, которые послужат всякому как добрый или дурной опыт, но из которого нужно извлечь пользу без потерь и сетований»¹⁸. Ниже Дю Тийе подчеркивает, что стремится показать своим сочинением, как подлинные документы учат мыслить на конкретных исторических примерах и служить образцом для привычки к исторической точности¹⁹.

Ко времени составления этого посвящения, т.е. в правление Карла IX, Жан Дю Тийе пережил уже четырех королей. Его долгая и верная служба династии позволяла быть так откровенным с одним из ее последних представителей. Прошлое должно служить настоящему, и познающий его историк наилучшим образом может служить своему государю. Королю же, как тонко заметил Джейкоб Солл, «...необходим надежных историк со знанием о том, как найти исторические документы и извлечь их политическую мудрость»²⁰. От этого и отталкивается вся последующая концепция национальной истории Дю Тийе,

¹⁶ Soll J. Publishing the Prince: History, Reading and the Birth of Political Criticism. Est.-Lansing, 2005. P. 30.

¹⁷ «...Ибо познание прошлого скорее всяких иных знаний может послужить на пользу людям...» // Полибий. Всеобщая история / Пер., пред., прим., указ., карт. Ф.Г. Мищенко: В 3 т. М., 1890. Кн.1. Гл.1.

¹⁸ Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. Preface. P. 1.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Soll J. Op. cit. P. 30.

основанная на толковании древних законов вкуче с их значимостью для настоящего.

Так появляется ее вторая линия — *правовая*. Первый публичный опыт по применению своих знаний спровоцировала гибель Генриха II в 1559 г., заставив Дю Тийе-юриста решать весьма деликатный вопрос о королевском совершеннолетии: с одной стороны, имелся 15-летний наследник Франциск II, достигший сознательного возраста, но, с другой стороны, по букве гражданского права, можно было подождать еще 10 лет. Такого рода правовая лазейка создавала прецедент для Гизов, для принцев крови, в первую очередь, для короля Наваррского. Как непревзойденному знатоку регистров Парламента и документов королевской канцелярии, Дю Тийе поручают предоставить аргументированное разрешение проблемы в пользу Франциска II. У него сразу же обнаруживается оппонент в лице трибуна гугенотов Франсуа Отмана, что вынуждает Дю Тийе к ответным мерам: в 1559 и 1560 гг. он пишет памфлеты «О старшинстве всехристианнейшего короля против сочинений бунтовщиков» и «О старшинстве всехристианнейшего короля против хитро измышленного законным советом бунтовщиков»²¹, в результате чего их лидер Ла Ренуди становится личным врагом Дю Тийе²².

Годом ранее, в 1558 г. Дю Тийе публикует «Предостережение дворянам», склонявшимся к кальвинизму. Поддерживая гугенотов, по его мнению, они выступают против короля, что расценивается как измена: «Когда некто считает, что все состояние и богатство королевства, все его величие и просторы предназначены для знати, и совокупные доходы короля таковы, что покрывают содержание и оплату большого числа ведомств, и выплату пенсий должностным лицам короны: маршалам, губернаторам, капитанам, лейтенантам и гвардейцам и раздачу их родственникам пожалований любого размера. Короче говоря, если выяснить доходы хотя бы одного принца и его свиты, то обнаружилось бы, что излишки и доходы распределены и разделены между ними (знатью)»²³.

По мнению Дю Тийе, знать не только занимает ведущие позиции в государстве, но сам государственный механизм направлен на обеспе-

²¹ Du Tillet J. Pour la majorité du roi treschrestien contre les escrits des rebelles. Paris, 1560; *Idem*. Pour l'entier majorité du roy treschrestien contre le legitime conseil malicieusement inventé par les rebelles. Paris, 1560.

²² Naef H. La Congjuration d'Amboise et Genève. Genève, 1921. P. 33; Hearsey J., Salmon J H.M. Society in Crisis: France in the Sixteenth Century. Cambridge, 1979. P. 125, 126; Brown E.A.R. La Renaudie se venge: l'autre acy de la conjuration d'Ambois // Complots et conjusations dans l'Europe modern / Éd. Y.-M. Bergè, E.F. Giardini // Collection de l'École française de Rome. 1996. № 220. P. 451—474.

²³ Du Tillet J. Advertissenent à la nobles tant du parti du roy, que de rebelles. Paris, 1558. P. 21.

ение поступлений к дворянам в форме централизованной системой от короля²⁴. Поэтому дворянство обязано выступать на стороне своего государя.

Эти работы получили вполне понятное признание властей и были помещены в собрание королевских ордонансов²⁵. Причина оказанной чести проста: опираясь на легистскую традицию, Дю Тийе отверг авторитет римского права и утвердил главенство феодального обычая. А с ростом централизации страны и укреплением монархии — превосходство королевского закона²⁶. Как доказывает сам автор, «в соответствии с законами Франции, т.е. областей, где наличествовало обычное право, возраст несовершеннолетнего не определяется римскими установлениями»²⁷. В итоге, если вернуться к проблеме королевского совершеннолетия, то предложенный им метод позволил решить ее в достаточной степени. Игнорируя классические авторитеты, он обращается к известному ордонансу Карла V от 1374 г., который устанавливал законным правление с 15-ти лет²⁸.

Именно Дю Тийе юридически обосновал тезис о том, что французская монархическая традиция является не римской, а германской (франкской). Мобилизуя данный аргумент, он счел вполне естественным обратиться к «Германии» Тацита, где подробно описана варварская практика присвоения высших должностей в очень молодом возрасте. Обращение к Тациту²⁹, к его аналитическому инструментарию, побудило Дю Тийе сосредоточить внимание на моральной подоплеке своего историописания и на его практическом применении.

²⁴ Heller H. *Iron and Blood: Civil Wars in Sixteenth-Century France*: 2-e ed. Ottawa, 1991. P. 4.

²⁵ См. например: Charles V, au Bois de Vincennes, au mois d'Août 1374. Ordonnance qui fixe la Majorité des Rois de France, à l'âge de quatorze ans // *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique* / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Villeval, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1741. Vol. VI. Contenant les ordonnances de Charles V. données depuis le commencement de l'année 1374, jusques à la fin de son regne; celles de Charles VI depuis le commencement de son regne, jusques à la fin de l'année 1382. P. 26—32.

²⁶ В этом отношении Дю Тийе расходится во взглядах со многими своими современниками, в том числе и с Э. Пакье, полагавшим, как и Ф. Отман, что Франция — это, прежде всего, нация, а не государство; суть страны выражают обычай и культура, а не монархия. См.: *Farr W. Constitutional Thought in Sixteenth-Century France: A Study in the Evolution*. [London, 1969. P. 115

²⁷ *Du Tillet J. Pour la majorité du roi treschrestien contre les escrits*. P. 25.

²⁸ Подробно о проблеме королевского совершеннолетия в трактовке Дю Тийе см. раздел исследования Элизабет Браун. См.: *Brown E.A.R. Jean Du Tillet and the French Wars of Religion: Five Tracts, 1562—1569*. Cambridge, 1994. P. 11—13.

²⁹ Дж. Солл называет его «тацитизмом» и упоминает о влиянии на Дю Тийе комментатора и издателя Тацита, фламандского гуманиста Юста Липсия (1547—1608). См.: *Soll J. Op. cit.* P. 30—31.

Скорее всего, именно по этой причине Дю Тийе отверг требования «бунтовщиков» (т.е. тираноборцев) о необходимости регентства принцев крови над Франциском II и подтвердил необоснованность ссылок на решение Генеральных Штатов как консультативного органа³⁰. Немаловажным доводом в логике рассуждений Дю Тийе выступил и тот факт, что он по-прежнему активно критиковал своих оппонентов за ссылки на средневековые хроники, вновь полагая, что истинная монархическая традиция прослеживается только по актам королевского делопроизводства, т.е. по королевским архивам.

В самом ли деле Дю Тийе продал свое перо, как утверждали гугеноты, неизвестно. Но то, что он не порывал с галликанской традицией, хотя и мог использовать конъюнктуру ситуации Религиозных войн, очевидно. Более того, его вклад в развитие истории как науки получил продолжение и даже укрепил позиции тираноборцев, поскольку, следуя за своими регистрами, не мог окончательно отрицать природный характер социальных и политических институтов Франции. Вслед за Генеральными штатами к числу естественным образом зародившихся институтов французского общества, фактически независимых в своих функциях от короля, Дю Тийе относит и столь близкий ему Парижский Парламент, чьи судебные прерогативы уже с середины XIV в. он оценивает как судебную функцию (*judiciare*), соответственно, признавая за монархом законодательную (*législatif*)³¹. И хотя одна часть исследователей не без оснований полагает, что «греффье-историк» разделил их преждевременно, отнеся к слишком раннему периоду развития французского государственного аппарата (т.к. данная тенденция не наблюдается и в современном ему XVI в.)³², вторая, не останавливаясь на достоверности, оценивает эту позицию как «...создание принципиального направления для эрудитов, исследующих исторически обуслов-

³⁰ О «законном совете» и критике его Дю Тийе пишет в своих мемуарах не только его последователь Пьер Дюпюи, но и принц Конде. См.: Dupuy P. *Traité de la majorité de nos rois, et des régences du royaume*. Paris, 1655; *Idem*. *Traites touchant les droits du roy très-chrestien sur plusieurs estats et seigneuries possédées par divers princes voisins*. Paris, 1655; *Mémoires de Condé* / Éd. D.-Fr. Secousse, N. Lenglet-Dufresnoy: 6 vol. London, 1743. Vol. I. P. 437.

³¹ Du Tillet J. *Recueil des roys de France*. I. P. 341.

³² Hanly S. *Le lit de justice des rois de France. L'ideologique constitutionnelle dans l'épique, le rituel et le discours* / Trad. par A. Charpentier. Paris, 1991. P. 144. Кроме Сары Ханли этой позиции также придерживаются Элизабет Браун и Ксавье Гюде. См.: Brown E.A.R. *La justice royale et le Parlement de Paris (XIVe—XVIIe siècle)* // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1995. № 151. P. 325—372; Godin X. *Les enjeux politiques de l'ordonnance civile (1667)* // *Procéder: pas d'action, pas de droit ou pas de droit, pas d'action?* / Éd. J. Hoareau-Dodinau, G. Métairie, P. Texier. Limoge, 2006. P. 160—161.

ленные изменения французской системы управления, построения его отсутствующей ранее рациональной традиции»³³.

Действительно, королевскому архивисту не доставало яростности Ф. Отмана: он все же обладал темпераментом ученого, а не реформатора, и на находящиеся в его распоряжении документы смотрел в большей степени глазами архивиста, а не политика. Проведя много лет среди огромного количества памятников французского прошлого, Дю Тийе ценил их именно как исторические источники и не придавал им перво-степенного значения прагматической ценности³⁴.

Наконец, его захватила принадлежащая еще легистам мысль о естественном происхождении общества и государства. Окруженный реликвиями прежней эпохи, Дю Тийе остался верен себе и не стал искать классических параллелей в романтических легендах о галлах, а обратился к германскому наследию Франции. Возможно, он стал одним из первых, кто отверг троянскую теорию. «Те, кто писал, что французы на самом деле по происхождению германцы, сулили им больше чести, нежели те, кто выводил их от троянцев, ибо лишь честь и достойна называться истинной добродетелью...»³⁵.

Дю Тийе подчеркивал, что для французов важнее их действительно франкское начало, чем повтор старых легенд о якобы троянском происхождении³⁶. Это особенно важно на фоне разразившихся религиозных войн для «защиты и прославления» французской короны как национальной монархии³⁷. Подчеркивается и враждебность между франками и римлянами, что объясняется несоответствием римских институтов с германской свободой. «Римляне, — как отмечено в соответствующей эпохе первых Меровингов главе “Собрания”, — неоднократно побеждали германцев, но так окончательно их и не покорили»³⁸.

³³ *Parsons J. The Church in the Republic: Gallicanism and Political Ideology in Renaissance. Washington, 2004. P. 98.*

³⁴ *Kelley D.R. Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance France. N.Y., 1970. P. 215. Отдельной работой Дональда Келли является статья «Жан Дю Тийе — архивист и антиквар». См.: *Idem. Jean du Tillet, Archivist and Antiquary // Journal of Modern History. 1966. Vol. XXXVIII. P. 337—354.**

³⁵ *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 54.*

³⁶ В этом отношении он был полностью солидарен с мнением брата, Жана Дю Тийе-младшего, получившего к этому времени епископскую кафедру в Мо. См.: *Brown E.A.R. The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean Du Tillet // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History / Ed. W.A. Goffart, A.C. Murray. Toronto, 1998. P. 348—384.*

³⁷ Д. Келли называет совокупность этих воззрений Дю Тийе «французским духом». См.: *Kelley D.R. France // The Renaissance in National Context / Ed. K. Porter, M. Theich. Cambridge, 1992. P. 134—135.*

³⁸ *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 371.*

Институт королевской власти в трактовке «Собрания» тоже является непосредственно германским: описание инаугураций, не без влияния Тацита, начинается с того, что «...по своей форме коронация и провозглашение вождей у франков являлись поднятием их на щит», с этого же времени берет начало практика провозглашения правителей собранием, «веками позже ставшим собранием сословий»³⁹. Он прямо указывает: «Хлодвиг, первый христианский король, <...> начал править в 485 году и был провозглашен королем Франции на генеральной ассамблее. Воины подняли его на щит, трижды пронесли на руках вокруг лагеря с криком: “Мы признаем его, мы принимаем его как своего короля!”»⁴⁰.

Сама церемония королевского посвящения (*le sacre royal*) имеет строго правовой и, опять-таки, национальный характер. Ее уникальность заключается в нескольких аспектах. Во-первых, наивысшей степени сакральности получаемых монархом прерогатив посредством помазания Священным Елеем из Святой Склянки, хранящейся в аббатстве Сен-Реми. Для этого Дю Тийе привлекает известную легенду о крещении Хлодвига: «Он (Хлодвиг. — С.П.) с сотоварищами принял в сочельник Святое Причастие в церкви Реймса у святого Реми, архиепископа этого места, получившего от Святого Духа Святую Склянку (*La Sainte Ampoule*) со священным миром, коим помазываются все короли Франции»⁴¹.

Во-вторых, крайне важна публично-правовая сторона процедуры коронации в присутствии всей знати и через прикосновения к возлагаемой короне 12-ти пэров, институт которых, ссылаясь на королевские регистры, Дю Тийе совершенно обоснованно выводит от эпохи Капетингов, а не Каролингов: начиная с посвящения Филиппа I в 1059 г. и постановления Людовика VII и Филиппа II Августа. «...Пэры Франции явились в вышеназванную церковь Реймса (Реймский собор. — С.П.) в 1059 г., и хотя среди них не обнаружилось епископа Бовэ и герцога Нормандского <...>, все прочие присутствующие там прелаты и бароны были назван по-порядку (т.е. по рангу. — С.П.). И они постановили, что посвящение и коронация не могут проводиться в другом месте, кроме Реймса...». Затем в 1179 г. статус пэра получил епископ Лана, «...сильный и признаваемый даже своими противниками...», и в 1216 г. назначение пэром принесшего оммаж еще Филиппу II Августу герцога Шампанского⁴².

В-третьих, основой легитимности монархии выступает преемственность всех ее династий, связанных не только помазанием Священным Елеем, но и более земными обстоятельствами. Так, он признает, что «ли-

³⁹ Ibid. I. P. 183, 185.

⁴⁰ Ibid. I. P. 140.

⁴¹ Ibid. I. P. 15.

⁴² Ibid. I. P. 431—432.

ния Меровингов, правивших 300 лет, пресеклась», поскольку Пипин Короткий отнял ее «для узурпации и тирании», но авторитетом архиепископа Майеннского Бонифация он получил корону для «посвящения и помазания»⁴³. Понимая всю деликатность проблемы, Дю Тийе приводит ответ папы Стефана II Пипину Короткому, признав его посвящение, а также указ о законности посвящения обоих его сыновей Карла и Карломана. «Отправленная им (папой. — С.П.) 28 июля 754 г. *Clausula de unctine Pippini* гласит: “Тогда он дал свое благословение милостью Божьей на шести известных языках, первым из них — франкском, под страхом interdикта и кары отлучения от Церкви никому никогда не претендовать в будущем на избрание короля, происходящего из иного рода, нежели того, у которого почитание Господне превыше всего и который решено, с заступничества святых апостолов, признать и посвятить рукой святейшего понтифика, его викария”»⁴⁴. Таким образом, Пипин признается первым посвященным и коронованным, т.е. приобретшим статус полноценного христианского монарха, и в этом его легитимность.

Несколько иначе трактуется приход к власти Гуго Капета. В данном случае Дю Тийе возлагает вину на его сына Роберта II, который «...сумел силой отобрать корону у Каролингов», а его отец, став к этому времени королем Нойона, «...затем в 988 г. был посвящен и коронован в Реймсе...»⁴⁵. Воцарение Валуа у Дю Тийе полностью согласовано с пресечением прямой ветви Капетингов и подчеркнутым соблюдением принципа примогенитуры при переходе трона к Филиппу VI⁴⁶, а затем и к Ангулемской ветви⁴⁷.

Что касается происхождения феодального права, то оно выводится от эпохи образования Папского государства. Доказывая этот тезис, Дю Тийе обратился к анализу этимологии основных дефиниций сеньориальных отношений. Он утверждал, что понятия «лен» и «фьеф», как наследственные земли, в документации раньше эпохи Каролингов не встречаются, и находил, будто присвоение семье имени территориального владения есть варварский обычай, противоположный римской практике⁴⁸. Обычное право порождено не знатью, а народом, что также, по мнению Дю Тийе, демонстрирует доминирование германских корней.

В конечном счете, наиболее тщательно Дю Тийе проиллюстрировал самостоятельность и, одновременно, преемственность французской

⁴³ Ibid. I. P. 37.

⁴⁴ Ibid. I. P. 11. Полный текст см.: *Clausula de unctioe Peppini* / Ed. V. Krause // *Monumenta Germaniae Historica. Series rerum merovingicarum* / Ed. V. Krusch. Hannover, 1896. Bd. II. № 2. S. 456.

⁴⁵ *Du Tillet J. Recueil des roys de France*. I. P. 60.

⁴⁶ Ibid. I. P. 201.

⁴⁷ Ibid. I. P. 351—352.

⁴⁸ Ibid. I. P. 389.

политической традиции посредством исторических комментариев относительно основных институтов и учреждений монархии. Его вывод исходил из идеи самоценности французского права, что активно поддерживалось его представителями, особенно членами Парижского Парламента, которые, по мнению Дю Тийе, потому и облачались на королевских похоронах в красное платье вместо черного, чтобы символизировать вечность французского правосудия и монархии⁴⁹. Среди прочих составных частей «тела Франции» — уже упомянутые 12 пэров (6 церковных и 6 светских), *conseil privé*, маршал, адмирал и губернаторы (по каждой из должностей им составлены отдельные описи)⁵⁰.

Именно благодаря глубокой фундированности своего труда, Дю Тийе блестяще доказывает уникальность и преемственность власти. Тем более что регистры королевской канцелярии хранят бесчисленное множество доказательств как королевского титула, так и королевских знаков. Например, геральдическая лилия, указанная еще в «Салической правде»: «Во французской короне, — писал он, повторяя многих легистов, — имеются определенные цветы, символизирующие королевские prerogatives и права, присущие только ей одной (монархии. — С.П.)»⁵¹. Однако королевский архивист отрицал обычную приписку ее происхождения Фарамону, поскольку, как он замечал: «Не существует свидетельств, что этот легендарный король посещал галлов, правда, с другой стороны, в Салическом своде законов остались очевидные следы христианства»⁵².

Анализ источников и необходимость применять их для правового обоснования королевских prerogatives вывели Дю Тийе на третью линию его поиска — *филологическую*. Зная древние германские языки и знакомый с трудами современных ему гуманистов⁵³, он пытался придать своим рассуждениям на «варварскую» тему большую историческую и филологическую аргументированность. Отправной точкой его изучения стал массив текстов, где отмечались качественные оценки германцев: это уже упоминаемые труды Тацита и Полибия, позже — Иордана, редакция и обширное предисловие к «Салической правде», введенной в оборот научного знания⁵⁴. Помимо этого он использовал

⁴⁹ Brown E.A.R., Famiglietti R.C. The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial, and the Parliament of Paris, 1300—1600. Cambridge, 1994. P. 75.

⁵⁰ Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 362.

⁵¹ Ibid. I. P. 253.

⁵² Ibid.

⁵³ См. подробнее: Turner C.H. Jean du Tillet: A Neglected Scholar of the Sixteenth Century. Oxford, 1905.

⁵⁴ Эта редакция *Lex Salica*, наряду с рукописями ранних каролингских капитуляриев и правовых памятников меровингской эпохи, между 1549 и 1557 гг. была опубликована Жаном Дю Тийе-младшим. См.: Du Tillet J. Libelli seu decreta a Clodoveo et Childeberto prius aedita ac postremo a Carolelu-cide emendata, auctaque plurimum. Paris, s/d.

и труды современных ему авторов; впрочем, даже проведенный анализ этимологии понятий доказывал, по мысли Дю Тийе, германское происхождение французских институтов.

Так, «майордом» восходит к понятию *meyer du palais*, что в переводе с нижнегерманского означало управляющего. Позднее, в связи с изменениями языка, это стало звучать как *maire or maistre du palais*. Или, например, один из излюбленных героев средневековых хронистов, маршал Франции, — понятие, происходившее от двух нижнегерманских слов, где *march* означало лошадь, а *schal*, соответственно, слугу или всадника⁵⁵.

Четвертой и последней линией доктрины Дю Тийе, вобравшей в себя весь предыдущий опыт, является историко-патриотическая. Связь между свободолюбивыми франками и современными автору французами — отличительная черта эпохи Карломанов (Каролингов). Французы унаследовали не только черты, присущие германскому миру, но и политические (имперские) традиции Рима. Они были установлены позже, в эпоху Карла Великого, который выступал, по мнению Дю Тийе, «строителем западной империи, разделенной между Германской и Галльской коронами»⁵⁶. Более того, королевский архивариус «перенаправил»⁵⁷ миф о Карле Великом, утверждая, что император принадлежал больше Франции, чем Германии, поскольку создал наследственную монархию, основанную на принципе примогенитуры. Ее и получили от него Капетинги, а не восточные франки, т.к. «...нет такого народа, испытавшего большее размежевание, чем немцы, которые, если бы объединились, то, несомненно, стали бы лучшими»⁵⁸. В подтверждение Дю Тийе приводит данные архивов⁵⁹, согласно которым Капетинги в своей титулатуре используют титул «император», употреблявшийся вслед за другим, не менее почитаемым — *christianissimus* («наихристианнейший»); последний сохранился вплоть до времени Дю Тийе. Как указывает «Собрание», помазание посвящаемых королей Святым Елеем — уникальная прерогатива, которой лишены все прочие монархи⁶⁰.

⁵⁵ *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 586.*

⁵⁶ *Du Tillet J. Libelli seu decreta a Clodoveo et Childebit. P. 989.* Дю Тийе-старший дословно цитирует брата, уже в который раз выражая с ним полное согласие. См.: *Idem. Recueil des roys de France. I. P. 250.*

⁵⁷ Выражение Гарольда Элписа. См.: *Ellis H.A. Boulainvilliers and the French Monarchy: Aristocratic Politics in Early Eighteenth-Century France. Ithaca, New York, London, 1988. P. 43.*

⁵⁸ *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I. P. 51.*

⁵⁹ Наиболее полно ссылки на архивы с рукописями Дю Тийе приведены в монографии Э. Браун и приложениям к ней. См.: *Brown E.A.R. "Franks, Burgundians, and Aquitanians" and the Royal Coronation Ceremony in France // Transactions of the American Philosophical Society. Berkeley, 1992. Vol. 82. Part. 7.*

⁶⁰ *Du Tillet J. Recueil des roys de France. I.*

Первым текстом, предложенным Дю Тийе в поддержку имперских аргументов, стала каноническая формула из буллы Иннокентия III, по которой, «король в светских делах не признавал никакого верховенства», причем копия этой буллы, указывает автор «Собрания», сохранилась в регистрах Парижского Парламента. Другими ценными свидетельствами выступают буллы Климента V, аннулировавшего акты Бонифация VIII против Филиппа IV⁶¹.

Основной упор в аргументации Дю Тийе, однако, был сделан не на сходстве Римской империи с высшей политической властью во Франции, а, скорее, на превосходстве последней. Убежденность королевского архивиста в уникальности и самодостаточности французской монархии в наибольшей степени иллюстрируется формулой, почерпнутой им из *Establishmentes* Людовика Святого: «Король владеет от Бога и от себя, а более ни от кого»⁶². Для подтверждения своей позиции о феодальном принципе правления государей Дю Тийе обращается и к знаменитому ордонансу Филиппа IV 1312 г., в котором фиксировалось, что «данное королевство управляется посредством обычаев, а неписаным законом. Хотя, как подмечает Дю Тийе-юрист, «в то время гражданское право и могло уже изучаться в университетах, за исключением Парижа, но вряд ли оно применялось в самом королевстве»⁶³. В этом вопросе Дю Тийе вновь сближается с Ф. Отманом и всей легистской традицией. Несомненно, дискуссия о королевском праве в XVI в. достигла апогея, с легкой руки ряда исследователей получившей название «юридический национализм»⁶⁴.

Еще одна злободневная для Дю Тийе тема — свободы галликанской Церкви. Автор полагал, что привилегии духовенства имели исторические основания, нашедшие отражение не только в титуле «всехристианнейшего короля», так же как и в многочисленных каролингских памятников: созывах соборов, привнесении изменений в церковную доктрину и устав и т.д.

Как и многие правоведы эпохи, в 1551 г. Жан Дю Тийе написал специальное сочинение, посвященное данной проблеме, — «Воспоминание и дурное мнение 1551 года о свободах Галликанской Церкви»⁶⁵. Сильная сторона произведения — использование новейших документов королевской канцелярии⁶⁶, что выдает в Дю Тийе намерение придать своему

⁶¹ Ibid. III. P. 274.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid. I. P. 253.

⁶⁴ Kelly D.R. France. I. P. 135; Ellis H.A. Op. cit. P. 44.

⁶⁵ Du Tillet J. Mémoire et advis laict en l'an 1551 sur les libertès de l'Église Gallicanae // Ecclesiae Gallicanae in schisme status: État de l'Église gallicane durant de schisme. Paris, 1594.

⁶⁶ В первую очередь, эдикта Генриха II от 27 июня 1551 г., посвященного контролю и ликвидации всякого рода источников распространения кальвинизма: книжных

туду характер документального расследования. Действительно, он ссылается только на *les layettes* королевской канцелярии, к которым имел неограниченный доступ и прямо высказывается об их пользе для короны в свете ее притязаний на руководство Церковью. В этой связи Дю Тийе сообщает: «Кроме того, преимущество выбора в названном королевстве (Французском. — С.П.) заключается в том, что если короли всегда пользовались своим правом и сами делали свой выбор, то требование от других лиц <...> получить разрешение избрать кого-то другого равнялось нулю. Сокровищница хартий — это одна большая *layette*, датированная от 925 г., наполненная свидетельствами об избрании на должности от тогдашних королей до Людовика XI включительно. И указом Парламента было признано право короля Филиппа Красивого взимать налоги с аббатства Сен Маглуар в Париже. При этом Италия (т.е. папа. — С.П.) навязывалась всем, в частности, императору Греции (Византии. — С.П.)⁶⁷, ведь папа хочет, чтобы ничего не делалось без его одобрения»⁶⁸.

Несколько нижеследующих страниц посвящено борьбе Филиппа IV и папы Бонифация VIII, названной Дю Тийе «Великой Схизмой» и датируемой 1378—1429 гг., т.е. временем вплоть до подписания Карлом VII Прагматической Санкции в 1438 г. При этом в качестве еще одного примера независимости монархии от Святого Престола приводится решение Филиппа Красивого, принятое им на заседании королевского совета: «...сказал им, что он (король. — С.П.) не обязан допускать ни папу, ни кого бы то ни было в свое королевство без своего на то разрешения <...>. И нашлось сказанное в канцелярии, как продиктованное королем на заседании совета Эду, герцогу Бургундскому»⁶⁹.

Столь фундированное подтверждение независимости абсолютной монархии по отношению к папе заставляет Дю Тийе высоко оценить способность королевской власти к самостоятельным преобразованиям Церкви в своих землях: не случайно, что «Воспоминания» завершаются ссылкой на соответствующее решение, принятое в Туре в 1510 г. на совете галликанской Церкви под руководством Людовика XII.

лавок, печатных дворов, королевских служащих, школ и университетов. См. подробнее: *Édit attribuant tant aux cours souveraines qu'aux juges présidiaux la connaissance, punition et correction des hérétiques, réservant néanmoins aux prélats et juges d'église la juridiction des personnes déviant de la foi catholique, sans scandale public ou commotion populaire.* Châteaubriand. 27 juin 1551 // *Recueil general des anciennes lois francaises, depuis l'an 420 jusqu'à la revolution de 1789* / Ed. F.G. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1828. Vol. XIII. 1546—1559. P. 189—208, 195—196.

⁶⁷ Имеются в виду неоднократные попытки Святого Престола расценивать Константинопольскую и прочие восточные кафедры как подчиненные Риму и, следовательно, обязанные выплачивать папе все полагающиеся сборы.

⁶⁸ *Du Tillet J. Mémoire et advis.* P. 9.

⁶⁹ *Ibid.* P. 15.

Кроме того, на его страницах папе отказано в материальных правах, поскольку они ведут к «жадности и честолюбию» понтифика, которому в отношении прочих Церквей еще апостолом Петром завещаны только «попечение и заботы»⁷⁰. В таком случае автономность галликанской Церкви совершенно правомерна и обоснована правом короны. И вновь Дю Тийе приходит к заключению, что эти «древние свободы» по своему происхождению также были более германскими, чем римскими, поскольку «...французские короли являются основателями всех кафедральных церквей»⁷¹. Вне этой традиции, по его мнению, следует рассматривать акты Парижского Парламента и Парижского университета, а также достижения Прагматической санкции⁷². Более того, подчиненная королевской власти Церковь оказывается свободной от стяжательства и, следовательно, более близкой к «апостольским временам»⁷³. Обосновывая таким образом право подчинения Церкви монархии, Дю Тийе прямо заявляет о прерогативе короля на инвеституру, а сами епископии рассматривает как вассальные от короны земли, полученные Церковью посредством оммажа⁷⁴. В итоге «Воспоминание» стало самым документальным исследованием о свободах галликанской Церкви, найдя впоследствии массу подражателей и ценителей.

Наиболее тщательно Дю Тийе проиллюстрировал самостоятельность и преемственность французской политической традиции посредством исторических комментариев относительно основных институтов и учреждений монархии. Благодаря столь разнообразному подходу, историописание Дю Тийе успешно демонстрирует индивидуальность французской государственной структуры, уникальность исторического развития Франции, древность и превосходство института ее монархии.

⁷⁰ Ibid. P. 12.

⁷¹ Ibid. P. 9. Аналогичный тезис распространяется и на прочие светские государства, поэтому С.Л. Плешкова не без оснований полагала, что в этом Дю Тийе продвинулся «даже до непризнания папы главой христианского мира». См.: Плешкова С.Л. Франция XVI—начала XVII века: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). М., 2005. С. 356.

⁷² Du Tillet J. Recueil des roys de France. III. P. 273—281. Эти «галликанские тезисы» будут прочитываться в трудах еще двух поколений легистов, и они также внесут свой вклад в историографию. Так, М. Фумароли и Э. Бюри указывают на влияние Дю Тийе на «традиции и споры эрудитов с конца XVI в.». См.: Bury E. La tradition gallicane: les historiographies et l'érudition en France (fin XVe—milieu XVIIIe siècle // Les historiographes en France. P. 313—325; Fumaroli M. Aux origines de la connaissance historique du Moyen Âge: humanism réformé et gallicanisme au XVIe siècle // XVIIe siècle. 1977. Vol. CXIV—CXV. P. 5—29.

⁷³ Du Tillet J. Mèmoire et advis. P. 5.

⁷⁴ Ibid. P. 8.

Время власти под властью времени: принцип хронологии королевского правления в трактатах французских юристов XVI—XVII вв.

Французский Ренессанс и последующий за ним период классицизма не без основания полагают одним из достижений абсолютной монархии, а его историографию — воплощением стремления служить короне и стране. Ощущая потребность в правовом и историческом обосновании, абсолютизм не испытывал недостатка в рефлексии со стороны как своих сторонников, так и оппонентов. Однако среди множества трактатов чиновников разных рангов особое место занимают сочинения юристов, состоявших на королевской службе. Они могли дойти до той или иной ступени карьерной лестницы, быть добрыми католиками или адептами «новой веры» (что не редкость в бурный век Реформации), но их стремление к систематизации институтов высшей политической власти, ее правовому и историческому обоснованию (либо критике) было сознательным и типичным. Как метко отмечал президент Парижского Парламента Жак-Огюст де Ту¹: «Никогда еще наши подданные так хорошо не знали закон и наши франкские и галльские древности»². Их тяга к систематизации институтов монархии, к анализу истоков ее притязаний (либо недостатков оных) носила общий характер.

Живой интерес к собственному прошлому привел к своего рода перевороту в понимании истории. Наряду с юристами в нем участвовали филологи и археологи, изучающие Античность. Классический труд Гийома Бюде «Об ассе и его частях» 1515 г. является тому ярким примером. Искания политической мысли, опора на средневековую историографическую традицию, бесспорное влияние итальянского гуманизма, наконец, столь характерное для Франции «равнение на государство» привели к синтезу истории и права, заявленному Буржской школой, возникшей, как известно, под покровительством Маргариты Наваррской и Мишеля де Л'Опиталья. В итоге сформировалась знаменитая историческая школа права, первоначально имевшая задачу реконструкции свода римского законодательства без средневековых наслоений и искажений. Нельзя

¹ Жак Огюст де Ту (1553—1617) — автор «Истории моего времени», своего рода всемирной хроники периода 1546—1601 гг., в которой, включая предысторию событий, также предложена хронологическая версия основных событий европейской истории середины и второй половины XVI в. См.: *De Thy J.-A. Histoire des mois temps*. Paris, 1725.

² *Ibid.* VI: 334.

сказать, что данный метод был совершенно новым для гуманистической культуры XVI в., но, развиваемый в Бурже миланцем Андреа Альчато, он нашел блестящую плеяду последователей-французов: Франсуа Бодуэна, Франсуа Отмана, Жана Кюжаса. Изучение римского права привело к пониманию значимости французских законов и национальной истории в силу их оригинальности, что только подстегнуло интерес к прошлому государства, санкционировавшего собственную правовую традицию.

Особое место в обширном перечне авторов занимает группа правоведов, изучавшая легитимацию власти французских королей: исторических оснований, церемониала, правовых казусов и аналогий. Особое место на этом поприще принадлежит Жану Дю Тийе-старшему. Родившийся в первое десятилетие XVI в., происходил из знатного ангулемского семейства. Его отец, Элия Дю Тийе, после прихода к власти Франциска I волей короля оказывается в Париже, став членом Счетной Палаты, а затем — секретарем Парижского Парламента. Жан было вторым сыном в семье, но, к конфузу биографов³, имел младшего брата-священника, также нареченного Жаном и умершего с ним в один — 1570 — год, с разницей всего в шесть недель⁴. Первоначально сменив на месте греф-

³ Подробную биографию Ж. Дю Тийе см. в справочных изданиях: *Biographie universelle, ancienne et moderne ou histoire, pour ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs action, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes*. Paris, 1814. Vol. 12. P. 401—402; *Dictionnaire de la noblesse, contenant les généalogies, l'histoire & la chronologie des familles nobles de la France, l'explication de leurs armes et l'état des grandes terres du royaume <...> [microform]: on a joint à ce dictionnaire le tableau généalogique et historique des maisons souveraines de l'Europe et une notice des familles étrangères, les plus anciennes, les plus nobles et plus illustrés* / Éd. Fr.-Al. Aubert de La Chesnaye-Desbois. Paris, 1825. Роду Дю Тийе посвящены статья Ж. де Рюберси и раздел монографии Р. Калдерини Де Марки. См.: *Rubercy G. de. Les du Tillet, seigneurs de la Bussière (Loiret)* // *Académie de Saint-Croix d'Orléans. Lectures et mémoires*. 1891. Vol. VI. P. 477—541; *Calderini De-Marchi R. Jacopo Corbinelli et les érudits français*. Milan, 1914. P. 188.

⁴ Жан-младший избрал духовную стезю: он стал епископом, получив кафедру сначала в Сен-Бре в 1553 г., затем, с 1564 г. — в Мо, где и пробудет до конца своих дней. Религиозные искания века не обошли его стороной: проникнувшись симпатией к гугенотам, он все же вернулся в лоно ортодоксальной Церкви, но сохранил интерес к проявлениям инакомыслия в истории своей страны. Так, вдохновленный кажущимися ему очевидными параллелями с гугенотами, он суммирует собранные им данные об альбигойских войнах, основываясь на целой серии архивных документов, явно полученных от Жана-старшего. Этот труд увидит свет в 1576 г. См.: *Sommaire de la gierre faicte contre les heretiques Albigeos*. Paris, 1576. Следует добавить, что третий брат, Луи Дю Тийе, останется приверженцем Кальвина, о чем свидетельствует их переписка. См.: *Correspondance française de Calvin avec Louis du Tillet* / Éd. A. Crottet. Lausanne, 1850. Подробнее о роде Дю Тийе см. также: *Châtillon H. Recueil de Généalogie*. Rennes, 1904. Т. 1. Наиболее известной из его работ станет хроника *De Regibus Francorum*, положенная в основу его дальнейших изысканий. Так, интерес к основам формирования

фье старшего брата Серафима, несмотря на все его претензии, после смерти отца Жан-старший унаследовал его должность секретаря Парижского Парламента, которую он будет занимать почти полвека. Без отрыва от деятельности в Парламенте его ожидала завидная карьера королевского нотариуса, секретаря и первого главы основанной Франциском I *Le Trésor des Chartes* — сокровищницы хартий — по сути, королевского архива. Кроме того, удачная женитьба на Жанне де Брино принесет ему титул маркиза де Бюссьер⁵.

Ставший к этому времени еще и главным архивистом Парижского Парламента, Дю Тийе одновременно оказался вовлеченным в кризис 1551 г. между галликанской Церковью и папой Юлием III. По мнению Ж.-О. де Ту, королевский эдикт, согласно которому запрещался вывоз золота в Рим, был выпущен не без влияния Жана Дю Тийе⁶. Если вспомнить, что среди многочисленных должностей секретаря Парижского Парламента значилось еще и место королевского нотариуса и секретаря, то сложно отрицать, будто текст знаменитого эдикта Генриха II не прошел через его руки, и это едва не стоило ему карьеры. Дю Тийе удалось избежать наказания, но полученный урок на какое-то время отрешит его от подобного рода авантюры. Однако через 10 лет он вновь начнет испытывать судьбу, присоединившись вместе с братом-епископом к наиболее консервативным галликанцам. В правление Карла IX, точнее Екатерины Медичи, это было явно необдуманном поступком, противоречащим сдерживающей религиозные противоречия политике королевы-матери.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба сеньора де Бюссьер, если бы он не получил небезвозмездную поддержку «каретника кальвинистов», как злословили о нем гугеноты, кардинала Лотарингского. Заступничество касалось непосредственно научной деятельности Дю Тийе как главного архивиста Парижского Парламента⁷.

государства приведет Жана Дю Тийе к изучению рукописей ранних каролингских капитуляриев и правовых памятников меровингской эпохи, включая «Саллическую правду», эдикты от Хлодвига до Карла Великого. См.: *Du Tillet J. Libelli seu decreta a Clodoveo et Childeberto prius aedita ac postremo a Carolelu-cide emendata, auctaque plurimum*. Paris, s/d. (Опубликовано между 1549 и 1557 гг.); *Idem. Opus illustrissimi et excellentissimi seu spectabilis viri, Caroli Magni*. Paris, 1549.

Перу епископа принадлежит ряд богословских трактатов, имеющих характер комментариев к Евангелиям и трудам Отцов Церкви. См.: *Du Tillet J. Apostolorum et sanctorum conciliorum decreta*. Paris, 1540; *Idem. Nituli ex corpore Ulpiani*. Paris, 1549; *Idem. E libris constitutionum Theodosii*. Paris, 1550; *Idem. Evangelium Hebraicum Matthaei*. Paris, 1555.

⁵ Его имя все чаще появляется в официальных документах Парижского Парламента и Двора с 1521 г.

⁶ *De Thou J.-A.* Op. cit. I. P. 667.

⁷ *Amat R. de. Du Tillet (Jean Ier) // Dictionnaire de biographie française*. Paris, 1968. Vol. 12. P. 915—916.

Постоянно разыскивая и находя древние регистры Парламента, Дю Тийе накопил их в достаточном количестве для того, чтобы сделать объектом отдельного исследования. Неизвестно, как скоро посетила его данная идея, но он начинает вынашивать мысль об издании собраний регистров, «которые послужили бы и последующим поколениям»⁸. Опасаясь, что его предложение может быть неверно истолковано, он обратился за протекцией к Анне де Монморанси, и с ее помощью получил возможность отстаивать свой проект перед Генрихом II. Непосредственно во время доклада Дю Тийе пришлось отбиваться от нападок кардинала Лотарингского, который полагал, что после публикации регистров будут преданы гласности компрометирующие королевскую власть материалы. Для подтверждения своих позиций кардинал взялся изучить материалы старшего нотариуса и призвал его содействовать своими комментариями и дополнениями. Работа так увлекла обоих, что в конечном итоге Дю Тийе оказался на службе у кардинала и, следовательно, у Гизов⁹.

Потомственный судья Парижского Парламента, а впоследствии его главный архивист, он постоянно находил и систематизировал оказавшиеся в его распоряжении правовые акты, по сути, создав основу для Национального архива страны. Одновременно накопление и осмысление материалов увенчалось целой серией трудов, главным из которых является «Собрание о королях Франции, их короне и доме»; он был завершен до начала религиозных войн, но увидел свет лишь через 6 лет после смерти автора, т.е. в 1577 г.¹⁰ Грандиозность замысла Дю Тийе явствует уже из структуры. «Собрание» имеет три части: «Собрание о королях», «Собрание о рангах и грандах Франции»¹¹ и «В продолжение о войнах и мирных договорах, перемириях и союзах между королями Франции и Англии»¹².

⁸ *Regnier de la Planche L. Histoire de l'estat de France / Éd. P. Buchon. Paris, 1836. P. 269.*

⁹ *De Thou J.-A. Op. cit. II. P. 697.*

¹⁰ *Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison. Paris, 1577.* Посмертные издания под редакцией племянника Дю Тийе, Элии, будут предприняты в 1578, 1580, 1586—1588, 1602, 1607 и 1618 гг. По другим данным, первое издание было осуществлено в 1589 г., с последующими переизданиями в 1602, 1606, 1607, 1610 гг. и указанном 1618 г. См: *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes / Éd. J.Fr. Michaud, L.G.I Michaud. Paris, 1767—1839. Paris, 1814. Vol. 12. P. 401.*

¹¹ Этот раздел выходил отдельным изданием в 1606 г. См.: *Du Tillet J. Recueil des rangs des grands de France. S/p, 1606.*

¹² В отдельных изданиях встречается досадная путаница трудов Жана-старшего и Жана-младшего. Так, публикация 1578 г., с которой нам довелось работать, состоит из 4-х частей (вторая принадлежит перу аббата и представляет собой не что иное, как хронику альбигойских войн).

Дю Тийе никогда не забывал об изысканиях антиквара, спасая бесценные документы от забвения. В своих исследованиях он отводил значительное место использованию средневековых хроник, однако главная цель его «Собрания» — сделать доступными для читающей публики архивные источники Франции, корнями уходившие вглубь XII в. Архивные описи, составленные Дю Тийе, учитывали генеалогии всех королей, первых знатных фамилий и основные установления монархии, эволюцию ее институтов и т.д. Среди описанных королевским архивистом бумаг — брачные договоры, завещания, письма, ордонансы, договоры всех видов, доверенности, протоколы сессий Парламента, пожертвования, судебные приговоры, мирные договоры, папские буллы и распоряжения, индульгенции, дипломатические инструкции и т.д. Разумеется, книга, наполненная такого рода документами, заняла видное место в исторической традиции эпохи и нашла массу подражателей в последующем. Заслуги Дю Тийе были столь высоки, что современники считали его одним из основателей школы французского права, архивного дела и метода воссоздания прошлого на основе документальных источников. Проведя много лет среди огромного количества памятников французского прошлого, Дю Тийе ценил их именно как исторические источники и не придавал им прагматического значения, объясняя свой исследовательский принцип «... опорой на букву регистра...»¹³. Словом, ему по праву отведено видное место в историографии XVI в.¹⁴

¹³ Об этом неоднократно упоминает в своих сочинениях ученик и последователь Ж. Дю Тийе Пьер Дюпюи. См.: *Dupuy P. Traité de la majorité de nos rois, et des régence du royaume*. Paris, 1655; *Idem. Traités touchant les droits du roy très-chrestien sur plusieurs estats et seigneuries possédées par divers princes voisins*. Paris, 1655. С ссылкой на бумаги самого Дю Тийе аналогичную цитату приводит и один из первых исследователей научной методики Д. Тийе Пьер-Николя Бонами. См.: *Bonamy P.-N. Mémoire historique sur le Trésor des Chartes sur son état actuel // Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie Royale des hucnptions et Belles-Lettres, Depuis l'année MDCCLVIII, jusques compris l'année MDCCIX*. Paris, 1764. Т. 30. P. 697—728.

¹⁴ В этом мнении единодушны все исследователи его научного наследия, из современной плеяды которых видное место занимают американцы: историограф Дональд Келли и медиевист Элизабет Браун — авторы специальных монографий и статей о Ж. Дю Тийе. См.: *Kelley D.R. Jean du Tillet, Archivist and Antiquary // Journal of Modern History*. 1966. Vol. XXXVIII. P. 337—354. Материалы этой статьи стали соответствующей главой его монографии. См.: *Idem. Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance*. N.Y., 1970; *Brown E.A.R. Le greffier civil du Parlement de Paris au XVIe siècle: Jean Du Tillet et les registres des plaidoiries // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1995. № 153. P. 325—372; *Idem. Jean Du Tillet, François Ier, and the Trésor des Chartes // Histories d'archives: Recueil d'articles offert à Lucie Favier par ses colloques et amis*. Paris, 1997. P. 237—245; *Idem. Jean Du Tillet and the Archives of France // Histoire et archives*. 1997. № 2. P. 29—63.

Что касается подхода Дю Тийе к проблеме хронологии в изложении материала, то и здесь он предложил достаточно зрелый подход, в первую очередь, в составлении сводных данных основных вех правления французских монархов. Отдельную ценность представляет успешная попытка воссоздать хронологию инаугурационной церемонии (королевского посвящения) от Меровея до Карла IX. Основой столь кропотливого и успешного поиска стал опыт Ж. Дю Тийе как главы архивов Парижского Парламента и его же секретаря. К 1562 г. Дю Тийе уже располагал штатом из 14-ти клерков и 4-х нотариусов, хотя и продолжал готовить многие стенограммы самостоятельно¹⁵. Его работа состояла в регистрации и хранении протоколов судебных заседаний, черновиков и прочих записей, — всего того делопроизводства, которое впоследствии приобретет непреходящее значение для исследователей.

Рукописи Дю Тийе, частями рассеянные по библиотекам¹⁶, лишь подтверждают усердие автора, проливая определенный свет на специфику обязанностей секретаря суда. Он постоянно составлял генеалогии, перечни церемониальных списков по рангу присутствующих и отчеты по соблюдению протоколов. Наконец, свою роль в ходе хронологической реконструкции сыграло изучение хроник, хотя королевский антиквар не скрывал критического к ним отношения, осуждая оппонентов за пристрастие к ним. Дю Тийе полагал, что истинная монархическая традиция прослеживается только по королевским архивам, но признавал: хроники имеют чрезвычайно ценное качество — последовательность изложения, выраженную в годовых записях событий¹⁷. На страницах «Собрания» он неоднократно

¹⁵ *Maugis E. Histoire du parlement de Paris. Paris, 1913. Vol. 1. P. XVII—XVIII.*

¹⁶ Самыми крупными собраниями манускриптов располагают библиотеки и архивы Парижа: Национальный архив, Национальная библиотека, архив Парижского Парламента и библиотека Мазарини. Кроме того, рукописи Ж. Тийе хранятся и за пределами Франции — в фондах библиотеки Колумбийского университета, Нью-Йоркской публичной библиотеки и Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург). Деловые бумаги, принадлежащие перу Дю Тийе, содержатся в коллекции уже упоминавшегося выше его ученика Пьера Дюпюи. Рукописи, в частности, переписку, хранящуюся в Национальной Библиотеке, каталогизировал и описал барон Эрвэ Пиното, долгое время возглавлявший Международную Академию геральдики в Париже. См.: *Pinoteau H. Quelques réflexions sur l'œuvre de Jean du Tillet et la symbolique royale française // Archives héraldiques suisses. 1956. Vol. LXX. P. 2—25.* Наконец, рукописное наследие Дю Тийе, оказавшееся в США, не прошло мимо внимания автора монографии «Королевская похоронная церемония во Франции эпохи Ренессанса» американского исследователя Ральфа Гиси. См.: *Giesey R.E. Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Genève, 1960.* Что касается соотношения манускриптов и опубликованных трудов Д. Тийе, то самая подробная их библиография содержится в монографии С. Тернера. См.: *Turner C.H. Jean Du Tillet: A Neglected Scholar of the Sixteenth Century. Oxford, 1905.*

¹⁷ *Bonamy P.-N. Op. cit. P. 718.*

сылается на их данные с учетом как нисходящей, так и восходящей хронологии: «...Он (Хлодвиг. — С.П.) с сотоварищами принял в сочельник Святое Причастие в церкви Реймса у святого Реми, архиепископа этого места <...>, затем, как пишет в старой Латинской хронике церкви Шартра безымянный автор, заканчивая правлением короля Карла Простоватого, был коронован...»¹⁸. Особого внимания удостоились хроники аббатства Сен-Дени — места королевского некрополя и сокровищницы регалий: «...Он (Лотарь II) упомянут в (хронике. — С.П.) Сен-Дени, где отмечено 15 лет его правления», аналогичная формулировка касается Хильдерика II, Тьерри III, Хлодвига II, Хильдебера III, Хильперика II, Тьерри IV и т.д.¹⁹

На основе тех же данных он проводит первый рубеж своей хронологической конструкции, опираясь на главный критерий — период правления. Он прямо пишет об этом в посвящении «Собрания» Франциску I, говоря о категории времени как о решающей для правового обновления правления в век Реформации и тираноборчества: «С тех пор как я был определен на это место, невероятными усилиями и ценой я исследовал бесчисленное количество записей Вашего парламента и по разрешению Вашего отца (да простит его Господь) посещал Вашу канцелярию <...>. Я вызвался организовать написание истории всех правлений, всех споров этой третьей династии (Валуа. — С.П.) с соседями, королевского домена с провинциями, собрать в тома законы и ордоансы с салических времен и, наконец, отдельным собранием указать, что подобает королевской особе и дому, включая древние формы правления тремя сословиями, справедливые законы в королевстве и изменения, которые имели место во времени»²⁰.

Соединяя таким образом принципы династического права с категорией времени, Ж. Дю Тийе как юрист полагает водоразделом между Меровингами и Каролингами помазание и коронацию Пипина Короткого: «Трансформация короны, которая была отобрана у принца (Хильдерика II. — С.П.) для узурпации и тирании, теперь авторитетом Церкви была призвана для посвящения и помазания, как указано в Ветхом Завете. Линия Меровингов, правивших триста лет, пресеклась»²¹. Не останавливаясь на оценке факта помазания Пипина архиепископом Майеннским Зонифацием в 751 г., а также ссылки автора на авторитет царей Израиля, отметим, что именно Пипин, т.к. он «...был первым посвященным и коронованным...»²², указан Дю Тийе как легитимный монарх, основавший новую династию. Она названа второй, и все ее представители отображе-

¹⁸ Du Tillet J. Op. cit. P. 15.

¹⁹ Ibid. P. 29—32, 34—35.

²⁰ Ibid. Preface.

²¹ Ibid. P. 37.

²² Ibid. P. 40.

ны в «Собрании» по своего рода хронологической схеме (вполне логичной с точки зрения основных вех жизни): дате рождения, дате инаугурации и дате смерти. Что касается времени вступления в брак, рождения последующих после наследника детей и прочих, не имеющих прямого отношения к сущности передачи власти и, тем более, ей не угрожавших, то о них говорится без всякой датировки.

Для Дю Тийе гранями временной конструкции служит, во-первых, смерть короля, и тогда важен точный срок ее наступления — год, день и причина, поскольку она не должна дать повод усомниться в законности претензий наследника. «Собрание», начиная с Пипина, стремится уточнить характер смерти — несчастный случай или болезнь, не считаясь с этической стороной дела: «...Умер (Пипин. — С.П.) 24 сентября или в октябре 786 г. от водянки. Похоронен в Сен-Дени»²³.

Во-вторых, важное значение имеет наличие незаконных претендентов на трон и связанный с этим порядок инаугурации наследника при жизни отца — т.н. *rex designatus*²⁴. Дю Тийе ничего не пишет о случаях, имевших место за пределами династии, хотя прецеденты известны в 879 г., когда короновались Бозон, граф Вьеннский Эд (в соборе Компьеня), граф Парижский (в своем дворце Монтрай), и в 888 г. при инаугурации Ги, герцога Сполето в Ланском соборе. Об этих событиях сообщают столь авторитетные хроники, как «Анналы Сен-Бертен» и «Ведастинские анналы»²⁵, но, по всей видимости, будучи знакомым с их содержанием, Ж. Дю Тийе проигнорировал эти факты. Они угрожали династии, но не укладывались в его схему. Другое дело Роберт II — сын Гуго Капета, который, согласно тексту «Собрания» «... сумел силой отобрать корону у Каролингов, как они отняли ее у Меровингов, получив благословение Церкви. Объявил себя (Гуго Капет. — С.П.) королем Нойона, затем в 988 г. был посвящен и коронован в Реймсе, после чего в 987 г. своей волей посвятил и короновал своего сына Роберта»²⁶.

Практика инаугурации при жизни отца для Дю Тийе берет начало в 754 г., когда в Сен-Дени вместе с Пипином были коронованы его сыновья Карломан и будущий Карл Великий²⁷. Этот перечень *rex designatus* продолжают Людовик I, Людовик V, Роберт II, Гуго II, Генрих I, Филипп I, Лю-

²³ Ibid.

²⁴ В буквальном переводе «король обозначенный», который после смерти правящего короля подвергался церемонии инаугурации еще раз. Объединение земель вокруг Ильде-Франс Филиппом Августом и его потомками ликвидирует институт *rex designatus*. См.: Giesey R.E. The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1961. Vol. 51. Part 5. P. 3—44.

²⁵ Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset Paris, 1964. P. 239; Annales Vedastini / Ed. R. Ray // Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte. Zweiter Teil. Berlin, 1959. Bd. I. S. 116—126.

²⁶ Du Tillet J. Op. cit. I. P. 59—60.

²⁷ Ibid. P. 41—42.

довик VII и Филипп II Август. Имея больше информации, Дю Тийе максимально уточняет даты коронаций вплоть до месяца или дня, прибегая к помощи церковного календаря: «...Старший (из сыновей Генриха I. — С.П.) стал королем Филиппом I, посвященным и коронованным в возрасте семи лет по воле отца в день Троицы в 1059 году»²⁸; «22 дня августа 1160 года родился король Филипп-Август, коронованный волей отца в День всех святых (т.е. 1 ноября — С.П.) в Реймсе в 1179 году. <...> Женился на королеве Изабелле, дочери графа Генуэзского, и оба они были коронованы архиепископом Санса Ги в день Вознесения 29 мая 1180 года»²⁹.

В-третьих, Ж. Дю Тийе неукоснительно придерживается принципа примогенитуры, подчеркивая факты наследования престола именно старшим сыном или старшим в роду после покойного короля, как это имело место в случае с Филиппом Валуа³⁰. И, как и ранее, точкой отсчета служит смерть предыдущего монарха и инаугурация следующего, что не позволяет, например, признать статус Иоанна Посмертного: «...Иоанн Французский, который умер в Лувре, не мог считаться королем Франции, поскольку не был коронован, хотя другие перечни и регистры и называют его королем Иоанном Посмертным»³¹.

При описании современной Дю Тийе династии Валуа, доведя ее до правления Карла IX³², он использует все большее количество источников. Возросшее количество информации позволяет максимально уточнить перечень дат церемонии, места ее проведения (города и собора), имени посвящающего прелата, присутствующих лиц и даже состава семьи посвящаемого монарха, — все снабжено подробными ссылками на источники информации. Из них явствует, что Дю Тийе проработал огромное количество хроник, официальных отчетов, церемониальных протоколов и даже сметы расходов на проведение инаугурации³³.

Мастерство автора по-прежнему заключается в умении упомянуть важный фактический материал, касающийся обстоятельств прихода к власти, последующей политической деятельности, перипетий личной жизни, причин смерти и т.д. Например, о Роберте I, который был исключен Дю Тийе из окончательного официального регистра сообще-

²⁸ Ibid. P. 72.

²⁹ Ibid. P. 95, 101.

³⁰ Ibid. P. 201.

³¹ Ibid. P. 192.

³² В посмертных изданиях Элия Дю Тийе доведет перечень до Людовика XIII. Это бесспорно, поскольку разделы, касающиеся посвящения Генриха III (1575 г.), Генриха IV (1594 г.) и Людовика XIII (1610 г.), не могут принадлежать перу Жана Дю Тийе: как уже упоминалось, он умер 11 ноября 1570 г.

³³ *Boislisle A.-M. de. Jean Du Tillet et le Trésor des Chartes // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1873. № 10. P. 107, 109; Omont H. Jean du Tillet et le Trésor des Chartes // Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de Ile-de-France. 1904. № 51. P. 79.*

ется: «...4 июля 922 года в церкви Св. Реми в Реймсе вышеупомянутый Роберт посвящен и коронован как король Франции архиепископом Санским Готье, который умер через три дня <...> Вышеупомянутый Роберт не пробыл долго королем, будучи убит в 923 году в битве при Суассоне»³⁴. О Генрихе I читаем: «...вторая жена его (Генриха I. — С.П.) была королева Анна, дочь короля Георгия (Ярослава Мудрого. — С.П.) из Руси, что сейчас Московия, и было у них трое сыновей...»³⁵. Филипп III Смелый «посвящен и коронован в Реймсе 15 августа 1271 года (праздник Успения Богородицы. — С.П.) епископом Суассонским, занимающим вакантное место архиепископа Реймского <...> Вторая его жена, королева Мария, дочь Иоанна, герцога Брабантского, стала его супругой в понедельник, 8 августа 1272 года. И в день Св. Иоанна Богослова была коронована в церкви парижского дворца архиепископом Реймским Петром»³⁶. Карл VII «...не мог быть посвящен и коронован в Реймсе, поскольку англичане и бургундцы, их союзники, заняли Шампань, Вермандуа и все прилегающие к ним земли, куда он (дофин Карл. — С.П.) и двинулся со своей армией по совету Жанны д'Арк, прозванной девой, дочери Жака д'Арка и Изабеллы Вутон, родом из Дом-Реми, что на Меузе <...>. Реймс он (дофин Карл. — С.П.) осадил и взял, там был посвящен и коронован 17 июля 1429 года в присутствии Жанны, держащей свое белое знамя с фигурой Иоанна Крестителя с цветами лилии в руках»³⁷.

Даты инаугураций указаны предельно точно, вплоть до дня недели (исключение могут составлять религиозные праздники), что наводит на мысль: Ж. Дю Тийе не только использовал массу документов, но и проводил самостоятельные подсчеты в т.н. «обратной» хронологии. Дни и годы свадеб, а затем — рождения наследных принцев приведены максимально подробно и следуют одна за другой по той же причине: автор стремится акцентировать внимание на факте законности передачи власти. То же касается и дат смерти монархов, которые по-прежнему подчеркнута точны³⁸. Остается только представить эти данные в более сжатом виде, в форме современной хронологической таблицы — и перед нами достаточно развернутый указатель основных вех судеб французской короны.

³⁴ *Du Tillet J. Op. cit. P. 53.*

³⁵ *Ibid. P. 72.*

³⁶ *Ibid. P. 168—169.*

³⁷ *Ibid. P. 233.*

³⁸ Имеют место и неточности, от которых не застрахован никто из исследователей. Так, Ж. Дю Тийе ошибается, называя датой королевского посвящения Карла IV 9 февраля 1321 г., поскольку в это время Филипп V был еще жив. См.: *Ibid. P. 197.*

Таблица 1

Хронология инаугураций королей династии Валуа (по данным «Собрания» Ж. Дю Тийе)³⁹

№ п/п	король	дата инаугурации	место инаугурации	посвящающий прелат	дата смерти
1.	Филипп VI	Троица [29 сентября] 1328 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский Гильом де Трие	22 августа 1350 г.
2.	Иоанн II	воскресенье, 26 сентября 1350 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	8 апреля 1364 г.
3.	Карл V	Троица 19 мая, 1364 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	28 сентября 1380 г.
4.	Карл VI	Воскресенье, 4 ноября 1380 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	22 октября 1422 г.
5.	Карл VII	17 июля 1429 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	22 июля 1461 г.
6.	Людовик XI	[Успение Богородицы] 15 мая 1461 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский ⁴⁰	30 августа 1483 г.
7.	Карл VIII	июнь 1484 г. ⁴¹	Реймский собор	архиепископ Реймский	7 апреля 1498 г.
8.	Людовик XII	27 мая 1498 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	1 января 1515 г.
9.	Франциск I	25 января 1515 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	31 марта 1447 г.
10.	Генрих II	[День св. Анны] [26] июль 1547 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	10 июля 1559 г.
11.	Франциск II	18 сентября 1559 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский, кардинал Лотарингский	5 декабря 1560 г.
12.	Карл IX	Вознесение Господне, 15 мая 1561 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	30 мая 1574 г.
13.	Генрих III	13 февраля 1575 г.	Реймский собор	кардинал де Гиз, место архиепископа Реймского было вакантным	2 августа 1589 г.

³⁹ Недостающие данные вынесены в скобки.

⁴⁰ Посвящающим прелатом Людовика XI являлся Жан Жувеналь дез Юрсен, занимавший к этому времени должность епископа Реймского. Из наиболее полных справочных сведений у современных исследователей см.: *Bayard J.-P. Sacres et couronnements Royaux*. Paris, 1984. P. 359; *Liste chronologique des rois sacres à Reims // Bonnefin A. Sacre de Rois de France*. Limoges, 1988. P. 223.

⁴¹ Отсутствие точной даты инаугурации Карла VIII вызвано разницей в версиях хроник, документов делопроизводства и прочих источников, что послужило причиной споров и у эрудитов XVII в., и у современных историков. Так, британский исследователь Джон Лоу указывает 14 мая, а его американский коллега Ричард Джексон — 30 мая. См.: *Law J. Fleur de lys. Kings and Queens of France*. N.Y., 1976. P. 123; *Jackson R.A. Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnement en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav*. Paris, 1985. P. 205.

Столь пристальное внимание именно к последовательности событий, разумеется, было продиктовано политическими мотивами, но и являло собой пример обращения с категориями времени как с основой для всего исторического исследования. Линейная хронология, движущаяся по шкале только вперед, позволила Ж. Дю Тийе открыть дорогу череде сочинений эрудитов эпохи абсолютизма, выполненных в заявленном им русле историко-правового обзора⁴². При этом решались разные конкретные задачи, хотя и имели собой общую цель — доказать легитимность притязаний короны, преемственность правящей династии по отношению к предыдущей, ее либо континуитетные, либо исключительные качества по сравнению с прочими монархиями.

Так или иначе, но это заставляло ответственно отнестись к соблюдению причинно-следственных связей, едва ли не главным среди которых выступало время — время правления. Для XVII в. вершиной подобного рода сочинений, достойно продолжающих начинания Ж. Дю Тийе, стал «Французский церемониал», созданный в 1649 г. его коллегой по цеху: юристом, архивистом и секретарем, придворным историографом Людовика XIII Теодором Годфруа⁴³.

Его личная судьба во многом схожа с судьбой его предшественника. Как и Дю Тийе, Теодор Годфруа происходил из знатного рода потомственных юристов. Его отец, Дени Годфруа (1549—1622), перенес все перипетии религиозного раскола, оказавшись в пожизненной эмиграции⁴⁴. Теодор, в 1580 г. родившийся в протестантской Женеве, решается

⁴² Среди них — трактаты о правовой, генеалогической, церемониальной и прочих формах репрезентации королевской власти, принадлежащие эрудитам более поздних эпох. Из имеющихся библиографических данных обращает на себя внимание список, составленный Ричардом Джексоном. См.: *Jackson R.A. Op. cit. P. 213—230.*

⁴³ *Godefroy Th. Le cérémonial français. T. 1. Contenant les cérémonies observées en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrées soulennelles et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Théodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. Paris, 1649. T. 2. Contenant les cérémonies observées en France.*

⁴⁴ Получив образование в *College de Navarre*, он продолжал изучать право в университетах Кельна и Гейдельберга, где, возможно, увлекся протестантизмом. Вернувшись в Париж в 1573 г., он открыто перешел в лагерь гугенотов, что вынудило его покинуть Францию и перебраться в Женеву. Здесь он преподавал право и сделал политическую карьеру, став членом «совета двухсот» (на этом посту он пробудет с 1580 по 1587 гг.). Генрих IV, нуждавшийся в союзниках, призывал Д. Годфруа вернуться на родину и даже причил ему место главного бальи, однако трезвомыслящий отец семейства (к тому времени уже родились два сына — Теодор и Жак) предпочел принять предложение герцога Савойского стать хранителем его библиотеки. С 1591 г. Д. Гофруа — профессор римского права Страсбургского университета, коим и оставался до апреля 1600 г., когда

вернуться во Францию. Здесь в 1602 г. он публично, перед судом отрекается от кальвинизма, что открывает ему дорогу к карьере: сначала адвокатура в Парижском Парламенте, затем, как когда-то Ж. Дю Тийе, — заведование *Le Trésor des Chartes*. Вместе с учеником Дю Тийе, Пьером Дююи, в 1615—1626 гг. Т. Годфруа составляет собственную подробную инвентарную опись «сокровищницы хартий», положив тем самым начало ее систематизации. Накопленные в ходе этой работы документы легли в основу семейной коллекции Годфруа⁴⁵.

В 1613 г. Теодор Годфруа (и в этом вновь удивительное сходство с биографией Ж. Дю Тийе) становится придворным историографом, как и отец, участвует в дипломатических миссиях. Одна из них, по подписанию Вестфальского мира, с 1643 г. надолго задержала его в Германии, в г. Мюнстере, где он и умер в 1649 г.⁴⁶

Постоянная работа с массивом документов, хранящихся в *Le Trésor des Chartes*, стала итогом создания ряда трудов по генеалогии французской знати, королей Испании и Португалии⁴⁷. Что касается прошлого французской короны, то первоначально Т. Годфруа пишет историю правления Людовика XII, а затем увлекается поиском, редактирова-

получил приглашение распорядителя двора Фридриха IV на переезд в Гейдельберг, но несовпадение в религиозных воззрениях с императором вынудило его задержаться на некоторое время в Страсбург, но в ноябре 1604 г. он возвращается и уже надолго оседает в Гейдельберге. Здесь Д. Годфруа основывает правовой факультет университета (и здесь же появляется на свет младший сын Дени) и время от времени участвует в миссиях к французскому двору. Остаться на родине он не мог из-за опасности преследований. Смерть застала его в Страсбурге, куда он успел переселиться из Гейдельберга за год до его захвата имперскими войсками. Главным трудом жизни стал «Свод гражданского законодательства», выдержавший более 20-ти изданий, самыми значимыми из которых являются редакции 1633 г. (Амстердам) и 1740 г. (Лейпциг). См.: *Dionysius Gothofredus. Corpus juris civilis*. Amsterdam, 1633.

⁴⁵ Коллекция хранилась в семье до 1746 г., затем была продана некоему Антуану Морио, прокурору Парижской ратуши. В 1797 г. коллекция оказалась в России, была передана в Академию наук, где находится и по сей день, включая в себя 550 томов рукописей. См.: Малов В.Н. Западноевропейские рукописи в провинции: казанский сборник // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1997. № 10. С. 36—37.

⁴⁶ *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes* / Éd. J.Fr. Michaud, L.G.I Michaud. Paris, 1767—1839. Paris, 1816. Vol. 17. P. 557—558.

⁴⁷ *Godefroy Th. De la véritable origine de la maison d'Autriche*. Paris, 1624; *Idem. Généalogie des ducs de Lorraine*. Paris, 1624; *Idem. De l'origine des rois de Portugal, issus en ligne masculine de la maison de France, qui regne aujourd'hui*. Paris, 1614; *Idem. L'ordre et cérémonies observées aux mariages de France, et d'Espagne. A scavoir, entre Louys XIII, roy de France <...> et Anne d'Autriche, fille de Philippes III, roy d'Espagne, et Elisabeth de France, fille de roy Henry de Grand*. Lan 1615. Paris, 1627.

нием и публикациями хроник. Среди них — первое издание «Истории Карла VI» Ж. Ювенала дез Юрсена и «Истории Карла VIII» Г. де Жулиньи⁴⁸. Вся эта деятельность послужило основой для создания «Французского церемониала».

Основанный на огромном количестве копий из архивных документов и печатных книг, «Церемониал» представляет собой фундаментальный 2-х томный свод всех практикующихся и существовавших ранее церемоний и ритуалов французского двора. Первый том посвящен двум наиболее значимым: королевской инаугурации и последующему за ней коронационному въезду в Париж. К сожалению, последняя церемония представлена только XVI—началом XVII в., но хронология коронаций является полной: от Хлодвига до Людовика XII. Для ее реконструкции Т. Годфруа привлекает более значительный, чем у Ж. Дю Тийе, массив источников, среди которых — латинские оригиналы коронационных *ordines* Карла Лысого 869 г., Людовика Заики 877 г.⁴⁹, Людовика Святого 1230 и 1250 гг., Карла V 1364 г.⁵⁰ в своем переводе на французский язык, выдержки из хроник и документов делопроизводства короны. Примечательно, что некоторые из них он полностью включил в текст «Церемониала», и их редакции до сегодняшнего дня являются наиболее полными⁵¹.

⁴⁸ *Godefroy Th.* Histoire de Louys XII, roi de France. Paris, 1620; *Idem.* Histoire de Charles VI <...> par Jean Juvenal Des Ursins. Paris, 1614; *Idem.* Histoire de Charles VII par Guillaume de Juligny. Paris, 1614. Полную библиографию трудов Д. Годфруа см. в каталогах и справочниках: *Gebelin F.* Collection Godefroy, Catalogue. Paris, 1914; *Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes* / Éd. J.Fr. Michaud, L.G.I Michaud. Paris, 1767—1839. Paris, 1814. Vol. 12. P. 554—556.

⁴⁹ *Ordo coronationis Karoli II.* In regino Hlotharii. Factae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 456—458; *Ordo coronationis Hludowici Balbi* // Ibid. S. 461—462.

⁵⁰ *Ordo de Reims* // Sacramentaire et mariologie de l'abbaye de Saint Remi. Martyrologie, calendriers, ordinaires et rosaire de la métropole de Reims (VIII—XIII siècles) / Ed. Y. Chevalier // Bibliothèque liturgique. Paris, 1900. № 7. P. 222—226; *Kompilation von 1200* // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für öltäre deutsche Geschichtskunde / Hrsrg. von D.K. Brandl. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 23—28; *Ordo König Karls V.* vom Jahre 1365, auf Seinen Bofehl aufgesetzt und illustriert, vom ihn selbst seiner Bibliothek eingegliedert // *Schramm P.E.* Op. cit. S. 43—48.

⁵¹ Таковыми являются *ordines* эпохи Людовика IX 1226, 1223, 1230 гг. и *ordo* Карла V 1364 г. См.: *Godefroy Th.* Le cérémonial français. P. 31—51 (в него внесены *ordo* королевы: P. 48—51). Кроме того, Т. Годфруа включил в свой «Церемониал» *ordines* Людовика VII 1179 г., Людовика VIII 1223 г., Карла VIII 1484 г. См.: *Ibid.* T. 1. P. 1—12, 13—25, 184—208.

Накопленный материал оказывается настолько велик, что Т. Годфруа предпринимает попытку его систематизации в форме отдельного алфавитного каталога составляющих инаугурацию ритуалов⁵².

Скрупулезная работа и возможность опоры на труды предшественников заставили автора «Церемониала» оценить время власти не только с легитимных позиций. Продолжая развивать хронологическую концепцию Дю Тийе, Т. Годфруа отличается меньшей претенциозностью, и приводит не только законные с точки зрения династического права прецеденты, но и случаи обратного порядка. Принципы легитимации власти, помноженные на соблюдение хронологии, заставляют его отдельно оговаривать все коронации, носившие антидинастический характер и указывать их датировку. Например, в случае с герцогом Вьеннским Бозоном описаны обе его инаугурации — как короля Прованса в 876 г. и как короля Бургундии в 879 г.⁵³ Исключенный Ж. Дю Тийе граф Парижский Эд обретает свое место на страницах «Церемониала»: его коронация в Компьени в феврале 888 г., совершенная архиепископом Санским Готье, и повторная церемония, имевшая место в Реймсе 29 февраля того же года, указаны наряду с инаугурацией его брата Роберта I (30 июня 922 г. в Реймсе) и сыновей Ричарда Бургундского Родольфа и Рауля (13 июля 923 г. в суассонском аббатстве Сен-Медар)⁵⁴. Столь же принципиально и правовое обоснование практики назначения и коронации *rex designatus*, из-за чего «Церемониал» вслед за «Собранием» приводит полный, с позиции его авторов, хронологический перечень такого рода: Карломан (754 г.), Карл Великий (754 г.), Людовик I Благочестивый (800 г.), Людовик V (980/979 г.), Роберт II Благочестивый (987 г.), Гуго II (1017 г.), Генрих I (1027 г.), Филипп I (1059 г.), Людовик VII Юный (1131 г.), Филипп II Август (1179 г.)⁵⁵. Как юрист, Т. Годфруа толкует эту норму как историческую, т.е. служившую адекватной заменой до утверждения во Франции единого государства.

Более тщательно отношение автора «Церемониала» и к хронологии повторных коронаций, имевших место в эпоху Каролингов. Так, в случаях с Карлом Великим, Людовиком I Благочестивым и Карлом II Лысым, прошедшим инаугурацию несколько раз, Т. Годфруа практически всегда указывает дату, место, посвящающего прелата и новоприобретенный статус монарха по ее окончании. В итоге составленной таким образом схемы становится очевидным сопровождавший ее политический контекст, что лишь подчеркивает важность соблюдения принципов хроно-

⁵² Table alphabétique des principales remarques qui se peuvent faire, tant sur les susdite, Formulaires, que dans les Relations suivantes des Sacres et Couronnements des Roys de France // Ibid. T. 1. P. 83—85.

⁵³ Ibid. T. 1. P. 110—111.

⁵⁴ Ibid. T.1. P. 112—113.

⁵⁵ Ibid. T.1. P. 37—39, 90—91, 96—109, 116, 118—119, 133, 135.

логической последовательности. Как и в случае с «Собранием» Ж. Дю Тийе, данные «Французского церемониала» также могут быть представлены в виде таблицы⁵⁶.

Таблица 2

Хронология повторной инаугураций королей/императоров династии Каролингов

(по данным «Французского церемониала» Т. Годфруа)

№ п/п	король / император	дата инаугурации	место инаугурации	посвящающий прелат	статус короля / императора
1.	Карл Великий	август 754 г.	аббатство Сен-Дени	папа Стефан II	<i>rex designatus</i>
		май 774 г.	крепость Модес, Ломбардия	архиепископ Миланский	король Италии и Ломбардии
		Рождество [25 декабря] 800 г. ⁵⁷	Рим, собор Святого Петра	папа Лев III	император
		воскресенье, 16 ноября 813 г.	Экс	—	император
2.	Людовик I Благочестивый	781 г.	Рим, собор св. Петра	папа Адриан I	король Италии и Аквитании
		Рождество [25 декабря] 800 г.	Рим, собор Святого Петра	папа Лев III	король Аквитании
		[5 октября] 816 г.	Реймский собор	папа Стефан IV	император
3.	Карл II Лысый	16 июня 854 г.	Лимож	—	король Франции и Аквитании
		9 сентября 869 г.	Мец, собор св. Стефана	архиепископ Реймский Хинкмар	король Лотарингии
		Рождество [25 декабря] 876 г.	Рим, собор св. Петра	папа Иоанн VIII	император
4.	Людовик II Заика	8 декабря 877 г.	Компьень [церковь св. Корнуэля]	архиепископ Реймский Хинкмар	король франков
		7 сентября 897 г.	Труа, собор	папа Иоанн VIII	император

Столь пристальное внимание к последовательности дат правлений и передачи власти основано на щепетильном отношении к источнику и его репрезентации. Структура каждой главы (она посвящена одной инаугура-

⁵⁶ Ibid. Т.1. Р. 39, 90, 91, 94, 96, 98, 105, 106.

⁵⁷ В данном случае имеется неточность: в разделе о Карле Великом Т. Годфруа указывает 801 г. См.: Ibid. Т. 1. Р. 91.

ции) включает в себя заголовок, уже содержащий период правления: «Порядок посвящения и коронации королей, из них короля Людовика VIII, начавшего править в 1223 году...». Здесь же, на полях, заметка: «О короле Людовике VIII. Умер в 1226 году»⁵⁸. В ряде случаев имеет место как более лапидарная, так и расширенная интерпретация. Так, если о Филиппе IV сказано кратко «Филипп, прозванный Красивым, король Франции и Наварры, был коронован в Реймсе 6 января 1286 года архиепископом Петром Барбе»⁵⁹, то Филипп II Август удостоился еще меньшего: «Посвящение и коронация короля Филиппа Августа II, прозванного также Завоевателем и Богоданным». Этот недостаток Т. Годфруа компенсирует глоссами («Посвящение короля Филиппа Августа в 1179 году») и первыми же нижеследующими строками, которые дают возможность без труда выяснить год рождения короля: «В 1179 году в день Всех святых этот король был посвящен и коронован в Реймсе в возрасте четырнадцати лет и двух месяцев в присутствии своего отца, короля Людовика Юного <...>. Помазание совершил Гильом Шампанский <...> архиепископ Реймский...»⁶⁰. Ту же хронологическую заданность получает инаугурация Людовика IX: «Посвящение и коронация Людовика, прозванного Святым, в возрасте одиннадцати или двенадцати лет епископом Суассонским в Реймсе в первый день декабря или первое воскресенье Рождественского поста, в 1226 г.»⁶¹.

Примером более пространного изложения служит заглавие, посвященное Людовику IX: «Порядок посвящения и коронации королей; собрание о правлении святого короля Людовика. Переведено с латыни на французский: а составлена и передана была рукопись Людовику Святому Гильомом де Нанжи, когда король начал править, и был посвящен в 1226 году»⁶². Ссылка на источник не всегда выносится в заголовок, — чаще всего Т. Годфруа непосредственно перечисляет их в нижеследующем тексте с указанием датировки, места хранения и кратким сравнительным анализом содержания. Если речь идет о хрониках, то всегда уточняется период, который они фиксируют. Примером может послужить глава о Карле Великом: «Фрагмент *Les Annales de France*, который начинается 741 годом и завершается 814 годом <...> Житие императора Карла Великого начинается 768 годом и заканчивается 814 годом⁶³ <...> Житие императора Карла Великого одного монаха из Ангулема <...> *Les Annales de France* начинаются 741 годом и заканчиваются 829 годом. Написаны Эйнардом, секретарем Карла Великого, впоследствии абба-

⁵⁸ Ibid. Т. 1. Р. 13.

⁵⁹ Ibid. Т. 1. Р. 244.

⁶⁰ Ibid. Т. 1. Р. 135.

⁶¹ Ibid. Т. 1. Р. 140. В данном случае день коронации указан неточно.

⁶² Ibid. Т. 1. Р. 26.

⁶³ Речь идет о сочинении Эйнарда.

том <...> *Les Annales de France* начинаются 714 годом и заканчиваются 900 годом...»⁶⁴.

Источниками информации служат не только хроники, хотя они и представлены достаточно многообразно (от раннесредневековых анналов до трудов Ж. Жуанвиля, Г. из Нанжи и Ж. Фруассара), но и государственные и церковные акты, описи, эпистолы и воспоминания. Не менее частым является обращение к сочинениям предшественника: *Le greffier Du Tillet*, как подчеркивает Т. Годфруа, не забывая ссылаться и на фонды хранимой им *Le Trésor des Chartes*.

Возвращаясь к инаугурационным церемониям как основе хронологической конструкции «Французского церемониала», нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, последовательно описывая ритуалы коронаций, Т. Годфруа неизбежно повторяется, его сочинение в итоге становится громоздким⁶⁵ и, как следствие, утрачивает столь присущую произведению Ж. Дю Тийе ясность. Данный недостаток (если его можно полагать таковым) преодолевается за счет структурирования дат рождения, инаугурации и смерти монархов в форме таблицы⁶⁶, что позволяет выявить неточности и упущения.

Труд Т. Годфруа выдержал не одно издание⁶⁷, оказавшись настольной книгой для эрудитов XVII—XVIII вв.⁶⁸ и большинства современных исследователей природы французской монархии. Усилия королевских юристов по созданию исторически законного образа власти на основе строгого соблюдения целого ряда принципов, одним из которых выступал и хронологический, были по достоинству оценены монархией: большинство авторов оказались либо приближено к трону, либо привлечено в систему государственного управления. С развитием абсолютизма в эпоху Старого Порядка эта тенденция будет только расти.

⁶⁴ Ibid. Т. 1. P.90.

⁶⁵ Только первый том фолианта составляет 1001 страницу.

⁶⁶ Ibid. Т. 1. P. 117—119, 123, 128, 135, 138, 140—141, 142, 144, 145, 147.

⁶⁷ Впоследствии в Амстердаме в 1663 г. было осуществлено второе издание «Французского церемониала». В его редакции и публикации принял участие сын Т. Годфруа — Дени Годфруа (1653—1719), на основании чего Ричард Джексон, указывает его как соавтора. См.: *Jackson R.A. Op. cit. P. 219*. Однако на титульные листы фолиантов вынесено имя Т. Годфруа, что заставляет не согласиться с данной позицией.

⁶⁸ Из непосредственных продолжателей принципов Ж. Дю Тийе и Т. Годфруа следует отметить трактаты XVIII в.: советника Парламента г. Меца Николая Менана и доминиканца Шарля Беви. См.: *Menin N. Traite historique et chronologique du sacre et couronnement des Rois et des Reines de France depuis Clovis Ier jusqu'à present par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz. Paris, 1723*; *Bevy Ch.J., dom. Histoire des Inauguration des rois, empereurs et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine jusqu'à present. Suivie d'un presis de l'état des Arts des sciences sous chaque Regne des principaux faits, mœurs, coutumes et usages les plus remarquables des Francois, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. Paris, 1776*

Хронология инаугураций королей династии Капетингов (по данным «Французского церемониала Т. Годфруа)

№ п/п	король	дата рождения	дата инаугурации	место инаугурации	посвящающий прелат	дата смерти
1.	Гуго I Капет	ок. 946 г.	[1 июля] 987 г.	Нойон	Адальберон, архиепископ Реймский	[24 октября] 996 г.
			[5 июля] 987 г.	Реймский собор		
2.	Роберт II Благочестивый	ок. 971 г.	Рождество [25 декабря] 987 г.,	Реймский собор	Адальберон, архиепископ Реймский	[20 июля] 1031 г.
			[24 октября] 988 г.	Орлеан	Сегин, архиепископ Санский	
3.	Гуго II Великий	—	Троица [9 июня] 1017 г.	Компьень	Арнуль, архиепископ Реймский	1025 г.
4.	Генрих I	1008 г.	Троица 1019 г.	Реймский собор	Арнуль, архиепископ Реймский	[4 августа] 1060 г.
			1032 г.		Эбль, архиепископ Реймский	
5.	Филипп I	1052 г.	Троица [23 мая] 1059 г.	Реймский собор	Эрве, архиепископ Реймский	[3 августа] 1108 г.
			[4 августа] 1060 г.			
6.	Людвик VI Толстый	1081 г.	1100 г.	Орлеан	Дамберт, архиепископ Санский	[1 августа] 1137 г.
			3 августа 1106 г. ¹			
7.	Людвик VII Юный	1120 г.	[6 августа] 1137 г.	Орлеан	Гуго, архиепископ Санский	[18 сентября] 1180 г.
			25 октября 1131 г.	Реймский собор	папа Иннокентий II	
8.	Филипп II Август	[21 августа] 1165 г.	день Всех святых [1 ноября] 1179 г.	Реймский собор	Гильом, кардинал Шампанский, архиепископ Реймский,	[14 июля] 1223 г.
			Вознесение Господне [29 мая] 1108 г.	Реймский собор	Ги, архиепископ Санский	
9.	Людвик VIII ²	[5 сентября] 1187 г.	6 августа 1223 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	[8 ноября] 1226 г.,
10.	Людвик IX Святой	[25 апреля] 1214—1215 гг.	1 декабря 1226 г. ³	Реймский собор	архиепископ Суассонский	25 августа 1270 г.

№ п/п	король	дата рождения	дата инаугурации	место инаугурации	посвящающий прелат	дата смерти
11.	Филипп III Смелый	1 мая 1245 г.	Успение Богородицы 15 августа 1271 г.	Реймский собор	Милон де Базоше, архиепископ Суассонский	5 октября 1285 г.
12.	Филипп IV Красивый	1268 г.	1284 г. ⁴	Памплона	—	29 ноября 1314 г.
			6 января 1286 г.	Реймский собор	архиепископ Реймский	
13.	Людвиг X Сварливый ⁵	4 октября 1289 г.	3 августа 1315 г.	Реймский собор	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	5 июня 1316 г.
14.	Филипп V Длинный	1294 г.	январь 1316 г. ⁶	Реймский собор	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	3 января 1322 г.
15.	Карл IV Красивый	1295 г.	[21] февраль 1321 г.	Реймский собор	Робер де Куртене, архиепископ Реймский	1 февраля 1328 г.

¹ Здесь имеет место ошибка — Людовик VI был коронован сразу в день смерти отца, т.е. 3 августа 1108 г. См.: *Law J. Op. cit. P. 33.*

² Т. Годфруа не упоминает, что 14 июля 1223 г Людовик VIII получил статус *rex designatus*, т.е. имел две инаугурации. *Ibid. P. 54.*

³ Подсчеты современных специалистов указывают, что последний день Рождественского поста в 1226 г., о котором пишет и Ж. Жуанвиль (*Joinville Jean de. Vie de Saint Louis / Éd. J. Monfron. Paris, 1995. Par.70*), пришелся на день раньше — 29 ноября. См.: *Law J. Op. cit. P. 57; Liste chronologique des rois sacres à Reims. P. 222; Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой, коммент. Д.Э Харитоновича. М., 2001. С. 78.*

⁴ Будущий Филипп IV получил корону Наварры, вступив в брак с Жанной Наваррской.

⁵ Людовик X, как и отец, 1 октября 1307 г. стал королем Наваррским. Т. Годфруа не пишет о коронации, ограничиваясь титулатурой «король Франции и Наварры».

⁶ На самом деле коронация Филиппа имела место 9 января 1317 г. *Law J. Op. cit. P. 77.*

Глава VIII

Матримониальные
стратегии
власти

Юдифь Французская

Юдифь, старшая дочь первого короля Западно-Франкского государства Карла II Лысого и его супруги Эрментруды, родилась в 844 г. Внучка Карла Великого и Эда, графа Орлеанского, она была названа в честь бабки по матери — Юдифи Баварской, второй супруги императора тогда еще единого Франкского государства Людовика I Благочестивого¹. Императорское происхождение давало юной принцессе достаточные возможности для получения соответствующего статусу воспитания и образования, о которых, к сожалению, нам ничего не известно, как и о детстве и ранней юности Юдифи. Ее выход на историческую сцену связан с редкими упоминаниями о ней в анналистике. Обнаруживаются лишь краткие свидетельства о брачных аспектах жизни наследницы древнего рода; при этом мы не найдем даже малейшей попытки современников выявить причинно-следственные связи фиксируемых в исторических текстах матримониальных стратегий. Нет в них и оценок личности знатной особы. И все же Юдифь Французская, как иногда именуют ее хронисты, прожила с одной стороны вполне типичную жизнь аристократки, а с другой, — благодаря свойствам личности и манере поведения вышла за установленные социальные рамки.

Итак, первое упоминание связано с бракосочетанием, состоявшимся 1 октября 856 г. с королем Уэссекса Этельвульфом (795—858). Король Уэссекса Этельвульф/Этельвольф правил с 839 г. Брак с Юдифью стал для него вторым, поскольку его первая супруга Осбурга умерла в 855 г. Тяжело переживая вдовство, король отправился в паломничество в Рим — к Святому Престолу. На обратном пути он долгое время гостил у Карла II Лысого. На момент помолвки, имевшей место в июле², и заключения брака с дочерью последнего, Этельвульфу исполнился 61 год, в то время как Юдифи — всего 13 лет. Тем не менее, английская историография, признавая значительную разницу в возрасте между супру-

¹ Юдифь Баварская (ок. 805—843) являлась одной из самых заметных женщин своего времени. См. подробнее труды исследующих ее биографию специалистов — Сюзанны Мартине, Элизабет Уорд и Армины Кох. См.: *Martinet S. Une reine du IX-e siècle "La belle Judith" // Compte-rendu du 10e congrès à Saint-Quentin le 15 mai 1966. T. XII. P. 85—93; Ward E. Caesar's Wife: The Career of the Empress Judith 819—829 // Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (811—840) / Ed. P. Goodman, R. Collins. Oxford, 1990. P. 205—227; Koch A. Kaiserin Judith: eine politische Biographie: Diss. Husum, 2005.*

² Accer's "Life of King Alfred" Together With the "Annals of St. Neot", Erroneously Ascribed to Asser / Ed. by W.H. Stevenson. Oxford, 1904. Ch. 8. 11.

гами, достаточно традиционно оценивает данный союз. Как указывает Шэррон Тернер: «мало браков наших суверенов по своим последствиям можно отнести к столь великим для репутации и счастья Англии, как этот, который, вместе с тем, являл собой мезальянс, а с сегодняшней точки зрения и вовсе вызывал бы отвращение при виде седой головы, сочетавшейся с юными локонами»³. Ученый метко подметил, как быстро Юдифь, оказавшаяся в Англии, включилась в культурную жизнь чужой для себя страны. «Именно эта дама, — продолжает Ш. Тернер, — начала образование Альфреда, и следы ее влияния легко прослеживаются в его литературных начинаниях»⁴.

Действительно, если мы обратимся к хрестоматийной «Жизни короля Артура» Ассера, то в описании событий 856 г. он указывает: Альфред (будущий Альфред Великий) «...оставался неграмотным вплоть до 12-ти или более лет...», но «в один день, его мать показала ему и его братьям книгу саксонской поэзии, которую она держала в своих руках, и сказала: “Тот из вас, кто быстрее выучит эту книгу, получит ее”. Побужденный этими ее словами, или скорее божественным вдохновением, и привлеченный великолепно раскрашенной буквой в начале книги, он сказал прежде своих братьев, которые, хотя и были старше его, уступали ему в грации, и ответил: “Ты правда дашь эту книгу тому из нас, как ты сказала, тому, кто сможет первым понять и повторить ее тебе?” На это его мать с удовлетворением улыбнулась и подтвердила то, что она сказала до этого. После этого мальчик взял книгу из ее рук и отнес к своему наставнику, дабы тот прочел ее, и в должное время принес ее матери и продекламировал ее»⁵.

Под матерью 7-ми летнего Альфреда⁶, скорее всего, следует подразумевать его юную мачеху, поскольку его собственная мать, как указывалось выше, умерла в 855 г. Что касается оценки Тернера мезальянса во втором браке Этельвульфа, то в данном случае резонно согласиться с мнением ряда зарубежных исследователей⁷ и А.Г. Глебова, полагавшего данный случай типичным, «...тем более, если речь шла о матримониальном союзе, имевшем династийные или государственные мотивы». Он же верно отмечает важность другого обстоятельства: неясность этих самых мотивов, поскольку для указанного союза «...на первый взгляд, не существовало ни недавних прецедентов, ни очевидных причин», — на-

³ Turner Sh. The History of the Anglo-Saxons From the Earliest Period to the Norman Conquest: 3 vol. Paris, 1840. Vol. 1. P. 293.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. Ch. 20.

⁶ Альфред Великий родился около 849 г.

⁷ Wemple S. Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister 500 to 900. Philadelphia, 1981. P. 80; Stafford P. Queens, Concubines and Dowagers. Athens Georgia, 1983. P. 130—131.

пример, норманнской опасности. Ученый усматривает причины подобного матримониального шага в стремлении Карла Лысого «...поднять свой престиж браком дочери с получившим европейскую известность героем битвы при Аклее (т.е. Этельвульфом. — С.П.)»⁸.

При этом Ассер сообщает, что Юдифь была спокойно принята окружением мужа, и все же акт о признании ее королевой вызывает известные сомнения⁹. Несмотря на недолгий брак и юный возраст супруги, в этом союзе родилась дочь, названная Юдифью в честь матери. Однако смерть Этельвульфа предоставила вдове потенциальную возможность вернуться на родину, что не входило в планы наследника государя.

Вдовствующая королева, как сухо указывают анналы, в том же 858 г. вступила в брак со старшим сыном покойного мужа Этельбальда, много и упорно враждовавшего с отцом и в результате раздела 856 г. получивший от него западную часть Уэссекса. Ассер в этом отношении высказывается более эмоционально: «Но когда король Этельвульф умер и был погребен в Стемругаме, его сын Этельбальд, вопреки божественным запретам и благородству христиан, вопреки, также, обычаям всех язычников, взошел на отцовское ложе и женился на Юдифи, дочери Карла, короля франков, и навлек на себя большой позор ото всех, кто узнал об этом»¹⁰. Мотивы данного поступка очевидны — вдовствующая государыня была законной, официально венчанной на царство королевы Уэссекса, состоявшей в родстве с франкским августейшим домом и обладавшей большим влиянием как у себя на родине, так и в Англии. Все это придавала ей в глазах нового супруга, стремившегося упрочить собственную власть, исключительное политическое значение¹¹.

Примечательно, что церемония венчания Юдифи и Этельвульфа представляет собой не совсем типичный порядок отправления таинства брака. Составленный приближенным Карла Лысого архиепископом Реймским Хинкмаром¹² венчальный чин — *ordo*, который

⁸ Глебов А.Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003. С. 71—73.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Asser's "Life of King Alfred". Ch. 23.

¹¹ Об особенностях статуса королевской власти у англосаксов см. исследования А.Г. Глебова: Глебов А.Г. Королевская власть и основные тенденции ее развития у англосаксов в VII начале IX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 13–21; Он же. Центральные органы власти в Англии в эпоху Альфреда Великого: королевский двор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 3–6; Он же. Альфред Великий: социально-политический и визуальный контекст эволюции образа «отца-основателя» британской идентичности // Средние века. 2013. Вып. 74 (3–4). С. 265–274; Он же. Англия в раннее Средневековье. 2-е изд. СПб., 2015.

¹² Авторство Хинкмара не доказано окончательно, но большинство современных специалистов склоняется именно к этой версии. См. исследования Р. Джексона

впоследствии получил название *ordo* Юдифи, содержит ритуалы коронации и благословения короны как властной регалии, что автоматически придает супруге монарха официальный потестарный статус.

Так, если благословение кольца не выходит за рамки обычной процедуры таинства венчания, глася: «Получи это кольцо как знак веры и любви и супружеских уз, да не разлучит никто тех, кого Бог объединяет¹³. Живи и царствуй во веки веков»¹⁴, то коронация невесты является принципиально новым сюжетом. Речь идет о складывании порядка церемонии посвящения, у истоков оформления которой в т.н. королевские чины — *ordines coronationis* — стоит архиепископ Хинкмар Реймский, венчавший указанную пару. Итак, возложение короны на голову Юдифи сопровождалось следующей молитвой: «Славой и честью коронует тебя Господь, и следует поместить на голову твою корону из драгоценных камней духовных, тех, что и в блеске золота, и в разнообразии великолепия драгоценных камней, могут означать твой собственный нрав, это сияние всегда в [твоих] поступках. Ибо Сам (Господь. — С.П.) предстоит [здесь], Кому честь и слава во веки веков¹⁵»¹⁶.

Однако, возвращаясь к стремлениям Этельбалда, брак пасынка и мачехи был аннулирован по причине кровного родства: продав свои владения в Англии¹⁷, королева вернулась к отцу («...под отцовское покровительство...», как пишет Хинкмар¹⁸).

После развода¹⁹ Юдифь уединилась в одном из монастырей Санлиса. И здесь ее «подждал» третий, не менее заслуживающий внима-

и Джанет Нельсон. См.: *Jackson R.A. Who Wrote Hincmar's Ordines? // Viator. 1994. № 25. P. 31—52; Ordines Coronationis Franciae / Ed. by R.A. Jackson. 2 vol. Philadelphia, 1995. Vol. I. P. 120—123, 149; Nelson J.L. Kingship, Law and Liturgy in the Political Thought of Hincmar of Rheims // English Historical Review. 1977. № 92. P. 241—279; Idem. Early Medieval Rites of Queen-Making and the Shaping of Medieval Queenship // Queens and Queenship in Medieval Europe: Proceedings of a Conference Held at King's College London, April 1995 / Ed. A.J. Duggan. Woodbridge 1997. P. 301—316.*

¹³ «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» // Мк. 10:9.

¹⁴ *Ordo V // Ordines Coronationis Franciae / Ed. by R.A. Jackson. 2 vol. Philadelphia, 1995. Vol. I. P. 77; Annales Saint-Bertin // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum series. Hannoverae, 1881. Bd.13. S. 666.*

¹⁵ «Ему слава во веки веков. Аминь» // Гал. 1:5.

¹⁶ *Ordo V. P. 77.*

¹⁷ *Turner Sh. Op. cit. P. 295.*

¹⁸ «...sub tuition paterna...» // *Annales Bertiniani auct Hincmari Remensis (862) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum series. Berlin, 1826. Bd. I. S. 87.*

¹⁹ Хотя Эммануэль Сантинелли — автор монографии «Плачущие женщины? Вдовы в аристократическом обществе высокого Средневековья» — полагает несколько иначе, указывая на смерть супруга и, следовательно, повторное вдовство Юдифи: «После кончины своего мужа она вернулась к отцу, Карлу Лысому...». См.: *Santinelli E. Des femmes éplorées?: Les veuves dans la société aristocratique du Haut Moyen Âge. Lille, 2003. P. 137.*

ния, брак. Она находилась там до Рождества либо 861 г., либо 862 г., пока не была похищена будущим первым графом Фландрским, которому, как вассалу Карла Лысого, полагалось охранять дочь сюзерена²⁰. Ничто не изменило решимости Бодуэна, только достигшего 30-летнего возраста²¹, жениться на 18-летней Юдифи: ни давление Карла II, отказавшегося признать этот брак, пригрозившего лишить Бодуэна и помогавшего ему в похищении сестры собственного сына и наследника Людовика всех их ленных земель²², ни призывы короля западных франков к своему наместнику во Фрисландии Рерику Ютландскому и епископу Утрехта Хунгеру не допустить укрытия бежавших в их землях, а с появлением — предать отлучению, арестовать и направить к нему для суда²³. Бодуэн и Юдифь отправились в Рим, минуя все препоны разгневанного отца²⁴, и получили прощение от папы Николая I, а после вернулись в Осер, где 13 декабря 863 г. заключили официальный брак²⁵. Понтифик официально распорядился признать этот союз, о чем написал Хинкмару, постановив отчитываться, что сделано в исполнение его приказа, намекнув при этом королю о возможности Бодуэна обратиться за помощью к норманнам²⁶.

Однако Бодуэн оставался без своих прежних владений, конфискованных короной, что подтолкнуло его пойти на переговоры с давними врагами — норманнами. Перспектива военного союза вынудила Карла II, наконец, признать второй брак дочери и вернуть зятю все его земли, присовокупив к ним новые. Однако после примирения с королем Бодуэну, ставшему графом Фландрским, полагалось охранять северные

²⁰ В первом случае хроника указывает 862 г., во втором — 861 г. См.: *Annales Bertiniani auct. Hincmari Remensis 862 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores series. Berlin, 1826. Bd. I. S. 12, 82.*

²¹ По оценке специалистов, Бодуэн I родился в 30-е гг. IX в., умер в Аррасе в 879 г. См.: *Santinelli E. Op. cit. P. 49.*

²² Об участии Людовика (будущего короля Западно-Франкского государства Людовика Заики, говорят *Анналы монастыря Сен-Бертен*, — точнее, те его разделы, которые были записаны Хинкмаром Реймским (*Accer's "Life of King Alfred"*. P. 456—462). См. также о побеге, анафеме и поиске беглецов (*Ibid. P. 87—88*).

²³ См. решение королевского совета, находившегося на этот момент в Суассоне. См.: *Conventys de Savonnières (862) // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum Dusseldorf, 1968. Bd. 5. S. 160.*

²⁴ *Benedictio super reginam quam Edelfulfus rex accepit in uxorem // Les actes de la province ecclésiastique de Reims: ou canons et décrets des conciles, constitutions, statuts, et lettres des évêques des différents diocèses qui dépendent ou qui dépendaient autrefois de la métropole de Reims / Publ. par M.Th. Gousset, archevêque de Reims, primat de la Gaule Belgique, etc. Reims, 1892. T. 1. P. 666—667.*

²⁵ *Annales Blandinienses / Éd. Ph. Grierson // Les Annales de Saint-Pierre de Gand et de Saint-Amand. Commission royale d'histoire. Série IV. Brussels, 1937. S. 19.*

²⁶ *Nelson J.L. Charles de Chauve. P. 225—226*

границы. С этой миссией он отлично справился, на протяжении ряда лет защищая пределы государства и укрепляя власть тестя, благодаря чему и удостоился прозвища «Железная рука»²⁷. После смерти последнего в 877 г. Бодуэн I получил в качестве наследства жены обширные земли, способствовавшие усилению его могущества²⁸.

Источники умалчивают о точной дате смерти Юдифь, косвенно указывая на 870 г.²⁹, что вполне допустимо, если учесть, что в браке с Бодуэном у нее родилось пятеро детей: Карл (864/865), умерший во младенчестве³⁰; Болдуэн (865/67—918) — будущий граф Фландрский Бодуэн II Лысый (с 879 г.) и граф Булони с 876 г.; Рауль (867/70—896) — граф и светский аббат Камбрэ; скончавшаяся сразу после рождения и оставшаяся безымянной дочь, и Гунильда Фламандская (?—после 904 г.), по некоторым данным — супруга Гифре/Вифреда I Волосатого, первого графа Барселонской марки, превратившего ее из держания от Каролингов в наследственный лен.

²⁷ Второй вариант прозвища — Железный. Одна из генеалогий графов Фландрских указывает, что Юдифь, вдова «Этельреда, короля Англии» (примечательно, что Этельбальд даже не упоминается) — это «дочь Карла Лысого, короля Франции», «супруга Балдуина Железного» (*Balduinum Ferreum*). См.: *Genealogia comitum Flandriae // Monumenta Germaniae Historica. Series Scriptorum / Ed. L.C. Bethmann. Hannoverae, 1851. Bd. 9. S. 309.*

²⁸ *Nicholas D. Medieval Flanders. Longman, 1992. P. 17.*

²⁹ *Santinelli E. Op. Cit. P. 50.*

³⁰ *Annales Elnonenses Minores (862) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum series. Hannoverae, 1844. Bd. 5. S. 11.*

Венгерские принцессы и французская корона: матримониальные стратегии Арпадов (вторая половина XIII—начало XIV в.)

При всей географической отдаленности и разнице исторических путей средневековых Франции и Венгрии, тем не менее, между ними сложился выраженный контакт в форме брачных стратегий. Он возник при активном содействии посредников в лице пересекающихся с ними монархий — Анжу-Сицилийского и Габсбургского домов, что являлось нормой для матримониальных практик Европы. Для династии Арпадов такого рода интеграции облегчались принадлежностью к Католической Церкви, означавшей причастность ко всем прочим европейским монархиям. Кроме того, близость к Византии и кочевым народам предопределили связи венгерского дома и с этими соседями по линии столь выраженной «контактной зоны», т.е. юга Центральной Европы¹.

Что касается брачных сношений с французской короной, то мы можем говорить о трех прецедентах и, соответственно, о судьбах трех венгерских принцесс: Марии (1257—1324), ее дочери Маргариты (1273—1299) и внучки Клеменции (1293—1328). Обратная ситуация, когда представительница королевского семейства позднесредневековой Франции стала супругой венгерского монарха, имела место только один раз в лице Марии Бургундской (1505—1558)².

Раньше всего эта ситуация прослеживается на примере брачных стратегий Иштвана (Стефана) V. Его супруга — дочь хана куман³ Котьяна. Брак, устроенный отцом Стефана Белой IV ок. 1253 г., в полной мере отражал реальные геополитические интересы Венгерского королевства первой половины XIII в. Очевидная опасность, исходившая от кочевников, ускорила этот союз, заключенный на Тисе сразу после принятия получившей имя «Елизавета» невестой таинства крещения⁴.

¹ *Identités hongroises, identités européennes à Moyen Âge de nos jours* / Sous la dir. P. Nagy. Rouen, 2001. P. 36, 30.

² Данный случай, безусловно, заслуживающий специального рассмотрения, все же останется за рамками нашего исследования.

³ Куманы — наименование половцев в западноевропейской традиции. См.: *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans* / Ed. by Fl. Kurta. Leiden—Boston, 2008. Vol. 2. 450—1450. P. 9—10.

⁴ *Macartney C.A. Hungary. A Short History*. Edinburg, 1962 (reed.: *Macartney C. A Hungary: From Ninth Century Origins to the 1956 Uprising*. Rutgers, 2008). P. 35.

Как известно, король Стефан — один из самых выдающихся монархов региона. При жизни отца удостоился титула герцога Трансильвании, с 1262 г. он стал правителем Славонии, Далмации и Хорватии. С 1272 г. немецкие хроники прямо именуют Стефана королем Венгрии, существенное повышение статуса заметно отразилось и на его матримониальных предпочтениях, касающихся всей семьи⁵.

Будучи отцом четырех дочерей, Стефан отдал руку каждой из них наиболее выгодным образом, заручившись родственной поддержкой сразу с нескольких сторон. Первой из них выступала Чехия, затем — Сербия. Так, согласно Георгию Пахимеру, обе старшие сестры были выданы замуж за сыновей короля Сербии Стефана Уроша: при этом Елизавета, овдовев в браке с чешским магнатом Завишей из Фалькенштайна, стала третьей супругой Стефана Уроша II Милутина; Екатерина/Каталин — его брата Стефана Драгутина. Кроме того, Стефан V являлся отцом еще одной дочери (Анны (1260—1281)), вступившей в брак с византийским императором Андроником II Палеологом, и двух сыновей: Ласло (1262—1290) — будущего короля Венгрии Ласло IV, и Андраша (1268—1278) — герцога Славонии⁶.

Однако наиболее драматичная судьба ожидала третью из сестер — Марию⁷, оказавшуюся в зоне достаточно чуждой венгерской короне системы традиций французского монаршего дома. Как пишет автор «Дубницкой хроники»⁸, «прекрасная принцесса, дочь короля Стефана V <...> Мария», как и большинство женщин ее статуса, оказывается на исторической авансцене в связи с выходом в 1270 г. замуж за «Карла, сына дочери Карла Великого»⁹. Перед нами первое упоминание о брач-

⁵ Saecula Hungariae. S/p., 1985. Helbig H. Die ungarische Gesetzgebung des 13. Jahrhunderts und die Deutschen // Vorträge und Forschungen. 1975. Bd. XVIII. Die deutsche Ostsiedelung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. S. 509–526.

⁶ Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. И. Троицкого. СПб., 1862. Ч. 2. IV:1.

⁷ Там же. Ч. 2. I:4; Hermanni Althenses Annales. 1272 // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Series / Hrsg. von J.H. Pertz. Hannoverae, 1861. Bd. XVII. S. 407; Schwennicke D. Europäische Stammtafeln, Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Marburg, 1984. Bd. 2. Die außerdeutschen Staaten: Die regierenden Häuser der übrigen Staaten Europas. S. 155.

⁸ «Дубницкая хроника» — копия неполного перевода т.н. общевенгерской хроники, переписанной в 1479—1480 гг. в г. Надзьвараде (Трансильвания, в настоящее время — г. Орадэя Марэ, Румыния). Оригинал, в соответствии с традициями средневековой анналистики, восходит к «Иллюстрированной хронике» (*Chronicon Pictum*) 1358—1370 гг., авторство которой связывают с именем Марко Кальци — капеллана венгерско-польского короля Ласло I. См.: Louis the Great: King of Hungary and Poland / Ed. by S.B. Várdy, G. Grosschmid, L.S. Domonkos. Philadelphia, 1986. P. 121, 123, 125.

⁹ Chronicon Dubnicense cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque

ном союзе между Арпадами и Каролингами, поскольку автор имеет в виду свекра 12-летней венгерской принцессы: французского принца, основателя Анжу-Сицилийского дома Карла I — одного из самых могущественных монархов своего времени, носившего титулы короля Сицилии и Неаполя, Иерусалима и Албании, графа Анжу, Мэна, Прованса и Форкалькье, князя Ахейского. Мужем Марии стал его второй сын Карл Салернский. Вместе с отцом они именовались «итальянскими принцами»¹⁰, что означало фактическое признание власти Анжуйского дома над Аппенинами.

Карл Салернский, как уже упоминалось выше, был назван хронистом «Карлом Хромым, сыном Карла старшего» и «сыном дочери Карла Великого». Но если смысл первого определения более очевиден, то второе требует некоторых пояснений. Дело в том, что супругой Карла Анжуйского являлась графиня Прованса Беатриса, род которой восходил к Барселонскому дому, родоначальником которого являлся Суинфред I, его отцом считается вестгот Боррель, получивший из рук императора франков в 798 г. часть Испанской марки, отвоеванную у мавров¹¹. Таким образом, *de jure* говорить о кровной связи не представляется возможным, но факт древности рода основателей Каталонии не подлежит сомнению, хотя связь с Каролингами, пусть и по женской линии, выгодно отличала бы Карла I Анжуйского от Капетингов, к дому которого он принадлежал по праву рождения. Подобная оговорка была не менее значима и для Арпадов, что и объясняет позицию хрониста.

Стремящийся к компактному расположению своих владений и отвоеванию потерянной крестоносцами Латинской империи, Карл I вступил в матримониальные связи с Арпадами в 1270 г. сразу по двум направлениям: еще ранее он заключил договор с дедом Марии Белой IV (1235—1270) о браке своей третьей дочери Изабеллы с его внуком Ласло и рассматриваемом союзе Марии. Однако последующая потеря Сицилии и безуспешная, несмотря на поддержку племянника, французского короля Филиппа III, война с Арагоном, переросшая в крестовый поход, стоили Карлу I жизни.

На момент смерти отца его старший сын Карл более полугода находился в плену у арагонцев, где оказался в результате поражения в морском сражении 1284 г. Денег для выкупа в казне разорившегося в

Vindobonensi Picto et Budensi accurate collatum / Rec. et praef. M. Florianus // *Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars I: Scriptores*. Lipsiae, 1884. Vol. 3. P. 111.

¹⁰ Dunbabin J. *The French in the Kingdom of Sicily, 1266—1305*. Cambridge, 2011. P. 294.

¹¹ Lewis A.R. *The Development of Southern French and Catalan Society. 718—1050*. Austin, 1965. Ch. 6.

ходе войны Карла I не нашлось (папскому легату, явившемуся с соответствующим предложением, было сказано, что эта потеря горестна, но есть много внуков, которым можно передать власть), и наследником был объявлен старший сын Карла Салернского и Марии Венгерской Карл Мартелл при регентстве родного брата Карла I, графа Робера I д'Артуа¹².

Таким образом, Мария оказалась отрешенной от мужа и воссоединилась с ним только в 1288 г., когда король Арагона Хайме II после смерти своего предшественника Педро III освободил Карла в обмен на знатных заложников, 30 тысяч серебряных марок и обещание более не соперничать за Сицилию. Следует оговориться, что Карл II, прозванный Хромым, не сдержит слово, и война за Сицилию продлится вплоть до его смерти, т.е. до 1309 г.¹³ Сложно судить о взаимоотношениях супругов, но известно, что в данном браке родилось 14 детей, двое из которых, учитывая продолжение связей между Капетингами/Валуа и Арпадами, привлекают наибольшее внимание. Это уже упомянутый первенец, амбициозно названный Карлом Мартеллом (1271—1295), и первая супруга Карла Валуа Маргарита¹⁴.

Возвращаясь к судьбе Марии Венгерской, отметим важный момент: овдовев, она утратила статус королевы-консорты Неаполитанского королевства, передала бразды правления сыну, пробыв в столь пассивном положении достаточно долгий срок, пока не пришло известие о кончине ее бездетного брата Ласло V. Это означало фактическое пресечение династии Арпадов по мужской линии и борьбу за власть между тремя сестрами покойного короля (Елизаветой, Екатериной и Марией) и детьми умершей ранее четвертой сестры Анны.

Что касается Марии, то дочь Стефана V сразу же выступила в качестве дальновидного и деятельного политика. Несмотря на положение самой младшей из сестер, она уже 21 сентября 1290 г.¹⁵ заявила о своих правах на венгерский трон, тем более что 13 июля на нем воцарился Андраш III. Внук Андраша II, он имел больше прав, чем сестры и вну-

¹² *Dunbabin J.* Charles I of Anjou: Power, Kingship and State-Making in Thirteenth-Century Europe. Longman, 1998; *Idem.* Creating an Image for a New Kingship: Charles I of Anjou, King of the Regno // *Aspects of Power and Authority in the Middle Ages* / Ed. by B. Bolton, Ch. Meek. Brepols, 2007. P. 23—52; *Capetian House of Anjou: Charles I of Naples, Charles II of Naples, House of Anjou, Capetian House of Anjou, Robert of Naples, Maria of Hungary.* Books Llc., 2010; *Рансимен С.* Сицилийская вечерня: История Средиземноморья в XIII веке / Пер. с англ. С.В. Нейсмарк. СПб., 2007.

¹³ *Dunbabin J.* The French in the Kingdom of Sicily, 1266—1305. Cambridge, 2011. P. 73.

¹⁴ *Péquignot S.* Au nom du roi: pratique diplomatique et pouvoir durant le règne de Jacques II d'Aragon (1291—1327). Velázquez, 2009. P. 88.

¹⁵ Ласло V умер 10 июля.

чатые племянники покойного Ласло V, но венгерская знать постоянно оспаривала их.

Пользуясь сочувствием местной аристократии и влиянием французского королевского дома, Мария — в обход старшей и средней сестер, а также представителей семерых детей покойной Анны и византийского императора Андроника II — заручилась поддержкой Святого Престола, имевшего особые виды на венгерское дворянство. В итоге в 1291 г. в Неаполь, где по-прежнему жила вдова Карла II, прибыл папский легат, который от имени Николая IV короновал ее как королеву Венгрии. Неизвестно, прошел ли инаугурацию Карл Мартелл, но все права на трон Арпадов, а равно и титул короля Венгрии мать передала ему.

Однако не отличавшийся властолюбием, Карл Мартелл только в 1294 г. официально заявил свои претензии, отвергнутые венгерской знатью. Тем не менее, венгерская историография единогласно оценивает его как основателя Анжу-Капетингской ветви на троне Арпадов¹⁶. Остается открытым вопрос о том, как события развивались бы дальше, но в 1295 г. в возрасте всего 23-х лет сын Марии Венгерской умер, став одной из многих жертв разразившейся в Неаполе чумы. Папа незамедлительно (30 августа того же года¹⁷) подтвердил права его матери на трон Арпадов, тем более что племянник Марии (сын Екатерины) Стефан Владислав II не оставлял своих притязаний¹⁸.

Несмотря на это, венгерская принцесса удерживала оба трона (отдав в 1301 г. корону Арпадов внуку Карлу Роберту) до того времени, когда, как указывает хроника, в Неаполе «в Страстную Пятницу <...> 25 марта 1324 г. завершился земной путь королевы Марии, жены короля Карла II»¹⁹.

Второй прецедент матримониальной связи французской и венгерской корон связан со старшей дочерью Марии — Маргаритой Анжуйской. Еще в 1288 г., когда преемник Педро III, Альфонсо III, выпустил Карла II из плена, среди прочих он выдвинул условие, гарантировавшее арагонскому дому известную безопасность. Карлу II предстояло по-родственному убедить одного из сыновей французского государя Филиппа III, Карла Валуа, отказаться от арагонской короны, дарованной ему папой Мартином IV. Француз по происхождению, понтифик (в миру Симон Монпигье), придерживался профранцузской же

¹⁶ Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles and Burghers in Medieval Hungary* / Trad. of J. Bak. London, 1986; Klaniczay G. *Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe* / Trad. of I. Halfin. Cambridge, 2002. P. 425—426.

¹⁷ Карл Мартелл умер 19 августа.

¹⁸ В итоге сербский король Стефан Владислав II (1322—1324) довольствовался титулом герцога Славонии.

¹⁹ *Chronicon Dubnicense*. P. 241.

ориентации и, следовательно, выступал на стороне Карла Анжуйского в его средиземноморских амбициях²⁰. Поэтому, когда 30 марта 1289 г. в ходе Сицилийской вечерни власть над островом перешла в руки Арагонской династии, Мартин IV использовал все свои возможности против испанцев и спас власть Анжуйской короны на Сицилии. Более того, он предал Педро III отлучению и даже потребовал крестового похода. Освободившуюся, по его мнению, корону папа преподнес в дар принцу Карлу, надеясь в его лице видеть на Сицилии «прирученного» им монарха. Однако эти усилия ни к чему не привели, и понтифик получил открытого противника в лице Арагонского королевства²¹.

Карлу II Анжуйскому пришлось лавировать между интересами Педро III и Франции на Сицилии, в результате стороны сошлись на некоем компромиссе: было принято решение о браке между Карлом Валуа и Маргаритой Анжуйской. Поскольку они приходились друг другу троюродными братом и сестрой (по отцу невесты), то ставший к этому времени понтификом Николай IV дал специальное разрешение. Таинство состоялось в Корбее 16 августа 1290 г.²², что в стратегическом смысле означало переход графств Мэн и Анжу в качестве приданого линии Валуа, взамен зять отказывался от претензий на Сицилию и Арагон.

Столь сложная подоплека, однако, не гарантировала жизнеспособности данного союза. В 17 лет вступившая в брак Маргарита Анжуйская, в жилах которой условно наполовину текла венгерская кровь, в 26 лет умерла, оставив мужу шестерых детей. К сожалению, незначительные сведения о старшей дочери Марии Венгерской сводятся к одному событию: в 1293 г. у Маргариты родится сын Филипп — будущий Филипп VI, основатель династии Валуа, сменившей Капетингов на французском престоле²³. Так опосредованно исполнилось желание его отца, правившего страной вместо своих племянников, но не имевшего легитимной власти и заслужившего поговорки: «Сын короля (Филиппа III Смелого. — С.П.), брат короля (Филиппа IV Красивого. — С.П.), дядя трех королей (Людовика X Сварливого, Филиппа V Длинного, Карла IV Красивого. — С.П.), отец короля (Филиппа VI. — С.П.), но сам не король»²⁴.

²⁰ Pope Martin IV / Ed. by M. Lambert, M. Surhone, T. Mariam, S. Tennoe, F. Henssonow. Vatican, 2010.

²¹ Williams G.L. Papal Genealogy: The Families and Descendants of the Popes: 2nd ed. Jefferson—London, 2004. P. 37, 49.

²² Hand J.M. Women, Manuscripts and Identity in Northern Europe, 1350—1550. Farnham—Burlington, 2013. P. 217.

²³ Levassuer M. Des princes français, rois de Sicile, rois de Naples. Essai historique. Paris, 2012. P. 235—276.

²⁴ Carlier Cl. Histoire du duché de Valois, ornée de cartes et de gravures, contenant ce qui est arrivé dans ce pays depuis le temps des Gaulois jusqu'en l'année 1703 (par l'abbé C. Carlier). Paris, 1764.

Сложно предположить, насколько Маргарита, выросшая при Неаполитанском дворе, ощущала в себе принадлежность к Арпадам. Вероятно, ее племянница Клеменция идентифицировала себя с венгерским домом еще меньше. Да и будущее ее оказалось тесно связано именно с французской монархией.

Состоявшееся бракосочетание — результат усилий Марии Венгерской. Людовик X Сварливый, как известно, был скомпрометирован своей первой супругой Маргаритой Бургундской и находился в поиске новой партии. Карл Валуа и Мария Венгерская решили дело достаточно быстро. И вскоре пошли слухи о том, что не желавшая развода Маргарита Бургундская была отравлена и умерла 30 апреля 1315 г.²⁵ Так или иначе, но уже 19 августа 1315 г. Клеменция сочеталась браком с Людовиком X Сварливым и стала правящей королевой²⁶.

Примечательно, что уже 24 августа ее короновали в Реймсе вместе с супругом, что было достаточно редким явлением французской инаугурационной традиции начала XIV в. Посвящающим прелатом выступал архиепископ Реймский Робер де Куртенэ, согласно принятому коронационному чину (*ordo*) помазавший ее Священным Елеем, надевший на безымянный палец левой руки коронационное кольцо, вручивший в правую руку скипетр и возложивший на главу малую корону²⁷.

Однако уже 5 июня 1316 г. после скоростижной смерти Людовика 23-летней Клеменция стала вдовствующей королевой, носящей под сердцем наследника престола. Ее сын Иоанн родился 15 ноября, но уже 20 ноября умер, получив во французской генеалогической титулатуре поименование «Иоанн I Посмертный»²⁸. Согласно Салическому закону, трон перешел к старшему представителю по мужской линии — т.е. к брату покойного короля — Филиппу V. Клеменция же удалилась в замок Тамплль под Парижем, где и прожила остаток своих дней, уйдя из жизни 5 октября 1328 г. в возрасте 35-ти лет в один год с династией Капетингов. Клеменция не удостоилась королевского погребения в Сен-Дени, а упокоилась в церкви Св. Иакова, где по традиции хоронили

²⁵ Treffer G. Die französischen Königinnen. Von Bertrada bis Marie Antoinette (8.—18. Jahrhundert). Pustet—Regensburg, 1996. S. 168—217.

²⁶ Levassuer M. Op. cit. P. 277.

²⁷ Полный *ordo* коронации французских королей сложится во второй половине XIV в. и будет зафиксирован, среди прочего, в *ordo* Карла V 1364 г. Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 251—253.

²⁸ Ibid.

придворных²⁹. Как сообщает Гийом де Нанжи, во вдовстве она занялась коллекционированием предметов искусства и драгоценностей, оставив в результате немалые долги³⁰.

Резюмируя, отметим, что усилия Марии Венгерской по налаживанию брачных связей с самым могущественным в названную эпоху королевским домом — французским — имели успех, поскольку обе партии завершились браком. Однако дальнейшие события, над которыми дочь Стефана V оказалась не властна, не позволили им превратиться в устойчивую матримониальную традицию.

²⁹ *Dreux du Radier J.-F. Mémoires historiques, critiques et anecdotes des reines et régentes de France. Paris, 1808. P. 73—75.*

³⁰ *Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300 avec les continuations de cette chronique de 1300 à 1368 / Éd. par H. Jézar. Paris, 1843. T. 1. P. 119—20, 426.*

Глава IX

Королевское посвящение
за пределами
Франции:
акценты
влияния

Ordo Майнца 960 г.

Первым франкским государем, прошедшим инаугурационную церемонию, стал майордом, впоследствии — король Пипин Короткий. Ее основой выступил хрестоматийный альянс с Папским государством для легитимации прав на престол, узурпированный у Меровингов. При этом церемония была дублирована: в первый раз она имела место в марте 752 г. в Суассоне, когда в ходе литургии Пипина короновал «апостол Германии» — архиепископ Майнца Бонифаций. Вторично инаугурацию провели 28 июля 754 г. в базилике Сен-Дени, и посвящающим прелатом выступил папа Стефан II. Именно тогда, по аналогии с ветхозаветными царями и христианским таинством елеосвящения, Пипин, его супруга Бертрада Лаонская и оба сына (Карл и Карломан) удостоились помазания на царство.

Однако сам церемониал только предстояло разработать, и в последней трети IX в. эту задачу выполнит архиепископ Хинкмар Реймский, положивший начало практике составления коронационных ординариев, т.е. протоколов инаугурации, содержащих порядок как литургических, так и процедурных действий. Перу Хинкмара принадлежит четыре текста: *ordo* Юдифи, дочери Карла Лысого (*Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae*), *ordo* Эрментруды, супруги Карла Лысого (*Coronatio Hermentrudis reginae*), *ordo* Карла Лысого (*Ordo coronationis Karoli II*), *ordo* Людовика Заики (*Ordo coronationis Hludiwici Balbi*)¹.

Ниже речь пойдет о несколько иной линии развития политического церемониала — восточнофранкской. Ее влияние на западнофранкскую модель прослеживается, начиная с X столетия, когда ординарии, составившиеся в ирландских и англосаксонских монастырях, проникают на континент через обители, расположенные к востоку от Рейна². Одной из

¹ *Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae* // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427; *Coronatio Hermentrudis reginae* // Ibid. S. 453—455; *Ordo coronationis Karoli II*. In regino Hlotharii. Factae // Ibid. S. 456—458; *Ordo coronationis Hludowici Balbi* // Ibid. S. 461—462.

² Именно таким путем, через аббатство Сен-Ваас, на континент попал *ordo* Фулрада или Ратольда. Возможно, данный текст, как мы уже неоднократно отмечали выше, имел англосаксонские корни, поскольку его авторство приписывается ирландскому монаху-миссионеру Ратольду, составившему *ordo* для коронации короля Эдгара в 973 г. Из Англии несколько копий манускрипта завезли на континент, и одна из них около 980 г. оказалась в аббатстве Сен-Ваас в Аррасе, где и была переработана монахом Фулрадом, включившим в текст Ратольда фрагменты

них выступало архиепископство Майнца. Основанный еще римлянами в 13 г. до н.э. город сформировался от римского каструма Могонтиациум (Могонциак), т.е. посвященного Могону (одному из кельтских божеств) на Кестрихе, и рассматривался империей в качестве одного из крупных центров к северу от Альп³. В каролингскую эпоху Майнц — ядро архиепископства — имел в своем подчинении сеть монастырей, включая знаменитую Фульду, расположенную на берегу одноименной реки и основанную учеником св. Бонифация Стурмием в 774 г. Став бенедиктинской, обитель (ее официальное название — имперское аббатство св. Бонифация) надолго сделалась центром анналистики, запечатлев правление Каролингов в знаменитых памятниках историописания. Особого расцвета Фульда достигла при аббате Рабана Мавре (822—824), любимом учеником Алкуина и авторе энциклопедии *De Universo*, а также ряда лингвистических трактатов. Одной из ее дочерних обителей являлось аббатство св. Альбана, основанное ок. 758 г.⁴

Именно здесь около 960 г.⁵ была составлена рукопись, получившая название *ordo* Майнца и посвященная коронационному чину Оттонов⁶. Данный факт особенно примечателен тем, что архиепископом в этот период являлся бастард Оттона I Вильгельм (954—968), который покровительствовал аббатству св. Альбана (впоследствии он найдет там последнее пристанище). Возможно, его предшественники разработали

ordines Хинкмара. В будущем *ordo* Фулрада лег в основу процедуры королевского посвящения до периода правления Людовика IX Святого, т.е. инаугурации Гуго Капета в 987 г. до первой половины XIII в., когда в период правления Людовика Святого будет создана целая серия капетингских ординариев.

³ Schumacher L. Mogontiacum. Garnison und Zivilsiedlung im Rahmen der Reichsgeschichte // Die Römer und ihr Erbe. Fortschritt durch Innovation und Integration / Hrsg. von M.J. Klein. Mainz, 2003. S. 1—28.

⁴ Этим годом датировано первое упоминание в уставе Фульды о возведении часовни в честь св. Альбана. См.: Germania Benedictina. St. Ottilien, 2004. Bd. VII. Die benediktinischen. Mönchs-Nonnenklöster in Hessen. Bd. 1. S. 214—375.

⁵ Датировка Р. Эльце. См.: Elze R. Die Ordines für die Weiche und Krönung des Kaisers und der Kaiserin. Hannover, 1960. S. 35—47.

⁶ Существует несколько манускриптов, в том числе — Римско-Германский, Флорентийский, Константинопольский и пр. См.: Calabuig I.M. The Rite of Dedication of a Church // Handbook for Liturgical Studies: Liturgical Time and Space / Ed. by A.J. Chuppunggo. Nashville, 1989. P. 354; Bouman C.A. Sacring and Crowning: The Development of the Latin Ritual for the Anointing of Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century. Groningen—Djakarta, 1957; Nelson J. Ritual and Reality in the Early Medieval Ordines // Studies in Church History. 1975. № 11. P. 41—45; Ordines coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages and Richard / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 1995. T. 1. В данном случае текст *ordo* Майнца взят из издания П. Шрамма: Mainzer-Ordo // Schramm P.E. Kaiser, Könige und Papste. Stuttgart, 1969. Bd. III. Beiträge zur allgemeinen Geschichte. Vom.10. bis zum 13. Jahrhundert. S. 94—103.

и ритуалы благословения императора, во многом схожие с западнофранкской традицией, но имеющие и некое своеобразие⁷. Один из его элементов заключался в порядке и символике вручения регалий.

Напомним, что инаугурация Оттона I состоялась 7 августа 936 г., достаточно подробно описанная Видукиндо Корвейским в его «Деяниях саксов» Примечательно, при изложении процедурного регламента упоминается и архиепископ Майнцский Гильберт (воспитанник Фульды), который «...ожидал выхода нового короля в базилике. Когда тот вышел, архиепископ выступил ему навстречу, левой рукой коснулся правой руки короля и, неся в правой руке посох, перевитый лентой, облаченный в стеллу и соответствующую одежду, вышел на середину храма и остановился. [Отсюда] он обратился к народу, который стоял вокруг, ибо галерея внизу и наверху в этой базилике была устроена в виде круга так, что весь народ мог его видеть. “Вот, — сказал он, — я привожу вам Оттона, которого Бог избрал, государь Генрих некогда назначил, а теперь все князья произвели в короли; если вам это избрание по душе, то покажите это, подняв правую руку к небу”. [В ответ] на эти слова весь народ поднял правые руки кверху и громким голосом пожелал новому герцогу благополучия. Затем вместе с королем, одетым по обычаю франков в плотную тунику, архиепископ двинулся к алтарю, на котором лежали королевские инсигнии, меч с поясом, плащ с застежками и жезл со скипетром и короной»⁸. Далее хронист продолжает: «...Он (архиепископ — С.П.) подошел к алтарю, взял здесь меч с поясом, повернулся к королю и сказал: “Прими этот меч и сокруши им всех противников Христа, варваров и плохих христиан, волей божьей тебе передана власть над всей державой франков для сохранения прочнейшего мира среди всех христиан”. Затем, взяв запястья и плащ, он надел их на [короля] и сказал: “Пусть эта одежда с ниспадающими складками напоминает тебе о том, какое усердие в вере должно тебя воспламенять, [и о том], что в сохранении мира ты должен оставаться непреклонным до конца”. Затем, взяв скипетр и жезл, он сказал: “Пусть эти знаки служат тебе напоминанием о том, что ты должен с отцовской строгостью наказывать подданных и протягивать руку милосердия, прежде всего слугам божьим, вдовам и сиротам, и пусть в душе твоей никогда не иссякнет елей сострадания, и пусть и сейчас и в будущем тебя венчает вечное вознаграждение”. И без промедления архиепископы Гильдеберт и Винфрид помазали [короля] святым елеем и увенчали золотой короной»⁹.

Следовательно, император предстает перед нами в первую очередь как защитник, рыцарь, воин, светский правитель. *Ordo* Майнца максималь-

⁷ См. подробнее: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

⁸ *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. II:14—20.

⁹ Там же. II:24—37.

но конкретизирует эту идею. Первое, что можно отметить — это просьба к Богу помочь императору стать могущественным защитником родины, восстановителем церквей и монастырей, победителем мятежников и языческих народов: «Тогда епископ произносит следующую молитву: Всемогущий Боже, Правитель неба и земли, помоги этому рабу твоему (имя) подняться на вершину царства, мы умоляем Тебя, чтобы он был освобожден от всех невзгод и крепко утвердил дар церковного мира и что, как дар Твой, мог бы заслужить радость вечного мира»¹⁰. Уже к концу X в. следующий вариант оттоновского ординария, аналогично составленный в Майнце, добавляет обещание будущего императора выступать покровителем и защитником Католической Церкви¹¹.

Не менее важное нововведение — проскинезия посвящаемого монарха, т.е. его прострация перед алтарем, аналогичная, вплоть до чтения в этот момент ектении, рукоположению духовенства. «Тогда назначенный князь ложится, раскинув руки перед хором <...> в шаге от алтаря. Весь пол должен быть покрыт тканью <...>. Там, перед алтарем, все вместе епископы и священники смиренно ложатся ниц в форме креста, а остальные кратко произносят ектении, т.е. [названия] двенадцать апостолов и всех мучеников, исповедников и дев, и всех остальных, до конца этого благословения. Когда ектении заканчиваются, все поднимаются»¹². С этого времени королевская (императорская) прострация войдет в ординарии западнофранкского (впоследствии французского) церемониала, максимально теизируя светскую власть.

Акцентируя внимание на сюжетах покровительства Церкви, *ordo* 960 г. предписывает ритуал согласия клира и мирян на власть посвящаемого императора, что являлось для оттоновской империи принципиальным сюжетом инаугурации. Его предваряет фиксация морально-нравственного предназначения императора как христианина, служащего подчиненному ему обществу: «Когда князь поднимается, архиепископ метрополии спрашивает, хочет ли он защищать права Святых Божиих Церквей и глав церквей, а также людей, приверженных его словам, справедливо и вероучительно, с царственным провидением, в соответствии с обычаями отцов своих. И должен [архиепископ] объявить, как с Божьей помощью [князю] следует утешать всех верных ему, [ведь] наделен он силой, дабы держать себя таким образом добросовестно во всем»¹³.

Затем следует одобрение свободы выбора со ссылкой на евангельское понимание власти как системы взаимных обязательств: «Епископ должен обратиться к присутствующим: хотят ли они отдать себя та-

¹⁰ Mainzer-Ordo. S. 95.

¹¹ Schramm P.E. Kaiser, Könige und Päpste. Stuttgart, 1970. Bd. IV. S. 182.

¹² Mainzer-Ordo. S. 95.

¹³ Ibid. S. 96.

кому правителю и монарху, чтобы он мог закрепить свое царство на их твердой вере, и выполнять его приказы по слову апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»¹⁴. Итак, то со стороны духовенства и мирян, стоящих там, пусть будет в один голос заявлено: «Да будет так! Пусть будет так, аминь»¹⁵.

Но наибольший интерес вызывает сопровождающая молитва, по своей сути являющаяся программой действий для монарха, как главы христианской империи: «Тогда один из епископов, склонив истово голову, должен читать эту молитву: «О, Господи, Ты, кто правит царством всего мира, благослови князя нашего и с этим благословением даруй ему славу, чтобы он мог держать скипетр Давида, а его заслуги были признаны достойными славы. Даруй ему доброту, дабы через вдохновение Твое он мог управлять народом, как Ты позволил Соломону получить мирное королевство. Пусть он всегда будет повиноваться Тебе в страхе, и пусть он всегда будет служить Тебе. Пусть щит Твой накроет его, <...> и пусть он победит во всем мире через милость Твою. Даруй ему честь стать превыше всех правителей всех народов. <...> Пусть народы воздают хвалу его славе. Пусть для всех народов он будет велик духом. Позволь ему быть непогрешимым судьей в своем королевстве. Пусть его богатства превосходят все остальные. Пусть его подданные плодятся и дают ему детей на будущее. Предоставь ему долгие лета жизни, и пусть правосудие царствует в его дни. Пусть он прочно удерживать престол правления от Тебя. И пусть он будет удостоен Царства Небесного с радостью и справедливостью. Во веки веков»»¹⁶.

Далее текст предусматривает две следующие друг за другом молитвы, которые тоже содержит немало ветхозаветный аллюзий и толкований сути деятельности императора-христианина. Для большей наглядности представим их в виде таблицы № 1.

¹⁴ Один из постулатов паулинизма, легший в основу всей христианской концепции взаимоотношений власти и общества, как взаимного служения. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно заняты» // Рим. 13—1—6.

¹⁵ Mainzer-Ordo. S. 96.

¹⁶ Ibid. S. 96—97.

<p>«Всемогущий и вечный Господь, Создатель всего сущего. Правитель ангелов. Царь царей. Господь правящих. Ты, кто сотворил верного Авраама, раба Твоего, даровав ему победу над врагами; Ты, кто даровал столь много побед Моисею и Иисусу Навину, вождям народа; Ты, кто поднял на вершину царства Твоего одного покорного, юношу Давида, и Кто наделил Соломона невыразимым даром мудрости и миротворчества: прими, мы просим Тебя, молитвы нашего смирения и умножь дары благословения Твоего на раба Твоего (имя), которого мы избрали королем в испрашиваем преданности. Держи его повсюду руками силы Твоей, чтобы в вере своей он мог говорить, подобно Аврааму. Усилен был твердостью Моисея, укреплен мужеством Иисуса Навина, высок в смирении Давида, наделен мудростью Соломона, да будет принят Тобой во всех делах. Пусть он всегда идет по пути справедливости. Пусть он воспитывает, учит, укрепляет, и поручает церкви Твои, и народ будет един с ним. И до всех врагов, видимых и невидимых, пусть он донесет завет Твоей добродетели для царской власти. С помощью Твоей пусть спасет свою душу на согласие истинной веры и мира, дабы подчинить народы для прославления любви Божьей, чтобы он мог состраданием Твоим заслужить восхождение на отчий трон. <...> Пусть он принесет кару для тех, кто изменит Твоей власти, но пусть он принесет радость мира тем, кто служить Тебе. Через Господа Нашего, Который разрушил ад силою Святого Креста и завоевал Царство Небесное и победно вознесся на небо. В победе заключается власть каждого правителя, и эта сила есть не что иное, как слава смиренных, жизнь и мир народов, которые живут с верой в Тебя».</p>	<p>«Тогда молитва может быть произнесена устами другого епископа: “Господь, невыразимый творец мира, создатель человечества, правитель вселенной, сила царствования, Тот, кто избрал царем земным из чрева Своего верного, Патриарха нашего Авраама, по молитвам святых даруй благословение нынешнему правителю <...> и крепко привяжи его к престолу Царства Твоего. Явись ему, как явился Моисею в горящем кусте, как явился Иисусу (Навину — С.П.) в бою, Гедону на поле, и Самуилу в храме. Накрой его небесным благословением и осыпь его росой Твоей мудрости, которую псалмопевец Давид и Соломон, его сын, получили с высоты щедрости Твоей. Против армии врагов будь как кольчуга для него. Будь шлемом в несчастье, в смирении, в процветании, прочным щитом, чтобы защитить его, и допусти верные народы к нему и лучших людей, чтобы он мог узнать мир, любовь, милосердие, воздерживаться от жадности, провести к правосудию и не скрывать истину. Тем самым народ сей пусть увеличивается под его властью и всегда остается радостным победителем в мире во веки веков”».</p>
---	---

* Mainzer-Ordo. S. 97.

** Ibid.

Следующее затем помазание святым елеем «на голове, груди, между лопатками и на обеих руках» сходно с традицией, заложенной Хинкмаром (она, в свою очередь, восходит к христианским таинствам). Столь же типична и последующая молитва, где, в частности, говорится: «...Господи, этим маслом помазания, которым помазал Ты священников, королей и пророков, помажь его сердце любовью к милости Твоей, дабы приведя людей на путь истины <...>, он, возможно, заслужил награду вечной радости. Во веки веков...». «Да воскреснет Бог, Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, который был помазан Отцом Своим святым елеем помазания, так через настоящее соборование получено благословение Духа

Святого на главу, и пусть Дух Святой проникает в самые сокровенные области твоего сердца так, чтобы затем ты справедливо правил в своем королевстве, и мог заслужить царствовать вечно с Ним, Царем Царей, Который один жил без греха, и прославлять совместно с Ним Бога-Отца»¹⁷.

Поэтому отдельного внимания заслуживают принципиально новые элементы ритуала — процедуры вручения и благословения меча как оружия высшего уровня (в сравнении с копьем и щитом). Благословение оружия (*benedictio vexilli bellia*), согласно авторитетному мнению Ж. Флори, датируется серединой X в. (950—964 гг.) и характерно для Германской империи. «Речь идет, по всей вероятности, о благословении, произносимом над воинскими знаменами королевской или императорской армии в момент ее выступления на войну с язычниками. То есть его этика направлена против врагов королевства, рассматриваемых как “мятежные народы”. У Бога просят, чтобы он был грозным к врагам христианского народа и даровал победу тем, кто ввергается ему»¹⁸.

Ordo Майнца во многом подтверждает эту точку зрения, предписывая императору следующие модифицированные формулы, являющиеся закреплением воинской этики, поднявшейся до уровня христианской, но строго соблюдающего принцип «Богу — Богово, кесарю — кесарево»: «Затем он (император. — С.П.) получает меч из рук епископа, и стоя с мечом пусть знает, что все его правление может заслужить высокую оценку только при соответствии с указанными ниже словами: <...> Получи меч из недостойных держать его рук епископов, власть которых освящена святыми отцами»¹⁹. Управляй благословением нашим и употреби власть для защиты Святой Церкви Божией. И помни про себя то, что псалмопевец пророчествовал, говоря: “Препояшь свой меч...”²⁰, чтобы <...> защитить святую Церковь Божию и верных ей, и уничтожать во имя веры все беззакония и врагов имени Христа <...>. Оказывай помощь и защищай вдов и сирот. Восстанови места, которые пусты, и сохрани то, что было восстановлено. Наказывай справедливо, и подтверди то, что было правильно, и ты сможешь заслужить царствовать вечно со Спасителем мира...»²¹.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства / Пер. М.Ю. Некрасова, науч. ред. Ю.П. Малинина. СПб., 1999. С. 163.

¹⁹ Любопытна и еще одна редакция. «Прими меч из рук епископов, пусть недостойными руками <...> станешь бесконечно достойным» // Mainzer-Ordo. S. 96. По сути, это означает полное очищение от предыдущих прегрешений посредством инаугурации, что не может не наводить на мысль о крайне высокой (насколько это было возможно) степени теизации церемониала.

²⁰ «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею» // Пс. 44:4.

²¹ Mainzer-Ordo. S. 96.

Любопытно, что ниже протокол предписывает полное вооружение императора: «Опоясан мечом и всем другим оружием...»²², — деталь, которая не встречается в ординариях французской или англо-саксонской (не говоря уже о норманнской) моделях²³. Однако главным остается вручение меча как основного символа власти светского правителя. Оно обогащено рядом формул, которые впоследствии станут общими местами рыцарской этики, и в этом, на наш взгляд, заключается одно из проявлений значения рукописи 960 г., получившей, таким образом, общеевропейское распространение. Упомянутый перифраз «Псалмов» означает просьбу епископа к императору взять меч, который самим Господом предназначен для защиты веры и Церкви. Именно ради последней монарх сражается, но при этом защищает не только клир, но и всех христиан, поскольку его мир — это мир единоверцев. Более того, все враги веры (тайные и явные, внешние и внутренние) должны быть уничтожены — это прямая задача императора, который оказывается в некотором роде «на службе» у Церкви. Наконец, сутубо «рыцарский» элемент — защита вдов и сирот — совершенно новый сюжет в западноевропейских ординариях. В итоге на покровительство императора-христианина могут надеяться: клир, мирское сообщество в целом и все страждущие. Понимание ищущих защиты и рассчитывающих на него лишено социального и имущественного начал, равно как и иерархического, сословного толкования. Разумеется, в конце X в. сословный строй еще не сложился окончательно в его классическом понимании, однако и в последующих, например, капетингских ординариях, все упомянутые градации тоже будут отсутствовать, по-прежнему предаваясь самой обобщенной риторике.

Последующие за вручением меча благословения коронационного кольца, скипетра и короны выдержаны в духе западнофранкских *ordines* и *ordo* Фулрада, однако есть вероятность того, что формулы передачи скипетра в редакции Майнца могли оказаться в основе инаугурационного протокола английских королей²⁴.

Что касается коронации, то сопровождающая ее формула примечательна дифференциацией полномочий императора и епископа: первый только сопричастен священству, но не отправляет его обязанности («вне» и «внутри», как указывает текст). При этом император, как и ранее, выступает в качестве защитника Церкви. Скипетр, со ссылкой на

²² Ibid.

²³ Возможно, это были щит и копьё. Как указывает А. Говард, в качестве последнего могло выступать т.н. Святое Копьё, известное как «копьё Лонгина», что максимально сакрализовало власть главы Священной Римской империи. См.: Howard A.L. The Holy Lance and the Hereditary German Monarchy // Art Bulletin. 1966. № 48. P. 177—192.

²⁴ Флори Ж. Указ. соч. С. 157.

Кольцо	Скипетр	Корона
<p>«Прими кольцо королевского достоинства, и знай, что оно есть символ католической веры, поскольку сегодня ты рукоположен головой как князь царства и народа, <...> защитник христианства и христианской веры. Будь счастлив, крепок в вере в Царя Царей...»¹.</p>	<p>«Прими скипетр добродетели и справедливости, и знай, что это символ поддержки слабых, укрепления нетвердых, наставления благочестивых и заблудших от пути истинного, помощи падшим, укрощения гордых и поощрения смиренных. И поскольку Господь наш Иисус Христос сказал о себе: «Я есмь дверь: если кто войдет Мною, тот спасется»², пусть Господь Наш откроет двери для тебя. И он (скипетр. — С.П.) является ключом Давида и скипетром дома Израилева. Он открывает дверь, и никто не сможет закрыть ее. Он закрывает дверь, и никто не может закрыть ее. И он может быть твоим ключом, который освобождает закованных от тени и мрака смерти. Желаю тебе во всем следовать Тому, о ком пророк Давид угадал: «О Боже, ты жезл, справедливости»³ <...>. И подобно ему, возлюби справедливость и удерживай беззаконие в ненависти, так как для того Бог помазал и Тебя, Бог твой, Которым еще до того времени тебя окрестили елеем как всех причастных Иисусу Христу, Господу Нашему, Кто живет и царствует во веки веков»⁴.</p>	<p>«Получи венец Царствия, которое помещают на голову твою недостойные руки епископов, и знай, что это символ славы, святости, чести, и мужества. И посредством его ты станешь нашим соучастником, подобно тому, как мы — пастыри душ внутри Церкви, так и ты вне ее станешь истинным пастырем Божиим и наставником, и защитником церкви Христовой от всех невзгод. И пусть у тебя всегда появляются нужные помощники, и преумножай дано тебе Богом королевство, и стремись правильно управлять им с нашего благословения, что действительно от апостолов и всех святых, что наделены драгоценными добродетелями и увенчаны наградой истинной веры, с ними ты можешь бесконечно славить имя Иисуса Христа, Искупителя и Спасителя...»⁵.</p>

¹ Mainzer-Ordo. S. 98.

² «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет и выйдет, и пажить найдет» // Иоан. 10:9.

³ «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего» // Пс. 44:7.

⁴ Mainzer-Ordo. S. 99.

⁵ Ibid. S. 100—101.

царя Давида, традиционно является символом справедливого правления и суда, дополняя образ идеального монарха в его классическом понимании²⁵ (таблица 2).

Таким образом, резонно говорить о достаточно развитом этическом элементе, который может быть условно разделен на пункты. Первый из них прослеживается в молитвах епископов за посвящаемого императора. От последнего требуется: хранить приверженность Католической Церкви и выступать в качестве справедливого правителя. Ему вменяется защищать церкви и весь клир, в согласии с обычаями «отцов своих», т.е. по праву наследования, легитимно подтвержденного, оберегать государство. Отсюда берет начало второй пункт императорской этики о короле-защитнике, за которого столь много возносятся молитвы епископов. Ему созвучен и третий, понимающий корону как венец справедливости и благочестия («символ славы, святости, чести, и мужества»). Последующие составляющие связаны с вручением регалий, символика которых объясняется в свете идей о защите веры, Церкви и клира. Сложно определить причину подобной постоянно повторяющейся аргументации, хотя Оттоны во многом опирались на Церковь. Однако раздавая последней привилегии, они сохраняли над ней известный контроль²⁶, возможно, в данном случае речь идет о защите покорной императору структуры. Последним логично объяснить прописанное в *ordo* Майнца сходство между полномочиями светского правителя и священнослужителя. О защите мирян прямо говорится лишь один раз — во время вручения меча, когда упоминаются вдовы и сироты. Во всех остальных случаях употребляется общая терминология без какого-либо социального контекста.

Когда в литургическом скриптории аббатства св. Альбана будет составлен вобравший в себя все редакции оттоновских ординариев «Романо-Германский служебник»²⁷, он окажет значительное влияние на генезис инаугурационного церемониала в донорманнской Англии²⁸ и капетингской Франции²⁹, а также на каноны рыцарской этики, черпающей свои начала в монархической системе ценностей.

²⁵ См. подробнее: Lander G.B. Images and Ideas in the Middle Ages: Selected Studies in History and Art. 2 vols. Roma, 1983.

²⁶ Leysen K. Ottonian Government // English Historical Review. 1981. № 381. P. 721—753; *Idem*. Medieval Germany and Its Neighbors. 900—1250. London, 1982.

²⁷ Le Pontifical romano-germanique du dixième siècle / Éd. de C. Vogel, R. Elze: 3 vols. Rome, 1963—1972.

²⁸ Ward P.L. The Coronation Ceremony in Medieval England // Speculum. 1939. № 14. P. 171—173.

²⁹ Bouman C.A. Op. cit. P. 176—187.

Osoba panska umiera, korona nie umiera: французские коннотации польского политического церемониала

В день Сошествия Св. Духа 21 февраля 1574 г. в Кракове, в стенах Вавельского собора архиепископ, интеррекс и примас *Regnum Poloniae* Якуб Уханский короновал 23-летнего французского принца Генриха Валуа на польский престол: этот факт является пусть в своем роде единственным, но хрестоматийным для истории Польши. Не менее широко известен и инцидент, произошедший во время церемонии, когда, прервав последнюю, глава польских протестантов — великий коронный маршал Ян Фирлей — с фразой на латыни “*Jurabis, rex, promisisti*” («Поклянись, король, ты обещал») вынудил новоявленного монарха подписать три документа, известные как «Пакты» и «Генриховы артикулы». Они во многом определяют дальнейшее развитие страны, «золотые шляхетские вольности»¹, что заставляет исследователей до сегодняшнего дня расходиться в оценках этого шага: их амплитуда колеблется от интегративных до стагнационных теорий.

Однако в данном случае речь пойдет об иных последствиях, а именно об отклике польского политического церемониала (прежде всего, королевской инаугурации и похорон) на наиболее законченное его проявление — французскую (ранее — франкскую) традицию. В силу целого ряда причин он являлся маркером для всей католической Европы, и Польша не стала исключением из данного правила.

Прежде всего, это проявилось в инаугурации. Разумеется, генезис ее кульминационных ритуалов — помазания и коронации польских монархов — сложился задолго до избрания Валуа на престол Пястов. К концу XVI в. церемониал, как и всякий иной, оформился в драматургию жестов и слов, соответствующих сакральной задаче теизации и легитимации высшей политической власти. Польские коронационные чины (*ordines coronationes*) как официальный протокол инаугурации в своей основе сложились одновременно с французским аналогом — в XIII в., берут начало в правление Пржемысла II² и продолжают вплоть до коронации Станислава II Августа³.

¹ См.: *Champion P. Henri III, roi de Pologne (1573—1574)*. Paris, 1943.

² Пржемысл II, происходивший из рода великопольских Пястов, в стремлении присоединить Малую Польшу покинул ее столицу, Краков, и увез регалии Болеслава II, хранившиеся в Вавельском замке. Среди них имелся и венец Болеслава I. Это дало Пржемыслу II легитимные основания короноваться в древнем Гнезненском соборе 26 июня 1295 г. См.: *Acta Poloniae Historica*. Semper, 2007. Vol. 95. S. 250.

³ Она состоялась 25 ноября 1764 г.

При этом польские *ordines*, хранящиеся в Краковском соборе и датируемые концом XIV в.⁴, содержат не только французские ритуальные и литургические элементы. Исследователи обнаруживают в рукописях с королевским инициалом “W”⁵ заимствования из немецких и даже английских чинов⁶. В XV в. некоторые дополнения были взяты из знаменитого «Понтификала» Г. Дюрана 1357 г.⁷ В итоге объемы *ordines* увеличились вдвое, что их исследователи связывают с коронацией Владислава III 25 июля 1434 г., порядок которой стал, в свою очередь, основой для протокола инаугурации чешских государей⁸. Кроме того, в *ordo* Владислава (*ordo coronandae reginae*) прослеживаются и английские параллели, равно как и заимствования от немецкого чина⁹.

Все описанные в них процедуры содержат и общий христианский контекст, типичный для католической традиции *imitatio Dei*. Как и все западноевропейские монархи, польский король накануне инаугурации держал пост, исповедовался и раздавал милостыню. Дополнительной особенностью является паломничество (крестный ход) из Краковского (Вавельского) королевского замка до церкви св. Станислава, известное как «Королевская дорога». Монарху полагалось идти пешком, в полном одиночестве и молчании, что можно расценить и как акт сосредоточения на предстоящей церемонии, и как пример покаяния за гибель архиепископа Краковского от руки Болеслава II¹⁰. Данный жест смирения и самообладания становился достоянием всего города, делая фигуру короля открытой, публичной и, одновременно, привлекательной для подданных.

⁴ *Ordo coronandi regis Poloniae* / Wyd. S. Kutrzeba // Archiwum Komisji Historycznej. Kraków, 1909—1913. Т. XI. S. 133—216. Заметим, что начало как публикации ординариев, так и разработки сюжетов коронации польских монархов в рамках активного развития национальной историографии конца XIX—начала XX в. положили А. Краусхар и С. Кутшеба. См.: *Kraushar A. Klejnoty koronne Polski // Przewodnik Naukowy i Literacki. Warszawa 1896. Т. XXIV. S. 74—90; Kutrzeba S. Koronacje królów i królowych w Polsce, Warszawa, 1918.*

⁵ *Wladislas* — т.е. Владислав III.

⁶ *Zródła polskiego ceremonialu koronacyjnego* / Wyd. S. Ktrzeba // *Przegląd Historyczny. Warsaw, 1911. Vol. 12. S. 285—307.*

⁷ *Koronacja królów i królowych w Polsce. Warsaw, 1918.*

⁸ *Schramm P.E. Das polnische Königtum // Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Statssymbolik. Stuttgart, 1956. Vol. 3. S. 939—962.*

⁹ *Ordo coronandae reginae* / Ed. S. Kutrzeba // *Corpus iuris Polonici* / Ed. O. Balzer. Warsaw, 1906. Vol. 3. S. 208—212.

¹⁰ Согласно агиографии св. Станислава (Щепановского), Болеслав, обвинив архиепископа в измене, ударил пастыря мечом и разрубил его тело на части. Однако плоть подвижника чудесным образом срослась, знаменовав тем самым будущее Польши: разделенная князьями, она вновь объединится. В 1253 г. Станислав был канонизирован папой Иннокентием III и признан святым покровителем Польши. См.: *Calendarium Romanum. Vaticana, 1969. P. 122.*

Далее мы встречаем прямые аналогии франкских и созданных на их основе французских *ordines* XIII в. Они касаются комплекса ритуалов пробуждения короля. Как и в капетингских *ordines coronationes*, польский государь в молитвах проводит ночь в Вавельском соборе, утром в сопровождении процессии из своего ближайшего окружения идет в Вавельский замок¹¹. Сходным образом предписывается действовать и французскому монарху: «Он (король. — С.П.) провел часть ночи в соборе с несколькими молодыми сеньорами, сходными с ним в летах <...>, обычай предписывал им не выходить из собора, но эту строгость смягчили из милосердия к их возрасту <...>. Через некоторое время после наступления утра они ушли из притвора»; «В субботу, в канун воскресенья, когда король должен быть посвящен и коронован, после его причастия поверенные посланцы посылаются к государю вместе с охраной. Затем в молчании ночи король приходит молиться в собор и остается в молитве столь долгое время, как пожелает. Охрана короля должна следить за входом в собор и остальными воротами, чтобы они были прочно закрыты, дабы, согласно обычаю, ночь прошла в полной тишине. Бесшумно король должен пройти в собор читать “Вечно всемогущ Господь” и провести остаток времени в каких ему будет угодно молитвах. Поют заутреню. Затем звонит *Prime* (первый колокол к заутрене. — С.П.)»¹².

Далее же прослеживаются весьма любопытные разногласия, наличие которых заставляет задуматься о значительной теизации власти польских государей. Так, краковские *ordines* предписывают королю ждать делегацию епископов для последующего препровождения на инаугурацию, что вполне перекликается и с французской традицией: «И они (епископы Лана и Бовэ. — С.П.) отправятся за принцем, который должен принять посвящение в главные покои [*in camera magna*], где он находится на подготовленном для этого ложе в положение полусидя или полулежа»¹³. Подобным же образом ждет их и польский король, но при этом он оказывается облаченным по епископскому литургическому чину и сидит-полулежит не в постели, а в епископском кресле в сандалиях, оплечье, манипуле, столе, далматике, мантии, перчатках и омофоре¹⁴. Следует заметить, что и последний корона-

¹¹ *Ordo coronandi Regis Poloniae*. S. 162, 175.

¹² *Godefroy Th. Le ceremonial francois*. Paris, 1649. T. 1. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrees soulennes et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Theodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. P. 191.

¹³ *Ibid.* P. 195.

¹⁴ *Ordo coronandi Regis Poloniae*. S. 175, 185; *Dłudosz J. Historia // Opera* / Ed. A. Przedziecki. Cracow, 1873—1878. Vol. 13. S. 546.

ционный чин 1764 г. предписывал облачить Станислава II Августа: в «сандалии, тунику, сорочку для хиротонеи, амик, альбу, далматику и каппу»¹⁵. Это дает основания полагать, что и Генрих Валуа был одет соответствующим образом. Затем протокол предписывал архиепископу Краковскому подойти к королю, окропить его святой водой и обдать благоуханием ладана из кадила, протянуть руку и помочь подняться. Тем самым ритуал ничем не отличается от посвящения самого князя Церкви — почесть, зафиксированная протоколом и для французской короны. Затем короля от дворца к собору под руки практически несут два епископа («...Епископы (Лана и Бовэ, что являлось их привилегией. — С.П.) <...> поднимают короля с постели и, поддерживая с правой и левой стороны, ведут в собор»¹⁶, — предписывает капетингский чин).

Дальнейшее развитие событий вновь демонстрирует особенности польской традиции. Дело в том, что регалии (знамя, скипетр, державу и коронационный меч¹⁷) протокол указывает Великому маршалу и его приближенным нести, высоко подняв на подушках или золотых подносах направленными вниз: скипетр и державу — главой, меч — острием, а знамя — еще и свернутым¹⁸. Это был жест, не нуждающийся в дополнительных комментариях, — монарх еще не помазан и не коронован, а потому регалии не принадлежат ему по праву. Подобного рода процедурное решение не прослеживается во французских протоколах — регалии «ждали» короля на алтаре Реймского собора.

Польские же регалии вносились в Вавельский собор и размещались на его алтаре в ходе церемонии, а король, проходя мимо высшей церковной и светской знати (приглашение иных лиц на королевскую ина-

¹⁵ *Ordo coronandi Regis Poloniae*. S. 195. Хотя исследователи не исключают, что в течение XVIII в. использовалось только епископское кресло, и для Станислава II Августа было сделано, учитывая политический контекст его коронации, исключение. См.: *Gieysztor A. Spektakl i liturgia — polska koronacja królewska // Kultura elitarna a masowa w Polsce późnego średniowiecza / Pod red. B. Gieremka, Wrocław, 1978; Idem. Gesture in the Coronation Ceremonies of Medieval Poland // Coronations Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J.M. Bak. Berkeley—Los Angeles—Oxford, 1990. P. 152–164*

¹⁶ *Godefroy Th.* Op. cit. P. 195.

¹⁷ Коронационный меч польских государей — знаменитый «Щербец» — считается единственной из сохранившихся до настоящего времени регалией Пястов. Легенда приписывает ему зазубрины, оставшиеся от попытки Болеслава I вонзить его в Золотые ворота Киева в 1018 г. Однако орудие датируется только XIV в., что согласуется с данными нарративных источников, сообщающими, что он использовался на коронации Владислава I в 1320 г. См.: *Swoger G. The Strange Odyssey of Poland's National Treasures, 1939—1961. Toronto, 2004. P. 21, 53, 61, 77, 93, 141, 158, 163.*

¹⁸ *Dludosz J.* Op. cit. P. 33.

угурацию не было принято и во Франции, превращая его в сугубо элитарное зрелище), усаживался в кресло, расположенное рядом с алтарем. Из контекста французских чинов, которые напрямую ничего не пишут о подобном, очевидно, что посвящаемый монарх все время стоит в полный рост или коленопреклоненный (или ложится плашмя в ходе ритуала королевской прострации¹⁹).

Польский король, в любом случае, тоже сидит недолго. Он встает, чтобы принести клятву верности Церкви, которая в лице архиепископа Краковского спрашивает мнения собравшихся, и те отвечают торжественной аккламацией: «Советуем!» (*Radzi, radzi, radzi!*)²⁰. Французские *ordines* отличаются немногим. Уже с правления Людовика II сформировался ритуал прошения епископов к королю и его ответное обещание Церкви — *promissio*²¹, затем в ответ на призыв архиепископа «если это вам по нраву, откликнитесь своими голосами», следуют возгласы одобрения — *collaudatio*. Однако они претерпели значительное изменение, когда вместо воинственного франкского приветственного клича «Хайе!» и выкриков «Мы желаем его!» и т.д. совместно произносилась *Te Deum laudamus* — одна из центральных молитв Литургии²². Последнее обстоятельство заставляет характеризовать эту часть ритуала как более архаичную в польском варианте.

Кульминацией церемонии в обоих случаях выступало помазание. Вот как предписывается оно французской стороной. Производясь после вручения коронационного меча (поскольку это исключительно светская воинская регалия), оно имеет следующий порядок. «Архиепископ выливает миро на дискос и золотой иглой освящает его Святым Елеем из Святой Склянки, посланной небесами, которую аббат Св. Реми возложил на открытый алтарь, тщательно подготовленное миро берется с дискоса пальцем, чтобы помазать короля, единственного из всех королей земли удостоенного славной привилегии быть помазанным елеем, явленным с небес. Помазание готово, и король должен быть помазан архиепископом, для чего разрезы на рубашке должны быть

¹⁹ «*Prostratio regis*: должно (королю. – С.П.) подойти со священником к алтарю и крестообразно простереться перед ним и подняться перед преподобным архиепископом» // Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary). См.: Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. № 57. P. 350.

²⁰ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 185. Об этом же пишет и Галл Аноним. См.: *Kürbis B. Polskie laudes regiae w kronice Anonima Galla* // Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. S. 299–311.

²¹ Ordo coronationis Karoli II. In regino Hlotharii. Factae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 156.

²² Ibid.

расшнурованы спереди и сзади, <...> Архиепископ помазывает в первую очередь голову, во вторую — грудь, в третий раз — между плеч и сразу сомкнутые руки — в четвертый, и каждый раз поизносит: “Помазываю тебя на царство Священным Елеем во имя Отца, Сына и Святого Духа”. Все говорят “Аминь”»²³.

В Вавельском соборе протокол предписывает двум аббатам в митрах вынести из придела большую золотую чашу, наполненную освященным Елеем и поставить над ней навес. Взмахом правой руки архиепископ помазывает королю голову, грудь, плечи и кисти рук. *Ordo* требует полной тишины и неподвижности от собравшихся (примечательно, что во французских чинах такого отдельного дисциплинарного положения нет)²⁴. Но более примечательная разница состоит в том, что французские короли, единственные из западноевропейских, помазывались Священным Елеем из т.н. Священной СклЯнки, по легенде, принесенной Св. Духом в виде голубя во время крещения Хлодвига. Именно поэтому помазание оказывалось напрямую сакральным, максимально теизируя власть государя. Польские монархи не имели столь значимой поддержки, компенсируя ее отсутствием епископским облачением.

Далее следовало вручение регалий, первой из которых был меч; данный факт вызывает вопрос о платье короля. Видимо, раздевшись для помазания, посвящаемый монарх оставался в сорочке для хиротонии и впоследствии переоблачался в светский костюм. Важность этой детали в том, что первым в череде регалий вручался меч, который не приличествовал лицу в духовном одеянии. Любопытно, что *ordines* предписывают монарху не только принять меч из рук архиепископа, но и прочертить им в воздухе крест на все стороны света (*Et rex accepto ense vibrat illum*), затем вернуть в ножны и передать оруженосцу с тем, чтобы тот опоясал его с формулой «Приими меч» (*Accipe gladium*)²⁵.

Затем следует вручение аналогичной с французской традицией регалии — коронационного кольца, надеваемого на безымянный палец правой руки, — и отсутствующей — армиллы, надеваемой на шею и оба запястья²⁶.

Процедура коронации имеет совсем иную символику жестов: над коленопреклоненным государем держат корону два епископа, с помо-

²³ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789 / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.

²⁴ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 187—188.

²⁵ Ibid. S. 204; *Dhudosz J. Op. cit.* S. 645.

²⁶ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 205. Примечательно, что вручение армиллы сохранилась у английских королев. См.: *Nelson J.L. Politics and Ritual in Early Medieval Europe.* London, 1986.

щью которых архиепископ Краковский опускает ее на голову монарха²⁷. Ни о каком участии магнатории польские *ordines* не упоминают, хотя, по верному замечанию А. Гейштора, визуальный материал, в частности, миниатюры рукописей XVI в., иллюстрирующие коронацию Яна Казимира 1649 г., позволяет предположить косвенное участие светской знати в коронации: два ее представителя держат наготове скипетр и державу²⁸. Но все же они ритуально отделены от сферы сакрального, в то время как французская традиция предписывает отдельный акт, получивший название «ритуал прикосновения к короне». «После прочтения молитвы канцлер, если он присутствует, или в противном случае архиепископ вызывает пэров. Первыми — миряне, затем — священнослужители, которым следует выйти и встать кругом. Архиепископ берет корону с алтаря, возлагает (ее. — С.П.) на голову короля и только тогда, когда она находится над (головой. — С.П.), духовенство, а также миряне протягивают руки, и все вместе пэры поддерживают (корону. — С.П.). Тогда архиепископ произносит молитву, держит корону достаточно высоко над королевской головой»²⁹. Примечательно, что только после совместного прикосновения к ободу коронационный венец опускается. Перед нами некий символический паритет светского и церковного начал в наделении монарха главным достоинством власти. Важно и то, что светские пэры стоят по правую руку от государя, а пэры Церкви — по левую; данное разграничение демонстрирует принципиальное разделение полномочий³⁰. Вавельская церемония утверждает бóльшую теизацию потестарных полномочий монарха, в качестве исключительно священнической прерогативы.

Причины этого кроются, возможно, в том обстоятельстве, что сама регалия — корона Пястов (*corona privilegiata*) — была утрачена. Она приписывалась Болеславу I, впервые увенчанного ею в 1025 г. Однако в 1036 г. ее увезла в Германию невестка Болеслава Рыкса Лотарингская. Изготавливаемые копии нередко становились объектами притязаний со стороны претендентов, боровшихся за престол³¹. В 1320 г. появилась новая реплика короны, но Людвик Венгерский (Лайош I), опасаясь усобиц, вывез все регалии Пястов (корону, державу, скипетр и меч) в г. Буду — столицу объединенного польско-венгерского государства. Они вернулись в Краков только в 1412 г. усилиями Владислава II Ягелло и поме-

²⁷ *Ordo coronandi Regis Poloniae*. S. 205.

²⁸ *Gieysztor A. Gesture in the Coronation Ceremonies*. P. 159—160.

²⁹ *Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois*. P. 302.

³⁰ Это не единственное свидетельство активного участия представителей светской знати, в частности, шести пэров, в инаугурации.

³¹ *Rożek M. Polskie insygnia koronacyjne. Symbole władzy państwowej*. Kraków, 2011.

щены в церкви Св. Марии³². Эти перипетии позволяют исследователям с уверенностью утверждать существование многочисленных реплик *corona privilegiata*, изготавливаемых как по практическим причинам во время ее отсутствия, так и из суеверных соображений во время ее недолгого нахождения в Польше³³. В подобных условиях санкция со стороны Церкви в ритуале коронации была совершенно оправдана.

Возвращаясь к теме тождеств и различий польской и французской инаугурации, заметим, что ее дальнейшее развитие повторяет основные ритуалы двойной Евхаристии короля, «поцелуй мира» и интронизацию. Двойная Евхаристия, доступная только священникам, — *super oblata* — более чем явно подчеркивает исключительный статус государя как мирянина и посвященное лицо одновременно: «Затем король целует Евангелие и рукой архиепископа причащается хлебом и вином»³⁴. «Поцелуй мира» — *pax tecum, osculum pacis* — является частью практики *Imitatio Dei*: король «...целует архиепископа, который поздравляет и наставляет государя с ответным поцелуем»³⁵. Интронизация, т.е. публичное восшествие на трон является актом вступления в потестарные права: «Архиепископ, держа короля за руку, подводит его к трону и с фразой: “Посвящаю тебя на единоличное правление”, усаживает его. Затем он трижды повторяет “Да здравствует король вечно!” (*Vivat Rex in aeternum!*), ему вторят все пэры и присутствующие в соборе»³⁶; или «И затем восхваляет (его) весь клир и народ, и каждый провозглашает: “Да здравствует король счастливо вечно!” (*Vivat rex feliciter in sempiternum*). Трижды провозглашается: “Да здравствует король над нами!” (*Vivat rex ut supra*)»³⁷. Краковские *ordines* аналогично указывают монарху, чтобы он вззошел по ступенькам на трон при содействии епископов, архиепископ усаживает его на трон, произнеся *Stare et retine*, дает ему поцелуй мира и после мессы провозглашает его королем, трижды восклицая *Vivat rex!*, что трижды повторяется присутствующими³⁸.

³² Dłudosz J. Op. cit. S. 144.

³³ Завершая обзор, следует заметить, что в XVI в. корона видоизменилась: она была увенчана двумя скрещенными арками с шаром и крестом на навершии, что символизировало единство Речи Посполитой. Однако при ее третьем разделе *corona privilegiata* была конфискована Пруссией и переплавлена в 1811 г. в условиях планов Наполеона Бонапарта относительно Польши. См. подробнее: *Estreicher C. The Mystery of the Polish Crown Jewels. London, 1945; Schramm P.E. Op. cit. S. 957, 986; Gieysztor A. Non habemus Caesarem nisi regem: La couronne fermée des rois de Pologne à la fin du XVe et au XVIe siècle // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1969. Vol. 127. P. 5—26.*

³⁴ Paris Bibl. Nat. P. 358.

³⁵ Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. P. 250.

³⁶ Godefroy Th. Op. cit. P. 17.

³⁷ Paris Bibl. Nat. P. 358.

³⁸ Ordo coronandi Regis Poloniae. S. 206—2107.

Еще более значительные параллели прослеживаются в церемонии королевских похорон, с той разнице, что польская традиция размещала похоронную и инаугурационную церемонии максимально близко по времени, дабы не допустить анархии. Если присовокупить к тому принятые в Польше правила выборности монарха, то похоронная процедура нередко затягивалась относительно даты физической смерти короля. А вот инаугурация могла назначаться уже через день — в воскресенье (тогда днем похорон выступала пятница). Рано сложившийся во Франции принцип примогенитуры не оставил шансов такому порядку, хотя тело усопшего государя надолго выставлялось для публичного прощания.

Для обеих систем было характерно наличие королевских некрополей — собора святых Станислава и Вацлава в Кракове и аббатства Сен-Дени в Иль-де-Франс.

Что касается самой процедуры, то для нее уже с похорон Казимира III в 1370 г. свойственны ломание древков знамен и наличие представляющего покойного всадника — «безликого рыцаря»³⁹ (его лицо было закрыто забралом шлема)⁴⁰. «Он ехал на лучшем и любимом коне Казимира, покрытом “пурпурной” (а значит, надо полагать, королевской) попоной. На рыцаре был шитый золотом камзол покойного короля. Когда всадник вслед за знаменосцами въехал верхом в храм, хронист еще раз недвусмысленно подчеркнул: “рыцарь сей представлял персону сего короля”»⁴¹.

В известном более широко французском похоронном церемониале главный майордом (или канцлер) также ломает королевский жезл со словами «Король умер, да здравствует король!» (*Mortuus est autem rex salve rex, Le roi est mort vive le roi!*), а ближайшее окружение покойного ритуальным движением одновременно опускает свои жезлы в могилу⁴², иногда даже бросает их, знаменуя прекращение вассальных отношений⁴³. Польский ритуал тоже описывает сходную формулу преемственности власти: *osoba pańska umiera, korona nie umiera*⁴⁴.

³⁹ О рыцарском облачении польских королей в ходе инаугурации см. исследование А. Надовски. См.: *Nadolski A. Uroczysty strój rycerski królów polskich XIV—XV wieku // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1973. Т. XXI. С. 305—313.*

⁴⁰ *Borkowska U. The Funeral Ceremonies of the Polish Kings from the Fourteenth to the Eighteenth Centuries // Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 553—516.*

⁴¹ *Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV—начала XVI в. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 688.*

⁴² Описание церемония королевских похорон во Франции см.: *Giesey R. Le roi ne meurt jamais. Paris, 1987; Бойцов М.А. Указ. соч. Гл. 4. С. 670—812; Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII—XV веков. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010. (по тексту).*

⁴³ *Цатурова С.К. Указ. соч. С. 380.*

⁴⁴ *Gieysztor A. Gesture in the Coronation Ceremonies. P. 153.*

Прощание — *rompa funebris* — происходило в крипте собора, затем тело подлежало захоронению, и иногда — перезахоронению. Так, Казимир III был торжественно перезахоронен его преемником Людвигом Венгерским с применением уже упомянутого ритуала «безликого рыцаря». Он публично заявил, что является покойным королем, затем рухнул со страшным шумом, сломав древко копья. Одновременно была сломана и королевская печать⁴⁵. Исторический контекст позволяет интерпретировать решение Людвига Венгерского как попытку присутствовать на похоронах своего дяди⁴⁶ для утверждения легитимности своих полномочий наследника по женской линии.

Резюмируя, следует выделить следующее. Во-первых, польская инаугурационная церемония отличается двумя во многом противоречивыми чертами: она более архаична в исполнении светских ритуалов (например, в приветственных аккламациях или регальных символах), но подчеркнута сакральна, обряжая короля по епископскому литургическому чину, практически исключая магнатию из участия в ритуалах и всячески подчеркивая роль Церкви в легитимизации власти монарха, получающего как священник право двойной Евхаристии. Во-вторых, королевские похороны хронологически максимально подведены к дате следующей инаугурации, — обстоятельство, вынужденное учитывать объективные сложности наследственного статуса королевской власти в Польше.

⁴⁵ *Czarnkow Joannis de. Chronicon Polonorum* / Ed. J. Szlachtowski // *Pomniki dziejowe Polski (Monumenta Poloniae historica)* / Red. A. Bielowski. Lwów, 1872. D. 2. S. 648.

⁴⁶ Мать Людвига Венгерского Елизавета приходилась сестрой покойному Казимиру III.

Заключение

Репрезентативные стратегии французской монархии формировались в течение IX—XV вв., благодаря чему выработанный комплекс протоколов (*ordines coronationes*) нашел продолжение в практической сфере в виде различных процедур, ритуалов и символов, сложившихся в отдельный церемониал высшей политической власти. Историческая связь ориентированных на осуществление растущих потестарных полномочий короны в процессе генезиса французского государства публично-правовых стратегий с образом власти прослеживается в протоколах, практиках инаугурационной церемонии (*le sacre royal*) и инаугурационного въезда (*l'entrée royale*). Кроме того, необходимо учитывать свод инаугурационных и прочих публичных клятв (*le serment*), а также обещаний (*promissio*) монарха как главы формирующегося *le corps d'Etat*. Исключительное значение для понимания сущности французской государственности имеет, в частности, т.н. «королевское помилование» (*la grâce royale*), рассматриваемое нами в качестве основного маркера динамики образа власти, демонстрирующего разворот восприятия монарха «от сюзерена к суверену».

Особенно важно соотношение силы традиции, проникновения и отторжения изменений в *imago* французского монарха, позиционируемого в качестве «христианнейшего короля» (*rex christianissimus*). Такими путями власть реализует свою публичную функцию и доносит до общества не только официальные решения, но и скрытую — подознавательную — составляющую, прослеживаемую на визуальном уровне восприятия «церемониальных ситуаций»¹.

Каждая из исследованных церемоний и составляющих их процедур (а часть из них настолько важна в своей показательности, что представлена отдельно: как, например, коронационные клятвы, обращения и молитвы при вручении регалий; ритуалы помазания и коронации) выступает в качестве аргументации вышеизложенного. Примечатель-

¹ Термин М.А. Бойцова. См.: Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV—начала XVI в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 813.

но, что это потребовало обращения не только к записям протоколов церемоний, но и к практике их реализации, зафиксированной в историческом нарративе и разноплановом актовом материале. Неизбежным оказалось привлечение трудов эрудитов более поздней эпохи, поскольку выяснилось, что только в период абсолютизма настало время для системного описания структуры и субординации королевского дома, форм и способов его связи с подданными. Не менее ценными являются реестры и описи, в которых сохранилось подробное изложение внешнего вида королевских регалий. Поэтому в качестве важных дополнительных репрезентативных источников выступили разнообразные труды, созданные в течение XVI—XVIII вв.

Несмотря на дискретность жанра постатейного материала, особое место заняли сюжеты, связанные с определением символики власти. Формирование и функционирование ее образов — от явного *imitatio Christi* до обращения к ветхозаветным образцам в инаугурационном церемониале — при отправлении правосудия позволяет говорить о неразрывности содержания внешнего облика монарха и его функций судьи, военачальника и т.д. Несомненной представляется смысловая наполненность кодировки символов жеста, цвета, размещения регалий, мизансцен протоколов, — всей семантики составляющей именно образ власти как для самого ее носителя, так и для ближнего круга государя и социума в целом.

Одно из самых примечательных проявлений связи процедурно-церемониального и публично-правового компонентов данного образа состоит в ее непрерывной динамике, когда изменения прерогатив монархии фиксируются в ее инаугурационном протоколе. Таковы, например, административная функция и функция правосудия: расширение прав короля на распределение и отчуждение земель своего домена, назначение высших должностей, помилование и освобождение подданных меняет формулировку коронационных клятв и обещаний. Подобная тенденция отмечена в переломные для Французского королевства периоды правления Людовика IX и Карла V, ознаменованные успешной реформаторской деятельностью, военными достижениями и новыми коронационными ординариями; одному из них, *ordo* 1364 г., отведен специальный раздел.

Дополнительный мотив — заданность инициатив Церкви или государства в формировании образа власти монархии, соотношения ее светской и сакральной природы. Применительно к Франции это означает обращение к фигуре архиепископа Реймского Хинкмара, заложившего постоянно расширяющиеся впоследствии основы королевского культа в его пространственном (аббатства Сен-Реми и Сен-Дени, Реймский собор как мест инаугурации) и процедурном (протоколы

первых *ordines*) решении. Исследуемый материал позволяет выявить очевидную *диалогичность*, тесную взаимосвязь интересов Церкви и короля. При этом *ecclesia* сразу зафиксировала предельную теизацию власти государя, разрешив семикратное помазание, а также максимально сходную с рукоположением прострацию, Евхаристию и пр. Королевская же власть — с расширением потестарных прерогатив монархии и формированием подчиненных ей институтов, — не отказываясь от сакральной составляющей, все более «*обмиричала*» процедуры инаугурации, вводя в них представителей из своего непосредственного окружения (не только светских пэров, но коннетабля, камергера и т.д.), актуализируя воинские регалии (таковым раз и навсегда останется коронационный меч, новой же инсигнией выступит «рука Правосудия»), заостря адресность молитв Литургии на собственной персоне. Анонимность протоколов не позволяет ответить на вопрос об авторстве прослеживаемых изменений, но налицо все та же диалогичность, согласованность с требованиями времени, быстрое реагирование на его перемены, когда ординарии выступают не застывшими, анахроничными в своей неизменности, а ориентированными на нововведения записями Литургии и протокола.

В итоге следует констатировать общность, единство публично-правовой, процедурно-церемониальной и сакральной природы королевской власти. Именно преодоление дискретности применительно к каждой из этих составляющих позволяет сгенерировать исследуемые аспекты проблемы: семантическую — коды и знаки французской монархии (регалии, символы, хроматическое решения); церемониальную — комплекс ритуалов и процедур как инструмента реализации властных полномочий и формы коммуникации власти с обществом; теистическую — понимание сакральной природы власти именно как способа осуществления не только политических, но и иных прерогатив (например, определенных ментальных стереотипов образа власти); правовую — изучение юрисдикции королевской власти посредством эксплуатации сформированных образов (например, милосердного монарха в реализации права королевского помилования, выраженного в соответствующем ритуале).

Такого рода концентрация проблемы позволяет раскрыть механизмы теизации власти как ее потестарной функции и, следовательно, определить ее как один из механизмов диалога государства и общества посредством сформированных образных представлений. Все это дает основания применить понятие *сила власти* и говорить об уровне и степени ее способности являть себя социуму, который, в свою очередь, также считает коды церемоний и составляющих их ритуалов, понимает их ключи для восприятия ее требований и запросов. Перед нами,

фактически, временная данность: власть всегда позиционирует себя перед обществом, и эти репрезентации выступают в качестве важной формы публично-правовой коммуникации.

Становясь достоянием политической культуры и в итоге встраиваясь в общий цивилизационный код, подобные стратегии демонстрируют глубокую и разностороннюю взаимосвязь государства и общества. Пример Франции, как самой мощной державы средневековой Европы, тем более показателен, что сложившаяся там модель распространилась за пределы королевства, стала частью матримониальной политики и одной из сфер влияния на потестарную культуру западнохристианского мира. К отрывающимся научным перспективам следует отнести понимание власти как антропологического института, носительницы силы религиозной, культурной и — в более широком ракурсе — цивилизационной традиции.

Кроме того, исследование может дать богатый материал для проведения параллелей с современным государством, которое по-прежнему репрезентирует себя перед обществом, мотивируя последнее к аргументированному пониманию своих стратегий, в том числе с опорой на силу исторического опыта.

Источники

Коронационные ordines

- Инаугурационная церемония и коронационный *ordo* Карла V 1364 г. [Правила, которые должны соблюдаться на посвящении и коронации королей. Порядок помазания и коронации короля (Ч. 1)] / Пер. и комм. С.А Польской // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. Т. 24. № 19. С. 33—44.
- Инаугурационная церемония и коронационный *ordo* Карла V 1364 г. [Правила, которые должны соблюдаться на посвящении и коронации королей. Порядок помазания и коронации короля (Ч. 2)] / Пер. и комм. С.А. Польской // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 5—12.
- Bibliothèques publiques: les breviaires manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1934.
- Coronatio Hermentrudis reginae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 453—455.
- Coronatio Iudithae Karoli II. Filiae // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 425—427.
- Fragment d'un Pontifical de Chalons-sur-Marne ou Livre du sacre des Rois de France. XIII siecle. 2-e moitie. Paris, Bibliothèque nationale. MS. lat., 1246 // Les pontificaux manuscrits des Bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1937. Vol. II. P. 145—146.
- French Translation of Last Capetian Ordo — ca. 1350, 1555—56 // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson: 2 vol. Philadelphia, 2000. Vol. 2. P. 419—453.
- Forma et modus, d.h. sachlich geordnete Auszure aus dem "Lytlington-Ordo" (Nr. 33), und andere Aufzeichnungen, zu praktischen Zwecken zu zusammengestellt zu Ende des 15. Jahrhunderts // Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Kronung bei den Westfranken und den Franzonen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für oltere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 396—375.
- Kompilation von 1200 // Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Kronung bei den Westfranken und den Franzonen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für oltere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. №1. S. 23—28.
- Last Capetien ordo (ca. 1250—1270) // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 267—418.
- Les pontificaux manuscrits des pontificaux manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1937. Vol. II.
- Les sacramentaires et les missels manuscrits des bibliothèques de France / Éd. V. Leroquais. Paris, 1924. T.1—3.

* Перечень использованной и рекомендуемой литературы.

- Letzte Kapetingische Ordo (sog. Ordo von Sens), verfaßt in den Jahren Philipp IV. oder seiner Sohne, zwischen Ende des 13. Jahrh. und etwa 1320 // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 33—39.
- Mainzer-Ordo // *Schramm P.E.* Kaiser, Könige und Papste. Stuttgart, 1969. Bd. III. Beiträge zur allgemeinen Geschichte. Vom 10. bis zum 13. Jahrhundert. S. 94—103.
- Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages: 2 Vol. / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 1995; 2000.
- Ordines-Studien III: Die Krönung in England // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 2. S. 369—375.
- Ordo 1250 // Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 233—240.
- Ordo A: ganz (oder teilweise?) für die zweite Krönung Ludwigs II, des Stammers, durch den Papst Johann VIII, zu Troyes am 7. September 878 // *Schramm P.E.* Kaiser, König und Papste. Bd. II. S. 209—210.
- Ordo ad inungendum et coronandum regem // Coronation Book of Charles V of France (Cottonian MS Tiberius B. VIII) / Ed. by E. Dewick. London, 1899. Col. 22—44.
- Ordo ad inungendum et coronandum Regem // *Godefroy Th.* Le ceremonial francois. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne: Comme aussi à leurs Entrees soulenelles: et à celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recueilly par Theodore Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. Paris, 1649. T. 1. P. 31—51.
- Ordo C: Erdmannscher (Westfränkischer) Ordo um 900 (Zwischen 880 und 960) // *Schramm P.E.* Kaiser, Könige und Papste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. S. 216—219.
- Ordo cornandae reginae / Ed. S. Kutrzeba // *Corpus iuris Polonici* / Ed. O. Balzer. Warsaw, 1906. Vol. 3. S. 208—212.
- Ordo coronandi Regis Poloniae / Wyd. S. Kutrzeba. Craków, 1910.
- Ordo coronandi regis Poloniae / Wyd. S. Kutrzeba // *Archiwum Komisji Historycznej*. Kraków, 1909—1913. T. XI. S. 133—216.
- Ordo coronationis Hludowici Balbi // *Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum* / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 461—462.
- Ordo coronationis Karoli II. In regno Hlotharii. Factae // *Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum francorum* / Ed. Al. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. № 2. S. 456—458.
- Ordo de Reims // *Sacramentaire et mortirologie de l'abbaye de Saint Remi. Martirologie, calendriers, ordinaires et prosaire de la metropole de Reims (VIIIe—XIIIe siècles)* / Éd. Y. Chevalier // *Bibliothèque liturgique*. Paris, 1900. № 7. P. 222—226.
- Ordo von Arras, verfaßt in der Diözese Arras (im Kloster St.Vaast?) um 1000 // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 23—24.
- Ordo E: Ordo des Hgl. Dunstan. zwischen 960—973 // *Schramm P.E.* Kaiser, Könige und Papste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. S. 223—233.
- Ordo F: Ordo hergerichtet für die Krönung des Königs Edgars von England durch den Hgl. Dunstan, Erzbischof von Canterbury zu Bath 11. Mai 973 // *Schramm P.E.* Kaiser, Könige und Papste. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. S. 233—244.
- Ordo König Karls V. vom Jahre 1365, auf Seinen Befehl aufgesetzt und illustriert, vom ihm selbst seiner Bibliothek eingegliedert // *Schramm P.E.* Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung

- in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 43—48.
- Ordo mit wechselseitigen Eiden für die Krönung Ludwigs II. des Stammers zu Compiègne am 8. Dezember 877 // *Schramm P.E. Ordines-Studien II: Die Krönung bei den Westfranken und den Franzosen* (Forts. zu Bd. XI, 285 f) // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde / Hrsg. von D.K. Brandi. Berlin, 1938. Bd. 15. № 1. S. 15—16.
- Ordo of 1250 (1240—1250) // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages: 2 Vol.* / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 341—366.
- Ordo of Charles V // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages: 2 Vol.* / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 1995. T. 2. P. 235—236.
- Ordo of Reims — ca. 1230 // *Ordines Coronationis Franciae: Texts and Ordines for the Coronation of Frankish and French Kings and Queens in the Middle Ages: 2 Vol.* / Ed. by R.A. Jackson. Philadelphia, 2000. T. 2. P. 291—305.
- Paris Bibl. Nat. MS lat. 12052. fo 21 v (the Ratold Sacramentary) // *Ward P.L. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony* // *English Historical Review*. 1942. № 57. P. 345—361.
- Pontifical de Saint-Bertin. XII siècle. Saint-Omer, bibliothèque municipale. MS. 98 // *Les pontificaux manuscrits des bibliothèques de France* / Éd. V. Leroquais. Paris, 1937. Vol. II. P. 318—323.
- Règlement à observer sur le sacre et le couronnement des rois. Ordo ad inungendum et coronandum Regem // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789* / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy, A.-H. Taillandier: 29 vol. Paris, 1824. Vol. V. 1357—1380. P. 237—253.
- Text des Mainzer Ordo und seiner Vorgänger // *Schramm P.E. Kaiser, Könige und Päpste*. Stuttgart, 1969. Bd. II. Vom Karls Großen (814) bis zum England des 10. Jahrhunderts. Bd. III. S. 94—103.
- The Coronation Book of Charles IV and Jeanne d'Evreux / Ed. J.-Cl. Bonne, J. Le Goff // *Rare Books: Notes on the History of the Books and Manuscripts*. 1958. № 8. P. 1—12.
- The "Regal Formulas" in the Sacramentary of Gellone (Paris, Bibl. Nat., MS Lat. 12048) // *The Gelasian Sacramentary: Liber sacramentorum Romanae Ecclesiae* / Ed. H.A. Wilson. Oxford, 1894.

Законодательные и документальные акты

- Acte de l'assemblée de princes, prélats et barons, tenue en parlement formant le conseil du royaume, dans lequel le Régent accorde des dispenses s'âge au Roy, minier de 12 ans, consent qu'il soit sacre et couronnée, et qu'il gouverne, de l'avis de ses oncles. Paris, 2 octobre 1380 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 Vols. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 538—540.
- Arrêt du parlement, qui condonne, par contumace, le connétable Olivier de Clisson comme faux, mauvais, traître et déloyal envers la couronne, et le condamne à la destitution et à une amende de 1000,000 marcs d'argent. 1392 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 727.
- Arrêt ou lettres par lesquelles le Roi, en son conseil ou parlement et le collège des Pairs, absout, après enquête, l'évêque de Langres, pair de France, de l'accusation de complicité de rébellion et de lèse-majesté, contre lui portée par le procureur-général. Saint-Ouen, 11 mai 1354 // *Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution* / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1821. T. IV. 1327—1357. P. 691—695.
- Beaumanoir Ph. de Rémi de*. Coutumes de Clermont en Beauvaisis: 2 Vol. / Publ. A. Salmon. Paris, 1899. Vol. 1.

- Benedictio super reginam quam Edelulfus rex accepit in uxorem* // Les actes de la province ecclésiastique de Reims: ou canons et décrets des conciles, constitutions, statuts, et lettres des évêques des différents diocèses qui dépendent ou qui dépendaient autrefois de la métropole de Reims / Publ. par M.Th. Gousset, archevêque de Reims, primat de la Gaule Belgique, etc. Reims, 1892. T. 1. P. 666—667.
- Bulle du pape Boniface VIII qui canonise Louis IX, roi des Français, et institue sa fête au 25 aout de chaque année. 3 des ides d'aout 1297 // Recueil général des anciennes lois françaises: depuis l'an 420 jusqu'à la révolution de 1789; contenant la notice des principaux monumens des Mérovingiens, des Carlovingiens et des Capétiens, et le texte des ordonnances, édits, déclarations, lettres-patentes, réglemens, arrêts du Conseil, etc., de la troisième race, qui ne sont pas abrogés, ou qui peuvent servir, soit à l'interprétation, soit à l'histoire du droit public et privé, avec notes de concordance, table chronologique et table générale analytique et alphabétique des matières / Éd. de A.-J.-L. Jourdan, F.A. Isambert, Decrusy: 29 vol. Paris, 1821. Vol. II. 1270—1308. P. 714—717.
- Charles V, au Bois de Vincennes, au mois d'Août 1374. Ordonnance qui fixe la Majorité des Rois de France, à l'âge de quatorze ans // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1741. Vol. VI. Contenant les ordonnances de Charles V. données depuis le commencement de l'année 1374, jusques à la fin de son regne; celles de Charles VI depuis le commencement de son regne, jusques à la fin de l'année 1382. P. 26—32.
- Charles VI Valois, à Paris. 25 mai 1413. Ordonnance de Charles VI, pour la police générale du Royaume // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 Vols. Paris, 1763. Vol. X. Contenant les ordonnances de Charles VI, données depuis le commencement de l'année 1411 jusqu'à la fin de l'année 1418 / Éd. L.-G. De Vilevault. P. 70—141.
- Charles VI, à Paris, en avril 1410. Lettres de Charles VI par lesquelles il défend d'obéir aux commandemens que les Chambellans, Haissiers, Sergens-d'armes ou Officiers, pourroient faire au nom du Roi, pour l'élargissement des prisonniers, si les dits Officiers, n'ont Lettres patentes à cet effet. Charles VI, à Paris, en Avril 1410 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1777. Vol. XII. Contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI / Éd. L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny. P. 233—234.
- Charles VI, à Paris, le dernier de février 1401. Ordonnance par laquelle Charles VI. Après avoir déclaré qu'il ne fera, plus aucun don des choses appartenantes au Domaine, révoque ceux qu'il avoit faits jusqu'alors, à l'exception de ceux qui y sont spécifiés // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1750. Vol. VIII. Contenant les Ordonnances de Charles VI, données depuis le commencement de l'année 1395 jusqu'à la fin de l'année 1403 / Éd. D.-Fr. Secousse. P. 484—486.
- Charles VII, aux Montils lès-Tours, en avril 1453, avant Pâques; en avril 1454 après Pâques // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1790. Vol. XIV. Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. L.G. de Brequigny. P. 284—314.
- Clausula de unctione Peppini* / Ed. V. Krause // Monumenta Germaniae Historica. Series rerum merovingicarum / Ed. V. Krusch. Hannover, 1896. Bd. II. № 2. S. 456.
- Commission générale des Monnaies // Le trésor de Saint-Denis. Paris, 1975. Vol. 2. Document divers. P. 8—372.
- Constitution portant que les parlemens et autres juges, n'obtiennent pas aux ordres verbeaux du Roi, sur l'élargissement des prisonniers en matière civile et criminelle. Paris, avril 1402 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la

- Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. VII. 1401—1415. P. 16—19.
- Contenant les ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne de Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. L.G. de Bréquigny. Paris, 1790.
- Contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI / Éd. L.-G. de Vilevault, L.G. de Bréquigny. Paris, 1777.
- Conventus de Savonnières (862) // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum. Dusseldorf, 1968. Bd. 5. S. 160.
- Déclaration sur les droits de la reine mère. Compiègne, 4 février 1514 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1828. T. XII. 1514—1546. P. 18—19.
- Demandes faites à la cité de Metz par le roi de France et le duc de Lorraine. Gy apréz sensuivent les peticions et demandes que le roy de France fist a la cité après les dictes defienche // *Marot P.* L'expédition de Charles VII à Metz (1444—1445). Documents inédits // Bibliothèque de l'École du Chartre. 1941. № 102. P. 109—155.
- Édit attribuant tant aux cours souveraines qu'aux juges présidiaux la connaissance, punition et correction des hérétiques, réservant néanmoins aux prélats et juges d'eglise la juridiction des personnes déviant de la foi catholique, sans scandale public ou commotion populaire. Châteaubriand. 27 juin 1551 // Recueil general des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la revolution de 1789 / Éd. F.G. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1828. Vol. XIII. 1546—1559. P. 189—208.
- Édit, Loi ou Constitution qui fixe la majorité des Rois à quatorze ans commencés. Au château de Vincennea, août 1374 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 415—423.
- Hlotarii, Hludowici et Karoli conventus apud Marsnam Secundus. 851. Aestate // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. T. II. S. 72—74.
- Hludowici, Karoli et Hlotharii II. Conventus apud Confluentes. 860. Iun. 1—7 // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. T. II. S. 152—158.
- Journal des États Généraux réunis à Paris au mois d'octobre 1356 / Éd. R. Delachenal // Nouvelle Revue historique de droits français et étranger. 1900. T. XXIV. P. 415—465.
- Le grand coutumier de France / Éd. E. Laboulaye, R. Dareste. Paris, 1868.
- Le livre des droiz et des commandemens d'office de justice / Éd. C.-J. Beautemps-Beaupré: 2 vol. Paris, 1865. Vol. 1.
- Lettre qui établissent le duc de Berry tretienand dans le Languedoc, avec des pouvoirs très-amples, même celui de convoquer les États, contenant la définition des droits régaliens. Paris, 19 novembre 1380 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 545—549.
- Lettres de Charles VII, portant abolition générale, en faveur des habitans du Languedoc, au moyen de la somme de vingt mille livres que les État de cette province lui avoient accordée au-delà de l'aide fixée à cent cinquante mille livres. Charles VII, à Montbizon, en Mai 1448 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Vilevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1736. Vol. XIV. Contenant les Ordonnances depuis la vingt-cinquième année du règne Charles VII, jusqu'à sa mort en 1461 / Éd. L.G. de Brequigny. P. 16—20.
- Lettres de rémission données par l'Empereur Charles-Quint, pour le lieutenant du prévost de Touïars // *Legoux J.* Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. Depuis 1349 jusqu'en 1865. Paris, 1863. P. 248—250.
- Lettres par les quelles le Roi donne pouvoir à la Reine de gouverner le royaume en son absence. Clermont en Beauvoisis. Août 1338 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis

- l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789: contenant la notice des principaux monumens des Mérovingiens, des Carolingiens et des Capétiens, et le texte des ordonnances, édits, déclarations, lettres patentes, réglemens de la troisième race, qui ne sont pas abrogés, ou qui peuvent servir, soit à l'interprétation, soit à l'histoire du droit public et privé / Éd. F.A. Isambert. 29 vol. Paris, 1825. Vol. IV. 1327—1357. P. 444—445.
- Lettres par lesquelles le Roi donne pouvoir au Bouteillier de France, d'accorder des lettres de rémission et de pardon, même pour crime de lèse-majesté, sauf confirmation par le Roi. Melun. 29 août 1366 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 255—257.
- Lettres Patentes. 1361 // Mémoires de Société. Vol. 1. P. 190—191.
- Lettres Patentes. 1364 // Mémoires de Société. Vol. 1. P. 211—214.
- Lettres portant annulation des lettres de rappel aux bannis d'une ville, expédiées par le bailli, sans l'ordre du Roi, de son lieutenant, du chancelier, ou du connétable. Paris, 21 septembre 1364 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 221.
- Lettres portant constitution d'un apanage réel au second fils du Roi, avec clause de reversion à la couronne, au cas d'extinction de sa postérité masculine et légitime. Paris, 13 juillet 1401 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. VII. 1401—1415. P. 4—6.
- Lettres portant don au connétable du Guesclin, à titre de récompense nationale, du comté de Longueville. 3 février 1369 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 369.
- Lettres portant enjonction aux gens des comptes de procéder au jugement par extraordinaire d'un procès criminel, en présence de conseillers au parlement. Montille-lès-Tours, 4 février 1449 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. IX. 1438—1483. P. 176.
- Lettres portant nomination d'Olivier de Clisson à la charge de connétable de France. 28 novembre 1380 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 Vols. Paris, 1824. T. VI. 1380—1400. P. 549.
- Lettres pour faire employer au recouvrement des domaines aliénés les sommes consignées au Parlement, au requête de l'Hôtel. Louis XI, à Paris, le 20 août 1436 // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. D.-Fr. Secousse: 22 Vols. Paris, 1814. Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / Éd. E. Pastoret. P. 55—56.
- Lettres qui autorisent le comte de Angoulême à délivrer les prisonniers, la première fois qu'il entrera dans chaque ville de son domaine. Arras, septembre 1477 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. X. 1438—1485. P. 782—783.
- Lettres qui défendent aux sénéchaux et baillifs d'entreprendre sur la juridiction des moines des eaux et forêts. Paris, 14 mai 1362 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 133.
- Lettres qui exemptent, pour un temps limité, du droit de prises, appartenant au Roi, à la Reine, aux princes du sang, au connétable, maréchaux et officiers du Roi, les Im bilans de Paris, et leurs propriétés hors de cette ville. Paris, la juillet 1564 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. P. 212—216.
- Livres des trahisons de France envers la Bourgogne / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Louis XI, à Paris, Septembre 1463. Lettres de garde pour Saint-Framboust de Senlis. // Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillis par ordre chronologique / Éd. E.L. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. de Villevault, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J.M. Pardessus: 22 vol. Paris, 1814. Vol. XVI. Contenant les ordonnances rendues depuis le mois de juin 1463 jusqu'au mois de juin 1467 / Éd. E. Pastoret. P. 64—65.

- Louis XI. Lettres patentes. 1472 // Lettres de Louis XI, de roi de France / Éd. J. Vaesen, É. Charavay: 11 vol. Paris, 1902. Vol. 5. 1472—1475. P. 156—158.
- Mandement portant que les lettres royales seront nitifices et publiques par les baillis et sénéchaux à l'exclusion de tours autres, nonobstant les commissions qui en auraient été donnes aux princes du sang au cultres. Au bois de Vincennes, 20 mars 1361 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 133.
- Mandement portant que le chancelier de France à droit d'accorder en conscit toutes lettres de grâce et de rémission. Paris, 13 mars 1401 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. VII. 1401—1415. P. 14—16.
- Mandement pourtant defenses d'avoir égard aux lettres de rémission et de composition délivrées aux débiteurs du Roi ou aux criminels par les lieutenants du Roi dans le Languedoc. Paris, 3 octobre 1354 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. IV. 1327—1357. P. 698—699.
- Ordonnance du tienteuant général, rendue en conséquence des demandes des États généraux. 3 mars 1356 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. IV. 1327—1357. P. 814—847.
- Ordonnance en conséquence des États-généraux de Compiègne. Compiègne, 14 mai 1358 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 5—25.
- Ordonnance en forme de mandement, portant révocation des domaines de la curonne, aliénés. Vincennes, 5 avril 1521 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. Vol. III. 1308—1327. P. 294—296.
- Ordonnance faisant defenses aux grands officiers du Roi d'accorder des lettres de grâce. 13 mai 1359 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 54.
- Ordonnance ou Testament qui défère la garde et la tûlè des enfans de France à la Reine mère, à la charge de ne pas se remarier, et lui nomme un conseil. Château de Melun, octobre 1374 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 431—439.
- Ordonnance qui fixe les apanages des enfans et des filles de France. Château de Melun, octobre 1374 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1824. T. V. 1357—1380. P. 439—491.
- Ordonnance reduë, en connéquence d'une assemblée de notables, sur la justice et la police du Royaume, à Blois, sur la réformation de la justice et l'utilité générale du royaume. Mars 1498 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1827. T. XI. 1483—1514. P. 323—379.
- Ordonnance rendue, en conséquence des états de Normandie, contre la des offices dejudicature, contre les colporteurs, contre tes exactions des gouverneurs de châteaux royaux, contre le port d'armes, et sur le recouvrement des impôts. 5 novembre 1487. Extrait de ordonnance annexée en 257 articles // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1827. T. XI. 1483—1514. P. 466—515.
- Ordonnance sur l'admiinistration de la justice. Paris, juillet 1493 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A. G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1827. T. XI. 1483—1514. P. 214—249.
- Ordonnance sur le fait de la justice, Villers-Cotterets, août 1539 // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1827. T. XII. 1514—1546. P. 600—640.
- Ordonnances ou Établissemens pour la reformation de la justice. Montile-les-Tours, avrile

- 1453, avant Pâques. Nullité des lettres d'abolition // Recueil général des anciennes lois françaises, depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Éd. de A.G.-L. Jourdan, Decrusy, F.A. Isambert: 29 vol. Paris, 1825. T. IX. 1438—1483. P. 228—229.
- Præceptum Hludiwici II. 856. Mart. 23 // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. A. Boretius, V. Krause. Hannover, 1897. Bd. 22. T. II. S. 137—138.
- The "Etablissements de Saint Louis": Thirteenth-Century Law Texts from Tours, Orleans, and Paris / Trans., ed. F.R.P. Akehurst. Philadelphia, 1996.

Анналы, хроники, политические и исторические сочинения (Античность, Средневековье)

- Видукинд Корвейский*. Деяния саксов / Пер. Г.Э. Санчука. М., 1975.
- Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. И. Троицкого. СПб., 1862.
- Григорий Турский*. История франков / Пер., комм., вступ. ст. В.Д. Савуковой. М., 1987.
- Полибий*. Всеобщая история / Пер., пред., прим., указ., карт. Ф.Г. Мищенко: В 3 т. М., 1890.
- Светоний*. Жизнеописание двенадцати цезарей / Пер. и прим. Д.П. Кончаловского. М., 1933.
- Эйнхард*. Жизнь Карла Великого / Вст. ст., пер., прим., указ. М.С. Петровой. М., 2005.
- Accer's "Life of King Alfred" together with the "Annals of St. Neot", erroneously ascribed to Asser / Ed. by W.H. Stevenson. Oxford, 1904.
- Acta Poloniae Historica. Semper, 2007. Vol. 95.
- Annales Bertiniani auct Hincmari Remensis (862) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Series. Berlin, 1826. Bd. I. S. 86—143.
- Annales Blandinienses / Éd. Ph. Grierson // Les Annales de Saint-Pierre de Gand et de Saint-Amand. Commission royale d'histoire. Série IV. Brussels, 1937. P. 1—73.
- Annales de Bourgogne / Éd. P. du Haut-Jussé. Paris, 1938.
- Annales des Lorsch / Ed. G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Series Rerum Germanicarum in usum scholarum. Berlin, 1955. Bd. II.
- Annales Elnonenses Minores (862) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Series. Hannoverae, 1844. Bd. M. S. 10—20.
- Annales Vedastini / Hrsg. von R. Ray // Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte. Zweiter Teil. Berlin, 1959. Bd. I. S. 10—155.
- Annalium et histotia Francorum ab anno DCCVIII ad annum DCCXC scriptores watanci XII. Paris, 1558. Scriptores veteres: 11 vol. Paris, 1596.
- Christine de Pisan*. Le livre des fais et bonnes meurs du sage roi Charles V / Éd. C.B. Petitot // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France (1re série), rév. par C.B. Petitot. Paris, 1824.
- Chronicon Dubnicense cum codicibus Sambuci Acephalo et Vaticano, cronicisque Vindobonensi Picto et Budensi accurate collatum / Rec. et praef. M. Florianus // Historiae Hungaricae fontes domestici. Pars I: Scriptorum. Lipsiae, 1884. Vol. III. P. 1—266.
- Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393) / Éd. A.-M. Lucé. Paris, 1862.
- Chronique des règnes de Jean II et Charles V / Éd. R. Delachal. Paris, 1917. Vol. IV.
- Chronique du religieux de Saint-Denys / Éd., trad. L.F. Bellaguet: 6 vol. Paris, 1839. Vol. I.
- Chronique latine de Guillaume de Nangis de 1113 à 1300 avec les continuations de cette chronique de 1300 à 1368 / Éd. par H. Jézar. Paris, 1843. T. I.
- Czarnkow Joannis de*. Chronicon Polonorum / Ed. J. Szlachtowski // Pomniki dziejowe Polski (Monumenta Poloniae Historica) / Red. A. Bielowski. Lwów, 1872. D. 2.
- Długosz J.* Historia // Opera / Ed. A. Przedziecki. Cracow, 1873—1878. Vol. 13.
- Eginhardt*. Biographie de Charlemagne / Éd., trad. L. Le Halphen // Collection "Les classiques de l'histoire de France au Moyen Âge". Paris, 1965.
- Genealogia comitum Flandriae // Monumenta Germaniae Historica. Series Scriptorum / Ed. L.C. Bethmann. Hannoverae, 1851. Bd. IX. S. 302—336.

- Germania Benedictina. St. Ottilien, 2004. Bd. VII. Die benediktinischen. Mönchs-Nonnenklöster in Hessen. S. 214—375.
- Geste des ducs Philippe et Jean de Bourgogne / Éd. K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Hermannii Altahenses Annales. 1272 // Monumenta Germaniae Historica. Series Scriptores / Ed. J.H. Pertz. Hannoverae, 1861. Bd. XVII. S. 407.
- Hincmarus. De ordine palatii / Ed. V. Krause. Hannoverae et Lipaese, 1894.
- Hincmarus. De ordine palatii // Monumenta Germaniae Historica. Capitularia regum Francorum / Ed. V. Krause. Hannoverae, 1897. Bd. II. S. 515—530.
- Hincmarus. Regis persona et regio ministerio // Hincmari archiepiscopi Remensis. Paris, 1845. T. II. Opuscula et epistolae. P. 31—48.
- Gerson J. Diligite justiciam // Gerson J. Œuvres complètes / Éd. M. Glorieux. Paris, 1968. T. VII. P. 608—619.
- Joinville J. de. Vie de Saint Louis / Éd. J. Monfiron. Paris, 1995.
- Jouvenel des Ursins J. Histoire de Charles VI, roy de France, et des choses mémorables advenues durant quarante-deux années de son règne: depuis 1380 jusqu'à 1422 / Publ. par M.M. Michaud: 2 vol. Paris, 1836.
- Le Songe du Vergier / Éd. M. Shnerb-Lièvre: 2 Vols. Paris, 1982.
- Les Annales des Saint-Bertin / Éd. F. Grat, A. Vielliard, S. Clemenset. Paris, 1964.
- Les chroniques de sire Jean Froissart: qui traitent des merveilleuses emprises, nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Ecosse, Espagne, Portingal et ès autres parties / Nouvellement reçues et augm. d'après les ms. avec notes, éclaircissements, tables et glossaire par J.A. C. Buchon. Paris, 1835. T. I.
- Les Entrées royales françaises de 1328 à 1515 / Textes réunis et présentés par B. Guinée et Fr. Lehoux. Paris, 1968.
- Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin / Ed. by G.W. Coopland: 2 vol. Cambridge, 1969.
- Pizan Ch. de. Le livre et bonnes meurs du sage roy Charles V / Éd. S. Solente: 2 vol. Paris, 1936—1940. Vol. I.
- Regionis chronica et Annales Fuldenges / Hrsg. von R. Ray // Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte. Dritter Teil. Berlin, 1960. Bd. VII. Hf. 3.
- Saecula Hungariae. S/p., 1985.
- Sir John Froissart's Chronicles of England, France, Spain and the adjoining countries / Trad. by Th. Johnes. London, 1808. Vol. II.
- Vita Remigii episcopi Remensis // Monumenta Germaniae Historica. Scriptories rerum Merovingicarum. Hannover, 1896. Bd. III. № 16. Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquorum aliquot / Ed. B. Krusch. S. 239—341.

Юридические, политические и исторические трактаты XVI—XVIII вв.

- Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., комм. М.С. Бобковой. М., 2000.
- Отман Ф. Франкогаллия / Пер., вступ. ст., комм. И.Я. Эльфонд. М.;СПб., 2015.
- A history and description of the Royal Abbaye of saint Denis with an account of the tombs of the Kings and Queens of France and other celebrated persons interred there: also of the many splendid decorations, pieces of of curious workmanship and <...> of this celebrated abbaye: with explanatory remarks; and a series of historical anecdotes, relative to the kings of France, from the reign of Dagobert: extracted from the records of Saint Denis. London, 1795.
- Alletz P.-A. Cérémonial du sacre des rois de France: où l'on voit l'ancienneté de cet acte de religion; les motifs de son institution; le pompeux appareil avec lequel il est célébré; le costume des habillements, & une table chronologique du sacre des rois. On y à ajouté la traduction de toutes les oraisons & prières qui sont une grande partie de la cérémonie, & on à donné une idée du sacre & couronnement des reines de France. Paris, 1775.
- Bevy Ch.J., dom. Histoire des Inauguration des rois, empereurs et autres Souveraines de l'univers, depuis leur origine jusqu'à présent. Siuivie d'un présis de l'État des arts des siences sous chaque Regne des principaux faits, moeurs, coutumes et usages les plus remarquables des François, depuis Pepin jusqu'à Louis XVI. Paris, 1776.
- Bodin J. Methodus ad facile historinarum cognitionem. Paris, 1566.
- Bodin J. Les six livres de la république. Paris, 1580.

- Bonamy P.-N.* Mémoire historique sur le Trésor des Chartes sur son état actuel // Mémoires de littérature, tirés des registres de l'Académie Royale des hucnptions et Belles-Lettres, Depuis l'annéee MDCCLVIII, jusques compris l'annéee MDCCIX. Paris, 1764. T. 30. P. 697—728.
- Braun G.* Théâtre des cités du monde. Bruxelles, 1574. T. I.
- Carlier Cl.* Histoire du duché de Valois, ornée de cartes et de gravures, contenant ce qui est arrivé dans ce pays depuis le temps des Gaulois jusqu'en l'année 1703 (par l'abbé C. Carlier). Paris, 1764.
- Ceremonies et coutumes religieuses de tous les peuples du monde representees par de figures dessinees de la main de Bernard Picard avec une explication historique, et quelques dissertations curieuses. Amsterdam, 1723.
- Choppin R.* Traité du domaine de la couronne de France. Paris, 1663.
- De Thoy J.-A.* Histoire des mois temps. Paris, 1725.
- Du Chesne F.* Histoire des chancelliers de France et des gardes de sceaux de France. Paris, 1680.
- Du Tillet J.* Apostolorum et sanctorum conciliorum decreta. Paris, 1540.
- Du Tillet J.* Nituli ex corpore Ulpiani. Paris, 1549.
- Du Tillet J.* Opus illustrissimi et excellentissimi seu spectabilis viri, Caroli Magni. Paris, 1549.
- Du Tillet J.* E libris constitutionum Theodosii. Paris, 1550.
- Du Tillet J.* Evangelium Hebraicum Matthaei. Paris, 1555.
- Du Tillet J.* Libelli seu decreta a Clodoveo et Childeberto prius aedita ac postremo a Carolelu-cide emendata, auctaque plurimum. Paris, s/d.
- Du Tillet J.* Advertissement à la nobles tant du parti du roy, que de rebelles. Paris, 1558.
- Du Tillet J.* Pour l'entier majorité du roy treschrestien contre le legitime conseil malicieusement inventé par les rebelles. Paris, 1560.
- Du Tillet J.* Pour la majorité du roi treschrestien contre les escrits des rebelles. Paris, 1560.
- Du Tillet J.* Recueil des rois de France, leur couronne et maison: ensemble, le rens des grands de France; Une chronique abrégée contenant tout ce qui est advenu, tant en fait de guerre qu'autrement, entre les roys & princes, républiques & potentats estrangers. Paris, 1577.
- Du Tillet J.* Mèmoire et advis laict en l'an 1551 sur les libertés de l'Église Gallicanae // Ecclesiae Gallicanae in schisme statys: État de l'Église gallicane durant de schime. Paris, 1594.
- Du Tillet J.* Recueil des grands de France. Paris, s/d.
- Du Tillet J.* Recueil des rangs des grands de France. S/p, 1606.
- Du Voisin L., sieur de la Popelinière.* Histoire de France. Paris, 1581.
- Du Voisin L., sieur de la Popelinière.* Histoire des histoires avec l'idée de l'histoire accomplie. Plus le dessein de l'histoire nouvelle des François, et pour avant-jeu la réfutation de la descente des fugitifs de Troye aux Palais-Meotides, Italie, Germanie, Gaules et autres pays pour y dresser les plus états qui soient en Europe et entre autres le royaume de France. Paris, 1599.
- Dupuy P.* Traité de la majorité de nos rois, et des régences du royaume. Paris, 1655.
- Godefroy Th.* De l'origine des rois de Portugal, issus en ligne masculine de la maison de France, qui regne aujourd'hui. Paris, 1614.
- Godefroy Th.* Histoire de Charles VI <...> par Jean Juvenal Des Ursins. Paris, 1614.
- Godefroy Th.* Histoire de Charles VII par Guillaume de Juligny. Paris, 1614.
- Godefroy Th.* Histoire de Louys XII, roi de France. Paris, 1620.
- Godefroy Th.* De la véritable origine de la maison d'Autriche. Paris, 1624.
- Godefroy Th.* Généalogie des ducs de Lorraine. Paris, 1624.
- Godefroy Th.* L'ordre et cérémonies observées aux mariages de France, et d'Espagne. A sçavoir, entre Louys XIII, roy de France <...> et Anne d'Autriche, fille de Philippes III, roy d'Espagne, et Elisabeth de France, fille de roy Henry de Grand. Lan 1615. Paris, 1627.
- Godefroy Th.* Le Ceremonial francois. T.1–2. Contenant les ceremonies observees en France aux Sacres et Couronnements de Roys et Reines, et de quelques anciens Ducs de Normandie, d'Aquitaine, et de Bretagne. Comme aussi a leurs Entrees soulernelles et a celles d'aucuns Dauphins, Gouverneurs de Provinces, et autres Seigneurs, dans diverses villes du Royaume, recuilly par Theodor Godefroy et mis en lumiere par Denys Godefroy. Paris, 1649.
- Histoire généalogique de la maison de Montmorency et de Laval / Éd. A. Dushesn. Paris, 1624.
- Histoire généalogique de la maison de Vergi / Éd. A. Dushesn. Paris, 1625.
- Historiae Francorum scriptores coaetanei ab ipsius gentis origine ad Philippi IV tempora / Ed. A. Dushesn. Paris, 1636—1649.

- Historiae Normannorum scriptores antiqui* / Éd. A. Dushesn. Paris, 1619.
- Hotman Fr. Francogallia*. Genève, 1573.
- Marlot G. Le theatre d'honneur et de magnificence, préparé au sacre des roys où il est traité de l'inauguration des Souverains, du lieu où elle se fait, & par qui; de la Verité de la Sainte Ampoule, des Roys qui en ont été Sacres, du Couronnement des Reines, des Entrée Royales, & Ceremonies du Sacre, & de la Dignité de nos Roys*. Reims, 1643.
- Mémoires de Condé* / Éd. D.-Fr. Secousse, N. Lenglet-Dufresnoy: 6 vol. London, 1743. Vol. I.
- Menin N. Traité historique et chronologique du sacre et couronnement des Rois et des Reines de France depuis Clovis I-er jusqu'à present <...> par Monsieur Menin, Conseiller au Parlement de Metz*. Paris, 1723.
- Morand S.-J. Histoire de la ste-chapelle royale du palais, enrichie de planches*. Paris, 1790.
- Pasquier E. Les Recherches de la France*. Paris, 1643.
- Pichon Th.J. Journal historique du sacre et du couronnement de Louis XVI, roi de France et Navarre*. Paris, 1775.
- Relie avec Du Tillet J. Recueil des roys de France, leurs couronne et maison*. Paris, 1618. T. 1.
- Remond Ch. de. Les cérémonies ohservées au sacre et couronnement du roy Loys XIII*. Paris, 1610.
- Roche-Flavin B. de la. Treze livres des parlement de France*. Bordeaux, 1617. P. 753.
- Anselme, le père (Pierre de Guiborgs). Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France le tout dressé sur les titres originaux, registres des Chartes du roy, du parlement, de la Chambre des comptes et du Châtelet de Paris*. Amsterdam, 1713.
- Sainte-Marie Anselme de, père. Histoire généalogique et chronologique de la Maison Royale de France, des Pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du Royaume*: 9 vol. Paris, 1726—1733.
- Sainte-Marie Anselme de, Sainte-Rosalie Ange de. Histoire de la Maison Royale de France, et des grands officiers de la Couronne*. Paris, 1773.
- Varennes M.G. de. Le Roy d'armes ou l'art de bien former, charger, briser, timbrer, parer, expliquer, et blasonner les armoiries: Le tout enrichy de discours, antiquitez, <...> & d'une grande quantité de blasons des armes de la plupart des illustres maisons de l'Europe*. Paris, 1640.

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ

- Августин Блаженный. О граде Божием*. Мн.;М., 2000.
- Дж. Лотарио (Иннокентий III). О святом таинстве алтаря (фрагмент) / Пер. А.А. Ткаченко // Ткаченко А.А. Эмблематика литургических цветов в трактате Дж. Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря» // SIGNUM. 2005. № 3. С. 35—40.*
- Свод богоглаголивых речений и учений Богоносных и Святых Отцов, от всякого Писания богодухновенного собранный, подобающим же образом и удобно изложенный Павлом, преподобнейшим монахом и создателем обители Пресвятой Богородицы Евергетицы, прозванным Евергетиним (Евергетин). М., 2008. Т. 1.*
- Alcuimis monachos Gothiae sive Septimaniae a Laidrado elccto Lugdunensi pontifice landator confirmat. Monet, cavcant Hispanorum errores. Addid de symbolo, de adoptione, dc sale in eucharistia non adhibendo, de tripla baptismatis mersione, de sabbato ante resurrectionem dominicam // Monumenta Germaniae Historica. Epistolae / Hrsg. von E. Duemmler. Berlin, 1895. Bd. IV. P. 214—215.*
- Avranches J. de. De officiis ecclesiasticis* / Éd. R. Delamare. Paris, 1923.
- Beleth J. Summa de ecclesiasticis officiis* / Éd. H. Douteil. Turnhout, 1976.
- Cabrol F, dom. Les livres de la liturgie latine*. Stanford, 1930.
- Calendarium Romanum*. Vaticana, 1969.
- Deutz R. de. De divinis officiis* / Éd. Rh. Haacke. Turnhout, 1967.
- Dionysius Gothofredus. Corpus juris civilis*. Amsterdam, 1633.
- Honorius Augustodunensis. De Gemma animae // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 172. Col. 541—737.*
- Honorius Augustodunensis. Expositio in cantica canticorum // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 172. Col. 440—441.*

- Honorius Augustodunensis*. Sacramentarium // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 172. Col. 737—807.
- Innocentius III, papa*. De sacro altaris mysterio // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1855. T. 217. Col. 774—916.
- Saint-Victor H. de*. De sacramentis christianae fidei // Patrologia Latina / Acc. J.-P. Migne. Paris, 1854. T. 176. Col. 173—618.

Реестры и описи аббатства Сен-Дени

- Abbrégé de l'Inventaire du Thresor de S. Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant. Les quelles on montre en chaque Armoire, pour la satisfaction des personnes curieuses. Paris, 1659; réed. 1662.
- Doublet J., fra*. Histoire de l'abbaye de St Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les Fondations, Prérogatives et Privilèges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des roys, reynes, enfans de France, & autres signalez personnages qui s'y treunnent iusques à present. Le tout recueille de plusieurs histoires bulles des papes, chartees des roys, princes, autres documens authentiques. Paris, 1625.
- Dupuy P*. Du Tresor des Chartes du Roy. Paris, 1655.
- État des pierreries provenant du trésor de Saint-Denis suivant l'ordre d'ouverture des caisses et la date des procès-verbaux de la Commission générale des Monnais // Le trésor de Saint-Denis. Paris, 1975. Vol. II. Document divers. P. 8—372.
- Français: sceptre de Dagobert appartenant au trésor de St-Denis, l'objet à disparu, planche // *Montfaucon B. de, dom*. Les monuments de la monarchie française: 5 т. Paris, 1729. T. 1.
- Inventaire de 1634 // Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1973. Vol. I. Inventaire de 1634. P. 47—330.
- Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont déclares brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir. Paris, 1692; réed. 1666; 1683.
- Layettes du Trésor des Chartes / Éd. A. Teulet: 8 vol. Paris, 1863. Vol. I. Inventaires et documents. Archives nationales (France).
- Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1973. Vol. I. Inventaire de 1634.
- Le Tresor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1975. Vol. II. Document divers.
- Le Trésor de l'Abbaye Royale de S. Denis en France. Paris, 1776; réed. 1768.
- Millet G., dom*. Le Trésor sacré, ou Inventaire des saintes reliques et autres précieux joyaux qui se voient en l'église et au trésor de l'abbaye royale de Saint-Denis en France: ensemble les tombeaux des rois et reines en sépulturés en icelle depuis le roy Dagobert, insques au roy Louys le Iuste. Avec un abrégé des choses plus notables arrivées durant leurs règnes. Paris, 1646.
- Pieces relatives à la dispersion du trésor (Arsenal, fol. 3Vo—20Vo) // Le Trésor de Saint-Denis / Éd. B. de Montesquiou-Fezenszac, D. Gaborit-Chopin. Paris, 1975. Vol. II. Documents divers. P. 8—372.

Справочники

- Bibliothèque des Autheurs qui ont escrit l'Histoire et la Topographie de la France / Éd. A. Dushesn. Paris, 1618.
- Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes / Éd. J.Fr. Michaud, L.G.I Michaud. Paris, 1814. Vol. XII.
- Biographie universelle ancienne et moderne: histoire par ordre alphabétique de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes / Éd. J.Fr. Michaud, L.G.I Michaud. Paris, 1816. Vol. XVII.

- Dictionnaire de la noblesse, contenant les généalogies, l'histoire & la chronologie des familles nobles de la France, l'explication de leurs armes et l'état des grandes terres du royaume <...> [microform]: on a joint à ce dictionnaire le tableau généalogique et historique des maisons souveraines de l'Europe et une notice des familles étrangères, les plus anciennes, les plus nobles et plus illustrés / Éd. Fr.-Al. Aubert de La Chesnaye-Desbois. Paris, 1825.
- Dictionnaire féodal: ou Recherches et anecdotes sur les dîmes et les droits féodaux / Éd. de J.-A.-S. C. Plancy de. Paris, 1819.
- Cheruel A. Dictionnaire historique des institutions, moeurs et coutumes de la France: 2 vol. Paris, 1855.

Литература

- Арнаутова Ю.Е. Инвеститура в церкви: идея, практика, значение // Средние века. М., 2011. Вып. 71 (1—2). С. 22—59.
- Бак Я. Инсигнии // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 189—195.
- Басовская Н.И. Диалог короля и сословий на закате Средневековья: Карл V Мудрый // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. № 18. С. 76—83.
- Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 5—19.
- Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с фр. В.А. Мильчиной / Пред. Ж. Ле Гоффа / Научн. ред. и посл. А.Я. Гуревича. М., 1998.
- Бойцов М.А. Германский император XIV в.: инструменты реализации власти // Власть и политическая культура в средневековой Европе. Сб. статей. М., 1992. Ч. 1. С. 106—114.
- Бойцов М.А. Скромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 37—66.
- Бойцов М.А. Накануне. Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 17—203.
- Бойцов М.А. Как горожане встречали своего сеньора // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Под ред. А.А. Сванидзе: 4 т. М., 2000. Т. 4. Extra muros: Город, общество, государство С. 65—78.
- Бойцов М.А. Власть правителя // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 78—91.
- Бойцов М.А., Пишизова С.И. Монархия // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 301—312.
- Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.
- Бойцов М.А. Политический церемониал в Священной Римской империи XIV—начала XVI в.: Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
- Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 5—37.
- Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010.
- Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008.
- Воскобойников О.В. Три взгляда на средневековое искусство // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 289—307.
- Гарро А. Людовик Святой и его королевство / Пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько, пред. Ю.П. Малинина. СПб., 2002.

- Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Д.В. Покровской. М., 1999.
- Глебов А.Г. Альфред Великий и Англия его времени. Воронеж, 2003.
- Глебов А.Г. Королевская власть и основные тенденции ее развития у англосаксов в VII—начале IX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 13—21.
- Глебов А.Г. Центральные органы власти в Англии в эпоху Альфреда Великого: королевский двор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 3—6.
- Глебов А.Г. Альфред Великий: социально-политический и визуальный контекст эволюции образа «отца-основателя» британской идентичности // Средние века. 2013. Вып. 74 (3—4). С. 265—274.
- Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. 2-е изд. СПб., 2015.
- Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.;СПб., 2001. Вып. 1.
- Джексон Р.А. Коронации императоров и королей // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2007. С. 229—234.
- Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987—1460) / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М., 2001.
- Интервью с Н.А. Хачатурян // Средние века. 2012. Вып. 73 (1—2). С. 10—16
- Искусство власти: Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007.
- Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М., 2014.
- Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004.
- Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / Пер. с фр. В.И. Матузовой; пред. М.Ю. Парамоновой; комм. Д.Э. Харитоновича. М., 2001.
- Люблинский П.И. Право амнистии: Историко-догматическое и политическое исследование. СПб., 1907.
- Малинин Ю.П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV—XV вв. М., 2000.
- Малов В.Н. Западноевропейские рукописи в провинции: казанский сборник // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1997. № 10. С. 36—37.
- Мейендорф И., протоиерей. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985.
- Мосс М. Социальные функции священного / Пер. с фр. под общ. ред. И.В. Утехина / Научн. ред. И.В. Утехин, Н.М. Геренко. Сост. В.Ю. Трофимов СПб., 2000.
- Мошонкина Е.Н. Символика королевской власти в средневековой Франции. Обзор // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах: Реф. сб. М., 1996. С. 155—163.
- Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура: Сборник статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 33—42.
- Парамонова М.Ю. Святые короли // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 478—485.
- Пастуро М. Дьявольская материя, или История полосок и полосатых тканей / Пер. с фр. О. Зубакиной. М., 2008.
- Пастуро М. Синий. История цвета. Фрагменты книги / Пер. с фр. Н. Кулиш // Иностранная литература. 2010. № 4. С. 239—298.
- Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012.
- Плешкова С.Л. Франция XVI—начала XVII века: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии). М., 2005.
- Польская С.А. Королевские постцеремониальные пиры в регламенте церемоний французского королевского двора // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.;СПб., 2001. Вып. 1. С. 235—242.

- Польская С.А. Диалог города, клира и короля в процедуре церемонии королевского въезда в Париж в XIII—XV вв. // Средневековый город: Межвузовский научный сборник / Отв. ред. С.М. Стам. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 86—106.
- Польская С.А. Сакральная функция королевской власти во франкских коронационных чинах IX в. // Многообразии религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире / Под ред. А.А. Гладышева, В.Б. Устьянцева: В 2-х ч. Саратов, 2005. Ч. 2. С. 43—55.
- Польская С.А. «...Прими власть как испытание...»: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков // Священное тело короля: ритуалы и морфология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 263—292.
- Польская С.А. «...Суверенитет, права и достоинство короны Франции...»: правовое обоснование сакральной функции королевской власти (IX—XIV вв.) // Право в средневековом мире'2007 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2007. С. 85—107.
- Польская С.А. «...Суверенитет, права и достоинство короны Франции ...»: юрисдикция монархии в инаугурационных клятвах французских королей (XII—XIV вв.) // Искусство власти: Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 221—235.
- Польская С.А. «...Передача собственности никогда не имела места...». Французская корона и система апанажей: практика манипулирования // Право в средневековом мире'2008 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Попова. М., 2008. С. 42—67.
- Польская С.А. *Rex sacres*: культовые и правовые основы французского королевского мифа // Cogito. Альманах истории идей. 2008. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 4. С. 251—272.
- Польская С.А. Династические и правовые проблемы становления права неотчуждаемости французской короны второй половины XIV в. // Вестник Академии права и управления. 2011. № 23. С. 27—40.
- Польская С.А. Жан Дю Тийе: рождение археографии и исследовательской практики «...с опорой на букву регистра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 143—151.
- Польская С.А. Королевские апанажи в системе территориально-государственного устройства Французского королевства (XIII—вторая половина XIV в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4—1. С. 131—134.
- Польская С.А. «Корона Людовика Святого» в потестарной практике французской монархии // Известия Сочинского государственного университета туризма и курортной деятельности. 2011. № 4 (18). С. 313—318.
- Польская С.А. Сакральная и политическая символика комплекса регалий французской монархии (IX—XV вв.) // Cogito: Альманах истории идей / Отв. ред. А.В. Корневский. Ростов-на-Дону, 2011. Вып. 5. С. 181—202.
- Польская С.А. Сакральная и воинская символика коронационного меча французской монархии IX—XV вв. // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война»: культурные контексты социальной агрессии (Санкт-Петербург — Выборг — Старая Ладога, 1—4 октября 2009 г.) / Отв. ред. И.О. Ермаченко, С.М. Капилупи. М.; СПб, 2011. С. 72—75.
- Польская С.А. «...Следует поместить на голову твою корону...»: Юдифь Французская и брачно-потестарные стратегии эпохи // Общество. Гендер. История: Сб. ст. и тез. докладов II Всероссийской научной конференции с международным участием. Ноябрь 2012 г. / Под ред. Д.А. Будюкина, Э.В. Овчинниковой. Липецк, 2012. С. 30—35.
- Польская С.А. Влияние *ordo* Майнца на теорию и практику инаугурационного церемониала французской монархии // Германия на перекрестках европейской истории / Отв. ред. А.А. Анিকেев. Ставрополь, 2013. С. 130—141.
- Польская С.А. Монарх перед посвящением: предписания *ordo* Карла V // *Cursor Mundi*: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2013. № 5. С. 5—27.
- Польская С.А. «От красного цвета — алый, от черного — фиолетовый, от зеленого — желтый»: хроматическое решение литургии в трактате Джованни Лотарио Конти «О святом таинстве алтаря» // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 64—70.

- Польская С.А.* «Седая голова» и «юные локоны»: Юдифь Французская и Этельвульф Уэссекский (матримониальные практики второй половины IX в.) // Великобритания в мировой истории / Отв. ред. А.А. Аникеев. Ставрополь, 2014. С. 109—112.
- Польская С.А.* Дары, инсигнии и мощи Людовика IX Святого в сокровищнице аббатства Сен-Дени (по материалам описей) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 91—96.
- Польская С.А.* Королевские клятвы корпорациям Парижа: дипломатические стратегии сторон (XIV—XV вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4. С. 56—62.
- Поньон Э.* Повседневная жизнь Европы в тысячном году / Пер. с фр. Э.М. Драитовой. М., 1999.
- Право в средневековом мире'2007 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2007.
- Право в средневековом мире'2008 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2008.
- Право в средневековом мире'2010 / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2010.
- Рансимен С.* Сицилийская вечерня: История Средиземноморья в XIII веке / Пер. с англ. С.В. Нейсмарк. СПб., 2007.
- Самсонова Е.А.* Истоки формирования легендарного образа короля Альфреда Велико-го в англосаксонский период (конец IX—первая половина XI века) // Средние века. 2013. Вып. 74 (3—4). С. 253—264.
- Свенцицкая И.С.* Знаки власти в изображениях римских императоров // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010. С. 106—109.
- Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.
- Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003.
- Стукалова Т.Ю.* «Посланная небом в великой тайне...»: орифламма и церемония ее поднятия во Франции (вторая половина XIV—начало XV в.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. С. 200—215.
- Стукалова Т.Ю.* Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001.
- Тейс Л.* Наследие Каролингов. IX—X века / Пер. с фр. Т.А. Чесноковой (Новая история средневековой Франции. Т. 2). М., 1993.
- Ткаченко А.А.* Эмблематика литургических цветов в трактате Дж. Лотарио (папы Иннокентия III) «О святом таинстве алтаря» // SIGNUM. 2005. № 3. С. 21—34.
- Тогоева О.И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Фавтье Р.* Капетинги и Франция / Пер. с фр. Г.Ф. Цыбулько. СПб., 2001.
- Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства / Пер. М.Ю. Некрасова, науч. ред. Ю.П. Малинина. СПб., 1999.
- Харизма королевской власти. Миф и реальность // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 144—178.
- Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976.
- Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.
- Хачатурян Н.А.* Современная историография о проблеме королевской власти в средневековом обществе // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 144—149.
- Хачатурян Н.А.* Достижения, потери и перспективы отечественной медиевистики (по материалам направления политической истории западноевропейского Средневековья) // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. № 6. С. 5—10.
- Хачатурян Н.А.* Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. С. 5—30.
- Хачатурян Н.А.* Колесо Фортуны. Праздники и будни монаршей власти // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 5—12.
- Хачатурян Н.А.* Король-*sacré* в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 19—28.

- Хачатурян Н.А.* Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 5—16.
- Хачатурян Н.А.* Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008. С. 5—8.
- Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008.
- Цатурова С.К.* Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV—XV вв. // Карл Великий: реалии и мифы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 2001. С. 189—209.
- Цатурова С.К.* Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002.
- Цатурова С.К.* Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа): Тез. докл. М., 2004. С. 102—106.
- Цатурова С.К.* «На ком платье короля?». Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV—XV вв.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004. С. 216—248.
- Цатурова С.К.* Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти *Quod principi placuit*) // Французский ежегодник. 2005. Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева. М., 2005. С. 129—149.
- Цатурова С.К.* Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV—XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006. С. 78—95.
- Цатурова С.К.* «Король-чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанности короля во Франции XIV—XV вв. // Искусство власти: Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 99—131.
- Цатурова С.К.* Право чиновников против суверенного права короля: конфликт в королевской канцелярии (Франция, XV в.) // Право в средневековом мире / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2007. С. 107—121.
- Цатурова С.К.* Верховные ведомства и лимиты власти короля Франции в сфере законодательства в XIV—XV вв. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян; сост. О.С. Воскобойников. М., 2008. С. 152—175.
- Цатурова С.К.* Длань правосудия в инсигниях королевской власти во Франции XIII—XV вв. // Анфологион. Славяне и их соседи. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2008. Вып. 12. С. 228—232.
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII—XV веков. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2010.
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII—XV веков. М., 2012.
- Шмит Ж.-К.* Ритуал // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 408—412.
- Шмит Ж.-К.* Сакральное // Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 446—450.
- Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. А.П. Кухтенков, К.А. Левинсон, А.М. Перлов. М., 2002.
- Alibert D.* Procéder au sacre royal à l'époque carolingienne // Procéder. Pas d'action, pas de droit ou pas de droit, pas d'action? / Éd. J. Hoareau-Dodinau, G. Métairie, P. Texier, Limoges, 2006. P. 85—95.
- Amat R. de.* Du Tillet (Jean Ier) // Dictionnaire de biographie française. Paris. 1968. Vol. 12. P. 915—916.
- Appuhn H.* Zum Thron Karl des Großen // Aachener Kunstblätter. 1962. № 23—25. S. 127—130.
- Autrand Fr.* Pouvoir et société en France (XIVe—XVe siècle). Paris, 1974.
- Autrand Fr.* Charles VI: la folie du Roi. Paris, 1986.
- Autrand Fr., Barthélémy D., Contamine Ph.* L'espace français: histoire politique du début du XIe siècle à la fin du XVe: Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de

- l'enseignement supérieur public, 20e congrès // L'histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. Paris, 1989. P. 101—125.
- Autrand Fr.* Charles V le Sage. 2-e éd. Paris, 1994.
- Autrand Fr.* Le concept de souveraineté dans la construction de l'État en France (XIIIe—XVe siècle) // Axes et méthodes de l'histoire politique / Sous la dir. de S. Berstein, P. Milza. Paris, 1998. P. 149—162.
- Autrand Fr.* Le règne de Charles VI: un mauvais souvenir? // Saint-Denis et la royauté. Études offerts à Bernard Guenee / Éd. Fr. Autrand, C. Gauvard, J.-M. Moeglin. Paris, 1999. P. 13—22.
- Avout J. de.* La querelle des Armagnacs et des Bourguignons, Paris, 1943.
- Babbitt S.M.* Oresme's Livre de politiques and the France of Charles V // Transactions of the American Philosophical Society. Transactions Series. Philadelphia, 1985. Vol. 75. Ch. 1. P. 1—158.
- Babelon J.-P.* Saint Louis et traité de Paris // Le siècle de Saint Louis / Éd. R. Pernoud. Paris, 1970. P. 227—229.
- Baissac J., Jamison D.F.* Bertrand Du Guesclin et Son Époque. Paris, 2010.
- Baix F.* Les sources liturgiques de la Vita Remigii de Hincmar // Miscellanea historica in honorem A. de Meyer. Louvain, 1946. T. I. P. 186—228.
- Bak J.M.* Medieval Symbolology of the State: Persy E. Schramm's Contribution // Viator. 1973. № 4. P. 33—65.
- Balandier G.* Anthropologie politique. Paris, 1969.
- Baldwin J.* Les fondations du pouvoir royal en France au Moyen Âge / Trad. par B. Bonne, préf. de J. Le Goff. Paris, 1991.
- Bautier R.-H.* Aux origines de royauté de Provence. De la sédition avortée de Boso à la royauté légitime de Louise // Province historique. № 23. 1973. P. 41—68.
- Bautier R.-H.* Sacres et couronnements sous les Carolingiens et les premiers Capétiens // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France 1987. 1989. P. 7—56.
- Bayard J.-P.* Sacres et couronnements Royaux. Paris, 1984.
- Bayard J.-P., Perriere P.* Les Rites magiques de la Royauté. Paris, 1998.
- Beaune C.* Costume et pouvoir en France à la fin du Moyen Âge: les devises royales, vers 1400 // Revue des Sciences. 1981. Vol. LV. P. 125—146.
- Beaune C.* Naissance de France. Paris, 1985.
- Beaune C.* Le miroir du pouvoir. Paris, 1989.
- Beaune C.* The Birth of Ideology: Myths and Symbols of Nation in Late-Medieval France / Trad. by F.L. Cheyette. Berkeley, 1991.
- Bedos-Rezak B.* Signes et insignes du pouvoir au Moyen Âge: le témoignage des sceaux // Comité des Travaux historiques et scientifiques. Section de philologie et d'histoire jusqu'en 1610: Actes du 105e Congrès national des Sociétés savantes. Paris, 1984. P. 47—48.
- Bedos-Rezak B.* When Ego Was Imago: Signs of Identity in the Middle Ages. N.Y., 2010.
- Black J.* Questions in Ordination, the Mass, and the Office in Gueric of Sainte Quentin's "Quaestiones de quolibet" // Ritual, Text and Law: Studies in Medieval Canon Law and Liturgy Presented to Roger E. Reynolds / Ed. by G. Kathleen, C. Gyug, F. Gyug. Padstow, 2004. P. 73—74.
- Blanchard F.* Les Généalogies des maîtres des requestes ordinaires de l'hostel du roi. Paris, 1970.
- Blanchard J.* Une entrée royale // Le Temps de la réflexion. 1984. № 5. P. 353—374.
- Blanchard J.* Le spectacle du rite: les entrées royales // Revue historique. 2003. № 627. P. 475—519.
- Blanchet A.* Medales et jetons de sacre des rois de France // Etudes de numismatique. 1892. № 1. P. 191—197.
- Blanshard R.* Lettres et mandaments de Jean V de Bretagne // Archives de Bretagne. Nantes, 1895. Vol. VIII. P. 270—272.
- Bloch M.* Les rois thaumaturges: Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre / Préf. de J. Le Goff. Paris, 1983.
- Bobrycki Sh.* The Royal Consecration Ordines of the Pontifical of Sens From a New Perspective // Bulletin du centre d'études médiévales d'Auxerre. 2009. № 13. P. 131—142.

- Boers A.P.* The Rhythm of God's Grace: Uncovering Morning and Evening Hours of Prayer. Nashua, 2003.
- Boislisle A.-M. de.* Jean Du Tillet et le Trésor des Chartes // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. 1873. № 10. P. 106—111.
- Bonne J.-Cl.* Rituel et de la couleur. Fonctionnement et usage des images dans le Sacramentaire de Saint-Étienne de Limoges // Images et significations. Rencontres de l'École du Louvre. Paris, 1983. P. 129—139.
- Bonne J.-Cl.* The Manuscript of Ordo 1250 and Its Illustrations // Coronation: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J. Bak. Toronto, 1990. P. 58—71.
- Bonne J.-Cl.* Images du sacre // Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la BNF / Éd. J. Le Goff et al. Paris, 2001. P. 91—225.
- Bonnefin A.* Sacre de Rois de France. Limoges, 1988.
- Borkowska U.* The Funeral Ceremonies of the Polish Kings from the Fourteenth to the Eighteenth Centuries // Journal of Ecclesiastical History. 1985. Vol. 36. P. 553—516.
- Bossuat R.* Raoul de Presles. Paris, 1973.
- Boulnois O.* Au-delà de l'image: une archéologie du visuel au Moyen Âge, V^e—XVIe siècle. Paris, 2008.
- Bouman C.A.* Sacring and Crowning: The Development of the Latin Ritual for the Anointing of Kings and the Coronation of an Emperor before the Eleventh Century. Groningen-Djakarta, 1957.
- Bouquet R.* Historiens de la Gaule et de la France. Paris, 1874. T. 10.
- Bourassé J.-J. migne.* Dictionnaire d'archéologie sacrée: contenant par ordre alphabétique des alphabétique, des notions saures et complètes sur les antiquités et les arts ecclésiastiques etc. Paris, 1851.
- Bourassin E.* La cour de France à l'époque féodale (987—1483). Des rois pasteurs aux monarques absolus. Paris, 1975.
- Bourassin E.* Philippe le Bon. Paris, 1983.
- Boureau A.* Les cérémonies françaises entre performance juridique et compétence liturgique // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1991. № 6. P. 1253—1264.
- Boureau A.* Ritualité politique et modernité monarchique // L'État ou roi. Les fondations de la modernité monarchique en France (XIVe—XVIIe siècles) / Textes réunis par N. Bulst, R. Descimon, A. Guerreau. Table ronde du 25 mai 1991, organisée par N. Bulst et R. Descimon à l'École Normale Supérieure. Paris, 1996. P. 9—25.
- Boutaric E.* Notice sur les archives du Parlement de Paris // Actes du Parlement de Paris / Éd. E. Boutaric. Paris, 1863. Vol. 1. P. CXIII—CCXVI.
- Bouzy O.* Les armes symboles d'un pouvoir politique: l'épée du sacre, la Sainte Lance, l'Oriflamme, aux VIIIe—XIIe siècles // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. 1995. Vol. 22/1. P. 45—58.
- Bozóky E.* La politique des reliques de Constantin à Saint Louis: protection collective et légitimation du pouvoir. Paris, 2007.
- Braun P.* La valeur documentaire des lettres de rémission // La faute, la repression et le pardon. Actes du 107-e congrès national des sociétés savantes. Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris, 1984. T. 1. P. 207—221.
- Braun Stumm G. von.* L'origine de la fleur de lys rois de France du point de vue numismatique // Revue Numismatique. 1951. Vol. 13. P. 43—58.
- Brissaud Y-B.* Le droit de grâce à la fin du Moyen Âge (XIVe—XVe siècle). Contribution à l'étude de la restauration de la souveraineté monarchique, thèse droit. Poitiers. 1971.
- Brown E.A.R.* "Franks, Burgundians and Aquitanias" and the Royal Coronation Ceremony in France // Transactions of the American Philosophical Society. Berkeley, 1992. Vol. 82. Part. 7.
- Brown E.A.R., Famiglietti R.C.* The Lit de Justice: Semantics, Ceremonial, and the Parlement of Paris, 1300—1600. Cambridge, 1994.
- Brown E.A.R.* Jean Du Tillet and the French Wars of Religion: Five Tracts, 1562—1569. Cambridge, 1994.
- Brown E.A.R.* Le greffier civil du Parlement de Paris au XVIe siècle: Jean Du Tillet et les registres des plaidoiries // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1995. № 153 (2). P. 325—372.

- Brown E.A.R.* La justice royale et le Parlement de Paris (XIVe—XVIIe siècle) // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1995. № 151. P. 325—372.
- Brown E.A.R.* La Renaudie se venge: l'autre acy de la conjuration d'Ambois // Complots et conjurations dans l'Europe modern / Éd. Y.-M. Bergè, E.F. Giarini // Collection de l'École française de Rome. 1996. № 220. P. 451—474.
- Brown E.A.R.* Jean Du Tillet and the Archives of France // Histoire et archives. 1997. № 2. P. 29—63.
- Brown E.A.R.* Jean Du Tillet, François I-er, and the Trésor des Chartes // Histories d'archives: Recueil d'articles offert à Lucie Favier par ses colloques et amis. Paris, 1997. P. 237—245.
- Brown E.A.R.* The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean Du Tillet // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History / Ed. W.A. Goffart, A.C. Murray. Toronto, 1998. P. 348—384.
- Bryant L.M.* Le cérémonie de l'entrée à Paris au Moyen Âge // Annales. Economies, Societes, Civilisations. Vol. 41. № 3. P. 513—542.
- Bryant L.M.* Parlementaire Political Theory in the Parisian Entry Ceremony // Sixteenth Century Journal. 1976. № 7. P. 15—24.
- Bryant L.M.* The King and the City in the Parisian Royal Entry Ceremony. Politics, Ritual and Art in the Renaissance. Genève, 1986.
- Brys J.* De dispensation in jure canonico. Bruges, 1925.
- Buc Ph.* Pouvoir royal et commentaires de la Bible (1150—1350) // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1989. Vol. 44. № 3. P. 691—713.
- Buc Ph.* The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory. Princeton, 2001.
- Buch Ph.* Rituel politique et imaginaire politique // Revue historique. 2001. № 305. P. 843—883.
- Bully Ph.* Charles VII le "roi des merveilles". Paris, 1994.
- Bur M.* Reims, ville des sacres // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 38—47.
- Bury E.* La tradition gallicane: les historiographies et l'érudition en France (fin XVe—milieu XVIIIe siècle) // Les historiographes en Europe de la fin du Moyen Âge à la révolution / Dir. de Ch. Grell. Paris, 2006. P. 313—325.
- Cahours d'Aspry J.-B.* Des fleurs de lis et des armes de France: Légendes, Histoire et Symbolisme. Atlantica, 2006.
- Calabuig I.M.* The Rite of Dedication of a Church // Handbook for Liturgical Studies: Liturgical Time and Space / Ed. by A.J. Chupunggo. Nashville, 1989. P. 354.
- Calderini De-Marchi R.* Jacopo Corbinelli et les érudits français. Milan, 1914.
- Calmette J.* L'Effondrement d'un Empire et la naissance d'une Europe. Paris, 1941.
- Calmette J.* Les Grandes Ducs de Bourgogne. Paris, 1956 (reéd. 1979).
- Calmette J.* Charles V. Paris, 1979.
- Capetian House of Anjou: Charles I of Naples, Charles II of Naples, House of Anjou, Capetian House of Anjou, Robert of Naples, Maria of Hungary. Books Llc., 2010.
- Caron M.-Th.* Noblesse et pouvoir royal. Paris, 1994.
- Cassingena-Trévedy F.* La décoration: geste de Dieu, geste de l'homme. Lorsque les fleurs vont à l'église: célébration de la caducité // La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique, 2012. Vol. 272. Noble beauté de la liturgie. P. 99—114.
- Catalogue de l'exposition à la Bibliothèque nationale // La France monumentale vers 1700 d'après les dessins de la collection Gaignières. Paris, 1964.
- Cazelles R.* Les variations du prelevement et de la repartition selon les équipes au pouvoir // Genèse de l'État moderne. Prelevement et redistribution. P. 203—207.
- Cazelles R.* Societe politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève-Paris, 1982.
- Champion P.* Henri III, roi de Pologne (1573—1574). Paris, 1943.
- Charbonnier P.* Culpabilité et criminalité dans les lettres de rémission de la seconde moitié du XVe siècle // La culpabilité / Éd. J. Hoareau-Dodinau, P. Texier. Limoges, 2001. P. 495—510.
- Châtillon H.* Recueil de Généalogie. Rennes, 1904. T.1.
- Chenon E.* Histoire générale du droit français public et privé des origines à 1815: 2 vol. Paris, 1926—1929.

- Chervalier J.* Le mausolée de du Guesclin au Puy. Paris, 1978.
- Cheyette F.* La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // *Revue historique de droit français et étranger.* 1962. № 40. P. 373—394.
- Chomette H.* De l'amnistie spécialement dans ses effets au points de vue pénal et au point de vue civil. Paris, 1898. P. 8—11.
- Colette M.-N.* Le chant dans l'Ordo du sacre // *Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la BNF / Éd. J. Le Goff et al.* Paris, 2001. P. 227—247.
- Collard F.* Pouvoirs et culture politique dans la France médiévale (V^e—XVe siècle). Paris, 1999.
- Congar Y.* L'Église et L'État sous le règne de Saint Louis // *Septième centenaire de la mort de Saint Louis: Actes des Colloques de Royaumont et de Paris (20—27 mai 1970).* Paris, 1976. P. 257—271.
- Contamine Ph.* L'oriflamme de Saint-Denis en XIV—XV siècles // *Annales de l'Est.* 1973 (1975). T. 25. № 3. P. 3—72.
- Contamine Ph.* De la puissance aux privilèges: doléances de la noblesse française envers la monarchie aux XIVe et XVe siècles // *La Noblesse au Moyen âge, (XIe—XVe siècle): Essai à la mémoire de Robert Boutruche / Éd. Ph. Contamine.* Paris, 1976. P. 235—257.
- Contamine Ph.* Des pouvoirs en France, 1300—1500. Paris, 1992.
- Contamine Ph.* Le concept de société politique dans la France de la fin du Moyen âge: définition, portée et limites // *Axes et méthodes de l'histoire politique / Sous la dir. de S. Berstein et P. Milza.* Paris, 1998. P. 261—271.
- Coronations.* Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J.M. Bak. Toronto, 1990.
- Correspondance française de Calvin avec Louis du Tillet / Éd. A. Crottet.* Lausanne, 1850.
- Coulet N.* Les Entrées solennelles en Provence au XIVe siècle // *Ethnologie française.* 1977. № 7. P. 63—82.
- Coulet N.* Le malheur des temps, 1348—1440 // *Histoire de la France des origines à nos jours / Sous la dir. de G. Duby.* Paris, 2007. P. 315—342.
- Coville J.* L'ordonnance cabochienne. Paris, 1891.
- D'Ayzac F.* Histoire de l'abbaye de Saint-Denis en France: 2 vol. Paris, 1961. Vol. 2.
- Dallas M.* Les sceaux des rois et de régence. Paris, 1990. P. 36—48.
- Daubresse S., Morgat-Bonnet M., Storez-Brancourt I.* Le Parlement en exil, ou, histoire politique et judiciaire des translations du Parlement de Paris (XVe—XVIIIe siècle) // *Histoire et archives. Hors-série.* 2007. № 8. P. 5—841.
- David M.* Le serment du sacre du IXe au XVe siècle // *Revue du Moyen Âge latin. Études, textes, chronique, bibliographie.* Jan.-Mars, 1950. T. 6. № 1. P. 5—272.
- David M.* La souveraineté et les limites juridiques du pouvoir monarchique du IXe au XVe siècle // *Annales de la Faculté de Droit et des Sciences Politiques de Strasbourg.* Paris, 1954. № 1.
- Davis N.Z.* Pour sauver sa vie. Les recits de pardon au XVIe siècle / Trad. de C. Cler. Paris, 1988.
- Davis N.Z.* Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford, 1990.
- Delaborde H.-Fr.* Les travaux de Dupuy sur les Trésor de Chartes et les origines du supplément // *Bibliographe de l'École des Chartes.* 1897. P. 128—154.
- Delaborde H.-Fr.* Étude de la constitution du Trésor des chartes. Paris, 1909.
- Delisle L.* Le cabinet des manuscrits de la bibliothèque nationale: étude sur la formation de ce dépôt <...> avant l'invention de l'imprimerie. Paris, 1868. Vol. 1.
- Delisle L.* Le trésor des Chartes // *Journal des savants.* 1910. Vol. 8. P. 193—201.
- Delumeau J.* Le péché et la peur. Im culpabilisation en Occident. XVIe—XVIIIe siècles. Paris, 1983.
- Deslandres Y.* La costume du roi Saint Louis, étude iconographique // *Septième centenaire de la mort de Saint Louis: Actes du Colloque de Royaumont (mai 1970).* Paris, 1876. P. 195—214.
- Desportes P.* Le frait du sacre à Reims aux XIII et XIV siècles // *Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux.* Reims, 1975. P. 146—156.
- Desportes P.* Reims et Remois aux XIII et XIV siècles. Lille, 1979. T. 1.

- Dessalles M.L.* Le Trésor des Cartes, sa création, ses gardes et leurs travaux, depuis l'origine jusqu'en 1582 // Imprimerie royale. 1844. № 4. P. 79—82.
- Deville A.* Histoire du château et des sires de Tancarville. Rouen, 1834.
- Devisch R., Perrot Ch., Voyé L., Chauvet L.-M.* Le Rite, Source Et Ressources. Bruxelles, 1995.
- Devisse J.* Essai sur l'histoire d'une expression qui a fait fortune: Consilium et auxilium au IX siècle // Le Moyen Âge. 1968. P. 171—198.
- Devisse J.* Hincmar, archevêque de Reims, 845—882. Genève, 1975—1976. Vol. 3.
- Devisse J.* Le sacre et le pouvoir avant les Carolingiens: l'héritage wisigothique // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnements royaux. Paris, 1985. P. 27—37.
- Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. Sigmaringen, 1975.
- Discours par lequel il apparôistra que le royaume de France est électif, et non héréditaire. S/p, 1551.
- Dreux du Radier J.-F.* Mémoires historiques, critiques et anecdotes des reines et régentes de France. Paris, 1808.
- Droits savants et pratiques françaises du pouvoir (XIe—XVe siècle) / Sous la dir. J. Krynen, A. Rigaudière. Paris, 1992.
- Drouot H., Calmette J.* Histoire de Bourgogne. Paris, 1942.
- Duby G., Forster E.* Medieval Marriage: Two Models From Twelfth Century France / Trans. by E. Foster. Baltimore, 1971.
- Dunbabin J.* Charles I of Anjou: Power, Kingship and State-Making in Thirteenth-Century Europe. Longman, 1998.
- Dunbabin J.* Creating an Image for a New Kingship: Charles I of Anjou, King of the Regno // Aspects of Power and Authority in the Middle Ages / Ed. by B. Bolton, Ch. Meek. Brepols, 2007. P. 23—52.
- Dunbabin J.* The French in the Kingdom of Sicily, 1266—1305. Cambridge, 2011.
- Dupont-Ferrier G.* Le Personnel de la cour ou chambre des aides de Paris des origines à 1483 // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France. 1931. P. 219—256; 1932. P. 191—297; 1933. P. 167—269.
- Ellis H.A.* Boulainvilliers and the French Monarchy: Aristocratic Politics in Early Eighteenth-Century France. Ithaca—New York—London, 1988.
- Elze R.* Die Ordines für die Weiche und Krönung des Kaisers und der Kaiserin. Hannover, 1960.
- Erlande-Brandenburg A.* Le roi est mort, étude sur les funérailles, les sépultures et les tombeaux des rois de France jusqu'à la fin du XIII siècle. Paris, 1975.
- Esmein R.* Le serment promissoire // Revue d'histoire de droit. 1888. P. 317—325.
- Estreicher C.* The Mystery of the Polish Crown Jewels. London, 1945.
- Famiglietti R.* The Role of the Parlement de Paris in the Ratification and Registration of Royal Acts during the Reign of Charles VI // Journal of Medieval History. 1983. № IX. P. 217—225.
- Famiglietti R.* Crisis at the Court of Charles VI. 1392—1420. N.Y., 1986.
- Famiglietti R.* Royal Intrigue: Crisis at the Court of Charles VI, 1392—1420. N.Y., 1986.
- Faral E.* Robert le Coq et les États Généraux de 1356 // Revue d'histoire de droit. Ser. 41. 1945. Vol. XXIII. P. 171—214.
- Farr W.* Constitutional Thought in Sixteenth-Century France: A Study in the Evolution. L., 1969.
- Favier J.* La guerre de Cent Ans. Paris, 1980.
- Fawtier R.* Comment le roi de France au début du XIVe siècle, pouvant-il se représenter son royaume? // Melanges offerts à M. Paul-E. Martin, par ses amis, ses collègues et ses élèves. Genève, 1961. P. 65—77.
- Ferey J.* Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye // Musées et Monuments historiques. Octobre. 1979. № 104. P. 66—77.
- Fisquet M.H.* La France pontificale (Gallia christiana), histoire chronologique et biographique des archevêques et évêques de tous les diocèses de France depuis l'établissement du christianisme jusqu'à nos jours, divisée en 17 provinces ecclésiastiques. Paris, 1873. T. II. Paris: doyens, grands-aumôniers, abbayes, etc.
- Flori J.* Chevalerie et liturgie. Remise des armes et vocabulaire "chevaleresque" dans les

- sources liturgiques du IXe au XIVe siècle // *Le Moyen Âge: bulletin mensuel d'histoire et de philologie*. 1978. T. 84. № 2. P. 247—278; № 3. P. 409—442.
- Folda J. *Crusader Art in the Holy Land, From the Third Crusade to the Fall of Acre. 1187—1291*. Cambridge, 2005.
- Foley E. *The "Libri Ordinarii": An Introduction // Ephemerides Liturgicae*. 1988. Vol. 102. P. 129—137.
- Folz R. *Les trois couronnements de Charles le Chauve // Byzantion*. 1991. Vol. LXI. P. 93—111.
- Francois M. *Note sur les lettres de rémission transcrites dans les registres du Trésor des Chartes // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1942. № 103. P. 317—234.
- Francois M. *Les lettres de rémission du Trésor des Chartes // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1943. № 104. P. 450.
- Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles and Burghers in Medieval Hungary / Trad. of J. Bak*. London, 1986.
- Fumaroli M. *Aux origines de la connaissance historique du Moyen Âge: humanism réforme et gallicanisme au XVIe siècle // XVIIe siècle*. 1977. Vol. CXIV—CXV. P. 5—29.
- Gaborit-Chopin D. *Les couronnes du sacre des rois et des reines au trésor de Saint-Denis // Bulletin monumentale*. Paris, 1975. T. 133 (II). P. 165—174.
- Gaborit-Chopin D. *Les Instruments de sacre des rois de France*. Paris, 1987
- Gaborit-Chopin D. *Le Trésor de Saint-Denis / Éd. D. Gaborit-Chopin, M.-P. Laffite*. Prache A. et al. Dijon, 1992.
- Gage J. *Color and Culture: Practice and Meaning from Antiquity to Abstraction*. London, 1999. P. 60—93.
- Gallet L. *La monarchie française d'après Claude de Seyssel // Revue d'histoire de droit*. 1944. P. 1—34.
- Garaud M. *Les chatelaines de Poitou et avènement du régime féodal, XIe—XIIe siècles*. Poitiers, 1967.
- Gaude-Ferragu M. *D'or et de cendres: la mort et les funérailles des princes dans le royaume de France au bas Moyen Âge*. Villeneuve-d'Ascq, 2005.
- Gautier L. *La chevalerie*. Paris, 1894. 3-éd. 1895.
- Gauthier M.-M. *Cahiers de civilisation médiévale // Année*. 1975. Vol. 18. № 18—70. P. 149—156.
- Gauvard C. *Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen Âge // Histoire comparée de l'administration (IVe—XVIIIe siècles): Actes du Colloque franco-allemand / Sous la dir. de W. Paravicini, K.F. Werner. München, 1980. P. 83—593.*
- Gauvard C. *L'image du roi justicier en France à la fin du Moyen Âge d'après les lettres de rémission // La faute, la repression et le pardon. Actes du 107-e congrès national des sociétés savantes. Brest, 1982. Section de philologie et d'histoire jusqu'à 1610. Paris, 1984. T. 1. P. 165—192.*
- Gauvard C. *Le Roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne // Collection de l'École française de Rome*. Rome, 1985. Vol. 82. P. 353—366.
- Gauvard C. *Ordonnance de réforme et pouvoir législatif en France au XIVe siècle (1303—1413) // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / Dir. A. Gouron, A. Rigaudière*. Montpellier, 1988. P. 89—98.
- Gauvard C. *De la théorie à la pratique: justice et miséricorde en France pendant le règne de Charles VI // Revue des langues romanes*. Christine de Pizan. 1988. № 92 (2). P. 317—370.
- Gauvard C. *Les révoltes du règne de Charles VI: tentative pour expliquer un échec // Révolte et société, actes du IV colloque d'Histoire au présent (mai 1988): 2 vol. Paris, 1989. Vol. 1. P. 53—61.*
- Gauvard C. *Pendre et dépendre à la fin du Moyen Âge. Les exigences d'un rituel judiciaire // Histoire de la Justice*. 1991. № 4. P. 5—24.
- Gauvard C. *"De grâce especial". Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge: 2 vol. Paris, 1991.*
- Gauvard C. *La fama, une parole fondatrice // Medievales*. 1993. № 24. P. 5—13.
- Gauvard C. *Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Âge // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1995. № 153(2). P. 275—290.

- Gauvard C.* La justice pénale du roi de France à la fin du Moyen Âge // Le pénal dans tous ses états: justice, Etats et Sociétés en Europe (XIIe—XXe siècles) / Sous la direction de X. Rousseaux, R. Lévy. Bruxelles, 1997. P. 81—112.
- Gauvard C.* De la difficulté d'appliquer les principes théoriques du droit pénal en France du Moyen Âge / Hrsrg. von D. Willoweit // Die Entstehung des öffentlichen Strafrechts. Wien, 1999. P. 91—120.
- Gauvard C.* Discipliner la violence dans le royaume de France aux XIVe et XVe siècles: une affaire d'État? // Disciplinierung im Alltag des Mittelalters und der Fruhen Neuzeit / Hrsrg. von G. Jaritz. Wien, 1999. P. 173—204.
- Gauvard C.* Les rites de la justice. Paris, 2000.
- Gauvard C.* L'Honneur du Roi. Peines et rituels judiciaires au Parlement de Paris à la fin du Moyen âge // Les rites de la justice et rituels judiciaires au Moyen Âge occidental / Éd. C. Gauvard, R. Jacob. Paris, 2000. P. 99—123.
- Gauvard C., Boureau A., Jacob R., De Miramon Ch.* Les normes, droit, rituels et pouvoir I // Les Tendances actuelles de l'histoire au Moyen-Âge en France et en Allemagne, Paris, 2002. P. 461—482.
- Gauvard C.* Le rituel, objet d'histoire // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne: Colloque, Sèvres et Göttingen, 1997—1998 / Dir. de J.Cl. Schmitt, O.G. Oexle. Paris, 2002. P. 269—281.
- Gebelin F.* Collection Godefroy, Catalogue. Paris, 1914.
- Gebelin F.* La Sainte-Chapelle et la Conciergerie. 3-d éd. Paris, 1943.
- Geertz C.* Centers, Kings, and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Culture and Its Creators. Essays in Honor of Edward Shils / Ed. by J. Ben-David, T.N. Clark. Chicago, 1977. P. 150—171.
- Genèse de l'État moderne. Prelevement et redistribution: Actes du colloque de Fontevraud, 1984 / Éd. par J.-Ph. Genet, M. Le Mene. Paris, 1987.
- Gennep A. van.* Les rites de passage. 2-éd. Paris, 1969.
- Giesey R.E.* Royal Funeral Ceremony in Renaissance France // Travaux de l'Humanisme et Renaissance. Genève, 1960. № 37.
- Giesey R.E.* The Juristic Basis of the Dynastic Right to the French Throne // Transaction of the American Philosphical Society. Philadelphia, 1961. Vol. 51. Part 5. P. 3—44.
- Giesey R.E.* Modèles de pouvoir dans les rites royaux en France // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1986. T. 41. № 3. P. 579—590.
- Giesey R.E.* Cérémonial et puissance souveraine France, XVe—XVIIe siècles. Paris, 1987.
- Giesey R.E.* Le roi ne meurt jamais. Paris, 1987.
- Gieysztor A.* "Non habemus Caesarem nisi regem": La couronne fermée des rois de Pologne à la fin du XVe et au XVIe siècle // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1969. Vol. 127. № 127 (1). P. 5—26.
- Gieysztor A.* Spektakl i liturgia — polska koronacja królewska // Kultura elitarna a masowa w Polsce późnego średniowiecza, pod red. B. Gieremka, Wrocław, 1978.
- Gieysztor A.* Gesture in the Coronation Ceremonies of Medieval Poland // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 152—164.
- Gobron L.* Des sources du droit de grâce dans la législation romaine. Paris, 1893.
- Godin X.* Les enjeux politiques de l'ordonnance civile (1667) // Procéder: pas d'action, pas de droit ou pas de droit, pas d'action? / Éd. J. Hoareau-Dodinau, G. Métairie, P. Texier. Limoge, 2006. P. 155—174.
- Gooch G.P.* Louis XV: The Monarchy in Decline. London, 2003.
- Gouillet M.* Texte latin et traduction française du ms 1246 de la Bibl. nat. de France // Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la Bibliothèque National Françaises / Éd. J. Le Goff et al. Paris, 2001. P. 257—295.
- Grell Ch.* Les historiographes en France XVIe—XVIIIe siècles // Les historiographes en Europe de la fin du moyen âge à la révolution / Dir. de Ch. Grell. Paris, 2006. P. 127—156.
- Grodecki L.* Sainte-Chapelle. Paris, 1979.
- Guennée B., Lehoux Fr.* Préface // Les entrées royales françaises de 1328 à 1515 / Éd. B. Guennée, Fr. Lehoux. Paris, 1968. P. 11—24.
- Guennée B.* "Non perjurabilis". Serment et parjure en France sous Charles VI // Journal des savants. 1989. № 2. P. 241—257.

- Guenée B.* L'Occident aux XIVe et XVe siècle. Les États. Paris, 1993.
- Guilhermy F. de.* L'Abbaye de Saint-Denis: Tombeaux et figures historiques des rois et figure historiques des rois de France. Paris, 1891.
- Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y.* Pouvoirs et institutions dans la France médiévale: 2 vol. Paris, 1994.
- Guyon G.* L'héritage religieux du pardon dans la justice pénale de l'Ancien Droit // Le pardon / Éd. J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseau, P. Texier. Limoges, 1999. P. 89—115.
- Guyon G.* Justice de Dieu, justice des hommes — christianisme et histoire du droit pénal. Neuf, 2009.
- Guyotjeannin O.* Les méthodes de travail des archivistes du roi de France (XIIIe—début XVIe siècle) // Archiv für Diplomatik. 1996. T. 42. P. 295—373.
- Guyotjeannin O.* "Super omnes thesauros rerum temporalium": les fonctions du Trésor des Chartes du roi de France (XIVe—XVe siècles // Écrit et pouvoir dans les chancelleries médiévales: espace français, espace anglais: Actes du colloque international de Montréal, 7–9 septembre 1995 / Éd. K. Fianu, D.J. Guth. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 109—131.
- Guyotjeannin O., Potin Y.* La fabrique de la perpétuité: le Trésor des Chartes et les archives du royaume, XIIIe—XIXe siècles // Revue de synthèse. Fabrique des archives, fabrique de l'histoire. 2004. № 5. P. 15—44.
- Gy P.-M.* La Bible dans la liturgie au Moyen Âge // Le Moyen Âge et la Bible Riche / Éd. de P.G. Lobricon. Paris, 1984. P. 537—552.
- Hameline J.-Y., père.* Couleur et couleurs dans le site cérémoniel // Chroniques d'art sacré. Automne 2004. P. 30—31.
- Hand J.M.* Women, Manuscripts and Identity in Northern Europe, 1350—1550. Farnham—Burlington, 2013.
- Hanley S.* L'idéologie constitutionnelle en France: le Lit de Justice // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1982. № L. P. 32—63.
- Hanly S.* Le "lit de justice" des rois de France. L'idéologie constitutionnelle dans l' légende, le rituel et le discours / Trad. par A. Charpentier. Paris, 1991.
- Haueter A.* Die Krönungen der französischen Könige im Zeitalter des Absolutismus und in der Restauration. Zürich, 1975.
- Hauser A.J., Russell G.* From Carmel to Horeb: Elijah in Crisis. Sheffield, 1990.
- Hautecoeur L.* Louvre: le château, le palais, le musée, des origines à nos jours, 1200—1928. Paris, 1929.
- Hearsey J., Salmon J.H.M.* Society in Crisis: France in the Sixteenth Century. Cambridge, 1979.
- Hedeman A.D.* The Commemoration of Jeanne d'Evreux's Coronation in the *Ordo ad Consecrandum* at the University of Illinois // Essays in Medieval Studies: Proceedings of the Illinois Medieval Association. 1990. № 7. P. 13—28.
- Helbig H.* Die ungarische Gesetzgebung des 13. Jahrhunderts und die Deutschen // Vorträge und Forschungen. 1975. Bd. XVIII. Die deutsche Ostsiedlung des Mittelalters als Problem der europäischen Geschichte. S. 509—526.
- Heller H.* Iron and Blood: Civil Wars in Sixteenth-Century France: 2-e ed. Ottawa, 1991.
- Henwood P.L.* Raymond du Temple, maître d'oeuvre des rois Charles V et Charles VI // Bulletin de Society of Histoire. Paris-Île de France, 1978. Vol. CV. P. 55—74.
- Heusch L. de.* Introduction à une ritologie générale // L'Unité de l'homme: Pour une anthropologie fondamentale / Éd. E. Motin, M. Piatelli-Parlamarini. Paris, 1974.
- Hingle W.* The Portal of the Saints of Reines Cathedral: A Study in Medieval Iconography. New York, 1965.
- Hinkle W.M.* The fleurs de lis of the kings of France, 1285—1488. Southern Illinois, 1991.
- Histoire de Charles V / Éd. R. Delachenal: 5 vol. Paris, 1911. Vol. 3.
- Histoire généalogique et héraldique des pairs de France des grands dignitaires de la couronne, des principales familles nobles du Royaume, et des maisons princières de l'Europe, précédée de la généalogie de la maison de France / Par M. le Chevalier De Courcelles. Paris, 1822. T. 1. P. 50—51.
- Hoffmann H.* Die Unverausserlichekeit der Kronrechte im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1964. № 20. S. 389—474.
- Honigsmann E.* Pierre l'Iberian et les écrits du Pseudo-Denys l'Aréopagite, Bruxelles, 1952.

- Howard A.L.* The Holy Lance and the hereditary German monarchy // *Art bulletin*. 1966. № 48. P. 177—192.
- Hughes A.* Antiphons and Acclamations: The Politics of Music in the Coronation Service of Edward II, 1308 // *Journal of Musicology*. 1988. Vol. 6. № 2. P. 150—168.
- Humbert M.* Le pein en droit romain dans le monde antique // *La peine*. Bruxelles, 1991. Vol. LX. P. 133—138.
- Identités hongroises, identités européennes à Moyen Âge de nos jour / Sous la dir. P. Nagy. Rouen, 2001.
- Isambert F.* Eléments d'anthropologie, et de musicologie du culte chrétien // *Recherches de Sciences religieuses*. 1990. № 78. P. 297—424.
- Jackson R.A.* Sleeping King // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance; travaux et documents*. 1969. № 31. P. 521—551.
- Jackson R.A.* Peers of France and Princes of the Blood // *French Historical Studies*. 1971. Vol. 7. № 1. P. 27—46.
- Jackson R.A.* De l'influence byzantin sur les sacres des rois de France // *Byzantion*. 1981. № 5. P. 201—210.
- Jackson R.A.* Vivat Rex! Histoire des sacres et couronnements en France (1324—1825) / Trad. par M. Arav. Paris, 1985.
- Jackson R.A.* Who wrote Hincmar's ordines? // *Viator*. 1994. Vol. 25. P. 31—52.
- Jackson R.A.* The Livres Bleu and Rouge. Two Coronation Manuscripts in the Cathedral of Reims // *The Man of Many Devices, who Wandered Full Many Ways: Festschrift in honor of J.M. Bak* / Ed. by B. Nagy, M. Sebök. Budapest, 1999. P. 176—186.
- Jacob R.* Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Âge à l'âge classique. Paris, 1994.
- Jacob Y.* Bertrand du Guesclin: connétable de France. Paris, 1992.
- Jarry E.* La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans. 1372—1407. Paris, 1889.
- Jordan W.Ch.* The Priory of Deerhurst and the Treaty of Paris (1259) // *Thirteenth Century England XIII: Proceedings of the Paris Conference, 2009* / Ed. by J. Burton, Fr. Lachaud, Ph. Schofield, K. Stöber, B. Weiler. Woodbridge, 2011. P. 133—141.
- Kantorowicz E.H.* *Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Medieval Ruler Worship* / Trans. by M.F. Bursofzer. Berkeley—Los-Angeles, 1946.
- Kantorowicz E.H.* *The King's Two Bodies: A Study in Mediaeval Political Theology* / Pref. by W.Ch. Jordan. Princeton, 1958.
- Kantorowicz E.H.* *Selected Studies*. N.Y., 1965
- Kelley D.R.* Jean du Tillet, Archivist and Antiquary // *Journal of Modern History*. 1966. Vol. XXXVIII. P. 337—354.
- Kelley D.R.* *Foundation of Modern Historical Scholarship: Language, Law and History in French Renaissance France*. N.Y., 1970.
- Kelley D.R.* *France // The Renaissance in National Context* / Ed. K. Porter, M. Theich. Cambridge, 1992. P. 123—145.
- Kemp J.A.* A New Concept of the Christian Commonwealth in Innocent IV // *Proceedings of the 2nd International Congress of Medieval Canon Law, Boston College, 12—16 August 1963* / Ed. S. Kuttner, J.J. Ryan // *MIC. Series C. Vol. 1. Citta del Vaticano*, 1965. P. 155—159.
- Kendall P.-M.* *Louis XI*. Paris, 1974.
- Kienast W.* *Untertaneneid und Treuvorbehalt in Frankreich und England: Studien zur vergleichenden Verfassungsgeschichte des Mittelalters*. Weimar, 1952.
- King of Hungary and Poland* / Ed. by S.B. Várdy, G. Grosschmid, L.S. Domonkos. Philadelphia, 1986.
- Klaniczay G.* *Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe* / Trad. of I. Halfin. Cambridge, 2002. P. 425—426.
- Kleinclausz A.* *L'Empire carolingien, ses origines et ses transformations*. Paris, 1902.
- Knowlson G.* *Jean V, duc de Bretagne et l'Angleterre*. Cambridge—Rennes, 1964.
- Koch A.* *Kaiserin Judith: eine politische Biographie*. Dissertation. Husum, 2005.
- Konigson E.* *La Cite et le Prince. Premières entrées de Charles VIII (1484—1486)* // *Les fêtes de la Renaissance* / Éd. par J. Jacquotet, E. Konigson. Paris, 1975. T. 3. P. 55—69.
- Koronacja królów i królowych w Polsce*. Warsaw, 1918.

- Kosiol G.* Begging Pardon and Favor: Ritual and Political Order in Early Medieval France. Ithaca—London, 1992.
- Kosiol G.* The Dangers of Polemic: Is Ritual Still an Interesting Topic of Historical Study // Early Medieval Europe. 2002. № 11. P. 367—388.
- Kraushar A.* Klejnoty koronne Polski // Przewodnik Naukowy i Literacki. Warszawa, 1896. T. XXIV. S. 74—90.
- Krynen J.* Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Âge (1380—1440): Étude de la littérature politique du temps. Paris, 1981.
- Krynen J.* Le mort saisit le vif». Genèse medievale du principe d'instananeite de la succession royale francaise // Journal des savants. 1984. № 2. P. 178—221.
- Krynen J.* Genèse de l'État et histoire des idées politiques en France à la fin du Moyen Âge // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne: Actes de la table ronde organisée par le CNRS et l'École française de Rome, Rome, 15—17 octobre 1984. Rome, 1985. P. 395—412.
- Krynen J.* Droit romain et état monarchique: A propos du cas français // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Âge: Actes du colloque / Éd. J. Krynen, A. Rigaudière. Paris, 1992.
- Krynen J.* L'Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe—XVe siècle. Paris, 1993.
- Krynen J.* Ideologie et royauté // Saint-Denis et la royauté. Etudes offerts à Bernard Guenee / Éd. Fr. Autrand, C. Gauvard, J.-M. Moeglin. Paris, 1999. P. 609—620.
- Krynen J.* La souveraineté royale // Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne: Colloque, Sèvres et Göttingen, 1997—1998 / Dir. de J.-Cl. Schmitt, O.G. Oexle. Paris, 2002. P. 269—281; P. 299—302.
- Kürbis B.* Polskie laudes regiae w kronice Anonima Galla // Cultus et cognitio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976. S. 299—311.
- Kutrzeba S.* Koronacje królów i królowych w Polsce, Warszawa, 1918.
- La Guerre de Cent Ans vue à travers les registres du Parlement (1337—1368) / Éd. P. Timbal. Paris, 1961.
- La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992.
- Lacour C.* Bertrand Duguesclin, connétable de France: Duguesclin combat les Anglais et sauve le royaume. Nîmes, 2005.
- Lacour R.* Le Gouvernement de l'apanage de Jean, duc de Berry. Paris, 1934.
- Lander G.B.* Images and Ideas in the Middle Ages: Selected Studies in History and Art: 2 vol. Roma, 1983.
- Lavisse E.* Étude sur le pouvoir royal au temps de Charles V // Revue historique. 1884. T. XVI. P. 233—280.
- Law J.* Fleur de lys. Kings and Queens of France. N.Y., 1976.
- Le Gall J.-M.* Le mythe de Saint Denis: Entre Renaissance et Révolution. Paris, 2007.
- Le Goff J.* Le rituel symbolique de la vassalité // Pour un autre Moyen Âge: temps, travail et culture en Occident. 18 essais. Paris, 1977. P. 249—420.
- Le Goff J.* A Coronation Program for the Age of Saint Louis, the Ordo of 1250 // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 46—57.
- Le Goff J.* Aspects religieux et sacrés de la monarchie française du Xe au XIIIe siècle // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 19—37
- Le Pontifical romano-germanique du dixième siècle / Éd. de C. Vogel, R. Elze: 3 vols. Rome, 1963—1972.
- Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975.
- Leach E.* Ritualisation in Man in Relation to Conceptual and Social Development // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series «B»: Biological Sciences. 1966. № 772. Vol. 251. P. 403—408.
- Leach E.* Culture and Communication: the Logic by Which Symbols are Connected. An Introduction to the Use of Structuralist Analysis in Social Anthropology. Cambridge, 1976.
- Leca A.* La dévolution de la Couronne dans «Le Songe du Vergier» // L'État, la Révolution

- française et l'Italie: Actes du Colloque de Milan (14, 15,16 septembre 1989) / Dir. par. M. Gandin Aix-Marseille. 1990. P. 7—35.
- Leclercq J. (Dom.).* L'Idée de la royauté du Christ au Moyen Âge. Paris, 1959.
- Leclercq J. (Dom.).* Sur les sermons du XI^{nc} siècle idée de la royauté du Christ au Moyen Âge. Paris, 1959.
- Lefebvre A.* Nouvelle Note sur Bureau de La Rivière et sa famille. Paris, 1895.
- Leflon J.* Histoire de l'église de Reims du Ier au Ve siècles // Travaux de l'Académie nationale de Reims. Reims, 1944. T. 142. P. 1—238.
- Legg J.W.* Notes on History of Liturgical Colors. London, 1882.
- Legoux J.* Du droit de grâce en France comparé avec les législations étrangères, commenté par les lois, ordonnances, décrets, lettres patentes, déclarations, édits royaux, arrêts de parlements, de la Cour de cassation et de cours impériales, avis du conseil d'état, décisions et circulaires ministérielles, instructions de l'administration de l'exregistrement, etc. Depuis 1349 jusqu'en 1865. Paris, 1863.
- Leguai A.* Les Ducs de Bourbon pendant la crise monarchique du XVe siècle. Paris, 1962.
- Lehoux F.* Jean de France, duc de Berry. Sa vie. Son Action politique (1340—1416). Paris, 1966.
- Leroy G.* Les reliques de Saint Louis dans Seine-en-Marne. Paris, 1889.
- Les princes et le pouvoir au Moyen Âge: XXIII congrès de la Société des Historiens Médiévistes de l'Enseignement Supérieur. Brest, mai 1992. Publications de la Sorbonne. Serie: Histoire ancienne et médiévale. T. 28. Paris, 1993.
- Les tendances actuelles de l'histoire du Moyen Âge en France et en Allemagne: Colloque, Sèvres et Göttingen, 1997—1998 / Dir. de J.Cl. Schmitt, O.G. Oexle. Paris, 2002.
- L'État moderne, genèse: bilans et perspectives: Colloque de Paris, 1989 / Éd. J.-Ph. Genêt. Paris, 1990.
- Letonnelier G.* Histoire du Dauphiné. Paris, 1958.
- Levassuer M.* Des princes français, rois de Sicile, rois de Naples. Essai historique. Paris, 2012.
- Lewis A.R.* The Development of Southern French and Catalan Society. 718—1050. Austin, 1965.
- Lewis A.S.* Royal Succession in Capetian France. Studies on Familial Order and the State. Cambridge, 1982.
- Lewis A.W.* Le Sang Royal. Le Famille capétienne et l'État: France X^e—XIVe siècles. Paris, 1986.
- Leyser K.* Medieval Germany and its neighbors. 900—1250. L., 1982.
- Leyser K.* Ottonian government // English Historical Review. 1981. № 381. P. 721—753.
- Lillich M.P.* The Armor of Light: Stained Glass in Western France, 1250—1325. Oxford, 1994.
- Lillich M.P.* King Solomon in Bed. Archbishop Hincmar, the Ordo of 1250, and the Stained-Glass Program of the Nave of Reims Cathedral // Speculum. 2005. Vol. 80. № 3. P. 764—801.
- Lombard-Jourdan A.* Fleur de lys et oriflamme. Signes célestes du royaume de France. Paris, 1991.
- Lonoë G.* L'ordo de couronnement de Charles le Chauve // Kings and Kingship in Medieval Europe / Ed. A.J. Duggan. London, 1993. P. 41—68.
- Lord C.* Jeanne d'Evreux as a Founder of Chapels. Patronage and Public Piety // Women and Art in Early Modern Europe: Patrons, Collectors, and Connoisseurs / Ed. by C. Lawrence. Pennsylvania, 1992. P. 21—36.
- Lot F.* Quelques mots sur l'origine des paires de France // Revue historique. 1894. Vol. CIV. P. 34—59.
- Macartney C.A.* Hungary. A Short History. Edinburg, 1962.
- Macartney C.A.* Hungary: From Ninth Century Origins to the 1956 Uprising. Rutgers, 2008.
- MacCormack S.* Art and Ceremony in Late Antiquity. Berkeley, 1981. P. 1—92.
- Maillane D.* Preuves des libertes d l'Eglise Gallicane. Paris, 1947. T. III.
- Major J.R.* Representative Institutions in Renaissance France. 1421—1559. Madison, 1960.
- Maran R.* Bertrand du Guesclin: l'épée du Roi. Paris, 1960.
- Marshal-Verdoodt M.* Table des noms de personnes et de lieux mentionnés dans les plus anciens comptes de la recette générale de Philippe le Hardi, duc de Bourgogne (1383—1389). Madison, 1960.

- Martinet S.* Une reine du IXe siècle "La belle Judith" // Compte-rendu du 10e congrès à Saint-Quentin le 15 mai 1966. 1966. T. XII. P. 85—93.
- Martin O.* L'Assemblée de Vincennes de 1329 et ses conséquences. Étude sur les conflits entre la juridiction laïque et la juridiction ecclésiastique au XIVe siècle, Paris, 1909. P. 143.
- Masselin J.* Journal des Etat Généraux / Éd. A. Bernier. Tours, 1835.
- Maugis E.* Histoire du parlement de Paris. Paris, 1913. Vol. 1.
- Mazouer C.* Dieu, justice et misericorde dans le Mistère de Viel Testament // Moyen Âge. 1985. № 91. P. 53—73.
- McCormick M.* The Liturgy of War in the Early Middle Ages: Crisis, Litanies, and the Carolingian Monarchy // Viator. 1984. Vol. 15. P. 1—23.
- McConnick M.* Eternal Victory. Triumphal Rulership in Late Antiquity, Byzantium, and the Early Medieval West. Cambridge—Paris, 1986.
- McLeod E.* Charles of Orléans, Prince and Poet. N.Y., 1969.
- Mémoires de. Société pour l'histoire du droit et des institutions des anciens pays bourguignons. 2 vol. / Éd. Pocquet du Haut-Jussé. Dijon, 1936. Vol. 1.
- Mercuri Ch.* Corona di Cristo corona di re: la monarchia francese e la corona di spine nel Medioevo. Roma, 2004.
- Mercuri Ch.* "Stat inter spinas lilium": le Lys de France et la couronne d'épines // Le Moyen Âge: revue d'histoire et de philologie. 2004. T. CX. № 3. P. 497—512.
- Merindol Ch.* Signes de hierarchie sociale à la fin du Moyen âge d'après le vêtement. Méthodes et recherches // Cahiers du Léopard d'or. I. Le Vêtement. Histoire, archeologie et symbolique vestimentaires au Moyen âge. Paris, 1989. P. 181—222.
- Merindol Ch.* Le prince et son cortège. La théatralisation des signes du pouvoir à la fin du Moyen âge // Les princes et le pouvoir au Moyen Âge: XXIII congrès de la Société des Historiens Médiévistes de l'Enseignement Supérieur. Brest, mai 1992. Paris, 1993. P. 303—323.
- Moranvillé H.* Inventaire de l'orfèvrerie et des bijoux de Louis I duc d'Anjou. 4 vol. Paris, 1903—1906.
- Möseneder K.* Zeremoniell und monumentale Poesie. Die "Entrée solennelle" Ludwigs XIV. 1660 in Paris. Berlin, 1983.
- Nabbiai-Dalla Guardo N.* Des rois et des moines. Livres et lecteurs à l'abbaye de Saint-Denis (XIIIe—XVe siècles) // Saint-Denis et la royauté: Études offertes à Bernard Guenée / Éd. Fr. Autrand, C. Gauvard, J.-M. Moeglin. Paris, 1999. P. 355—404.
- Nadolski A.* Uroczystry strój rycerski królów polskich XIV—XV wieku // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1973. T. XXI. S. 305—313.
- Naef H.* La Congiuration d'Amboise et Genève. Genève, 1921.
- Nelson J.L.* Ritual and Reality in the Early Medieval *Ordines* // Studies in Church History. 1975. № 11. P. 41—45.
- Nelson J.L.* Symbols in Context: Rulers Inauguration Ritual, in Byzantium and the West in the Early Middle Ages // Studies in Church History. 1976. № 13. P. 97—119.
- Nelson J.L.* Kingship, Law and Liturgy in the Political Thought of Hincmar of Reims // English Historical Review. 1977. № 92. P. 241—279.
- Nelson J.L.* Politics and Ritual in Early Medieval Europe. London, 1986.
- Nelson J.L.* Hincmar of Reims on King-making: The Evidance of the Annales of St. Bertin, 861—882 // Coronations. Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / Ed. by J.M. Bak. Toronto, 1990. P. 16—34.
- Nelson J.L.* Charles de Chauve. Paris, 1994.
- Nelson J.L.* Early Medieval Rites of Queen-Making and the Shaping of Medieval Queenship // Queens and Queenship in Medieval Europe: Proceedings of a Conference Held at King's College London, April 1995 / Ed. by A.J. Duggan. Woodbridge 1997. P. 301—316.
- Nicholas D.* Medieval Flanders. Longman, 1992. P. 17.
- Nicolle D., Hook Ch.* Nicopolis 1396: the Last Crusade. Oxford, 1999.
- O'Meara C.F.* Monarchy and Consent. The Coronation Book of Charles V of France. British Library, MS Cotton Tiberius B.VIII. London, 2001.
- Oakeshott E.* The Archeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. Woodbridge, 1994.

- Offenstadt N.* Armagnacs et Bourguignons. L'affreuse discorde // L'Histoire. Juillet-août 2006. № 311. P. 24—27.
- Olivier-Martin F.* Histoire du droit français des origines à la Révolution. Paris, 1948.
- Omont H.* Jean du Tillet et le Trésor des Chartes // Bulletin de la Société de l'histoire de Paris et de Ile-de-France. 1904. № 51. P. 79—81.
- Omont H.* Les portraits des rois de France du Recueil de Du Tillet // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1907. Vol. 68. № 68. P. 673—674.
- Oppenheimer F.*, *sr.* Frankish Themes and Problems. London, 1953.
- Oppenheimer F.*, *sr.* The Legend of the Saint Ampoule. London, 1953.
- Organise par L'Université du Maine les 25 et 26 mars 1994 / Éd. J. Blanchard. Paris, 1995. P. 13—23.
- Palazzo É.* Le Moyen Âge: des origines au XIIIe siècle. Paris, 1993.
- Palazzo É.* A History of Liturgical Books: From the Beginning to the Thirteenth Century. Collegeville, 1998. P. 221—228.
- Palazzo É.* La liturgie du sacre // Le sacre royal à l'époque de Saint-Louis, d'après le manuscrit latin 1246 de la BNF / Éd. J. Le Goff et al. Paris, 2001. P. 37—89.
- Palazzo É.* Art, Liturgie, and the Five Senses in the Early Middle Ages // Viator. 2010. Vol. 4. № 1. P. 25—56.
- Pange J. de.* Le roi Très-Chretien. Paris, 1949.
- Panofsky E.* Abbot Suger. Princeton, 1946.
- Parsons J.* The Church in the Republic: Gallicanism and Political Ideology in Renaissance. Washington, 2004.
- Pascal A.* Histoire de l'armée et de tous les régiments depuis les premiers. Paris, 1800. T. 1.
- Pastoureau M.* La Fleur de lys emblème marial ou thème graphique. La monnaie miroir de rois. Paris, 1978.
- Pastoureau M.* Vingt-cinq ans d'études dynastiques. Paris, 1982. P. 54—99, 300—324, 447—507.
- Pastoureau M.* L'Hermine et le sinople, études d'héraldique médiévale. Paris, 1982.
- Pastoureau M.* Formes et couleurs du désordre: le jaune avec le vert // Médiévales. 1983. Vol. 2. № 4. P. 62—73.
- Pastoureau M.* Figures et couleurs: études sur la symbolique et la sensibilité médiévales. Paris, 1986.
- Pastoureau M.* Vers une histoire de la couleur bleue, préface au catalogue de l'exposition Sublime indigo, Marseille, 1987. P. 19—27.
- Pastoureau M.* Du bleu et du noir: éthiques et pratiques de la couleur à la fin du Moyen Âge // Médiévales. 1988. Vol. 7. № 14. P. 9—21.
- Pastoureau M.* Ordo Colorum: Notes sur la naissance des couleurs liturgiques // La Maison-Dieu: Revue de Pastorale Liturgique. 1988. Vol. 176. Quand la liturgie donne à voir. P. 54—66.
- Pastoureau M.* Couleurs, images, symboles: études d'histoire et d'anthropologie. Paris, 1989.
- Pastoureau M.* L'Eglise et la couleur, des origines à la Réforme // Bibliothèque de l'École des chartes. 1989. Vol. 147. № 1. P. 203—230.
- Pastoureau M.* Les couleurs du stade // Vingtième Siècle. Revue d'histoire. 1990. № 26. P. 11—18.
- Pastoureau M.* Images du pouvoir et pouvoir des princes // L'État moderne, genèse: bilans et perspectives: Colloque de Paris, 1989 / Éd. J.-Ph. Genêt. Paris, 1990. P. 227—234.
- Pastoureau M.* L'étoffe du diable: une histoire des rayures et des tissus rayés. Paris, 1991.
- Pastoureau M.* Dictionnaire des couleurs de notre temps. Paris, 1992.
- Pastoureau M.* Jésus teinturier. Histoire symbolique et sociale d'un métier réprouvé // Médiévales. 1995. Vol. 14. № 29. P. 47—63.
- Pastoureau M.* La promotion de la couleur bleue au XIIIe siècle: le témoignage de l'héraldique et de l'emblématique // Il colore nel medioevo, arte, simbolo, tecnica, atti delie giornate di studi (Lucca, 5—6 maggio 1995). Lucca, 1996. P. 7—16.
- Pastoureau M.*, *Perrot F.* La couleur et le vitrail // Cahiers de civilisation médiévale. 1996. Vol. 39. № 155. P. 211—215.
- Pastoureau M.* Les emblèmes de la France. Paris, 1998.

- Pastoureau M.* Jésus chez le teinturier: couleurs et teintures dans l'Occident médiéval. Paris, 1998. P. 146—156.
- Pastoureau M.* Le temps mis en couleurs: des couleurs liturgiques aux modes vestimentaires (XIIe—XIIIe siècles) // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1999. № 157 (1). P. 112—113.
- Pastoureau M.* Bleu. Histoire d'une couleur. Paris, 2002.
- Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. Paris, 2004.
- Pastoureau M.* Une couleur en mutation: le vert à la fin du Moyen Âge // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 2007. Vol. 151. № 2. P. 705—731.
- Pastoureau M., Simonnet D.* Le petit livre des couleurs. Points, 2007.
- Pastoureau M.* Introduction. Pour une histoire des emblèmes et des couleurs // Signes et couleurs des identités politiques du Moyen Âge à nos jours / Éd. de D. Turrel, M. Aurell, Ch. Manigand, J. Grévy, L. Hablot, C. Girbea. Rennes, 2008. P. 9—19.
- Pastoureau M.* The Color of Our Memories. Paris, 2012.
- Penman P.* David II, 1329—1371: The Bruce Dynasty in Scotland. East Linton, 2003.
- Péquignot S.* Au nom du roi: pratique diplomatique et pouvoir durant le règne de Jacques II d'Aragon (1291—1327). Velázquez, 2009.
- Perrot E.* Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1910.
- Peters E.* The Shadow King. Rex Inutilis in Medieval Law and Literature. 751—1327. London, 1970.
- Pinoteau H.* Les origines de l'héraldique capétienne // Comunicaciones y conclusiones del III Congreso internacional de genealogía y heráldica. Madrid, 1955. P. 438—511.
- Pinoteau H.* Quelques réflexions sur l'œuvre de Jean du Tillet et la symbolique royale française // Archives héraldiques suisses. 1956. Vol. LXX. P. 2—25.
- Pinoteau H.* La tenue de sacre de Saint Louis IX, roi de France. Son arrière-plan symbolique et la "renovatio regni Juda" // Itmeraires. 1972, avril. № 162. P. 120—166.
- Pinoteau H.* Les couronnes dites Charlemagne // Bulletin de la Société archéologique et historique du vieux papier. 1972. P. 305—399.
- Pinoteau H.* Les insignes du pouvoir en France // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 75—83.
- Pinoteau H.* Vingt-cinq ans d'études dynastiques. Paris, 1982. P. 54—99.
- Pinoteau H.* La main de justice des rois de France, essai explication // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France. 1977—1978—1979. Paris, 1982. P. 262—274.
- Pinoteau H.* La symbolique royale française. Vème—XVIIIe siècle. La Roche-Rigault, 2004.
- Pinoteau H.* Insignes et vêtements royaux // Bulletin du Centre de recherche du château de Versailles. Objets et Insignes du Pouvoir. Décembre 2005.
- Pinoteau H.* Saint Louis: Son entourage et la symbolique chrétienne. Gui, 2005.
- Pope Martin IV* / Ed. by M. Lambert, M. Surhone, T. Mariam, S. Tennoe, F. Henssonow. Vatican, 2010.
- Prache A.* Les monuments funéraires des Carolingiens élevés à Saint-Remi de Reims au XIIe siècle // Revue de l'art. 1969. № 6. P. 68—76.
- Présence et rôle de la Bible dans la liturgie / Éd. de M. Klöckener, B. Bürki, A. Join-Lambert. Saint-Paul, 2006.
- Prus L.* Histoire des reines de France: depuis Clotilde, femme de Clovis, premier roi des France, jusqu'à nos jours: 2 Vol. Paris, 1846.
- Rabanis M.* Clément V et Philippe le Bel. Paris, 1858.
- Regnier de la Planche L.* Histoire de l'état de France / Éd. P. Buchon. Paris, 1836.
- Reimer J.A.* The Dogmatic Imagination: The Dynamics of Christian Belief. Waterloo, 2003.
- Revel J.* La royauté sacrée. Elements pour un débat // La royauté sacrée dans le Monde chrétien: Collection de Royaumont, mars 1989 / Sous dir. de A. Boureau, C.S. Ingerflom. Paris, 1992. P. 7—18.
- Rey J.* Histoire du drapeau, des couleurs et des insignes de la Monarchie française, précédée de l'histoire des enseignes militaires chez les anciens. Paris, 1837. Vol. I—III.
- Richard J.* Les Ducs de Bourgogne et la formation du duché, du XI au XIV siècle. Paris, 1954.
- Richard Ph.* Olivier de Clisson: connétable de France, grand seigneur breton, 1336—1407. Paris, 2007.

- Richter R.* La tradition de l'Arbre des Batailles par Honoré Bonet // *Romanica Vulgaria*. 1983. T. 82. P. 129—141.
- Riesenberg R.N.* Inalienability of Sovereignty in Medieval Political Thought. N.Y., 1956. № 591.
- Rigaudière A.* Législation royale et construction de l'État dans la France du XIIIe siècle // Renaissance du pouvoir législatif et genèse de l'État / Sous la dir. de A. Gouron, A. Rigaudière. Montpellier, 1988. P. 203—236.
- Robertson A.W.* The Service-Books of the Royal Abbey of Saint-Denis: Images of Ritual and Music in the Middle Age. Oxford, 2002.
- Rosbash E.* De la fleur de lys comme emblème nationale // Mémoires de l'Académie des sciences, inscriptions et belles-lettres du Toulouse. 1884. T. 6. P. 136—172.
- Roux-Dessarps G.* De la Grâce. Paris, 1898.
- Royal French Patronage of Art in the Fourteenth Century: An Annotated Bibliography / Ed. by C. Lord. Paris, 1985.
- Royer J.-P.* L'Église et le royaume de France au XIVe siècle, d'après "Le Songe du Vergier" et la jurisprudence du Parlement. Paris, 1969.
- Rożek M.* Polskie insygnia koronacyjne. Symbole władzy państwowej. Kraków, 2011.
- Ruberly G. de.* Les du Tillet, seigneurs de la Bussière (Loiret) // Académie de Saint-Croix d'Orléans. Lectures et mémoires. 1891. Vol. VI. P. 477—541.
- Saint-Denis et la royauté. Etudes offerts à Bernard Guenee / Éd. Fr. Autrand, C. Gauvard, J.-M. Moeglin. Paris, 1999.
- Saint-Denis ou jugement dernier des rois: Actes du Colloque, 24 février 1989. Saint-Denis, 1993.
- Saint-Denis. Le trésor de l'abbaye // Musées et Monuments historiques. Octobre. 1979. № 104. P. 66—77.
- Santinelli E.* Des femmes éplorées?: Les veuves dans la société aristocratique du Haut Moyen Âge. Lille, 2003.
- Schnerb B.* Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. Paris, 1988.
- Schramm P.E.* Herrschaftszeichen und Staatssymbolik. Beiträge zu intrer Gewoschichte vom dritter zum sechzehnten Jahrhundert. von gen verschiedener verfosser. Stuttgart, 1954—1956. Bd. 1—3.
- Schramm P.E.* Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9 zum 16. Jahrhundert. 2-e ed. / Hrsg. von H. Bohlaus: 2 Bd. Weimar, 1960.
- Schramm P.E.* Kaiser, König and Papste. Bd. II. Vom Tode Karls des Großen (814) bis zum Anfang des 10. Jahrhundert. Stuttgart, 1969.
- Schumacher L.* Mogontiacum. Garnison und Zivilsiedlung im Rahmen der Reichsgeschichte // Die Römer und ihr Erbe. Fortschritt durch Innovation und Integration / Hrsg. von M.J. Klein. Mainz, 2003.
- Schwennicke D.* Europäische Stammtafeln, Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Marburg, 1984. Bd. 2. Die außerdeutschen Staaten: Die regierenden Häuser der übrigen Staaten Europas.
- Secousse R.* Recueil de pieces servant de preuves aux mémoires sur les troubles excites en France par Charles II dit le Mauves, roi de Navarre et compte d'Euvreaux. Paris, 1755.
- Sensolieu J.* De Jerusalem à Reims. Origines et evolution des sacres chretiens // Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 17—26.
- Sermet E.* Le droit de grâce. Toulouse. 1901.
- Sfez L.* La symbolique politique. Paris, 1988.
- Sherman C.R.* The Portraits of Charles V of France (1338—1380). N.Y., 1969.
- Sherman C.R.* Charles V of France (1338—1380) as a Wise Ruler // *Medievalia et Humanistica*. 1971. № 2. P. 83—96.
- Sherman C.R.* The Queen in Charles V's "Coronation Book": Jeanne de Bourbon and the "Ordo ad reginam benedicendam" // *Viator*. 1977. № 8. S. 255—298.
- Soll J.* Publishing the Prince: History, Reading and the Birth of Political Criticism. Est.-Lansing, 2005.
- Sommaire de la gierre faite contre les heretiques Albigeos. Paris, 1576.
- Sot M.* Hérédité ryale et pouvoir sacré avant 987 // *Annales. Histoire. Sciences. Sociales*. 1988. № 3. P. 705—733.

- Sot M., Boadet J.-P., Guerreau-Jalabert A.* Histoire culturelle de la France / Sous la dir. J.-P. Rioux et J.-Fr. Sirinelli. T. I. Le Moyen Âge / Sous la dir. M. Sot. Paris, 1997.
- Souchal Fr.* Le Vandalisme de la Révolution. Paris, 1993.
- Soulard Th.* Les peintures du manuscrit, analyse iconographique et formelle // Le graduel de Fontevrault. Limoges, 1987. P. 23—46.
- Spiegel G.* The Cult of Saint-Denis and Capetian Kingship // Journal of Medieval History. 1975. № 1. P. 43—44
- Stafford P.* Queens, Concubines and Dowagers. Athens Georgia, 1983.
- Strayer B.E.* Lettres de cachet and social control in the Ancien Régime. 1659—1789. N.Y., 1992.
- Swoger G.* The Strange Odyssey of Poland's National Treasures, 1939—1961. Toronto, 2004.
- Tamizey de Larroque Ph.* Les Reliques de saint Louis à La Montjoie. Paris, 1894.
- Tardif A.* Privilèges accordés parle Sainte Siège à la couronne de France. Paris, 1855.
- Tessier G.* Le baptême de Clovis. Trente journées qui ont fait la France. Paris, 1964.
- Texier P.* La rémission au XIVème siècle: Genèse et développement, thèse droit. Limoges, 1991.
- Texier P.* Rémission et évolutions institutionnelles // Le pardon / Éd. J. Hoareau-Dodinau, X. Rousseau, P. Texier. Limoges, 1999. P. 342.
- Teyssot J.* Povoirs et contre-povoirs politiques en Auvergne durant l'apanage de Jean de Berry, 1360—1416 // Les princes et le pouvoir au Moyen Âge: XXIII congrès de la Société des Historiens Médiévistes de l'Enseignement Supérieur. Brest, mai 1992. Paris, 1993. P. 247—260.
- The Image and Perception of Monarchy in Medieval and Early Modern Europe / Ed. by S. McGlynn, E. Woodacre. Cambridge, 2014.
- The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars and Cumans / Ed. by Fl. Kurta. Leiden—Boston, 2008. Vol. 2. 450—1450.
- Thomas Y.* Arracher la vérité, la Majesté et inquisition (Ier—IVème siècles) // Le juge et le jugements dans les traditions juridiques européennes / Sous la dir. de R. Jakob. Paris, 1996. P. 15—41.
- Traité d'anthropologie du sacré: 2 vol. Aix-en-Provence, 1992. Vol. 1. Les origines et le problème de "homo religiosus" / Éd. de J. Ries.
- Traité d'anthropologie du sacré: 2 vol. Aix-en-Provence, 1995. Vol. 2. L'homme indoeuropéen et le sacré / Éd. de J. Ries.
- Treffler G.* Die französischen Königinnen. Von Bertrada bis Marie Antoinette (8.—18. Jahrhundert). Pustet-Regensburg, 1996.
- Turner C.H.* Jean du Tillet: A Neglected Scholar of the Sixteenth Century. Oxford, 1905.
- Turner Sh.* The History of the Anglo-Saxons From the Earliest Period to the Norman Conquest: 3 vol. Paris, 1840. Vol. 1.
- Turner V.* Dramas, Fields and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca—New York, 1979.
- Vercauterner F.* Etude sur les civiles de la Belgique, seconde Bruxelles // Academie royale de Belgique, classe de lettres, memoires. 1934. T. 33. P. 35—61.
- Vernier R.* The Flower of Chivalry: Bertrand Du Guesclin and the Hundred Years War. Woodbridge, 2003.
- Viguerie J. de.* Les serment du sacre du roi de France et specialement le "serment du Royaume" // Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux. Reims, 1975. P. 205—215.
- Viollet P.* Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris, 1903. Vol. 3.
- Vogel C.* Medieval Liturgy. An Introduction to the Sources / Trans. W. Storey, N. Rasmussen. Spoleto, 1981. P. 135—139.
- Volkmann J.-Ch.* Bien connaître les généalogies des rois de France. Paris, 1996.
- Waitz G.* Die Rormeln der deutschen Konigs und der romischen Kaiser kronung vom 10 bis zum 12 Jahrhundert // Abbandluinden der kgl. Gesellschoft der Wissenschaften zu Gottingen. 1873. № 18.
- Wallace-Hadrille J.M.* History in the Mind of Archbishop Hincmar // The Writings of History in the Middle Ages / Ed. by R.H. Davis, J.M. Wallace-Hadrille. Oxford, 1981. P. 43—70
- Wally N. de.* Récit du treizième siècle sur les translations faites en 1329 et en 1241 des saintes reliques de la Passion // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1878. № 39. P. 401—415.

- Ward E.* Caesar's Wife: The Career of the Empress Judith 819—829 // *Charlemagne's Heir. New Perspectives on the Reign of Louis the Pious (811—840)* / Ed. by P. Goodman, R. Collins. Oxford, 1990. S. 205—227.
- Ward P.L.* The Coronation Ceremony in Medieval England // *Speculum*. 1939. № 14. P. 171—173.
- Ward P.L.* An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // *English Historical Review*. 1942. № 57. P. 345—361.
- Warren R. de.* Les pairs de France sous l'ancien régime. Paris, 1958.
- Weber H.* Das Sacre Ludwigs XVI vom 11. Juni 1775 und die Krise des Ancien Regime // *Vom Ancien Regime zur französischen Revolution: forsschungen und Perspektiven* / Hrsg. von E. Hinrichs, E. Schmitt, R. Vierhaus. Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Göttingen, 1978. № 55. S. 539—565.
- Wemple S.* Women in Frankish Society, Marriage and the Cloister 500 to 900. Philadelphia, 1981.
- Werner K.F.* Les sources de la legitimité royale à l'avènement des Capétiens (X—XI siècles) // *Le sacre des rois: Actes du Colloque international d'histoire sur les sacres et couronnement royaux*. Reims, 1975.
- Williams G.L.* Papal Genealogy: The Families and Descendants of the Popes: 2-nd ed. Jefferson—London, 2004.
- Wood Ch.T.* The French Apanages and the Capetian Monarchy, 1124—1328. Cambridge, 1966.
- Woolfenden G.W.* Daily Liturgical Prayer: Origins and Theology. Burlington, 2004.
- Zotz T.* Philipp III. der Kühne // *Die französischen Könige des Mittelalters. Von Odo bis Karl VIII*. München, 2006.

Иллюстрации

- Миниатюры *ordo* Карла V 1364 г. // *Coronation Book of Charles V (1365—1380)*. British Library Cotton MS. Tiberius B VIII. Режим доступа: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=cotton_ms_tiberius_b_viii

Указатель имен

- Аарон, ветхозав. — 24, 334.
Аввакум, ветхозав. — 316, 317.
Август, римский император — 115, 180, 189, 321.
Авель, ветхозав. — 316.
Авесса, ветхозав. — 84.
Авимелех, ветхозав. — 316.
Авраам, ветхозав. — 23, 25, 31, 44, 261, 263, 275, 277, 279, 280, 286, 294, 296, 314, 316, 358, 426.
Агнесса Французская — 200.
Адальберн, архиепископ Реймский — 39, 55, 64, 401.
Адальберт, архиепископ Реймский — 39.
Адвентий, епископ Меца — 18, 101, 158.
Аквитанские, герцоги — 48, 65, 68, 69, 70, 197, 271, 279.
Алансонские, герцоги — 67, 197, 230.
Александр VII, папа — 190, 257.
Александр Македонский — 83, 241, 317.
Алкуин — 333, 422.
Аллец Понс-Огюстен — 346, 350, 351, 353, 453.
Альфонсо III Щедрый, король Арагона и Валенсии — 415.
Альфред Великий, король Уэссекса — 405, 406, 407, 409, 452, 455, 458, 460.
Амалек, ветхозав. — 287, 360.
Аммиан Марцеллин — 321.
Амос, ветхозав. — 316.
Андраш II, король Венгрии — 414.
Андраш III, король Венгрии — 414.
Андраш, герцог Славонии — 412.
Андреа Альчато — 384.
Андрей, новозав. — 312.
Андроник II Палеолог, византийский император — 412, 415, 452.
Анжуйские, герцоги — 277, 413, 416.
Анна Австрийская, королева Франции — 183.
Анна Бретонская, королева Франции — 183.
Анна Венгерская — 414, 417.
Анна Киевская / Русская, королева Франции — 392.
Анжу-Сицилийская, династия — 411, 413.
Ансегиз, архиепископ Реймский — 54, 148.
Антиох Сирийский — 317.
Аполлон — 189.
Арагонская, династия — 415, 416.
Аристотель — 233, 331.
Аруль, архиепископ Реймский — 55, 401.
Арульф, епископ Тура — 18, 158.
Арпады — 8, 411, 413, 414, 415, 417.
Артакеркс — 351, 361.
Артольд / Арту, архиепископ Реймский — 55.
Артуа, графы — 67, 196, 230.
Артур, король бриттов — 406.
Ассер — 405, 406, 407, 452.
Баббит С. — 233, 462.
Бак Я. — 101, 140, 266, 298, 329, 301, 434, 457, 465, 468, 470, 471, 473.
Балдуин / Болдуин I Фландрский, император Латинской империи — 175, 177.
Балдуин / Болдуин II, император Латинской империи — 306.
Беатриса Прованская, графиня — 413.
Беви Ш. — 64, 65, 66, 69, 116, 117, 125, 127, 128, 129, 300, 303, 306, 307, 311, 313, 315, 319, 321, 322, 325, 326, 327, 346, 350, 353, 400, 453.
Бекс Ф. — 151, 462.
Бела IV, король Венгрии — 413.
Бенедикт, архиепископ
Бертрада Лаонская, королева франков — 421.
Бертран Марсельский — 182.
Бессмертный Ю. Л. — 297, 457.
Бланка Бургундская, герцогиня — 206.
бл. Августин — 83, 176, 233, 455.
Блок М. — 24, 297, 457, 462.
Блуа, графы — 197, 221.
Блуа, Карл де, граф — 216, 222, 235, 241.
Бобкова М. В. — 366, 453.
Бовэ Оноре — 239.
Боден Ж. — 86, 365, 366, 453.
Бодуэн / Балдуин, граф Фландрский — 409, 410.
Бодуэн II Лысый, граф Фландрский — 410.
Бодуэн Франсуа — 384.
Бозон, граф Вьеннский — 146, 148, 149, 390, 397.
Бойцов М.А. — 84, 114, 235, 297, 321, 423, 439, 441, 457, 458, 460.

- Болеслав I Храбрый, король Польши — 433, 436, 439.
 Болеслав II, король Польши — 433, 434.
 Бон Ж.-Кл. — 15, 46, 103, 214, 248, 265, 270, 299, 329, 330, 331, 333, 449, 467.
 Бон К. — 115, 123, 124, 126, 152, 158, 166, 197, 204, 297, 301, 303, 319, 341, 343, 362.
 Бонами Пьер-Николя — 387, 388, 454.
 Бонифаций VIII, папа — 159, 170, 171, 181, 317, 380, 421, 422, 448.
 Боретиус А. — 14, 40, 60, 82, 100, 142, 247, 340, 396, 421, 435, 445, 446, 449, 452.
 Боуман К. — 32, 102, 310, 422, 430, 463.
 Брайан Л. — 84, 114, 117, 118, 120, 121, 122, 124, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 134, 136, 158, 235, 464.
 Браун Э. — 310, 367, 372, 373, 374, 375, 378, 379, 381, 387, 389, 463, 464.
 Бретонские, герцоги — 222, 235, 241.
 Бриссак, герцоги — 79.
 Бульнуа О. — 329, 463.
 Бурбоны — 57, 67, 103, 179, 197, 229, 229, 230, 275, 280, 319.
 Бургундские герцоги — 48, 52, 61, 65, 67, 68, 69, 70, 73, 75, 124, 199, 201, 202, 203, 205, 209, 210, 212, 216, 223, 262, 263, 271, 275, 297.
 Бусико, ст. — 234.
 Бэдфорд, герцог — 124.
 Бюде Гийом — 383.
 Бюр М. — 39, 58, 155, 156, 464.
 Бюри Э. — 382, 464.
 Вайц Г. — 141, 474.
 Валаам, ветхозав. — 316.
 Валуа — 15, 45, 57, 60, 67, 103, 197, 198, 199, 201, 204, 207, 209, 219, 222, 224, 229, 230, 248, 265, 300, 344, 349, 356, 370, 377, 389, 391, 393, 431, 436.
 ван Геннеп А. — 264, 458.
 Вард П. — 14, 29, 31, 32, 43, 105, 106, 107, 247, 299, 340, 430, 435, 447, 478.
 Варьяш И.И. — 95, 459, 460, 461, 466.
 Вегетий — 321.
 Веспасиан, римский император — 86.
 Видукинд Корвейский — 423, 452.
 Вильгельм, архиепископ Майнца — 422.
 Вильгельм I Норманнский, герцог, король Англии — 319.
 Вильгельм IX Оверньский, граф — 196.
 Владислав I, король Польши — 434.
 Владислав III, король Польши — 432.
 Владислав II Ягелло, король Польши — 437.
 Воскобойников О.С. — 329, 457, 461.
 Вьенские графы, дофины — 199, 200.
 Габори-Шопен Д. — 164, 173, 254, 255, 275, 300, 305, 303, 306, 324, 342, 456, 467.
 Габсбурги — 411.
 Галл Аноним — 435, 471.
 Гарро А. — 171, 178, 457.
 Гедеон, ветхозав. — 261, 275, 316, 426.
 Гейштор А. — 434, 437, 438, 439, 468.
 Гектор, миф. — 241.
 Геласий I, папа — 143.
 Гене Б. — 84, 116, 117, 126, 128, 135, 235, 468.
 Генрих I Птицелов, король Восточнофранкского королевства — 423.
 Генрих I, король Франции — 55, 156, 195, 307, 312, 390, 391, 392, 401.
 Генрих II, король Англии — 118.
 Генрих II, король Кастилии — 236.
 Генрих II, король Франции — 39, 57, 79, 80, 140, 300, 312, 346, 351, 368, 372, 380, 385, 386, 392.
 Генрих III, король Англии — 118, 197.
 Генрих III, король Франции — 57, 266, 391, 393, 431, 434.
 Генрих IV, король Франции — 39, 57, 179, 230, 305, 306, 319, 324, 346, 352, 370, 391, 394, 395, 397, 454.
 Генрих V, король Англии — 123, 227, 228, 229.
 Генрих VI, король Англии — 121, 122, 123.
 Георгий Пахимер — 412, 452.
 Геровоам, ветхозав. — 316.
 Ги, архиепископ Санский — 56, 391, 401.
 Гиенские, герцоги — 48, 65, 67, 68, 70.
 Гийо Ж. — 85, 469.
 Гильдеберт, архиепископ Майнца — 423.
 Гильом Шампанский, архиепископ Реймский — 56, 401, 403.
 Гильом, аббат Сен-Дени и Сен-Жермен де Пре — 131.
 Гильом, архиепископ Санский — 131.
 Гийом XII Оверньский, граф — 207.
 Гиси Р. — 25, 58, 102, 145, 158, 196, 250, 270, 388, 390, 439, 468.
 Гифре / Вифред I Волосатый, граф Барселонской марки — 410.
 Гладков А.К. — 10.

- Говар К. — 84, 87, 91, 92, 93, 95, 97, 185, 229, 462, 467, 468, 471, 473, 473.
- Говард А. — 430, 470.
- Годфруа Дени, мл. — 267, 370, 394, 395, 396.
- Годфруа Дени, ст. — 46, 67, 80, 133, 217, 267, 300, 342, 394, 395, 400, 433, 446, 454.
- Годфруа Жак — 394.
- Годфруа Теодор — 46, 48, 50, 51, 67, 69, 70, 80, 103, 106, 108, 112, 133, 217, 266, 267, 269, 273, 275, 300, 319, 342, 345, 346, 348, 349, 370, 370, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 433, 434, 438, 446, 454, 468, 473.
- Голиаф, верхозав. — 24, 279, 358.
- Гонорий Августодунский (Отенский) — 332, 333.
- Гонт Джон, герцог Ланкастерский — 232.
- Готфрид Бульонский — 241.
- Готье, архиепископ Санский — 55, 149, 392, 397.
- Гоффман Г. — 113, 469.
- Грациан, римский император — 86.
- Григорий Турский — 81, 114, 154, 452.
- Гуго I Капет, король Франции — 14, 39, 43, 55, 58, 62, 64, 65, 105, 155, 160, 163, 195, 231, 312, 319, 323, 368, 377, 390, 401, 422, 458.
- Гуго II Великий, король Франции — 39, 55, 155, 312, 397, 401.
- Гуго Сен-Викторский — 333.
- Гуго, архиепископ Санский — 56, 410.
- Гуго, епископ Лаонский — 131.
- Гунильда Фламандская — 410.
- д'Альбре, сеньоры — 219.
- д'Арк Жак — 57, 392.
- д'Арк Жанна — 92, 231, 244, 392, 458.
- д'Арманьяк Бернар — 237.
- д'Арси Жан, архиепископ Реймский — 57.
- д'Артуа Робер — 70, 169, 197, 414, 417.
- д'Артуа Роберт I — 196.
- д'Аспри Каур Ж.-Б. — 343, 464.
- д'Одрегем Арно — 234, 243.
- д'Оржемон Пьер — 233.
- д'Эврэ, графы — 67.
- д'Эврэ Жанна — 15, 46, 103, 209, 166, 177, 178, 188, 214, 233, 248, 265, 268, 270, 299, 324, 361, 447, 469, 472.
- д'Эврэ Людовик — 198.
- д'Эврэ Филипп — 206.
- Д'Эйзак — 174, 465.
- д'Этамп, графы — 67, 233.
- Дави М. — 110, 216, 226, 229, 257, 320, 465.
- Давид, ветхозав. — 8, 24, 25, 31, 36, 44, 59, 84, 85, 241, 255, 261, 263, 275, 276, 279, 281, 283, 286, 293, 294, 314, 315, 316, 317, 318, 325, 350, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 425, 426, 429, 430, 468.
- Давид II, король Шотландии — 191, 475.
- Дагоберт I, король франков — 170, 180, 181, 182, 192.
- Дамберт, архиепископ Санский — 55, 401.
- Дамьен Робер-Франсуа — 159.
- Даниил, ветхозав. — 316.
- де Базоше Жан, епископ Суассона — 56, 402.
- де Бар Мария, герцогиня — 200.
- де Бар Роберт I — 200.
- де Барбе Пьер, архиепископ Реймский — 56, 399.
- де Бельвиль Жанна — 241.
- де Бленвиль Мутен, маршал Франции — 234, 243.
- де Блуа Карл — 216, 222, 235, 241.
- де Бризонне Гильом, кардинал — 57.
- де Брино Жанна — 385.
- де Бюссьер, маркизы — 385.
- де Валле Жан — 132.
- де Вандом Матье — 183.
- де Варенн Марк Жильбер — 343.
- де Вигери Ж. — 109, 257, 319, 477.
- де Венн Жан — 234, 245, 246.
- де Геньер Ф. Р. — 168, 185.
- де Гиз, кардинал Лотарингский — 57, 385, 388, 393.
- де Гилерми Ф. — 174, 469.
- де Дормон Гийом — 233.
- де Дормон Жан — 233.
- Джованни Лотарио, кардинал — 333, 334, 335, 455, 459, 460.
- де Жуанвиль Гильом, архиепископ Реймский — 56.
- де Жуанвиль Жан — 400, 402.
- де Жулиньи Гильом — 396.
- де Краон Жак, архиепископ Реймский — 57.
- де Клермон, графы — 67.
- де Клиссон IV Оливье — 241.
- де Клиссон IV Оливье — 241.
- де Клиссон V Оливье — 224, 234, 237, 241, 242.
- де Коссе Филипп — 79.
- де Краон Жак, архиепископ Реймский — 57.

- де Куртене Робер, архиепископ Реймский — 56, 402.
 де Л'Опиталь Мишель — 365, 383.
 де ла Буро Ривьер Шарль — 233.
 де Лаваль Пьер, архиепископ Реймский — 57.
 де Лузиньян Ги — 199.
 де Лузиньян Иоланда — 199.
 де Мезьер Филипп — 95.
 де Мерсье Жан — 224, 240.
 де Мони Оливье — 234.
 де Монморанси Анн, герцог — 164.
 де Монморанси Анна, герцогиня — 386.
 де Монтеску-Фезензак Б. — 164, 173, 254, 275, 300, 342, 456.
 де Монсо Ги, аббат Сен-Дени — 177, 180, 181.
 де Монтрей Пьер — 166.
 де Монфор Жак — 216, 241, 242.
 де Нанжи Гильом — 399, 400, 420.
 де Панж Жак — 217, 248, 267, 268, 298, 474.
 де Пентевьер Жанна — 222.
 де Пико Ричард, де Безансон, архиепископ Реймский — 57.
 де Понтуаз Жиль, аббат Сен-Дени — 165, 171, 185.
 де Попелиньер Ланселот — 365, 366.
 де Пресль Рауль — 233.
 де Пуасси Маргарита — 200.
 де Пуатье Альфонс — 196, 197, 198.
 де Ремон Шарль, аббат — 81.
 де Рокмон Гильом — 179.
 де Рувр Филипп / Филипп Твердый / Филипп Бургундский — 201, 202, 203, 205, 206, 207, 208, 222.
 де Рюберси Ж. — 365, 384, 476.
 де Сакенвиль П. — 92.
 де Сансерр Людовик — 234, 243.
 де Севроль Арно — 208.
 де Сен-Мари Ансельм — 65, 79, 251, 271, 343, 455.
 де Тампль Раймон — 231.
 де Танкарвилль Гийом — 208, 211, 232.
 де Трие Гильом, архиепископ Реймский — 57, 393.
 де Ту Жак Огюст — 365, 366, 383, 385.
 де Фруассар Жан — 232, 236, 237, 241, 242, 232, 245, 246, 400, 453.
 де Фьенн Робер — 237.
 Дева Мария / Богородица — 55, 56, 57, 128, 149, 166, 167, 176, 179, 186, 285, 291, 336, 438.
 Девик Э. — 217, 252, 266, 271, 356, 446.
 Девисс Ж. — 28, 100, 104, 105, 139, 145, 150, 152, 153, 466.
 Делабор А.-Ф. — 372.
 Деспорт П. — 53, 465.
 Джангаллеоццо I Висконти — 200.
 Джексон Р. — 13, 15, 17, 27, 28, 39, 40, 49, 50, 58, 60, 62, 65, 76, 81, 84, 96, 100, 106, 111, 119, 141, 142, 143, 150, 151, 168, 217, 235, 247, 248, 250, 251, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 298, 299, 309, 310, 313, 321, 322, 323, 339, 340, 393, 394, 396, 400, 408, 422, 445, 446, 447, 458, 470.
 Диоклетиан, римский император — 179, 190.
 Дмитриева О.В. — 458, 459, 461.
 Дубле Ж. — 164, 173.
 Дэвис Н.З. — 90, 140, 465, 477.
 Дю Геклен Бертран — 206, 220, 222, 234, 235, 236, 237, 234, 235, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 245, 425, 450, 465, 470, 471, 472, 477.
 Дю Тийе Жак — 394.
 Дю Тийе Жан, мл. — 365, 375, 378, 379, 385, 386, 454.
 Дю Тийе Жан, ст. — 8, 39, 48, 58, 66, 69, 70, 71, 74, 75, 140, 244, 300, 302, 312, 346, 348, 350, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 367, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 400, 402, 454, 455, 459, 461, 463, 464, 465, 466, 470, 474, 475, 476, 477, 480, 481.
 Дю Тийе Луи — 386, 471, 472.
 Дю Тийе Серафим — 385.
 Дю Тийе Элия мл. — 391, 367, 386.
 Дю Тийе Элия ст. — 384.
 Дюпои Пьер — 266, 370, 374.
 Дюшен Андре — 366.
 Екатерина Медичи — 385.
 Екатерина Венгерская — 414, 415.
 Елизавета Венгерская — 414, 412.
 Елизавета Куманская — 411.
 Елизавета Польская — 414, 442.
 Енох, ветхозав. — 316.
 Жан / Иоанн I Беррийский — 97, 184, 187, 196, 200, 201, 212, 223, 241, 471, 472, 477.
 Жан I Великолепный — 184.
 Жан, аббат Сен-Мэр де Фоссе — 131.
 Жан Кальвин — 384.
 Жан Кюжас — 384.
 Жанна Булонская — 206, 207.

- Жанна Бурбонская — 356, 360, 223, 356, 360, 476.
 Жанна Бургундская — 199.
 Жанна Наваррская — 58, 199, 402.
 Жанна Французская — 202.
 Жерсон Жан — 93.
 Жувеналь дез Юрсен Жан — 120, 127, 158, 229, 396, 454.
 Жувеналь дез Юрсен Жан, архиепископ Реймский — 57, 158, 393, 453.
- Завиша из Фалькенштайна — 412.
- Иавис Галаадский, ветхозав. — 79.
 Иаков, ветхозав. — 85, 261, 275, 281, 286, 316, 359, 417.
 Иеремиа, ветхозав. — 325, 338.
 Изабелла Анжуйская — 413.
 Изабелла Баварская — 226.
 Изабелла Вутон — 392.
 Изабелла Висконти — 200.
 Изабелла Генуэзская — 391.
 Изабелла Роме — 394.
 Иисус Навин, ветхозав. — 25, 241, 261, 275, 279, 287, 426.
 Иисус Христос — 20, 22, 26, 33, 34, 35, 36, 37, 45, 59, 84, 85, 91, 107, 112, 128, 133, 157, 160, 166, 167, 168, 175, 176, 178, 179, 182, 184, 185, 191, 192, 217, 252, 253, 258, 259, 263, 264, 271, 272, 276, 277, 280, 281, 283, 284, 287, 292, 293, 306, 308, 313, 314, 319, 321, 325, 336, 343, 357, 358, 359, 360, 429.
 Илья, ветхозав. — 181, 187, 188, 253, 272, 314.
 Иннокентий II, папа — 401.
 Иннокентий III, папа — 56, 257, 333, 334, 336, 380, 432, 455.
 Иннокентий IV, папа — 159.
 Иннокентий X, папа — 190.
 Иоанн Беррийский — 187, 224.
 Иоанн I Брабантский — 392.
 Иоанн I Бургундский / Жан Бесстрашный / Безрассудный — 67, 202, 203, 207, 208, 223, 226, 227, 228, 453, 472.
 Иоанн I Посмертный, король Франции — 56, 58, 391, 417.
 Иоанн II Безземельный, король Англии — 66, 70, 197, 199.
 Иоанн II Добрый, король Франции — 57, 87, 118, 120, 121, 127, 131, 184, 187, 195, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 216, 217, 220, 231, 265, 305, 307, 309, 393, 452, 464.
- Иоанн III Бретонский — 241.
 Иоанн IV Бретонский — 241, 242, 246, 462, 470.
 Иоанн V Бретонский — 216, 220, 221, 222.
 Иоанн VIII, папа — 25, 54, 398.
 Иоанн Белет — 333.
 Иоанн Булонский — 205, 206, 207, 208.
 Иоанн из Авранша — 333.
 Иоанн Креститель — 176, 180, 335, 336, 338, 339, 340.
 Иоанн, новозав. — 166, 177, 178, 283, 335, 338, 392.
 Иотам / Иофам, ветхозав. — 316.
 Иов, ветхозав. — 316, 336.
 Иосиф / Иосиф Прекрасный, ветхозав. — 23, 25, 31, 44, 84, 317.
 Иордан — 378.
 Иосиф Флавий — 350.
 Ираклий I, византийский император — 180.
 Исаак, ветхозав. — 261, 263, 275, 277, 281, 286, 358, 359.
 Исав, ветхозав. — 281, 359.
 Исая, ветхозав. — 95, 336, 337.
 Иуда, новозав. — 191.
 Иуда Маккавей, ветхозав. — 241, 317.
 Иштван / Ласло / Стефан V, король Венгрии — 411, 412, 414, 418.
- Казимир III Великий, король Польши — 439.
 Кадерины Де-Марки, Р. — 384, 476.
 Калигула, римский император — 80.
 Кальметт Ж. — 196, 198, 202, 211, 216, 220, 223, 464, 466.
 Кальци Марко — 412.
 Канторович Э. — 30, 42, 50, 63, 302, 306, 309, 318, 358, 470.
 Капетинги — 15, 39, 55, 60, 75, 108, 111, 117, 155, 156, 163, 172, 195, 198, 201, 202, 203, 204, 205, 209, 218, 311, 315, 320, 377, 379, 401, 415, 416, 460.
 Карл I Анжуйский — 198, 413, 414, 416.
 Карл II Анжуйский — 415, 416.
 Карл I Великий, император франков — 16, 20, 22, 24, 54, 64, 125, 139, 140, 147, 149, 154, 169, 176, 187, 188, 191, 192, 218, 241, 244, 254, 259, 262, 263, 275, 302, 303, 305, 306, 308, 309, 312, 320, 319, 320, 322, 323, 340, 341, 367, 377, 379, 385, 390, 397, 398, 399, 405, 412, 413, 421, 452, 461, 475.
 Карл I Мартелл, герцог Анжуйский — 414, 415.

- Карл I Орлеанский — 199, 473.
- Карл II Злой, герцог Бургундский — 200, 205, 206, 207, 208, 212, 213, 217, 246.
- Карл II Лысый, король франков — 10, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 32, 36, 40, 41, 44, 47, 54, 60, 62, 63, 64, 82, 100, 101, 102, 103, 104, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 148, 150, 152, 155, 157, 160, 176, 180, 186, 187, 191, 247, 305, 306, 312, 313, 369, 396, 397, 398, 405, 407, 408, 409, 410, 415, 421, 467, 472, 473.
- Карл II Хромой Салернский, король Неаполя — 414, 413, 415, 416.
- Карл II Злой, король Наваррский — 200, 205, 206, 208, 213, 217, 246, 476.
- Карл III Простоватый, король франков — 39, 54, 149, 154, 189, 369, 389.
- Карл III Толстый, король Восточнофранкского королевства — 145, 147, 148.
- Карл IV Красивый, король Франции — 15, 46, 52, 56, 58, 103, 109, 110, 112, 166, 177, 188, 199, 202, 214, 215, 248, 265, 268, 299, 360, 361, 392, 402, 416, 447.
- Карл IV Люксембургский, император Священной Римской империи — 210.
- Карл V Габсбург, император Священной Римской империи — 89, 449, 449.
- Карл V Мудрый, король Франции — 7, 10, 15, 46, 48, 50, 51, 52, 57, 60, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 69, 71, 83, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 103, 106, 112, 113, 133, 174, 188, 193, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 204, 206, 208, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 243, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 234, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 253, 254, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 299, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 299, 307, 312, 323, 324, 344, 347, 356, 360, 369, 373, 375, 393, 396, 417, 442, 445, 446, 447, 448, 452, 453, 462, 464, 469, 471, 473, 476, 478.
- Карл VI Благодушный, король Франции — 50, 57, 88, 91, 92, 95, 96, 97, 113, 120, 121, 123, 124, 126, 128, 158, 199, 200, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 237, 242, 246, 257, 266, 324, 342, 343, 344, 347, 369, 373, 393, 396, 448, 449, 453, 454, 461, 462, 466, 467, 468, 469.
- Карл VII Победитель, король Франции — 57, 83, 88, 96, 97, 118, 122, 123, 124, 125, 127, 129, 130, 131, 132, 229, 230, 244, 309, 346, 373, 381, 392, 393, 396, 448, 449, 454, 464.
- Карл VIII Любезный, король Франции — 51, 57, 92, 96, 97, 130, 183, 230, 346, 393, 396, 470.
- Карл IX, король Франции — 57, 312, 368, 369, 371, 385, 388, 393, 391.
- Карл X, король Франции — 39, 371.
- Карл Валуа — 415, 416, 417.
- Карл Роберт, король Неаполя — 415.
- Карл Смелый, герцог Бургундский — 212.
- Карломан I, король франков — 24, 54, 139, 140, 146, 148, 154, 377, 390, 397, 399, 421, 423.
- Карломан II, король Западнофранкского королевства — 54, 155.
- Каролинги — 21, 28, 25, 26, 27, 36, 47, 54, 60, 62, 65, 99, 105, 108, 140, 141, 144, 145, 146, 147, 148, 151, 176, 298, 300, 310, 311, 323, 330, 376, 377, 378, 379, 389, 390, 397, 398, 410, 413, 460, 461, 462, 466, 470, 473.
- Келли Д. — 375, 387, 470.
- Клавдий, епископ Безансона — 176.
- Клавдий, римский император — 79, 80, 174.
- Клеменция Венгерская — 58, 411, 417.
- Климент III, папа — 166, 175.
- Климент V, папа — 159, 171, 380.
- Кольбер Жан-Батист — 370.
- Константин V Копроним, византийский император — 176.
- Котян, хан — 411.
- Кох А. — 405, 470.
- Краузе В. — 14, 20, 40, 60, 82, 100, 139, 142, 190, 247, 340, 377, 396, 421, 435, 445, 446, 448, 449, 452, 453.
- Краусхар А. — 432, 471.
- Кристина Пизанская — 91, 220, 233, 234, 453, 467.
- Крюш Б. — 47, 80, 99, 150, 254, 377, 448, 455.
- Кутшеба С. — 432, 446, 471.
- Кюжас Жан — 384.
- Лаку Р. — 196, 200, 239, 240, 471.
- Ланкастеры — 122, 228, 232, 242.

- Ласло I, король Венгрии — 412.
 Ласло IV, король Венгрии — 412.
 Ласло V, король Венгрии — 414, 415.
 Ле Гофф Ж. — 15, 24, 46, 103, 152, 157, 171, 195, 196, 214, 248, 265, 268, 270, 297, 299, 306, 311, 315, 317, 324, 325, 327, 339, 349, 402, 447, 457, 458, 461, 462, 463, 465, 468, 471, 474.
 Ле Кок Робер — 212, 213, 214.
 Ле Рой Фрасуа, епископ — 80.
 Лев III Исавр, византийский император — 176.
 Лев III, папа — 54, 305, 398.
 Лероке В. — 14, 15, 46, 213, 266, 267, 310, 445, 447.
 Леу Ф. — 84, 116, 117, 126, 128, 135, 184, 235, 347, 453, 468, 472.
 Липсий Юст — 373.
 Лия, ветхозав. — 290, 361.
 Лонгин, новозав. — 166, 167, 176, 178, 428.
 Лонье Ж. — 14, 472.
 Лоу Дж. — 39, 58, 82, 230, 324, 393, 402, 431.
 Лотарио Джованни, кардинал — 333, 334, 335, 455, 459, 460.
 Лотарь I, король — 55, 82, 154, 369.
 Лотарь II, король — 140, 141, 398.
 Лука, новозав. — 35, 177, 182, 336.
 Люблинский П. И. — 86, 458.
 Людвик / Лайош I, король Венгрии — 437, 440.
 Людвик, архиепископ Санский — 131.
 Людвик Французский, герцог Орлеанский — 199, 223, 224, 226, 228, 470.
 Людвик I Анжуйский — 212, 223, 224, 233, 234, 341, 473.
 Людвик I Благочестивый, король франков — 19, 21, 30, 54, 139, 140, 147, 244, 247, 323, 392, 390, 397, 398, 405, 478.
 Людвик I Немецкий, король Восточно-Франкского королевства — 82, 145.
 Людвик I Фландрский — 205.
 Людвик II Бурбон / принц де Конде — 374.
 Людвик II Заика, король Западно-Франкского королевства — 14, 17, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 31, 32, 35, 36, 41, 42, 54, 60, 62, 103, 104, 139, 141, 142, 143, 144, 146, 148, 149, 152, 155, 160, 247, 319, 396, 398, 421, 435, 462.
 Людвик II Мальский — 201, 205, 222.
 Людвик III, король Западно-Франкского королевства — 54, 139, 148, 155.
 Людовик III Младший, король Франкнии, Тюрингии и Саксонии — 148.
 Людовик IV Заморский — 55, 154, 155, 368.
 Людовик V Ленивый, король Западно-Франкского королевства — 55, 155, 312, 390, 397.
 Людовик VI Толстый, король Франции — 39, 55, 163, 182, 137, 195, 401, 402, 404.
 Людовик VII Юный, король Франции — 56, 64, 65, 66, 72, 119, 156, 163, 182, 209, 307, 321, 341, 349, 350, 351, 376, 396, 397, 401.
 Людовик VIII Лев, король Франции — 53, 56, 84, 116, 195, 196, 279, 369, 396, 399, 401, 402.
 Людовик IX Святой, король Франции — 7, 14, 38, 43, 45, 56, 58, 60, 62, 66, 75, 82, 90, 94, 103, 108, 110, 117, 119, 159, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 178, 179, 181, 182, 184, 185, 186, 190, 195, 196, 197, 198, 200, 213, 215, 218, 230, 244, 247, 254, 256, 268, 270, 280, 299, 303, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 315, 317, 318, 323, 324, 327, 340, 342, 343, 347, 349, 354, 369, 380, 396, 399, 401, 402, 422, 442, 448, 452, 453, 457, 458, 459, 460, 462, 463, 465, 468, 471, 472, 474, 475, 477.
 Людовик X Сварливый, король Франции — 56, 58, 206, 307, 309, 369, 401, 402, 416.
 Людовик XI Благоразумный, король Франции — 57, 67, 82, 84, 90, 91, 97, 125, 128, 130, 228, 230, 314, 383, 395, 450, 451, 470.
 Людовик XII Отец народа, король Франции — 57, 89, 122, 130, 134, 156, 183, 199, 230, 381, 393, 395, 396.
 Людовик XIII Справедливый, король Франции — 39, 57, 70, 80, 81, 103, 108, 183, 249, 268, 269, 300, 306, 319, 342, 351, 370, 391, 455.
 Людовик XIV Великий, король Франции — 72, 126, 191, 473.
 Людовик XV Возлюбленный, король Франции — 159, 468.
 Людовик XVI, король Франции — 64, 81, 108, 117, 229, 300, 346, 400, 453, 455, 462, 463, 483, 465.
 Людовик XVIII, король Франции — 305.
 Люцифер — 336.

- Максим Валерий — 233.
 Максимилиан, эрцгерцог Австрийский — 183.
 Малэ Жиль — 232.
 Мануил II Палеолог, византийский император — 184.
 Мара Р. — 241, 472.
 Марк, новозав. — 182, 167, 252, 272, 357, 408.
 Матфей, новозав. — 35, 85, 167, 175, 176, 178, 182, 336.
 Маргарита Анжуйская — 415, 416, 418.
 Маргарита Бургундская, герцогиня — 205, 417.
 Маргарита Бургундская, королева Франции — 205.
 Маргарита Валуа, графиня — 222, 223.
 Маргарита Венгерская — 411, 414, 416, 417.
 Маргарита Наваррская — 365, 363.
 Маргарита Фландрская — 201, 203, 222, 223.
 Маргарита Французская — 205, 206.
 Мария Бранбургская, королева Франции — 394.
 Мария Венгерская, королева-консорт Неаполя, королева Венгрии — 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418.
 Марло Гийом — 348, 349, 350, 351, 152, 246, 349, 350, 355.
 Марсель Этьен 206, 213, 232.
 Мартин IV, папа — 415, 416.
 Мартенсон — П. И. — 10.
 Мартине С. — 405, 473.
 Медичи Екатерина — 385.
 Мельбурн Томас — 221.
 Менан Н. — 69, 70, 71, 74, 79, 80, 115, 128, 218, 251, 252, 256, 260, 261, 273, 275, 300, 303, 318, 321, 322, 323, 324, 346, 348, 350, 351, 352, 353, 400, 455.
 Меркури К. — 343, 473.
 Мервей — 39, 388.
 Меровинги — 81, 98, 302, 368, 375, 377, 389, 390, 421.
 Милле Ж. — 164, 173.
 Михаил, архангел — 125, 158, 294, 320.
 Михаил VIII Палеолог, византийский император — 412, 452.
 Моисей, ветхозав. — 23, 25, 31, 44, 253, 261, 272, 275, 279, 287, 314, 358, 360, 426.
 Моле Матье — 370.
 Моннэ, генерал — 165, 174, 185, 218, 300, 301, 303, 307, 327, 448, 456.
 Монпитье Симон — 415.
 Монтагю Жан, епископ Лана — 224.
 Морио Антуан — 395.
 Наас, ветхозав. — 79.
 Навуходоносор, ветхозав. — 316.
 Наполеон I Бонапарт — 187, 218, 305, 438.
 Натан / Нафан, ветхозав. — 32, 280, 315, 316, 359.
 Нельсон Дж. — 13, 16, 17, 27, 32, 36, 40, 101, 139, 140, 143, 147, 151, 298, 309, 408, 409, 422, 436, 473.
 Нерон, римский император — 79, 189.
 Никодим, новозав. — 167, 176.
 Николай I, папа — 15, 16, 22, 101, 140, 409.
 Николай IV, папа — 415, 416.
 Норманнские, герцоги — 48, 64, 65, 69, 70, 319, 378.
 Обрио Уго — 233.
 Одо, епископ Бовэ — 18, 19, 158.
 Олоферн, ветхозав. — 361.
 Омон Н. — 369, 391, 474.
 Оппенгеймер Ф. — 151, 154, 341, 474.
 Орезм Николая — 232, 233.
 Осия, ветхозав. — 316.
 Отман Франсуа — 75, 365, 366, 372, 373, 375, 380, 384, 453.
 Отран Фр. — 185, 206, 222, 233, 247, 360, 361, 462, 471, 473, 476.
 Оттон I, император Священной Римской империи — 423.
 Оттоны — 37, 180, 323, 422, 423, 430, 432.
 Павел, новозав. — 24, 101, 131, 166, 180, 231, 335.
 Павел Эвергетин — 334, 455.
 Пакье Этьен — 366, 367, 373.
 Пастуро М. — 120, 331, 332, 341, 346, 347, 358, 379, 375.
 Педро III, король Арагона и Валенсии — 414, 415, 416.
 Педро IV, король Арагона и Валенсии — 236, 242.
 Пемброк, граф — 245.
 Петр из Капуи — 190.
 Петр, новозав. — 24, 25, 54, 85, 140, 144, 157, 169, 178, 285, 302, 318, 335, 336, 337, 382, 398.
 Петр, архиепископ Реймский — 392.
 Пинон Бертран — 132.
 Пиното Э. — 120, 170, 218, 260, 299, 300,

- 301, 303, 305, 319, 322, 323, 324, 340, 341, 343, 388, 475.
- Пипин III Короткий — 24, 54, 62, 64, 98, 99, 140, 144, 145, 146, 150, 160, 190, 247, 265, 299, 301, 302, 330, 364, 377, 389, 390, 400, 421.
- Пипиниды — 54, 102.
- Питу Пьер — 370.
- Пишон Тома — 81, 455.
- Плантагенеты — 65, 197, 201.
- Плешкова С.Л. — 482, 458.
- Плутарх — 351.
- Полибий — 371, 378, 452.
- Помпей Великий — 317.
- Поньон Э. — 252, 272, 357, 460.
- Попова Г. А. — 95, 459, 460, 461.
- Пржемысл II Отакар, король Чехии — 431.
- Пьер, аббат Сен-Маглуар — 131.
- Пясты — 431, 434, 437.
- Рабан Мавр — 422.
- Раймон, кардинал Гильом Шампанский, архиепископ Реймский — 56.
- Раймон, настоятель Нотр Дам де Пари — 131.
- Ратольд — 14, 29, 43, 103, 105, 247, 299, 340, 421, 424, 428, 435, 447.
- Рауль I, герцог Бургундский, король Западно-Франкского королевства — 397.
- Рауль, граф, светский аббат Камбрэ — 410.
- Рахиль, ветхозав. — 290, 361.
- Ребекка, ветхозав. — 290, 361.
- Ревель Ж. — 152, 157, 298, 315, 475.
- Рено Шартрский, архиепископ Реймский — 57.
- Рерик Ютландский — 409.
- Ризенберг П. — 113, 476.
- Ричард I Бургундский — 397.
- Робер де Куртене, архиепископ Реймский
- Робер, аббат Сен-Женевьев — 131.
- Роберт I Безземельный — 195, 201, 203.
- Роберт I Великий, граф де Дрё — 195.
- Роберт I, маркиз Нейстрии, король Западно-Франкского королевства — 39, 55, 156, 210, 391, 3924, 397.
- Роберт II Благочестивый, король Франции — 39, 55, 201, 312, 377, 390, 397, 401.
- Роберт II Бургундский — 205.
- Робертины — 39, 55, 155.
- Родольф II Бургундский — 397.
- Роланд — 192.
- Роллон I Норманнский — 319.
- Руперт из Дойца — 332, 333.
- Рыкса Лотарингская, королева Польши — 437.
- Садок, ветхозав. — 32, 280, 315, 316, 359.
- Самсон, ветхозав. — 316.
- Самуил, ветхозав. — 25, 261, 275, 281, 316, 426.
- Сантинелли Э. — 408, 409, 410, 476.
- Сара, ветхозав. — 290, 361.
- Саруя, ветхозав. — 84.
- Саул, ветхозав. — 24, 79, 279, 315, 358.
- св. Адалард Корбийский — 139.
- св. Альбан — 422, 430.
- св. Анна — 312, 393.
- св. Антоний — 321.
- св. Аполлинария — 187.
- св. Амвросий Медиоланский — 176, 257, 274, 287.
- св. Афанасий Великий — 180.
- св. Бенедикт, архиепископ Амбрана — 187.
- св. Бенедикт Нурсийский — 177.
- св. Бертран Марсельский — 182.
- св. Бонифаций, архиепископ Майнцский — 54, 98, 377, 389, 423, 424.
- св. Варфоломей — 180.
- св. Вацлав — 272, 439.
- св. Дионисий / Дени — 118, 158, 175, 181, 254, 262, 273, 275, 285.
- св. Дионисий Ареопагит — 166, 180, 184.
- св. Дионисий, епископ Коринфа — 190.
- св. Евстафий — 177.
- св. Екатерина Александрийская — 181.
- св. Елевферий — 166, 181.
- св. Ефрем — 334.
- св. Женевьева — 125.
- св. Иларий — 179, 180, 184.
- св. Ипполит Римский — 178.
- св. Исидор Севильский — 321.
- св. Лаврентий — 180.
- св. Леодегар / Леодегарий — 181.
- св. Людовик Тулузский — 171, 185.
- св. Максим Исповедник — 184.
- св. Маргарита Антиохийская — 181.
- св. Мартин — 118, 158.
- св. Медард — 176.
- св. Николай Мирликийский (Чудотворец) — 181, 254, 273, 346.
- св. Панкратий — 179.
- св. Пантелеймон — 181.
- св. Петр Экзорцист / Петр Римский — 190.
- св. Плацид — 177.

- св. Ремигий / Реми — 47, 79, 80, 125, 150, 151, 154, 155, 158, 160, 254, 262, 264, 273, 275, 277, 350, 376, 389, 435.
 св. Рустик — 166, 181, 294.
 св. Симеон Богоприимец — 278, 336.
 св. Станислав (Щепановский) — 432, 439.
 св. Стефан — 17, 18, 21, 63, 101, 398.
 св. Феодора — 187.
 св. Флавия — 321.
 св. Христофор — 154.
 св. Энимия — 182.
 Свенцицкая И.С. — 321, 460.
 Светоний — 79, 80, 86, 452.
 Сегин, архиепископ Санский — 55, 401.
 Семей, ветхозав. — 84.
 Сенсолье Ж. — 151, 154, 476.
 Сергей II, папа — 54, 140.
 Сессиль Клод — 230.
 Сигеберт, король Австразии — 81.
 Соломон, ветхозав. — 24, 25, 31, 32, 44, 189, 261, 271, 275, 279, 281, 293, 314, 315, 316, 317, 338, 350, 360, 352, 358, 359, 362, 426.
 Станислав II Август, король Польши — 431, 434.
 Стефан II, папа — 24, 54, 98, 140, 145, 302, 377, 398, 421.
 Стефан III, папа — 190.
 Стефан IV, папа — 30, 54, 140, 398.
 Стефан Владислав II, король Сербии — 415.
 Стефан Драгутин, король Сербии — 412.
 Стефан Урош I Великий, король Сербии — 412.
 Стефан Урош II Милутин, король Сербии — 412.
 Струрмий, аббат Фульды — 422.
 Сугерий, аббат Сен-Дени — 163, 182, 186, 188, 189, 192, 474.
 Суинфред I Барселонский — 413.
 Тацит — 373, 376, 378.
 Тейс Л. — 146, 460.
 Тексье П. — 85, 87, 96, 96, 374, 461, 464, 468, 469, 477.
 Теодорих, сын Хильперика I — 81.
 Тёрнер В. — 122, 126, 477.
 Тёрнер С. — 377, 378, 477.
 Тёрнер Ш. — 406, 408, 477.
 Тиберий, римский император — 115, 174.
 Тит, новозав. — 157.
 Ткаченко А.А. — 333, 334, 455, 460.
 Тогоева О.И. — 93, 460.
 Тристан Жан — 197.
 Тулузские, графы — 48, 49, 66, 69, 70, 271.
 Турпен / Турпин / Тюльпин, архиепископ Реймский — 192.
 Тьерри III, король франков — 389.
 Тьерри IV, король франков — 389.
 Умберт II, дофин Вьеннский — 199.
 Уоллес-Хэдрилл Дж.-М. — 140, 477.
 Уорд П. — 14, 29, 31, 43, 105, 106, 107, 247, 299, 340.
 Уорд Э. — 405, 478.
 Урбан V, папа — 223.
 Фарамон, вождь франков — 378.
 Фелтон Томас — 246.
 Филипп I Бургундский — 202, 203, 204, 205, 207, 208, 209.
 Филипп I Орлеанский — 199.
 Филипп I Савойский — 232.
 Филипп I, король Франции — 55, 312, 351, 369, 376, 390, 391, 397, 401.
 Филипп II Август, король Франции — 56, 64, 66, 119, 166, 175, 177, 195, 196, 201, 303, 312, 341, 369, 376, 390, 391, 397, 399, 399, 401.
 Филипп II Бургундский — 200, 201, 202, 203, 205, 207, 209, 210, 211, 212, 216, 223, 226, 453, 472.
 Филипп III Бургундский / Филипп Смелый — 229, 393.
 Филипп III, король Испании — 395, 454.
 Филипп III Смелый, король Франции — 53, 56, 67, 171, 185, 195, 197, 198, 199, 312, 319, 402, 413, 415, 416, 454, 478.
 Филипп IV Красивый, король Франции — 14, 46, 53, 56, 66, 70, 88, 108, 109, 111, 159, 171, 185, 199, 220, 245, 306, 307, 349, 369, 380, 381, 399, 402, 416, 446, 454, 463, 475.
 Филипп V, граф Валуа — 222, 391.
 Филипп V Длинный, король Франции — 56, 58, 199, 202, 369, 392, 402, 416, 417.
 Филипп VI, король Франции — 53, 57, 96, 117, 118, 191, 195, 199, 202, 215, 230, 241, 307, 312, 369, 377, 393, 416.
 Фирлей Ян — 431.
 Фландрские, графы — 49, 65, 66, 69, 70, 201, 271, 409, 410.
 Фолц Р. — 17, 467.
 Фома, новозав. — 176, 184, 187.
 Франко, епископ Лангра — 18, 158.
 Франсуа М. — 87, 467.

- Франциск I, король Франции — 57, 67, 80, 89, 92, 108, 130, 230, 324, 366, 367, 387, 393, 464.
- Франциск II, король Франции — 57, 369, 372, 374, 389, 393.
- Фуке Жан — 347.
- Фулк, архиепископ Реймский — 54.
- Фулрад — 14, 15, 22, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 43, 44, 45, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 247, 256, 262, 273, 299, 314, 317, 324, 325, 428, 435, 447.
- Фумароли М. — 382, 467.
- Хайме II Справедливый, король Сицилии — 414.
- Харун аль Рашид — 191.
- Хатто, епископ Вердена — 18, 158.
- Хачатурян Н.А. — 9, 10, 95, 212, 213, 244, 249, 27, 298, 328, 347, 354, 357, 458, 459, 460, 461.
- Хилдуин, аббат Сен-Дени — 166, 180.
- Хильдеберт III, король франков — 378, 379, 385, 389, 454.
- Хильдерик II, король франков — 389.
- Хильдерик III, король франков — 389.
- Хильперик I, король франков — 81, 369.
- Хильперик II, король франков — 389.
- Хинкмар, архиепископ Реймский — 7, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 47, 54, 60, 62, 63, 80, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 119, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 247, 249, 256, 265, 271, 273, 290, 313, 314, 323, 339, 398, 407, 408, 409, 410, 411, 421, 422, 442, 452, 453, 462, 466, 470, 478, 472, 473, 477.
- Хинкмар, епископ Лана — 18, 158.
- Хлодвиг, король франков — 47, 69, 79, 80, 81, 114, 115, 125, 150, 151, 152, 154, 158, 160, 163, 218, 252, 254, 264, 277, 300, 302, 346, 350, 367, 369, 376, 378, 379, 385, 389, 396, 400, 436, 454, 455, 475, 471.
- Хунгер, епископ Утрехта — 409.
- Хьюго, аббат — 148.
- Царица Савская, ветхозав. — 186.
- Цатурова С.К. — 95, 121, 130, 170, 260, 302, 325, 340, 447, 439, 461.
- Шампанские, графы — 49, 65, 68, 69, 70, 271, 376.
- Шарбоннье П. — 92, 464.
- Шерман К. — 233, 247, 476.
- Шпигель Г. — 62, 477.
- Шрамм П. — 13, 14, 15, 22, 30, 32, 40, 43, 45, 46, 49, 62, 76, 100, 106, 108, 142, 156, 213, 217, 230, 248, 267, 268, 297, 298, 299, 315, 396, 422, 424, 432, 438, 445, 446, 447, 462, 476.
- Эбль, архиепископ Реймский — 55, 401.
- Эд I Бургундский — 381.
- Эд I Орлеанский — 405.
- Эд IV Бургундский — 202.
- Эд I Парижский, король Франции — 55, 149, 315, 351, 397.
- Эд, граф Вьеннский — 390.
- Эдгар, король Уэссекса — 14, 29, 43, 105, 421.
- Эдмунд, герцог Йоркский — 233.
- Эдуард III Английский — 201, 216, 222, 223, 232, 246.
- Эдуард Черный Принц — 219, 220, 240, 242.
- Эйнхард — 191, 302, 399, 452.
- Эллис Г. — 379, 466.
- Энгр Доминик — 218.
- Энрике, граф Трастамарский — 236, 242.
- Эрвэ, архиепископ Реймский — 55, 401.
- Эрментруда, королева Франции — 14, 15, 16, 17, 41, 101, 142, 143, 146, 247, 299, 313, 340, 421, 445.
- Эсден Симон — 233.
- Эсфирь, ветхозав. — 291, 292, 361, 362.
- Этельбальд, король Уэссекса — 407, 408, 410.
- Этельвульф / Этельвольф, король Уэссекса — 405, 406, 407, 460.
- Этельред I, король Англии — 410.
- Юдифь, ветхозав. — 290, 291, 293, 361.
- Юдифь Баварская, императрица франков — 405.
- Юдифь Французская, королева Уэссекса — 8, 10, 14, 15, 16, 40, 41, 100, 101, 142, 143, 247, 299, 340, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 421, 445, 459, 460.
- Юлий Цезарь — 180, 189, 241, 317.
- Якуб Уханский, архиепископ Гнезненский — 431.
- Ян Казимир, король Польши — 437.
- Ярослав I Мудрый — 392.

Résumé

Monographie de Svetlana Polskaya est une étude exhaustive des formes de la représentation du pouvoir politique suprême en France au cours des IX—XV siècles: de l'époque carolingienne tard à la fin de la guerre de Cent Ans. Outre le paradigme traditionnel de la science historique l'auteur suivi des études méthodologiques de la "nouvelle histoire politique", anthropologie politique et visuelle, les pratiques de genre et l'histoire intellectuelle.

L'auteur examine la possibilité de sources d'information, ce qui comprend l'étude des premiers à commenter la traduction russe de certains d'entre eux. Le premier document — un inventaire du trésor de l'abbaye de Saint-Denis en 1666 an. est typique de l'époque du Registre Ancienne Regime, tout à fait authentique dans les arrêts de compilation d'évaluation de degré. Le second document — coronation rang (*ordo*) en 1364 an. de l'époque de Charles V. Son importance réside dans une série d'innovations qui sont inclus dans la cérémonie inaugurale de la monarchie française dans une position charnière à son époque. Aspect exprimé de l'étude de source donne au texte de la monographie une originalité scientifique connue autant qu'il est en fait à des fins d'information pour un plus large public.

Le matériel présenté ici est structuré en neuf parties, dont chacune contient des articles (ou relie plusieurs articles sous un seul titre), dédié à une gamme spécifique de problèmes. La première partie est consacrée à l'étude de la cérémonie inaugurale de la procédure — le sacré royal. Sa formation est tracée à partir du IX siècle (durée du premier protocole, les soi-disant ordines) jusqu'à la seconde moitié du XIV siècle.

La deuxième partie retrace la mise en œuvre de la nature publique-juridique du pouvoir royal, résultant directement de sa nature sacrée. La cérémonie du pardon royal, la formation des prérogatives respectives (le droit de grâce royale), l'expansion de l'étude juridique sur le terrain de la nature sacrée de la puissance du monarque, l'analyse de la partie procédurale de la cérémonie d'inauguration, suivie d'une entrée royale (l'entrée royale).

Les deux lignes sont réalisées par les activités de Hinkmar de Reims, dont les réalisations sont si importants dans ce sens que l'héritage de l'archevêque est attribué à la troisième partie de la publication pour former les bases du culte royal. L'Abbaye de Saint-Remy dirigé par lui en plein cœur de la Champagne et la cathédrale de Reims de Notre-Dame sont devenu l'un des points de la soi-disant géographie sacrée de l'avenir du royaume français.

Mais pas seules. Le "lieu du pouvoir" suivant était l'Abbaye de Saint-Denis — la nécropole royale et magasin de regalia monarchie et autres objets

de valeur. Louis IX a joué un rôle particulier dans la formation et la reconstitution de la trésorerie Louis IX. On a établi aux dons apportés du saint roi, son insigne de règles, ainsi que toutes les valeurs stockées dans le trésor la quatrième partie.

Ensuite, l'étude se concentre sur la figure de Charles V, où la carte de stratégie potestarian de la monarchie subit un changement important dans tous ces domaines: formation d'un nouveau ordo, en concentrant de plus en plus des pouvoirs dans les mains du roi; en même temps, l'expansion des droits de ce dernier sur la répartition des (ou le refus) des terres demesne, la destination principale des positions suivies dans la cinquième partie.

Ensuite, un sixième accordée aux problèmes de l'anthropologie de la puissance. Ses bijoux, sont sanctifiés par l'Église lors de l'inauguration, la solution chromatique et d'autres conceptions visuelles ont formé l'image extérieure, dont "la lecture" permet de tracer la compréhension de la nature et les fonctions du roi, qui a été fixé pour le statut de "chrétiens" (*rex christianissimus*).

Le septième sujet continue à attirer hors du cadre chronologique des sources du XVI—XVII siècle et retrace les efforts des avocats royaux pour élaborer une chronologie du Conseil, les canons de l'histoire, la formation des principes de l'activité de la Chambre des chartes (le Trésor des Chartes) — la première archive royale, qui est devenu la base de la Bibliothèque nationale.

Le huitième et neuvième unie la "sortie" hors de France. Les stratégies matrimoniales de la couronne ont donné la main de la princesse française aux monarques étrangers (cette ligne est tracée sur l'exemple de Judith, fille de Charles II), autant qu'ont formé une alliance des monarques français avec des prétendants "de l'extérieur" (exemple de Marie de Hongrie). Est-ce que l'expérience inaugurale de la plus importante monarchie médiévale occidentale a influencé à des procédures similaires hors de la France? Soit il y avait une ligne de comptoir? Cette tendance n'a commencé par l'auteur et présenté par des ordines angle complètement différents: franque d'est (*ordo de Mainz*) et de polonais (*ordo coronandi Regis Poloniae*).

L'auteur conclut que la stratégie représentante de la monarchie française a formé au cours des IX—XV siècles, en laissant une série de protocoles (*ordines*) et en les mettant en pratique sous la forme d'une série de procédures, des rituels et des symboles existants lors d'une cérémonie singulière du pouvoir suprême politique. Le lien historique des stratégies publiquement juridiques historiques pour les pouvoirs croissants de la couronne dans le processus de la genèse de l'Etat français et les autorités peut être tracé dans les protocoles et les pratiques de la cérémonie inaugurale (le sacre royal), l'entrée inaugurale (l'entrée royale), une série de vœux publics inaugurale et d'autres (le serment) et les promesses (*promissio*) monarques à la tête des pays émergents le corps d'Etat et à la prérogative royale de clémence (la grâce

de royale) comme les principaux marqueurs de la dynamique de l'image du pouvoir, ce qui démontre une inversion de la perception du roi du suzerain au souverain. Il est particulièrement important la corrélation de la force de la tradition, la pénétration et le rejet des changements dans l'image du monarque français, positionné comme un moyen de "roi très chrétien" (*rex christianissimus*). Ainsi ces puissances réalisent son secteur public et apporte à la société, non seulement ses décisions formelles, mais aussi son élément caché subconscient, traçable au niveau des sensations visuelles, la perception émotionnelle générale.

Chacune des cérémonies étudiées et leur série constitutive de procédures sert de l'argument ci-dessus. Qu'il fallait un traitement non seulement aux dossiers de protocoles de cérémonies, mais aussi à la pratique de leur mise en œuvre, enregistrée dans le récit historique et matériel de montage diversifié. L'inévitable a été l'implication des œuvres d'érudits plus tard, car il est devenu clair que seulement dans la période de l'absolutisme, il est temps pour la description du système de la structure et la subordination de la maison royale, les formes et les méthodes de son lien avec les subordonnés du roi.

Une place particulière est occupée par des sujets liés à la définition des symboles du pouvoir. La formation et le fonctionnement de ses images: de l'imitation explicite Christi à de se référer à des motifs de l'Ancien Testament dans la cérémonie inaugurale, l'administration de la justice suggère la continuité du contenu de l'apparence extérieure souveraine de ses juges fonctions, commandant, etc. Le contenu sémantique du codage de caractères de geste, la couleur et ctr est présenté certaine — en plaçant les insignes, les protocoles en scène — partie de la sémantique est l'image de puissance pour la plupart de son soutien, et le milieu intérieur environnant et la société dans son ensemble.

Svetlana Polskaya vient à la conclusion que l'une des manifestations les plus remarquables du lien du composant cérémoniel et public-juridique procédural en raison d'une image est sa dynamique inséparables en changeant les prérogatives de la monarchie se reflètent dans son premier rapport. Telles sont, par exemple, la fonction administrative et la fonction judiciaire: l'autonomisation du roi sur la répartition des terres et de l'aliénation de son domaine, la nomination des postes du haut niveau, le pardon et la libération de ses sujets changent la formulation des serments de couronnement et de promesses.

Une autre histoire — la tâche des initiatives de l'Etat dans l'élaboration de l'image de la puissance de la monarchie, le corrélation de sa nature laïque et sacrée de l'Eglise nature. Le matériel d'essai permet d'insister sur le dialogique, la relation étroite des intérêts de l'Eglise et le roi, la première limite immédiatement fixe le théisme de la puissance de celui-ci, permettant l'onction de septuplé, le plus semblable à l'ordination prostration, eucharistie du pain

et du vin, et ainsi de suite. La même puissance royale avec l'expansion des prérogatives potestarian de la monarchie et la formation de ses institutions subordonnées, sans abandonner la composante sacrée, de plus en plus faisait devenir laïque plusieurs procédures d'inauguration, en y introduisant des représentants de leur environnement immédiat, vous, menant à la première place insignes militaires (comme le temps et sera toujours l'épée de couronnement, le nouvel insigne effectuera "le main de justice"), concentrant les prières de ciblage de la liturgie sur sa propre personne.

En conséquence, l'auteur constate la communauté, l'unité de la nature publique et juridique, procédurale et cérémonielle et sacrée du pouvoir royal. C'est de surmonter la nature discrète qu'on applique au chacun de ces composants permet à S. Polskaya de générer des aspects étudiés du problème: sémantique: les codes et les symboles de la monarchie française (insignes, caractères, solutions chromatiques); cérémoniel: un ensemble de rituels et de cérémonies comme un outil pour la mise en œuvre des pouvoirs et des formes de communication avec les pouvoirs publics; théiste: la compréhension de la nature sacrée du pouvoir comme un moyen de mettre en œuvre, il est non seulement politique, mais aussi d'autres prérogatives (par exemple, certains stéréotypes mentaux de l'image du pouvoir); juridique: l'étude de la compétence du pouvoir royal par l'exploitation des images générées (par exemple, monarque miséricordieux dans le pardon royal droit, la procédure exprimée dans le rituel approprié).

Une telle concentration du problème révèle les mécanismes du théisme du pouvoir tel que sa fonction potestarian et, par conséquent, la définit comme l'une des variantes du dialogue de l'Etat et de la société à l'aide des images visuelles faites. Cela permet de résumer l'application de la notion de "pouvoir de la force", à savoir, le niveau, la mesure de sa capacité de se manifester à la société, et celle-ci, à son tour, de lire les codes des cérémonies et des rituels de leurs électeurs, de comprendre leurs clés de la perception de ses exigences et ses besoins. En devenant la propriété de la culture politique, à la suite en se générant dans le code d'une civilisation commune, des stratégies similaires sont en mesure de démontrer une relation profonde et multiforme de l'Etat et de la société. Et l'exemple de la France, comme la nation la plus puissante de l'Europe médiévale, d'autant plus révélant que le modèle développé ici s' est propagé au-delà du royaume, devenant l'une des sphères de l'influence sur la culture politique de la chrétienté occidentale.

Table des matières

Avant-propos	9
I. Consécration royal	
§ 1. «...Prenez la puissance d'un test...»: fonction royale et couronnement des protocoles des ordres de couronnement franques	13
§ 2. Monarque français, l'Église et la Cour: participation basée sur les rôles des parties à la cérémonie de consécration royale.....	39
§ 3. La hiérarchie des pairs laïques et l'Église dans la procédure de la cérémonie inaugurale de la monarchie française (IX—XIV siècles)	60
II. Fonction publiquement juridique du pouvoir royal	
§ 1. Juge le plus haut tribunal: le droit de la grâce royale en France médiévale (de <i>rémissions</i> à <i>abolitions</i>).....	79
§ 2. «... La souveraineté, les droits et la dignité de la couronne de France...»: (IX—XIV siècles) base juridique fonction sacrée du pouvoir royal.....	98
§ 3. La cérémonie de l'entrée royale à Paris dans les XIII—XV siècles	114
III. Hinkmar de Reims et la formation du culte royal	
§ 1. Hinkmar, archevêque de Reims	139
IV. L'abbaye de Saint-Denis: concentrez le religion royal	
§ 1. Cadeaux, insignes et les reliques de Saint-Louis IX dans le trésor de l'abbaye de Saint-Denis (basé sur les inventaires)	163
§ 2. Inventaire trésor de l'abbaye de Saint-Denis en 1666 a.	173
V. Charles V Sage et stratégies d'expansion potesternyh monarchie	
§ 1. Les leçons de la crise: la légitimation du principe des terres inaliénables de la couronne française à l'époque de la guerre de Cent Ans	195
§ 2. Stratégie potestarian Charles V: <i>le statut de les gens de guerre</i>	231
§ 3. Monarch avant la dédicace: ordo prescription de Charles V	247
§ 4. La cérémonie et le couronnement ordo inaugurale de Charles V en 1364 a.	265

VI. Symboles et images du pouvoir	
§ 1. Le complexe des bijoux de la couronne française et la formation d'une image de <i>rex christianissimus</i>	297
§ 2. La sémantique de la couleur dans l'image de la puissance de la médiévale monarchie française	329
§ 3. «...Louant et consacrée par la grandeur de David...»: les connotations de l'Ancien Testament de l'image du pouvoir dans l'ordo du couronnement de la monarchie française en 1364 a.	356
VII. Les traditions de la maison royale d'époque historique de l'absolutisme	
§ 1. «...Les Français sont vraiment des descendants Allemands...»: les fondements de l'histoire nationale dans la description de Jean du Tillet	365
§ 2. Puissance du temps sous la domination de l'époque: la chronologie du principe de la règle royale dans les traités de droit français XVI—XVII siècles	383
VIII. Les stratégies matrimoniales du pouvoir	
§ 1. Judith de France	405
§ 2. Princesse hongroise et la couronne française: Arpad stratégie matrimoniale (seconde moitié du XIII—début XIV siècles)	411
IX. Consécration royale hors de France: les accents d'influence	
§ 1. Ordo de Mainz 960 a.	421
§ 2. <i>Osoba panska umiera, korona nie umiera</i> : les connotations politiques français cérémonie polonaise	431
Conclusion	441
Bibliographie	445
Index des noms	479
Résumé	490

Научное издание

Светлана Анатольевна Польская
Христианнейший король:
образы власти в репрезентативных стратегиях
французской монархии (IX—XV вв.)

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 18.04.2017 Формат 70×100/16. Заказ № 917.
Тираж 500 экз. 31,0 п.л. 34 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в
Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

С.А. Польская

Христианнейший король:

образы власти в репрезентативных стратегиях французской монархии (IX–XV вв.)

В монографии рассматривается актуальный для современной исторической науки комплекс проблем репрезентации высшей политической власти в средневековой Франции на протяжении длительного времени: от позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Исследование построено на анализе разнообразных источников (коронационных *ordines*, законодательных документов и актового материала, юридических, политических, исторических и богословских трактатов, реестров и описей аббатств), в том числе протоколов инаугурационных церемоний французской монархии, благодаря привлечению которых удалось рассмотреть итоги реализации ее публично-правовой функции.

Особое внимание уделено анализу символов и образов власти, а также становления и развития королевского культа, опыта понимания его сакральной природы вплоть до наступления эпохи абсолютизма, матрициальных стратегий и трансформации французской модели за пределами королевства.

